МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
35

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 35

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953

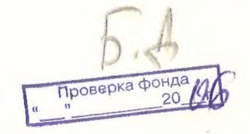
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 35

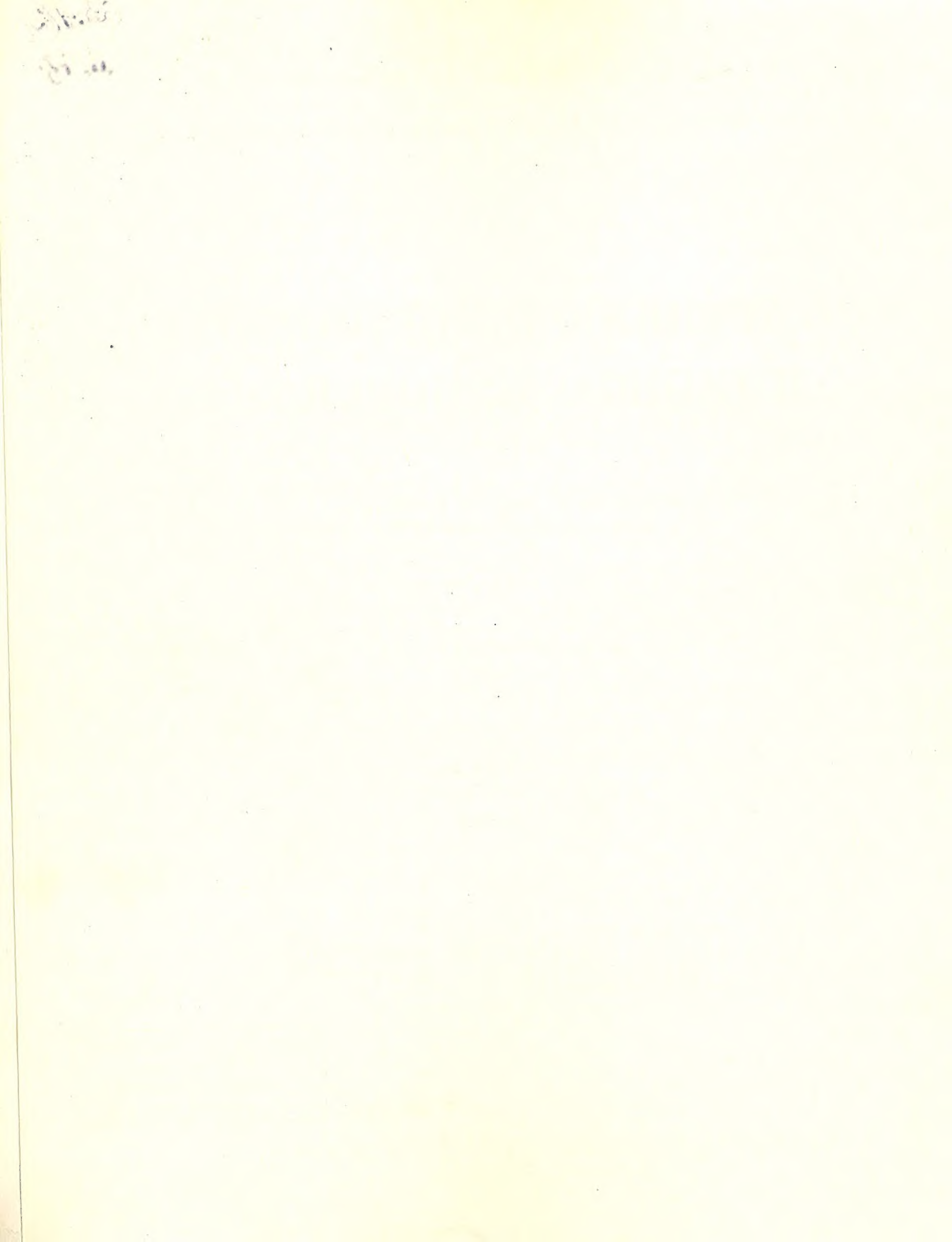
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ, В. И. МОШИНСКАЯ,
И. А. ТАЛИЦКАЯ

Под редакцией
А. В. ЗБРУЕВОЙ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953



ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Обширная область Западной Сибири — Приобье и левобережье р. Енисея — долгое время оставалась почти не исследованной в археологическом отношении. В немногочисленных отдельных статьях по изучению Нижнего Приобья, известных в дореволюционной литературе, приводилось лишь описание отдельных памятников, относящихся к различному, главным образом более позднему времени. Эти работы содержали, собственно, публикацию музейных коллекций или отдельных находок. Вышедшие после Великой Октябрьской социалистической революции работы, в том числе очень интересные статьи М. И. Мягкова о нарымских древностях, не давали представления о ходе исторического развития на данной территории.

Работами авторов публикуемого сборника впервые дается не только общая картина развития древнего населения всей огромной территории Северного Приобья, но для некоторых районов, наиболее изученных Западносибирской экспедицией ИИМК, выделяются своеобразные археологические культуры, отражающие жизнь древних племен в различные эпохи их существования.

Публикуемая работа В. Н. Чернецова «Древняя история Приобья» является первой попыткой создания периодизации и хронологии памятников Северо-Западной Сибири. На основании общих археологических материалов, с привлечением этнографических данных, используемых с должной критичностью, В. Н. Чернецов ставит своей целью воссоздать исторические и этнические процессы, происходившие в изучаемом районе с эпохи неолита до начала нашей эры.

При воссоздании картины общественного устройства, развития производительных сил, техники, а также быта древнего населения, В. Н. Чернецовым используются не только богатые данные, собранные в результате детального анализа памятников материальной культуры, оставленных древнейшим населением Приобья, и полученные за время многолетних работ в Северо-Западной Сибири этнографические сведения, но и совершенно закономерно привлекаются в ряде случаев данные лингвистики, ибо язык «связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки»[1].

Собранные данные позволили В. Н. Чернецову обосновать, углубить и дать в более развернутом виде высказанные им ранее соображения о происхождении обских угров (манси и хантов), истории которых должна быть посвящена подготовляемая к печати вторая часть «Истории Приобья».

Большое место в сборнике уделяется публикации памятников Усть-Полуя, среди материалов которого, имеющих огромное историческое значение, выделяется многочисленная группа вещей, представляющих исключительную художественную ценность и характеризующих целый период в истории племен Нижнего Приобья, когда здесь, далеко на севере, создавались произведения народного искусства, не уступающие высокохудожественным образцам скифо-сарматского искусства южной степной зоны.

Анализу материалов, полученных при раскопках, произведенных В. Н. Чернецовым и

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, стр. 11.

В. И. Мошинской в Усть-Полуе и других памятниках Нижнего Приобья, в первую очередь таких, как Салехард I, Зеленая Горка, Сортынья I и II, Макар-Висынг-Тур, а также материалов, собранных в 1935—1936 гг. при раскопках в Усть-Полуе В. А. Адриановым, прекрасная коллекция которого до сих пор оставалась необработанной и неопубликованной, посвящены статьи В. И. Мошинской «Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя», «Керамика усть-полуйской культуры», «Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде», а также работы В. Н. Чернецова «Усть-полуйское время в Приобье» и «Бронза усть-полуйского времени».

Выделенная В. И. Мошинской потчевашская культура, обоснование которой дано ею в статье «Городище и курганы Потчеваш», сложилась, видимо, в середине I тысячелетия до н. э. и явилась исходным пунктом при формировании усть-полуйской культуры, относящейся к последней трети I тысячелетия до н. э. и получившей наибольшее развитие в конце I тысячелетия до н. э.

К накопленному археологическому материалу В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская подошли не только с точки зрения формально-типологической классификации, обязательной в первой стадии работы. Детальный анализ памятника, комментирование издаваемого материала, сопоставление с аналогичными находками со смежных территорий, широкое использование этнографических параллелей и лингвистических данных — позволили авторам выделить новые археологические культуры — своеобразную и очень богатую усть-полуйскую, зеленогорскую и потчевашскую; позволили в основном установить территорию их распространения, определить характерные особенности, относительную и абсолютную хронологию, поставить вопрос об этногенезе племен — носителей этих культур, и, что с нашей точки зрения особенно ценно, установить взаимосвязь с другими родственными и синхронными культурами Прибайкалья, Казахстана, Крайнего Севера.

Работа И. А. Талицкой «Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья» является продолжением ее же исследований, в результате которых были изданы «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы», опубликованные в МИА № 27.

В публикуемой в настоящем сборнике работе дается сводка большинства зарегистрированных до настоящего времени археологических памятников Северо-Западной Сибири. Сведения собраны И. А. Талицкой из древнейших архивных документов и актов, полевых записей, рукописных описаний отдельных находок и дневников путешествий, хранящихся в архивах и фондах музеев, а также из отрывочных публикаций в местной периодической печати. Широко использованы автором материалы всех проводившихся в послереволюционное время раскопок и археологических разведок на изучаемой территории. Собранные данные систематизированы автором и объединены по разделам, соответствующим территориальной принадлежности того или иного местонахождения к бассейнам крупнейших притоков Оби в ее нижнем течении. По этому же принципу описанные памятники нанесены на общую сводную карту Нижнего и Среднего Приобья. Работа И. А. Талицкой, обобщившей сведения по археологии края более чем за 100 лет, безусловно представляет большой интерес.

Публикуемые И. А. Талицкой данные об огромном количестве археологических памятников (свыше 750 местонахождений), а также работы В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской помогут археологам уточнить многие вопросы, связанные с воссозданием исторических процессов, приведших к сложению современных народностей; помогут в создании древней истории народов Северо-Западной Сибири, ныне равноправных членов многонациональной дружной семьи народов нашей Родины.

А. В. Збруева

В. Н. Чернецов

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

ВВЕДЕНИЕ

Территория Приобья, охватывающая Вост. Зауралье, обширные пространства Зап. Сибири, по границе с Сев. Казахстаном и предгорьями Алтая, таежные области Ханты-Мансийского национального округа и приморские тундры Ямало-Ненецкого округа, пересекает несколько географических зон. Несмотря на обширность, разнообразие ландшафтов и климатических условий, Приобье благодаря мощной и разветвленной речной системе Оби и Иртыша, пересекающей его в меридиональном направлении, в историческом отношении оказалось связанным в единое целое и явилось ареной формирования угорских народностей.

До Великой Октябрьской революции Приобье не привлекало достаточного внимания археологов, несмотря на то, что уже с конца XVII — начала XVIII в. в южной части Тобольской губернии систематически проводились хищнические раскопки курганов. «Бугровщики», или, как их еще называли, «ишимцы», опасаясь столкновений с немирными кочевниками, организовывали вооруженные отряды по нескольку десятков человек и отправлялись на все лето копать «бугры». Занятие было прибыльным: известно, что некоторые курганы давали до 40—50 фунтов золота, большей частью в художественных изделиях. В результате этой деятельности теперь в Зап. Сибири редко можно найти непотревоженный курган со сколько-нибудь богатым инвентарем. Лишь незначительная часть находок «бугровщиков» попала в музейные собрания и, в частности, в коллекцию Эрмитажа; в большинстве случаев находки шли на переплавку, и много ценнейших вещей погибло для науки и искусства.

Нередки были и случайные находки отдельных вещей и целых комплексов, вроде знаменитого Истяцкого клада, обнаруженного крестьянином, копавшим придорожную канаву на Вагайском тракте. Время от времени появлялись и любители-краеведы, немало способствовавшие обогащению музейных коллекций (например, крестьянин Усов со своим сыном, из дер. Серебрянки на р. Ишиме, статистик Тобольского губернского статистического комитета Юшков и др.). Сборы Усовых можно найти в Тобольском и Омском музеях, а в ГИМ материалы по Тюкалинскому и Тарскому районам почти исчерпываются находками, переданными ими. Юшков, со своей стороны, неутомимым собиранием археологических, этнографических и естественно-исторических объектов сыграл большую роль в образовании музея при Тобольском губернском статистическом комитете. Впоследствии этот музей превратился в Тобольский губернский, ныне краеведческий музей, славящийся богатством коллекций. Не все, однако, отличались таким бескорыстием, как Усовы и Юшков.

В 70-х годах в Тобольске занялся археологическими раскопками небезызвестный художник М. С. Знаменский. Не имея никаких специальных познаний и относясь с достаточной небрежностью к документации собранного материала, он разрыл в окрестностях Тобольска много курганов и полно-

стью испортил интереснейшее городище на мысу Потчеваш (Чувашский мыс), относящееся к последним векам до нашей эры. Составив из собранных материалов коллекции без соответствующей научной документации, он продал одну из них за громадную по тем временам сумму (3000 руб.) купцу Мамееву, пожертвовавшему ее в Томский университет. Другая коллекция в конечном итоге оказалась проданной в Финляндский национальный музей в Хельсинки. Незначительная часть сборов Знаменского попала и в Тобольский музей.

Более планомерные и заслуживающие внимания работы вел в Тобольске А. И. Дмитриев-Мамонов, копавший курганы на том же Потчевашском мысу. Собранный им материал поступил в Томск, где, к сожалению, этикетаж исследователя был частично перепутан, что в дальнейшем затруднило обработку коллекции. Однако из его документации полностью сохранилось описание раскопок 15-го кургана, позволяющее установить обряд погребений и отделить курганные вещи от городищенских. Из тоболяков, занимавшихся археологией, следует упомянуть также В. Н. Пигнатти, бывшего одно время хранителем Тобольского музея. Им тщательно обследовано городище Искер, где собран обильный материал, и раскопан относившийся к эпохе раннего железа курган близ дер. Тюковой. Материал из кургана и городища хранится в Тобольском музее, но вся документация, к сожалению, погибла.

В 1891 г. в районе Сургута, близ Барсова городища, Ф. Мартин произвел раскопки могильника, материалы которого были в 1935 г. опубликованы Т. Арне[1]. В 1893 г. сибирские музеи, в частности Тобольский, посетил А. Гейкель, издавший краткое описание коллекций. Издание снабжено зарисовками автора, дающими лишь очень приблизительное представление о вещах. В 1890 г. преподавателем Тобольской гимназии, первым ученым хранителем Тобольского музея Н. А. Лыткиным издан каталог археологических коллекций музея, содержащий описание 957 предметов. Каталог снабжен неплохими фотографиями.

Из лиц, занимавшихся сбором археологических материалов, следует отметить еще библиотекаря музея С. Н. Мамеева и члена Совета музея — В. К. Имсена, обследовавших окрестности Тобольска — Сузгун, Потчеваш, Искер и др., а также М. Новицкого, работавшего в устье Оби. Результаты его работы опубликованы им в статье «Дюнная стоянка в дельте р. Оби». К этому же времени относятся сборы археологического материала с рек Конды и Сев. Сосвы, произведенные К. Д. Носиловым и геологом Д. Иловайским и хранящиеся в Антропологическом музее МГУ им. Ломоносова.

В послереволюционное время в низовьях Оби, в районе Салехарда и Кушевата, работал Д. Н. Редриков, собравший материалы по стоянкам Салехард I и II, по городищу Вож-Пай близ Кушевата и некоторым другим памятникам. Д. Н. Редриков собрал богатый материал, и хотя сам он и не разобрался в стратиграфии объектов, однако его документация в известной степени позволяет это сделать. С 1926 г. начались и мои работы, главным образом в бассейне р. Сев. Сосвы, а в дальнейшем — и на Конде. К 1927 г. относятся сборы Кольса с устья р. Таз (Хальмер-седе, зимовье Мамеева и др.), а к 1929 г. — мои раскопки дюнной стоянки и поселения на мысу Моржовом (Тиутей-Сале) на западном побережье полуострова Ямал и поселения в землянках на мысу Хаэн-Сале в проливе Малыгина. В эти же годы (1929, 1930, 1935) в бассейнах рек Сев. Сосвы и Конды производил работы геолог С. Г. Боч, попутно собравший сведения об археологических памятниках этих районов. Им обследовано 29 стоянок и городищ и опубликованы весьма ценные данные[1]. В 1930-х же годах на Няксимвольском городище и стоянке (верховья Сев. Сосвы) произвел сборы местный краевед А. Трапезников, передавший материалы в Свердловский музей краеведения.

В 1935—1936 гг. В. С. Адрианов, по заданию МАЭ, произвел раскопки Усть-Полуйского городища, собрав исключительно богатый материал, хранящийся теперь в Археологическом отделе МАЭ.

В 1937 г. на Сев. Сосве и отчасти по Оби производил разведки директор Омского областного музея краеведения А. Ф. Палашенков, подробно обследовавший ряд па-

[1] T. I. Arne. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935.

[1] С. Г. Боч. Стоянки в бассейне Сев. Сосвы и Конды. «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода», т. V. М., 1937.

мятников. Особенный интерес представляют составленные им планы, хорошо дополняющие привезенный материал.

В 1946 г. историко-археологическая экспедиция ИИМК АН СССР произвела раскопки стоянки Салехард I, а также стоянки и селища на мысу Зеленая Горка, на правом берегу р. Полуя, в 1,5 км от Усть-Полуйского городища, которое было попутно обследовано с целью уточнения стратиграфических данных В. С. Адрианова. В 1949 г. Обь-Иртышской экспедицией ИИМК произведены разведка и раскопки по Иртышу близ Тобольска (Сузгун, Ивановские курганы и т. д.) и ряда памятников по Оби в Микояновском районе.

Южная часть территории Приобья, лежащая по среднему течению Иртыша и его притоков, меньше привлекла внимание археологов, чем северная. В дореволюционное время систематическое изучение археологических памятников по рекам Исети, Туре и в окрестностях Тюмени проводил лишь директор Тюменского реального училища И. Я. Словцов. После Великой Октябрьской революции его работы были продолжены П. А. Дмитриевым и директором Тюменского музея Д. Россомахиным, внесшими много новых данных в изучение истории края. До революции на территории нынешней Омской области, кроме упоминавшихся сборов Усовых, были произведены лишь раскопки курганов С. М. Чугуновым в 1894 г. и А. П. Плаховым в 1897 г.

Для послереволюционного времени следует упомянуть местного краеведа доктора С. А. Ковлера, открывшего исключительно интересную по своему материалу Омскую стоянку, относящуюся к эпохе бронзы. Им обнаружен также могильник того же времени (территория бывшего завода Юргенсона) и другие памятники, обильные сборы с которых поступили в Омский музей. Крупные работы по разведке и изучению археологических памятников и особенно интересные раскопки Саргатских и Коконовских курганов произведены в период 1925—1928 гг. сотрудником этого музея В. П. Левашовой, с привлечением местных краеведов [1].

Очень много для изучения археологии Омской области сделал П. Л. Драверт, производивший систематические разведки в 1923—1945 гг. Им, в частности, впервые обследована стоянка эпохи бронзы, находящаяся близ с. Екатерининского в Тарском районе. Для выявления памятников, расположенных в этом районе, немало сделано директором Тарского музея краеведения А. В. Вагановым, привлекшим к своей плодотворной работе и молодых краеведов. За последние годы работа Омского музея в отношении изучения археологии области заметно оживилась благодаря деятельности директора музея А. Ф. Палашенкова, собравшего обширный материал для археологической карты области.

В результате перечисленных работ, производившихся на протяжении многих десятков лет, в музеях Тобольском, Тюменском, Омском, Томском, отчасти Свердловском, а также в МАЭ, ГИМ и Музее антропологии при МГУ им. М. В. Ломоносова накопился обширный археологический материал. Однако систематические работы начались лишь недавно, и материал чрезвычайно фрагментарен, а во многих случаях лишен какой-либо документации. Не делались никем попытки обобщить этот материал хотя бы в пределах его первичной периодизации, не говоря уже об использовании в целях воссоздания истории народностей, населяющих Приобье и, в частности, этногенеза обских угров.

Эти темы если и затрагивались в литературе, то исключительно по линии лингвистических исследований, да и то по частным вопросам. Из старых работ можно упомянуть: статьи С. Патканова «О происхождении слова «Сибирь»» и «Über das Volk der Sabiren»; Б. Мункачи «О древности венгерского коневодства»; В. Н. Чернецова «Термины средств передвижения в мансийском языке» и отчасти работы Г. Н. Прокофьева [1].

Однако если в указанных выше работах и удавалось наметить правильную постановку или решение того или иного вопроса, то локализация выяснявшихся исторических процессов на определенной территории и в определенное время, а следовательно, и

---

[1] В. П. Левашова. Предварительные сообщения об археологических исследованиях Западносибирского музея за 1926—1927 гг. «Изв. Гос. зап.-сиб. музея». Омск, 1928, № 1.

[1] Г. Н. Прокофьев. Этногония народов Обь-Енисейского бассейна. СЭ, вып. III, 1940.

постановка всей проблемы истории Приобья были невозможны без увязки с археологическими данными. Понять же и, так сказать, оживить последние можно в достаточной мере лишь при помощи этнографии и фольклора, часто знакомящих, хотя бы и в пережиточной форме, с явлениями, возникновение и развитие которых относится к глубокой древности.

С учетом, по возможности, всех данных археологии, языка, этнографии, фольклора и антропологии я и попытался подойти к постановке и решению данной темы. Первым опытом в этом направлении явилась моя статья «Очерк этногенеза обских югров», в которой мне в самых общих чертах удалось наметить процессы, происходившие в истории Приобья. Несколько более полное знакомство с археологией этого края позволило теперь значительно полнее развить и обосновать то, что высказывалось в этом очерке в порядке предположений, а некоторые из них и существенно изменить, особенно в части датировок.

Глава I

НЕОЛИТ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

Неолит на территории Сев. Зауралья и Приобья представлен археологическими памятниками и многочисленными одиночными находками. Среди последних особенное внимание обращают на себя каменные орудия весьма своеобразного облика. Одно из таких орудий было найдено жителем с. Няксимволь в 1930 г. на р. Мань-я [1] близ ее устья. Оно представляет собой поперечное тесло прекрасной работы (табл. I — *1*), сделанное из диорита точечной обивкой. Длина тесла 19,8 см, при 7,3 см в наиболее широкой части. Нижняя сторона его почти совершенно плоская, с легко намеченной ложбинкой, вытянутой в направлении длинной оси орудия. Верхняя сторона в продольном и в поперечном сечениях равномерно выпуклая. Рабочий край овально закруглен и заострен дополнительной подшлифовкой, однако не изгладившей окончательно шероховатой поверхности орудия. Главным образом заточена лишь нижняя поверхность лезвия. Равномерно утончающийся задний конец тесла имеет форму неправильного треугольника, углы основания которого выступают по бокам орудия.

В общем орудие по форме и способу обработки должно быть сопоставлено с так называемыми «топорами с выступами», широко известными по Вост. Сибири, где они относятся к серовскому времени [2].

Маньинская находка не единична. Еще два топора, очень близкие к маньинскому по материалу, форме и обработке, найдены в «Пермской губернии на восточной стороне Урала» (табл. 1—*2*, *7*) [1] и один такого же типа — «в чудской могиле на Урале» (табл. I—*6*) [2]. Четыре орудия обнаружены при рытье Обь-Енисейского канала. Два из них шлифованные, диоритовый и кремневый, близки к предыдущему типу (табл. I—*4*) [3]; другие же два (табл. I — *3*, *5*) [4], «из темносерого гранита» и «кремнистого камня», могут быть сопоставлены с ангарским типом топоров с выступами, с которыми их роднит вытянутая форма и треугольное сечение.

Следует также упомянуть несколько аналогичных орудий, хранящихся в Томском университетском музее, с пометкой: «Из Екатеринбургского и Шадринского округов».

За последнее время, благодаря работам О. Н. Бадера на неолитической стоянке Полуденка I близ Тагила, найден еще один топор с выступами, который можно уже

---

[1] Левобережный приток р. Сев. Сосвы в ее верхнем течении.

[2] По указанию А. П. Окладникова, «топор с выступами» найден в неолитическом памятнике на Тихом Плесе (р. Лена), в горизонте, залегавшем ниже пласта с предметами, оставленными носителями китойской культуры. Окладников различает два типа «топоров с выступами» — ангарский и байкальский. Ангарские топоры — обивной техники, из кремнистого сланца. Они удлиненной формы (около 30 см), с треугольным поперечным сечением и с узким рабочим концом. Байкальские топоры — из кристаллической породы, изготовлены точечной обивкой, более короткие и с закругленными концами.

[1] В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, т. 2. Томск, 1894, стр. 144, рис. 3—*26* и *27*.

[2] Ф. А. Уваров. Археология России, т. 2, № 135, стр. 10, рис. 6.

[3] В. М. Флоринский. Ук. соч., стр. 145, рис. 4—*29*, *30*.

[4] Там же, стр. 144, рис. 3—*28*; стр. 145, рис. 4—*32*.

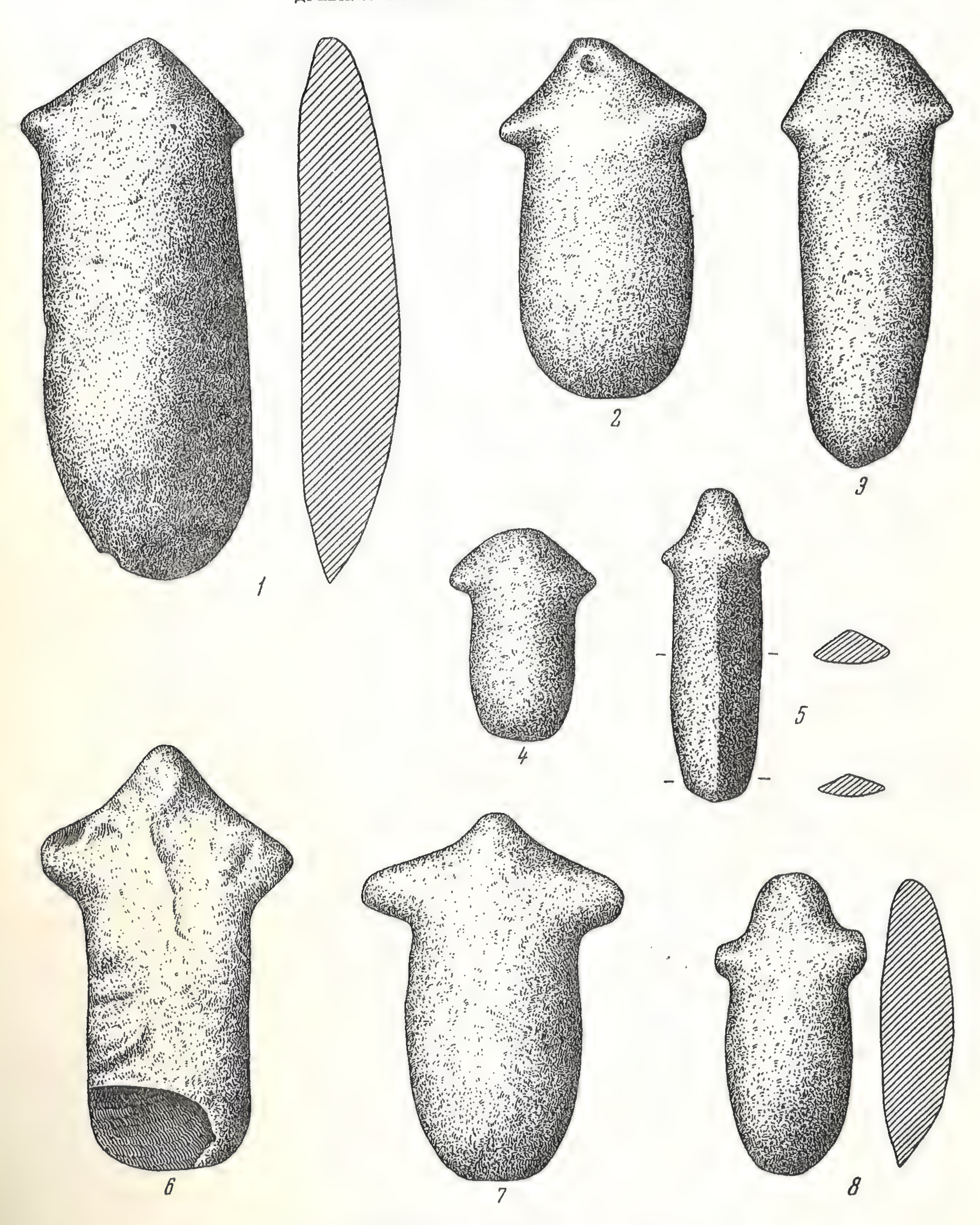


Табл. I. Топоры с выступами

1 — с р. Мань-я; *2, 7* — из б. Пермской губ.; *6* — из чудской могилы на Урале; *3, 4, 5* — с Обь-Енисейского канала; *8*—из б. Олонецкой губ. $^1/_2$ нат. вел.

стратиграфически связать с комплексом стоянки, а следовательно, и другими неолитическими стоянками Севера.

Упомяну еще одну находку топора с выступами, дающую очень важное указание на направление и территорию распространения древних культурноэтнических связей. Этот топор (табл. I — *8*), хранящийся в составе коллекции Бутенева (МАЭ, Отдел археологии), найден в б. Олонецкой губ. и представляет собой прекрасный экземпляр, приближающийся к лучшим образцам байкальского типа.

Едва ли не самая ранняя из всех известных нам в Нижнем Приобье стоянок — это неолитическая стоянка на мысу Чэс-тый-яг, обнаруженная в 1934 г. геологом С. Г. Бочем, произведшим на ней небольшую разведку [1]. В 1935 г. небольшая разведка на этой стоянке была произведена и мною.

Стоянка (рис. 1) расположена на мысу островка, называемого по-зырянски Чэс-тый-яг (Слопцовый бор), находящегося среди болотистой пойменной террасы левого берега р. Ляпин, в 3,5 км от с. Саранпауль и в 2,5 км от современного русла реки. Островок, сложенный безвалунными песками [1], возвышаясь на 5,5 м над уровнем болота, представляет собой останец надпойменной террасы. В юго-западной части островка и находится указанная стоянка, состоящая из остатков более семнадцати землянок, расположенных очень близко одна от другой. Это — четырехугольные, более или менее приближающиеся к квадрату ямы, размером в среднем от 9×9 до 20×20 м. Особенно выделяются размерами две зем-

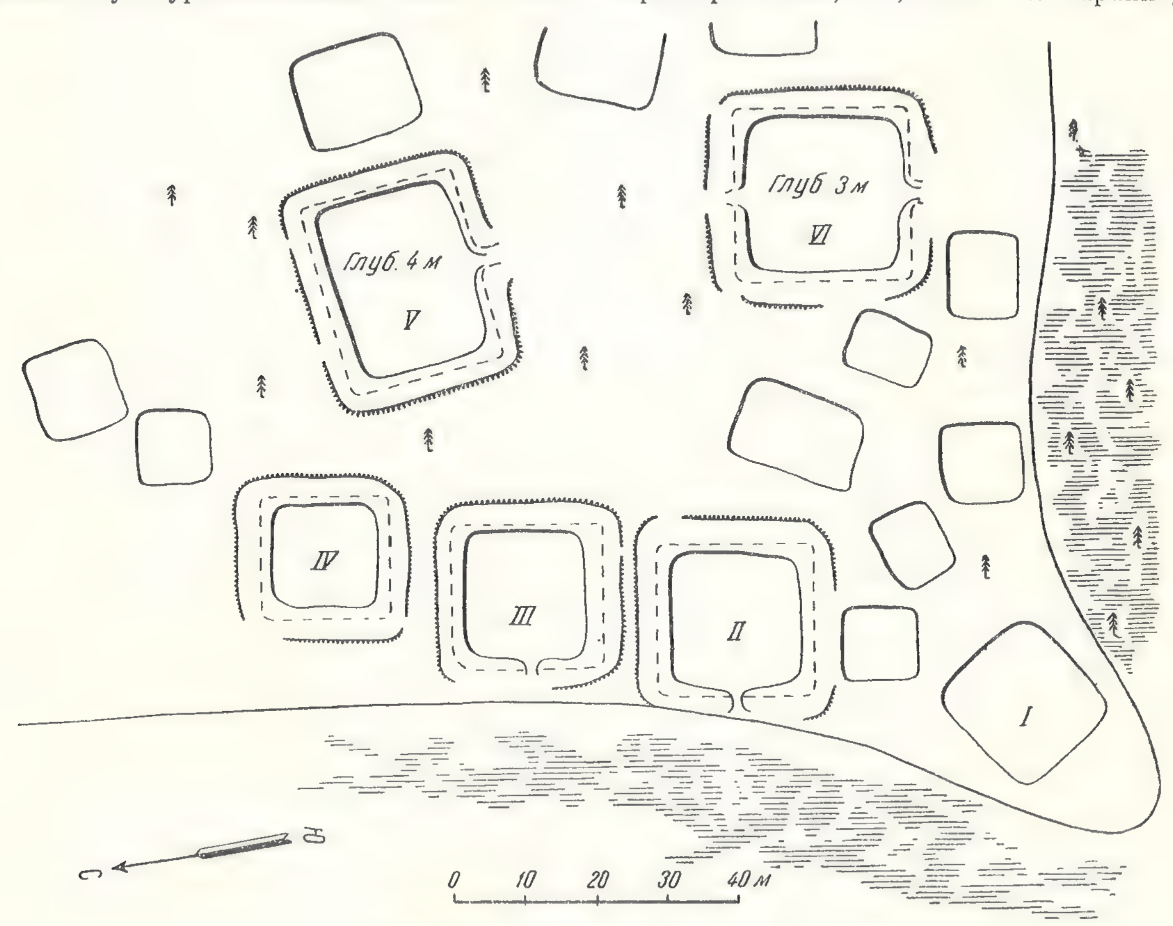


Рис. 1. План стоянки Чэс-тый-яг

[1] С. Г. Боч. Стоянки в бассейне Сосвы и Конды. «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода», т. V, М., 1937, стр. 150.

[1] Там же, стр. 150.

лянки: № 5 — 22×27 м и № 6 — 25×26 м. Глубина ям достигает 3—4 м.

Каждая яма окружена сильно сглаженным валом, очевидно остатками кровельной засыпки. Ямы имеют в центре одной из стен следы входов в виде заплывших канавообразных углублений, перерезающих валы и понижающихся внутрь землянок. В землянке № 6 различимы следы двух валов, расположенных один против другого, посередине более длинных сторон. Какой-либо определенной ориентации входов не наблюдается, но заметно, что у землянок, вырытых у края островка (№ 2 и 3), выходы направлены к склону. Культурный слой, мощностью «от 0,3—1,5 м, окрашенный в красноватый и серый цвета и содержащий примазки угля, как показали раскопки, выстилает дно ямы и расклинивается к их краям, увеличиваясь в мощности. Последнее, несомненно, связано с постепенным оползанием стенок ям»[1]. Культурный слой перекрыт пластом песчаной почвы, образовавшимся от обвала кровли и заплывания ям. Он содержит раздробленные кости млекопитающих и птиц, чешую рыб, угольки, золу, обломки глиняной посуды, а также орудия и поделки из камня. Обнаружены очажные камни со следами огня.

В крайней юго-западной яме, в которой в 1934 г. С. Г. Бочем заложен шурф, расчищенный и продолженный мною в 1935 г., обнаружены следующие орудия.

Шлифованное тесло из нефрита (табл. II—*2*). Длина его 9,3 см; форма удлиненно-треугольная с расширением к рабочему краю. Последний — почти прямой, тщательно заточен с одной стороны. Ширина его по лезвию 3,5 см. В поперечном сечении, ближе к верхнему концу, тесло имеет форму равнобедренного треугольника, переходящего в неправильную трапецию к рабочему краю.

Миниатюрное желобчатое долото (табл. II—*11*) из того же материала. Длина 5,3 см; ширина по переднему краю 1,2 см. Одна из боковых сторон заточена и образует ножевидное лезвие. Два ножа из подобного же материала, одинаковые по форме и размеру (табл. II—*12, 13*). Спинки ножей утолщены и подшлифованы для удобства держания в руках. Третий нож, обнаруженный в виде фрагмента, совершенно иного типа: он тоньше, с заостренным концом и имел форму, очевидно несколько напоминавшую современный металлический нож (табл. II—*9*). К этому же типу, вероятно, следует отнести фрагмент еще одного ножа, у которого обломаны оба конца.

Из сланцевых наконечников стрел найдены: один незаконченный шлифованный, фрагмент подобного же наконечника и отпиленная пластинка, повидимому, заготовка для наконечника (табл. II—*6, 7*).

Среди других поделок можно отметить сланцевую пластинку размером 6,0×2,3 см, также отпиленную, с насечкой по одному краю; каменный штамп из семи зубцов для нанесения гребенчатого орнамента на глиняных сосудах и небольшую шлифовальную плитку, на поверхности которой образовалась ложбинка (табл. II—*1*). Помимо шлифованных орудий, найдены скребки (табл. II—*4*) и долотце, изготовленное из кремневого нуклеуса (табл. II—*10*).

Керамика довольно обильна, но обнаружена лишь в небольших фрагментах, редко достигающих 7 см. Собрано около сотни обломков от 18—20 сосудов. Размеры сосудов, насколько они могут быть определены, весьма различны. Наибольшие достигают 40—50 см в диаметре; наряду с ними встречаются и миниатюрные горшочки, около 10 см по верхнему краю. Сосуды или параболоидной формы, или, что чаще, яйцеобразной (табл. II—*5*). В последнем случае стенки в верхней части несколько наклонены внутрь и наибольший диаметр находится на одной трети высоты от верхнего края. Высоту сосудов определить трудно, но можно допустить, что в отдельных случаях она достигала 50 см.

Состав глины однороден. Заметных на глаз искусственных примесей нет. В изломе черепки в большинстве случаев рыхлые, многие легко выкрашиваются. Цвет внешней, а в некоторых случаях и внутренней поверхности — светлый, от песочного до красноватого, в середине излома — обычно темный, до серого и бурого. Поверхность сосудов бывает покрыта многочисленными мелкими трещинами, способствующими выкрашиванию. Обжиг крайне неравномерный.

Сосуды изготовлялись налепом, отдельные изломы образовались на месте стыка лент. Внешняя поверхность очень хорошо заглажена и иногда даже напоминает

[1] С. Г. Боч. Ук. соч., стр. 150.

лощеную; внутренняя — довольно неровная, со следами заглаживания гребенкой. Возможно, что часть сосудов была закрашена или затерта охрой, чем и объясняется оранжевый и красноватый цвет поверхности.

Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. В некоторых случаях он нанесен и на срезе, а у одного сосуда обнаружен даже с внутренней стороны несколько скошенного края. В подавляющем большинстве орнамент нанесен гребенчатым штампом, число зубцов которого варьирует от 4 до 15—20. Короткие штампы, как правило, более широкие, тогда как длинные — гораздо у́же.

По композиции орнамент можно разбить на две группы.

Первая группа — с зональным расположением узоров в виде поясков, состоящих из гребенки, поставленной вертикально (табл. III—*5, 7, 14*; табл. IV—*1*), наклонно (табл. III—*12*; табл. IV—*2, 3*) или в елочку (табл. III—*5, 13*), образующей полосы зигзагов (табл. III—*6, 7*) или двух — четырех линий, выполненных горизонтально поставленной гребенкой (табл. III—*6, 10*).

Для этой группы характерен ряд ямок у края сосуда, нанесенных заостренной или тупой палочкой. Как правило, в орнаментации одного сосуда мы не встречаем разнообразия мотивов. Обычно какой-нибудь один является основным, при котором другой (например, горизонтальные линии) применяется лишь для того, чтобы разграничить зоны (табл. II—*5*).

Орнамент второй группы на небольших фрагментах проследить довольно трудно. По всей вероятности, он представляет собой неправильные треугольники, ромбы и трапеции, заполненные оттисками гребенки (табл. III—*4, 9*). Возможно, что на отдельных экземплярах эти фигуры также располагаются широкими зональными поясами.

Кроме гребенки, на трех сосудах встречен штамп в виде очень неглубокой ямки, выполненной как бы ребром небольшой плоской гальки (табл. III—*14, 15*). В двух случаях эти ямки образуют поясок, сочетающийся с гребенчатым штампом, а в третьем — ямки сплошь покрывают поверхность небольшого сосудика.

На двух-трех сосудах нанесен орнамент из прочерченных тонкой палочкой иногда двойных линий; они располагаются параллельно или под некоторыми углами, возможно, образуя фигуры в виде треугольников (табл. III—*1*; табл. IV—*4*). На одном сосуде эти линии комбинировались с небольшими одиночными и парными ямками, поставленными на самих линиях, видимо, той же палочкой.

На трех обломках, принадлежащих к различным сосудам, встречены конические отверстия, просверленные уже после обжига. Они могли служить либо для подвешивания, либо для скрепления треснувшего сосуда.

Материал, близкий к найденному на стоянке Чэс-тый-яг, известен и из других пунктов по Сев. Сосве — стоянка в сел. Няксимволь, размытая торфяниковая стоянка у сел. Хулюм-сунт-пауль, стоянки у сел. Пэткаш и на левом берегу р. Сосвы, в 1 км выше с. Сортынья. Ни один из этих памятников не раскопан и лишь два разведаны — Сортынья и Хулюм-сунт.

Сортыньинская стоянка расположена на возвышенной террасе (примерно 10 м над уровнем реки), сложенной в верхней части валунными песками, ниже переходящими в очень плотный конгломерат. На поверхности террасы находится городище эпохи раннего железа, окруженное валом, в пределах которого хорошо различимы остатки многочисленных землянок (см. ниже — городище Сортынья I, рис. 5). Под культурным слоем городища залегает отделенный от него стерильной прослойкой в 0,1—0,3 м слой стоянки (рис. 2), который тянется на 40—50 м вдоль обрыва берега. На этом протяжении он заполняет три линзообразных углубления, достигая мощности в 0,6 м. В верхнем горизонте слой состоит из песка с примазками угля; в нижнем горизонте песок пронизан прослойками и линзами красной (перегорелой?) земли и плотно слежавшегося угля и содержит довольно многочисленные фрагменты керамики. Особенной мощности достигают скопления угля и красной земли в средних частях указанных выше углублений, что позволяет видеть в них ямы жилищ. Диаметр ям около 13—15 м; площадь землянок, если они были квадратными, превышала 200 м².

Большая часть находок — керамика и орудия — была сделана в ямах, а в средней из них встречен почти полный сосуд, лишь раздавленный налегавшей на него массой земли. Разведка на городище показала, что

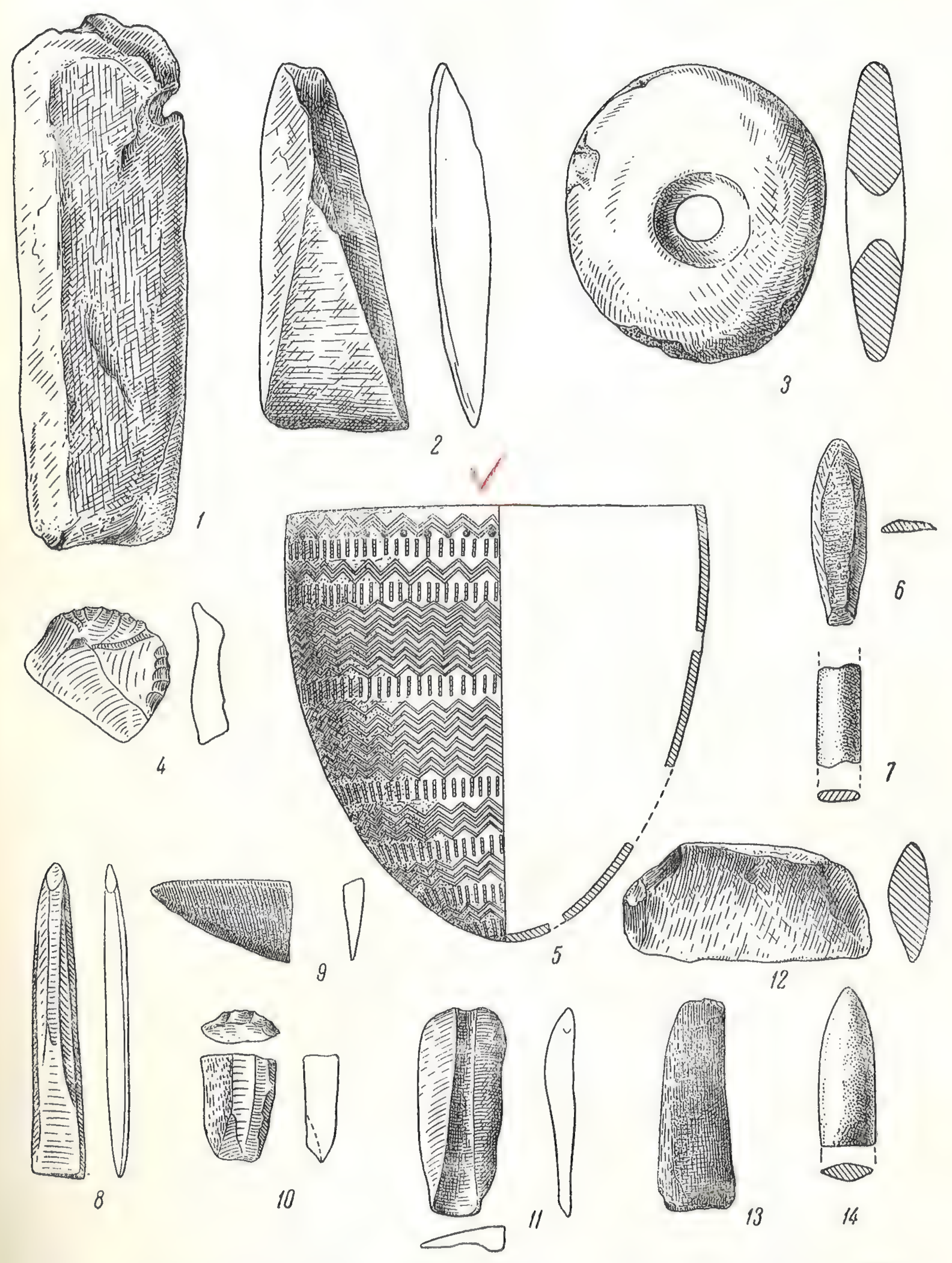


Табл. II. Орудия из неолитических стоянок бассейна р. Сев. Сосвы и сосуд из Чэс-тый-яга

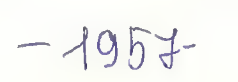
1 — шлифовальная плитка; *2* — тесло; *3* — дисковидное орудие; *4* — скребок; *5* — реконструкция сосуда из Чэс-тый-яга; *6*, *7*, *14* — фрагменты и заготовки сланцевых наконечников стрел; *8* — сланцевая пластинка; *9*, *12*, *13* — фрагменты ножей; *10* — кремневое долотце; *11* — желобчатое миниатюрное долото.

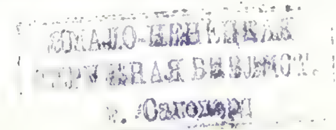
1, *2*, *4*—*7*, *9*—*13* — из Чэс-тый-яга; *3* — из Хулюм-сунта; *8*, *14* — из Няксимволя, 1—4; 6—14—1/2 нат. вел.; *5* — сильно уменьшено

Табл. III. Керамика со стоянки Чэс-тый-яг

Табл. IV. Керамика из неолитических стоянок бассейна р. Сев. Сосвы

1—6, 8, 10 — из Чэс-тый-яга; *7, 9, 11—14* — из Сортыньи I





стоянка, частично уничтоженная рекой, простирается и вглубь от берега, однако общая площадь ее остается пока не выясненной. За пределами городища расположены обширные квадратные ямы, размерами и глубиной очень напоминающие обнаруженные отщепов и один скребочек атипичной формы (табл. V—*6*).

По составу глины, качеству обжига и орнаменту сортыньинская керамика очень близка к керамике из Чэс-тый-яга. Она представлена обломками яйцеобразных со-

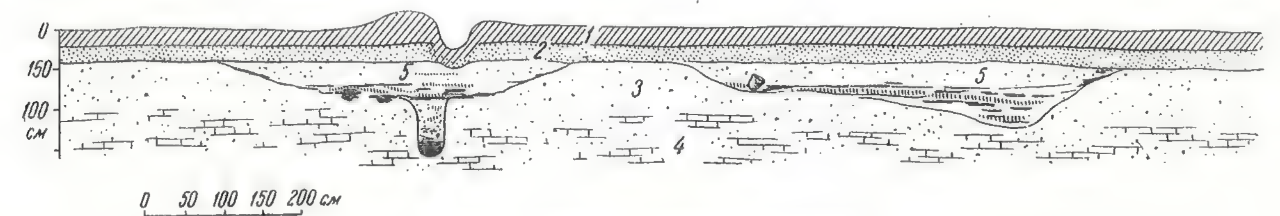


Рис. 2. Профиль стоянки Сортынья I

1 — слой городища; *2* — стерильная прослойка; *3* — песок, в верхнем горизонте которого залегает слой стоянки; *4* — плотный сцементированный песок; *5*—углубления землянок

в Чэс-тый-яге. Весьма возможно, что ямы эти относятся к стоянке, тем более, что часть их повреждена валом.

Из слоя стоянки извлечено значительное количество керамики и несколько каменных орудий.

1. Тесло из зеленоватой нефритовой породы. Длина его 9—9,2 см, ширина по лезвию 4,8 см, по обуху — 3,7 см; в сечении — плоско-овальной формы. Орудие тщательно отшлифовано, включая и обушок (табл. V—*1*).

2. Нож из пластинки такого же камня (табл. V—*4*). Длина его по лезвию 10,5 см, ширина в средней части 4,6 см. Лезвие зашлифовано с двух сторон, но довольно грубо. Остальная поверхность оставлена без обработки, за исключением подшлифовки на спинке. Нож сильно затуплен.

3. Небольшое клиновидное орудие, возможно незаконченное, так как отшлифован лишь его рабочий конец. Орудие едва ли предназначалось для обработки дерева, поскольку плоскости, образующие рабочий край, сходятся под слишком тупым углом. Скорее всего в нем можно предположить кирку для рыхления земли при постройке землянок (табл. V—*3*).

4 и 5. Полукруглый нож и тесловидное орудие типа «топора с выступом», из кристаллического сланца. Оба незакончены. У тесла при обработке скололся обушок, что, видимо, и послужило причиной того, что оно не было доделано (табл. V—*2, 5*).

Кроме перечисленных предметов, найден обломок шлифованного орудия, несколько судов, из которых один удалось восстановить полностью (табл. V—*8*). Орнамент в подавляющем большинстве гребенчатый (табл. V—*7, 10*; табл. IV—*7, 13*), но по характеру штампов и композициям он более разнообразен. В дополнение к уже знакомым нам элементам орнамента встречаем насечку лопаточкой (табл. V—*9*; табл. IV—*12, 14*), отступающую трехзубую гребенку (табл. IV—*9*), полукруглую гребенку (табл. IV—*7*) и гребенку с ромбовидными зубцами (табл. V—*7*). Орнамент сохраняет зональное расположение по всей поверхности сосудов, но сочетания узоров несколько сложнее. Появляются и новые виды узора, как, например сетка или решетка из оттисков гребенки (табл. IV—*11*).

Стоянка Хулюм-сунт находится на правом берегу р. Сев. Сосвы, в 1 км ниже р. Хулюм-я (рис. 3). Сосва размывает здесь пойменную террасу, в обрезе которой обнаруживается замытый наносами слой торфа, мощностью около метра, с попадающимися в нем стволами деревьев. Ниже торфа на галечнике залегает прослойка иловатой глины — сапропели. Насколько можно судить по стратиграфии памятника и рельефу прибрежной полосы, стоянка была некогда расположена на каменисто-галечном берегу реки, уровень вод которой был ниже современного. С изменением положения русла и режима реки стоянка оказалась в заболоченной пойме и была покрыта впоследствии слоем торфа и речных наносов. В недавнее время (на памяти жителей) река подошла к правому коренному берегу

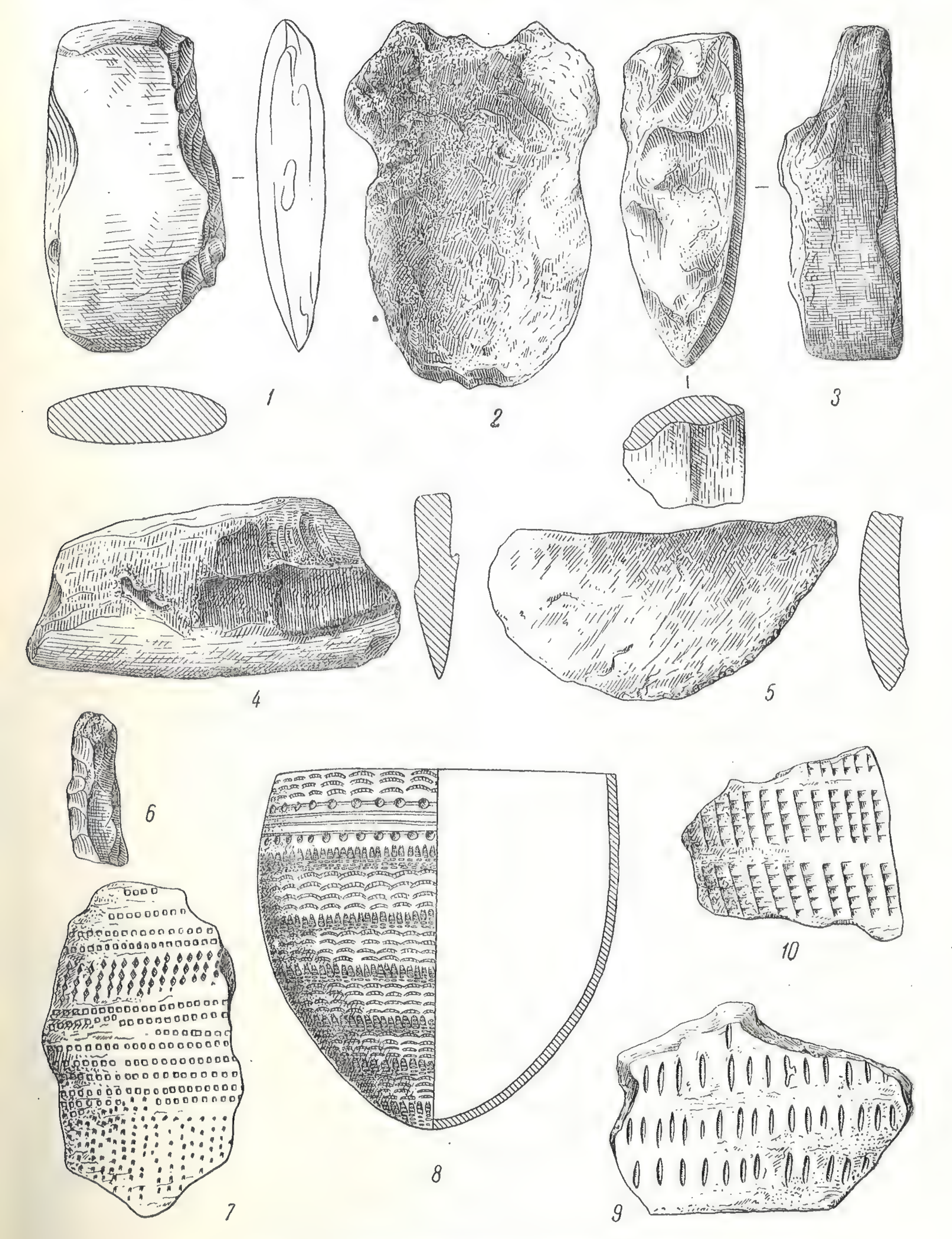


Табл. V. Орудия и керамика со стоянки Сортынья I

— тесло: 2 — тесловидное орудие; 3 — клиновидное орудие; 4 — нож; 5 — нож из кристаллического сланца; 6 — асимметричный скребок; 7, 9, 10 — фрагменты керамики; 8 — восстановленный сосуд

1—5—$^1/_2$ нат. вел.; 8—сильно уменьшено

и, смыв отложения поймы, обнажила стоянку и частично уничтожила ее. Можно, однако, предположить, что площадь стоянки простирается в неразмытой полосе берега до подножья надпойменной террасы, и постановка раскопок была бы здесь вполне целесообразной. Около 60 лет назад пойменная терраса была шире, и между современным берегом и каменной косой, доходящей теперь до середины реки, находилось небольшое озерко.

Находки были сделаны частью на каменной косе, которая обнаруживается лишь в

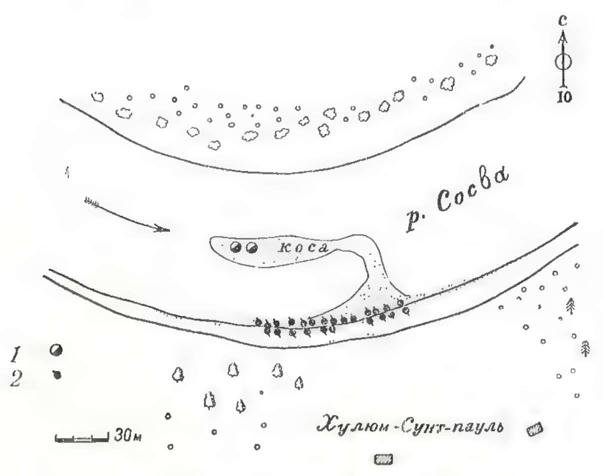


Рис. 3. План стоянки Хулюм-сунт
1 — каменные орудия; *2* — черепки

низкую воду, и частью на поверхности горизонта зеленовато-серой глины, где фрагменты керамики и поделки из камня залегали среди тонких прослоек угля. Из орудий можно отметить следующие.

1. Десловидное шлифованное орудие около 22 см, из твердой зеленоватой породы. Обработка довольно грубая; тыльный конец тесла оставлен без шлифовки. Орудие расширяется к рабочему краю, а в средней части и к обуху имеет подквадратное сечение. Лезвие сильно затуплено и избито. По грубости обработки, довольно тупому углу рабочего края и сильной сработанности можно предположить, что орудие служило для рыхления земли (табл. VI—*1*).

2. Тесло клинообразной формы из такой же зеленоватой породы, как и предыдущее, четырехугольного сечения; довольно тщательно отшлифовано. Длина орудия 9 см (табл. VI—*2*).

3. Из такого же камня шлифованный диск диаметром 8 см, утончающийся к краям. В центре его отверстие диаметром 1,2 см, просверленное конусами с двух сторон. Орудие отделано тщательно, но сильно избито по краям (табл. II—*3*).

4. Молот из овального уплощенного валуна кристаллической породы. В средней части он опоясан выбитым желобком, служившим, вероятно, для привязывания. По концам молот довольно сильно забит (табл. VI—*6*).

Керамика из Хулюм-сунта представлена мелкими фрагментами, нередко окатанными водой. Черепки темные и черные, что, может быть, является следствием условий их залегания. В глине заметна примесь зерен кварца и слюды. По форме, насколько можно судить по краевым и одному придонному фрагментам, сосуды из Хулюм-сунта мало отличались от керамики описанных выше стоянок.

Орнамент заметно сложнее чэс-тый-ягского и, пожалуй, даже сортыньинского. Хотя основным элементом продолжает оставаться гребенчатый штамп, но он становится гораздо разнообразней (табл. VII). Кроме уже известных форм, появляется очень тонкая мелкозубая гребенка (табл. VII—*1*); широкая косозубая, напоминающая шнур (табл. VII—*8*, *9*); короткая овальная (табл. VII—*15*) и так называемая «гребенчатая качалка» («шагающая гребенка»), не попадавшаяся в предыдущих стоянках (табл. VII—*11*). Ямки встречаются чаще и наряду с круглыми появляются полукруглые (табл. VII—*10, 14*). Усложнение в узорах особенно заметно даже по мелким фрагментам. Часто встречается ромбическая решетка (табл. VII—*6*, *16*), треугольные композиции и своеобразный волнистый узор, выполненный гребенкой (табл. VII—*2*).

Няксимвольская стоянка находится в самом селении Няксимволь, расположенном на надпойменной террасе левого берега р. Сев. Сосвы, в ее верхнем течении. Со стоянки имеются лишь случайные находки, стратиграфия ее неизвестна. Обнаружены следующие предметы.

1. Тесло из твердого зеленоватого сланца. Длина его 20,6 см, ширина 5,2 см и толщина 3,6 см. В сечении тесло трапециевидной формы; тыльный конец клиновидно сужается. Вся поверхность тщательно

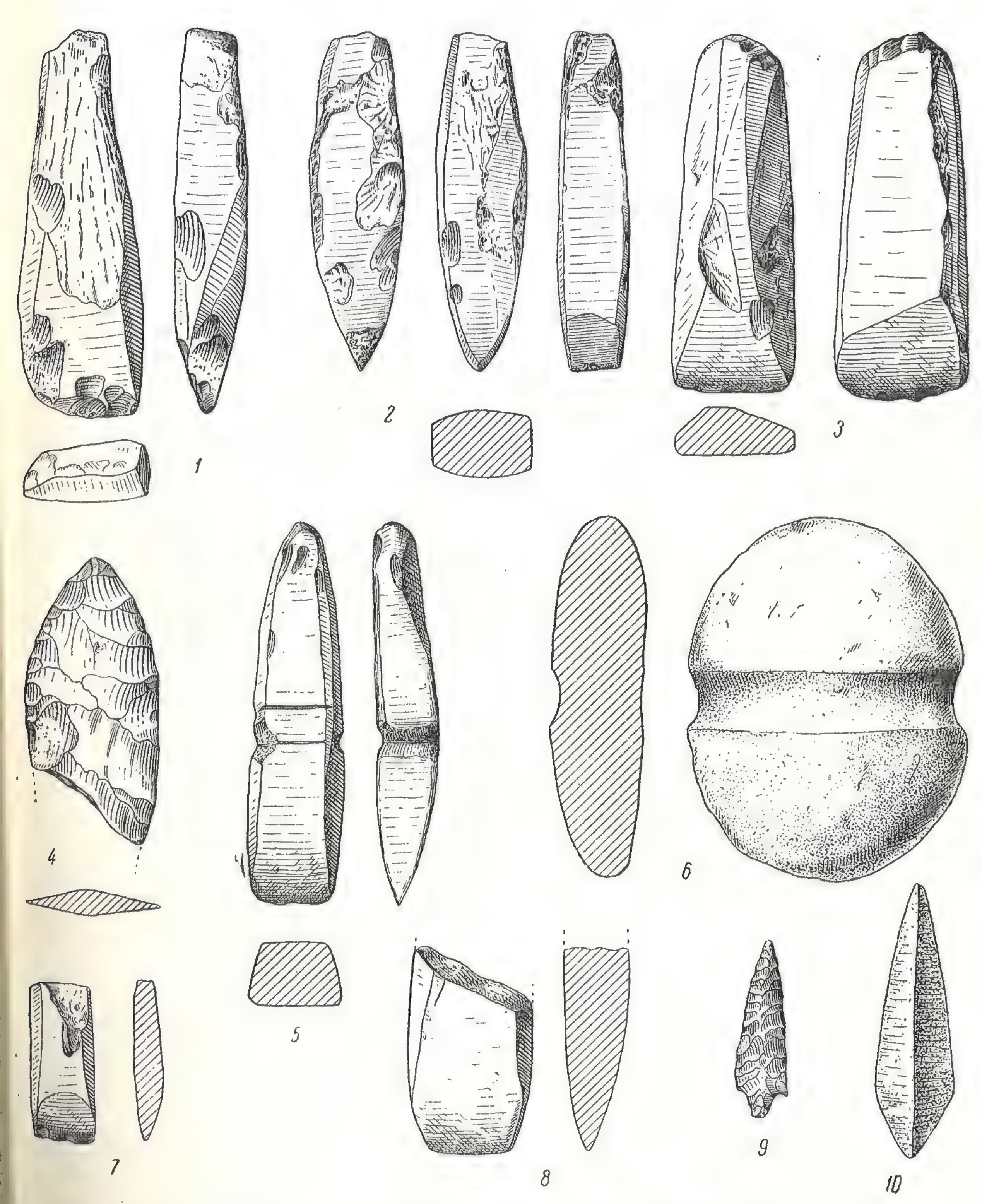


Табл. VI. Каменные орудия из неолитических стоянок бассейна р. Сев. Сосвы

1, 2, 6 — из Хулюм-сунта; *4* — из Тюкалинского округа; *3, 5* — из Няксимволя; *7, 8* — из Хорсем-пауль; *9, 10* — из Пэткаша; *1—8* — уменьшено в 3,5 раза; *9—10* — 1/2 нат. вел.

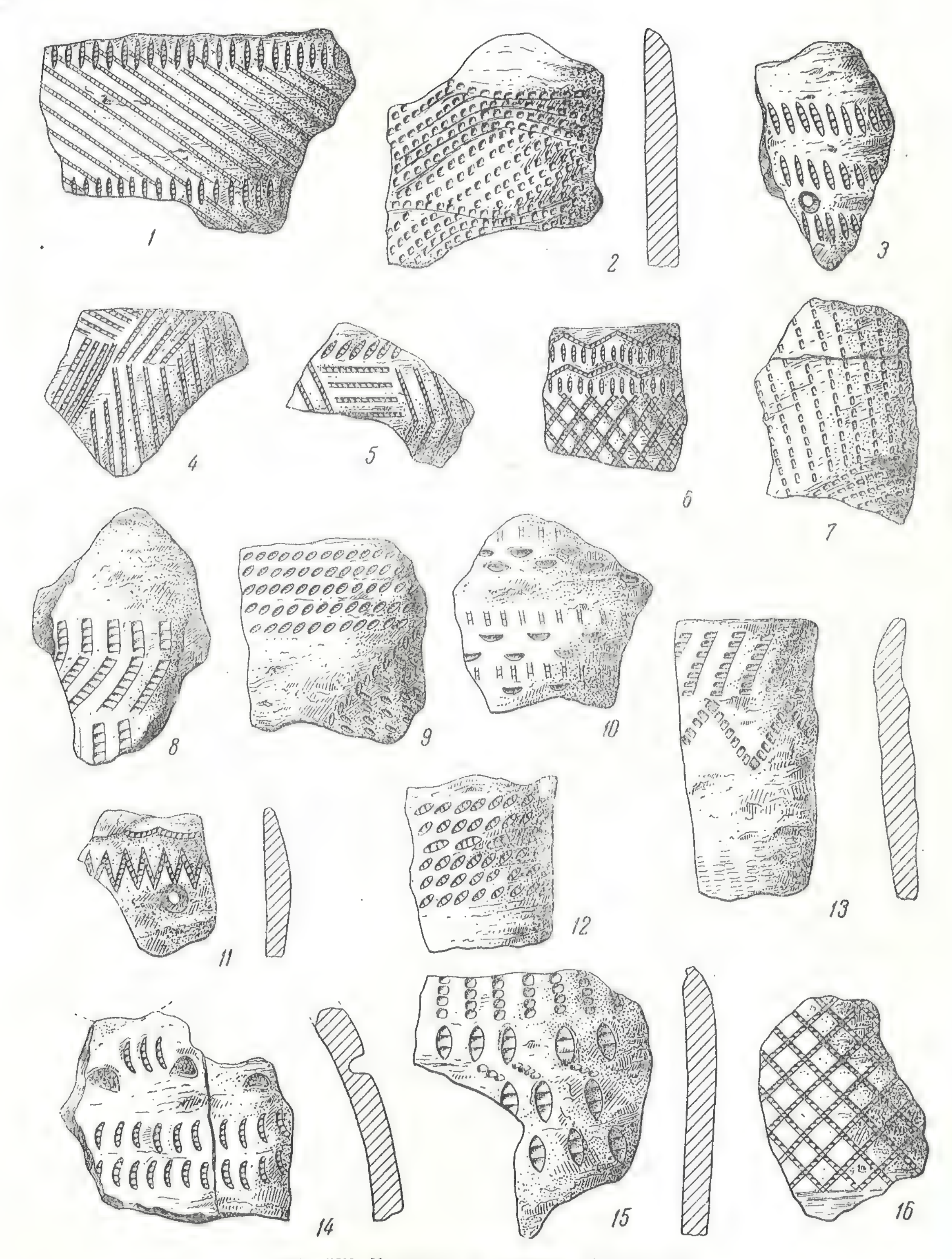


Табл. VII. Керамика со стоянки Хулюм-сунт

отшлифована. В наиболее толстой части орудия выбит и отчасти подшлифован поясок, сделанный значительно грубее, чем все тесло, и, вероятно, в другое время и другим мастером (табл. VI—*5*).

2. Шлифованное тесло из твердого зеленоватого сланца, прекрасной работы. В сечении оно округленно-трапециевидной формы (табл. VI—*3*).

3. Небольшое шлифованное долотовидное орудие из подобного же материала. Длина его 8,5 см. Назначение орудия неясно, поскольку рабочий край у него притуплен. Возможно, что оно просто не заточено (табл. II—*8*).

4. Фрагмент шлифованного наконечника стрелы из диорита (?). В сечении плоско-ромбической формы, с округленными тупыми гранями. Насколько можно судить по фрагменту, наконечник был вытянутый, с параллельными сторонами. Заострение — округло-треугольное (табл. II—*14*).

Находки в районе сел. Пэткаш на р. Сев. Сосве. С правого берега реки против Пэткаш-пауль известны два шлифованных тесла, хранящихся в Гельсингфорсском музее [1]. Оттуда же в Тобольском музее имеются два наконечника стрел. Один из них шлифованный, из твердого сланца, удлиненно-ромбической формы (длина 7,5 см, ширина 2,1 см) и плоско-ромбического сечения (табл. VI—*10*). Другой — кремневый, удлиненно-треугольный, с жальцами и коротким насадом (табл. VI—*9*). Оба наконечника очень тщательной работы. Здесь же С. Г. Бочем найден фрагмент глиняного сосуда с орнаментом, очень близким описанным из Хулюм-сунта (табл. VII—*13*).

Возможно, что к этой же группе находок следует отнести и кремневый нуклеус длиной 8 см, грани которого свидетельствуют о превосходной технике обработки камня. Нуклеус обнаружен у подножья песчаной надпойменной террасы, близ летнего рыболовного стойбища Хорсем-пауль, на левом берегу р. Сев. Сосвы, несколько выше находок у сел. Пэткаш. Оттуда же происходят шлифованное долото (табл. VI—*7*), и фрагмент крупного тесла из диорита (табл. VI—*8*).

Описанные неолитические местонахождения на Сев. Сосве, как увидим дальше, не стоят особняком от памятников Урала и более южных частей Зап. Сибири. В керамике, не говоря уже о таких общих признаках, как параболическая и яйцевидная форма сосудов, прямой или слегка наклоненный внутрь край, сплошная орнаментация, очень слабое орнаментальное выделение венчика и др., можно с уверенностью отметить и определенное сходство орнаментов, большее или меньшее для тех или иных памятников, что, вероятно, обусловливалось степенью их хронологической близости. Бросается в глаза сходство керамики из Хулюм-сунта с керамикой со Стрелки и раннего слоя 6-го разреза Горбуновского торфяника [1], и отчасти Левшинской стоянки [2]. По керамике же обнаруживается близость между материалом из Сортыньи I и Полуденки I [3].

В числе элементов, общих для керамики этих памятников, следует отметить зубчатую качалку, крупную косозубую шнуровидную гребенку (табл. VII—*8*) [4], волнистые и струйчатые узоры, выполненные гребенкой, узоры, как бы имитирующие переплетение широких лент [5]. Для Чэс-тый-яга, кроме Стрелки, ближайшей, видимо, аналогией является стоянка Боровое озеро I, открытая и исследованная О. Н. Бадером в 1947—1948 гг. [6], Керамика Борового озера I, как и Чэс-тый-яга, отличается однообразием орнаментации, с преобладанием в ней гребенчатого штампа, вместе с которым встречаются неправильные ямки и прочерченный линейный орнамент. «Качалка», как будто полностью отсутствующая в Чэс-тый-яге, и в Боровом озере I встречена лишь в единичных случаях. Близость между обоими памятниками подчеркивается также отмеченной О. Н. Бадером закономерностью, заключающейся в том, что зубчатый штамп

[1] J. Ailio. Fragen der russischen Steinzeit. SMYA, т. XXIX, Helsinki, 1922.

[1] Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник. «Материалы по изучению Тагильского округа», вып. 3. Тагил, 1929; его же. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X, М., 1940.

[2] А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, V, 1937.

[3] О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, XVI; его же. Новый тип неолитического поселения на Урале. СЭ, № 2, 1949.

[4] Ср. А. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 27, рис. 12.

[5] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940, стр. 25.

[6] О. Н. Бадер. Стоянка Боровое озеро I. МИА, № 22, М., 1951; Отчет О. Н. Бадера за 1947—1948 гг., представленный в КПИ ИИМК (архив ИИМК).

при орнаментации керамики на стоянке Боровое озеро I ни в одном случае не сочетается с прочерченными линиями, «взаимно исключаясь, как равнозначные». Эту особенность в полной мере можно отнести и к керамике Чэс-тый-яга.

Приведенные здесь в качестве аналогий памятники — 6-й разрез Горбуновского торфяника, Полуденка I, Стрелка, Боровое озеро I и Левшинская стоянка — хронологически не выходят за пределы III тысячелетия до н. э. При этом, возраст стоянки Левшино хотя и определяется А. В. Шмидтом временем около рубежа III и II тысячелетий до н. э., однако медный нож и шило, по которым он датирует памятник, самим исследователем относятся к середине третьей четверти III тысячелетия (от середины до 2300 г. до н. э.) [1]. О. Н. Бадер датирует серединой III тысячелетия Боровое озеро I и второй половиной III тысячелетия — Полуденку I [2], тогда как Стрелку А. Я. Брюсов определяет более ранним временем [3] — концом IV — началом III тысячелетия.

Таким образом, неолитические памятники Сев. Сосвы в абсолютной хронологии укладываются в пределах второй половины III тысячелетия до н. э. Говорить о последовательности этих памятников пока затруднительно, вследствие неполноты материала, однако по материалу Чэс-тый-яг и Хулюм-сунт (последний и по стратиграфии) следует отнести, пожалуй, к относительно более раннему времени, т. е. к середине III тысячелетия.

Как уже указывалось выше, орнаментация керамики этих памятников поражает малочисленностью элементов (прямая гребенка, неглубокая овальная ямка, сделанная галькой, и выдавленные круглой палочкой линии) и монотонностью узоров и композиций. Мы почти не встречаем в материале даже «качалки», характерной для керамики большинства известных нам памятников развитого и позднего неолита Урала и Зап. Сибири.

К неолиту же, т. е. к середине и концу III тысячелетия, вероятно, следует отнести обнаруженную в 1950 году Г. А. Черновым стоянку на реке Щучьей, левом притоке Оби, впадающем ниже Салехарда. Стоянка находится в среднем течении р. Щучьей, значительно севернее Полярного Круга. В настоящее время — это самый северный из известных в Приобье памятников эпохи неолита. Материал, собранный Г. А. Черновым, невелик и заключается лишь в некотором количестве керамики, орнамент которой не оставляет сомнений в близости к керамике сосвинских неолитических стоянок [1].

Близость между памятниками Урала и Зап. Сибири, установленная на основании анализа форм и орнаментации сосудов, подтверждается и сходством каменных орудий. Пожалуй, наиболее общей и широко известной является форма ножей, близких к типу «уло», как, например, сортыньинские ножи (табл. V — *4*), прекрасно отшлифованный нож из Чэс-тый-яга (табл. II—*12*), а также шлифованные, а частью кремневые ножи из стоянок Полуденка I [2], у Гремячего ручья [3], на озере Грязном [4] и с более отдаленных территорий. Универсальность этого типа ножей и длительность существования делают их мало интересными для выделения характерных уральских и западносибирских комплексов и для датировки.

Достаточно широко известны по неолитическим памятникам Урала, Сибири и северо-запада СССР и дисковидные орудия типа Хулюм-сунт (табл. II—*3*), являвшиеся, вероятнее всего, навершиями палиц. На Урале аналогичные находки известны из Левшинской стоянки [5] и из Гремячего ручья [6].

Как и территория распространения, время существования дисковидных наверший несколько у́же, чем для предыдущего типа орудий, и как будто не выходит за пределы III тысячелетия до н. э., что в общих чертах совпадает с хронологическими рамками, намеченными выше на основании анализа форм керамики.

Среди шлифованных каменных орудий, известных с неолитических стоянок Урала и Зап. Сибири, типичными, несомненно, явля-

[1] А. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 26.

[2] О. Н. Бадер. Новый тип неолитического поселения на Урале. СЭ, № 2, 1949, стр. 146.

[3] А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, XXXVII, стр. 74.

[1] Г. А. Чернов. Археологические находки на реке Щучьей. КСИИМК, XL, 1951, рис. 26—*1—9*.

[2] О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, XVI, рис. 50 — *3*, *4*.

[3] Я. В. Станкевич. Неолитическая стоянка у «Гремячего» ручья. СА, V, 1937, стр. 234, рис. 3—*2*.

[4] Н. А. Прокошев. Камская экспедиция 1935 г. СА, I, стр. 258.

[5] А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, V, 1937, стр. 20, рис. 8—*4*.

[6] Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 234; ее же. СА, I, стр. 259, рис 3—*4*.

ются орудия теслообразной формы прямоугольного, в иных случаях подквадратного сечения (Хулюм-сунт, табл. VI — *1*, *2*; Сортынья I, табл. V—*3*; Пэткаш [1] и др.); некоторые из них (с круто заточенным, обычно сильно избитым лезвием), видимо, служили кирками для рыхления земли. Типичны и орудия трапециевидного сечения (Няксимволь, табл. VI — *3*, *5*; Хулюм-сунт, Полуденка I), иногда суживающиеся к обуху, как тесло из Чэс-тый-яга, и приближающиеся по форме к русско-карельскому типу топоров.

Нередки мелкие, обычно тщательно отшлифованные изделия в виде стамесок, иногда с полукруглым лезвием (Чэс-тый-яг, Няксимволь). Особенный интерес представляют специфические по форме так называемые топоры или тесла «с выступами». В настоящее время, кроме описанных в начале главы случайных находок, мы располагаем очень типичным теслом из Полуденки и явно незаконченным в обработке (скололся обушок) теслом из Сортыньи I, что позволяет и всю группу этих орудий связать с определенным культурным комплексом. По данным А. П. Окладникова, на основании восточносибирских материалов, тесла «с выступами» могут быть датированы второй половиной III тысячелетия, что опять-таки совпадает с указанными выше датировками.

К памятникам западносибирского неолита, но уже южного края тайги, следует отнести и некоторые стоянки Андреевского озера близ Тюмени: Андреевское озеро I, Козлова перейма, «VIII пункт» и др. Стоянка Андреевское озеро I была открыта и исследована в числе других памятников еще в 1883 г. И. Я. Словцовым, собравшим с нее обильный кремневый материал, хранящийся в Тюменском областном музее [2]. И. Я. Словцов отнес открытый им памятник к неолиту, но впоследствии П. А. Дмитриев, работавший в двадцатых годах на Андреевском озере, нашел этот вывод ошибочным [3]. Несмотря на то, что обследованный И. Я. Словцовым участок берега между второй и третьей переймами содержит большое количество совершенно разновременных памятников, П. А. Дмитриев назвал место работ И. Я. Словцова Первой Андреевской стоянкой, а, основываясь на находке И. Я. Словцовым горна для плавки железа, П. А. Дмитриев определил возраст этой «стоянки»: «неометаллической эпохой... приблизительно около начала I тысячелетия до н. э.» [1]. С его мнением согласиться ни в какой степени невозможно. Даже если учесть, что в упомянутой выше работе И. Я. Словцова описание материала и условий его нахождения изложено весьма неясно, то в коллекциях И. Я. Словцова, хранящихся в Тюменском музее, материал, происходящий из разных слоев, нашит на разные планшеты и зашифрован под разными номерами. Самая беглая разведка на месте неоспоримо показывает, что материал И. Я. Словцова никак не может быть отнесен к одному памятнику. Совершенно очевидно и то, что горн, относительно которого И. Я. Словцов указывает, что он залегал в верхних горизонтах (около 30 см от поверхности), откуда в коллекции происходит керамика I тысячелетия до н. э., тождественная керамике из Андрюшина Городка, следует относить именно к комплексу этого городища, а не к неолитическому кремню.

Поскольку описание мест раскопок в работе И. Я. Словцова изложено недостаточно ясно, остановлюсь вкратце на памятниках южного берега Андреевского озера в районе второй и третьей перейм. Хотя исследование этих памятников еще далеко не закончено и даже собранный материал еще не полностью обработан, среди них уже сейчас можно выделить стоянки и ориентировочно наметить культуры, относящиеся к эпохе неолита.

Самый ранний материал из всего известного до настоящего времени на Андреевском озере обнаружен в одном из раскопов И. Я. Словцова, за которым лишь и сохраняем теперь название Первой Андреевской стоянки. Из описания И. Я. Словцова и обследования на месте можно установить, что стоянка эта, видимо, полностью раскопанная Словцовым, находилась между второй и третьей переймами на южном

[1] J. Ailio (ук. соч., SMYA, т. XXIX) относит находки из Пэткаш к типу «тонкообушных» топоров и датирует их 2—3 периодами Монтеллиуса, что в абсолютной датировке соответствует приблизительно также второй половине III тысячелетия до н. э.

[2] И. Я. Словцов. О находках каменного периода близ Тюмени. «Записки Зап.-Сиб. отд. РГО», 1887, кн. 7, вып. 1.

[3] П. А. Дмитриев. Липчинская неометаллическая стоянка. «Труды Секции археологии РАНИОН», вып. 2, М, 1928, стр. 67.

[1] П. А. Дмитриев. Ук. соч.

берегу озера, где она залегала приблизительно на глубине около 2 м, т. е. под слоями дюнного песка, в верхних горизонтах крупнозернистого, пропитанного железистыми солями песка и лежащего несколько ниже современного меженного уровня воды в озере. Словцовым на этой стоянке собран обильный кремневый материал, представляющий исключительно большой интерес. Из кремневых поделок следует в первую очередь отметить подавляющее преобладание ножевидных пластин.

Среди материалов Словцова, хранящихся в Тюменском музее, имеется 186 ножевидных пластин и орудий на ножевидных пластинах и среди них только 16—18 отщепов. При этом надо отметить, что обитатели стоянки не располагали в достаточном количестве хорошим поделочным материалом. Часто в работе использовались породы, поддающиеся обработке труднее, чем кремень, а именно: кремнистый сланец, яшмовидные породы и даже кварцит. Это обстоятельство еще больше подчеркивает высокий уровень техники обработки камня и четкость форм изготовлявшихся орудий. Из ножевидных пластин изготовлены и основные виды орудий: ножи (табл. VIII—*13*, *14*, *15*), концевые скребки (табл. VIII—*22*, *25*, *26*), сверло (табл. VIII—*20*). На ножевидных пластинах сделаны и почти все (восемь из девяти) наконечники стрел (табл. VIII—*1—7*). Последние обычно вытянуто-треугольной или удлиненно-овальной формы, обработаны ретушью, но главным образом лишь со спинки. С брюшка ретушь ограничивается только подправкой самого острия. Основание у наконечников этого типа образовано изломом пластины, без дальнейшей ретуши (табл. VIII—*1—7*). Два наконечника асимметричной формы; из них один с длинным черешком, сделанным резцовым сколом. Наконечник этот также из ножевидной пластины и с брюшка подретуширован лишь немного у самого острия (табл. VIII—*3*). Второй наконечник отличается от первого лишь более коротким черешком. Надлежит отметить наличие в коллекции и значительного количества кремневых вкладышей из поделенных ножевидных пластин (табл. VIII—*8—11*, *17*, *21*, *24*, *27*). Имеются и два скребка на отщепах (табл. VIII—*23*, *28*).

В целом кремневый материал со стоянки Андреевское озеро I имеет, несомненно, очень архаический облик. Подобного ему мы не знаем пока ни на одной из уральских или западносибирских стоянок. К тому же этот материал не удается увязать ни с одним из известных нам типов керамики с Андреевского озера. Неолитическая керамика знакома нам по стоянкам: «VIII пункт», расположенной менее чем в 100 м от Первой Андреевской, и Козлова перейма, находящаяся от нее в 2 км (раскопки 1952 г.). Однако кремневый материал этих стоянок, как мы увидим в дальнейшем, резко отличается от только что описанного. Наконечники на ножевидных пластинах встречаются и в этих стоянках, равно как и в нижних горизонтах Омской стоянки, но здесь они единичны и по форме резко отличаются от андреевских, имея ретушь и по основанию, иногда образующую даже выемку. Единственной аналогией Первой Андреевской может служить Нижнеадищевская стоянка на устье р. Чусовой, исследованная О. Н. Бадером[1]. Сближает указанные памятники и процентное соотношение ножевидных пластин и отщепов.

Стоянка	Ножевидные пластины (%)	Отщепы (%)
Нижнеадищевская . . .	82	18
Андреевская I	90	10
Боровое озеро I	15	85

Таким образом, близкие между собой по соотношению материала стоянки Нижнеадищевская и Первая Андреевская оказываются резко отличными от стоянки Боровое озеро I, к которому очень близка по материалу стоянка «VIII пункт». По форме наконечников стрел близкими Первой Андреевской оказываются и памятники хиньского этапа в Прибайкалье[2]. Асимметричные наконечники с боковой выемкой известны и по кельтеминарской культуре Приаралья, однако там они находятся в комплексе с керамикой, что указывает на более позднее время. К последнему, т. е. к развитому неолиту, на Андреевском озере относятся стоянки Козлова перейма и «VIII пункт». Памятники эти обнаружены нами в 1951—1952 гг. Полученный материал

[1] О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 10.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 158 и след.

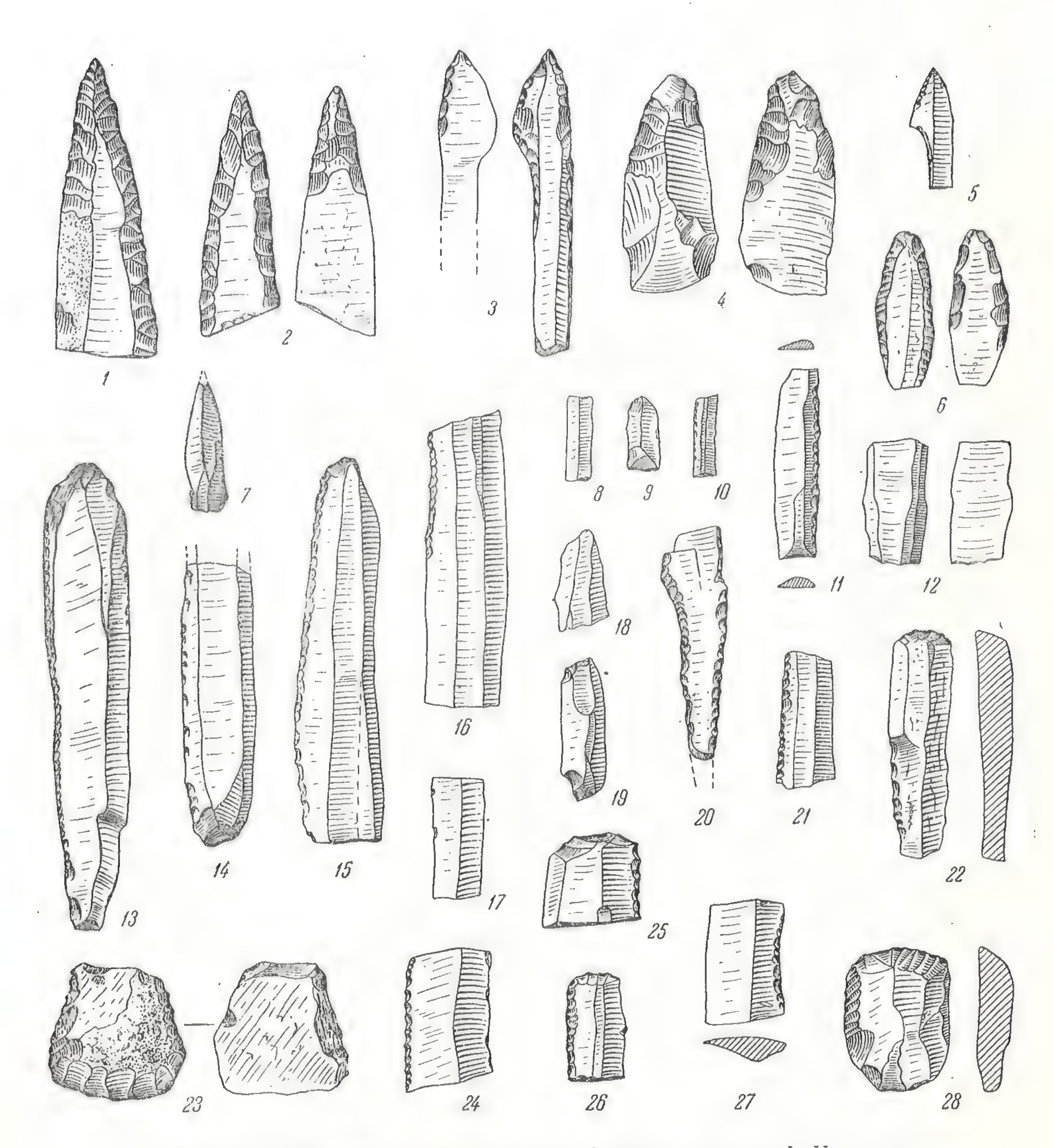


Табл. VIII. Кремневые орудия из стоянки Андреевское озеро I. Нат. вел.

еще не обработан, и в настоящее время о них можно сказать пока лишь в самых общих чертах. Стратиграфически они расположены несколько выше Первой Андреевской, а именно — под нижним горизонтом темноокрашенного иловатого дюнного песка, и на крупнозернистых песках, содержащих культурный слой Первой Андреевской стоянки. Но тем не менее и этот горизонт лежит лишь незначительно выше уровня современного низкого стояния воды в озере. Не только весной, но и летом, при среднем наполнении озера, пол землянки на «VIII пункте» оказывается на уровне воды или даже несколько ниже. Таким образом, положение стоянок развитого неолита, а тем более раннего, свидетельствует о совершенно ином водном режиме в эпоху их обитания.

Глубины Андреевского озера за пределами основного фарватера, проходящего по переймам, а на втором плесе образующим широкую петлю, таковы, что при снижении уровня по сравнению с уровнем 1952 г. на 1 м на месте озера осталась бы неширокая речка типа Пышмы, а горизонты стоянок оказались бы на 1—2 м выше меженных вод. Современные широкие части озера — Первое и Второе Плесо, Песянка, Батарлыга, Жулькино — в таком случае оказались бы затопляемой поймой, а переймы — участками речки, где надпойменная терраса вплотную подходит к берегу, т. е. местами, наиболее удобными для заселения.

Беглая разведка, проведенная в 1952 г. на правом берегу переймы, связывающей озера Песянку и Батарлыгу, также показала наличие ножевидных пластин на песчаной отмели у лодочной пристани охотничьего общества. Возможно, что именно таков и был ландшафт в эпоху раннего и развитого неолита. На это указывает также почти полное отсутствие здесь грузил, столь обильных в памятниках позднего неолита и ранней бронзы. Таким образом, условия расположения памятников развитого неолита — Козлова перейма и «VIII пункт» — оказываются сходными с расположением подторфяниковых стоянок, как-то: Хулюмсунт на Сев. Сосве и Стрелка на Горбуновском торфянике[1], с которыми, как увидим далее, они весьма сходны и по материалу.

[1] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 150—153.

Степень синхронности стоянок Козлова перейма и «VIII пункт» пока еще недостаточно ясна, однако возможно, что первая несколько старше, поскольку на ее керамике как будто в большей степени представлены волнистые узоры, постепенно исчезающие в позднем неолите и ранней бронзе. Пока же,— впредь до окончания изучения этих памятников,— принимая во внимание приведенную оговорку, рассмотрим их материал суммарно, тем более, что оба они, несомненно, принадлежат к развитому неолиту, но, возможно, к разным его этапам.

Поделки из камня на обеих стоянках представлены довольно значительным количеством ножевидных пластин, среди которых выделяются мелкие формы, иногда с притупленной спинкой, предназначавшиеся, по всей вероятности, для вкладышевых орудий. Обычны скребки на ножевидных пластинах и на отщепах. Наконечники стрел довольно разнообразны по формам. Продолжают существовать наконечники на ножевидных пластинах, но отретушированные уже более тщательно не только с острия, но и по бокам и основанию. Наиболее обычны удлиненные листовидные формы. Найдены обломки шлифованных орудий и шлифовальные плитки. Одна из них обнаружена в землянке на «VIII пункте», где она находилась на небольшом «столе» — возвышении прямоугольной формы, насыпанном из песка. По правильности очертаний видно, что «стол» в свое время был укреплен деревянной обвязкой.

Керамика представлена сосудами яйцеобразной и параболоидной формы (табл. IX). Очень характерно утолщение с внутренней стороны края, хорошо видное по профилю. Дно округлое или приостренное. Орнамент прост и однообразен. Среди элементов его большое место занимает гребенчатый штамп, изредка в виде «качалки». В иных случаях орнамент исполнялся гребенкой по принципу «отступающей лопаточки», или же ею наносились слегка волнистые, с переменным нажимом линии струйчатого типа. Очень широко распространены узоры в виде волнистых, реже прямых, линий, продавленных или прочерченных гребенкой или палочкой. Палочки применялись различной толщины и ширины, иногда с раздвоенным концом. Ямки встречаются редко. Орнаментация сосудов сплошная, покрывающая

Табл. IX. Керамика неолитических стоянок у Андреевского озера

всю поверхность, включая и донышко; иногда она заходит и на внутреннюю часть венчика. Расположение орнамента нередко зональное, но часто встречается и разбивка орнаментального поля на площадки треугольной (и более) формы, заштрихованные тем или иным способом в разных направлениях.

Как по форме сосудов (включая и характерное утолщение или «наплыв» с внутренней стороны края), так и по орнаменту и его композиции керамика неолитических стоянок Андреевского озера — Козлова перейма и «VIII пункт» — оказывается поразительно близкой керамике со стоянки Стрелка[1], и почти в той же степени — со стоянки Боровое озеро I[2]. Мы находим те же волнообразные мотивы, выполненные гребенкой или палочкой, ту же разбивку орнаментального поля на треугольники. Общей чертой является относительно редкое применение зубчатой качалки или, как ее еще называют, «шагающей гребенки», и как будто почти полное отсутствие круглоямочного орнамента.

Исходя из близости форм и орнаментировки керамики, мы не можем согласиться с мнением А. Я. Брюсова об изолированности и своеобразии среднеуральской неолитической культуры. «Как ни мало мы знаем неолит соседних областей,— говорит А. Я. Брюсов,— однако несомненно, что материалы из раскопок в Тюменском районе, в низовьях Чусовой и на Каме... имеют очень мало общего с материалами древних племен Среднего Урала, за исключением редких отдельных вещей и некоторых элементов орнамента на глиняных сосудах»[3]. Легко можно убедиться, что сходство отнюдь не ограничивается «некоторыми элементами», а определяется, как уже было сказано, общностью формы сосудов, вплоть до характерных деталей, и единством орнаментальной системы, единством элементов и техники нанесения орнамента. Несомненно, ошибочное мнение А. Я. Брюсова было, видимо, обусловлено именно «малым знанием неолита соседних областей», новые материалы по которому еще не были опубликованы во время написания им работы.

Аналогичные черты сходства с керамикой памятников развитого неолита Андреевского озера могут быть указаны и для стоянки Хулюм-сунт. Это сходство особенно интересно тем, что позволяет судить о глубине общности культур Нижнего Приобья. К сожалению, керамический материал из Хулюм-сунта довольно отрывочен, а следовательно, и сопоставление не может быть сделано с достаточной полнотой. Заметим, что на отдельных фрагментах можно наблюдать почти тождественную орнаментацию (табл. VII—*2* нашего издания и рис. 18—*1* указанной работы В. М. Раушенбах), однако в керамике Хулюм-сунта обнаруживается и ямочный орнамент, характерный для памятников более поздней поры. Быть может, Хулюм-сунт несколько моложе, чем памятники Андреевского озера и Стрелка, и скорее должен быть сопоставлен с Полуденкой I.

Еще больший интерес представляет другая, территориально более удаленная аналогия. Выше, говоря об асимметричных наконечниках из Первой Андреевской стоянки, мы сравнивали их с наконечниками стоянки Джанбас-кала № 4, относящейся к кельтеминарской культуре. Несравненно четче и полнее сходство между этими областями выступает при сравнении керамического материала.

Еще в 1941 г. С. П. Толстов указал на сходство керамики открытой им тогда кельтеминарской культуры с керамикой нижнеобского неолита, в частности Чэс-тый-яга[1]. Не говоря уже о гребенчатых орнаментах и елочных композициях, здесь следует отметить очень большую близость в своеобразных прочерченных узорах[2]. А. В. Збруева отметила сходство материалов стоянки Джанбас-кала № 4 с материалом Левшинской стоянки на западном склоне Урала[3]. В последних работах С. П. Толстов, публикуя более полные данные по кельтеминар-

[1] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, XLIII, стр. 57, рис. 18; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 36.

[2] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 20.

[3] А. Я. Брюсов. Ук. соч., стр. 160—162.

[1] С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 158.

[2] См. табл. III—*1* и IV—*4* настоящего издания и С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 13.

[3] А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 185.

ской культуре [1], подтвердил высказанное им ранее мнение. Еще большее сходство с материалом кельтеминарской культуры обнаруживается теперь, в результате открытия памятников неолита Урала и Зап. Сибири. Особенно ярко это сходство выступает в материале стоянки «VIII пункт» и тем более — Козлова перейма. Здесь, кроме уже отмеченных выше гребенчатых елочных и волнистых узоров, обнаруживаем и чрезвычайно специфическую и характерную черту в композиции орнамента. По краю сосудов, происходящих как с Джанбас-кала № 4, так и с Андреевского озера, чаще всего вслед за полоской, выполненной гребенкой или палочкой, следуют своеобразные «лесенки», спускающиеся вертикально и выполненные тем же инструментом, что и основной орнамент, т. е. гребенкой или палочкой. По обе стороны «лесенок» идет косая штриховка или заштрихованные треугольники, сделанные прямыми или волнистыми линиями. Таковы, например, фрагменты, представленные на табл. IX—*4*, *6*, полные аналогии которым находим на табл. 14 и 15 работы С. П. Толстова [2].

О датировке памятников развитого неолита Нижнего Приобья можно говорить пока лишь предположительно. Как мы видели выше, они характеризуются единообразной стратиграфией, т. е. залегают либо под торфом, либо в слоях, перекрытых озерными отложениями. К последнему типу относится и стоянка Джанбас-кала № 4. Основываясь на данных пыльцевого анализа и на стратиграфии торфяных и сапропелевых отложений Горбуновского торфяника, наиболее полно изученного в этом отношении, А. Я. Брюсов нашел возможным отнести стоянку Стрелка к поздним фазам атлантического периода, а в абсолютной хронологии — к концу IV или к первой половине III тысячелетия до н. э. [3] Датировка эта представляется достаточно обоснованной и уточнять или изменять ее в настоящее время мне не представляется возможным или необходимым. Аналогичную дату указывает С. П. Толстов и для стоянки Джанбас-кала № 4 [1].

К культурам западносибирского лесного неолита, но, вероятно, уже к поздним его фазам, следует отнести и некоторые памятники таежного правобережья среднего течения Иртыша: стоянку близ с. Екатерининского Тарского района Омской области [2] и могильник в дер. Усть-Куренга (верховья р. Шиш, правобережного притока Иртыша) того же района. К сожалению, оба эти интересных памятника известны лишь очень поверхностно. С Екатерининской стоянки имеются в Омском музее сборы, сделанные главным образом П. Л. Дравертом, открывшим этот памятник. В 1945 г. мне удалось обследовать Екатерининскую стоянку и установить ее однослойность и полное единообразие встречающейся там керамики. Последняя характеризуется довольно крупными яйцевидными и параболоидными сосудами с округлой и приостренной формой дна. Вся поверхность сосудов орнаментирована. Иногда орнамент встречается и на внутренней поверхности дна. Преобладающий орнамент гребенчатый, с зональным расположением полос, состоящих из елочки и вертикально или косо поставленной гребенки, иногда в сочетании с рядами различной формы ямок, служащими для разбивки орнаментального поля на зоны. Весьма часты полосы «отступающей лопаточки» и ряды округленных зигзагов, выполненных гладкой или зубчатой «качалкой». В нескольких случаях встречена крупная ромбическая сетка из прочерченных или нанесенных гребенкой линий (табл. X, XI).

Каменные орудия Екатерининской стоянки представлены многочисленными кремневыми наконечниками с закругленным

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 64; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 71.

[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 14 и 15.

[3] А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, XXXVII, стр. 74.

[1] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 349.

[2] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, стр. 79—91.

В указанной работе Екатерининская стоянка неправильно отнесена мною к поздней бронзе. Ошибка эта произошла вследствие того, что в коллекциях Омского музея находился нож, числившийся «из Екатерининской стоянки» (КСИИМК, XVII, рис. 34—*10*). Учитывая его, я должен был определить поздней датой стоянку, несмотря на архаический облик ее керамики. В настоящее время удалось выяснить, что указанный бронзовый нож занесен в опись ошибочно из-за неточности данных собирателя и к стоянке никакого отношения не имеет.

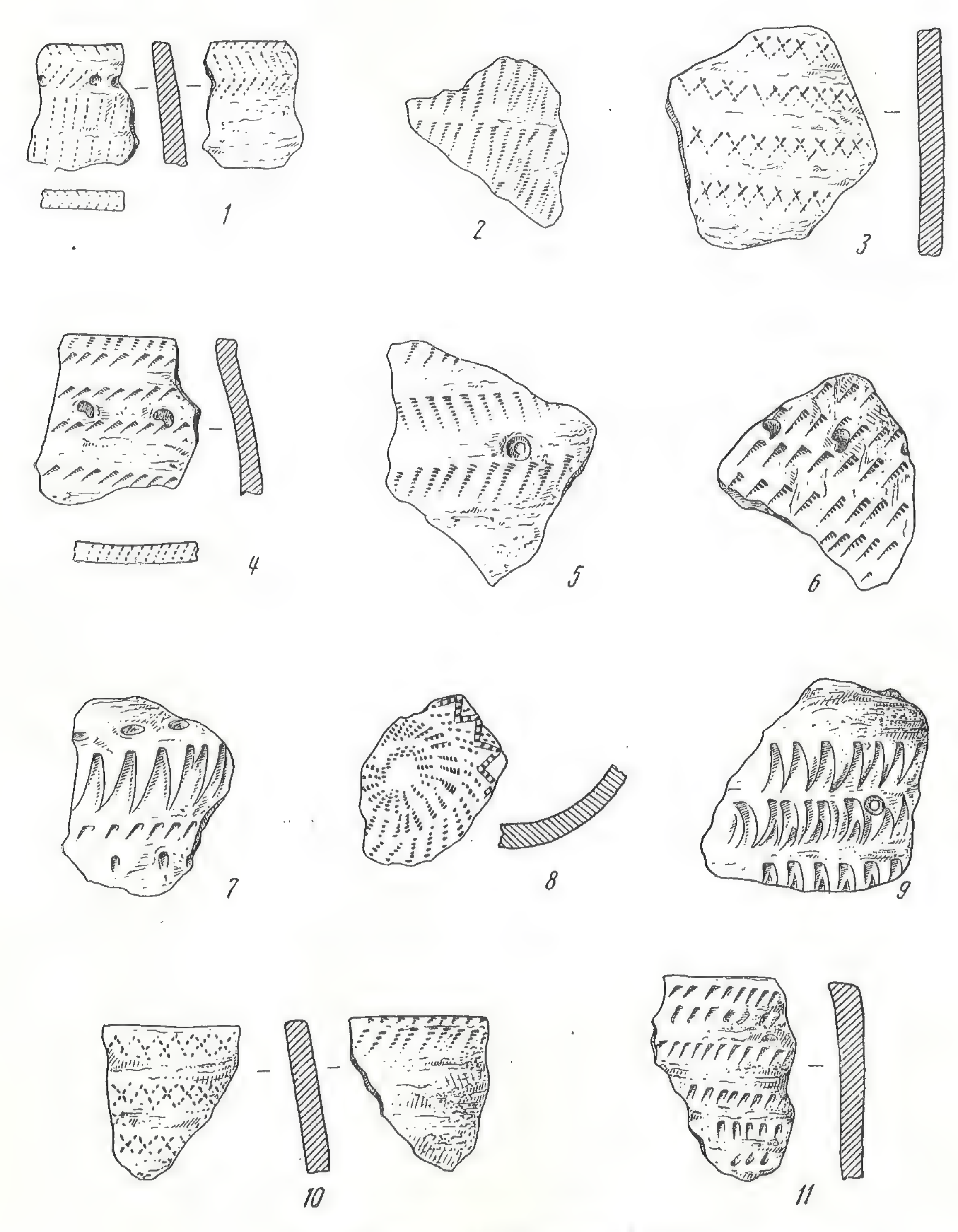


Табл. X. Керамика с Екатерининской стоянки

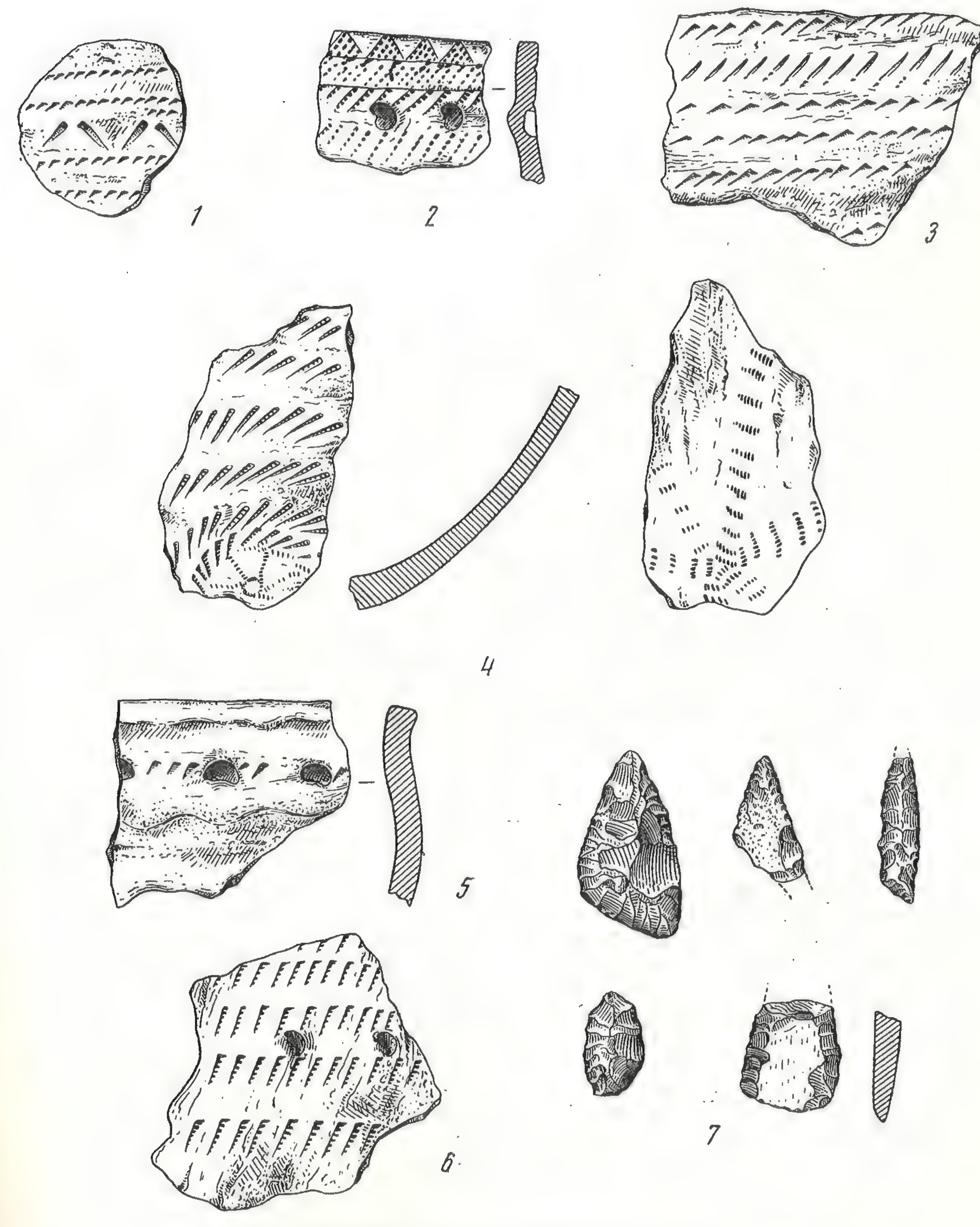


Табл. XI. Керамика и орудия с Екатерининской стоянки

основанием, главным образом миндалевидной и иволистной формы (табл. XI—*7*), а также кремневым долотцем удлиненно-подтреугольной формы и скребками, преимущественно округлыми. Из шлифованных орудий известны тесла овального и круглого сечения, три широких долотца или, вернее, ножа со слегка выгнутым лезвием и один тщательно отделанный ножичек или резец клювовидной формы.

По общему характеру каменных орудий и поделок, форме наконечников стрел и типу керамики (если при этом учесть региональные различия) Екатерининская стоянка, пожалуй, ближе всего стоит к Полуденке, причем не к самым поздним ее фазам, и Сосвинским стоянкам — Хулюм-сунт, Сортынья, Няксимволь. Некоторое сходство может быть отмечено и с наиболее ранними материалами таких памятников, как Липчинская и Вторая Андреевская стоянки[1]. По абсолютной хронологии Екатерининскую стоянку можно ориентировочно датировать в соответствии со временем существования Полуденки концом III тысячелетия до н. э.

Усть-Куренгский могильник находится в верховьях р. Шиш, правобережного притока Иртыша, на границе с Васюганьем. Известен он лишь по одному погребению, вероятно, неполному. Сохранившаяся часть погребального инвентаря, поступившего в Тарский музей от колхозников дер. Усть-Куренга, содержит указанные ниже предметы.

1. Шлифованное тесло из твердого зеленоватого сланца. Длина его 12,5 см, наибольшая ширина 5,4 см. В сечении оно трапециевидной формы: к тыльному концу слегка суживается и уплощается (табл. XII—*2*). Отшлифован лишь рабочий конец, остальная часть орудия обита.

2. Две овальные шлифованные пластинки — одна из красного, другая из зеленовато-серого сланца, с подостренными шлифовкой краями. Одна из пластинок по всему краю имеет пилообразную насечку, другая — лишь несколько зарубок с одной стороны. На плоских сторонах тонкими линиями прочерчены поперечные полоски. Назначение поделок неясно. Возможно, что это подвески; тем более, что длинная пластинка на одном из концов снабжена двумя находящимися одна против другой зарубками, за которые может быть привязана. У другой пластинки оба конца обломаны (табл. XIII—*1*, *4*).

3. Два отшлифованных изображения голов животных из серого сланца. Точно определить породу животных трудно; возможно, что это хищники, но может быть и собаки, так как на одной из головок имеются «ошейник», изображенный глубоко врезанными линиями, и черточки, напоминающие какую-то упряжь. Судя по имеющимся отверстиям, изображения, очевидно, были нашиты на одежду (табл. XIII—*2*, *3*).

4. Наконечник копья из трубчатой кости, скорее всего лося. Конец копья обломан. Длина сохранившейся части равна 28,5 см. Наконечник тщательно отшлифован, в сечении — трехгранный (табл. XII—*4*).

5. Фрагмент наконечника копья или дротика из кости. Длина 7,0 см (табл. XII—*3*).

6. Несколько кабаньих клыков, составлявших, видимо, ожерелье. Полностью найден только один клык, от других сохранились лишь фрагменты. Клыки по краям украшены тщательно вырезанными зубчиками, а на верхних концах имеют маленькие отверстия, продолбленные каким-то острием (табл. XII—*1*).

Керамики или не было найдено или, что вероятнее всего, находчики оставили ее на месте. Без керамики датировка памятника может быть только ориентировочной. Единственным более или менее надежным признаком является тесло трапециевидного сечения, достаточно характерное для неолита Зап. Сибири и Урала. Подобного типа тесла исчезают, видимо, к эпохе бронзы, сменяясь теслами шестигранного сечения.

Из памятников неолита лесной части Среднего Прииртышья следует упомянуть одну интересную случайную находку — большой кремневый наконечник копья, доставленный Усовым из «Тюкалинского округа» и хранящийся в ГИМ. Наконечник плоский (толщина 1,1 см), листовидной формы. Он фрагментирован. Длина сохранившейся части около 15 см; полностью же он мог достигать 17—18 см. Наибольшая ширина 7,6 см (табл. VI—*4*). Наконечник интересен

---

[1] П. А. Дмитриев. Липчинская неометаллическая стоянка. «Труды Секции археологии РАНИОН», вып. 2. М., 1928; его же. Вторая Андреевская стоянка. «Труды ГИМ», вып. VIII, М., 1938.

По вопросу о датировке этих памятников см. ниже.

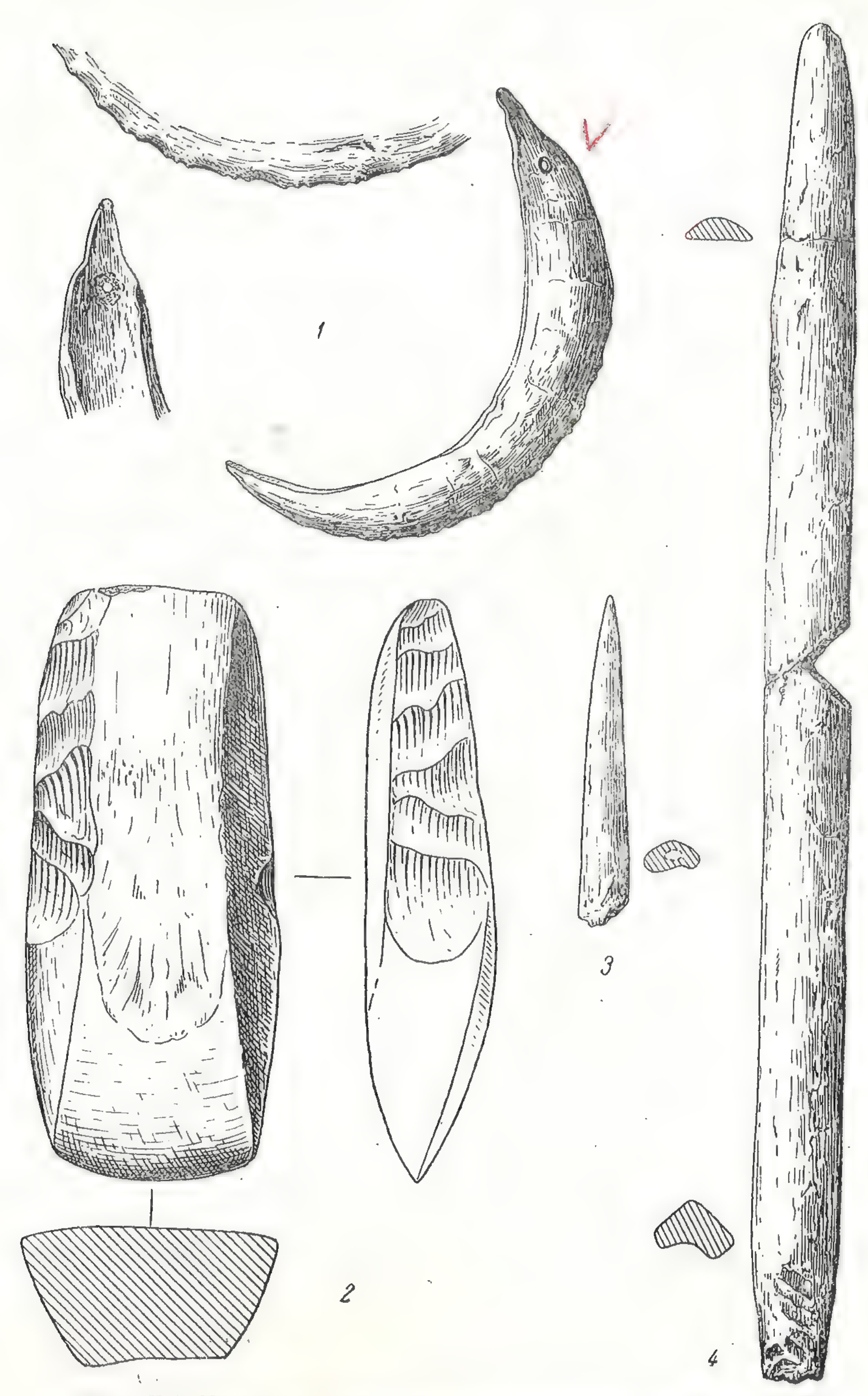


Табл. XII. Инвентарь погребения из могильника Усть-Курем

1 – украшение из клыков кабана; *2* — шлифованное тесло; *3* — фрагмент наконечника копья; *4* — наконечник копья

тем, что указывает на возможность нахождения неолитических памятников в районе среднего течения Иртыша — местности, полностью лишенной камня. Каменная техника могла здесь существовать лишь исключительно на привозном материале, и, как указывает П. Л. Драверт, «кремень, совместно с некоторыми другими минералами и горными породами, служившими для поделок, находимых в стоянках в пределах бывш. Омского, Тюкалинского и Тарского уездов, был привозным и вывозился главным образом из Киргизской степи»[1]. Эти находки заставляют изменить высказанную мною ранее точку зрения о позднем времени заселения территории Омской области. Несомненно, что человек существовал здесь во времена значительно более ранние, чем эпоха бронзы. Следует отметить несомненное сходство описанного выше орудия с плоскими листовидными наконечниками из Кузнецкого могильника, которые в свою очередь могут быть связаны с неолитическими восточносибирскими.

В заключение главы, посвященной неолиту Нижнего Приобья, целесообразно будет подытожить приведенные данные. При нанесении на карту описанных памятников становятся очевидными два обстоятельства — слабая изученность территории и обилие памятников в районах сколько-нибудь обследованных. Так, видимое скопление памятников в бассейне р. Сев. Сосвы (рис. 4—*2—7*, *16*) является лишь результатом лучшего обследования этой территории в 1927—1935 гг. Памятники № 12—14 в Тарском и Тюкалинском районах открыты в результате деятельности краеведа А. В. Ваганова. Во всех местах, где только производились какие-либо археологические или геологические обследования, неизменно обнаруживались памятники неолита или отдельные находки, указывающие на местонахождение памятника. Можно не сомневаться поэтому в том, что и в других районах Сев. Приобья они имеются и едва ли в меньших количествах, чем, например, на Сев. Сосве или под Тагилом. Думается, что с известным основанием можно говорить даже об относительно густой населенности берегов Нижнего Иртыша и Оби уже с ранней поры неолита, несмотря на то, что описанные стоянки охватывают период около 1500 лет.

Ниже приводится таблица с ориентировочным расположением памятников в хронологической последовательности.

Время	Название памятника	Аналогии
Конец IV — начало III тысячелетия до н. э.	Андреевское озеро I Козлова Перейма «VIII пункт»	Нижнеадищево Шигирские находки Джанбас-кала № 4 Стрелка (Горбуново) Боровое озеро I
Первая половина III тысячелетия до н. э.	Чэс-тый-яг	Нижний горизонт 6-го разреза (Горбуново)
Середина — вторая половина III тысячелетия до н. э.	Сортынья I, Няксимволь, Хулюм-сунт, Усть-Куренга, Екатерининка, Щучья (?). Находки топоров с выступами (№ 15, 16)	Полуденка Левшино

Глава II

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗА НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

Эпоха перехода к металлу в истории племен лесной части Обь-Иртышского бассейна хорошо представлена лишь стоянками — Липчинской и отчасти Второй Андреевской. Липчинская стоянка расположена на берегу р. Туры, в 55 км выше Тюмени[1].

[1] П. Л. Драверт. К минералогии кайнозойских отложений Обь-Иртышского бассейна. «Изв. Зап.-Сиб. РГО 1925—1926 гг.», т. 5. Омск, 1926, стр. 134.

[1] П. А. Дмитриев. Липчинская неометаллическая стоянка. «Труды Секции археологии РАНИОН», вып. 2. М., 1928, стр. 61—70.

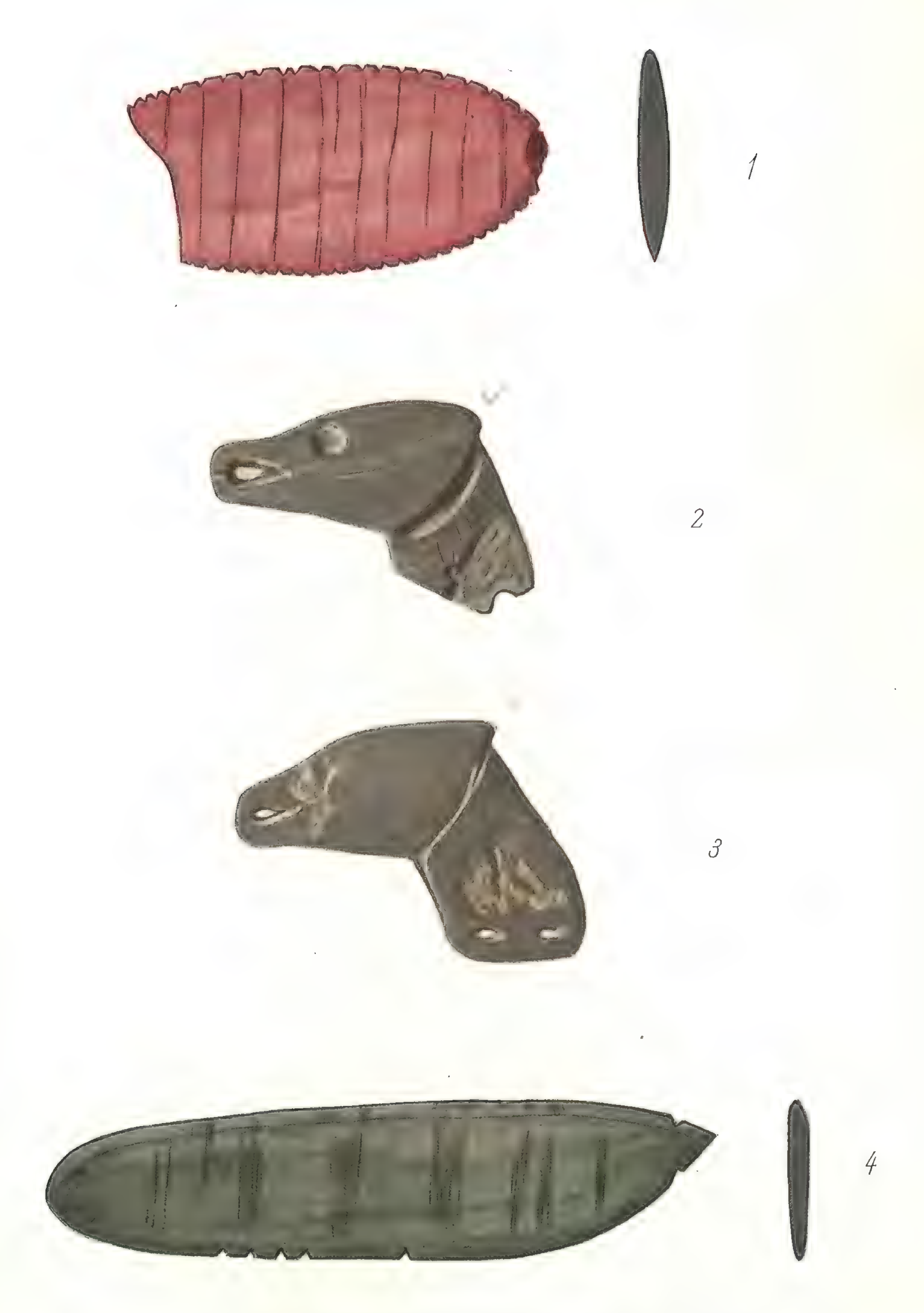


Табл. XIII. Украшения из сланца из могильника Усть-Куренга

1, 4 — овальные пластинки с зарубками; *2, 3* — изображения голов животных

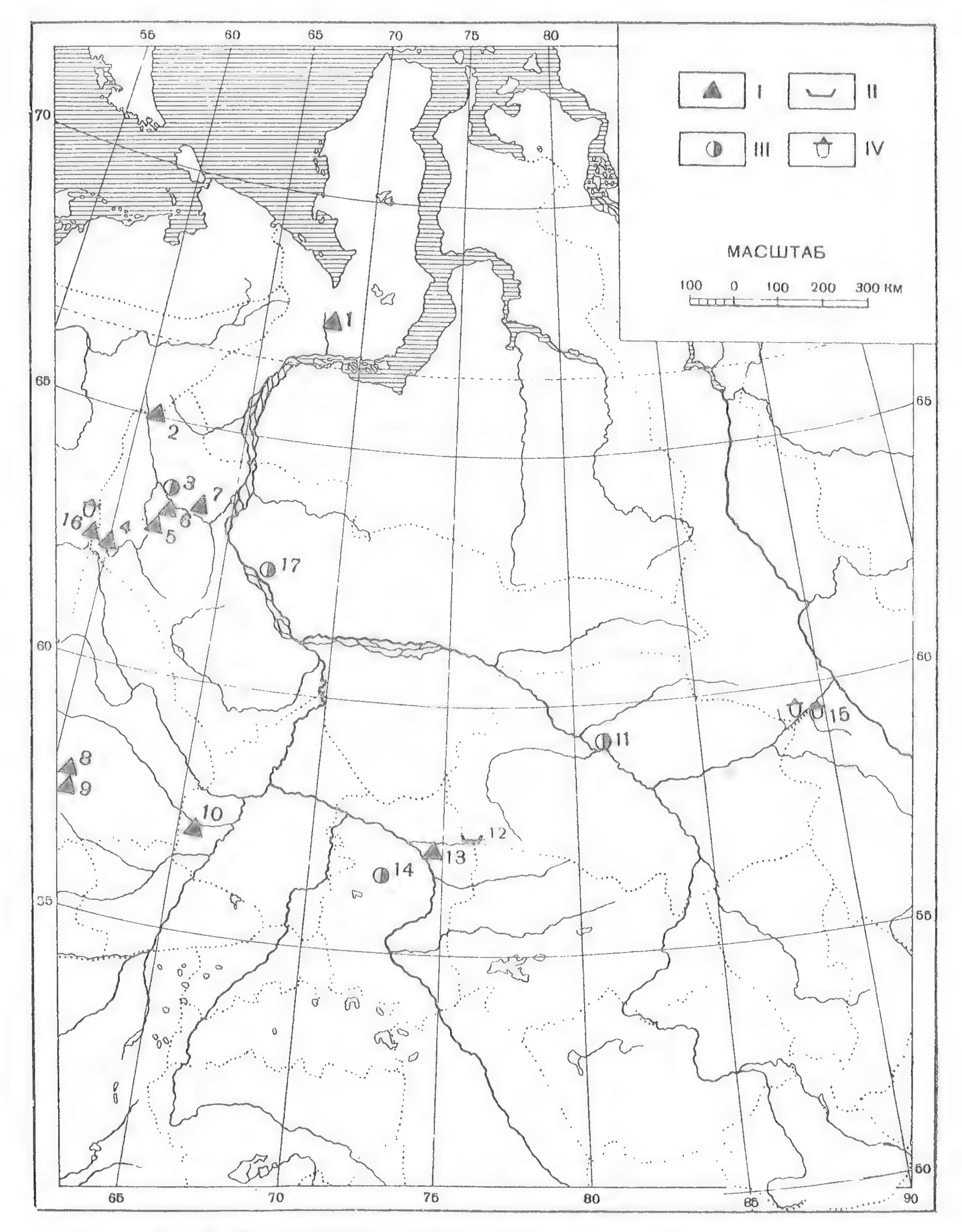


Рис. 4. Карта расположения памятников неолита в лесной части Приобья

I — стоянка; *II* — могильник; *III* — отдельные находки; *IV* — находки топоров с выступами

1 — р. Щучья; *2* — Чэс-тый-яг; *3* — Хорсем-пауль; *4* — Няксимволь; *5* — Хулюм-сунт; *6* — Пэткаш; *7* — Сортынья I; *8* — Полуденка; *9* — Горбуново (Стрелка и 6-й разрез); *10* — Андреевское озеро; *11* — Тымский район Томской обл. (находки каменных орудий); *12* — Усть-Куренга; *13* — Екатерининка; *14* — Тюкалинский район Омской обл. (кремневое копье); *15* — Старый канал; *16* — Мань-я; *17* — Низямы. Случайные находки показаны на карте условно.

Площадь ее, по данным П. А. Дмитриева, приблизительно 3000 м². Мощность культурного слоя (0,4—0,9 м) свидетельствует о длительном ее существовании. П. А. Дмитриевым, совместно с Д. Россомахиным, раскопано было около 90 м². Собранный материал невелик, но дает удовлетворительное представление о памятнике. Дмитриев, опубликовав результаты раскопок, по какой-то причине совершенно не дал рисунков керамики; к тому же и описание ее недостаточно полно. Считаем целесообразным дать здесь таблицу наиболее типичных образцов керамики по материалам, хранящимся в Тюменском музее. При этом следует сделать одно замечание по поводу всего памятника в целом. П. А. Дмитриев датировал Липчинскую стоянку эпохой железа, основываясь на находке железного шлака и кусков болотной руды. Однако, просматривая керамический материал, мы обнаружили в нем обломки сосудов, совершенно отличных от основной массы, о которых Дмитриев почему-то не упоминает в своей статье.

Керамика этого типа нам хорошо известна, в частности, по Богандинскому городищу на р. Пышме, примерно в 30 км от Тюмени, равно как и по другим памятникам конца I тысячелетия н. э. Характерной чертой для этих поздних городищ является обилие шлаков, окалины и руды в культурном слое. Можно не сомневаться, что кусок шлака на Липчинской стоянке связан именно с поздним, а отнюдь не с ранним слоем. Ранний культурный слой характеризуется сосудами, преимущественно параболоидной и митровидной формы. Однако встречаются и плоскодонные, причем в несколько большем количестве, чем отмечает П. А. Дмитриев. Профиль края, как правило, ровный, но встречается и утолщение или наплыв с внутренней стороны — черта пережиточная, сохранившаяся с неолита. Орнамент сплошной, покрывающий всю поверхность сосудов.

Наиболее распространенными являются различные виды гребенчатого штампа (табл. XIV), но столь же обычны и неглубокие, чаще всего подтреугольные и овальные ямки, отступающая лопаточка и отступающая гребенка, которыми выполнены полосы, и сплошное заполнение поля. Очень обычна зубчатая качалка. Реже встречается прочерченный орнамент и почти полностью отсутствует волнистый, столь характерный для неолитической керамики. Круглые глубокие ямки, как правило, наносились лишь по венчику, либо ими отграничивались орнаментальные зоны. Сплошное заполнение ими поля, характерное для несколько более поздних памятников, встречается редко.

Интересен каменный инвентарь Липчинской стоянки. Наконечники стрел, отчасти аналогичные известным из Полуденки, таковы: листовидные, удлиненные с небольшим черешком [1]. Имеется наконечник довольно архаического облика, на ножевидной пластине со скошенным основанием; вместе с тем встречаются широколистовидные и треугольные наконечники, обработанные сплошной ретушью. Можно указать также еще один наконечник удлиненно-треугольный [2], с выемкой в основании и намечающимся перехватом — формы, несомненно, более поздние, чем полуденские. Об относительно поздней дате свидетельствует шлифованный сланцевый наконечник удлиненно-овальной формы, с продольными желобками, образующими шипы в основании наконечника. Весьма близкие по форме наконечники были обнаружены на Береговых стоянках Горбуновского торфяника, вследствие чего А. Я. Брюсов датирует их для Урала серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. [3] Это ни в какой степени не указывает на время появления подобных наконечников, однако надо сказать, что мы не находим их ни на одной из стоянок Урала и Зап. Сибири, относящихся к III тысячелетию до н. э.

Из других каменных орудий с Липчинской стоянки можно отметить шлифованные сланцевые ножи, напоминающие екатерининские и полуденские. Таким образом, Липчинская стоянка, наряду с ранними формами, относящимися еще к III тысячелетию до н. э. (утолщение с внутренней стороны края сосудов, неглубокие прочерченные и, сравнительно редко, волнистые узоры, мелкие овальные вдавления), дает, хотя и в небольшом количестве, формы,

---

[1] П. А. Дмитриев. Ук. соч., табл. 5, рис. 1, 2, О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, XVI, рис. 50—*9, 10, 12.*

[2] П. А. Дмитриев. Ук. соч., табл. 5, рис. 3.

[3] А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, XXXVII, стр. 75.

Табл. XIV. Энеолитическая керамика Липчинской стоянки

получающие наибольшее развитие в эпоху бронзы. Среди последних особенно следует отметить появление плоского дна и сплошной ямочной орнаментации, типичной для значительной части керамики Второй Андреевской стоянки.

Таким образом, Липчинскую стоянку следует полностью отнести к той переходной поре, которую условно можно назвать энеолитом. Пора эта, видимо, характеризуется не какими-либо специфическими, свойственными ей формами, а лишь соотношением уже исчезающих архаических черт и нарождающихся новых. Эти новые черты в керамике — плоское дно и сплошная ямочная орнаментация [1] в известной степени близки раннеандроновским памятникам.

Имеются все основания полагать, что, как и в афанасьевское время на Енисее, в эту переходную пору на Урале и в Зап. Сибири начинает распространяться металл, известный уже по Левшинской стоянке; найденный в ней нож датируется 2300 г. до н. э. [2], а керамический материал имеет немало общих черт с липчинским.

Как уже упоминалось, часть находок с Липчинской стоянки близка материалам со Второй Андреевской, раскопанной также П. А. Дмитриевым совместно с Россомахиным. Вторая Андреевская стоянка находится на небольшой, слабо возвышающейся над уровнем воды песчаной гряде, на берегу Козловой переймы. Стоянка определена Дмитриевым [3] как однослойный памятник, относящийся к началу I тысячелетия до н. э. Однако и в данном случае изучение материала, хранящегося в Тюменском музее, и стратиграфических данных, опубликованных Дмитриевым, неизбежно приводит нас к иному заключению. Культурный слой Второй Андреевской стоянки, по данным П. А. Дмитриева, местами достигает 1,3 м, что свидетельствует об очень длительном существовании поселения на Козловой перейме. Мало того, сами землянки залегают еще глубже — на 25 (первая землянка), 50 (вторая) и 35—71 см (третья) ниже границы культурного слоя [1] и, конечно, никак не могут быть синхронизированы со всеми его горизонтами. Либо эти землянки следует отнести к самой ранней поре существования стоянки, либо, что более вероятно, они принадлежат к позднейшему этапу и при сооружении были вкопаны в имевшиеся уже к тому времени культурные напластования; хотя это и не прослежено Дмитриевым стратиграфически, но подтверждается наличием кострища с цилиндрическими грузилами, синхронного землянкам, на глубине 25 см от современной поверхности [2].

По нашим наблюдениям во время разведок и раскопок на Козловой перейме в 1952 г., слой, содержащий хотя бы в небольшом количестве керамику типа Второй Андреевской стоянки, встречается здесь почти повсеместно и именно на глубине 25—30 см. На той же Козловой перейме, но только у основания мыса со стороны Второго плеса, нами был обнаружен, но уже на глубине одного метра и более, слой неолитической стоянки, которая упоминалась выше. По материалам Второй Андреевской стоянки и в том числе по не опубликованным Дмитриевым фрагментам видно, что известное количество неолитической керамики имеется и на самом мысу, т. е. на берегу Козловой переймы, где расположены раскопы Второй Андреевской стоянки. По всей видимости, именно к этому подстилающему неолитическому слою принадлежат и некоторые кремневые наконечники из коллекции П. А. Дмитриева [3]. Один — асимметричный, по форме довольно близкий к наконечнику из Первой Андреевской стоянки; второй — с полулунным или секировидным поперечным лезвием, как будто не имеет себе пока аналогии ни на Урале, ни в Зап. Сибири.

Таким образом, к оценке Второй Андреевской стоянки, впредь до того времени, когда мы будем располагать стратиграфически более точно фиксированным материалом, надо подойти с некоторой осторожностью. Во всяком случае, следует исключить из рассмотрения немногочисленные фрагменты как архаические, так и поздние по типу. К последним, например, можно причислить и фрагменты, относящиеся (судя

---

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947, стр. 54, рис. 6 — могильник Ярки около Батеней.

[2] А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, V, 1937, стр. 26.

[3] П. А. Дмитриев. Вторая Андреевская стоянка. «Труды ГИМ», вып. VIII, М., 1938, стр. 108.

[1] Там же, стр. 98.

[2] Там же.

[3] Там же, табл. I, рис. 4, 5.

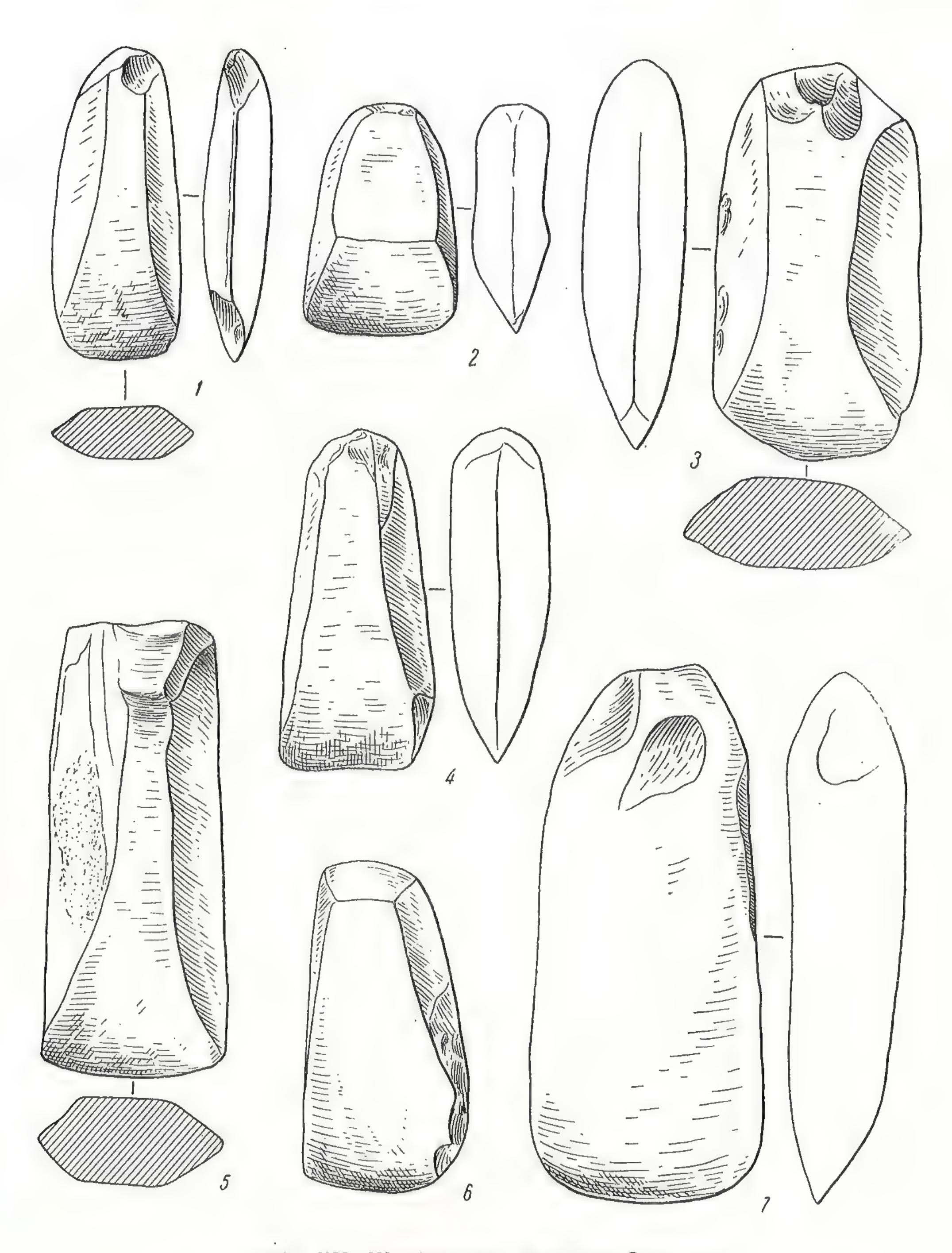


Табл. XV. Шлифованные тесла из Самарова

1, 3, 5 — с прямоугольной средней гранью; *2, 4, 6* — удлиненно подтреугольные; *7* — овальное

по «воротничку») едва ли не к началу I тысячелетия до н. э.[1] В общей массе они встречаются единицами и, конечно, не должны приниматься во внимание.

В основном Андреевская стоянка характеризуется митровидными и плоскодонными сосудами. Значительно в меньшей степени представлена параболоидная форма, являющаяся, видимо, уже пережиточной. Плоскодонные сосуды, по подсчету П. А. Дмитриева, составляют 41% к общему числу. Развитие профилировки заметно даже и на сосудах митровидной формы; на плоскодонных же в ряде случаев шейка отделена от плечиков очень крутым перегибом[2]. Однако мы почти не находим в керамике Второй Андреевской стоянки угловато-ленточных узоров и заштрихованных треугольников андроноидного типа, так хорошо представленных не только в Береговых стоянках, в среднем слое 6-го разреза Горбуновского торфяника и на стоянке Сузгун II, но и в памятниках далекого Заполярья, синхронных развитой бронзе, как Мамеевское зимовье на р. Таз. Нет основания предполагать на Андреевском озере, расположенном в 50 км от ялуторовских курганов, где встречается уже типично андроновская керамика, какое-либо отклонение от достаточно общего для Нижнего Приобья явления — распространения андроновских черт в керамике лесной зоны. В публикации Дмитриева дано лишь два фрагмента с подобными орнаментальными элементами[3]. Немногим больше можно найти и в остальном материале. При этом не следует упускать из виду, что некоторые из этих фрагментов могут происходить и из поверхностного слоя.

Изложенные соображения дают основания и для установления верхнего предела существования стоянки временем едва ли более поздним, чем середина II тысячелетия до н. э. Таким образом, ранний этап Второй Андреевской стоянки, несомненно, совпадает с последним периодом жизни человека на Липчинской стоянке. Последняя в свою очередь почти полностью моложе Полуденской. Полагаю, что не будет большой ошибки, если начало существования Второй Андреевской стоянки определить рубежом III—II тысячелетий или самым началом II тысячелетия до н. э.

[1] П. А. Дмитриев. Ук. соч., табл. III, рис. 5, 10.
[2] Там же, табл. III, рис. 32, 33.
[3] Там же, табл. III, рис. 14, 23.

Заканчивая характеристику Второй Андреевской стоянки, надо еще раз подчеркнуть одну черту орнаментации ее керамики. В отличие от липчинской, а также от керамики всех известных более поздних стоянок, чем Андреевская, здесь мы встречаемся с широким развитием ямочной орнаментации. Ямки (реже — круглые, чаще — неправильных форм), расположенные горизонтальными рядами, образуют широкие ленты, перемежающиеся с гребенчатыми поясками, или сплошное заполнение поля, включая и плоское дно. Перед нами встает вопрос, является ли эта характерная и яркая черта в орнаментации типичной лишь для памятников, расположенных в низовье р. Туры, или она отражает более широкое и общее явление? В керамике со среднеуральских стоянок, опубликованной в статье В. М. Раушенбах[1], мы ни в одном случае не находим сплошной ямочной орнаментации. Создается впечатление, что ее и нет. Однако в указанной статье нет и материала, полностью синхронного Второй Андреевской стоянке. В. М. Раушенбах для ряда ранних уральских памятников, в частности Стрелки и Полуденки, принимает несколько более поздние даты, чем установленные А. Я. Брюсовым и О. Н. Бадером[2]. В. М. Раушенбах определяет возраст нижнего слоя 6-го разреза началом, а Полуденку II первой половиной II тысячелетия до н. э. Согласиться с этими датировками трудно, тем более, что типологически керамика Полуденки II лишь в очень малой степени отличается от керамики непосредственно предшествующих ей памятников — Полуденки I и нижнего слоя 6-го разреза.

Основываясь на работе Раушенбах, Брюсов синхронизирует последний памятник «с древнейшим горизонтом I Полуденской стоянки»[3]. Полуденка II — памятник, по всем данным, существовавший лишь незначительно позже, и едва ли его можно отнести

[1] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, XLIII, стр. 55—68.
[2] А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, XXXVII, стр. 74; О. Н. Бадер. Новый тип неолитического поселения на Урале. СЭ, № 2, 1949, стр. 146.
[3] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 157.

к периоду, выходящему за пределы III тысячелетия до н. э. По данным Раушенбах, с Полуденки II имеется только один экземпляр уплощенного дна, что заставляет датировать стоянку даже несколько более ранним временем, чем конечный период существования Липчинской, среди керамики которой уплощенное и даже плоское дно встречено в большем количестве.

Таким образом, памятников, время существования которых укладывалось бы в пределах первой трети II тысячелетия до н. э., нам на Среднем Зауралье как будто неизвестно, почему и провести интересующие нас сравнения невозможно. Должен заметить, однако, что при очень беглом просмотре керамики, хранящейся в Свердловском музее и собранной в различных пунктах, ямочная орнаментация изредка попадалась. Видимо, она все же не является совершенно чуждой на Среднем Урале.

Некоторую аналогию рассматриваемому типу орнаментации находим среди керамики памятника эпохи бронзы Сузгун II под Тобольском. Однако эта аналогия частичная и довольно отдаленная, поскольку встречаются только глубокие продолговатые вдавления, расположенные значительно реже, чем в случаях ямочной орнаментации андреевской керамики. К тому же на сузгунских сосудах ямочная орнаментация наносилась лишь в придонной зоне и никогда не занимает всей площади сосуда. Несравненно более полную аналогию андреевской орнаментации находим в керамике раннеандроновских памятников, где сплошная ямочная орнаментация покрывает всю площадь сосудов и сочетается с плоскодонной формой посуды[1].

К сожалению, памятников раннеандроновского времени известно очень мало, да и те только на Енисее, т. е. на территории, даже по сибирским масштабам весьма удаленной от Среднего Прииртышья. Ни в Казахстане, ни в Зауралье памятников раннеандроновского времени до сих пор не обнаружено. Большой интерес для разрешения поставленного вопроса имеет материал из раскопок Томского могильника. Материал этот долгое время оставался почти неизвестным, но теперь, благодаря работе

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947.

М. Н. Комаровой[1], может быть использован. Керамика со сплошной ямочной орнаментацией и уплощенным дном обнаружена в погребениях № 1—8 на Малом мысу[2]. Некоторое отличие от орнаментации андреевской керамики заключается в отсутствии круглой ямки, но отличие это, вероятно, отражает лишь локальную специфику и не нарушает очевидного сходства.

М. Н. Комарова относит погребения к неолиту главным образом на основании отсутствия в них металла, но эта датировка не представляется достаточно убедительной, тем более, что М. Н. Комарова, не обнаружив аналогий среди керамики памятников неолита Вост. и Зап. Сибири, выдвинула положение о том, что «керамика Томского могильника занимает особое место среди керамики памятников эпохи неолита»[3]. Аналогию орнаменту на сосудах из этих погребений она видит в орнаментации посуды из Екатерининской стоянки, ссылаясь на мою краткую публикацию[4]. Однако, как это указано и в предыдущей и в настоящей работе, для екатерининской керамики типичны неглубокие оттиски отступающей лопаточки, тогда как ямочные вдавления редки и не имеют самостоятельного значения. Для датировки погребений на Большом мысу существенную роль играет каменный инвентарь. Значительная часть обнаруженных там тесел имеет хорошо выраженное шестигранное сечение. Подобная форма совершенно не встречается среди неолитических памятников Зап. Сибири и Урала и, наоборот, очень характерна для эпохи бронзы. Сплошная ямочная орнаментация представлена и на сосудах из погребений на Малом мысу, выделяемых Комаровой в первую группу. В отличие от сосудов, найденных на Большом мысу, они имеют несколько более четко выраженное дно, и Комарова совершенно закономерно сопоставляет эту группу с сосудами «ранней андроновской культуры из Окунева улуса»[5]. В инвентаре погребений

[1] М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, М., 1952.

[2] Там же, стр. 13, рис. 5.

[3] Там же, стр. 13.

[4] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, стр 82—86.

[5] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 28. Кроме указанных 12 погребений, М. Н. Комарова отмечает наличие на Малом мысу признаков существования

Малого мыса встречаем и прекрасно отшлифованные шестигранные тесла. По всей видимости, погребения Большого мыса несколько более ранние и относятся к самому начальному этапу эпохи бронзы.

Приведенные примеры, при всей их неполноте и отрывочности, все же указывают на широкое распространение сплошной ямочной орнаментации в начальный период развития плоскодонной керамики, который, по данным хронологии андроновской культуры, падает на первую половину II тысячелетия до н. э. Таким образом, предположение о локальном характере этого явления в пределах культур типа Второй Андреевской стоянки, иначе говоря, в пределах бассейна нижнего течения р. Туры, следует отбросить. Другой вопрос — каковы были причины, обусловившие появление на Туре орнаментации, однотипной с раннеандроновской. К сожалению, его в настоящее время приходится пока оставить открытым до решения основного вопроса — происхождения андроновской культуры.

Начало эпохи бронзы в Приобье знаменуется появлением и новых форм шлифованных каменных орудий. К ним следует отнести находку каменных орудий, поступивших впоследствии в ГИМ, с пометкой: «Самарово близ Тобольска»[1]. Еще одно орудие, явно из этого же неизвестного нам памятника (схожее с табл. XV—*2*), имеется в коллекциях Тюменского областного музея и также с указанием «из Самарова». Более подробных сведений об этой находке нет.

Все самаровские орудия шлифованные, очень тщательной отделки; одно из них диоритовое (табл. XV—*2*), остальные из твердого серо-зеленоватого сланца. Два из них продолговато-прямоугольной формы, остальные суживаются к тыльному концу. В профиле все несколько асимметричны, а в сечении: пять — шестигранной формы, одно — овальной (табл. XV—7) и одно — асимметричное, с зашлифованной на две грани (как у шестигранных) стороной, тогда как другая — прямая (табл. XV—*6*). В соответствии с очертанием орудий, средняя грань либо прямоугольна и расширяется лишь к самому лезвию (табл. XV—*1, 3, 5*), либо удлиненно-подтреугольна (табл. XV—*2, 4, 6*).

В приведенных выше материалах с памятников эпохи неолита и энеолита шестигранные тесла типа самаровских, как мы видели, нигде не были встречены. Однако полная аналогия им имеется в находке близ с. Красногорского на р. Исети (около 50 км к югу от Тюмени). Материал собран И. Я. Словцовым с развеиваемых дюн, на которых находилась стоянка или могильник. Коллекция состоит лишь из орудий, керамики в ней нет. Содержит она следующие предметы.

1. Два шлифованных тесла из зеленоватого сланца. Длина их 12,3 и 7,3 см. Оба шестигранные в сечении. Одно из них прямоугольное, с прямоугольной же средней гранью, другое — суживающееся к тыльной части, с такой же формой средней грани (табл. XVI—*3, 9*).
2. Два тесла из того же материала. Имеют удлиненную форму, несколько суживающуюся к тыльной части. Сечение прямоугольное (табл. XVI—*1, 6*).
3. Два желобчатых тесла из того же материала, прекрасно отшлифованные. В сечении — округлые (табл. XVI—*2, 5*).
4. Несколько мелких шлифованных тесел или ножей из сланца, в сечении — трапециевидных и шестигранных (табл. XVI— *7, 8*); по форме они очень близки екатерининским[1].
5. Бронзовый нож листовидной формы, с плоским коротким черешком и намечающимся ребром (табл. XVI—*4*). Конец ножа обломан. Длина сохранившейся части — 15 см.

Нож этот позволяет датировать орудия из с. Красногорского приблизительно серединой II тысячелетия, причем, учитывая отмеченную близость мелких тесел с екатерининскими, указанную дату надо считать, пожалуй, предельной. В общих чертах такая же дата должна быть определена и для самаровских орудий.

Для нижнего течения Иртыша и Оби в настоящее время известно четыре памятника, не считая находок отдельных предметов, которые могут быть отнесены к эпохе бронзы,

там погребений «неолитических», т. е. типа Большого мыса (например, сосуд в квадрате 88, каменные орудия, залегавшие ниже горизонта 11-го погребения).

[1] Близость довольно условная, так как от Тобольска до Самарова около 500 км.

[1] КСИИМК, XVII, рис. 34—*8, 9*.

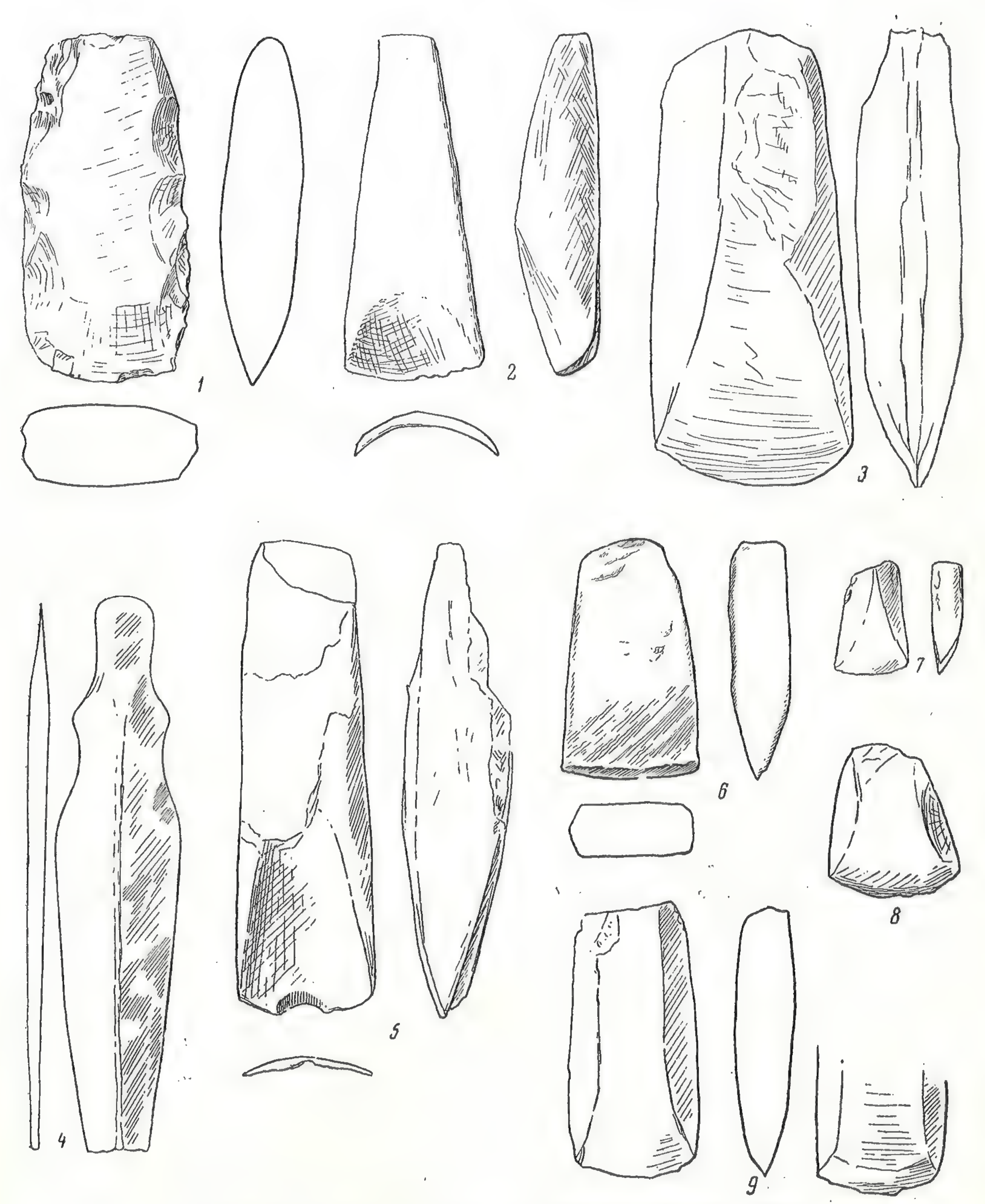


Табл. XVI. Орудия со стоянки Красногорское на берегу р. Исети

1—3, 5—9—тесла из сланца; *4*—бронзовый нож

именно: стоянки Салехард I, зимовье Мамеево, Сортынья II и жертвенное место Сузгун II.

Стоянка Салехард I обнаружена в 1925—1926 гг. Редриковым, переславшим свои сборы в МАЭ. В 1946 г. во время работ Мангазейской экспедиции нам удалось посетить эту стоянку и произвести раскопки. Материал их обработан В. И. Мошинской и публикуется в настоящем сборнике.

Керамика стоянки Салехард I резко отличается от известной нам с более ранних памятников. Наряду с продолжающими бытовать параболоидными сосудами, встречаются небольшие баночной формы сосудики с совершенно прямыми стенками и уплощенным дном; неглубокие чашки или миски, по форме приближающиеся к острореберным [1], и кюветообразные прямоугольные сосуды с прямыми стенками [2]. В орнаментации керамики используются композиции, состоящие из крупных треугольников, ромбов и ступенчатых фигур [3]. Некоторые сосуды снабжены небольшими вертикальными ручками, скульптурно оформленными в виде животных, и скульптурными же головками животных (соболь?) на краях сосудов, аналогии которым находим в Береговой стоянке Горбуновского торфяника [4]. Возраст последней определяется А. Я. Брюсовым XIV—XIII вв. до н. э.

Орнаментация салехардской керамики во многом неожиданно напоминает андроновскую. Это сходство в еще большей степени подкрепляется наличием своеобразного сосуда типа «прямоугольного блюдца» (кюветообразный). По данным К. В. Сальникова, форма эта характерна для погребений раннеандроновского времени. К этой поре, т. е. к середине или второй трети II тысячелетия до н. э., мы и принуждены, за отсутствием более точных датирующих материалов, отнести стоянку Салехард I, к которой по формам керамики и, видимо, по времени существования близка стоянка Сортынья II.

Городище и стоянка Сортынья II, обнаруженные мною при разведке в 1931 г. и обследованные более подробно в 1935 г., расположены на левом возвышенном берегу р. Сев. Сосвы, в 2 км выше с. Сортынья Верхние слои памятника относятся к городищу усть-полуйского времени. Валы и землянки в сильной степени нарушили нижележащие слои. Поэтому ранняя керамика, в основном залегающая вместе с каменными орудиями в самом нижнем горизонте, попадается и в насыпи землянок; однако в поддерновом слое, в местах, не нарушенных постройкой жилищ, ее совершенно нет. При раскопке землянки на городище, в бортах ее и в самом нижнем горизонте обнаружено значительное количество керамики и орудия.

1. Небольшое тесловидное орудие подквадратного сечения, суживающееся к тыльной части. Общая длина его 11,7 см. Орудие из зеленоватой породы, вроде змеевика, грубо обито; зашлифован лишь рабочий край, имеющий позднейшие выбоины, свидетельствующие об употреблении (табл. XVII—*11*). По грубости изготовления, форме и забитости можно думать, что орудие, как и некоторые приведенные выше, служило для рыхления земли.

2. Кусок кристаллической породы, имеющий с одной стороны полукруглую выемку с острым краем. Орудие, по всей вероятности, не закончено (табл. XVII—*12*).

3. Обитый из такой же породы наконечник стрелы или дротика. Также не закончен (табл. XVII—*13*).

Керамика Сортыньинской стоянки по форме сосудов, составу теста, отделке поверхности и по орнаментации почти совершенно тождественна салехардской. Она также включает в себя сосуды параболоидной формы, достигающие довольно значительных размеров (30—40 см в диаметре), небольшие стаканообразные сосудики с совершенно прямыми стенками и уплощенным дном и неглубокие миски с загнутым внутрь краем (табл. XVII—*4*). В орнаментации, наряду с продолжающими существовать горизонтальной елочкой (табл. XVII—*1*, *6*, *7*), «качалкой» (табл. XVII—*5*) и другими архаическими мотивами, широко распространены ромбические (табл. XVII—*3*, *8*), шестигранные «сотовые» (табл. XVII—*2*, *4*) и ступенчатые композиции, делающие сортыньинскую керамику близкой салехардской. Однако между ними есть и различие: в Салехарде подавляющее большинство узоров на сосудах выполнено лопаточкой, в Сортынье II

---

[1] В. И. Мошинская. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде (в настоящем сборнике, табл. IV—*9*).

[2] Там же, табл. II—*14*.

[3] Там же, табл. IV—*9*; табл. V—*9*, 14.

[4] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X., М., 1940, стр. 96.

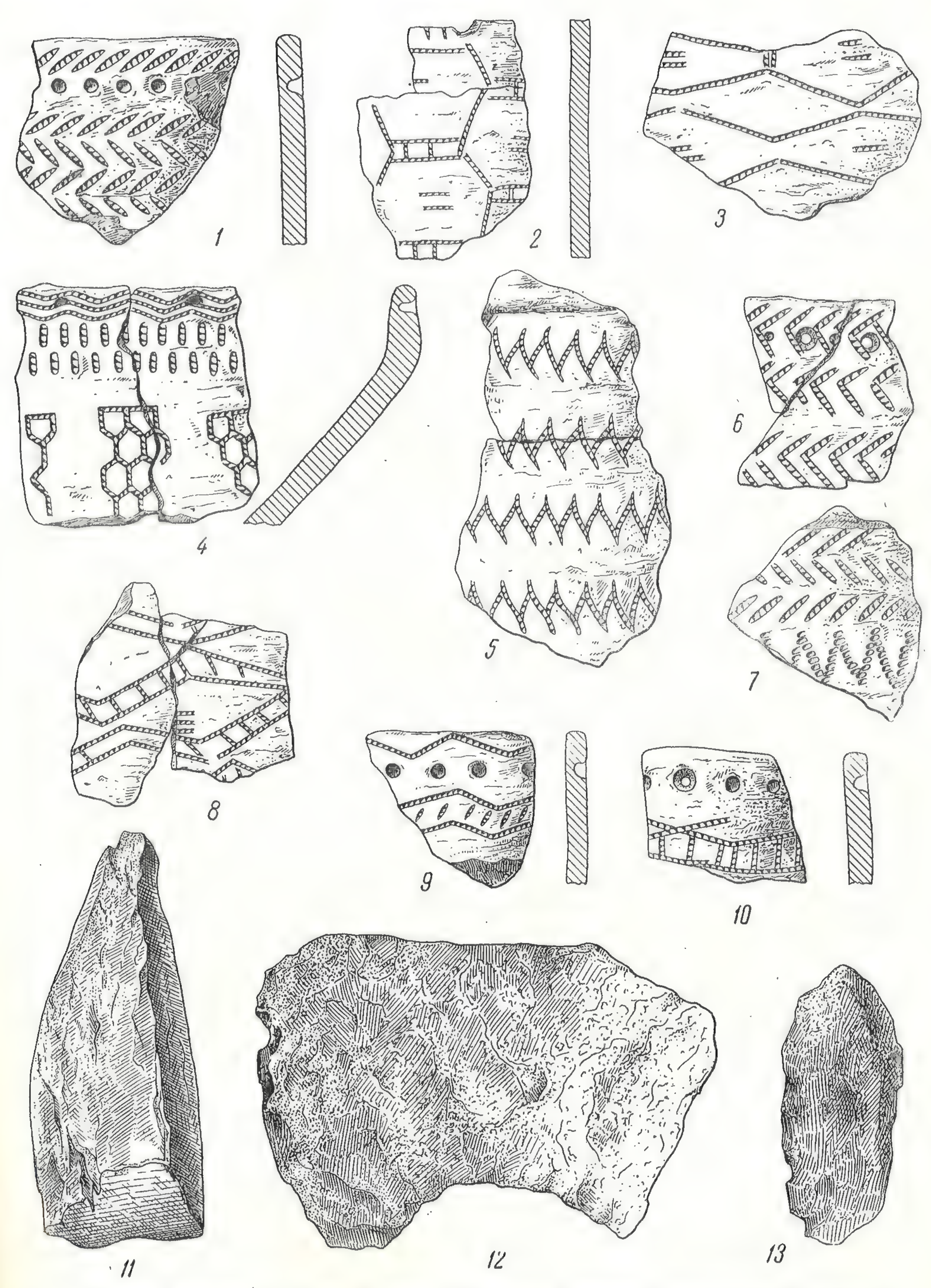


Табл. XVII. Керамика и орудия из нижнего горизонта культурного слоя городища Сортынья II

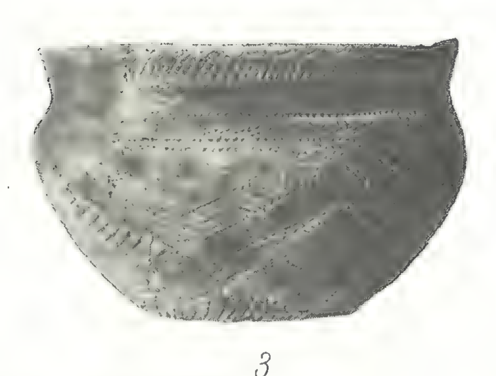
1—10 — фрагменты керамики; *11—13* — каменные орудия

лопаточка не встречается; ее место занимает гребенка, что несколько сближает сортыньинскую керамику, с одной стороны, с более ранними местными, с другой — с уральскими формами.

В 1927 г. Р. Е. Кольсом, начальником Тазовской экспедиции РГО, был собран археологический материал с левого берега р. Таз, между сел. Хальмер-седе и зимовьем Мамеева, под 67°20′ сев. широты. На одном из пунктов (пункт IV) им были обнаружены фрагменты глиняных орнаментированных плоскодонных сосудов, по типу очень близких керамике сузгунской культуры эпохи бронзы, происходящей из Тобольского района.

1

2



3

Табл. XVIII. Керамика с жертвенного места эпохи бронзы — Сузгун II

1 — сосуд первого типа; *2* — сосуд второго типа; *3* — сосуд третьего тига

До недавнего времени обе стоянки — Салехард I и Сортынья II — были чрезвычайно

трудно объяснимы. Наличие совершенно отчетливых андроноидных черт в формах сосудов (кюветообразные «прямоугольные блюдца», плоскодонные чашки с ребром) и в орнаментации (треугольные, ромбические, шестигранные и сотовые[1], ступенчатые и ленточные композиции) на территориях, удаленных от областей распространения андроновской культуры, к тому же расположенных в северной части таежной зоны, было мало понятным. Вопрос в самых общих чертах удалось разрешить лишь в 1948 г.

Во время работ Обь-Иртышской экспедиции нами был обнаружен в 8 км от Тобольска, близ юрт Сузгун, своеобразный и интересный памятник. Хотя в результате двухлетних раскопок (1948 и 1950 гг.) памятник еще полностью не был вскрыт, однако стратиграфию его удалось установить с достаточной ясностью, а обилие материала (свыше полутора тонн керамики) позволяет вынести суждение о характерных для него формах. Полная публикация, подготавливаемая в настоящее время В. И. Мошинской, появится в печати лишь через два-три года, но некоторое представление о памятнике можно дать уже и теперь.

Памятник, получивший наименование Сузгун II, расположен в небольшом ложке́, отделяющем высокую с крутыми склонами сопку Сузге-тура от возвышенности правого берега Иртыша. Раскоп показал, что культурный слой залегает по всему ложку от борта до борта, постепенно выклиниваясь в его вершинке, выходящей к обрыву в пойму, к древнему руслу Иртыша. В нижней части ложка культурный слой прослежен почти по всему его протяжению, до выхода в глубокий овраг, открывающийся к небольшой речке. В средней части ложка обнаружено кострище, по обе стороны от которого, у подножья склонов сопки и увала, найдено большое количество керамики в виде полных и лишь раздавленных сосудов и отдельных фрагментов. Выяснилось, что сосуды первоначально располагались довольно правильными рядами у подножья некогда крутых склонов, которые неоднократно обваливались, засыпая песком расставленные внизу горшки. Однако поверх обвалов неизменно появлялись новые ряды сосудов до тех пор, пока место по какой-то причине не перестало посещаться обитателями. Кроме сосудов, встречено небольшое количество вещей, главным образом пряслица, небольшие гальки с забитыми концами, глиняная головка лошади; все эти предметы находились внутри больших сосудов, иногда вместе с миниатюрными горшочками. Общее число обнаруженных сосудов пока еще не установлено, но оно должно исчисляться многими десятками и даже сотнями. По ряду соображений, которые позволяю себе здесь не излагать, Сузгун II, видимо, представляет собой древнее жертвенное место, вернее всего, связанное с заупокойным культом.

Керамика Сузгуна II исключительно интересна, и на ней придется остановиться подробнее. Уже сейчас можно говорить о существовании в ней нескольких типов. Из всей массы находок выделяются крупные сосуды, свыше 30 см в высоту и с таким же наибольшим диаметром по верхней трети сосуда. Все сосуды плоскодонные, хорошо профилированные, с невысокой, несколько расширяющейся шейкой, плавно переходящей в плечи и тулово. По общим очертаниям они сходны с андроновскими, но отличаются значительно меньшим относительным диаметром дна (табл. XVIII—*1*). Ко второму типу относятся небольшие, сравнительно низкие плоскодонные горшки, представляющие вариант некоторых андроновских форм (табл. XVIII—*2*). Довольно близкие аналогии имеются в керамике Алексеевского поселения на р. Тоболе[1]. Третий тип — глубокие миски с плоским или уплощенно-округлым дном; по профилировке верхней части они сходны с горшками второй группы. С известной долей осторожности можно сказать, что миски с округлым дном как будто чаще встречаются в верхних горизонтах культурного слоя. Наконец, следует упомянуть и редкие находки миниатюрных, иногда острореберных сосудиков. Они обычно без орнамента и изготовлены довольно небрежно. Почти без исключения все они найдены лежащими внутри больших горшков и, вероятно, имеют какое-то культовое назначение.

[1] Сотовый орнамент, по указанию К. В. Сальникова, близок к орнаменту на керамике со стоянки Кысык-Куль, относящейся к ранней бронзе. Аналогии ему можно указать также в стоянках Липчинской и Второй Андреевской.

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, М., 1949, рис. 53—*1*.

За исключением этих миниатюрных сосудиков, вся керамика Сузгуна II изготовлена с исключительной тщательностью. Нередко сосуды покрыты лощением снаружи и внутри. Орнамент чрезвычайно богат и разнообразен и в некоторой части близок андроновскому. Особенно хорошо орнаментированы сосуды первой и второй групп. Как правило, они украшены по всей поверхности, часто включая и донышко, причем орнамент распадается на несколько четко разграниченных зон. На больших горшках таких зон четыре.

Верхняя зона, занимающая шейку и плечики, состоит из двух хорошо уравновешенных между собой орнаментальных поясов, разграниченных гладкой, обычно лощеной дорожкой. Пояса верхней зоны состоят из оттисков мелкозубой гребенки, реже —иных штампов. Каждый из этих поясов выделен хотя бы одним рядом круглых ямок. Следующая зона, занимающая среднюю часть сосуда, книзу от линии наибольшего диаметра, состоит из широкой (до одной трети высоты горшка) полосы ленточного меандроидного узора, треугольных и ромбических композиций. Как правило, это наиболее эффектная часть орнамента. Третья зона образуется крупными нарезными заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз, иногда доходящими до самого дна (табл. XVIII—*1*). Случается, что треугольники заменяет елочка или другие виды гребенчатого орнамента. Четвертая зона — придонная — бывает заполнена рядами ямок, оттисками короткой крупнозубой гребенки или гладкой лопаточки, нарезной ромбической решеткой и др. Если орнаментировалось и дно, то обычно так же, как четвертая зона.

Сосуды второй группы орнаментированы примерно по такому же принципу, но третья зона иногда отсутствует, в чем они опять-таки оказываются схожими с андроновскими. Однако иногда они бывают покрыты сплошным более или менее однообразным узором — гребенчатая елочка или насечки лопаточкой в сочетании с ямками (табл. XVIII—*2*).

Сосуды третьей группы (табл. XVIII—*3*) — глубокие миски, орнаментированы несравненно скуднее. Зональная разбивка наблюдается и здесь, однако закономерности заполнения зон определить пока не удалось. Орнаментированы миски обычно сплошь по всей поверхности, иногда (главным образом при скругленном дне) только в верхней части. Узор, как правило, однообразен и выделяется лишь на верхней части шейки и венчика. Несмотря на простоту орнамента, благодаря лощению, миски производят впечатление красивой, тщательно сделанной посуды.

Нижние и верхние горизонты культурного слоя дают некоторое различие в формах и орнаментации керамики. Возраст и хронологические рамки Сузгуна II можно пока определить лишь ориентировочно. При всем своеобразии сузгунская керамика, несомненно, близка андроновской и, в частности, керамике с памятников, расположенных по течению Тобола и его притоков (Алексеевское поселение на Верхнем Тоболе, Ялуторовские курганы и др.). Некоторые элементы орнамента, встречающиеся на сосудах из верхних горизонтов культурного слоя Сузгуна II, как, например, ряд крупных защипов по шейке, известны по материалу поселения близ Ивановки (в 16 км от Сузгуна), которое датируется кельтом IX—VIII вв. до н. э.[1] Однако никаких других элементов, характерных для Сузгуна, мы в Ивановке не находим, равно как и в Сузгуне нет типичных для Ивановки форм. Отсюда можно сделать вывод, что время существования позднего слоя Сузгуна II предшествует времени возникновения Ивановского поселения; следовательно, и предел существования Сузгуна II должен определяться не позднее X в. до н. э. Такая дата находит подтверждение и в поразительной близости керамики Сузгуна II с материалами раскопанной А. В. Збруевой Луговской стоянки эпохи поздней бронзы на Каме. К сожалению, детального сравнения между этими памятниками провести пока невозможно, поскольку обработка материалов Луговской стоянки, как и Сузгуна II, еще не закончена. Однако можно уже и теперь сказать, что сходство по орнаментации и по форме сосудов Сузгуна и Луговской стоянки доходит в отдельных случаях почти до полного тождества, что свидетельствует не только о частичной синхронности памятников, но и о вероятности этнических связей.

Мощность культурного слоя Сузгуна II, достигающего в северных частях памятника

---

[1] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI.

(ближе к подножью сопки) полутора метров, при насыщенности его в этих местах керамикой до 40—50 килограммов на квадратный метр, несомненно, может служить доказательством большой длительности существования памятника. Никаких объективных показателей для определения степени длительности мы еще не имеем. Сплошная орнаментация, которая встречается на некоторых сузгунских сосудах, не может служить достаточным основанием для установления архаичности культурного слоя памятников лесной полосы. Единственным соображением в дополнение к отмеченным выше мощности и насыщенности слоя может служить то, что Сузгун II является культовым местом, а не поселением, почему культурный слой на нем должен нарастать гораздо медленнее. Едва ли мы ошибемся, если определим длительность существования Сузгуна II несколькими столетиями, а время возникновения его — серединой II тысячелетия до н. э.

Керамика, тождественная Сузгуну II, обнаружена не только в ложке́, но и на вершине сопки (Сузгун I), однако слой там оказался нарушенным позднейшим городищем, с которым у местных жителей (татар) связано предание о жене Кучума — Сузге; откуда и название сопки и городища — Сузге-тура. В то же время в раскопах, заложенных на вершине сопки, следов древнего поселения не обнаружено, и очень возможно, что Сузгун I, так же как и Сузгун II, являлся культовым местом. Это предположение подкрепляется тем, что Сузге-тура представляет собой одиночно стоящую, господствующую над необозримой поймой Иртыша, высокую сопку, с которой (как, например, в Гляденове) открывается вид на десятки километров. Весьма вероятно, что здесь же находилась и литейная мастерская, поскольку в смыве с вершины, содержавшем керамику сузгунского типа, нами обнаружен фрагмент литейной формы для кельта. В связи с этим интересно упомянуть еще одну находку, сделанную А. Г. Шананиным[1]. Будучи еще школьником, он обнаружил в промоине у подножья сопки, со стороны поймы, бронзовый меч, длиной около 40—50 см. По его словам, меч был сходен с мечом, найденным в Андреевском озере близ Тюмени. Меч этот, к сожалению, не сохранился, однако самый факт находки очень интересен.

[1] Директор Тобольского музея, умерший в 1952 г.

Сузгун I и Сузгун II не являются единственными памятниками этой культуры. В 1948 г. сотрудником Института этнографии АН СССР и Западносибирской экспедиции В. В. Храмовой обнаружено в Заболотье — труднодоступном болотистом районе левобережья Иртыша, около сел. Лайтамак на р. Лайме,— поселение с керамикой сузгунского типа. Дальнейшие работы и поиски дадут, надо полагать, возможность более полно и всесторонне выяснить облик сузгунской культуры, исключительно интересной и важной для понимания исторических процессов.

Кроме описанных в настоящей главе памятников, относящихся к эпохе бронзы, заслуживают внимания и отдельные находки с территории Прииртышья, хранящиеся главным образом в местных музеях. В числе их следует отметить упоминавшийся нами бронзовый меч, извлеченный, по данным Д. Россомахина, в 1940 г. со дна Андреевского озера в районе Козловой переймы, против Второй Андреевской стоянки. Меч, к сожалению, не сохранился, и судить о нем можно лишь по небольшой фотографии. Он очень напоминает вилюйский, однако не в такой степени, как отмечает А. П. Окладников, называющий их двойниками[1]. Андреевский меч немного длиннее вилюйского и более вытянутой формы. Лезвие его у́же, рукоятка более округла, боковые шипы, образующие перекрестье, выступают больше. Навершье рукоятки, так же как и у вилюйского меча, имеет вид гвоздеобразной шляпки, а самая рукоять украшена поперечными валиками или рубчиками (табл. XIX—*1*). Лезвие меча отковано, очевидно, для образования наклепа, т. е. уплотнения, придающего бронзе жесткость и твердость. Андреевский меч является таким же, если не еще более замечательным образцом мастерства древних литейщиков, как и вилюйский, и характеризует высокое развитие металлургии в лесостепной полосе Зап. Сибири в эпоху поздней бронзы. Повидимому, очень похожим на

[1] А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Якутск, 1950, стр. 166, табл. 21, рис. 1. Следует отметить, что А. П. Окладниковым андреевский меч ошибочно указан найденным в Шадринском округе.

андреевский, но несколько короче его, был и сузгунский меч.

К более раннему времени, а именно ко второй половине II тысячелетия до н. э., относятся находки кельтов так называемого «сейминского» типа. Один из них, весьма типичный, хранится в Тобольском музее[1] и происходит, согласно записи в книге поступлений, «из Самарова» (табл. XIX — *2*). Он отлит из прекрасной желтоватой бронзы. Длина его 13,5 см, при наибольшей ширине по лезвию 6,9 см. Втулка овальная, а средний профиль шестигранный; средняя широкая грань отделена от боковых острыми выступающими ребрами. Втулка украшена характерной для подобных кельтов «лесенкой», от которой спускаются заштрихованные треугольники — по три на широких гранях и по одному на боковых. На одной из широких граней от среднего треугольника свисают два заштрихованных ромба. Лезвие кельта тщательно отковано.

Форма для отливки кельта[2], близкого по типу к описанному, найдена В. Н. Пигнатти, видимо, вместе с каменным молотом для дробления руды, приблизительно в 15 км от Тобольска, близ дер. Тюковой на р. Рогалихе. Форма эта предназначена для кельта прямоугольной формы и шестигранного сечения. Широкая грань, отделенная от боковых острыми треугольными ребрами, украшена орнаментом, состоящим из треугольников и ромбов. Эти черты сближают тюковскую литейную форму с сейминско-андроновским типом кельтов. Однако она несколько отличается очертаниями (шестигранная втулка, отсутствие расширения по лезвию) и орнаментом (отсутствие «лесенки»). Являются ли эти отличия локальными или хронологическими, с уверенностью сказать еще трудно; последнее, пожалуй, более вероятно, поскольку тюковская литейная форма в известной степени может быть сближена с западносибирскими кельтами первой группы[3]. Однако по орнаментации она, вероятно, древнее их и должна быть датирована последней четвертью II тысячелетия до н. э., укладываясь таким образом в хронологические рамки сузгунской культуры.

[1] Тобольский музей. Каталог ист. отд., № 64, по книге поступл. № 4458.

[2] Там же, № 69, по книге поступл, № 6515.

[3] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI, рис. 22.

Кельты сейминско-андроновского типа известны и из лесных районов низовий р. Ишима, местности, расположенной непосредственно по южной границе рассматриваемой территории. Два из них из «Каргалинской волости Тарского округа»[1] (табл. XIX — *3*) и третий «с низовьев реки Ишима». Последний числился в Тобольском музее за № 55, но в настоящее время, видимо, утерян. В Тюменском музее хранится также очень характерный кельт того же типа (табл. XIX — *4*). Это — крупное, прекрасно изготовленное орудие. Длина его 13 см и ширина по втулке 5,3 см, а по лезвию — 7,5 см. Лезвие хорошо отковано, отчего сильно расширено. Сечение по втулке овальное, а по средней части шестигранное. Поясок кельта заканчивается по бокам двумя ложными ушками, что, по мнению М. П. Грязнова, характерно для сибирского варианта сейминско-турбинских кельтов[2]. Орнаментация тюменского кельта своеобразна. Поясок его, в отличие от наиболее типичных экземпляров, украшен не лесенкой, а зигзагом; на широкой грани под рядом треугольников расположен ряд ромбов, вместо обычных свисающих. По общему облику и обилию орнамента тюменский кельт более всего напоминает кельт «из Вятской губ.», хранящийся в Антропологическом музее в Москве[3]. По данным картотеки Тюменского музея, где он числится за № 49 (896), этот кельт вместе с двумя другими (№ 897, 898) «найден в кургане в районе дер. Войновой-Гилевой, близ Тюмени» (между Тюменью и Андреевским озером). Кельт, числящийся под № 898, представляет собой асимметричное тесло. Этот тип распространен так же широко, как и сейминско-турбинский, и М. П. Грязнов едва ли закономерно именует его «карасукским»[4], поскольку близкие по форме тесла известны и с Камы и с Волги[5]. Тюменское тесло, найденное близ дер. Войновой-Гилевой, имеет в длину 8,4 см, а по втулке, пред-

[1] ОАК за 1907 г., стр. 121, рис. 127, 128; М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Сб. Гос. Эрмитажа, 1947, табл. 2, рис. 2.

[2] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 247.

[3] Там же, табл. 2, рис. 8.

[4] Там же, табл. 3.

[5] А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. Казань, 1901.

ставляющей в сечении асимметричный шестигранник,— 3,3 × 4,3 см.

Несмотря на запись в картотеке о нахождении орудий в кургане, можно видеть, относящийся по форме уже ко второй группе западносибирских кельтов[1]. Сомнение в правильности записи было в свое время уже высказано А. Гейкелем[2], который склонен

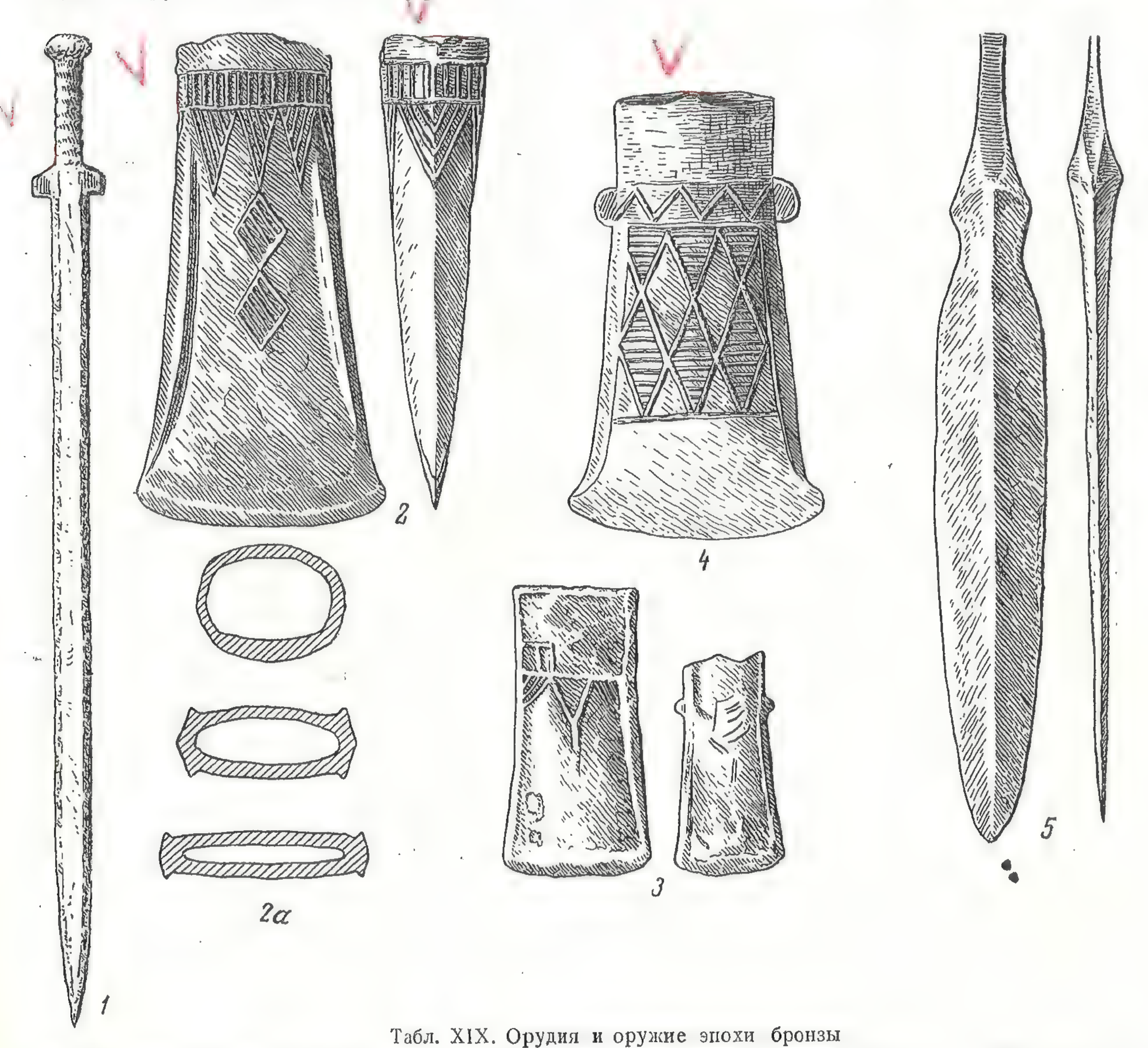


Табл. XIX. Орудия и оружие эпохи бронзы

1— меч из Андреевского озера; 2, 2а—кельт из Самарова; 3 — кельт из Тарского округа; 4 — тюменский кельт; 5— кинжал с озера Кунчур
1—около $^1/_6$, 2—5—около $^1/_2$, 3—около $^1/_3$ настоящей величины.

что они не представляют единого комплекса и, очевидно, разновременны. Если кельт следует, скорее всего, отнести ко II тысячелетию и едва ли даже к самому его концу, то тесло, вероятно, не старше рубежа II и I тысячелетий до н. э. Еще моложе тесла третье орудие — кельт (Тюм. муз., № 49/897), считать эти орудия происходящими из памятников, расположенных в районе юрт

[1] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI, стр. 68.

[2] A. Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentals. Helsingfors, 1894.

Варваринских на Тоболе, ниже устья Туры. Возможно, что предположение Гейкеля и правильно, но в такой же степени допустимо, что близ дер. Войновой-Гилевой существовали разновременные курганы или иного типа памятники (разведок там еще не производилось), откуда и поступили находки. В конце концов это не так уже существенно, поскольку на современном этапе археологического изучения Обь-Иртышья для нас в первую очередь имеет значение установление типов и форм орудий, существовавших на данной территории в ту или иную эпоху.

Среди отдельных находок бронзовых предметов заслуживает упоминания кинжал прекрасной работы, обнаруженный колхозником дер. Кунчур А. Д. Буклеевым в 1949 г. при распашке поля недалеко от обширного озера Кунчур лежащего среди лесных болот между реками Турой и Иской, в 60 км от Тюмени. Кинжал отлит из желтоватой бронзы, покрытой теперь блестящей темной патиной. Общая длина его 22,5 см; на лезвие иволистной формы приходится 17 см. В основании лезвия сделан небольшой перехват, за которым следует хорошо отмоделированное утолщение, плавно переходящее в черенок плоско-прямоугольного сечения (табл. XIX — *5*). Конец черенка обломан. Вдоль всего лезвия идет хорошо выраженное ребро, придававшее кинжалу бóльшую прочность. Наличие ребра и длинного прямоугольного в сечении черенка заставляет отнести кинжал к поздним этапам бронзы, но еще в пределах II тысячелетия до н. э.

Открытие Сузгуна II, в керамике которого, несомненно, выражены андроновские черты, находки кельтов на территории лесного Прииртышья и, что еще более важно, литейной формы для кельта сейминско-андроновского типа явно свидетельствуют о тесных связях, существовавших между племенами лесными, с одной стороны, и степными и лесостепными — с другой. При этом племена сузгунской культуры, обитавшие по южной полосе таежной зоны, на берегах могучей речной магистрали, протянувшейся от Казахстана и Зап. Китая до берегов Ледовитого океана, являлись звеном, связывавшим племена степной культуры эпохи бронзы с населением таежного и притундрового севера и обусловившим появление в Салехарде I и зимовье Мамеева — памятниках, расположенных за Полярным Кругом,— казалось бы неожиданных андроновских черт в орнаментации и формах керамики.

При всей неполноте и отрывочности материалов по неолиту, энеолиту и эпохе бронзы северного Обь-Иртышья некоторые попытки систематизации их могут и должны быть сделаны. В первую очередь следует попытаться выяснить типологию и развитие форм отдельных объектов материальной культуры. Разумеется, что подобная работа сможет дать надежный результат только при наличии массового материала, каким мы пока еще не располагаем. В настоящее время возможно лишь установить основные тенденции этого развития, что поможет в классификации материала при дальнейшей работе.

На прилагаемой таблице (XX) делаем попытку свести в хронологическом порядке отдельные категории предметов материальной культуры и орнаментов на керамике и сопоставить их с аналогичными категориями со смежных территорий. Такое сопоставление если и не особенно приближает нас к выявлению абсолютной хронологии памятников древней истории Зап. Сибири, то помогает обнаружить и устранить ошибки в их относительной датировке. При этом отчетливо выступают и те общности форм материальной культуры, которые могут являться следами древних связей, существовавших в разные эпохи между отдельными районами.

Наиболее ранние из этих связей можно относить к находкам орудий микролитического облика, происходящих, как было уже сказано, из нижних горизонтов песков, на южном берегу Андреевского озера, близ Второй переймы. Аналогичные предметы, в частности асимметричные наконечники стрел, известны и с Урала из стоянок у дер. Палкино [1], но без каких-либо указаний на условия находки. Несравненно более интересны аналогии, обнаруживаемые в Вост. Сибири, где совершенно тождественный андреевскому микролитический инвентарь оказался в комплексах хиньского времени [2].

---

[1] П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, М., 1951, стр. 41; стр. 45, рис. 1 — *18, 19*.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 160, рис. 15

Наконец, столь же близкие вещи известны и далеко на юге, в неолитической стоянке Джанбас-кала № 4 [1]. При этом асимметричный наконечник с боковой выемкой из Первой Андреевской стоянки, равно как и один из палкинских, оказывается по своим пропорциям (длинная боковая выемка) более всего похожим именно на кельтеминарские. К этому следует добавить, что хотя находки на Андреевском озере пока не удается увязать ни с одним из известных нам оттуда типов керамики, все же керамика из более поздних стоянок, относящихся как к неолиту, так и энеолиту, оказывается по орнаментации и некоторым формам сосудов чрезвычайно близкой керамике из стоянки Джанбас-кала № 4.

Отмеченное здесь сходство в материале можно было бы считать случайным совпадением, если бы близость между Обь-Иртышьем, с одной стороны, и Вост. Сибирью и Казахстаном — с другой, не наблюдалась и в последующие эпохи.

Близость с Прибайкальем сказывается в распространении в Приобье выбивной техники при изготовлении глиняных сосудов, в расположении орнамента (гребенчатого, струйчатого и других типов) в виде ленточных переплетений [2], напоминающих широкую «плетенку» прибайкальских сосудов исаковского типа [3], в орнаменте, выполненном отступающей «лопаточкой». Находим в Зап. Сибири и крупные широкие «лавролистные» кинжалы или наконечники копий, совершенно тождественные серовским. Наконец, как в виде многочисленных случайных находок, так и из отдельных памятников (нижний слой Сортыньи I, Полуденка) известны топоры или тесла «с выступами», совершенно тождественные серовским теслам с Ангары и из Прибайкалья. Форма этих тесел настолько своеобразна, а распространение их столь локализовано, что надо отбросить всякую мысль о возможности самостоятельного возникновения их под влиянием сходных условий.

Однако далее серовского времени связи с Вост. Сибирью в пределах неолита и ранней бронзы как будто не идут. Никакие формы, специфические для Ангары и Прибайкалья, не обнаружены в Приобье позднее, чем конец III тысячелетия до н. э., по крайней мере в лесной полосе. Очевидно, этническое движение с востока к этому времени прекращается. Появление же в Прибайкалье в китойское время сосудов яйцеобразной формы с гребенчатой орнаментацией может свидетельствовать о каком-то влиянии с запада — быть может, из Приобья.

Подобная точка зрения была уже высказана ранее А. П. Окладниковым: «На востоке крайние следы ее (т. е. восточноуральской культуры неолита и ранней бронзы.— *В. Ч.*) неожиданно обнаруживаются в долине Енисея у Красноярска. В этом районе древнейшие неолитические находки свидетельствуют о глубоком влиянии Прибайкалья (керамика серовского типа, каменные фигуры рыб и т. д.). Позднее по Енисею, у Красноярска, распространяется восточноуральская культура, представленная, в частности, замечательным поселением на р. Собакиной, нижними его слоями» [1].

Совершенно другую картину мы можем наблюдать в развитии связей со степным и лесостепным югом. Крайняя фрагментарность и случайность материалов для территории Казахстана, которые можно было бы отнести к III тысячелетию до н. э., препятствуют воссозданию картины этих связей во всей непрерывности процесса. Тем не менее, основные моменты его все же могут быть намечены. Выше уже говорилось о сходстве кельтеминарской керамики с керамикой, происходящей с памятников нижнеобского неолита и неолита Урала и Зап. Сибири. К числу таких памятников в первую очередь следует отнести открытую и исследованную О. Н. Бадером стоянку Боровое озеро I [2], исследованную им же Полуденку I [3], на восточном склоне Урала, а в Зап.

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 11.

[2] Например, в стоянках Хулюм-сунт, Андреевского озера, а на Урале — Горбуново (см. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X, М., 1940, рис. 15).

[3] А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1, стр. 248, рис. 4.

[1] А. П. Окладников. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири (тезисы). «Доклады научных конференций Молотовского гос. университета», вып. 1—4. Молотов, 1948.

[2] О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 22, рис. 10.

[3] О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, XVI.

Сибири — описанные выше неолитические и энеолитические стоянки на Андреевском озере близ Тюмени. Большое сходство не столько со стоянкой Джанбас-кала № 4, сколько с немного более поздними энеолитическими стоянками Приаралья, как по керамике, так и по кремневому инвентарю, дает Омская стоянка, особенно в нижних горизонтах.

За последнее время А. А. Формозовым опубликованы статьи о культурах, существовавших на протяжении III — начала II тысячелетия на территории Казахстана, Средней Азии и Южного Зауралья [1]. Однако материалы, приводимые А. А. Формозовым, большей частью подъемные и происходят из разрушенных стоянок, в ряде случаев, несомненно, со смешанными слоями. Оперируя столь неполноценными данными, автор приходит и к совершенно незакономерному выделению приаральской (кельтеминарской), южноуральской и семипалатинской культур, основывая их характеристику на материале, с одной стороны, разновременном, с другой — неполном и случайном. Сравнивая несравнимые (именно по причине их разновременности и случайности) признаки, автор, естественно, приходит и к совершенно неправильным выводам, как, например, о якобы специфичной именно для кельтеминарской культуры выработке кремневых орудий на ножевидных пластинах [2], о присущности лишь семипалатинской культуре коротких и широких наконечников с выемкой в основании [3], а также к противопоставлению орнаментации южноуральской керамики — гребенкой и ямочными вдавлениями — орнаментации «кельтеминарской» — нарезными и прочерченными линиями. Неправомерность такого противопоставления станет ясной, если указать, что ямочная орнаментация очень типична для памятников Зауралья и, видимо, Казахстана первой половины II тысячелетия; прочерченные, в частности волнистые, линии — для неолита и энеолита, т. е. III тысячелетия; а нарезной орнамент на этой же территории приобретает преимущественное распространение в эпоху поздней бронзы и в переходном периоде, т. е. на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Гребенчатый же орнамент характерен почти для всех эпох.

В противоположность выводам Формозова, должен сказать, что все известные нам материалы, в том числе и опубликованные им в отмеченных выше статьях, как раз указывают, что на широких лесостепных и степных пространствах Казахстана, Зауралья и Приуралья в течение неолита и энеолита, т. е. в конце IV, III и начале II тысячелетия до н. э., существовали очень близкие между собой культуры, являвшиеся генетически родственными локальными вариантами единой культурно-этнической общности. Культуры эти характеризуются керамикой преимущественно яйцеобразной формы, к концу периода постепенно переходящей в параболоидную. Одновременно с этим появляются сосуды с намечающейся шейкой, а, видимо, к началу II тысячелетия начинает распространяться и уплощенное дно.

В развитии орнаментации можно наблюдать также как будто довольно определенную закономерность. Для ранних этапов периода, т. е. для конца IV и большей части III тысячелетия, орнаментация сосудов заключается преимущественно в оттисках гребенчатого штампа и линий как прямых, так и (что особенно характерно) волнистых. Ямочный орнамент имеет вполне подчиненное значение. В течение III тысячелетия появляется орнаментация «качалкой», главным образом гребенчатой и реже — гладкой. Этот характерный узор постепенно приобретает широкое распространение и существует вплоть до эпохи бронзы, на ранних этапах которой он исчезает. В северо-восточных и восточных частях территории (Иртыш — южные части Омской области, Семипалатинская область), по крайней мере в энеолите, кроме указанных элементов орнамента, распространены «отступающая лопаточка» и выбивной «псевдотекстильный» орнамент, проникающий, видимо, из лесных районов северо-востока. Насколько далеко на юго-запад распространяются эти элементы, пока неизвестно.

Развитие каменной техники на этой территории проследить пока также не представляется возможным — слишком незначите-

---

[1] А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXI; его же. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, XXXVI; его же. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX.

[2] КСИИМК, XXXIX, стр. 10.

[3] Там же, стр. 13.

		Урал	Зап. Сибирь (лесное Обь-Иртышье)	Казахстан и Средняя Азия	Вост. Сибирь (Прибайкалье)
IV тысячелетие	Неолит	1–7	8–11	12–16	20–24
Первая половина III тысячелетия	Неолит	25–29	30–37	17–19	38–42
Вторая половина III тысячелетия	Энеолит	43–52	53–63	64–66, 91–95	67–74
Первая половина II тысячелетия	Энеолит / Бронза	75–78	79–90	96–101	102–108
Вторая половина II тысячелетия	Бронза	109–116	117–128	129–139	140–145

Табл. XX. Типологическая таблица по эпохам неолита и бронзы Нижнего Приобья

1—3 — стоянка у дер. Палкино (П. А. Дмитриев. МИА № 21, рис. 1—*18, 19*); *4—7* — Шигир (А. Я. Брюсов. Очерки по истории. . . , рис. 32, 36); *8—11*— Первая Андреевская стоянка; *12—19* — Джанбас-кала № 4 (С. П. Толстов. Древний Хорезм); *20—24* — Прибайкалье (А. П. Окладников. МИА № 18, рис. 6—*15, 16*); *25—29* — Горбуново (Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник; Он же. Резная скульптура Урала); *30—37* — Стоянка Чэс-тый-яг и бассейн Сев. Сосвы; *38—42* — Прибайкалье (А. П. Окладников. МИА № 18; Он же. ВДИ, № 1, 1938, рис. 4); *43—52* — Полуденка (О. Н. Бадер. КСИИМК, вып XVI, рис. 50; СЭ № 2, 1949, рис. 2); *53*—р. Мань-я (Сев. Сосва); *55* — Обь-Енисейский канал; *54, 56—60, 62, 63* — Стоянки: Сортынья I, Хулюм-сунт, Нaксимволь (Сев. Сосва); *61* — Тарский р-н; *64—66* — Стоянки, относящиеся к кельтеминарской культуре в Казахстане (А. А. Формозов. КСИИМК, вып XXXIX, рис. 2—*12, 13*; 3—*1*); *94* — Там же, рис. 3—*5*; *91, 92* — КСИИМК, вып. XXV, рис. 16—*10, 13*; *95* — Там же, рис. 17—*1*; *67—74* — Прибайкалье (А. П. Окладников. МИА № 18); *75—78* — Горбуново (Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала, рис. 10—*5,7*; рис. 11—*7*; А. Я. Брюсов. Очерки рис. 3); *79* — р. Тавда; *80—83* — Palкогорская стоянка, р. Исеть; *84—90*— Вторая Андреевская и Липчинская стоянки; *93, 96, 97, 100, 101* — Джал Амбет (по данным С. С. Черникова); *98, 99* — Казахстан (А. А. Формозов. КСИИМК, вып. XXXIX, рис. 9); *102—108* — Прибайкалье (А. П. Окладников. МИА № 18); *109—114* — Горбуново (Д. Н. Эдинг. Резная скульптура, рис. 10. —2, рис. 5), Шигирский торфяник (П. А. Дмитриев. МИА № 21, рис. 1—*11, 13*; *115—116* — Там же (Е. М. Берс. МИА № 21, рис. 1—*17, 23*; рис. 3—*8, 2*); *117, 125* — Сортынья II (нижний слой); *126* — Салехард I; *118—119* — Хара-патка; *120* — Конда; *121*— оз. Кынчур; *122* — Тарский р-н; *123*— Нижний Иртыш; *124* — Тюмень; *127, 128*— Сузгун II; *130, 135*— Иссык-Куль (ГИМ); *129, 131*— *133, 136* — Омск (ГИМ и Омский музей); *134* — Мынчункур (С. С. Черников. Древняя металлургия, таб. VII, рис. 3); *137* — могильник у с. Исаково К. В. Сальников. МИА № 21, рис. 3—4); *138, 139* — Алексеевское поселение (О. А. Кривцова-Гракова. Труды ГИМ, вып. 17); *140—145* — Прибайкалье (А. П. Окладников. МИА № 18, рис. 9, нижний ряд)

(Рисунки, при которых не дана ссылка на литературу, опубликованы в настоящем томе. В рис. 88,89 допущена неточность. В действительности указанные сосуды имеют округленное дно)

лен и отрывочен материал. Можно лишь отметить, что для ранних этапов, так же как и на Севере, характерна микролитическая техника на ножевидных пластинах. Наконечники стрел — преимущественно односторонней обработки, хотя уже в стоянке Джанбас-кала № 4 встречаются с двусторонней ретушью. Среди форм, безусловно, типичны наконечники асимметричные, с боковой выемкой, которые позже как будто полностью исчезают. В степных и лесостепных памятниках, пожалуй, относительно дольше продолжает сохраняться микролитоидный облик кремневой техники. Во всяком случае, поделки такого рода, как, например, небольшие подтреугольные наконечники стрел на ножевидных пластинах с односторонней обработкой (но уже с выемкой в основании), известны с Омской стоянки, ранние слои которой не восходят, однако, далее рубежа III—II тысячелетий до н. э.[1]

В первой половине II тысячелетия до н. э., как будто для всей территории, так же как и на востоке, в районе Минусинской котловины характерно распространение керамики с уплощенным дном и преимущественно ямочной орнаментацией. Позже эта керамика сменяется уже типично андроновской, в общих чертах единообразной для всей территории. Мы не будем касаться здесь вопроса происхождения андроновской культуры[1], так как он далек от темы настоящей

[1] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, стр. 81. Омская стоянка расположена на левом берегу Иртыша против города Омска. Стоянка эта, несмотря на то, что она известна уже тридцать лет, до сих пор не изучена, причем лучшие части ее уже разрушены, а через несколько лет она исчезнет совершенно. Мною она была обследована в 1945 г., а затем еще в 1948 и 1949 гг. На основании своего первого знакомства с ней я высказал предположение о том, что возраст ее не древнее андроновской культуры. Предположение это основывалось на том, что под одним из ненарушенных очагов был обнаружен фрагмент сосуда с меандроидным андроновским орнаментом. Однако теперь я должен указать, что высказанное предположение, правильное в отношении данного очага, нельзя распространять на всю стоянку в целом. Очаги, располагавшиеся в западинах между дюнами или песчаными грядами нижнего конца древнего острова, безусловно, не одновременны. При этом некоторые из них, как и тот, в котором был обнаружен упомянутый фрагмент, имели довольно тонкий, очажный слой, тогда как другие достигали весьма значительной мощности. Никаких поздних вещей в нижних горизонтах этих очагов найдено не было. Таким образом, правильнее рассматривать Омскую стоянку как памятник очень длительного существования, восходящий, по крайней мере, ко времени самого начала металла. В этом случае становится понятной и мощность культурного слоя стоянки, местами превышающая один метр, и исключительное обилие заключающегося в ней материала, в том числе и поделок из камня.

[1] Не затрагивая здесь вопроса о происхождении андроновской культуры, все же должен выразить свое полное несогласие с концепцией, выдвинутой А. А. Формозовым в цитированной выше статье «К вопросу о происхождении андроновской культуры», опубликованной в КСИИМК, вып. XXXIX. Пытаясь согласовать различные точки зрения на происхождение андроновской культуры, автор высказывает мнение, по которому «в энеолите на территории распространения андроновской культуры существовала не одна афанасьевская культура и не единая всеказахстанская «тургайская», а ряд культур. Мы можем сказать, что афанасьевская культура не заходила далеко на территорию Казахстана, где намечаются три группы энеолитических стоянок: семипалатинская, южноуральская и приаральская (кельтеминарская культура). Дальнейший сбор материала для Восточного Казахстана и Средней Азии, вероятно, позволит наметить границы еще нескольких предандроновских культур... При этом мы не отрицаем и генетической связи андроновской и афанасьевской культур, а видим в Афанасьеве лишь один из источников для формирования андроновской культуры».

«Какие же причины,— говорит далее автор,— привели к сложению из ряда локальных культур единства на большой территории в андроновскую эпоху?» Ответ на этот вопрос А. А. Формозов находит в достижении племенами — носителями этих локальных культур — соответствующей стадии развития хозяйства — скотоводства, земледелия и металлургии. «Распространение повсюду скотоводства и земледелия сделало ненужной эту специализацию (т. е. локальные отличия.— *В. Ч.*). Одинаковый образ жизни вызвал одинаковость типов жилищ и в связи с этим типов сосудов, создал общность земледельческой идеологии и в связи с этим магической орнаментации посуды».

А. А. Формозов основывает происхождение андроновской культуры на скрещении различных культур, базировавшемся на развитии земледелия, скотоводства и металлургии. При связях между отдельными племенами «происходило не простое перемещение вещей, но вероятно, и передвижение групп населения, вытеснение одних племен другими, скрещения... Широкое взаимодействие культур большой территории и, несомненно, разных антропологических типов вызвало сложение не только единой материальной культуры, но и нового антропологического типа. Основным, на чем базировалось это скрещение, были, повторяем, металлургия, скотоводство и земледелие в условиях степной и лесостепной полосы Северной Азии. Поэтому лесные «неолитические племена» Восточного Приуралья и Прибайкалья, продолжавшие заниматься охотой и рыболовством, и земледельцы предгорий — культуры Анау, не приняли участия в сложении андроновской общности» (стр. 17).

Рассматривая андроновскую культуру как результат диффузии различных культур, начавшейся при

работы и для решения его мы еще не располагаем достаточным материалом. Проблема происхождения андроновской культуры — дело будущего, хотя, быть может, и близкого. Здесь важно отметить лишь, что характерная для степей и лесостепей андроновская культура оказывает глубокое влияние и за пределами ее территории. По всей полосе Южного и Среднего Зауралья и далее на восток, в Тобольском районе и по правобережью Иртыша, в андроновское время появляются культуры, представленные такими памятниками, как Сузгун II, стоянка Красноозерская[1], тюменские стоянки и курганы, памятниками Урала — Горбуновский торфяник (средний слой 6-го разреза, Береговая и др.), Коптяки III, V[2] и др., с полной несомненностью имеющие андроноидные черты в форме и орнаментации керамики и типично андроновские формы бронзовых орудий.

Таким образом, на протяжении всего рассмотренного здесь времени, т. е. неолита и бронзы, лесные районы Зауралья и Приобья показывают совершенно несомненную культурную и, насколько можно судить по орнаментации керамики, этническую общность с более южными лесостепными и степными областями, влияние которых сказывается все сильнее, особенно в эпоху бронзы. Эта общность с Югом особенно четко, как говорилось выше, выступает в южных и юго-западных частях таежной зоны. На севере и северо-востоке она значительно слабее. Хотя и там, вплоть до Полярного Круга, в это время появляется плоскодонная посуда, содержащая в своей орнаментации элементы, очень близкие к андроновским (например, стоянки Салехард I, зимовье Мамеева), тем не менее общий облик керамики продолжает сохранять местные более архаические черты, включающие и следы интенсивного воздействия восточносибирской струи.

Ознакомившись с приведенным в таблице XX материалом и ареалом связей, на которые указывается, попытаемся исторически интерпретировать известные нам теперь данные.

Время и условия заселения Нижнего Приобья продолжают оставаться для нас неизвестными. До сих пор мы не знаем с центральных частей этой территории ни одного сколько-нибудь достоверного палеолитического памятника или даже отдельной находки. Правда, М. П. Грязновым опубликована заметка о куске бивня молодого мамонта[1], хранящемся в ГИМ и доставленном в свое время крестьянином С. Усовым вместе с прочими находками в Археологическую комиссию. Автор заметки усматривает на бивне следы обработки его в палеолитическое время; однако выводы автора не слишком убедительны. «Как сохранность, так и техника обработки предмета говорят о его верхнепалеолитическом возрасте»,— пишет М. П. Грязнов. Немногими строчками выше находим: «Основная масса бивня сохранилась исключительно хорошо и производит впечатление обычной для находимой в вечной мерзлоте, годной для поделок «слоновой кости»... Заметному изменению подверглась лишь периферийная, самая поверхностная часть бивня... Поверхность бивня не сохранила свою первоначальную микроструктуру. Она всюду равномерно шероховата, покрыта множеством мелких желобков, как бы следов изъеденности корнями растений. Поэтому невозможно точно установить способ обработки предмета» (стр.

достижении ими определенной стадии хозяйственного развития, автор естественно и задается вопросом: «Почему же... в андроновскую область не вошли степи Причерноморья, где мы видим в начале второго тысячелетия тоже скотоводство, земледелие и металлургию?» (стр. 18). Ответ находится по очень простому рецепту. За пределами круга андроновской «культурной области» лежала область иных контактов, что и обусловило отличия «близкой по облику к андроновской скотоводческо-земледельческой срубной культуры». Оперируя какими-то совершенно абстрактными культурами, А. А. Формозов даже не задается вопросом о правомерности рассуждений о происхождении андроновской культуры, не затрагивая, хотя бы вскользь, проблемы этнической принадлежности ее носителей.

[1] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, XVII, стр. 90. В этой работе стоянка ошибочно названа городищем. Следует отметить, что вал и ров относятся к современному кладбищу. Обычай обносить кладбища валом и рвом, а не оградой, широко распространен на территории Омской области.

[2] Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА, № 21, М., 1951, стр. 194, рис. 3—*7*, *8*.

[1] М. П. Грязнов. Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири. КСИИМК, XXXI, стр. 165—167.

165—166). Как видим, вывод автора противоречит данному им самим описанию. Мало того, М. П. Грязнов указывает: «Рассматриваемый предмет сам по себе особого интереса не представляет. Интересно место его находки... К сожалению, условия находки и точное местонахождение рассматриваемого предмета нам неизвестны» (стр. 166).

Со своей стороны, думаю, что следы обработки на бивне, о котором идет речь, едва ли можно связывать с палеолитом. Хорошая сохранность внутренней части кости, «годной для поделок», указывающая на нахождение в вечной мерзлоте, и плохая сохранность поверхностной части со следами изъеденности корнями растений свидетельствуют о нахождении предмета во вторичном его залегании. По всей вероятности, бивень (первоначальные размеры которого нам неизвестны) был найден вымытым, как находят «мамонтовую кость» и теперь, и использован для каких-то целей, в связи с чем на нем была сделана и кольцеобразная зарубка. Впоследствии бивень остался в культурном слое селения, в котором он был использован, и, находясь уже в почвенном слое, подвергся поверхностному разрушению. Однако это разрушение проникло лишь на незначительную глубину, что указывает на относительно небольшой период времени, истекший с момента попадания предмета в почвенный слой.

Конечно, не только о палеолите, но и о ранних фазах неолита говорить едва ли приходится.

Некоторым указанием на то, что Нижнее Приобье могло быть обитаемым в палеолитическое время, является наличие соответствующих памятников на западе и на востоке от этой территории. В последнем случае я имею в виду кратковременную стоянку охотников за мамонтом, найденную в районе Лагерного сада в Томске и опубликованную Н. Ф. Кащенко[1]. На западе можно отметить обнаруженные О. Н. Бадером признаки палеолита на восточной стороне Урала в гроте Медведь-Камень на р. Тагиле и в урочище Токарев Лог на р. Туре, близ Нижне-Туринского завода[1]. Наконец, о том же свидетельствуют обильные находки четвертичной фауны в различных местах Обь-Иртышья.

Не имеем мы прочных данных и о степени заселенности территории в мезолитическое время. Ближайшие памятники мезолитического типа стали известными в настоящее время благодаря работам О. Н. Бадера на Каме, в районе устья р. Чусовой[2]. К эпипалеолиту склонен относить некоторые находки Шигирского торфяника и А. Я. Брюсов[3]. Однако в последнем случае, поскольку речь идет о случайных находках игловидных наконечников, стратиграфические условия залегания которых весьма неясны, вопрос о послепалеолитических памятниках на Урале следует считать открытым до проведения соответствующих полевых исследований.

Наше знакомство с археологией Нижнего Приобья начинается лишь с раннего неолита. Тем не менее уже с конца IV — начала III тысячелетия до н. э. мы застаем в таежном Приобье хорошо развитые местные культуры с прочно сложившимися формами материального производства, свидетельствующими уже о достаточной длительности обитания этой территории.

Таким образом, находки последних лет на Урале, в Зап. Сибири и Казахстане, с одной стороны, уточнили область распространения самой кельтеминарской культуры, а с другой — обнаружили даже на Севере, в лесной полосе, исключительно близкие ей аналогии, значительно расширившие указанные для нее С. П. Толстовым параллели. Эти находки позволяют теперь уже с достаточной уверенностью говорить о наличии на всей этой обширной территории в эпоху позднего неолита и ранней бронзы какой-то весьма глубокой культурно-этнической общности. Позднее, в пределах этой общности, в орнаментации и форме сосудов начинают

---

[1] Н. Ф. Кащенко. О нахождении остатков мамонта около Томска. «Изв. Акад. Наук», т. V, № 1, 1896.

[1] О. Н. Бадер. К истории первобытного общества на Тагильском Урале. «Доклады научных конференций Молотовского гос. университета», вып. V—VI. Молотов, 1951, стр. 33; его же. Археологические исследования на Урале в 1946 г. КСИИМК, XX.

[2] О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951.

[3] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952.

появляться черты уже близкие к андроновским, а вслед за тем в эпоху бронзы мы видим почти повсеместно на этой же территории расцвет андроновской культуры, отдельные черты которой очень быстро проникают далеко на север Зап. Сибири, вплоть до Полярного Круга в устья рр. Оби и Таза.

Область распространения аральской неолитической культуры в той или иной степени, очевидно, отражает и пути расселения ее конкретных носителей.

Кельтеминарская и близкие ей культуры явились, очевидно, одним из компонентов, обусловивших сложение неолитических культур Нижнего Приобья. По всей вероятности, с этой этнической струей связан и тот древнеевропеоидный тип, который прослеживается антропологами у современных манси и хантов и так ясно выступает на немногих ранних черепах, которыми мы располагаем, в частности, с территории Зауралья. Из них особый интерес представляет череп из нижних горизонтов Шигирского торфяника, реконструированный М. М. Герасимовым и дающий грациализовано европеоидный тип с незначительной примесью монголоидности.

Как говорилось выше, формы материальной культуры свидетельствуют о двух компонентах — южном и восточном, игравших роль в сложении этой культуры; причем вполне законно связывать распространение этих форм и с расселением определенных этнических групп. Элементом, отражающим продвижение восточного компонента, являются описанные выше «топоры с выступами», в массе распространенные по Ангаре и Прибайкалью и, как теперь можно считать установленным, доходящие в заметном количестве до Урала. Далее на запад известна лишь одна находка — упоминавшийся карельский топор. К восточным чертам в материальной культуре древнего Приобья можно также отнести выбивную технику в керамике и орнаментацию отступающей лопаточкой. Для более ранних культур эти элементы, повидимому, чаще встречаются в северных и восточных частях Приобья. Так, например, выбивная техника и отступающая лопаточка ярко выражены в керамике эпохи бронзы в стоянке Салехард I и как будто совершенно отсутствуют в синхронной ей керамике Сортыньи II. Позднее эти различия совершенно стираются.

Этнические связи, тянущиеся с востока на запад по северной окраине Евразийского материка, прослеживаются не только на археологическом материале. На такие же связи указал Г. Н. Прокофьев, отметивший, на основании изучения языковых данных, близость в лексике народностей Нижней Оби с языками северо-востока Азии. Эти наблюдения в настоящее время находят подтверждение в работах других лингвистов и этнографов, устанавливающих наличие юкагирских элементов в языках и этническом составе современного населения низовьев Оби и Енисея [1].

Пристального внимания заслуживают хотя бы отдельные черты общности между хантыйским и мансийским языками, с одной стороны, и саамским — с другой. Не вдаваясь в подробности этого явления, укажу лишь на один факт, важный тем, что он никак не может быть объяснен общностью лексики и морфологии, существующей в финно-угорских языках. Факт этот заключается в том, что из всех языков этой группы двойственное число известно лишь в хантыйском и мансийском языках, где оно существует в очень развитой форме, и в саамском, где следы его можно усмотреть в местоименных окончаниях.

Археологические, языковые и этнографические данные [2] указывают на какое-то древнее этническое единство населения Крайнего Севера и, может быть, даже на направление распространения этого этноса с востока на запад. Весьма вероятно, что его следует связывать с тем монголоидным элементом, который, согласно последним данным антропологии [3], был широко распространен в Прибайкалье и на запад от него по таежной полосе через Урал до Белого моря.

В эпоху бронзы связи между населением таежных и тундровых пространств Понизовья и югом — Средним Прииртышьем, как мы видели, не только не прекратились, но, пожалуй, даже усилились. В материале памятников этого времени можно найти сочетание элементов местных, уходящих своими

[1] Согласно данным Ю. Крейновича, Б. А. Долгих и др.

[2] А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. «Кольский сборник», Л., 1930, стр. 160 и след.; В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, № 4—5, 1935.

[3] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1947.

корнями в таежный неолит, и степных андроноидных мотивов. Надо полагать, что в этом процессе большую роль играли племена, населявшие территорию Среднего Иртыша там, где он течет в широтном направлении и является границей двух культурно-географических зон — леса и степи. На его берегах скотоводы встречались с охотниками и рыболовами заиртышской тайги. Последние воспринимали новые технические навыки, распространяя их дальше на север по направлению мощной речной магистрали. Возможно, что здесь же возникали и более глубокие межплеменные связи, вследствие брачных взаимоотношений и в результате перехода на оседлость отдельных групп кочевников, что, возможно, было связано с развитием здесь земледелия. Во всяком случае, лишь глубокими этническими связями можно объяснить проникновение в среду таежных племен андроноидной орнаментации, послужившей основой для развития современной орнаментальной системы манси и хантов [1]. Общность орнаментации едва ли можно предполагать вне близости ее семантики, а следовательно, и вне глубокого общения, а может быть, и родства племен Нижнего Обь-Иртышья и северной части лесостепи.

Указанные древние связи Севера и Юга выражаются и в проникновении степного европеоидного типа в таежную Сев.-Зап. Сибирь. Этот процесс, по мнению наших антропологов [2], мог продолжаться «на протяжении многих столетий». Медленное проникновение людей лесостепи на север, обусловившее некоторую близость форм материальной культуры, а вероятно, и близость языковую, подготовило почву для событий, имевших место в I тысячелетии до н. э. и сыгравших значительную роль в этногенезе современного населения Нижнего Приобья. Естественно, что проникновение европеоидного населения сильнее отразилось в южной части территории. Даже у современных манси и хантов монголоидные признаки заметнее на севере и северо-востоке; а далее, на арктическом побережье, еще в эпоху железа, как увидим ниже, продолжали существовать остатки древнего населения, окончательно исчезнувшего там лишь после появления в северных тундрах ненцев. Древнее население тайги, оставившее описанные выше памятники, занималось рыболовством и охотой. Судя по остаткам костей животных, обнаруженных в слое землянки Чэс-тый-яга, можно думать, что лось имел особенно большое значение в охоте.

Селения этих таежных охотников располагались непосредственно у воды, на сухих песчаных и галечниковых берегах. В настоящее время культурные слои некоторых из этих селений лежат в сырых горизонтах, а иногда даже ниже уровня меженных вод (Андреевское озеро, Чэс-тый-яг — если учесть большую глубину некоторых землянок) и в иных случаях перекрыты слоем торфа (Хулюм-сунт), что свидетельствует об иных климатических условиях эпохи их существования. Жилищем обитателям неолитических поселений служили — по крайней мере в зимнее время — землянки, достигавшие в некоторых случаях 600 м² и более. Размер жилищ в известной степени дает представление об уровне общественного развития их обитателей, поскольку при относительной несовершенности неолитической техники такие жилища могли быть построены лишь силами значительного коллектива. По площади землянок Чэс-тый-яга можно судить, что в каждой из них должно было жить не менее 150—200 и даже 250 человек. Надо полагать, что в памятниках типа Чэс-тый-яга мы имеем дело с матриархальными родовыми общинами, подобными общине, оставившей пос. Джанбас-кала № 4 кельтеминарской культуры, с которым Чэс-тый-яг сближается не только по размерам жилища, но и по формам материальной культуры. Однако стоянка Джанбас-кала № 4 состоит из одного жилища, тогда как пос. Чэс-тый-яг — из двух землянок по 600 м² и трех по 300—400 м², не считая более мелких.

Что же представляло собой поселение на бору Чэс-тый-яг? Было ли оно местом обитания племени или разросшегося рода? Некоторые данные для ответа на этот вопрос находим в этнографии современного Приобья.

Знакомясь с картой расселения родов современных обских угров, легко можно заметить, что роды как бы группируются по

[1] В. Н. Чернецов. Орнамент ленточного типа у обских угров. СЭ, № 1, 1948, стр. 151.

[2] Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова. Антропологическое изучение манси. КСИИМК, IX, стр. 34—36.

фратриальной принадлежности, причем роды, относящиеся к одной фратрии, часто занимают значительную территорию. Так, бассейн верхнего течения р. Ляпин заселен родами фратрии «мось»; по нижнему течению этой реки, начиная от сел. Хорынгпауль, расселены роды фратрии «пор». Территория верховьев рек Лозьвы и Сосвы принадлежит родам фратрии «пор», ведущим свое происхождение от общего прапредка — Лося. Река Қазым полностью заселена родами фратрии «мось», считающими своим прапредком Қасум-Най-Эква — «Великую женщину р. Қазыма» — Тетерю.

В пережиточной форме часто сохраняется даже представление, что предки родов, населявших такую территорию, являлись, с одной стороны, братьями и сестрами, а с другой — сыновьями и дочерьми прапредка. В свою очередь последние в фольклоре рисуются как братья и сестры — дети фратриальных прародителей Нуми и Қалтащ[1] и являются не чем иным, как мифологическим отображением первичных родов. Можно допустить, что местом обитания такой экзогамной общины — первичного рода — и являлись поселения типа Чэс-тый-яг[2]. Низкий уровень развития производительных сил обусловливал размеры общины. Только большому коллективу было под силу проводить облавы и загоны и сооружать рыболовные заколы, которые могли обеспечить достаточно массовую добычу. В эпоху позднего неолита с повышением технического уровня появляется возможность для более дробного расселения, предпосылки которого и видим в явно перенаселенном Чэс-тый-яге, где обитатели уже не вмещались в две основные землянки. При дроблении крупных экзогамных общин, типа чэс-тый-ягской, филиальные роды постепенно заселяли окружающую территорию, образовывая кровнородственные территориальные группы с одноименной фратриальной принадлежностью, считающие себя «потомками» основного первичного рода.

На таких территориях, заселенных двумя группами, как Ляпин, или даже одной, как верховья рек Лозьвы и Сосвы, заключавшихся, как правило, в каких-то естественных границах и довольно удаленных друг от друга, развивались собственные локальные особенности в области материальной культуры и языка.

Строгие нормы экзогамии обусловливали заключение браков за пределами экзогамных территорий, что приводило к установлению связей с населением нередко очень удаленных районов, вплоть до мест обитания иноязычных этнических групп (например: с Ляпина — на Сыню, за Урал на р. Печору; с р. Лозьвы — за Урал на р. Вишеру; с Қазыма — на Среднюю Обь и на верховья р. Таз). Последнее обусловливало и различные для этих групп языковые связи, способствовавшие существованию и углублению диалектных особенностей в языке. Для каждой такой территории, наряду с диалектом, можно указать и специфический для нее орнамент, как правило, отражающий тотемный облик мифического предка обитающих на ней родов. Такими специфическими орнаментами являются: «тетеря» — на Қазыме, «щучья челюсть» — на Ляпине, «соболь» — на Тапсуе, «лягушка» — на Средней Сосве, «рога» — на Лозьве, «крылья чайки» — на Оби выше Березова и т. д.

В дальнейшем (вероятно, в эпоху раннего железа) такие группы родственных между собою родов послужили основами для формирования уже неэкзогамных территориально-племенных образований с оттенком военных оборонительно-наступательных организаций, пережитки которых сохранялись вплоть до появления на Севере русских.

---

[1] В. Н. Чернецов. Фратриальное устройство обско-югорского общества. СЭ, № 2, 1949, стр. 23

[2] Допустить неэкзогамность для подобного поселения не представляется возможным, так как это, в свою очередь, потребовало бы допущения существования в его пределах представителей обеих фратрий, что противоречило бы приведенным выше данным по расселению родов. Даже теперь, в условиях разложения родового строя, можно наблюдать тенденцию избегания браков в пределах селения даже для проживающих в нем отдельных представителей других родов. При ранних же формах экзогамии основным условием для ее существования и развития должно было являться полное исключение браков в пределах совместно проживающей группы людей.

Глава III

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В конце 80-х годов XIX в. в Тобольский музей был доставлен бронзовый кельт, найденный близ Ивановского женского монастыря. Кельт очень массивный. Длина его 9,4 см, при наибольшей ширине (по лезвию) 6 см; наименьшая ширина (5,8 см) находится в первой четверти, считая от лезвия. Сечение в насаде — неправильно овальное, а в средней части приближается к шестигранному. Средняя плоскость, резко расширяющаяся к лезвию, отграничена от боковых рельефными валиками. С обеих сторон кельт имеет сквозные подквадратные отверстия, расширяющиеся во внутрь.

Не располагая в то время достаточно полными данными об ивановской находке, я в своей работе о типологии кельтов [1] затруднился с достаточной уверенностью отнести этот кельт к первой группе [2]. Теперь же могу добавить, что, как и у прочих, у него имеется хорошо развитая внутренняя перегородка высотой 3,1 см, толщиной в основании 0,5 см и в верхней части — 0,3 см. В хронологическом отношении ивановский кельт едва ли следует относить к поздней поре первой группы. На основании почти полной аналогии с кельтом из Дербедени его следует датировать не позднее IX—VIII вв. до н. э.

В 1948 г. мы провели разведки около быв. Ивановского монастыря. Здесь были обнаружены городище и многочисленные курганы, расположенные на высоком берегу Иртыша по обе стороны от устья р. Ивановки [3]. Городище и курганы дали сходный материал и оказались принадлежащими к одному комплексу. В керамике обнаружились черты сходства с сузгунской и некоторая близость с керамикой курганов Среднего Прииртышья, относящихся к позднескифскому и сарматскому времени. Таким образом, датировка кельта, установленная на основе типологических элементов, совпала с датировкой керамики, что позволяет относить ранние слои памятника к началу I тысячелетия до н. э., а время отложения верхних горизонтов городища довести до середины I тысячелетия до н. э. Далее на север керамика ивановского типа нигде не обнаружена. Возможно, что граница распространения этой культуры проходит лишь немногим ниже Тобольска, и территория ее не заходит в таежную зону. В низовьях Иртыша и Оби мы встречаемся с памятниками, дающими керамику совершенно иного облика. К этим памятникам относятся: городище Сортынья I на р. Сев. Сосве, городище Эви-Вож близ Кушевата на Оби; памятники, характер которых еще не установлен: Хара-Патка близ Кушевата и Салехард II; стоянки на р. Шайтанке (приток р. Полуй) и на Зеленой Горке близ Салехарда, а также дюнная стоянка на западном побережье полуострова Ямал близ мыса Тиутей-Сале.

Городище Сортынья I (рис. 5) обнаружено мною в 1931 г. на левом обрывистом берегу р. Сосвы, приблизительно в одном километре выше с. Сортынья. С верхнего конца (по течению р. Сев. Сосвы) оно граничит с небольшим ложком, а с материковой стороны ограждено двумя рядами валов и рвов. Сохранилось оно хорошо, за исключением уже почти изгладившегося внешнего рва. Современная высота вала 1—1,5 м; ширина до 2 м. Глубина рва также 1—1,5 м, при ширине около 1 м. В северо-западном углу валы и рвы прорезаны нешироким проходом. Длина городища [1] по берегу около 45 м, площадь около 1500 м².

Поверхность городища покрыта ямами более или менее правильной четырехугольной формы — остатки землянок. Несколько ям расположено и за пределами городища. Но, повидимому, не все они принадлежат городищу. Выше упоминалось, что под культурным слоем городища залегает неолитическая стоянка, отделенная от слоя городища стерильной прослойкой, также заключавшая в себе землянки. Следами последних

[1] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI, стр. 68.

[2] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 66.

[3] Отчет Обь-Иртышской экспедиции 1948 г. (рукопись в архиве ИИМК).

[1] В очерке С. Г. Боча, на стр. 151, где описывается городище, в сноске указано: «Описываемая нами стоянка отмечена В. Чернецовым под названием Сортыньинское городище II». Здесь у автора вкралась ошибка. Следует читать «Сортыньинское городище I». Вследствие этой ошибки, С. Г. Боч, описывая на стр. 152 керамику городища Сортынья I, указывает, что В. Чернецовым обнаружены на нем сосуды на ножке (на поддоне). В действительности сосуды на поддонах были обнаружены на городище Сортынья II, находящемся в 0,5 км от первого.

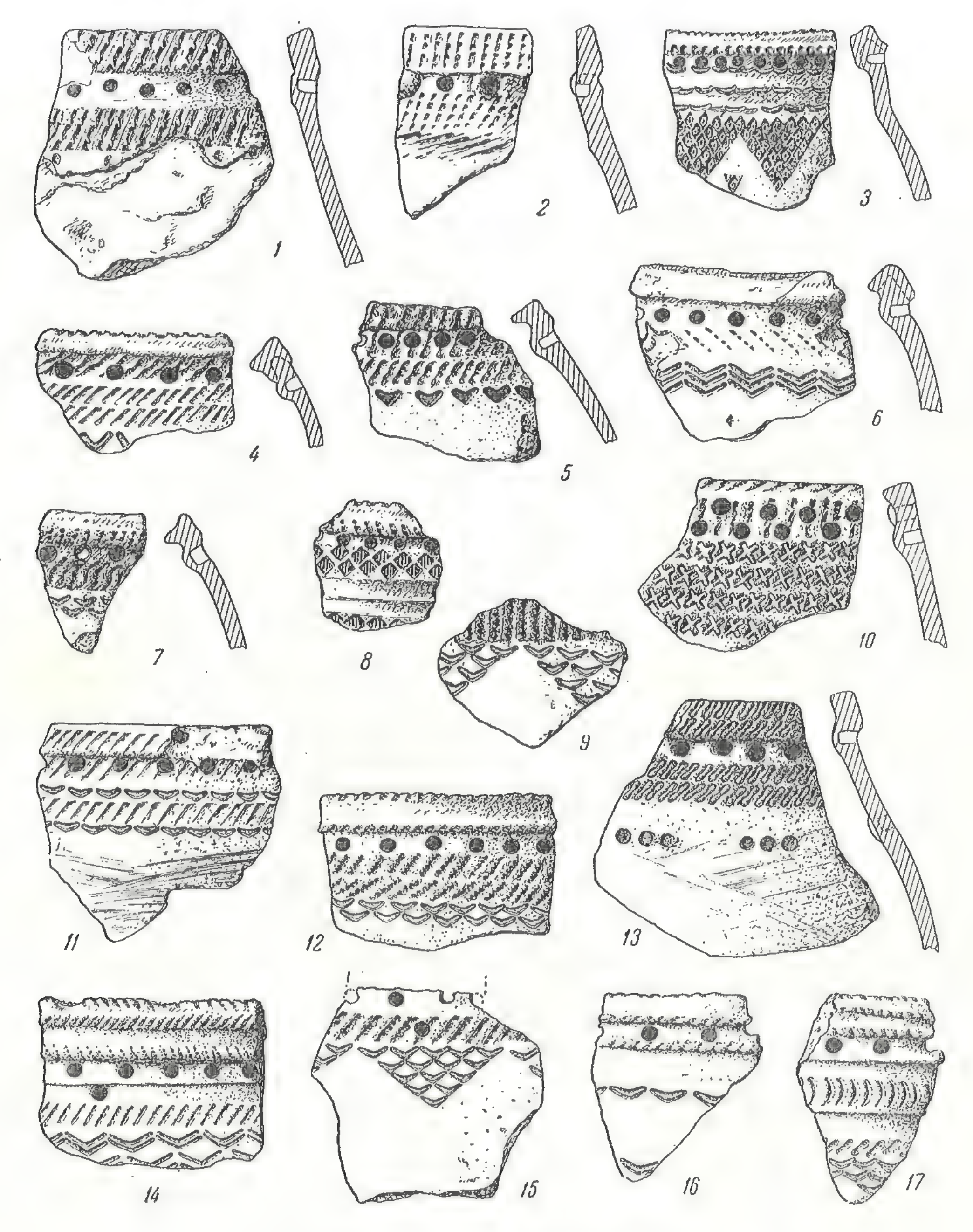


Табл. XXI. Керамика зеленогорского типа

1—13 — городище Сортынья I; *14—17* — городище Кушеват на Оби

являются, видимо, ямы, нанесенные на плане пунктиром, и большие ямы с внешней стороны городища, частично поврежденные при сооружении рва и вала (рис. 5). Землянки, относящиеся к эпохе городища, имеют от 80 до 150 м². В 1931 и 1935 гг. на городище была произведена разведка, благодаря которой удалось выяснить стратиграфию памятника и собрать некоторое количество керамики (табл. XXI—*1—13*)

из слоя, залегающего непосредственно под дерном [1].

Городище Эви-Вож расположено на мысочке, образованном впадением в р. Обь небольшого ручья несколько ниже Кушевата, на правом берегу Оби. К сожалению, об его устройстве, так же как и о двух других памятниках (Хара-Патка и Салехард II), никаких подробностей неизвестно. В 1925—1927 гг. они были обследованы Д. Н. Редриковым, который собрал довольно большой материал, но дал лишь очень краткое описание.

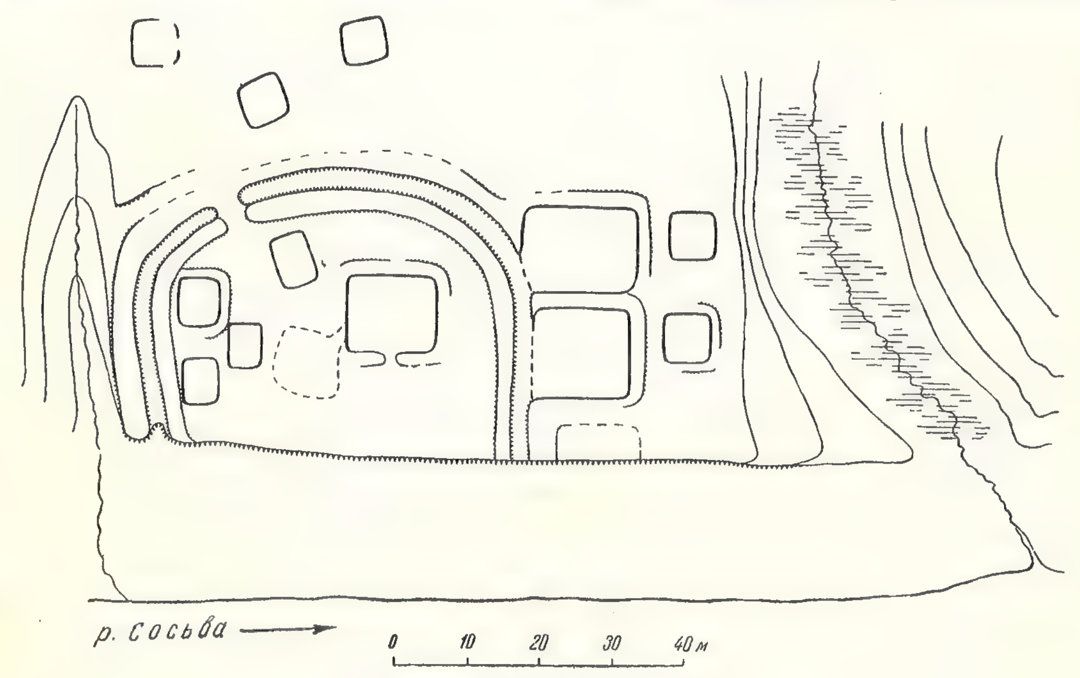


Рис. 5. План городища Сортынья I

Стоянка на Ямале была обнаружена мною в 1929 г. Она находится на Карском побережье полуострова под 71°21′ с. ш. и является одним из самых северных памятников эпохи раннего железа. Стоянка расположена в 2 км к юго-западу от оконечности мыса, где высокий и обрывистый берег уступает место пологим дюнам. Дюны эти, очевидно, давно неподвижны и уже скреплены травянистой растительностью. Находки сделаны на двух холмах, обращенных внутрь полуострова [1]. Все предметы залегали лишь на поверхности песка. Обнаружены кости морских зверей, обломки глиняных сосудов и пр. Среди костных остатков преобладают кости моржа. В меньшем количестве встречен тюлень. Кости оленя и песца попадаются как исключение. Из каменных орудий найдено: скребло из тонкой пластинки кварцитового песчаника, по всему закругленному краю которого заметны следы ретуши, сглаженные в результате работы [2]; обломок плитняка с биконической сверлиной, расколовшийся при сверлении [3]; грубо обитый наконечник стрелы из железняка и нуклевидный осколок кварцита. Кроме того, на холмах обнаружено много галечника и крупных камней. Наличие камня в данном месте должно быть поставлено также в связь с деятельностью человека, так как на других участках берега он отсутствует. Керамика

[1] В подъемном материале, собранном у подножья обрыва, содержатся в небольшом количестве фрагменты керамики, совершенно тождественной посуде из нижнего слоя Сортыньи II, т. е. относящейся к эпохе бронзы. В слое она не встречена. Вероятно, содержавший ее слой был очень тонким и полностью разрушен городищем.

[1] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, № 4—5, 1935, стр. 110.

[2] Там же, табл. 1, рис. 2.

[3] Там же, табл. 1, рис. 3.

стоянки представлена большим количеством фрагментов (рис. 6), которые в некоторых местах сплошь покрывали поверхность песка.

Стоянка Зеленая Горка обнаружена во время работ Мангазейской экспедиции в 1946 г. Она расположена на небольшом мысочке, покрытом растительностью, откуда и происходит его название. Этот мысочек находится на правом обрывистом берегу р. Полуй, приблизительно в 5 км ниже Салехарда [1]. Слой, относящийся к эпохе раннего железа, лежит на грунте и перекрыт пластом светлого песка, в верхнем горизонте которого обнаружен сосуд и поделки усть-полуйского времени. Находка сосуда особенно ценна, так как дает очень надежное указание для относительной датировки памятников типа Зеленой Горки, с одной стороны, и Усть-Полуя — с другой. Со стоянки на Зеленой Горке собран обильный керамический материал (табл. XXII), позволивший установить форму сосудов эпохи раннего железа, остававшуюся до того неизвестной. Материал зеленогорской стоянки особенно важен для датировки перечисленных в настоящей главе памятников.

Как мы могли видеть, памятники эти распространены на территории протяжением свыше 1500 км между крайними из выявленных до сих пор пунктов, причем керамика всех перечисленных памятников весьма единообразна, несмотря на удаленность их друг от друга. Размеры территории свидетельствуют о прочно сложившейся культуре, существовавшей, вероятно, длительное время. Культуру эту, учитывая важность для ее изучения стоянки Зеленая Горка, мы назвали «зеленогорской».

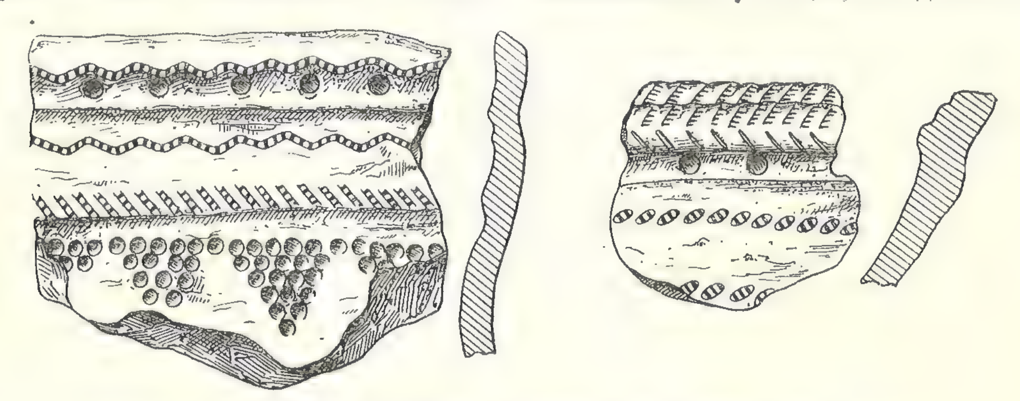


Рис. 6. Керамика с дюнной стоянки близ Тиутей-Сале

Сосуды зеленогорского времени относительно невысоки [1], с уплощенно-закругленным дном (табл. XXII—*2, 3*). Размеры их колеблются в пределах 10—40 см по верхнему краю; наибольший диаметр приходится на середине всей высоты. Шейка, поставленная вертикально или слегка наклонно, обычно плавно переходит в тулово сосуда. Венчик немного утолщен, что достигалось загибанием края внутрь или подклеиванием валика. Это утолщение образует карнизик, или воротничок, подчеркнутый расположенным под ним рядом ямок. Такой воротничок — одна из характерных особенностей зеленогорской керамики. Кроме приведенных выше сосудов, встречаются также неглубокие, с прямым краем чашки, диаметром до 15—20 см.

Среди элементов орнамента встречаются: небольшая мелкозубая гребеночка, нередко используемая для вертикально-елочного или зигзагообразного узора; гладкая или трехчетырехзубчатая лопаточка, которой прочеркивают параллельные линии или пользуются как «отступающей лопаточкой». Гладкой закругленной лопаточкой выдавливают каннелюры, особенно часто встречающиеся под воротничком. Особенно типичны для зеленогорской керамики мелкие фигурные штампы, придающие сосудам исключительно нарядный вид. Среди таких штампов можно назвать: полулунный или угольчатый (гладкий или зубчатый, иногда

[1] В. Н. Чернецов. Зеленая Горка близ Салехарда. КСИИМК, XXV, стр. 67.

[1] Рисунки керамики Зеленой Горки по техническим причинам не попали в указанную выше статью в XXV вып. КСИИМК и даются в настоящем издании.

Табл. XXII. Керамика со стоянки Зеленая Горка (нижний горизонт I раскопа)

1, 4, 8 — фрагменты керамики с утолщением по венчику («воротничком»); *2, 3* — сосуды с уплощенно-закругленным дном; *5, 6, 7, 9*—фрагменты керамики с орнаментом, нанесенным фигурными штампами.

сдвоенный и очень часто рамчатый); волнообразный или S-образный, тоже, как правило, рамчатый; ромбовидный, реже — квадратный и треугольный, заштрихованный в одном направлении или решетчатый; крестовый, звездчатый или в виде крестообразной розетки и др.

Расположение и компановка орнамента очень устойчивы. Шейка по воротничку и ниже ряда ямок покрывается поясками, чаще всего из оттисков гребеночки, лопаточки, иногда S-образного или какого-нибудь другого штампа, обычно косо поставленного. Ниже этой орнаментальной зоны, на переходе от шейки к тулову, на большинстве сосудов расположен ряд треугольников, обращенных вершинами к основанию сосуда. Треугольники эти состоят из оттисков розеток ромбовидного, квадратного или полулунного (рожками вверх) штампа. Нижняя часть сосуда остается свободной от узора (табл. XXI—*3*, *9*, *15*; XXII—*3*, *7*).

Орнаментация, при большой тщательности изготовления штампов и нанесения оттисков, производит впечатление необыкновенно изящной, богатой и своеобразной. Она настолько характерна и устойчива, что позволяет иной раз безошибочно определить принадлежность керамики к этому типу лишь по одному небольшому фрагменту.

Относительная датировка памятников зеленогорского типа достаточно надежно, как мы видели, устанавливается по стратиграфическим данным Сортыньи I и Зеленой Горки между эпохой бронзы и усть-полуйским временем. В орнаментации керамики содержатся типологические признаки, несомненно, указывающие на связь ее с орнаментацией сосудов из Салехарда I, Сортыньи II и особенно Сузгуна II. С другой стороны, в ранней усть-полуйской керамике сохраняются некоторые мотивы зеленогорской керамики, исчезающие во втором (развитом) периоде Усть-Полуя [1].

Некоторые аналогии керамике зеленогорского типа можно указать и в синхронных этой культуре памятниках Урала и Приуралья. Так, например, в орнаментации той части керамики Горбуновского торфяника, для которой Д. Н. Эдинг указывал присутствие деградировавших андроновских мотивов, также характерен валик под венчиком [1]. Несколько ближе к зеленогорской стоит керамика Галкинского городища на Каме, особенно сосуды, имеющие восточноуральские черты [2], не типичные для этого памятника раннеананьинской эпохи. С остальной ананьинской керамикой зеленогорскую несколько сближает наличие воротничка, расположение орнамента в верхней части сосуда и круглодонность. Формы, наиболее близкие зеленогорской керамике, мы обнаруживаем в керамических материалах большереченской культуры в верховьях р. Оби. Насколько можно судить по данным М. П. Грязнова, для большереченской керамики также характерны невысокие сосуды с округлым дном, орнаментированные по шейке и плечикам; типичен и пояс треугольников, обращенных вершинами вниз и выполненных различными фигурными штампами. Сходство совершенно отчетливо выступает даже при самом беглом сравнении [3]. В свою очередь и для Нижней Оби не чужда форма сосудов с уплощенным дном типа, приведенного в той же работе М. П. Грязнова [4].

Недостаточная изученность памятников зеленогорского типа не дает возможности полно представить себе формы материальной культуры и общественного быта того времени. С уверенностью можно лишь утверждать, что основным занятием, как и раньше, продолжали оставаться охота и рыболовство. В наиболее северной части территории, на полуострове Ямал, охота велась не только на сухопутных животных — оленя, песца, но и на морских — моржа, тюленя.

Находка стоянки зеленогорского типа в столь удаленном на север пункте, как мыс Тиутей-Сале, снова ставит вопрос о времени заселения и освоения арктического побережья. К сожалению, и здесь сказывается, к тому же особенно остро, недостаток материала. На основании полной тождественности керамики дюнной стоянки с керамикой памятников, расположенных на материке, можно предположить большую

---

[1] В. И. Мошинская. Керамика усть-полуйской культуры (в настоящем сборнике).

---

[1] Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник. «Материалы по изучению Тагильского округа», вып. III. Тагил, 1929, стр. 16—17, табл. 7, рис. 22, 30—36.

[2] По данным А. В. Збруевой.

[3] См., например, табл. XXII—*2*, *3* настоящего издания и рис. 6—*16* в работе М. П. Грязнова «Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае», КСИИМК, XVIII.

[4] М. П. Грязнов. Ук. соч., рис. 6—*18*.

близость материальной культуры обитателей тех и других пунктов, что едва ли могло быть в случае заселения этого удаленного участка Арктики в более древнюю эпоху.

На примере Кушевата и Сортыньи I видим, что в зеленогорское время на Нижней Оби уже появляются городища. Очевидно, в эту эпоху в общественном быту происходили какие-то изменения, вызывавшие учащение военных столкновений. Весьма возможно, что этому в известной степени способствовало развитие металлургии и связанное с ней повышение уровня техники и производительных сил, углубление разделения труда и специализации, а вслед за этим и увеличение межродового и межплеменного обмена, открывавшего возможность для накопления сокровищ. Размеры землянок (до 150 м^2), остающихся еще очень вместительными, свидетельствуют о существовании многосемейных коллективных жилищ и сохранении первобытнообщинных отношений. Возможно, что у населения Нижнего Приобья в эту эпоху происходил процесс становления отцовского рода, протекавший здесь, в условиях нескотоводческого хозяйства, весьма замедленно и не вполне закончившийся даже много столетий спустя.

Выше отмечалась большая устойчивость в орнаментировке керамики, характерная для этой эпохи. Такая устойчивость при обширности территории и значительной сложности узора могла существовать лишь в том случае, если элементы орнамента являлись не просто геометрическим узором, а были насыщены определенным содержанием. Семантичность древнего орнамента — явление достаточно общеизвестное, но в данном случае зеленогорская орнаментация представляет особенный интерес в том отношении, что при привлечении этнографических материалов мы можем в какой-то степени проникнуть в смысл и содержание узоров. Среди многочисленных видов изобразительного искусства обских угров — манси и хантов — широко распространен узор, выдавленный на берестяной посуде специальными штампами из оленьего или лосиного рога. Фигуры, вырезанные на штампах, очень разнообразны. Если сравнить их со штампованными узорами на керамике зеленогорского времени и более поздними, относящимися к I тысячелетию н. э., то легко обнаружить между ними не только сходство, но в ряде случаев и полное тождество, обусловленное несомненной преемственностью. Отметим, что все фигуры, штампованные на бересте, имеют свои названия, показывающие, что узоры являются изображениями следов различных животных и птиц. Следы, оттиснутые на сосудах, очевидно, заменяли животных, скульптурные изображения которых находим на более ранней керамике Приобья [1]. Такая замена по принципу pars pro toto была совершенно естественна для охотников, постоянно наблюдающих следы зверей и птиц на снегу или мягкой почве. Естественно, что эти следы ассоциировались с самими животными. Еще недавно по представлениям манси и хантов след был магически связан с существом, оставившим его. Считалось, что если ткнуть в свежий звериный след посохом или уколоть его заостренной палочкой, то зверь почувствует укол и бросится бежать. Женщина, особенно в определенные периоды, когда она считалась нечистой, не должна была наступать на след тотемного животного, так как тем самым она навлекала несчастье не только на себя, но и на весь свой род. Изобразить след зверя — медведя, лося, оленя — значит изобразить самого зверя — создать его реально существующего двойника. Манси и ханты избегали делать это вне специальных случаев [2].

На первый взгляд как будто выпадают из общего правила две фигуры — одна, изображающая змею, другая — утку. Однако след змеи и ее схематическое изображение совпадают. Утка же, как и всякая водоплавающая птица, ассоциирующаяся с водой, должна изображаться целиком, так как следа от нее на воде не остается.

Штампованные узоры на керамике и на бересте объединяются не только внешним формальным сходством, но и принципом нанесения — оттискиванием изображения следа животного в мягкой глине или на достаточно податливой бересте, совершенно подобно тому, как это происходит в натуре. Как те, так и другие были изображениями следов, заменивших собой животных — тотемных апотропеев.

Интересно коснуться и орнаментации керамики несколько более ранней, а именно

[1] В. И. Мошинская. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде (в настоящем сборнике).

[2] В. Н. Чернецов. Изобразительное искусство Приобья. Охотничьи затесы.

ленточного орнамента эпохи бронзы, хорошо известного по более южным памятникам андроновской культуры. Находки последних лет (Сузгун, Заболотье) указывают на распространение его и в таежной полосе. В настоящее время ленточный орнамент в весьма мало изменившейся форме сохранился у манси и хантов на одежде и на берестяной посуде. По названиям узоров ленточного орнамента [1] можно считать, что они в основном изображали животных, птиц и растения. Несмотря на обширность территории, диалектные и языковые различия, узоры весьма устойчивы по формам и названиям. Ленточный орнамент — исключительно женское искусство и в мужском производстве почти не применяется; роль его прежде всего декоративная, но в некоторой степени сохранились пережитки и иного значения.

В каждой местности, наряду с прочими узорами, существует какой-нибудь один, наиболее характерный и часто встречающийся. В одежде и на посуде имеются определенные места именно для этого узора, и почти всегда можно узнать, откуда и даже из какого рода происходит вещь. Так, например, на Большой Оби выше устья Казыма встречаем узор «крылья большой чайки», на Казыме — «тетеря», в верхнем течении р. Ляпин — «щучья челюсть», по среднему течению р. Сосвы — «лягушка», по р. Тапсуй — «соболь» и т. п. Если при этом учесть, что общим тотемом основных тапсуйских родов является соболь, а на Средней Сосве расселены роды «народ лягушек», имеющие своим прапредком «великую женщину лягушку», а также, что основной верхнеляпинский род — Сойнах — считает своим предком щуку, а казымские ханты ведут происхождение от великой казымской женщины — тетери и т. д., то содержание орнамента как изображения тотемного предка на одежде и посуде выступит перед нами с полной очевидностью. Таким образом, орнаменты на берестяной и керамической посуде на протяжении эпох бронзы и раннего железа раскрываются перед нами в тотемно-апотропеическом значении.

Для лучшего понимания исторических и этногонических процессов на территории Нижнего Приобья в эпоху раннего железа и последующие века необходимо хотя бы вкратце коснуться областей, расположенных к югу — по Среднему Иртышу и Верхней Оби. Анализ материалов, приведенных в предыдущих главах, позволяет думать о существовании на территории Урала и Зап. Сибири обширной этнической общности, образовавшейся в результате расселения племен из Приаралья еще в эпоху неолита. В эпоху бронзы, на базе поздних форм неолитических культур, вероятно, представлявших собою племенные варианты этой этнокультурной общности, возникает андроновская культура, связанная, очевидно, с уральским и восточно-казахстанским очагами древней металлургии, причем племена лесостепи и степи в своем развитии теперь значительно опережают соседей. Развитие скотоводства приводит постепенно к тому, что уже к концу эпохи бронзы среди племен Прииртышья появляется значительная хозяйственная дифференциация и разделение на группы оседлые, с зачатками земледелия (типа поселений Алексеевка, Большой Лог), и группы с преобладанием скотоводства, переходившие постепенно на кочевой быт.

Подъем производительных сил в эпоху поздней бронзы и перехода к железу, явившийся результатом, с одной стороны, расцвета техники, в частности металлургии, с другой — развития земледелия и скотоводства, не мог не привести к сдвигам и в области общественных отношений и в первую очередь к появлению патриархальных форм, особенно среди скотоводов.

Изменения в общественной структуре отобразились, повидимому, на характере орнаментации керамики. С переходом к раннему железу повсеместно на территории Обь-Иртышья можно наблюдать возникновение новых типов керамики, в общих чертах соответствующих кочевому и оседлому (а тем более таежному) вариантам культур эпохи раннего железа. Первый тип развивается, видимо, исключительно на базе бытовой андроновской керамики, имея в качестве переходных форм такие, как алексеевские [1], и дает в результате довольно грубую керамику со скругленным дном и бедной орнаментацией из пояска ямок или жемчужин и иногда нарезных треугольников, расположенных на плечиках сосудов. Для оседлых

[1] В. Чернецов. Орнамент ленточного типа у обских угров. СЭ, № 1, 1948.

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1949, стр. 139, рис. 62.

вариантов типична керамика, более разнообразная по формам; частично продолжают бытовать плоскодонные сосуды (Большеречье [1], Сортынья II — поздний слой) и уплощенно-круглодонные зеленогорского типа, сохраняющие и несравненно более богатую орнаментацию (Горбуново в соответствующей его части [2], Большая Речка, частично Ивановское городище). Характерными особенностями ее является развитие воротничка, наличие более или менее богатого орнаментального пояса на шейке, а по плечикам — ряда треугольников, состоящих из оттисков мелких штампов. В узорах достаточно явно прослеживаются пережитки андроновских мотивов, но уже не только скромной «бытовой», но и пышной ритуальной орнаментации; таковы отмеченные Д. Н. Эдингом «деградированные андроновские мотивы» в позднегорбуновской керамике, зеленогорская орнаментация, восходящая к некоторым формам сузгунской, и др.

Различия в керамике скотоводческого кочевого и оседлого населения являются, вероятно, следствием сохранения элементов матриархата у последних. Кочевой быт сам по себе мало способствовал развитию глиняной посуды; женское производство отходило на задний план, общественные интересы определялись требованиями кочевого скотоводства и формирующейся военной организации. С переходом на отцовскую филиацию и патрилокальный брак женщина у кочевников оказалась в стороне от заботы о мертвых. Это сказалось в замене пышно орнаментированной погребальной керамики андроновского времени скромными, сделанными «на скорую руку» сосудиками погребений кочевников. Видимо, с переходом к отцовскому роду навсегда исчезает из орнаментации керамики богатый ленточный орнамент, связанный, вероятно, главным образом, с обрядовой и, в частности, погребальной посудой. В дальнейшем он остается лишь на одежде (на которой, может быть, и возник) и на берестяных изделиях, представляя исключительно область женского производства. В этой форме ленточный орнамент и доживает на Нижней Оби до наших дней.

Этническая и языковая общность племен степных и лесостепных районов Казахстана и Зап. Сибири, довольно стабильная на протяжении неолита и бронзы, в эпоху раннего железа переживает некоторые изменения, обусловленные указанными переменами в хозяйственном и материальном быту и ассимилятивным воздействием соседей. Развитие кочевничества с постоянными передвижениями населения на широких пространствах неминуемо должно было вызывать сглаживание различий в языке и материальной культуре и способствовать образованию более тесных и в то же время более обширных территориальных общностей, чем те, которые могли существовать ранее. Процесс этот шел, вероятно, нарастающе, особенно по мере появления и развития племенной военной организации, благодаря которой в формирующиеся объединения частично втягивались соседние, в том числе и оседлые группы населения. Процесс этот вел к образованию народностей на базе общности племен, в основной своей массе довольно близких по языку.

В разбираемый период эти урало- и угроязычные племена Прииртышья на юге должны были граничить с арио- или ираноязычным населением, которым, видимо, более или менее полностью были ассимилированы наиболее южные племена. Севернее это воздействие было слабее, но и там оно сказалось в распространении предметов, характерных для материальной культуры степняков сакоскифского времени. Так в Прииртышьи появляется бронзовый, а впоследствии железный короткий меч, бронзовый котел, удила стремевидные и майэмирского типа, клевцы тагарско-ананьинского облика и др. Как свидетельство существующей на территории Приобья и Прииртышья этнической общности, выступают формы, характерные лишь для данной территории: шестигранные перегородчатые кельты, несомненно, связанные с поясковыми андроновско-сейминскими, и вместе с тем отразившие форму каменных шлифованных орудий эпохи первых этапов местной бронзы; клевцы и секиры с навершьем в виде орлиной головы и со звериной пастью на обушке; наконец, круглая каменная скульптура, не имеющая себе аналогий за пределами распространения прииртышских племен. Более детальным рассмотрением этой общности ранне-угорских или савырских племен мы и займемся в последующих разделах истории Приобья.

[1] М. П. Грязнов. Ук. соч., КСИИМК, XVIII, стр. 16, рис. 6—*18*.
[2] Д. Н. Эдинг. Ук. соч., табл. 7.

В. И. Мошинская

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ХОЗЯЙСТВО УСТЬ-ПОЛУЯ

Усть-Полуйское городище находится на правом возвышенном берегу р. Полуй, в 3 км ниже г. Салехарда и в 4 км выше Ангальского мыса. Памятник обнаружен случайно в 1932 г. во время строительных работ. Из земли были извлечены бронзовые и костяные вещи, часть которых доставлена в Салехардский исполком, откуда они позднее попали в Музей антропологии и этнографии.

Музеем антропологии и этнографии АН СССР были произведены в Усть-Полуе раскопки в 1935—1936 гг. под руководством В. С. Адрианова. В силу некоторых обстоятельств работы не были закончены, и документация второго года раскопок полностью погибла. Полевая документация раскопок 1935 г., хранящаяся в МАЭ, представлена дневниками и чертежами, среди которых есть профили и схематический план раскопок. В 1935 г. была вскрыта площадь в 250 м², в 1936 г.— приблизительно такая же или несколько бо́льшая [1].

О предварительных результатах раскопок в Усть-Полуе В. С. Адрианов сообщил в небольшой заметке, помещенной в «Советской археологии», т. 1, и в своем отчетном докладе [2]. Коллекции остались необработанными. Составленные охранные описи содержат 7000 номеров, соответствующих более чем 12 000 предметам.

В 1946 г., во время работ Мангазейской экспедиции АНИИ, ГУСМП и ИИМК АН СССР, были поставлены контрольные работы на территории городища с целью проверки стратиграфических данных. В результате обследования установлено, что Усть-Полуйское городище обнесено с напольной стороны рвом и валом, выходящими с одной стороны к обрыву, с другой — в небольшой, заболоченный в настоящее время ложок. Стратиграфически установленное единообразие и монолитность культурного слоя, наряду с изучением материала Усть-Полуя, указывает на длительность существования, но не на многослойность городища. Исключение составляет лишь северо-западный угол в месте перехода рва в заболоченный ложок, где В. С. Адриановым вскрыт слой, вероятно, очень маленького поселения, с жилищами-полуземлянками, близкими к обнаруженным в городищенской части на Зеленой Горке и относящимися не ранее чем к концу I тысячелетия н. э. [1] Мощность культурного слоя на Усть-Полуйском городище, по данным отчета В. С. Адрианова, в среднем 50 см, но по дневникам 1935 г. и нашим наблюдениям она значительно меньше — в пределах 20—30 см, достигая лишь в углублениях 40—50 см.

Приступая к обработке усть-полуйских коллекций МАЭ, мы прежде всего постарались восстановить план раскопов с поквадратным размещением находок; это оказалось возможным лишь в отношении работ 1935 г. Поквадратное размещение находок, сделанное на основании полевых дневников В. С. Адрианова в сочетании с профилями, вычерченными, к сожалению, не им самим, а техником-строителем Жилиным, позво-

[1] Установить точно какая, невозможно, так как В. С. Адрианов применял квадраты различных размеров: то 1×1 м, то 2×2 м.

[2] Архив ИИМК, дела № 7 и 9.

[1] В. Н. Чернецов. Зеленая Горка близ Салехарда. КСИИМК, XXV, стр. 67.

ляют в какой-то степени восстановить картину полевых работ 1935 г. (рис. 1). Из-за отсутствия полевой документации 1936 г. нет возможности установить расположение раскопов и квадратов 1936 г. по отношению их к раскопам 1935 г., что заставляет нас ограничиться документацией лишь работ 1935 г.

Наиболее интересный материал дали раскопы II и V. Выяснилось, что в V раскопе (в прибрежной его части) вскрыты два или три жилых комплекса и жертвенное место, занимавшее квадраты 46—52, 59—62, 69, 71. Здесь можно установить наличие большого кострища, рядом с которым обнаружена груда собачьих черепов, осколки костей оленей, отдельные кости человека, громадное количество обломков керамики и многочисленные поделки из кости и бронзы.

В раскопе II, по всей очевидности, были обнаружены остатки литейной мастерской, так как здесь наряду с зольно-угольными прослойками найдены фрагментированные и цельные модели, вырезанные из глинистого сланца, форма для отливки наконечников стрел, обломки прокаленных и ошлакованных тиглей, большое количество поделок из бронзы, часто представляющих собой литейный брак.

Усть-Полуй является одним из узловых памятников для истории Приобья. Наша цель — не только выяснить характер усть-полуйской культуры и ее материальной базы, но и выделить различные слагавшие ее компоненты и попытаться поставить некоторые вопросы этногенеза обских угров.

Среди материала, собранного на городище, обнаружены наконечники стрел различных типов, гарпуны, костяные рожки от сложных луков и прочие предметы, относящиеся к охоте и промыслу на морского зверя. Географическое положение усть-полуйского поселения способствовало развитию охоты и рыболовства как основы всего хозяйства. Река Полуй впадает в Обь в том месте, где она пересекает Полярный Круг. В настоящее время окружающий поселение ландшафт представляет собой типичную лесотундру, однако, как можно судить по данным палеоботаники, в конце I тысячелетия до н. э. и на рубеже н. э. край лесной полосы проходил значительно севернее и в районе устья Полуя росли сосновые леса. Ниже Ангальского мыса Обь разбивается на бесчисленные протоки, что обеспечивает широкие возможности для развития запорного рыболовства, а еще ниже она впадает в Обскую губу — гигантский опресненный залив Карского моря, протянувшийся в меридиональном направлении на много сотен километров. Обская губа богата морским

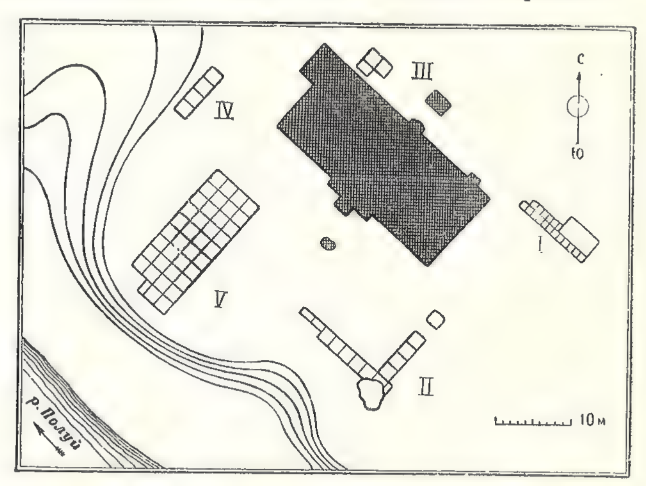


Рис. 1. Схематический план раскопок Усть-Полуя
I — V — раскопы

зверем — нерпой и белухой, которых привлекает сюда рыба, устремляющаяся в Обь; по данным И. И. Лепехина, в прошлом белухи заходили даже до Березова, т. е. до устья р. Сев. Сосвы.

Обильные находки костей и чешуи рыб в Усть-Полуе и на других памятниках Нижней Оби, относящихся к этому времени и культуре, свидетельствуют о большом значении рыболовства в хозяйственной жизни усть-полуйцев. Из орудий промысла в Усть-Полуе сохранились лишь остроги и рыболовные крючки. Усть-полуйские остроги составлялись, видимо, из трех зубцов, средний из которых был двузубым (табл. I — *1—4*). О конструкции остроги можно судить по современным железным острогам, которые еще недавно были у манси и хантов костяными. Зубцы вставлялись в канавки, специально проделанные в верхней расширенной части древка, имеющей форму лопаточки, закреплялись смолой и обвязывались шнурком.

Костяные рыболовные крючки представлены единичными экземплярами. Такое малое количество крючков объясняется в известной степени тем, что до нас не дошли

деревянные крючки, которые, как видно из этнографических материалов, могли быть более широко распространены, чем костяные; но главным образом тем, что тогда, как и теперь, крючковые снасти, по всей видимости, были малоупотребительными. По этнографическим данным можно предположить, что в основном было распространено запорное рыболовство — одна из ранних форм коллективного рыболовства, с применением ловушек корзиночного типа и котцов [1]. Применялись также и сети. Об этом свидетельствуют наличие в материале пряслиц, которые могли употребляться при изготовлении сетей, а также данные этнографии и языка. Сети обских угров, называемые русскими сибиряками «калдан», «сырп» и «важан», представляют собой мешок из мережи с двумя тетивами — верхней и нижней. Ловля рыбы осуществляется следующим образом.

«...к устью сырпа с обоих концов привязываются небольшие шесты, служащие к погружению его на дно реки; к верхней тетиве привязана тонкая бичевка,— другой конец которой прикреплен к верхнему концу одного шеста. Во время погружения сети рыбаки срединой этой бичевки обвертывают один раз вокруг указательного пальца для того, чтобы тотчас узнать, когда попадет в сырп рыба, которая обыкновенно, забежав в оный, подергивает сеть, а вместе с ней и бичевку. На каждый сырп нужно четыре лодки, в каждой по два человека. Заметив руно харьюзов, все четыре лодки становятся рядом против воды, ниже рыбы, средние две, у которых сырп, выступя дружно вперед, погружают его, остальные две в ту же минуту со всей быстротой бросаются выше сети, хлопают шестами по воде против отверстия сырпы, и лов поспел. Занимаясь с малолетства этим промыслом, рыбаки приобретают такую опытность и проворство, что, видя издалека бег харьюзов, преследуют каждое руно их до тех пор, пока все частью переловят, частью разгоняют» [2].

Языковые данные заставляют нас предполагать, что подобный тип сети произошел от ловушек корзиночного типа. В мансийском языке калданная сеть называется «pon», в то время как по-хантыйски слово «pon» обозначает «верша», «морда», т. е. плетеная ловушка [1]. Можно полагать, что материалом для изготовления сетей и ловушек служило крапивное волокно. По-мансийски «крапива» называется «ponal», что является производным от слова «pon» — сеть, плетеная ловушка. В мадьярском языке глагол «fonni» имеет значение «прясть», «плести» [2].

По данным Франца Белявского, обские угры еще в начале XIX в. изготовляли сети из крапивного волокна и тальниковой коры [3].

Наряду с рыболовством основным промыслом усть-полуйцев была охота. Из орудий промысла известны лук и стрелы. В материале преобладают костяные наконечники стрел; железных нет совсем; бронзовые известны в небольшом количестве и описаны в работе В. Н. Чернецова, посвященной бронзе усть-полуйского времени [4]. Поэтому считаем возможным ограничиться описанием лишь основных типов костяных стрел (варианты, обусловленные особенностями поделочного материала, не приводятся).

1. Черешковые наконечники, плоскоромбические в сечении (табл. I — *5—7*). Изготовлены, как правило, из оленьего рога. Размеры колеблются в пределах 5,3—14,3 см; наиболее обычная длина 10—12 см. Сделаны они в большинстве случаев очень грубо. Наконечники подобной формы, изготовленные из железа, известны у сибирских народов и являются универсальными. Применяются они при охоте, главным образом на зверя и крупную птицу (тетерева, гуся) [5].

2. Черешковые наконечники стрел, в сечении подтреугольной формы (табл. I — *8—13*). Они представляют собой зачастую грубо подшлифованные обломки трубчатых костей крупных животных, чаще всего голени оленя, что и определило их форму. По величине эти наконечники не отличаются от

---

[1] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. IV, ч. III. СПб., 1788, стр. 113.

[2] В. Волегов. Звериный и рыбный промысел на Ростесском Урале. Журнал «Охота», 1860, январь, стр. 18.

[1] В. Н. Чернецов. Род у обских угров.

[2] Budenz Joz. Magyar-Ugor Összehasonlító Szótár. Budapest, 1873—1884, стр. 531.

[3] Фр. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 120.

[4] В настоящем сборнике.

[5] А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский север, т. III, рис. 26—*12*. Тобольск, 1911.

Табл. I. Наконечники стрел и остроги из кости (*1—23*) и из шиферного сланца (*24*)

1—4 — остроги; *5—24* — наконечники стрел: *5—7* — черешковые плоскоромбические; *8—13* — черешковые подтреугольные; *14—17*— тупые; *18—20* — когтистые; *21—23* — с боевым концом из четырех рожков; *24* — иволистный

описанных выше и являются также самым распространенным в Усть-Полуе типом.

3. Большую группу составляют так называемые тупые наконечники стрел (табл. I — *14—17*). Наиболее известны среди них втульчатые, хотя встречаются единичные экземпляры черешковых. Обычным материалом для их изготовления служил олений рог. Подобные наконечники хорошо известны в этнографии. Эти стрелы, называемые «томар», применяются для стрельбы птицы и мелкого зверя, в частности соболя и белки, сидящих на деревьях [1]. В противоположность острой стреле, томар не вонзается в дерево и не теряется, таким образом, для охотника.

4. «Когтистые» втульчатые и черешковые наконечники, преимущественно из оленьего рога, обычно пятиконечные с поперечным стержнем полулунной формы (табл. I — *18—20*), который в ряде случаев не сохранился. В Усть-Полуе обнаружен «когтистый» бронзовый наконечник превосходной работы. Железный наконечник такого типа был найден на правом берегу Иртыша близ г. Тобольска, на городище Сузгун, относящемся к началу II тысячелетия н. э. В этнографии обских угров «когтистые» наконечники так же хорошо известны, как и тупые. Применяются они главным образом при охоте на водоплавающую дичь.

5. Менее распространены наконечники черешковые плоскоромбические в сечении, подтреугольной, иногда вытянутой формы. В большинстве случаев углы оттянуты назад и образуют острые шипы. Обычно наконечники эти из оленьего рога и тщательно обработаны. Длина их 10—13,5 см, иногда 6—7 см (табл. II —*1—4*).

6. Длинные черешковые наконечники стрел с удлиненным округлым стержнем и коротким плоскоромбическим в сечении острием. Общая длина их 14—15 см, причем длина стержня 8 см, черешка — 2,6 см, боевого конца — 3,9 см. Сделаны они из оленьего рога и тщательно обработаны.

7. Втульчатые и черешковые наконечники с боевым концом, состоящим из четырех рожков (табл. I — *21—23*). Изготовлялись главным образом из оленьего рога.

[1] А. А. Дунин-Горкавич. Ук. соч., стр. 101, рис. 26—*6*; Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. М., 1882, стр. 461; П. С. Паллас. Ук. соч., стр. 119.

Единичными экземплярами представлены следующие формы.

8. Пулевидный наконечник из оленьего рога. Длина 5,8 см (табл. II — *6*).

9. Трехгранный наконечник с выступающей втулкой, тщательно изготовлен из моржевой кости. Общая длина его 7,5 см, длина втулки 1,5 см (табл. II — *5*).

10. Плоскоромбический в сечении наконечник стрелы с выступающей круглой в сечении втулкой. Общая длина 8,8 см.

11. Наконечник стрелы такой же формы, как и предыдущий, но с внутренней втулкой; тщательно сделан из оленьего рога. Общая длина 13,7 см.

12. Своеобразный наконечник удлиненно-треугольной формы. В отличие от остальных, он не имеет ни втулки, ни черешка, а лишь прямоугольный вырез в основании. Скорее всего, наконечник вставлялся в соответствующую зарубку или выемку на древке, так что при выдергивании древка оставался в ране (табл. II — *7*).

В Усть-Полуе нет четко выраженной дифференциации между охотничьими и боевыми стрелами; однако приведенные на табл. II экземпляры по тщательности отделки скорее могут быть отнесены к боевым.

В археологии Сибири и Урала известны аналогии усть-полуйским костяным стрелам. Чаще всего встречаются наконечники, наиболее примитивные и универсальные, отнесенные нами к первой и второй группам. Они широко известны в Вятских костеносных городищах и других памятниках ананьинской культуры (Котловский могильник, Конецгорское селище и др.) [1]. В большом количестве они найдены на городище Потчеваш близ Тобольска (сборы Мамеева и Лыткина; хранятся в Тобольском музее). С Вятских городищ известны также и тупые наконечники стрел и, что особенно интересно, оттуда же известна маленькая стрелка, не имеющая ни черешка, ни втулки, совершенно такого же типа, как изображенная на табл. II — *7*.

Наконечники, относимые нами к пятой группе, встречаются в курганах Зап. Сибири различного времени, начиная с эпохи

[1] А. А. Спицын. Приуральский край. МАВГР, I, М., 1893, табл. II и III; Ф. Д. Нефедов. МАВГР, III, М., 1899, табл. 13, рис. 1, 2, 3; А. В. Збруева. Конецгорское селище. МИА, № 30, 1952.

Табл. II. Наконечники боевых стрел и панцырные пластинки

1—7 — наконечники стрел; *8—19* — панцырные пластинки

бронзы[1]. Наличие подобных наконечников в составе погребального инвен... ря дает основание относить их к категории боевых. С. К. Патканов в своей работе «Тип остяцкого богатыря» пишет, что для военных целей в качестве боевых наконечников применялись костяные и железные, трехгранной формы (возможно такой, как изображен на табл. II — *5*) и бо́льших размеров, чем охотничьи. Военная стрела с таким наконечником называлась «хахрай н'от пете урый н'от», т. е. «стрела, граненая наподобие граней клюва щелкуньи»[2].

В Усть-Полуе и в других памятниках, относящихся к этому времени и культуре, встречаются обычно черешковые наконечники из шиферного сланца, иволистной формы, обычно очень небольших размеров (табл. I — *24*). Таких наконечников в Усть-Полуе обнаружено меньше десятка, но тот факт, что они регулярно встречаются в памятниках усть-полуйской культуры, заставляет считать эти шиферные наконечники одним из характерных типов для Усть-Полуя.

Относительно конструкции усть-полуйских луков нам известно очень мало, так как кроме предметов, которые, вероятно, могут считаться рожками от луков, ничего не сохранилось. Имеющиеся в материале предметы этого типа представлены двумя формами.

1. Рожки, сделанные из пластинки оленьего рога; в основании уплощенно-клиновидной формы; верхний конец заострен. С обеих сторон в верхней части сделаны зарубки, которые могли служить для закрепления тетивы (табл. III — *3—9*).

2. Рожки, состоящие из двух пластинок, внутренняя поверхность которых плоская, внешняя — выпуклая. Верхние части пластинок треугольной формы. При складывании их в верхнем конце образуется отверстие, где крепилась тетива. Видимо, такие пластинки охватывали древко лука. По аналогии с современными можно предполагать, что крепились они при помощи смолы и бересты (табл. III — *1*, *2*). Часто на внешней поверхности пластинки процарапана тамга владельца, реже — пояски орнамента.

Не имея соответствующего материала из могильников, мы затрудняемся сказать, принадлежали ли эти пластинки лукам различного типа или они крепились на разных концах лука. В археологии костяные рожки подобных форм мало известны. Мы не смогли подобрать аналогии для первой из них. Ко второй близок костяной рожок, состоящий из двух половинок; он сохранился в инвентаре одного из Саргатских курганов, раскопанных в 1927 г. В. П. Левашовой.

В усть-полуйском материале есть группа предметов, представляющих части оленьей уздечки (табл. IV). Близкие им известны, по описанию А. Ф. Миддендорфа, у тунгусов, среди уздечек для верховых оленей[1]. Налобные косточки, подобные усть-полуйским, но крупнее размером, применяются в упряжке у оленных чукоч[2]. Однако нет оснований предполагать существование в Усть-Полуе ездового оленеводства, так как, кроме немногочисленных находок частей уздечки, мы не имеем остатков оленьей упряжи или седел. Наличие в Усть-Полуе развитого собаководства, о котором речь будет ниже, также исключает возможность существования упряжного оленеводства, что в свое время было показано Л. Шренком[3] и позднее отмечалось А. М. Золотаревым и М. Г. Левиным[4] в их статье, посвященной вопросу о происхождении оленеводства.

У сибирских народов известен способ охоты на дикого оленя с помощью оленя-манщика, остающегося все время на привязи у охотника. Имеется следующее описание охоты с оленем-манщиком у тунгусов: «Манщик — самец или важенка — должен по окраске походить на дикого оленя. Когда охотник замечает стадо диких оленей, он пускает манщика против ветра к ним. Манщик все время находится на привязи у

[1] Подобные костяные наконечники известны в Абрамовском кургане на р. Оми, датируемом эпохой поздней бронзы, и в одном из Усть-Тартасских курганов, относящихся к поздним этапам сарматского времени.

[2] С. К. Патканов. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891, стр. 29.

[1] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. 5. СПб., 1878, стр. 499.

[2] В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукоч. «Сборник МАЭ», вып. II. СПб., 1901, табл. XV, рис. 5.

[3] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, стр. 177.

[4] А. М. Золотарев и М. Г. Левин. К вопросу о древности происхождения оленеводства. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, стр. 179.

Табл. III. Рожки от луков

1, 2—состоящие из двух пластинок, складывающихся внутренними плоскими поверхностями; *3—9*—сделанные из одной пластинки с основанием уплощенно-клиновидной формы.

охотника, который ползет за ним. Охотник управляет манщиком при помощи ремня, заставляет его останавливаться, ложиться, направляться в ту или другую сторону. Хороший охотник с искусно дрессированным манщиком может убить много оленей из стада, раньше чем остальные дикие олени его обнаружат. В этих случаях при охоте обычно употребляют не ружья, а луки»[1]. Такой способ охоты с манщиком применяют также юкагиры и эвены.

Едва ли можно сомневаться в том, что указанные выше усть-полуйские уздечки применялись именно для оленей-манщиков. В пользу этого говорят и их небольшие по сравнению с чукотскими размеры, что вызывалось необходимостью сделать уздечку как можно менее заметной. Следует отметить также несходство уздечки усть-полуйской и появившейся здесь позднее уздечки самоедского типа, ныне повсеместно распространенной к западу от Таймыра. Дикий олень был, повидимому, главным объектом охоты. Это видно из того, что именно олений рог и кость были основным поделочным материалом усть-полуйцев. Среди остеологических находок из очажного слоя салехардской землянки кости северного оленя занимают первое место. Надо полагать, что охота производилась при помощи оленя-манщика, а также поколками оленей на местах осенних переправ.

Дикий олень не боится водных пространств и легко переплывает даже широкие реки. Но, конечно, на воде его нетрудно догнать на легком челноке, а тем более, когда осенью на переправах в строго определенное время и строго на одних и тех же местах проходили сотни и тысячи оленей. «Удивительна регулярность, которую животные соблюдают при своих «проходах»,— пишет А. Ф. Миддендорф.— Все охотничье искусство, вся радость и все горе целых народных племен глубокого севера основаны на точном знании настоящих периодов и положения этих проходов, на которых они подстерегают кочующих животных, чтобы заготовить запасы на целую зиму. Кто хочет ясно представить себе свалку при такой почти невероятной резне, тому стоит прочесть ее бойкое описание в «Путешествии Врангеля». Точно так же и на том же точно месте, как во времена Врангеля и его спутника Матюшкина, северные олени проходили уже в прошлом столетии»[1]. Трудно теперь себе представить, какое количество диких оленей скапливалось на этих переправах. Достаточно напомнить сообщение Палласа, по которому «через Анадырь стада кочевых северных оленей три дня сряду так теснили друг друга, что, будучи избиваемы, не могли посторониться»[2].

Основным оружием на поколках были нож и легкое копье с узким тонким лезвием — «поколюга» по-русски. Вооруженный таким образом охотник забирался в самую гущу плывущих животных и, рискуя ежеминутно быть перевернутым и потопленным, убивал столько зверя, насколько у него лишь хватало сил. Тонкие, длинные (до 25 см) костяные наконечники из Усть-Полуя и напоминают наконечники таких копий. Зимой, как говорилось выше, могла производиться охота на дикого оленя «скрадом», с помощью оленя-манщика.

Насколько позволяют судить находки костей животных и характер наконечников стрел, усть-полуйцы охотились также на песцов и мелких зверьков, живущих на деревьях,— белок и соболей, а также на водоплавающую птицу — главным образом на уток и гусей.

В целом, картина, вероятно, была довольно близка к описаниям Франца Белявского

«Рыбная и звериная ловля, частию же и птичья охота составляют единственное их упражнение, а потому все годовые времена расположены у них соответственно сим занятиям. По вскрытии рек остяки оставляют зимние свои юрты и отплывают на лодках со всем семейством по рекам, заливам и протокам, где, как выше сказано, устраивают балаганы и проводят лето, занимаясь рыбным промыслом, а по временам ловят и птиц. Рыбу просто сушат на солнце, оставляя часть оной на зимнее продовольствие, прочую же продают или променивают. Осенью,

---

[1] Звериная промышленность Удского края и сопредельных к нему мест. «Записки Сиб. отд. РГО», 1857, кн. 2, стр. 8. Цит. по указанной выше статье А. М. Золотарева и М. Г. Левина.

[1] А. Ф. Миддендорф. Ук. соч., стр. 366. Говоря о прошлом столетии, А. Ф. Миддендорф имеет в виду Сарычева.

[2] P. Pallas. Neue Nord. «Beiträge», т. I, стр. 244, цит. по А. Ф. Миддендорфу.

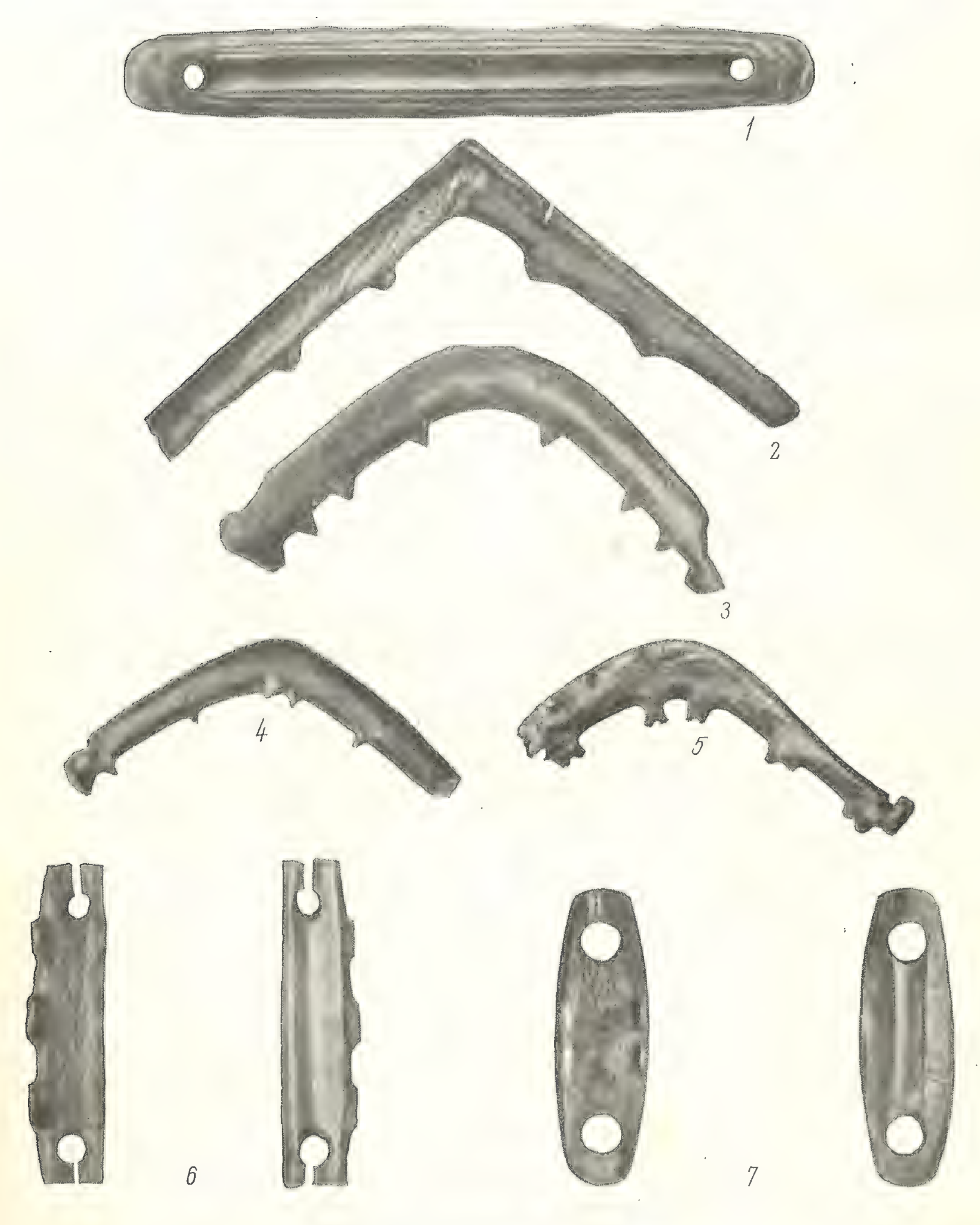


Табл. IV. Части уздечки оленя-манщика

в октябре месяце, возвращаются с добычей в зимние юрты, и в том же месяце или в начале ноября, по малому снегу, вообще все остяки (даже некоторые со своими семействами) отправляются в нартах по лесам для ловли зверей, как-то: зайцев, лисиц, выдр, и сим занимаются до глубокого снегу, а потом ловят соболей и белок, в генваре приходят опять в юрты и, не медля, по замеченным уже прежде местам отправляются толпами на медведей, коих стреляют пулями из винтовок весьма искусно, многие же имеют прирученных собак, с помощью которых убивают сего зверя рогатинами. Против медведя остяки употребляют те же самые средства, как и крестьяне в Российских губерниях, занимающиеся сим промыслом. В марте месяце отправляются одни мужчины за оленями, коих нередко ловят живыми, но большей частью убивают их стрелами, также и из винтовок пулями. При наступлении оттепели приезжают обратно в юрты, привозя с собой оленье мясо, и тогда ожидают покойно вскрытия рек» [1].

Известную роль в хозяйственной жизни усть-полуйцев играл промысел морского зверя. До нас дошли некоторые орудия, в том числе крупные гарпуны, различные части которых встречаются в усть-полуйском материале.

Усть-полуйские наконечники гарпунов различных форм все сделаны из оленьего рога и принадлежат к типу черешковых.

1. Гарпун с одним зубцом; длина 23,8 см. В некоторых случаях лезвия делались из более прочного материала и вставлялись отдельно (табл. V — *7, 9*).

2. Плоскоромбические в сечении гарпуны с двумя симметричными зубцами, длиной 11,5—12 см (табл. V — *1, 2*). Такой же формы известны гарпунные стрелы длиной 5,5—5,7 см (табл. V — *3, 5, 6, 8*).

3. Гарпун с двумя асимметричными зубцами; длина 13,2 см (табл. V — *4*).

Насколько можно судить по имеющимся материалам, усть-полуйский гарпун имел следующий вид: на верхнюю часть древка насаживалась втулка, обычно цельная (табл. V — *10, 14*). В верхнем конце ее сделано небольшое отверстие, куда вставлялся наконечник. Известны и составные втулки — из двух колец, входящих одно в другое, возможно имевших целью обеспечить плавный переход от толстого ратовища к тонкому наконечнику (табл. V — *11*). Нижний конец древка вставлялся в гарпунный вток (табл. V — *15, 18, 20*), острие которого служило для опоры на льду и прикалывания загарпуненного зверя. Как и наконечники, гарпунные втулки и втоки делались из оленьего рога.

Гарпунные наконечники и гарпунные стрелы подобных форм широко распространены. Они известны в памятниках ананьинской культуры (например, к Конецгорском селище на Каме), на Потчевашском мысу, близ Тобольска и др. Наконечники гарпунов, схожие с усть-полуйскими, обнаружены А. В. Шмидтом в Оленеостровском могильнике [1]. Современные железные наконечники гарпунных стрел, бытующие у обских угров, ничем не отличаются от некоторых форм усть-полуйских гарпунов [2].

Основным объектом морского промысла была, по всей вероятности, белуха. По словам Эйрие, еще в начале XIX в. ее промышляли на Оби. «Они... постоянно являются за рыбой около половины июня, занимая тогда всю ширину реки верст на пять в протяжении. Они поднимаются до Куневатска, на двести шестьдесят верст от моря. Даже осетры боятся их погони — и не удивительно, потому что эти чуда от трех до четырех сажень в длину. Испуганная рыба ускоряет ход свой и тем легче попадается в расставленные сети. Дельфины идут обратно к морю в сентябре... Одни остяки, приготовляющие из кожи этих чудовищ ремни для сбруи, умеют бить их и в море и в пресной воде» [3].

Возможно, что известную роль играл также и промысел моржа. Моржовый клык известен в Усть-Полуе в качестве поделочного материала. Средневековые писатели сообщают, что югры платили дань моржовыми клыками. У Себастьяна Мюнстера имеются сведения о том, что югры промышляли ловлей моржей и тюленей в Обской

---

[1] Фр. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 76—77.

[1] А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском полуострове. «Кольский сборник», Л., 1930, табл. 2, рис. 3.

[2] А. А. Дунин-Горкавич. Ук. соч., рис. 26—*13*.

[3] Эйрие. Живописное путешествие по Азии. М., 1839, стр 83—84.

Табл. V. Гарпуны

1, 2 — плоскоромбические гарпуны с двумя зубцами; *3, 5, 6, 8*— гарпунные стрелы; *4* — гарпун с двумя асимметричными зубцами; *7, 9* — гарпуны с одним зубцом; *10, 14*—гарпунные втулки; *11 — 13, 19* — переходные втулки; *15—18, 20*—гарпунные втоки.

губе [1]. О способе лова моржей некоторые данные сообщает Василий Зуев: «Моржи хотя не более трех сажен ручных бывают, однако, по сказкам промышленников, изо всех морских зверей суть величайшие. В верхней челюсти имеет два зуба, четверти в три, посредством которых выпалзывает на берег или на лед, где спящего или отдыхающего колют носками, имеющими на конце немалые зазубрины... Когда его найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками на долгих ремнях привязанными, коих другой конец привязывают к пню или колу, в землю утвержденному, и когда носок в моржа воткнут, то он, испужавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места, обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают» [2].

Комментатор В. Зуева отмечает, что такой способ охоты на моржа в настоящее время не сохранился, но его существование в прошлом, видимо, связано с развитой морской охотой приполярных аборигенных племен, впоследствии ассимилированных ненцами, перенявшими некоторые способы охоты [3]. О существовании в древности на побережье Ямала и Обской губы приморской культуры, базировавшейся на промысле морского зверя, имеются археологические и фольклорные данные [4].

О существовании упряжного собаководства в Усть-Полуе свидетельствуют археологические данные. В первую очередь следует упомянуть о находке скульптурного изображения собаки в упряжке, увенчивающего рукоятку ножа (табл. VI—*3*). Собака изображена в шлейке, охватывающей грудь и, видимо, по конструкции приближающейся к тем, которые, по Монтандону-Левину, относятся к дорзальному типу [5].

[1] А. Б-ъ. Опыт исследования о древней югре. «Вестник РГО», 1855, ч. 14, стр. 171.

[2] В. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов, остяков и самоедцев, сочиненное студентом Василием Зуевым. Изд. АН СССР, 1947 стр. 79—80.

[3] В. Зуев. Ук. соч., стр. 95, прим. 70.

[4] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, № 4—5, 1935.

[5] М. Г. Левин. О происхождении упряжного собаководства. СЭ, № 4, 1946, стр. 90.

В усть-полуйском материале есть группа предметов, относящихся к собачьей упряжи (табл. VI).

1. Пясики, т. е. застежки в виде палочек с отверстиями посредине для крепления ремня. Делались пясики главным образом из оленьего рога (табл. VI—*13—17*). Размеры их довольно значительны — 10—16 см, меньшие встречаются редко. Насколько можно судить по этнографическим материалам, они служили для скрепления отдельных частей упряжи, прикрепления потяга и т. п.

2. Вертлюги (табл. VI—*2*, *4—12*), препятствующие перекручиванию ремней, в частности потяга. В большинстве случаев они делались из оленьего рога.

Усть-полуйским вертлюгам вполне тождественны применяемые современными карибу-эскимосами вертлюги, которые, по данным Биркет-Смита, служат для прикрепления постромок к главному потягу во время остановок [1].

3. Кусок оленьего рога с отверстиями по концам (табл. VI—*1*). Подобные предметы из рога или дерева широко известны по всему Северу и служат для привязывания собак. Они заменяют цепь и не дают собаке перегрызть ремень, до которого она таким образом не может дотянуться.

4. Свайки из метакарпальных косточек. Подобные свайки применяются современными народами Севера для развязывания узлов.

Подтверждением существования в Усть-Полуе собаководства служит факт принесения в жертву собаки. В 1935 г. во время раскопок Усть-Полуя В. С. Адриановым на одном из квадратов V раскопа, на глубине 15—17 см от поверхности встречено большое скопление костей, главным образом собак. Черепа были сосредоточены в одном месте.

На участке квадрата площадью в 80 см², при мощности слоя до 20 см, собрано 15 черепов. Ни у одного из них нет целой черепной коробки, нижние челюсти лежат отдельно. В височную дугу одного из черепов продета плечевая кость собаки.

[1] K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos Material and Social Life and their cultural Position. Copenhagen, 1929, стр. 181, рис. 54а.

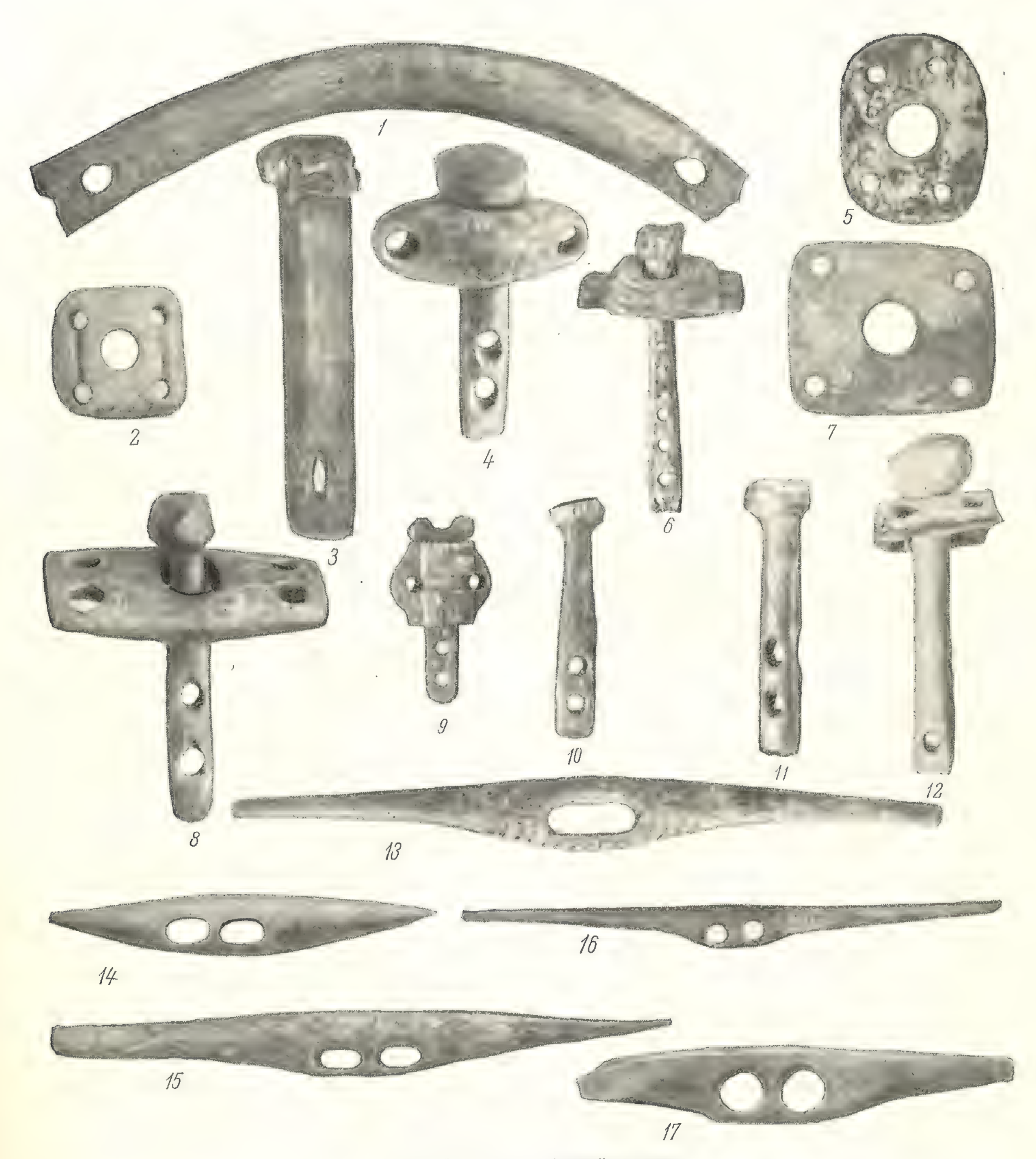


Табл. VI. Части собачьей упржи

1 — кусок оленьего рога для привязывания собак; *2, 4—12* — вертлюги; *3* — скульптурное изображение собаки в упряжке (на рукоятке ножа); *13—17* — пясики из оленьего рога

Здесь же была найдена и костяная рукоятка ножа со скульптурным изображением собаки в упряжи[1].

Сведения о жертвоприношении собак у населения Нижней Оби сохранились в хантыйском фольклоре. В одном из героических сказаний, записанных С. К. Паткановым на Конде, говорится: «Голова самоеда вышла из нижнего конца речного плеса и сказала... Что же касается до меня, то пусть многочисленные мужи самоедской земли принесут сюда пожертвованные мне чаши, пожертвованные мне берестяные сосуды, пусть сюда будут приведены в качестве кровавой жертвы хвостатые собаки, шерстистые собаки»[2].

Среди ненецких родов жертвоприношение собаки известно лишь у рода Яптик, живущего на северо-восточном побережье Ямала. Есть основания полагать, что именно в этом роде в большой степени сохранились черты древнего аборигенного населения низовьев Оби и морского побережья[3].

В культе юкагиров — аборигенного населения Сев. Сибири — собака играла крупную роль. Собак клали с умершими шаманами. У нганасан был особый собачий бог (бака-нгуо), а на общеплеменном празднике «чистого чума» шесты этого чума мазались кровью убитой собаки[4].

В усть-полуйском материале собрана значительная группа орудий производства, связанных с обработкой шкур и крапивного волокна, а также с прядением нитей, шитьем одежды, гончарным ремеслом и обработкой кости и дерева.

С обработкой шкур связаны многочисленные находки скребков различных видов (табл. VII). Материалом для изготовления их служил в большинстве случаев олений рог и реже — китовая кость. Иногда в качестве скребка употреблялся просто неподправленный кусок оленьего рога в виде лопатки (табл. VII—*6*). Обычно скребки имеют прямую, почти плоскую ручку и округлую рабочую часть, нижний край которой зазубрен (табл. VII — *9*). На большинстве скребков эти зазубрины сохранились лишь на боковых поверхностях, тогда как центральная часть лезвия совершенно заполирована в результате длительного употребления. Рукоятки скребков довольно длинные, в среднем 8—9 см, при общей длине орудия 14,5—15,5 см. Лишь в отдельных случаях встречаются более мелкие или крупные. Рукоятки скребков довольно часто бывают украшены нарезным линейным орнаментом (табл. VII—*11*). На лопаточке в ряде случаев можно видеть тамгу ее владелицы. Тамги представляют большой интерес, поскольку анализ их даст возможность составить известное представление о социальной структуре общества обитателей Усть-Полуя.

Реже встречаются небольшие из оленьего рога скребочки Т-образной формы (табл. VII—*5*, *7*). Лезвие их асимметрично, рукоятка довольно длинная и плоская. Общая длина орудия 7—8 см, длина рукоятки 5,5—6 см; рабочий край тонкий, тщательно заточенный. Можно полагать, что такие скребочки применялись для обработки шкур со слабой мездрой (например, беличьи и заячьи шкурки).

Для обработки шкур применялись также и крупные своеобразные орудия серповидной формы (табл. VII—*1*, *4*). Насколько позволяют судить этнографические параллели, их использовали при первичной обработке шкур с грубой мездрой, некоторых частей оленьей шкуры, например «камуса». Часто встречаются в Усть-Полуе и скребки, сделанные из колотой трубчатой кости. Большинство усть-полуйских скребков имеет аналогии в этнографии народов Севера. Еще совсем недавно у остяков бытовали сделанные из оленьего рога скребки (типа табл. VII—*2*), по данным Сирелиуса, употреблявшиеся васюганскими хантами[1]. Скребки с закругленными лезвиями, теперь железными, а не костяными, распространены повсеместно в Приобье[2].

Не менее обильны находки орудий и предметов, связанных с изготовлением одежды. Среди них первое место по количеству принадлежит проколкам (табл. VIII—*5*, *6*, *8*, *9*). Этот небольшой широко распространенный

---

[1] Дневник раскопок Усть-Полуя в 1935 г. В. С. Адрианова (хранится в МАЭ).

[2] С. К. Патканов. Die Irtysch Ostjaken und ihre Volkspoesie. СПб., 1900. Героическое сказание про двоих сыновей и мужа тапарской женщины, стр. 30.

[3] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал, СЭ, № 4—5, 1935, стр. 132.

[4] По данным Б. О. Долгих.

[1] U. T. Sirelius. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Helsingfors, 1903, стр. 14, рис. 15.

[2] Там же, стр. 15, рис. 16.

Табл. VII. Костяные скребки для обработки шкур

1, 4 — серповидной формы; *2, 3, 8 —11*—в виде лопаточек (*9* — с сохранившимися зазубринами на рабочем крае); *5, 7* — Т-образной формы; *6* — кусок рога, служивший скребком

инструмент изготовлялся из осколков трубчатых костей или, что гораздо чаще, из других костяных предметов, почему-либо уже не использовавшихся по прямому назначению. Известны проколки, переделанные из рожков от лука, из наконечников стрел и т. п. Иногда в качестве материала для проколок служили метакарпальные косточки и os penis некоторых животных.

На табл. VIII—*4* изображена рукоятка для шильца, скорее всего железного, изготовленная из оленьего рога; близкая ей по форме известна с Потчевашского мыса [1].

Иголок в Усть-Полуе, к сожалению, не сохранилось, есть лишь несколько игольников. Они делались из птичьих, обычно лебяжьих, косточек, которым придавалась квадратная в сечении форма. Поверхность очень тщательно отполирована и в большинстве случаев орнаментирована (табл. VIII—*7*). Довольно близкую аналогию представляют игольники из Оленеостровского могильника [2]. Игольник из Гляденовского костища совершенно тождественен усть-полуйским и по форме, и по орнаментации [3].

В этнографии народов севера Сибири известно повсеместное распространение игольников из птичьих, в частности лебяжьих, косточек. В отличие от усть-полуйских, современные бывают круглыми в сечении.

С обработкой крапивного волокна мы связываем две небольшие группы находок. К первой относятся оленьи и лосиные косточки, ко второй — пряслица.

Подобные оленьи и лосиные косточки употреблялись остяками, живущими по рекам Иртышу, Конде, Салыму, а также в районе Сургута, для первичной обработки крапивы. В. Н. Пигнатти, сообщающий это, следующим образом описывает самый процесс обработки, наблюдавшийся на р. Конде.

«...взявши стебель крапивы в левую руку, а косточку в правую, косточкой, конец которой лежит на указательном пальце, прокалывают стебель насквозь около корня, стараясь, чтобы обе половины стебля были приблизительно равными, и, передвигая косточку и стебель, расщепляют последний на две части, причем верхняя часть движется между косточкой снизу и большим пальцем сверху. Затем, оставляя стебель в левой руке, надламывают при помощи косточки обе половины стебля во всю длину их несколько раз, примерно на четверть аршина расстояния перелом от перелома. Делают это с той целью, чтобы наружная часть стебля, кострика, и внутренняя, сердцевина, отделились от лубяных волокон, и способ этот в известной степени заменяет собой мялку, употребляемую при обработке льна и конопли. Надломленную кострику отделяют при помощи той же косточки, начиная с вершины стебля» [1].

Среди археологических находок, в частности в Сибири, такие косточки встречаются очень часто. Напомню для примера, что они имеются в большом количестве в материале городища Потчеваш (Чувашский мыс) близ Тобольска.

Выше приводился общий для финно-угорских языков термин «pon-fon» с основным значением «плетение», «рыболовная ловушка корзиночного типа» [2]. Этот корень выступает также в значении плести, вить, прясть: венг. kendert fon; lent fon — прясть коноплю, лен; фин.— штопать, плести; морд.— мотать [3]. В мансийском языке находим: «pon» — рыболовная сеть и «ponal» (pon-al — отыменное имя) — крапива — слова, несомненно связанные с тем же корнем; отсюда совершенно очевидно, что крапива являлась одним из наиболее древних материалов для прядения ниток и витья.

Усть-полуйские пряслица (табл. VIII—*2*, *3*) маленького размера, плоские. Материалом для их изготовления служил олений рог. Орнаментированные не встречались.

К гончарному ремеслу относится лишь один инструмент — сделанная из оленьего рога разбивалка для глины (табл. VIII—*1*). Рабочий край инструмента сильно заполирован. Подобной формы орудие, сделанное

---

[1] A. Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentale. Helsingfors, 1894. Табл. VII, рис. 11.

[2] А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском полуострове. «Кольский сборник», Л., 1930, табл. 4, рис. 2 и 3.

[3] Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костище на р. Каме Пермской губ. «Труды Пермской губ. ученой архивной комиссии», т. XI, вып. II, 1914, табл. 14, рис. 23.

[1] Тобольский губ. музей. «Изделия остяков Тобольской губ.», Тобольск, 1911, стр. 46—47.

[2] См. стр. 77 настоящей работы.

[3] Budenz Joz. Madyar-Ugor Osszehasonlító Szótár. Budapest, 1873—1884, стр. 531.

Табл. VIII. Орудия женского производства

1 — разбивалка для глины; *2, 3* — пряслица; *4* — рукоятка для шильца; *5, 6, 8, 9* — проколки; *7* — игольник (№ *1—4* — из оленьего рога; *5—9*— из кости). Рис. *1*—около 1/2 н. в., *2—6, 8, 9*—н. в.; рис. *7*—2/3 н. в.

из дерева, известно в этнографии якутов и описано В. И. Подгорбунским.

«При изготовлении горшка обычно хорошую глину смешивают с шамотом на одну треть или пополам. Перед этим сухую глину толкут камнем в берестяной посуде или деревянном корыте, раздробляя ее на мелкие комья. Подбавляют к ней в нужном количестве шамот и помешивают небольшой деревянной лопаткой, вначале в сухом виде... Для того чтобы сделать смесь вполне однородной, ее бьют деревянным молотком «чохоччу», сделанным из обрубка березового ствола, с отходящим от него суком, играющим роль рукоятки» [1].

Такую же функцию, видимо, исполняла и усть-полуйская костяная разбивалка.

По этнографическим данным можно предполагать, что обработка кости и дерева была делом мужчин. То же самое относится, вероятно, и к металлургии [2]. В Усть-Полуе сохранились следующие инструменты для обработки этих материалов.

Костяные клинья из оленьего рога (табл. IX—*1*—*4*), небольших размеров (длина в среднем 7—10 см). Рабочий край, как правило, сильно забит. Подобные клинья известны в этнографии обских угров. Сирелиус пишет, что их делают из елового дерева или оленьего рога и применяют для раскалывания стволов на брусья и для расчленения прямоствольных сосен на так называемое «жалье» (дранки), идущее в огромном количестве на устройство запоров и ловушек [3]. Надо полагать, что для этого применялись и усть-полуйские клинья.

Находки в Усть-Полуе железных ножей (табл. IX—*5*—*7*) и очень большого количества чаще всего костяных рукояток от них дают основания думать, что именно железный нож являлся основным инструментом. Это предположение подтверждается тем, что, кроме железных ножей, в Усть-Полуе обнаружен лишь один обломок бронзового ножа. Найден один нож целиком железный, с тонкой рукояткой, заканчивающейся кольцом.

Обнаруженные ножи сильно разрушены коррозией, поэтому трудно судить о форме лезвия и способе заточки. Черенок ножа вставлялся в тонкую, обычно костяную или из оленьего рога рукоятку (табл. IX — *5*—*7*), овальную в сечении. Наибольший диаметр ее в среднем 1,5—2 см. В верхнем конце рукоятки часто делались небольшие круглые отверстия, назначение которых не совсем понятно, поскольку предположение, что они могли служить для подвешивания к поясу, не подтверждается этнографическим материалом [1]. Рукоятки ножей обработаны обычно очень тщательно, часто богато орнаментированы (табл. X). Среди найденных рукояток две имеют венчающие их скульптурные украшения. Об одной уже упоминалось выше — это рукоятка со скульптурным изображением упряжной собаки. Вторая украшена головой орла. Обе скульптуры отличаются большой реалистичностью изображения.

Таким образом, сохранившиеся в Усть-Полуе инструменты указывают на следующие виды производства: обработка шкур и крапивного волокна, изготовление одежды и ниток. Эти работы, включая также и гончарство, составляли сферу деятельности женщин.

* * *

Усть-полуйские коллекции содержат большую группу предметов домашней утвари. К ним относятся всевозможные ножи, ложки, крюки для подвешивания и др.

Кроме железных ножей, о которых мы говорили выше, известны также и костяные. Эти ножи, или, вернее, ножеобразные орудия, изготовленные в большинстве случаев из оленьей лопатки, составляют довольно многочисленную группу находок (табл. XI—*1*, *11*, *12*). Подобные ножи и теперь употребляются у обских угров для чистки рыбы. Встречено несколько подобных орудий, сделанных из оленьего рога, с хорошо отделанным и заточенным краем. По массивности можно предполагать, что применение их более разнообразно, чем предыдущих.

Не менее обильно представлены в материале и костяные ложки различных форм и типов. К первому типу, к которому принадлежит большинство находок, следует

---

[1] В. И. Подгорбунский. Заметки по изучению гончарства якутов. «Сибирская живая старина», вып. 7. Иркутск, 1928, стр. 129—130, табл. 1, рис. 1.

[2] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени (в настоящем сборнике).

[3] U. T. Sirelius. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Helsingfors, 1903, стр. 14, рис. 15.

[1] Располагая недостаточным количеством лезвий, мы не можем сказать, было ли различие между мужскими и женскими ножами. Современные отличаются лишь формой ножен.

Табл. IX. Некоторые орудия мужского производства

1—4 — костяные клинья для обработки дерева; *5—7* — железные ножи с костяной рукояткой

Табл. X. Костяные рукоятки железных ножей в натуральную величину

Табл. XI. Домашняя утварь

1, 11, 12 — костяные ножи для чистки рыбы; *2, 3, 5, 6* — чесалки для спины из оленьего рога; *4, 8* — костяные крючки; *7* — поясной крючок из оленьего рога; *9, 10* — каменные песты

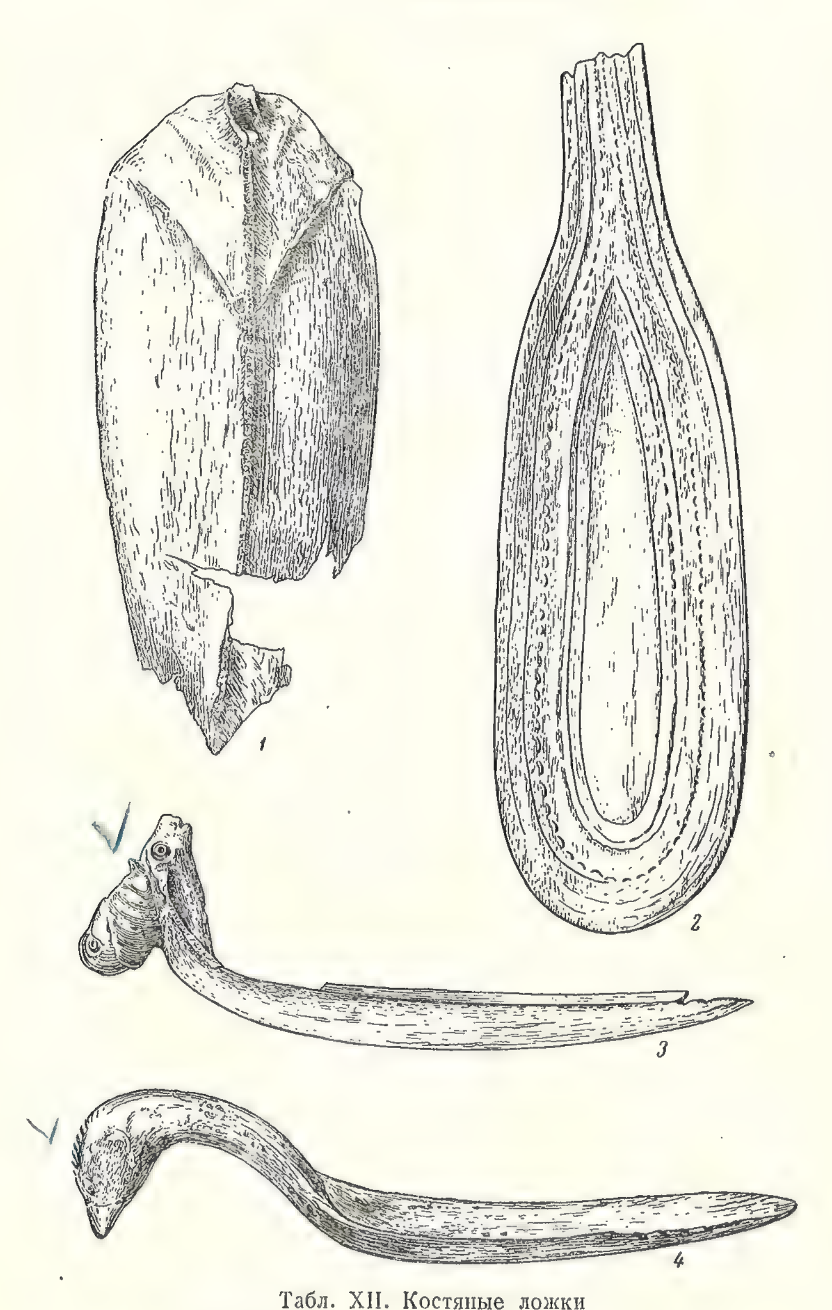


Табл. XII. Костяные ложки

1—грудная кость водоплавающей птицы; *2—4*—костяные ложки

отнести ложки, сделанные из грудных костей крупных водоплавающих птиц. Обработка костей сводилась к тому, что у них срезался киль, заравнивался край, а у основания кости просверливалось отверстие (табл. XII—*1*). Воспоминание о подобных ложках живет до сих пор в ненецком фольклоре. В районе Салехарда в 1946 г. мы записали сказку о Порнэ-не. Центральный персонаж сказки — полуженщина-полумедведица — употребляет вместо ложки «грудную кость лебедя» [1].

[1] Сказка записана в 1946 г. со слов Володи Ядна (25-ти лет).

Вероятно, такие кости, первоначально использовавшиеся вместо ложек, послужили прототипом и для более развитых форм ложек, которые стали делать главным образом из оленьего рога, а также из мамонтового клыка и костей морских животных. Рукоять ложки, иногда несколько изогнутая (табл. XII — *4*), часто снабжена круглым отверстием в верхнем конце (табл. XIII—*1*) и завершается скульптурой, преимущественно какой-либо птицы или зверя (табл. XIII—*2—6*).

Ко второму типу относятся ложки совершенно плоские, по существу это скорее лопаточки (табл. XIII—*1*, *4*). Некоторым вариантом этого типа являются более углубленные ложки такой же формы. Форма и характер обработки рукояти ничем не отличаются от описанных выше. Наряду со скульптурными украшениями встречается и нарезной орнамент, о котором подробнее будет сказано ниже.

Интересные сведения о лопаточкообразных ложках сообщает Н. Л. Гондатти. Описывая погребальные обряды у манси, автор отмечает, что они кладут с покойником в могилу деревянные лопаточки, заменяющие ложки. Но особенно интересным является тот факт, что подобные лопаточки употребляются также и при жертвоприношениях, так как, по мнению манси, боги едят пищу именно лопаточками, а не ложками. Поэтому у всякого идола в казнохранилище и на месте жертвоприношений можно видеть много таких лопаточек, принесенных богам вместе с пищей [1].

Следовательно, этнографический материал позволяет считать лопаточкообразную ложку очень архаичной и допустить, что лопаточки, наряду с ложкообразными грудными костями птиц, представляют наиболее архаическую форму и являются прототипами всех усть-полуйских ложек.

Глубокие ложки с короткой рукоятью, по форме напоминающие усть-полуйские, найдены на городище Сорочьи Горы [2]. Это единственная близкая аналогия, если не считать ложек из Подчеремского клада [1], отличающихся уже весьма значительно.

[1] Н. Л. Гондатти. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888, стр. 42.

[2] Л. И. Вараксина. Костеносные городища Камско-Вятского края. «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIV, вып. 3—4. Казань, 1929, стр. 95, табл. IV, рис. 6

В настоящее время у обских угров употребляются деревянные ложки, сходные с усть-полуйскими главным образом по украшенной круглой скульптурой верхней части рукояти. Применение ложек у вогулов и остяков было ограничено, так как жидкий мясной и рыбный навар они пили из чашек и лишь густую похлебку, заправленную ягодами или кореньями, ели ложками. Можно допустить, что в подобных случаях употребляли их и усть-полуйцы.

Имеющиеся в Усть-Полуе костяные крюки представлены на табл. XI—*4*, *8*. Металлические крюки, по форме близкие к усть-полуйским костяным, хорошо известны среди утвари всех народов севера Сибири. Они служат для подвешивания котлов над огнем, а также мяса, заготовленного впрок, или берестяных пайв, в которых хранятся продукты или вещи. На усть-полуйских крюках нет следов копоти, поэтому вероятнее всего, что они служили для подвешивания заготовленных продуктов.

К предметам утвари следует отнести каменные песты довольно крупных размеров (табл. XI—*9*, *10*). Они сделаны из слюдистого сланца. Рабочая поверхность обычно гладкая, несколько заполированная. Хрупкость материала, из которого они сделаны, и отсутствие забитости на рабочей поверхности дают основание предполагать, что песты употреблялись для растирания каких-то мягких веществ, вроде кореньев или ягод [2].

Кроме перечисленных находок, мы относим к утвари еще одну группу вещей, назначение которых на первый взгляд кажется малопонятным. Это небольшие, сделанные из оленьего рога предметы с втулкой для насаживания на палку. Рабочий край их часто зазубрен (табл. XI — *2*, *3*, *5*, *6*). По форме эти вещицы напоминают мотыжки, что дало В. С. Адрианову основание считать их вотивными мотыгами, свидетельствующими о том, что предки усть-полуйцев некогда занимались земледелием [3]. Такое

[1] В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, II.

[2] Манси применяют в настоящее время деревянные песты очень крупных размеров для того, чтобы толочь черемуху.

[3] В. С. Адрианов. Раскопки у Сале-Харда в 1935 г. СА, I, стр. 278.

объяснение не подтверждается ни формой предметов, ни известным нам археологическим материалом из Приобья и Зап. Сибири.

В быту народов Севера есть предмет, который очень напоминает наши «мотыжки»: это — чесалка для спины. Она известна как у ненцев и нганасан, так и у народов северо-востока Азии — у чучей и эскимосов. По форме усть-полуйским наиболее близки эскимосские чесалки [1].

Принадлежности одежды и украшения в усть-полуйских коллекциях представлены пряжками и гребнями.

Пряжки собраны в значительном количестве. Делались они главным образом из оленьего рога, реже — из мамонтового клыка. В большинстве случаев пряжки прямоугольные, с двойным крючком на одном конце и отверстием для крепления к поясу — на другом. Иногда крючок оформлен скульптурно, например в виде двух птичьих головок (табл. XI — 7). Пряжки часто бывают орнаментированы. Середина пластинки, как правило, от орнамента свободна. Иногда на ней бывает процарапана тамга владельца. В меньшем количестве (всего несколько экземпляров) найдены в Усть-Полуе небольшие пряжечки прямоугольной формы. Длина их 4,5—5,5 см, ширина 2—2,5 см. Сделаны они из оленьего рога, часто бывают украшены нарезным узором. Такие пряжечки служили, вероятно, для украшения или регулировки длины пояса.

Едва ли не самыми эффектными среди вещей, найденных в Усть-Полуе, являются гребни, в большинстве представляющие настоящие произведения искусства. Основным поделочным материалом для них служил олений рог. Почти все усть-полуйские гребни принадлежат к одному типу высоких, с длинными, относительно редкими, широкими зубцами. Только в некоторых случаях верхняя часть гребня ничем не украшена или снабжена лишь круглым отверстием (табл. XIV—*2—4*). Чаще она орнаментирована или скульптурно оформлена; иногда орнаментом покрывались и зубья (табл. XIV—*9*). Птицы и животные представляют излюбленный мотив (табл. XIV — *1, 5, 8, 9*), и именно на гребнях широко распространяется известное на других предметах групповое изображение животных.

Несколько отличаются два гребня. Один из них имеет несколько иные пропорции, чем остальные. Он короче и шире. Верхняя часть украшена тремя гвоздеобразными выступами (табл. XIV — *7*). Второй, не отличающийся по форме от прочих, украшен довольно сложной композицией, в состав которой входят две сильно вытянутые стилизованные головы птиц или фантастических животных (табл. XIV — *6*). По трактовке эти изображения совершенно отличны от имеющихся в усть-полуйском материале. Непомерно удлиненные пропорции изображений, напоминающих стилизованные фигуры зверей, хорошо известных по уральским находкам (например, Подчерем) и изредка встречающихся в Приобье (находки на Шайтанском мысу близ Березова), заставляют относить этот гребень к числу наиболее поздних из всей группы, а возможно, указывают и на его не местное, а уральское происхождение.

Об этом же говорят и тамги, известные лишь на двух гребнях. Гребень со стилизованными головами птиц или животных имеет три различные тамги; две из них сходны с современными мансийскими, принадлежащими родам Бахтиаровых и Куриковых [1], из которых первый происходит с западного склона Урала.

Высокие гребни для закалывания волос, со скульптурно оформленной верхней частью, известны с нескольких удаленных одна от другой территорий. Близок усть-полуйским гребень с Буйского городища [2]. Отдаленную аналогию некоторым формам усть-полуйских гребней можно усмотреть и в известном гребне из Солохи [3]. Наконец, высокие гребни, близкие по форме к усть-полуйским, но являющиеся скорее расческами, встречены в эскимосском археологическом материале [4].

---

[1] А. А. Попов. Нганасаны. Изд. Ин-та этнографии АН СССР; K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos. Material and Social Life and their cultural Position. Copenhagen, 1929, стр. 225, рис. 86а.

[1] Устное сообщение В. Н. Чернецова. Он же сообщил, что род Бахтиаровых, ныне живущих на Лозьве, происходит с Вишеры, откуда приехал на Лозьву лишь в XIX в. Куриковы живут на Пелыме.

[2] А. А. Спицын. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губ. МАВГР, 1, 1893, стр. 43, 53—54, табл. II, рис. 6.

[3] ОАК за 1913—1915 гг.

[4] Therkel Mathiassen. Archeology of the Central Eskimos, т. II. Thule Culture and its position within the Eskimo Culture. Copenhagen, 1927, стр. 115.

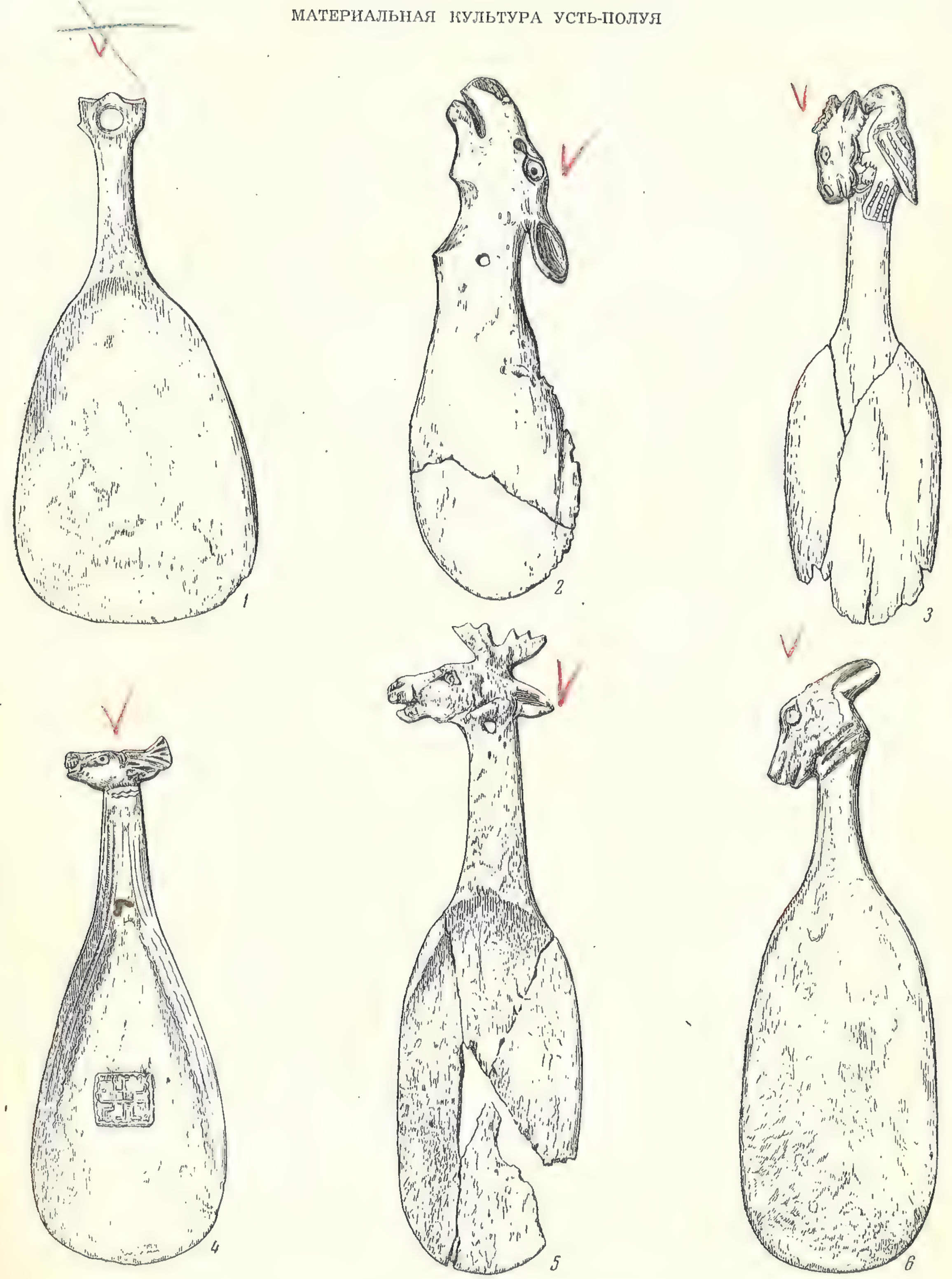


Табл. XIII. Костяные ложки-лопаточки

1, 4—плоские; *2, 3, 5, 6*—глубокие

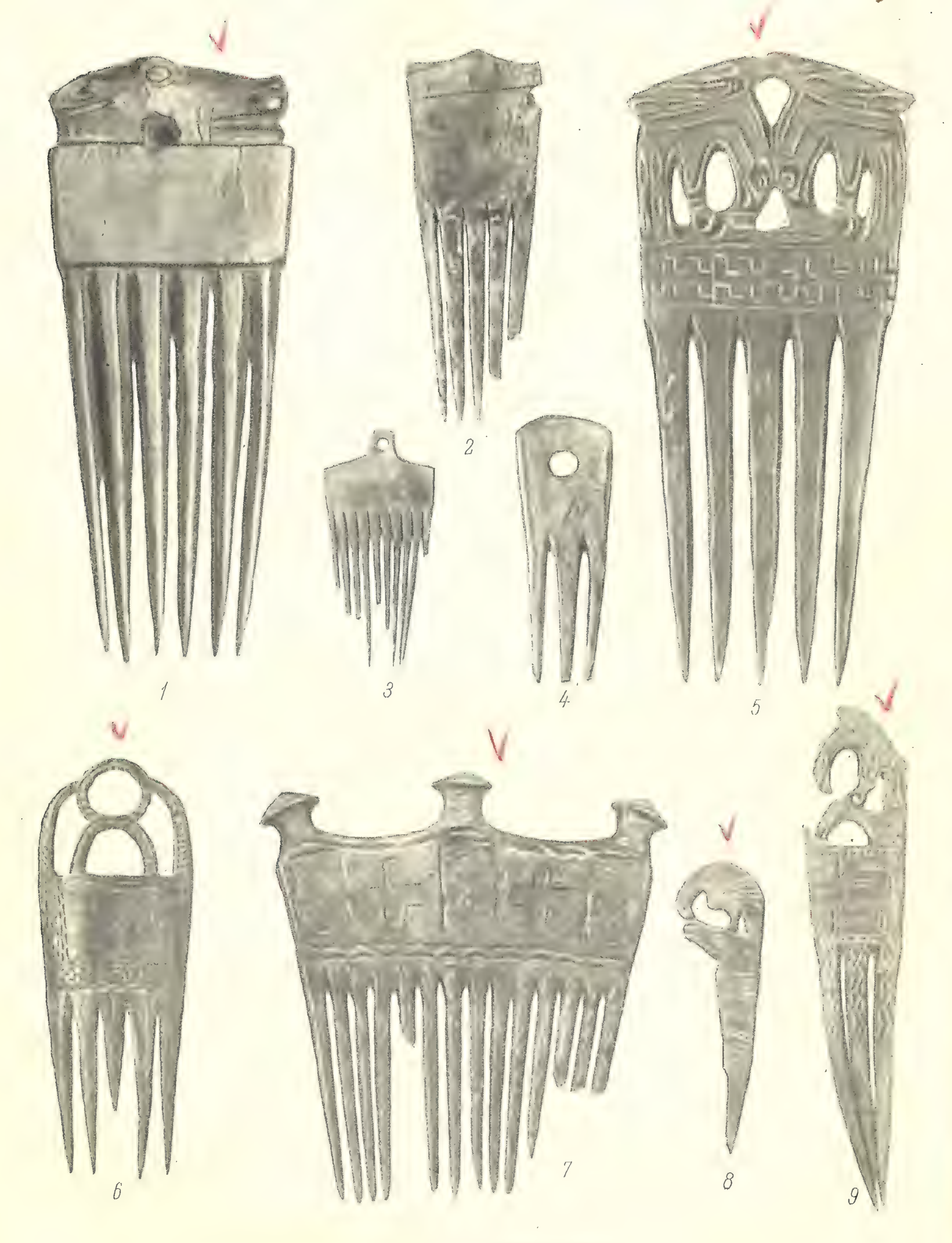


Табл. XIV. Костяные гребни

1, 5, 8, 9—украшенные изображениями птиц и животных; *2—4*—без орнамента; *5, 9* — с орнаментированными зубьями; *6*—со стилизованными изображениями голов птиц или животных; *7*—с гвоздеобразными выступами.

Анализируя охотничий инвентарь, мы пришли к выводу, что наряду со стрелами охотничьими и универсальными в Усть-Полуе существовали и специальные боевые, служившие военным целям. Более специализированным оружием являются секиры и клевцы, а также кинжалы и короткие мечи, известные в усть-полуйской культуре по находкам, описанным В. Н. Чернецовым[1].

При наличии наступательного оружия естественно и развитие оборонительного, представленного в Усть-Полуе многочисленными частями костяных панцырей. К ним относятся:

1. Пластинки, из которых в основном и состоял панцырь, удлиненно-прямоугольной формы, с четырьмя дырочками, расположенными попарно (табл. II — *10, 11, 13—19*). Соединялись пластинки между собой ремешками, продергивавшимися через дырочки, как это можно видеть на пластинчатых панцырях, распространенных до сравнительно недавнего времени на северо-востоке Азии, в Китае и Японии.

2. Крупные пластины, повидимому нагрудные. Одна из них — из китовой кости —

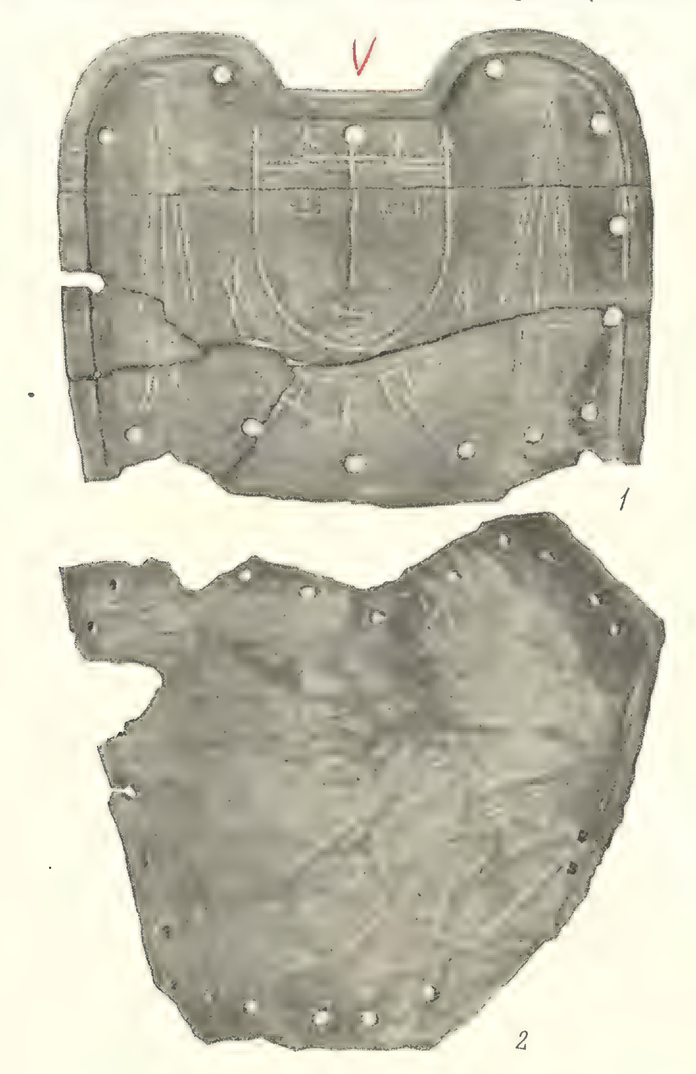


Табл. XV. Нагрудные панцырные пластины

1 — из китовой кости; *2* — из лосиного рога

[1] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени (в настоящем сборнике).

сделана очень тщательно. По краям ее круглые отверстия, служившие для скрепления с другими частями панцыря (табл. XV—*1*). Другая, возможно незаконченная, сделана из широкой части лосиного рога и по форме близка первой (табл. XV — *2*).

3. Удлиненные, слегка изогнутые пластины, служившие либо для проймы панцыря, либо для боковых сторон шлема. Дырочки на них, как и на первом типе пластинок,

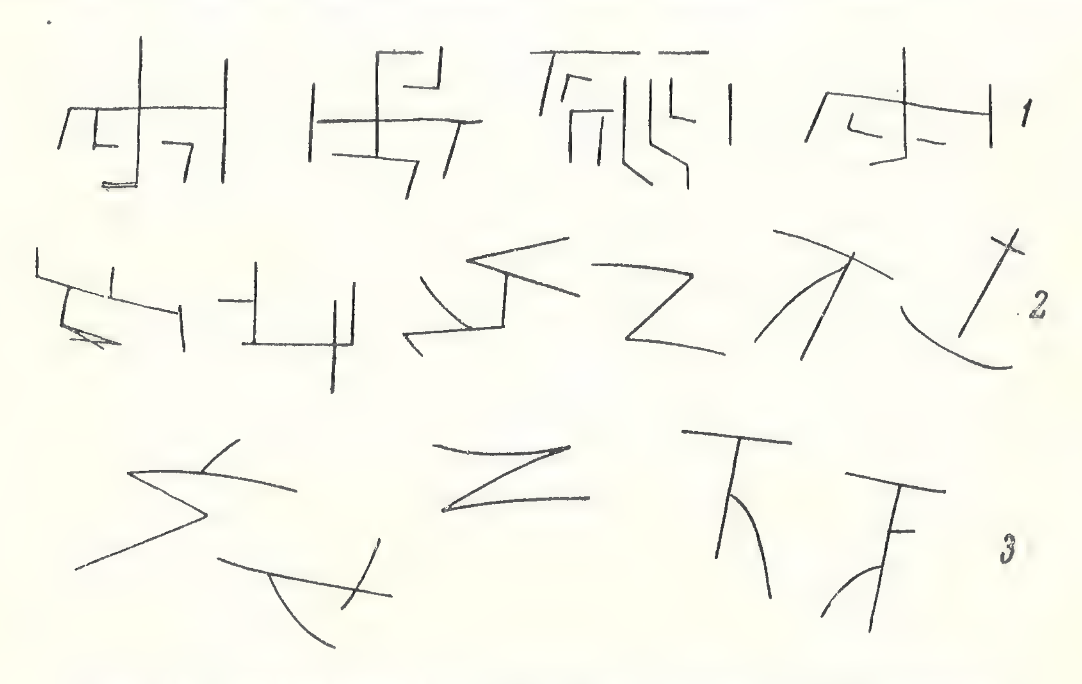


Табл. XVI. Тамги на вещах из Усть-Полуйского городища (*1*, *2*) и современные мансийские тамги (*3*)

расположены горизонтально попарно (табл. II—*9*, *12*).

4. Пластинки длинные, суживающиеся к одному концу, с четырьмя дырочками, верхняя пара которых расположена вертикально.

По аналогии с чукотскими, пластинки принадлежали шлему конической формы (табл. II—*8*).

В ряде случаев панцырные пластинки украшены обычным для Усть-Полуя орнаментом из полос линейного и угловато-меандроидного узора. Украшена и одна из нагрудных пластин. На ней изображена фигура воина, видимо, держащего в обеих руках по мечу, по форме близких найденному на Сев. Сосве [1]. Голова воина увенчана пятью стреловидными зубцами. На шее — гривна, концы которой оформлены в виде голов животных с раскрытыми пастями. Эта фигура несколько напоминает бронзовые литые изображения, известные с Потчевашского мыса и из Гляденова. Напомним, кстати, что бронзовые пластинки из курганов Потчевашского мыса близки усть-полуйским, особенно по орнаменту [2].

Фигура на нагрудной костяной пластине и нацарапанные изображения на бронзовых бляшках, имеющихся в Усть-Полуе, дают обильный материал гравированных изображений, появляющихся, видимо, в усть-полуйское время. Не разбирая их в настоящей работе, отмечу лишь, что позы, в которых мы видим фигуры и на костяной пластине и на бронзовых бляхах, свидетельствуют о существовании уже в это время военных

[1] В. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье, рис. 2 (в настоящем сборнике).

[2] A. Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentale. Helsingfors, 1894, табл. III, рис. *2, 4, 5, 7—11;* Н. Н. Новокрещенных. Ук. соч., табл. II, рис. 22.

танцев, известных по археологическим [1] и по этнографическим материалам [2].

Общий вид усть-полуйского панцыря может быть реконструирован на основании гравированных изображений на усть-полуйских бронзовых изделиях и по некоторым этнографическим параллелям. Кроме рубашки, связанной из костяных или металлических пластинок, употреблялись юбки, сделанные из полос кожи лахтака или моржа. Выше уже говорилось, что костяные панцыри известны у народов северо-востока Азии — у коряков и эскимосов, а у чучей — аналогичные железные. На дисках и бляшках, известных по Усть-Полую и другим находкам этого времени, можно встретить нацарапанные изображения людей и мифических существ, одеяние которых по контурам и даже в некоторых деталях напоминает чукотско-эскимосские доспехи. Изображенные существа одеты в рубашки, спускающиеся несколько ниже пояса, и длинные юбки, подобно палеоазиатским, составленные из нескольких широких полос. Очень возможно, что усть-полуйское боевое одеяние было близко чукотско-эскимосскому.

Костяные панцырные пластинки хорошо известны в уральско-сибирской археологии. Близкие к усть-полуйским, отличающиеся от них лишь способом крепления, обнаружены в Коконовских курганах [3]. Такие же известны в материале курганов, раскопанных Зыряновым в Шадринском уезде [4], и из городища Большой лог в слое поселения, относящегося к сарматскому времени [5].

Из сказанного можно заключить, насколько широко был распространен костяной пластинчатый панцырь. Это обстоятельство затрудняет определение истоков происхождения усть-полуйского панцыря, и может быть только дальнейшие находки дадут какие-нибудь материалы для выяснения этого вопроса. Имеются лишь косвенные соображения, подробнее о которых речь будет ниже, позволяющие связывать распространение пластинчатого панцыря в Нижнем Приобье скорее со степным югом, нежели с культурами арктического побережья.

Резюмируя изложенный материал, мы должны сказать, что хозяйство усть-полуйцев носило комплексный характер. Оно базировалось на охоте, на промысле морского зверя и рыболовстве, при наличии развитого собаководства. Значительное преобладание оленьего рога и кости в качестве поделочного материала дает основание предполагать, что охота на дикого оленя была одним из самых существенных элементов в хозяйственной жизни древнего населения Усть-Полуя. Очень велика была и роль рыболовства, продукты которого, наряду с оленьим мясом, видимо, являлись основой питания. Об этом свидетельствует обилие костей рыб в усть-полуйской землянке, раскопанной в 1946 г. Мангазейской экспедицией в Салехарде. Промысел морского зверя, безусловно существовавший в Усть-Полуе, как о том свидетельствуют орудия лова и применение костей морских животных в качестве поделочного материала, не имел, как нам кажется, такого важного значения для хозяйства, как в ямальских поселениях того же времени [1].

Необходимо допустить и собирание орехов, ягод, съедобных корней и т. д., не потерявшее и поныне среди населения Приобья некоторого значения. Для выкапывания корней должны были существовать орудия вроде заступа или мотыги. К наконечникам подобных орудий можно отнести наиболее массивные острия со втулками, подобные гарпунным втокам (табл. V—*16, 17*).

Итак, надо полагать, что в Усть-Полуе мы имеем дело с культурой оседлых охотников и рыболовов, у которых упряжное собаководство способствовало, вероятно, развитию этих промыслов и освайванию больших территорий.

Комплексный характер хозяйства, основанного на охоте и рыболовстве, свойственен первобытным народам, у которых производительные силы развиты еще недостаточно. Хозяйство, подобное усть-полуйскому, существовало еще в недавнем историческом прошлом у многих малых народностей Севера. В качестве примера можно указать

---

[1] В. Н. Чернецов. «Бронза усть-полуйского времени» и «Усть-полуйское время в Приобье» (в настоящем сборнике).

[2] Ал. Кастрен. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах-самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. «Этнографический сборник РГО». СПб., 1858, стр. 309.

[3] Раскопки В. П. Левашовой. 1927 г.

[4] ЗУОЛЕ, вып. 7 за 1883 г., стр. 75; МАР, вып. 37, стр. 62.

[5] В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой лог. КСИИМК, XXXVII.

[1] Например, стоянка Тиутей-Сале на западном побережье Ямала.

на гиляков, относительно которых Л. Шренк сообщал, что основу их хозяйства составляло рыболовство, сочетавшееся с промыслом морского зверя (главным образом тюленя и белухи), хорошо развитым собаководством и в известной степени с охотой. Однако Шренк отмечал, что охота у гиляков носит по преимуществу подсобный характер, поскольку они охотятся главным образом на пушного зверя для продажи [1].

По форме хозяйства еще более близки к усть-полуйцам карибу-эскимосы, основу экономики которых составляют охота на оленя-карибу, рыбная ловля и промысел морского зверя в сочетании с развитым ездовым собаководством [2].

Близки были к усть-полуйцам и обские угры. Исторические источники дают все основания считать, что в I и половине II тысячелетия н. э. сибирские племена, именовавшиеся югрой, были племенами охотников и рыболовов, ездивших на собаках. Об этом сообщают русские и арабские источники и европейские путешественники. Яркое описание езды на собаках имеется в известии «О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина папы Григория IX». Со слов монаха Юлиана, путешествовавшего в 1237—1238 гг., записано: «Когда мы были еще в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибур, которая окружена Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой» [3].

Широкое распространение ездового собаководства в Зап. Сибири известно еще в конце XV в., когда во время похода князя Курбского в Ляпин его рать ехала на собаках, как об этом сообщает летопись. Сейчас в науке установилось единое мнение относительно позднего времени распространения оленеводства у обских угров, относящегося не ранее чем к концу XV в. [4]

Весь облик культуры, остатки жилищ показывают, что население Усть-Полуя было оседлым. Основным, зимним по крайней мере, жилищем была землянка.

В Салехарде, находящемся на расстоянии 4 км от Усть-Полуя, Мангазейской экспедицией в 1946 г. раскопана землянка, которая по находкам синхронна поселению в устье р. Полуй и относится к той же культуре. Она была прямоугольной, почти квадратной формы, размером 10 × 11 м. Глубина едва ли превышала один метр. Прямо против входа, обращенного к обрыву берега р. Полуй, находился очаг удлиненной формы, вытянутый вдоль землянки. По обе стороны очага, вдоль стен, были расположены земляные нары. Ниже уровня пола вдоль одной из стен проходила канавка, которая, по аналогии с жилищами народов северо-востока Азии, делалась с целью дренажа и улучшения тяги.

В. С. Адрианов, исследовавший Усть-Полуй, не усмотрел жилищ. Однако после того как мы изучили сохранившуюся немногочисленную полевую документацию и нанесли на план раскопок 1935 г. находки, мы заметили, что в раскопе прослеживались заглубления с находившимися в них очажными пятнами. На границе подобных заглублений сохранились остатки бересты и дерева. В одном из них найден целый сосуд на поддоне. Обильные находки глиняных и сланцевых моделек для бронзовых поделок и литейная форма также обнаружены в углублении. Это дает основание предполагать, что, возможно, и в Усть-Полуе жилища были земляночного типа.

По внутреннему расположению и размерам усть-полуйское жилище [1] имеет сходство с современными летними юртами, где также находится срединный очаг, по обе стороны которого вдоль стен устроены нары. Жилище, вероятно, близкое по типу к усть-полуйскому, описывает В. Зуев.

«Изба имеет совсем особливое строение и строится по большей части четвероугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого складывается, как надо, без перекладывания между бревнами моху, а некоторые такие же

[1] Л. Шренк. Ук. соч.
[2] K. Birket-Smith. Ук. соч., I, descriptive part.
[3] «Исторический архив», т. III, 1940, стр. 93.
[4] А. М. Золотарев и М. Г. Левин. К вопросу о древности происхождения оленеводства. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I; Kai Donner. Über das Alter der ostjakischen und wogulischen Renntierzucht. FUF, XVIII, Helsinki, 1927.

[1] Во всяком случае землянка, раскопанная нами в Салехарде.

юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей, сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако, каждая остятка со всем своим екипажем и детьми должна в узком том месте жаться при своем огне сидеть и работать...

В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе и естьли случатся младенцы, то каждая в своей норе перед собой имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут, и, одев малого шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами»[1].

Сведения, которые мы имеем об усть-полуйском жилище, а также материал о тамгах на различных предметах женского и мужского обихода, дают представление об общественном строе усть-полуйцев. Легко заметить, что тамги по форме распадаются на две резко различные группы.

В одну группу входят довольно сложные знаки, представляющие собой усложненную крестообразную фигуру (табл. XVI—*1*). В деталях они различаются между собой, но представляют варианты одного и того же знака и являются, видимо, семейными знаками, происходящими от единой родовой тамги. Близкие им тамгообразные знаки известны на некоторых кельтах тобольской группы, аналогию которым В. Н. Чернецов находит в Северном Китае позднечжоуского и ханьского времени, считая, что упомянутые выше тамги представляют собой подражание китайским иероглифам и печатям[2].

В другую группу входят несравненно более простые (табл. XVI—*2*), чрезвычайно близко напоминающие современные тамги обских угров (табл. XVI—*3*). Вообще редкие в Усть-Полуе, они чаще встречаются на предметах женского обихода. Отсюда мы делаем вывод, что сложные тамги, представляющие вариант одной, являются собственно усть-полуйскими, тогда как другие попадают в селение либо случайно с отдельными предметами, либо в результате брачных связей. Причем это может относиться как к женским, так и к мужским вещам, поскольку матрилокальный брак и до сих пор представляет на Оби нередкое явление. Варианты собственно усть-полуйских тамг показывают, что род уже не являлся там единым хозяйственным целым. Хозяйственной и производственной единицей являлась большая семейная группа, обитавшая совместно.

По данным В. Зуева, в одной юрте проживало совместно 3—5 брачных пар. Судя по размерам усть-полуйской землянки, в ней могло жить 8—10 пар. Блестящую картину жизни большого коллектива, живущего в одном доме, мы находим в описании Палласа.

«Для зимовьев остяки выбирают в близости рек сухие и высокие берега и складывают из молодых нетолстых дерев настоящие четвероугольные избы, русским подобные, но ниже и почти половина в земле и без кровли, вместо которой наверх накладывают земли, а посередь оставляют посредственной величины четвероугольную дыру, в которую зимой для тепла и света вкладывают и замораживают льдину. Двери у избы хоть не всегда, однако, почти обыкновенно, делаются на запад. Перед дверьми строят клети рядом на обе стороны (лабазы) для поклажи и сохранения рухляди и других ненадобных вещей. В таковых юртах или зимовьях живут многие семьи вместе, и потому внутренность оных разделена по стене на столько конурок, сколько семей находится, какова б узка ни была сия конурка за множеством народу, однако в ней должно уместиться мать с детьми и со всем домовым припасом и при своем собственном огне работать. Из сего можно заключить, как что лежит в сих казармах и каков должен быть порядок. Обыкновенно три, четыре и шесть семей живут в одном доме, но ниже Березова есть юрты, где до тридцати таких хозяев живут вместе»[1].

Таким образом, обобщая данные по тамгам, жилищу и использовав историко-этнографический материал, мы можем предпо-

[1] Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772 гг.). Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов, остяков и самоедцев, сочиненное студентом Василием Зуевым. Изд. АН СССР, 1947, стр. 29.

[2] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI.

[1] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. I. СПб., 1788, стр. 56—57.

ложить, что домовый коллектив, представлявший объединение ближайших родственников и свойственников, являлся единым хозяйственным целым — основной хозяйственной единицей усть-полуйского общества. Род находился, видимо, в состоянии разложения, и есть основание предполагать существование уже отцовской филиации.

Усть-полуйская культура приустьевых охотников и рыболовов лесотундровой зоны имеет черты, чуждые культурам подобного типа и связывающие ее с более южными лесостепными и степными районами. Это неоднократно отмечалось в работах по истории Нижнего Приобья [1].

К чуждым элементам следует в первую очередь отнести найденные в Усть-Полуе фрагмент поддона бронзового котла и глиняные сосуды на поддонах, подражающие по форме котлам. Пластинчатые панцыри, хотя они и распространены очень широко и охватывают огромную территорию от северо-востока Азии до Украины, в Усть-Полуе следует отнести также к элементам культуры, распространенной в западносибирской степи и лесостепи. В этом нас убеждает сходство панцырных пластинок из Усть-Полуя с бронзовыми панцырными или поясными пластинками из курганов Потчеваш, с костяными пластинками из Коконовских и других курганов Среднего Прииртышья. Изображение танцующего воина на одной из усть-полуйских нагрудных костяных пластин (особенно если принять во внимание сарматский облик меча) тоже как будто дает основание связывать панцырь с подобными находками в степных районах Западной Сибири.

Но ярче всего проявляются элементы, чуждые культуре таежных охотников, в изобразительном искусстве Усть-Полуя. Не ставя перед собой задачи дать в этой работе характеристику усть-полуйского искусства, мы все же должны на нем остановиться, поскольку в искусстве нашли отражение сложные этногенетические процессы, приведшие к появлению усть-полуйской культуры.

Двойственность стиля великолепной усть-полуйской скульптуры очевидна на резных костяных изделиях из Усть-Полуя. Круглая скульптура широко применялась усть-полуйцами в бытовых вещах. Чаще всего скульптурно оформлялись гребни, рукояти ложек и ножей. Главным и единственным объектом изображений являются животные и птицы. В стиле изображений можно видеть две различные традиции. Одна из них представляет собой первобытный реализм, известный по памятникам позднего неолита и ранней бронзы Сибири и Урала и в не меньшей степени свойственный некоторым народам Сев. Азии — корякам, чукчам, эскимосам. Изображения, исполненные в этой традиции, встречаются чаще на ложках (табл. XIII). Обычно — это голова или целая фигура птицы или зверя. Птицы изображаются преимущественно водоплавающие, из зверей чаще всего встречаются олень и заяц. Трактовка их глубоко реалистична.

В иной манере исполнены изображения на гребнях. Появляется своеобразно трактованный мотив борьбы зверей — орла и оленя. Фигуры даются условно, стилизованно, с орнаментальной передачей деталей. В дальнейшем можно наблюдать на вещах схематические и стилизованные фигуры птиц или животных, представляющие собой лишь детали орнаментальной композиции. Изображения животных на некоторых гребнях уступают в реалистичности изображениям на ложках (ср., например, головы лосих на гребне (табл. XIV — *1*) и на ложке (табл. XIII—*2*). Сюжет борьбы зверей появляется в очень редких случаях и на ложках. Но здесь он вырождается и превращается в изображение реалистически трактованного орла, клюющего голову дохлого оленя, как это можно видеть на одной из ложек.

Таким образом, создается впечатление, что этот чуждый северной охотничьей среде стиль принесен в Усть-Полуй вместе с высокими гребнями для закалывания волос, аналогии которым мы усмотрели в памятниках более южных культур.

Не наблюдается единства и в орнаменте, который по формальным признакам можно разбить на три группы. К первой следует отнести желобчатые и струйчатые узоры, а также мелкие ямки и точки, в некоторых случаях явно имитирующие следы животных (табл. XVII—*1*). Ко второй группе относится угловато-линейный и к третьей — угловато-ленточный орнамент, встречающийся на кости в единичных случаях (табл. XVII—*2, 3*).

---

[1] В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, стр. 18—28.

Орнамент первой группы следует, вероятно, связывать с местным охотничьим элементом усть-полуйской культуры. Аналогии ему можно найти среди современных узоров, выдавленных на берестяных изделиях остяков и вогулов. Нечто близкое встречается в орнаментации ножен с Лозьвы, украшенных изображениями птиц, рыб и следов животных. Орнаментация подобного типа, вероятно, очень древняя и восходит к ранним формам охотничьего искусства.

Вторая и третья группы имеют известную общность и могут быть, вероятно, возведены к общему истоку. Угловато-линейный орнамент, знакомый нам по андроновской орнаментации, на Оби встречается лишь с усть-полуйского времени, когда он широко использовался при украшении изделий из кости, как это можно наблюдать в Усть-Полуе. Позднее он распространяется на керамику и существует, насколько известно, на всей территории, долгое время занятой угорскими племенами. Орнамент этого типа известен в усть-полуйский период на Среднем Иртыше (Мурлинский клад) [1].

Угловато-ленточный орнамент известен на территории угорских племен еще с эпохи бронзы и существует до сих пор. Он редко встречается на археологических вещах, что может быть объяснено преимущественным распространением его на мягком материале, как это известно в современности.

Близость между культурами усть-полуйской и современной обских угров очень велика. В Усть-Полуе встречаются почти все компоненты, создавшие культуру современных остяков и вогулов. Поэтому так важно выяснить генезис усть-полуйской культуры.

Одним из ее компонентов является культура арктического типа, в довольно близких формах встречающаяся по всему северному побережью Азии и частично на Европейском севере (Оленеостровский могильник на Кольском полуострове). Г. Н. Прокофьев отмечал, что в современных языках народов, населяющих эту территорию, слова, относящиеся к области материального производства,— названия северной глухой одежды, полотнищ, сшитых из оленьих шкур для чума, промысловых животных,— являются общепалеоазиатскими и имеются в языках чукоч, коряков и эскимосов в близких и в совпадающих значениях [1].

[1] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени (в настоящем сборнике).

Эту же близость можно наблюдать и в материальной культуре. Так, в Усть-Полуе, кроме общих черт, происхождение которых

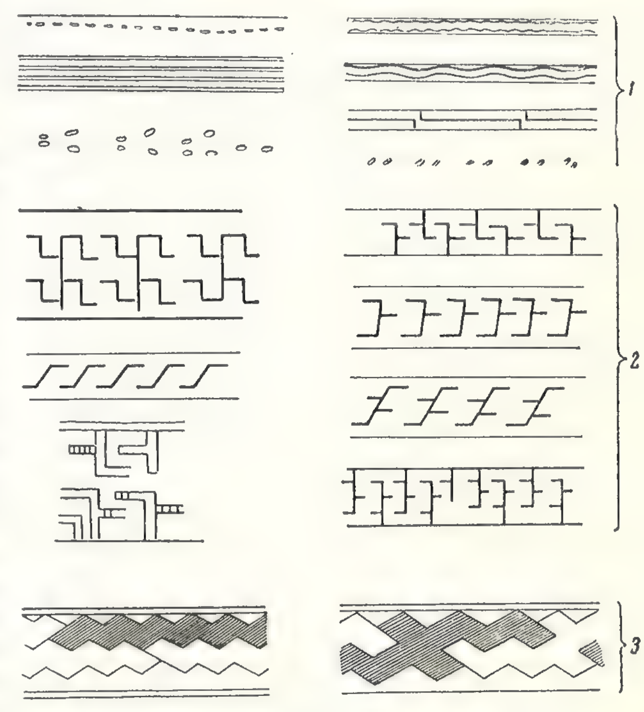


Табл. XVII. Усть-полуйские орнаменты

1 — первая группа; *2* — вторая группа; *3* — третья группа

можно объяснить сходными естественноисторическими условиями, следует отметить некоторые частности: сходство в конструкции жилищ (наличие дренажной канавки), близость типа собачьей упряжи, совпадающей в деталях, и др. Наиболее четко следы арктической культуры Обского севера выступают у населения Ямала. По преданиям ненцев, «сирти», как они называют носителей этой культуры, исчезли с северной части полуострова лишь в сравнительно недавнее историческое время [2].

[1] Г. Н. Прокофьев. Тезисы доклада на тему «Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, хантов и манси)». «Материалы Комиссии по этногенезу ОИФ АН СССР».

[2] В. Н. Чернецов. Приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, № 4—5, 1935.

Угорские племена Среднего Прииртышья, принесшие с собой в низовья Оби элементы степной и лесостепной культуры, стояли в социальном отношении и по развитию техники, видимо, значительно выше местного населения. С их приходом в Нижнем Приобье начинает широко распространяться железо, следов которого в предыдущих культурах пока не обнаружено. То же самое можно сказать и в отношении бронзы. Высокий уровень техники вызвал расцвет материальной культуры. Специализированное военное оружие чуждых Северу форм (клевцы, трехперые бронзовые стрелы, мечи и кинжалы сарматского типа) свидетельствует о внесении новых навыков и, вероятно, более высоких форм общественного строя.

Остается обратить внимание еще на одно явление, причины которого пока недостаточно изучены, а именно на черты сходства между усть-полуйской и ананьинской культурами. Они наблюдаются в близости форм многих предметов и в орнаментации керамики, что представляется особенно важным. Это невольно заставляет предполагать связь несколько более глубокую, чем просто межплеменной обмен и взаимное влияние. Разрешение этого вопроса станет возможным лишь после углубленного изучения культур эпохи бронзы в Прииртышье и Прикамье.

В. И. Мошинская

КЕРАМИКА УСТЬ-ПОЛУЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культурный слой Усть-Полуйского городища насыщен керамическим материалом. На одном квадратном метре, при мощности слоя в 25—30 см, содержалось в среднем 30—40 черепков. В нескольких пунктах наблюдались значительные скопления керамики. Они совпадали с углублениями в культурном слое, возможно связанными с бывшими здесь жилищами, или приходились на квадраты, где по характеру находок можно предполагать жертвенное место.

К сожалению, В. С. Адрианов не собирал всей керамики. Из его дневников видно, что на месте оставалась приблизительно треть всех черепков; а иногда, если их было особенно много, он оставлял и бо́льшую половину, например на 66-м квадрате раскопа V. Видимо, поэтому из огромного керамического материала, добытого в Усть-Полуе, удалось подобрать всего лишь три сосуда. По этой же причине пришлось отказаться от применения статистического метода. В отчетном докладе В. С. Адрианов сообщил, что он забирал с поля все находки, оставляя лишь камни и расслаивавшуюся керамику. Опыт наших раскопок в Салехарде в условиях, близких к усть-полуйским, показал, что расслаиванию подвержены в основном не стенки сосудов, а верхние их части, шейки и особенно венчики. Таким образом, всякий статистический анализ дал бы заведомо неверный результат и создал бы ложную картину.

Типология усть-полуйской керамики, вследствие малого количества целых сосудов, может базироваться главным образом на изучении орнаментов с привлечением данных о форме лишь в той степени, в какой позволяет материал. Удалось установить 20 видов элементов орнамента и 56 различных элементов узора.

Типологически можно выделить три группы керамики, отражающие различные фазы сложения и развития усть-полуйской культуры. Первая из них (табл. I) относится, повидимому, к моменту возникновения и является переходной от форм более ранних. Вторая (табл. II), самая многочисленная по материалу, соответствует, надо полагать, периоду развитого Усть-Полуя. Третья (табл. III), видимо, является последней, завершающей группой, носящей черты, свойственные керамике уже более поздней, чем усть-полуйская.

К первой группе относится незначительное количество мелких черепков. Ни одного целого сосуда подобрать не удалось, и говорить о форме их трудно. Отсутствие в материале обломков плоского дна дает основание предполагать, что большинство сосудов было глубокими, круглодонными, типа, встречавшегося на Зеленой Горке. К этой же группе принадлежат сосудики, которые по форме прикраевых частей приближались скорее всего к неглубоким чашам (табл. I). Орнамент расположен зонально. Он состоит из горизонтальных лент, опоясывающих прикраевую часть сосуда. Среди элементов орнамента характерны мелкозубая гребенка, горизонтальные каннелюры, нанесенные концом палочки или лопатки, и мелкие ямки неправильно овальной или подтреугольной формы. Типичен зигзагообразный узор, нанесенный мелкозубой гребенкой, в сочетании

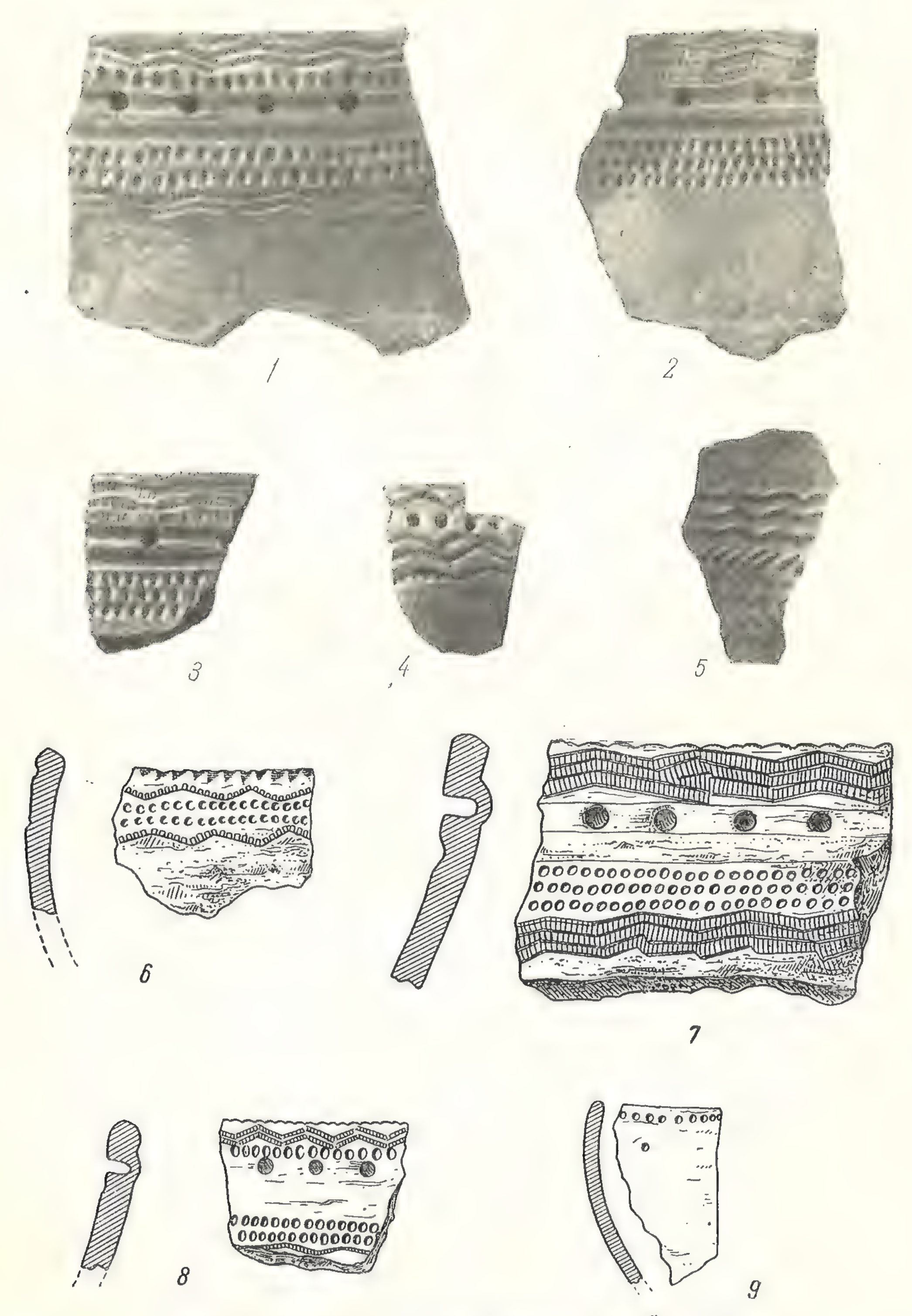


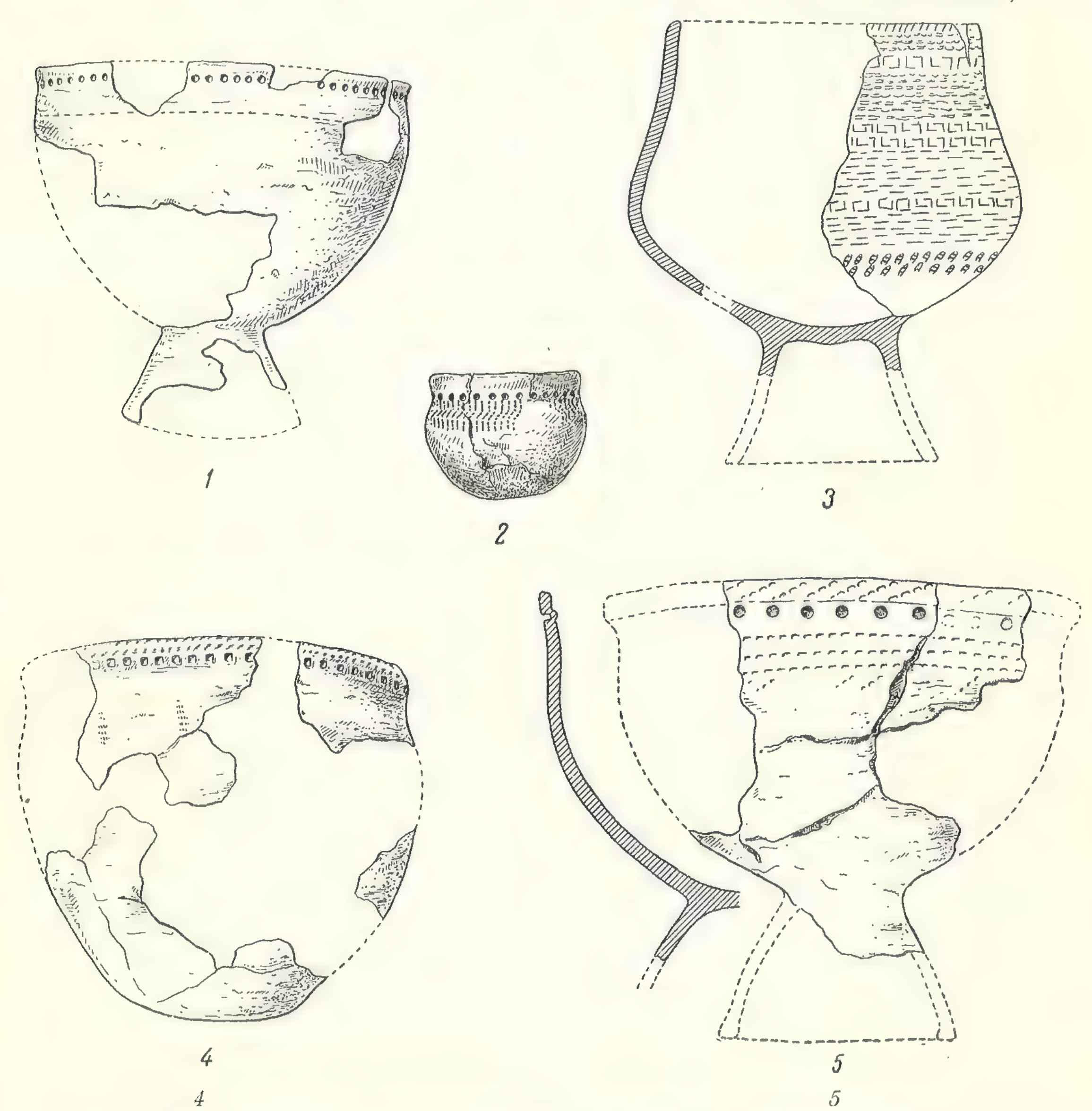
Табл. I. Городище Усть-Полуй. Керамика первой группы

Табл. II. Городище Усть-Полуй. Керамика второй группы

1, 2, 4, 7 — орнамент, нанесенный крупнозубой гребенкой; *3, 5, 11* — орнамент ямками; *6, 9, 10* — орнамент, нанесенный шнуром; *8* — орнамент, нанесенный полулунным штампом

Табл. III. Городище Усть-Полуй. Керамика третьей группы

с горизонтальными каннелюрами и мелкими ямками описанных выше форм. Обработка поверхности, обжиг, характер теста и примесей ничем не отличаются от



4 5

Табл. IV. Целые сосуды из различных поселений усть-полуйского времени

1, 2 — сосуды второй группы усть-полуйской керамики; *3* — сосуд третьей группы усть-полуйской керамики; *4*—сосуд из городища Сортынья II; *5* — сосуд из поселения Макар-Висынг-Тур

второй группы, поэтому о них будет сказано ниже.

Во второй группе известны сосуды двух форм, представленные экземплярами коллекций МАЭ.

1. Сосуд на поддоне (табл. IV—*1*) [1]. Общая высота его 31 см, высота поддона 7,5 см; диаметр по венчику 2,9 см, диаметр поддона 16,5 см. Шейка невысокая; плечи выражены слабо. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть сосуда. Край не утолщен; срез горизонтальный, плоский.

[1] МАЭ, № 5331—141.

Орнаментирован рядом круглых глубоких ямок под венчиком.

2. Небольшой круглодонный сосуд (табл. IV—*2*)[1]. Высота его 9 см; диаметр по венчику 12 см. Шейка невысокая; переход от шейки к тулову плавный. Край без утолщений; срез горизонтальный, плоский. Орнамент состоит из ряда глубоких круглых ямок под венчиком и трех рядов вертикально и под углом поставленных оттисков короткой крупнозубой гребенки. Оттиски расположены лентами вокруг верхней части сосуда таким образом, что не спускаются ниже верхней трети тулова, где находится наибольший диаметр.

По профилю верхних частей, орнаментации и технологическим признакам эти два типа не различаются и будут нами рассматриваться совместно. Нужно полагать, что в Усть-Полуе сосуды на поддонах значительно преобладали над круглодонными. В материале встречено всего лишь два круглых дна, в то время как число фрагментов днищ сосудов на поддонах достигает полутора сотен[2]. Следовательно, есть все основания считать, что сосуды на поддонах составляли основную массу усть-полуйской керамики.

Сосуды второй группы изготовлялись ленточным налепом. Край в ряде случаев утолщен либо загибом внутрь, либо налепом ленты. Срез встречается плоский и закругленный. Характерна значительная растянутость швов, обусловленная, вероятно, последующим выбиванием лопаточкой. Возможность применения выбивной техники подтверждается и значительной неравномерностью толщины стенок, которая в верхней части сосудов колеблется в пределах 0,5—0,8 см, а в придонной достигает 1,2 см. Толщина дна доходит до 3,1 см. В тесте наблюдается примесь дресвы и толченого слюдяного сланца[3]. Обжиг неравномерный, и цвет сосудов обычно неровный — черепки часто пятнистые. Цвет поверхности от светлых желто-розовых тонов до темных буро-серых. В изломе обычна темная прослойка.

Орнамент расположен горизонтальными лентами вокруг шейки, никогда не спускающимися ниже закругления на тулове. Наибольшее распространение среди элементов орнамента имеют крупнозубая гребенка и шнур (табл. II), особенно характерные для всей этой группы керамики. При некоторой неполноте материала все же можно предполагать, что так было орнаментировано около трех четвертей всех сосудов этой группы.

С узорами, нанесенными крупнозубой гребенкой и шнуром, нередко сочетаются другие элементы орнамента. Среди них наиболее распространены штамп в виде змейки (одинарной и двойной) и зигзага, S-образный штамп, вдавленные крестики различных форм и уточки. В единичных случаях встречены рамчатые штампы: полулунный, в виде копыта, и кружковый, а также оттиски штампов, состоящих из двух рядов точек, расположенных попарно и по три. Неизменной деталью орнамента является поясок из круглых глубоких ямок под венчиком, нанесенных в большинстве случаев по оттиску шнура или пояску из вертикально поставленных оттисков гребенки (табл. II). Внешняя и внутренняя поверхность сосудов обычно сглажена каким-то зубчатым инструментом; очень часто покрыта слабым лощением.

Заканчивая описание этой группы керамики, следует остановиться на поддонах. Они — полые, высокие. По имеющемуся материалу высота их составляет около $^1/_4$ общей высоты сосуда. Толщина стенок варьирует в пределах 0,6—2,0 см. Нижний край обычно немного утолщен и часто орнаментирован гребенчатой насечкой или защипом.

Сосуды третьей группы по технике изготовления, характеру примесей и обработке поверхностей не отличаются от второй. О форме приходится говорить с осторожностью, поскольку полностью реконструирован лишь один сосуд (табл. IV—*3*). Однако уже на этом сосуде можно отметить известное своеобразие. У сосудов второй группы наибольший диаметр приходится в верхней части сосуда; у керамики третьей группы он перемещается ближе ко дну. Более существенные отличия наблюдаются в орнаментации. Насколько керамика второй группы украшена бедно и монотонно, настолько разнообразны и богаты узоры на сосудах третьей группы.

[1] МАЭ, № 5455—2418.

[2] Это соотношение может быть несколько изменено в сторону увеличения числа круглодонных сосудов, если учесть, что в усть-полуйских коллекциях МАЭ относительно незначителен материал неорнаментированных стенок, среди которых могли быть круглые днища. Несмотря на это, все же можно говорить о подавляющем преобладании сосудов на поддонах.

[2] Куски слюдяного сланца часто встречались в культурном слое Усть-Полуя и во вскрытой нами землянке усть-полуйского времени в Салехарде.

В орнаментации происходят следующие изменения. Уменьшается употребление шнура, большое значение приобретает штамп, известный под названием «уточки», наряду с которым прочно сохраняется крупнозубая гребенка. Штампы, редко встречающиеся во второй группе, попадаются чаще, становятся более разнообразными и более крупными. Среди них появляются рамчатые кресты, пятилепестковые розетты, известные в современном угорском орнаменте под названием «следа лисицы», уголки, треугольники и зубчатый штамп. Гребенка употребляется для совершенно новых композиций шахматного рисунка и заштрихованных треугольников. Новый узор дают и уточки, образующие меандроидный рисунок (табл. III—*3*). Наряду со старым принципом орнаментации, согласно которому украшалась лишь верхняя часть сосуда, появляется новый: сосуд почти полностью покрывается узорами, и свободной от орнамента остается лишь придонная часть. Возможно, что это следует поставить в связь с изменениями, происшедшими в форме сосуда, и с тем, что наиболее широкая часть сосуда переносится на нижнюю его треть.

В Среднем и Нижнем Приобье известно несколько памятников, содержащих керамику усть-полуйского типа различных групп. Керамика второй группы имеется в поселениях: Салехарде I [1], Сортынье II, Макар-Висынг-Туре, в культурном слое на Соровом мысу (близ г. Березова), на Зеленой Горке (близ Салехарда), в Катра-Воже и Вож-Пае. Материал с городища Няксимволь содержит усть-полуйскую керамику второй и третьей групп.

Городище Сортынья II расположено на левом берегу р. Сев. Сосвы. Культурный слой насыщен керамикой, относящейся ко второй усть-полуйской группе. Керамика представлена двумя формами. Первая включает сосуды на поддонах обычного для второй группы профиля. Они представлены в коллекции двумя сосудами и большим количеством фрагментов, среди которых многочисленные обломки поддонов. Вторая форма представлена одним сосудом (табл. IV—*4*) с уплощенно-круглым дном и невысокой прямой шейкой, плавно переходящей в тулово, с наибольшим диаметром в верхней трети сосуда.

Особенностью сортыньинских сосудов является венчик. Он налепной, сильно утолщен в нижней части и как бы образует карниз, напоминающий воротничковые венчики ананьинского облика. По технологическим признакам сортыньинская керамика отличается от усть-полуйской отсутствием в большинстве случаев в тесте заметных искусственных примесей. Орнаментирована лишь верхняя часть сосудов. Нередко орнамент спускается на плечики, образуя узор в виде подвесок, состоящих из нескольких (2—7) рядов оттисков короткозубой гребенки. Среди элементов орнамента преобладают ямки различных форм (круглые, прямоугольные и ромбические); крупнозубая гребенка, оттиски которой расположены горизонтально или косо; шнур и змеевидный штамп, образующий горизонтальные волнистые линии. Орнаментация сортыньинских сосудов бедна, вследствие ограниченности элементов узора и редкого заполнения орнаментального поля рисунком.

Поселение Макар-Висынг-Тур находится на второй террасе левого берега р. Ляпин, на расстоянии 0,5 км от реки на берегу пойменного озера Макар-Висынг-Тур. Поселение было обследовано в 1935 г. В. Н. Чернецовым. Памятник представляет собой остатки, видимо, неукрепленного поселения. Следов вала или рва, а также землянок не обнаружено. Культурный слой, состоявший из очажных пятен и большого количества керамики и залегавший непосредственно под дерном, в настоящее время распахан [1].

Керамика поселения Макар-Висынг-Тур мало отличается от усть-полуйской второй группы. Известную специфику придает лишь более скудная орнаментация, состоящая в большинстве случаев из ряда ямок в сочетании с горизонтальными оттисками крупнозубой гребенки, а также отвернутый край сосуда (табл. IV—*5*).

Соровой мыс расположен в 7 км от г. Березова. Поселение было обследовано в 1929 г. С. Г. Бочем, обнаружившим там стоянку, сильно разрушенную речной эрозией. Археологический материал встречался частично во вторичном залегании на песчаном пляже, окружающем мыс, частично в ненарушенном

---

[1] В. И. Мошинская. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде (в настоящем сборнике).

[1] Описание сделано по данным В. Н. Чернецова.

культурном слое. Мощность слоя до 1 м; содержится он в верхней части обрыва мыса, подмытого со стороны речки Соровой [1]. На Соровом мысу обнаружено большое количество разнородной керамики. Наряду с поздней, относящейся уже к последующему времени и характеризующейся широким развитием штампов, появлением так называемого «трехчленного» штампа и другими признаками, здесь обнаружены черепки, принадлежащие сосудам на поддонах усть-полуйского типа второй группы. Среди элементов узора обычны: ямки, выдавленные снаружи и изнутри, оттиски крупнозубой гребенки косо или вертикально поставленные, змеевидный штамп, уточки и вдавленные крестики косые и прямые (табл. V).

Зеленая Горка расположена на правом берегу р. Полуй, в 1 км ниже Усть-Полуя. Поселение обследовано в 1946 г. сотрудниками Мангазейской экспедиции и описано В. Н. Чернецовым [2]. Здесь был обнаружен сосуд на поддоне, относящийся ко второй группе усть-полуйской керамики. Его орнаментация крайне бедна и сводится к ряду глубоких ямок неправильно округлой формы, расположенных, как обычно, под венчиком. Некоторая особенность формы, выражающаяся в том, что наибольший диаметр приходится на край сосуда, сближает находку с сосудом из Макар-Висынг-Тура.

Поселение Катра-Вож (по-остяцки Старый Город) находится на левом берегу Оби в устье р. Соби, в 50 км выше г. Салехарда. Обследовано в 1936 г. экспедицией В. С. Адрианова. Раскопки там не производились, а был лишь собран подъемный материал [3] и заложены шурфы, показавшие культурный слой. Несмотря на обилие керамики, сосудов подобрать не удалось; поэтому говорить о форме их трудно. Но наличие поддонов и характер орнаментации свидетельствуют о том, что керамика принадлежит ко второй группе усть-полуйской и не отличается от нее по технологическим признакам. Расположение орнамента и его композиция также вполне аналогичны наблюдаемым на сосудах второй группы (табл. VI). Среди элементов узора наиболее распространены: крупнозубая гребенка (оттиски ее расположены косо и горизонтально), одинарный змеевидный штамп и уточки. Встречается также зубчатый полулунный штамп, отсутствующий в керамике Усть-Полуя.

Вож-Пай (остатки поселения?). Памятник обследован в 1927 г. Д. Н. Редриковым. Находится на мысу на правом берегу р. Оби, между селениями Эви-Вож и Сеугортсойм Кушеватского района. Обрывистый мыс около 8 м высоты подмывается водой. Археологический материал собран главным образом у подножья обрыва, во вторичном залегании. Д. Н. Редриковым отмечено, что здесь обнаружено большое количество керамики и костей животных, значительные скопления перегоревших и расколотых камней, обломки медных вещей и фрагментированный тигель в форме стакана.

Обследования на вершине холма показали, что непосредственно под дерном лежит культурный слой мощностью 30—60 см, отделенный стерильной прослойкой от нижнего культурного слоя мощностью до 1 м, залегающего непосредственно на материке. Верхний культурный слой состоит из полусгнивших остатков бересты, древесины, угля и камней, частично разбитых и растрескавшихся от огня. В этом же слое обнаружены: многочисленные кости животных, фрагмент тигля в форме стакана и кусочек листовой меди. В нижнем слое встречались только фрагменты керамики и отдельные вкрапления угля. На самом «материке», по словам Д. Н. Редрикова, в нижнем горизонте нижнего культурного слоя им был обнаружен раздавленный сосуд, содержавший якобы остатки пережженных костей [1]. В настоящее время в коллекции МАЭ от этого сосуда сохранился лишь один черепок. Из рисунка Редрикова видно, что сосуд был с уплощенно-круглым дном, прямой невысокой шейкой и слабо выраженными плечами. Орнаментация крупными ромбами, состоящими из оттисков штампа в виде четырехлепестковой розетты, дает основание относить его, во всяком случае, ко времени, предшествующему

---

[1] С. Г. Боч. Стоянки в бассейнах Северной Сосвы и Конды. «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода», т. V. М., 1937, стр. 156.

[2] В. Н. Чернецов. Зеленая Горка близ Салехарда. КСИИМК, XXV.

[3] Известно от Н. Ф. Прытковой, сотрудницы экспедиции В. С. Адрианова.

[1] Д. Н. Редриков. Отчет о работах, производившихся в Кушеватском районе Обдорского края по открытому листу № 64. Архив МАЭ.

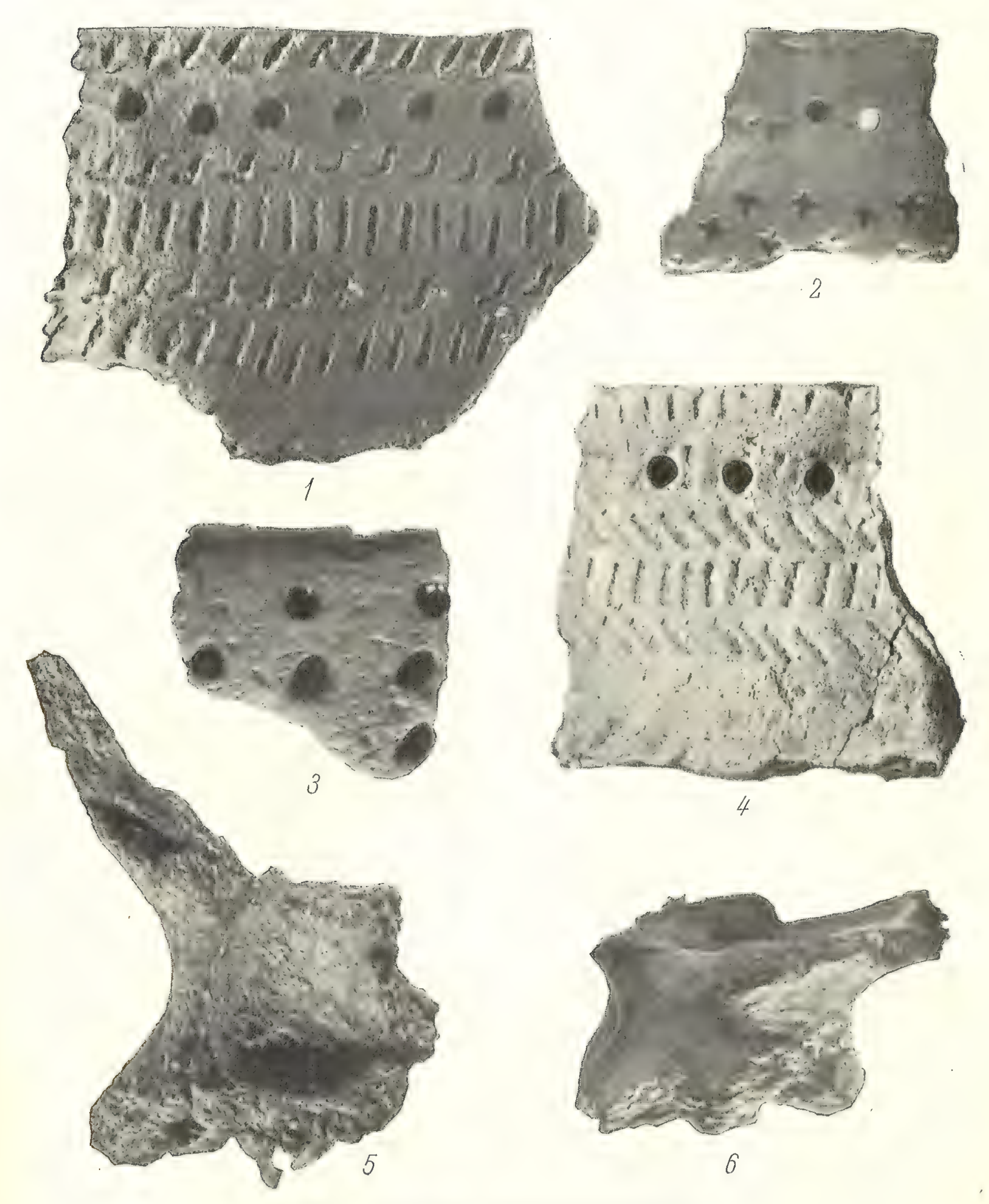


Табл. V. Керамика с городища Соровой мыс

усть-полуйскому. Находка этого сосуда позволяет выделить в Вож-Пае еще третий слой, не замеченный Редриковым. По тому, что сосуд был заполнен золой, о чем сообщал Редриков в отчете, можно допустить, что здесь был могильник.

Значительная часть керамики, обнаруженной в Вож-Пае, принадлежит к усть-полуйскому времени. Характер поддонов, профиль верхних частей и главным образом орнамент позволяют отнести ее ко второй группе.

Среди элементов орнамента преобладает крупнозубая гребенка и шнур, одновременно с которыми широко используется псевдоногтевой орнамент. Реже встречаются штампы змеевидный и зубчатый полулунный. Орнамент покрывает лишь верхнюю часть сосуда в композициях, не отличающихся от усть-полуйских. Из технологических признаков характерна обильная примесь в тесте белых вкраплений, возможно зерен белого полевого шпата [1]. Слюдяной сланец, встречающийся в качестве основной примеси в усть-полуйской керамике, здесь очень редок (табл. VII).

Кроме керамики, описанной выше, в Вож-Пае была обнаружена и другая, сильно отличающаяся по орнаменту. Для нее характерны пояса, охватывающие шейку сосуда и состоящие из различных геометрических заштрихованных и незаштрихованных фигур. Преобладают треугольники, углы и ромбы. Такой пояс составляет обычно среднюю часть орнаментальной зоны и бывает окаймлен полосами горизонтально расположенных оттисков зубчатого линейного штампа. Едва ли эта керамика может быть синхронна описанной выше. Определить время ее существования, при отсутствии стратиграфических данных и прямых аналогий, пока трудно.

Городище Няксимволь расположено близ сел. Няксимволь, на левом берегу Сев. Сосвы в верхнем ее течении. Оно находится на мысу, образованном Сосвой и болотом, представляющим старое русло р. Нейса. По форме городище близко к Сортынье II и окружено валом и рвом, концы которых упираются в обрыв берега реки. На городище отмечены следы немногочисленных землянок прямоугольной формы. Культурный слой небольшой мощности (15—20 см) залегает непосредственно под дерном на всей площади городища. Насыщенность керамикой небольшая [1].

Археологический материал с Няксимвольского городища, хранящийся в музеях Ленинграда и Свердловска, был в свое время собран В. Н. Чернецовым и краеведом А. Трапезниковым. Кроме керамики, на городище найден бронзовый перстень усть-полуйского типа и фрагмент ручки от медного сосуда [2]. Обнаруженные фрагменты керамики принадлежали сосудам на поддонах усть-полуйского типа. О деталях формы и возможности существования сосудов других форм говорить трудно в силу фрагментарности и малого количества материала. Орнаментация позволяет относить керамику ко второй и третьей группам усть-полуйской. Верхняя часть сосудов из Няксимволя покрыта линейно-ленточным узором. Наиболее распространенными элементами орнамента являются оттиски крупнозубой гребенки, косо, горизонтально или вертикально поставленные, иногда образующие вертикальную елочку. Наряду с этим распространены шнур и вдавленный косой крест. Керамика, которую можно отнести к третьей группе, немногочисленна. Для нее характерны рамчатые штампы — угольчатый и косой крест, заключенные в прямоугольник.

Рассмотренный материал дает основания полагать, что выделенные группы керамики являются хронологическими. Это доказывается существованием памятников, содержащих керамику лишь какой-либо одной из групп. Так, известны поселения с очень однородным керамическим материалом, принадлежащим исключительно ко второй группе усть-полуйской керамики. К ним следует относить Макар-Висынг-Тур, Салехард, Сортынью II и другие памятники, о которых речь была выше. Керамика, относящаяся исключительно к третьей группе, была обнаружена во втором слое городища Большой лог, расположенного на смежной территории, принадлежащей родственным племенам [3].

Таким образом, на основании анализа керамики можно установить внутреннюю периодизацию Усть-Полуя. Попытаемся выяснить последовательность бытования групп

[1] Специальный анализ не производился.

[1] Описание сделано по данным В. Н. Чернецова.

[2] Сборы А. Трапезникова (хранятся в Свердловском музее).

[3] В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой лог. КСИИМК, XXXVII.

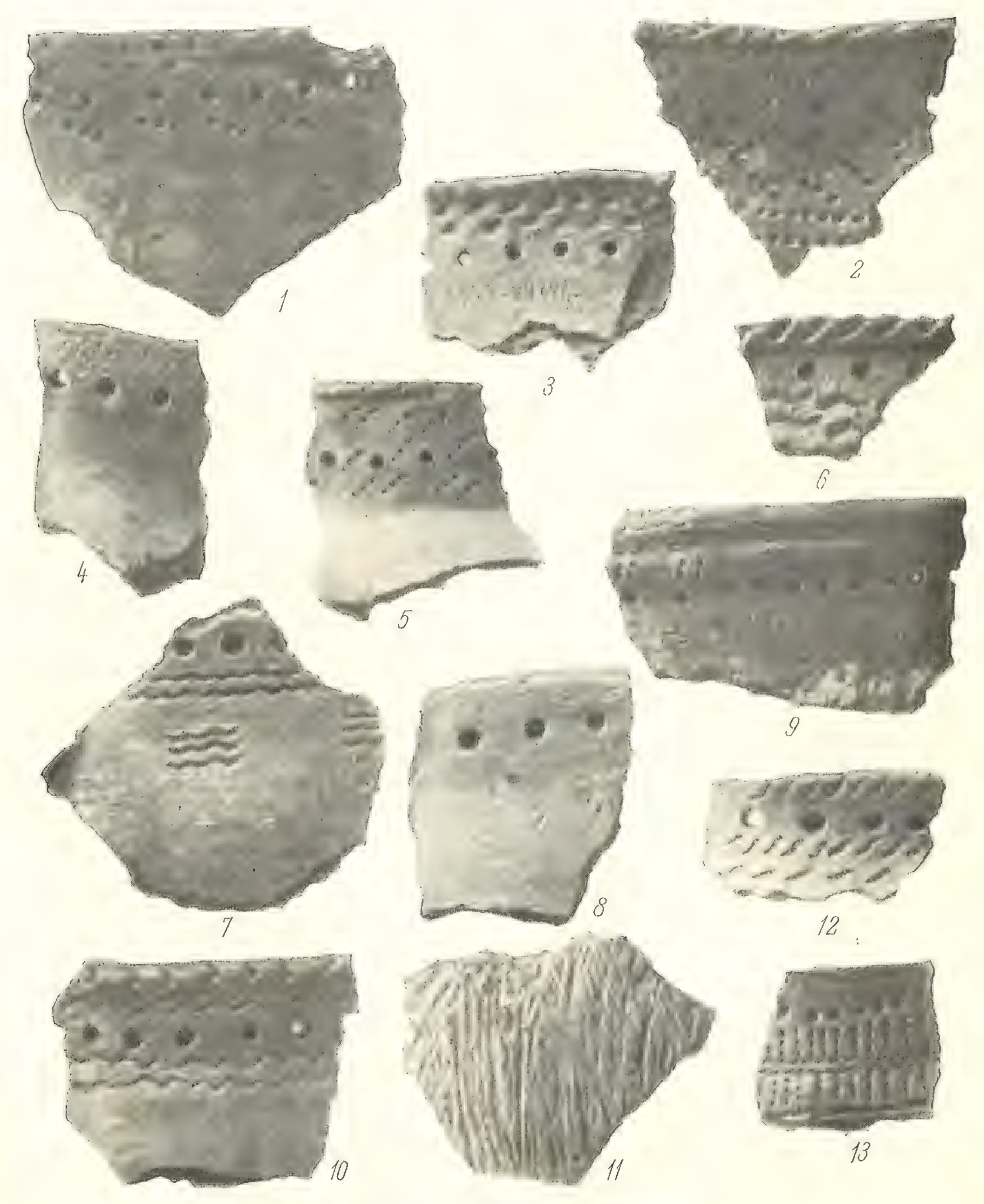


Табл. VI. Керамика с городища Катра-Вож

усть-полуйской керамики. Стратиграфия Зеленой Горки позволила установить относительную датировку усть-полуйской керамики и керамики, которую мы условно называем «воротничковой» зеленогорского типа, и определить, что эта последняя предшествовала усть-полуйской [1].

Наиболее ранней группой усть-полуйской керамики следует считать первую. Она близка зеленогорской, что выражается в применении мелкозубой гребенки, оттиски которой образуют зигзагообразный узор, и в широком применении горизонтальных каннелюр, также типичных для Зеленой Горки [2].

Однако эту керамику никак нельзя отождествлять с зеленогорской. Во-первых, в ней полностью отсутствуют мелкие фигурные штампы и треугольные композиции, которые и являются определяющими для зеленогорской. Во-вторых, в орнаментации сосудов этой группы появляются некоторые новые черты, приближающие ее к орнаментам, типичным для более поздних групп усть-полуйской керамики. Все это дает основание считать керамику первой группы наиболее архаичной для Усть-Полуя. Группа является, видимо, переходной к собственно усть-полуйским второй и третьей.

Вторая группа наиболее обширна и отличается преобладанием сосудов на поддоне.

Сосуды на поддонах известны в Сибири и на Урале, начиная с эпохи ранней бронзы, а в скифо-сарматское время приобретают значительное распространение [3]. Не касаясь всех типов керамики на массивных и низких поддонах и с иной профилировкой, мы все же должны остановиться на найденных в Дындыбае двух сосудах на высоких полых поддонах, по форме, на первый взгляд, довольно близких к усть-полуйским. М. П. Грязнов датирует их эпохой поздней бронзы. Некоторые отличия в профиле сосудов, совершенно иная орнаментация и большой хронологический разрыв заставляют нас отказаться от сопоставления их с усть-полуйскими.

Наиболее близки по форме изучаемым сосудам бронзовые котлы. Сводку находок их в Приобье и Прииртышье (свыше десятка) дал И. М. Мягков [1]. Фрагмент поддона бронзового котла обнаружен и в Усть-Полуе. На городище Макар-Висынг-Тур, по сведениям, полученным от местных жителей, был найден миниатюрный бронзовый котел на поддоне. Наиболее близкую аналогию сосудам второй группы дает бронзовый котел, обнаруженный в с. Замараевском б. Шадринского уезда [2]. По профилировке тулова он особенно близок сосудам из Макар-Висынг-Тура и с Зеленой Горки. Возможно, что подражанием бронзовым котлам и обусловливается значительное обеднение орнаментации, характерное для усть-полуйской керамики второй группы, и широкое развитие шнурового орнамента, ранее неизвестного в Приобье. Следует упомянуть также об орнаментации нижнего края поддонов оттисками крупнозубой гребенки или насечкой, живо напоминающими орнамент поддонов некоторых бронзовых котлов [3].

Нельзя не обратить внимания и на некоторое сходство между керамикой усть-полуйской и ананьинской. Оно сказывается как в форме, так и в орнаментации. Кроме сходства в профилировке тулова, нужно отметить, что сосуды из Сортыньи II и Макар-Висынг-Тура имеют венчик «воротничкового» ананьинского типа, отличающийся только по ширине (ананьинские более широкие). Распространение шнурового орнамента и характер шнуровых узоров также дают основания для сравнения усть-полуйской и ананьинской керамики. Следует оговориться, что, констатируя сходство между усть-полуйской и ананьинской керамикой, мы воздерживаемся от объяснения его причин. Для решения этого вопроса пока нет достаточных данных. Однако некоторые аналогии

---

[1] В. Н. Чернецов. Зеленая Горка близ Салехарда. КСИИМК, XXV.

[2] В. Н. Чернецов. Ук. соч.

[3] Чаши на низких поддонах известны в Афанасьеве. См. С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929, табл. I, рис. 1—2; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, табл. V, рис. 3. Сосуд на поддоне известен из Луговской стоянки по раскопкам А. В. Збруевой (материал хранится в ИИМК). Сосуды на поддонах, более близких к усть-полуйским форм, известны в тагарской и таштыкской культурах (см. С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXVII, рис. 30 и 33; табл. XLI, рис. 2—5: С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. II, рис. V—2).

[1] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. 2. Томск, 1929, стр. 60—62.

[2] Альбом рисунков, помещенных в ОАК за 1882—1898 гг., стр. 301, рис. 1932.

[3] Там же, стр. 37, рис. 214.

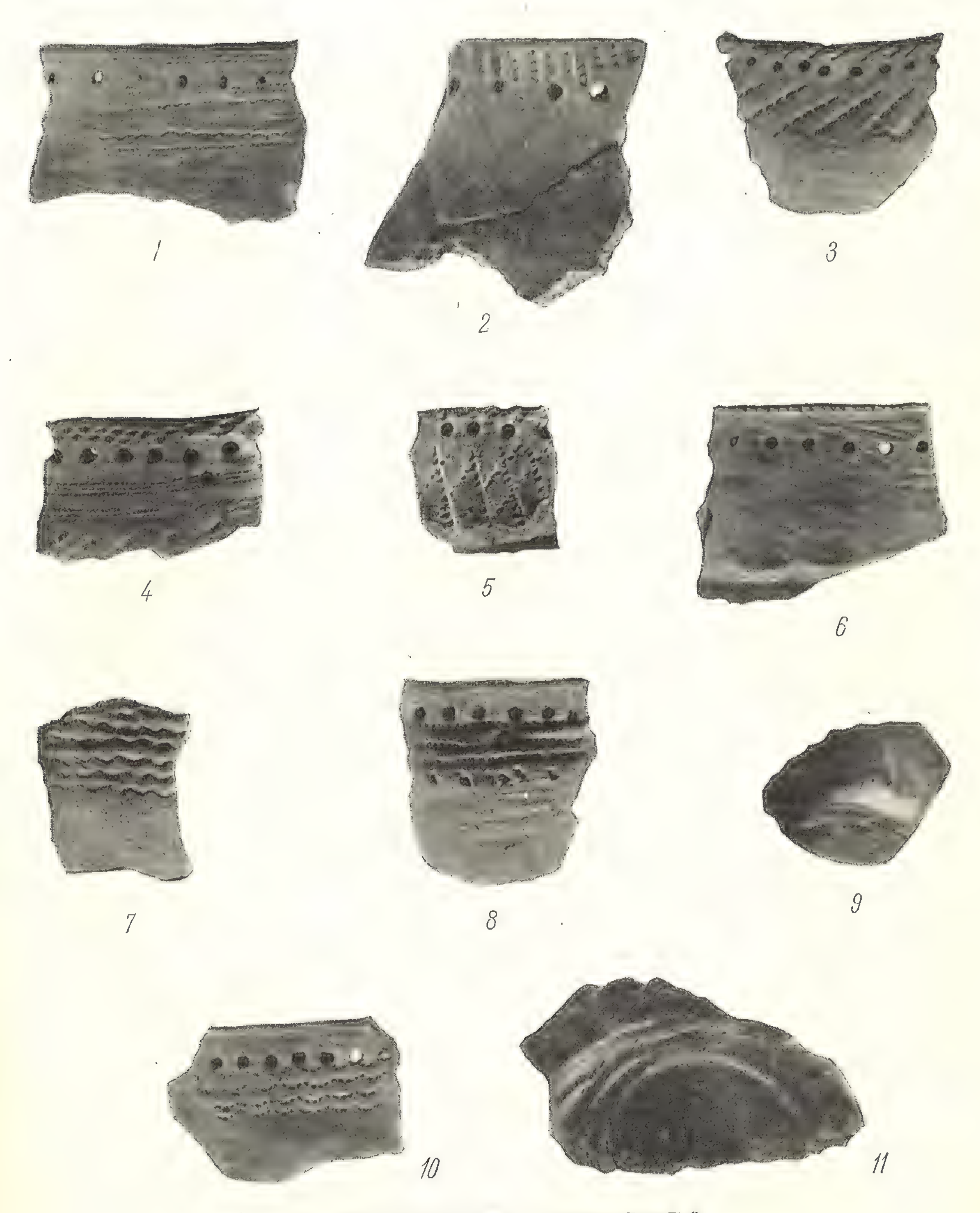


Табл. VII. Керамика с городища Вож-Пай

наблюдаются и в других видах материальной культуры. Если указанное сходство культур раннего железа в Прикамье и Приобье обусловливалось наличием общего компонента, то его, по всей вероятности, следует искать на территории бассейна Среднего и Нижнего Иртыша и в эпохе, предшествовавшей сложению усть-полуйской культуры.

Третья группа усть-полуйской керамики генетически, безусловно, связана со второй. Однако она имеет ряд новых качеств, главным образом в орнаментации сосудов. Появляется неизвестный ранее принцип орнаментации всего сосуда. Исчезнувшие в период расцвета усть-полуйской культуры штампы возрождаются теперь вновь, но принимают и новый характер. Впервые на этой территории керамика украшается оттисками крупных штампов; большую популярность приобретают рамчатые фигуры, преимущественно кресты, и меандроидные штампы типа уточек и уголков. Эти меандроиды, видимо, несколько ранее появляются на бронзе и кости и лишь в позднем периоде усть-полуйской культуры переносятся на керамику. Так называемый «трехчленный штамп», отсутствующий в орнаментации керамики Усть-Полуя, но широко распространенный в керамике после усть-полуйской, уже известен в орнаментации усть-полуйской кости. Роскошные орнаменты третьей группы керамики получили дальнейшее развитие позднее и достигли высшего расцвета уже после усть-полуйского времени.

Преобладание сосудов на поддонах над другими формами керамики представляет один из характерных признаков усть-полуйской культуры. В настоящее время территорию ее распространения можно наметить в таких границах: на севере — устье Оби, т. е. километров на 150—200 ниже Салехарда; на юге — по Оби до устья Иртыша; на западе — до Уральского хребта; восточная граница пока не установлена.

Дальнейшие исследования позволят уточнить намеченные границы распространения этой культуры и ее хронологические рамки, а также периодизацию и характер взаимоотношений с синхронными культурами Обь-Иртышья, Урала и Прикамья.

В. Н. Чернецов

БРОНЗА УСТЬ-ПОЛУЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Настоящая статья, как и две предыдущие, посвящена исследованию материалов, полученных из раскопок Усть-Полуйского городища. В первых двух работах[1] дается характеристика хозяйственной деятельности и материального быта древних его обитателей. На основании анализа форм и орнаментации керамики устанавливается внутренняя периодизация усть-полуйской культуры, определяется территория ее распространения и выясняются связи с археологическими культурами соседних областей. Основная задача данной статьи — установить, на основании анализа форм изделий из меди и бронзы, хронологические даты усть-полуйского времени и аналогии в материалах соседних областей.

Данные о стратиграфии городища Усть-Полуй и производившихся на нем раскопках помещены в статье В. И. Мошинской, поэтому здесь можно непосредственно перейти к описанию самого материала. Считаю необходимым лишь оговориться, что, описывая антропо- и зооморфные изображения, я в пределах данной статьи воздерживаюсь от попыток объяснения их назначения и семантики. В некоторой части эти вопросы затрагиваются в соответствующих главах «Древней истории Нижнего Приобья», публикуемой в настоящем сборнике, но в развернутой форме их анализ будет дан в специальной работе «История развития религиозных представлений обских угров» — во второй части «Древней истории Нижнего Приобья».

Изделия из бронзы и меди в раскопках Усть-Полуя представлены орудиями труда, оружием и значительным количеством бытовых предметов и украшений (застежки, бляшки), а также антропоморфных и зооморфных изображений.

Будет совершенно закономерно добавить к материалам, происходящим из Усть-Полуя, сведения о находках с памятников, которые на основании анализа керамики следует отнести к усть-полуйской культуре (городище Сортынью II, Макар-Висынг-Тур, Зеленую Горку и др.) и в первую очередь с городища Катра-Вож, полная идентичность которого устанавливается при рассмотрении керамического материала. Возможно, что Катра-Вож существовал в течение более короткого времени и соответствует лишь второму (среднему) периоду Усть-Полуя[1].

ОРУДИЯ И ОРУЖИЕ

Кельт медный (табл. I—*5*)[2]. Состав: медь — 98,32, олово — 0,3, железо — 0,75. Кельт удлиненной формы, в сечении шестигранный. Ширина в верхней части (по втулке) значительно превышает ширину по лезвию (5,5 и 3,4 см). Средние грани, отделенные от боковых невысокими гребнями,— прямоугольной формы, но слегка

[1] В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя; ее же. Керамика усть-полуйской культуры (обе статьи в настоящем сборнике).

[2] МАЭ, № 5455—4801. Из разведочных раскопок на городище Катра-Вож

[1] В. И. Мошинская. Керамика усть-полуйской культуры (в настоящем сборнике).

расширяются к рабочему краю. Последний имеет следы наклепа, видимо, необходимого при мягкости материала, из которого изготовлено орудие. Углы боковых граней слегка приподняты. Отверстия на средних гранях удлиненные. Орнамент, находящийся лишь на средних гранях, распадается на три зоны. Верхняя состоит из вертикальной ленты со ступенчатым узором; по бокам ленты расположены две картуши с закругленными концами, заполненные меандроидными Z-образными фигурами. Вторая зона состоит из пояса ступенчатого узора, аналогичного находящемуся в средней ленте первой зоны; узор окаймлен сверху и снизу двумя параллельными линиями. Нижняя зона представляет собой две вертикальные подвески, причем каждая из них состоит из трех волнистых линий. Весь орнамент выполнен выпуклыми линиями, что свидетельствует об отливке в каменной форме.

Катра-вожский кельт был отнесен мною к четвертой группе западносибирских кельтов [1], главным образом на основании наличия «ушей» по углам боковых граней. Несмотря даже на плохую фотографию, имевшуюся в моем распоряжении, по которой узор был недостаточно понят, я все же должен был указать, что композиция его орнамента совершенно тождественна узору на кельте из Тарского округа, принадлежащему к третьей (более ранней) группе. Теперь можно добавить, что орнамент близок не только композиционно, но и в деталях, что дает основание считать кельт ранним в пределах четвертой группы и датировать его IV—III вв. до н. э., тем более, что один из признаков четвертой группы — «уши», т. е. своеобразно приподнятые углы боковых граней,— выражен очень неясно.

Обломок нижней части бронзового кельта (табл. I—*6*) [2]. Насколько можно судить по небольшому фрагменту, он принадлежал шестигранному перегородчатому кельту третьего типа, с резко выраженным ребром по границе средних и боковых граней. В отличие от предыдущего, он изготовлен из очень хорошего, твердого сплава (медь — 88,95, олово — 7,07, свинец — следы, железо — 2,69). Сильная сточенность указывает на то, что кельт служил очень долго и, видимо, вследствие изношенности был разбит для переплавки. Заточен он на одну сторону, подобно тому как затачивают топоры манси и ханты и в настоящее время.

Обломок ножа (табл. I—*4*) [1]. Часть (вероятно, около двух третей) лезвия бронзового или медного пластинчатого ножа. Толщина спинки около 2 мм. На лезвии следы наклепа, необходимого из-за недостаточной твердости материала.

Бронзовый клевец миниатюрный (табл. I—*1*) [2]. Изготовлен из бронзы с большим содержанием свинца и олова (медь — 88,90, олово — 2,14, свинец — 5,74, железо — 0,53). Лезвие клевца уплощенное и узкое, заточенное на обе стороны. Обушок длинный (около двух третей длины лезвия), украшен головой животного с длинной мордой и широкой пастью. Изображение настолько обобщено, что может быть приписано зверю, рыбе или даже змее, хотя последнее и мало вероятно. Втулка клевца увенчана головой хищной птицы — мотив, широко распространенный в усть-полуйской скульптуре. Плохо удавшиеся в отливке контуры изображений (глаза, очертания пасти и клюва) подправлены гравировкой. Поверхность предмета после отливки зачищена скребком, оставившим тонкие продольные бороздки и поперечные рубчики.

Миниатюрные клевцы хорошо известны по материалам тагарской культуры, где они наряду с другими миниатюрными поделками замещают в погребальном инвентаре настоящие орудия. Особенно характерны они для второй стадии тагара, когда большинство предметов «клалось в могилу лишь в виде миниатюрных изображений, отличающихся притом небрежностью выделки» [3]. Но именно по этому признаку тщательно отделанная усть-полуйская миниатюра не может быть отнесена к типу вещей второй стадии.

По данным С. В. Киселева, «нормальные» миниатюры характеризуются тщательностью выделки и точным воспроизведением пропорций и типичны лишь для первой стадии тагара, так же как и втульчатая форма клевцов, к которой относится и усть-полуйский. По ориентировочной дате, предложенной

---

[1] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI, стр. 73.

[2] МАЭ, № 5455—4229. Из раскопок в Усть-Полуе, квадрат 89.

[1] МАЭ, б/№. Из раскопок в Усть-Полуе.

[2] МАЭ, № 5455—4805. Из раскопок в Усть-Полуе.

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 155.

Табл. I. Оружие и орудия из бронзы

1 — клевец миниатюрный; *2*, *3* — навершия рукоятей кинжалов; *4* — обломок ножа; *5* — кельт медный; *6* — обломок нижней части кельта

С. В. Киселевым [1], втульчатые клевцы и их «нормальные» миниатюры не существовали позднее конца V или рубежа V—IV вв. до н. э. Однако правомерность сопоставления усть-полуйского клевца с тагарскими не простирается далее определения времени его существования и, быть может использования, установленной по тагарской культуре закономерности в развитии миниатюр. Форм, подобных усть-полуйскому клевцу, в тагаре мы не находим. Зато хорошо известны, но не по минусинским, а именно по западносибирским и приуральским древностям, аналогичные бронзовые и бронзово-железные клевцы с выступающей втулкой, увенчанные реалистически выполненной орлиной головой и украшенные стилизованным изображением зверя на обушке. Достаточно указать биметаллический клевец (или секиру) из Ханты-Мансийского округа (хранится в Гос. Эрмитаже; табл. X—*2*), миниатюрный клевец с изображением зверя с разинутой пастью на обушке из Ханты-Мансийского музея (табл. X—*5*), клевец с Урала, с навершьем в виде орлиной головы [2]. Наконец, типологически очень близки клевцы и секиры из памятников ананьинской культуры, которые А. В. Збруева датирует V—IV вв. до н. э., указывая им аналогии именно среди перечисленных находок из Нижнего Приобья [3]. Таким образом, дата, устанавливаемая на основании материалов ананьинской культуры, вполне совпадает с указанной выше датой, вытекающей из сравнения с тагарскими миниатюрами.

Навершье рукоятки кинжала (табл. I—*3*) [4]. Литое из бронзы, плоское, толщиной 2,5—2,7 мм. Сделано в виде двух волют, обращенных навстречу одна другой так, что между их завитками образуется крестообразная фигура. С одной стороны навершье орнаментировано углубленными линиями. Стержень обломан.

Навершье рукоятки кинжала (табл. I—2) [5]. По форме оно аналогично предыдущему, отличается лишь отсутствием орнаментальных линий. Отлито из хорошей, твердой бронзы (медь — 89,01, олово — 6,65, свинец — 0,69, железо — 0,92). Толщина 3—3,75 мм. Стержень, длиной около 3 см, на конце откован «на ус», очевидно, для лучшего скрепления с черешком клинка.

Оба навершья по форме и размерам совершенно тождественны навершью из Ишимского «клада», приведенному у А. Ермолаева [1].

Часть (одна треть) формы из меди для отливки бронзовых наконечников стрел (табл. II—*1*) [2]. Предназначена для изготовления трехлопастных наконечников, длиной до 12 см, с наружной втулкой и длинными жальцами. Форма довольно тонкая, в лопастях не более 2—2,5 мм толщины. В средней части имеет «крышеобразное» сечение. Верхний конец расширен и отвернут наружу, что в составленной полностью форме должно было образовывать треугольную воронку. В этом месте край деформирован под влиянием высокой температуры, покрыт раковинами и подтеками металла. Так как деформация портила внутренние контуры формы, ее приходилось подправлять. Следы таких подправок, сделанных проковкой и выскабливанием, видны совершенно отчетливо и на фотографии.

Под тем же коллекционным номером и также из квадрата 24 («подчистка у ямы») имеется «бронзовый стержень», представляющий собой не что иное, как сердечник, или «шишку», для получения втулки отливавшегося в форме наконечника (табл. II—*2*). Сердечник сделан в виде вытянутого конуса, резко утолщающегося в основании. Это утолщение соответствует сделанному в форме расширению, которое служит для фиксации заглубленности в ней сердечника. Насколько можно судить по расположению пятен окислов на форме и шишке, в слое к моменту раскопок они находились вместе в сложенном виде, причем от формы имелось не менее двух частей. Можно полагать, что форма применялась в работе до самого последнего времени существования Усть-Полуйского поселения, поскольку в соседних

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 114—115, 161.

[2] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XXXII, рис. 2.

[3] Там же, табл. XXXII, рис. 2.

[4] МАЭ, № 5455—1812. Из раскопок в Усть-Полус, квадрат 105.

[5] МАЭ, № 5455—3306, квадрат 134.

[1] А. Ермолаев. Ишимская коллекция. «Описание коллекций Красноярского музея». Красноярск, 1914, стр. 3, табл. I, рис. 4.

[2] МАЭ, № 5331—586. Из раскопок в Усть-Полуе, квадрат 24. В описи указана как «предмет неясного назначения».

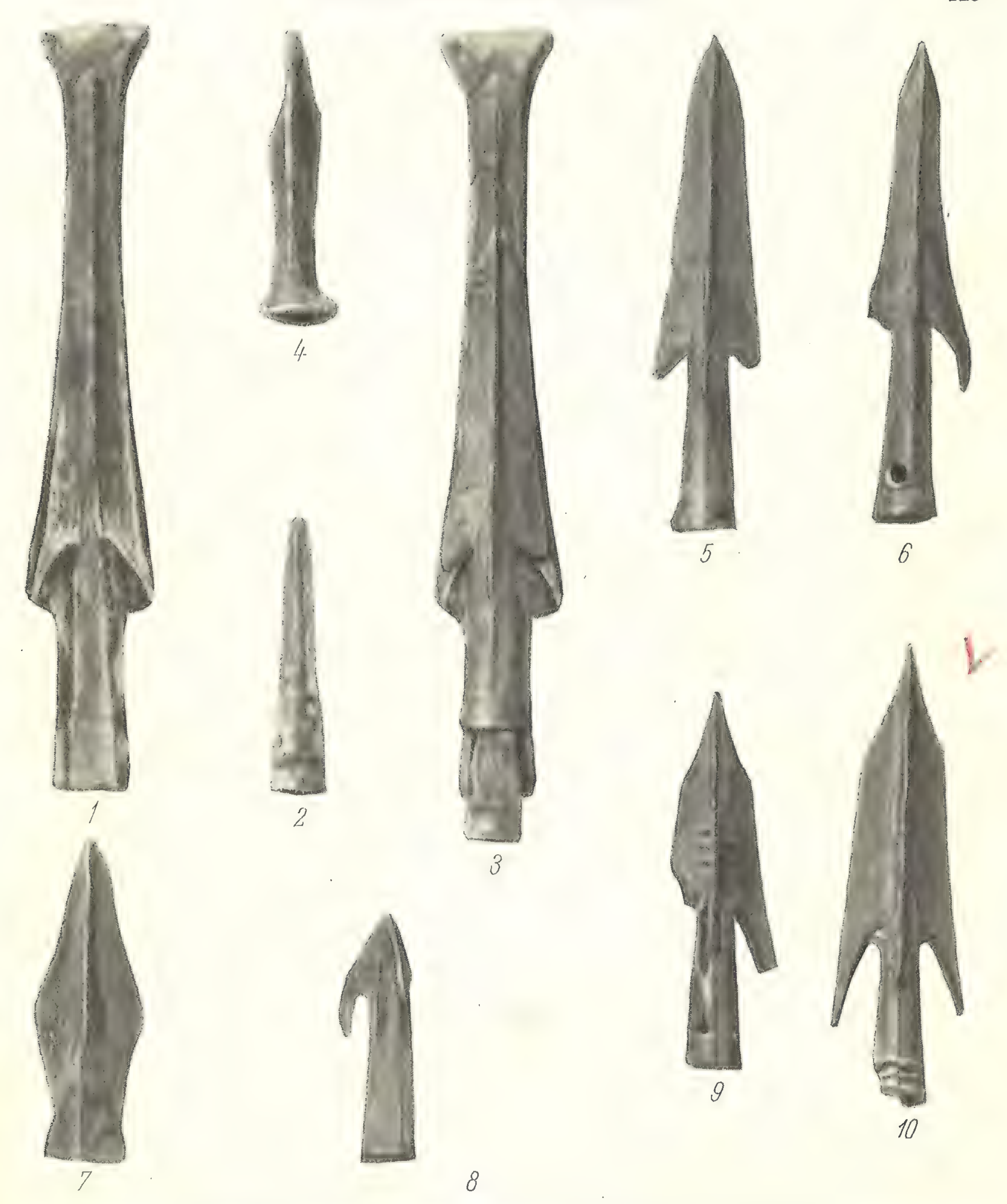


Табл. II. Бронзовые наконечники стрел и форма для их отливки

1 — часть формы из меди; *2* — сердечник для получения втулки при отливке наконечников; *3* — наконечник стрелы, подходящий к форме (*1*); *4* — бронзовый трехлопастный стержень (неудачная отливка); *5*, *6*, *7*, *9*, *10* — бронзовые трехлопастные наконечники; *8* — дефектная отливка

квадратах обнаружено большое количество вещей, относящихся к литейному производству: обломки тиглей, фрагменты моделей, законченные и неудавшиеся поделки, шлак и др. Кроме того, некоторые из имеющихся в коллекции наконечников стрел довольно точно подходят к форме (табл. II—*3*).

Сопоставив наконечники и форму, можно сделать вывод, что формы при отливке не всегда заполнялись целиком. По всей вероятности, мастер в большинстве случаев удовлетворялся любой степенью наполненности формы, лишь бы в отливке вышли втулка и часть лопастей, которые затем соответствующим образом затачивались. В доработку шли даже такие дефектные отливки, как например, изображенная на табл. II—*8*, по которой можно видеть, что отливка совершенно закончена последующей заточкой.

Часть аналогичной литейной формы имеется в материале из Гляденовского костища, почему-то, однако, совершенно непонятая ни Н. Н. Новокрещенных, ни А. А. Спицыным. Первый с некоторой неуверенностью называет ее «наконечником копья» и указывает, что «одна сторона его плоская, а другая имеет угловой подъем и по краям утолщенные ребра. Середина наконечника, при ширине между кромками 17 мм, имеет толщину в 4 мм... Работа этой вещи тщательная, и патина на ней черная...» [1].

Как видим из этого описания, гляденовская форма и по размерам близка к усть-полуйской. А. А. Спицын называет форму «половинчатым медным наконечником стрелы» с вогнутой оборотной стороной. Следует отметить, что у Спицына рядом с формой помещен наконечник, отлитый если и не в ней, то в совершенно такой же форме [2].

Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (табл. II—*5*) [3]. Длина его 8 см; диаметр втулки в нижней части около 0,9 см. Острие и края лопастей заточены. Втулка украшена четырьмя слегка выпуклыми валиками. Внутренность ее коническая, довольно близко подходит к описанному выше сердечнику.

[1] Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме. «Труды Пермской ученой архивной комиссии», т. XI, Пермь, 1914, стр. 63, табл. XII, 30.

[2] А. А. Спицын. Гляденовское костище. ЗРАО, XII, СПб., 1901, стр. 255, табл. XII, рис. 30.

[3] МАЭ, № 5455—2904. Из раскопок в Усть-Полуе, квадрат 122.

Бронзовый трехлопастный наконечник, по размерам близкий к предыдущему (табл. II—*6*) [1]. Возможно, что происходит он из той же литейной формы, что и предыдущий, но с дефектами в отливке. Два шипа не вышли совершенно. Не полностью удались и лопасти, впоследствии подправленные заточкой.

Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (табл. II—*10*) [2]. По общим очертаниям сходен с предыдущими, но несколько шире в лопастях. По втулке украшен тремя рельефными валиками. Три рельефные черточки сделаны и между лопастями наконечника. Конец его, видимо, не удался при отливке и затем был заточен крутыми скосами. По штриховатости на стержне и перьях можно предположить, что наконечник изготовлен, вероятнее всего, в каменной форме.

Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (табл. II—*9*) [3]. По форме почти такой же, как и предыдущий; отличается лишь тем, что лопасти его короче, а вся отливка несколько дефектна.

Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (табл. II—*7*) [4]. Наконечник сходен с предыдущими, но втулка, видимо, отливавшаяся неудачно, была затем расплющена и приспособлена для закрепления наконечника в расщепе древка стрелы. Лопасти сильно сточены.

Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (табл. II—*8*) [5]. Несколько странная, укороченная форма лопастей обусловлена, вероятно, тем, что при изготовлении нехватило металла. Последующей заточкой лопастям были приданы более или менее правильные очертания. Втулка сильно искривлена, что могло получиться вследствие деформации под влиянием высокой температуры.

Трехлопастный бронзовый стержень (табл. II—*4*) [6]. Возможно, что это — неудач-

[1] МАЭ, № 5545—4802. Усть-Полуй, подъемный.

[2] МАЭ, № 5545—3564. Из раскопок в Усть-Полуе, квадрат 124.

[3] МАЭ. № 5455—4803. Усть-Полуй, подъемный.

[4] МАЭ, № 5455—4803. Усть-Полуй, подъемный.

[5] МАЭ, № 5455—2816. Из раскопок в Усть-Полуе, квадрат 138.

[6] МАЭ, № 5455—3102. Из раскопок в Усть-Полуе, квадрат 132.

ная отливка трехлопастного наконечника стрелы. Несколько непонятно, почему литник находится в нижней утолщенной части предмета, когда, насколько известно, наконечники отливались с острого конца. Получилось ли это в результате работы неопытного мастера или по какой-либо другой причине, сказать трудно.

Как и литейная форма, усть-полуйские наконечники стрел имеют самые близкие аналогии в материалах Гляденовского костища [1]. Общими чертами для тех и других наконечников являются: большая величина, длинные оттянутые назад жала, башнеобразная заточка и нередко встречающийся орнамент из полосок на втулке и между лопастями. Совершенно тождественный наконечник находится в комплексе из Айдашинской пещеры на р. Чулыме близ г. Ачинска. Подобные же по форме и размерам известны из Нарымского края в числе других древностей с горы Кулайки [2], из Новосибирска, из Тарского района на р. Иртыше (Мурлинский клад) [3] и один наконечник с р. Соплес, в верховьях р. Печеры, приведенный в атласе Аспелина [4].

По данным И. М. Мягкова, на горе Кулайке вместе с указанным наконечником были найдены и другие, аналогичные по размерам и форме лопастей, но без выступающей втулки. Мягков называет их первой группой, поскольку по численности они значительно превосходят наконечники с выступающей втулкой (вторая группа, по Мягкову). Несмотря на указанное некоторое расхождение в форме втулки между группами второй (назовем усть-полуйской) и первой (кулайской), Мягков не склонен проводить между ними различия, по крайней мере в хронологическом отношении, в чем, полагаю, он прав. За это говорит совместное нахождение того и другого типа и обнаружение их в комплексах памятников (Усть-Полуй, Кулайка, Ишимский клад, Мурлинский клад, Гляденово), безусловно, близких в культурном и в хронологическом отношении.

Наконечник, близкий к усть-полуйским (первого «кулайского» типа), обнаружен А. В. Збруевой в Конецгорском селище — памятнике позднеананьинского времени [1], что представляет особенный интерес для уточнения датировки наконечников этого вида.

ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ

Обломок эполетообразной застежки (табл. III—7) [5]. Застежка изготовлена из так называемой «белой бронзы», т. е. сплава с большим содержанием олова (медь — 78,07, олово — 19,61, свинец — 0,36, железо — 1,89). Насколько можно судить по сохранившейся части, диаметр бляхи был около 10 см, а общая длина предмета могла достигать 17—20 см. По внешнему краю бляха украшена рядом полушарий, общее число которых было едва ли более шестнадцати. В середине расположены изображения четырех медведей, обращенных головами к центру. Середина бляхи гладкая и, видимо, имела некоторую выпуклость. Все три концентрических орнаментальных поля разграничены между собой жгутовидными валиками. Оборотная сторона в несколько сглаженной форме повторяет лицевой рельеф.

Из всех находок застежек подобного типа, известных до настоящего времени, ближе всего к усть-полуйской бляха, обнаруженная в одном из погребений могильника на Архиерейской заимке близ г. Томска [2]. В основном она отличается лишь бóльшим количеством медведей, расположенных также вокруг центра. Некоторой массивностью и сплошным литьем отличается застежка из Ишимского клада [3]. Застежка из Айдашин-

[1] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XII, рис. 23 и 30.

[2] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. 2. Томск, 1929, стр. 54 и 63.

[3] Данные о Мурлинском кладе см. ниже в настоящей работе.

[4] I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrienne. Helsinki, 1877.

[5] МАЭ, № 5331—1346. Из раскопок в Усть-Полуе, квадрат 51.

[1] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XLII, рис. 5.

[2] ОАК за 1896 г., рис. 364; ЗРАО, XI, вып. 1—2, табл. 1—5.

[3] А. Ермолаев. Ишимская коллекция. «Описание коллекций Красноярского музея». Красноярск, 1914.

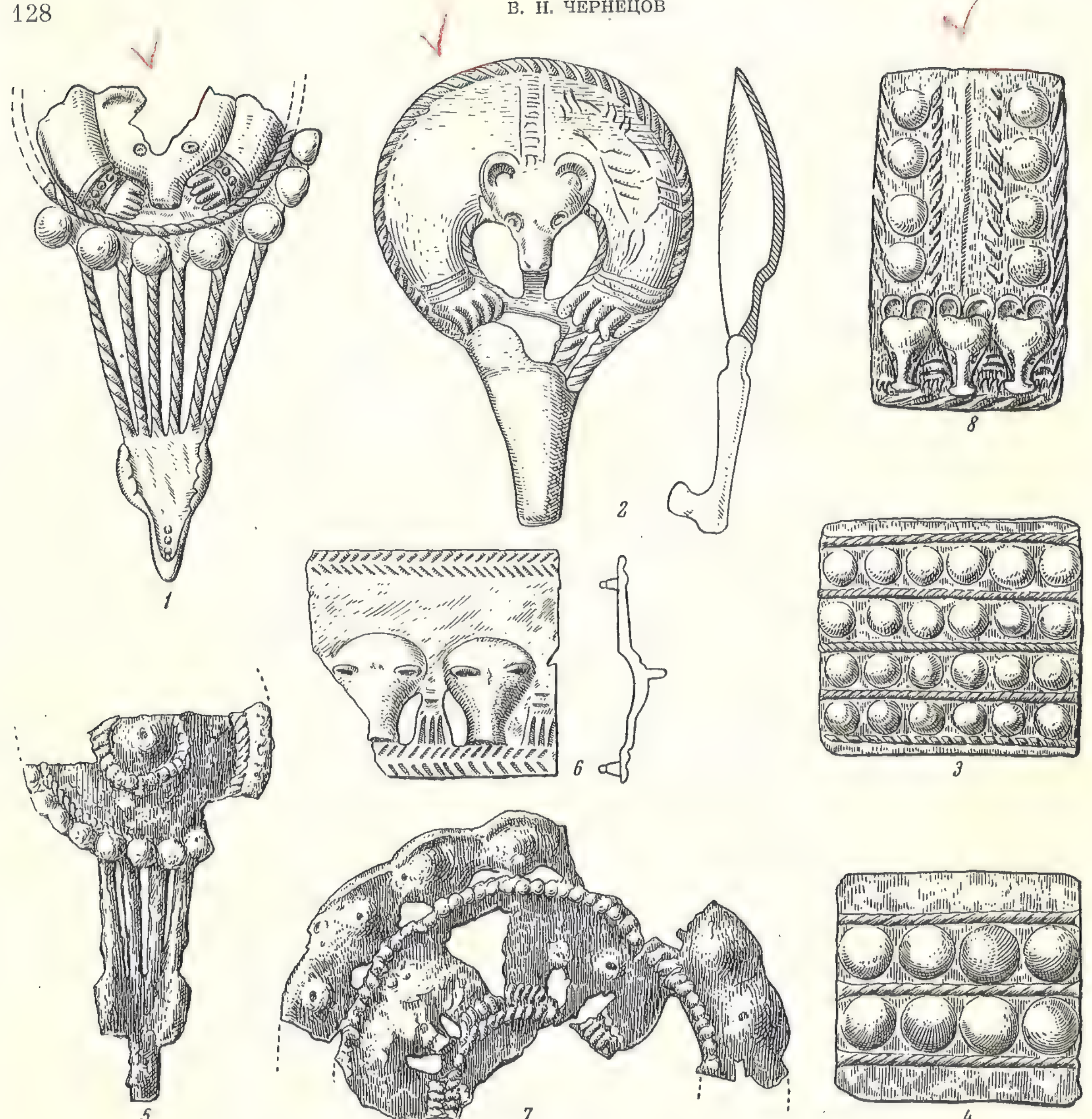


Табл. III. Эполетообразные застежки и поясные пряжки

1, 2, 5, 7 — эполетообразные застежки (*1* — с р. Енгатты; *2* — из Молотовской обл.; *5* — из Савинского кургана; *7* — из Усть-Полуя); *3, 4, 6, 8* — прямоугольные поясные бляшки (*3, 4* — с п-ова Ямал; *6* — из б. Пермской губ.; *8* — с озера Чагыр) Ок. $^2/_3$ н. в.

ской пещеры на р. Чулыме[1] на первый взгляд сильно разнится прямоугольной формой бляхи, но при более внимательном рассмотрении легко заметить, что по манере изображения медведя она даже ближе к усть-полуйской, чем ишимская. Несомненно, к этой же группе относится эполетообразная пряжка с изображением медведя, найденная на берегу р. Енгатты (Южный Ямал), которую привелось видеть на Ямале в 1929 г. на поясе у одного ненца[1] (табл. III—*1*).

[1] ОАК за 1897 г., рис. 146.

[1] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, № 4—5, 1935, стр. 124.

Вопрос о происхождении, типологии и хронологии эполетообразных застежек поднимался в литературе уже неоднократно. А. М. Тальгрен считал, что эполетообразные застежки возникли на месте, в Прикамье, из поясного крючка и круглой бляхи, соединенных между собой мягкими шнурами. В противоположность Тальгрену, М. Г. Худяков полагал, что они сложились «под воздействием кавказских влияний... и проникли в Прикамье с юга, как предмет иноземного ввоза»[1]. Исходным типом (1-я стадия) он считает застежку из Уфимского могильника, состоящую из ажурной бляхи и пластинки с крючком. Однако если эволюция формы застежки, предполагаемая автором, от второй стадии и не вызывает сомнения, то связь между второй и первой, т. е. исходной, более чем неубедительна. Сходство ограничивается лишь наличием крючка и круглой бляхи, украшенной полушариями. Основной признак, составляющий всю специфику эполетообразных застежек,— соединительные шнуры — в застежке из Уфимского могильника отсутствуют. С этой точки зрения гипотеза Тальгрена, пожалуй, более убедительна, поскольку она в какой-то степени объясняет происхождение шнуров. Надо отметить, что у самого М. Г. Худякова, видимо, не было полной уверенности в совершенной правоте своей теории. Во всяком случае, давая характеристику третьей стадии, он пишет: «Ясно выражена имитация мягких шнуров, причем поперечная пластинка играет роль подвижной перемычки, регулирующей длину шнуров»[2]. О какой же имитации и о какой подвижной перемычке можно говорить, если за исходную форму принимать тип бляхи из Уфимского могильника?

За последние годы вопросу типологии и происхождения эполетообразных застежек уделил внимание А. П. Смирнов, который считает, что «древнейшие из них восходят ко времени ананьинской культуры и известны среди находок Зуевского могильника в виде небольшого кружка с полушарными выступами по окружности и двумя штырями, заканчивающимися крючком»[3]. Однако

[1] М. Г. Худяков. «Эполетообразные» застежки Прикамья. Сборник 1. ГАИМК, Л., 1929, стр. 43.

[2] Там же, стр. 44.

[3] А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, XXV, стр. 24.

застежка из Зуевского могильника, как и застежка из Коростина, лишь в общих чертах напоминают эполетообразные, существенно отличаясь от них тем, что заканчиваются не крючком, а неподвижным наружным язычком[1]. В этом они сближаются с пряжками «сибирского типа», по Спицыну, и в первую очередь с происходящими из погребений № 15 и 26 Второго Ныргындинского могильника[2]. Следует добавить, что дужки застежек типа зуевской и коростинской не имеют шнурового оформления — существенной детали эполетообразных застежек. В силу этих соображений в них едва ли можно усматривать прототип эполетообразных. Вероятнее всего, что пряжки с наружным язычком и эполетообразные возникают и развиваются более или менее независимо, причем несомненно, что более примитивная форма последних представлена в застежке из погребения № 7 Второго Ныргындинского могильника[3], сделанной в виде небольшого круглого щитка, соединенного парой шнуров с обычным для ранних застежек крючком.

Открытым остается вопрос об условиях и месте формирования эполетообразных застежек. Оставляя в стороне гипотезу М. Г. Худякова, плохо увязанную в своих частях, а следовательно и неубедительную, трудно принять полностью и мнение А. М. Тальгрена, считавшего исключительно Прикамье местом возникновения эполетообразных застежек. Вопрос осложняется тем, что простые формы застежек (2-я стадия у Худякова) сравнительно редки на территории Прикамья. По существу находки сводятся к двум экземплярам из Пьяноборского могильника[4] и упомянутой выше застежке очень примитивного облика из погребения № 7 Второго Ныргындинского могильника. Лишь с большой оговоркой, как увидим далее, к ним можно причислить застежку, происходящую из Молотовской области, с изображением на бляхе[5] медведя гляденовского типа. В то же время, относя даже

[1] Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л., 1933. Застежки: зуевская — табл. 6, рис. 33; коростинская — табл. 11, рис. 12.

[2] Там же, табл. 9, рис. 22, 23; стр. 19 — описание погребений № 15 и 26.

[3] Там же, табл. 9, рис. 30 и стр. 18.

[4] А. П. Смирнов. Ук. соч., рис. 5—2; М. Г. Худяков. Ук. соч., стр. 44 и 49, рис. 2, 3.

[5] Антропологический музей МГУ, № 127—17.

усть-полуйскую застежку к несколько более развитым формам (3-я стадия, по Худякову), как и происходящую из Архиерейской заимки, в Зап. Сибири их можно насчитать не менее шести: 1) Савинский курган близ Тобольска. Хранится в Археологическом музее Томского университета (табл. III—*5*) [1]. 2) Полуостров Ямал. Найдена ненцем Нюмзи Вануйта в яру левого берега среднего течения р. Енгатты. Хранилась у него же (табл. III—*1*). 3) Мурлинский клад из Тарского района Омской области. Хранится в Тарском районном музее (табл. XI—*6*). 4) Айдашинская пещера близ г. Ачинска [2]. Хранится в ГИМ. 5) Ишимский клад. Хранится в Красноярском музее [3]. 6) Фоминская [4], из могильника на Ближних Елбанах Большереченского района. Хранится в Гос. Эрмитаже.

Если принять во внимание, что археологического материала из Прикамья известно во много раз больше, чем из Зап. Сибири, то это превышение придется счесть очень существенным. Для Зап. Сибири же совершенно неизвестны застежки поздних развитых типов с большим количеством шнуров и крупными бляхами (4—5-я стадии, по Худякову). Все это никоим образом не говорит в пользу предположения о том, что местом сложения эполетообразных застежек являлась Кама, откуда они затем распространились на восток до Зап. Сибири. Такое предположение оказывается еще менее вероятным, если учесть одну типичную особенность западносибирских застежек — наличие на них изображений медведя в специфической позе — с головой, положенной на передние лапы,— отсутствующих в поделках и украшениях пьяноборской культуры Прикамья (за исключением Гляденова и западных склонов Урала, о причинах чего будет изложено ниже), но характерных для угорской археологии и этнографии Зап. Сибири и Урала.

С типологией и определением места происхождения эполетообразных застежек теснейшим образом связана их датировка. Перечисленные выше авторы не проводят хронологической разбивки материала в пределах простейших групп застежек (2-я и 3-я, по Худякову), очевидно, из-за незначительности разделяющих промежутков времени и ограниченности материала, не дающих необходимой точности для этой степени датировок. А. П. Смирнов указывает, что эполетообразные застежки уже «в первые века нашей эры... достигли крупных размеров, в отдельных случаях до 33 см в длину» [1]. Отсюда следует, что появление наиболее простых форм застежек и первичное их усложнение (включая возникновение и 3-й стадии) должно быть отнесено к более раннему времени, т. е. на Каме к первому периоду пьяноборской культуры — III—I вв. до н. э. [2], что соответствует в Нижнем Приобье среднему периоду Усть-Полуя.

Изображение медведя, кроме застежки, мы встречаем и на бронзовой литой бляхе (табл. IV—*2*) [3]. Как и эполетообразная застежка, бляха отлита из сплава с большим содержанием олова (медь — 81,95; олово — 16,62; свинец — следы; железо — 1,21).

Размеры бляхи несколько больше, чем на фотографии (4,9 × 5,3 см). По краю она украшена шнуровидными валиками и двумя такими же шнурами разделена на три части, из которых две крайние оставлены гладкими, а в средней помещены изображения трех медвежьих голов. По манере выполнения последние очень близки изображениям на эполетообразной застежке, от которых отличаются лишь наличием поперечных полосок на лапах. Совершенно такие же полоски имеются и у некоторых других подобных изображений, о которых речь будет ниже. Эти черточки можно было бы рассматривать как прием трактовки сустава на лапе животного, если бы не ямальская застежка, дающая указание для иного толкования. Благодаря более крупным размерам, изображение медведя здесь гораздо лучше разработано в деталях. В частности, очень тщательно выполнена и интересующая нас подробность. Выпуклые двойные пояски на запястьях, с рядом мелких полушариков, расположенных между ними, не оставляют никакого сомнения в том, что художник изобразил не что иное, как обшлага шубы или, вернее, парки, как и до настоящего времени

---

[1] Коллекционный № 5.
[2] ОАК за 1897, стр. 53, рис. 146.
[3] А. Ермолаев. Ук. соч., табл. 6, рис. 10.
[4] М. П. Грязнов. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах. КСИИМК, XXVI, рис. 47—*2*.

---

[1] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 24.
[2] Там же.
[3] МАЭ, № 5455—4227. Усть-Полуй, квадрат 89.

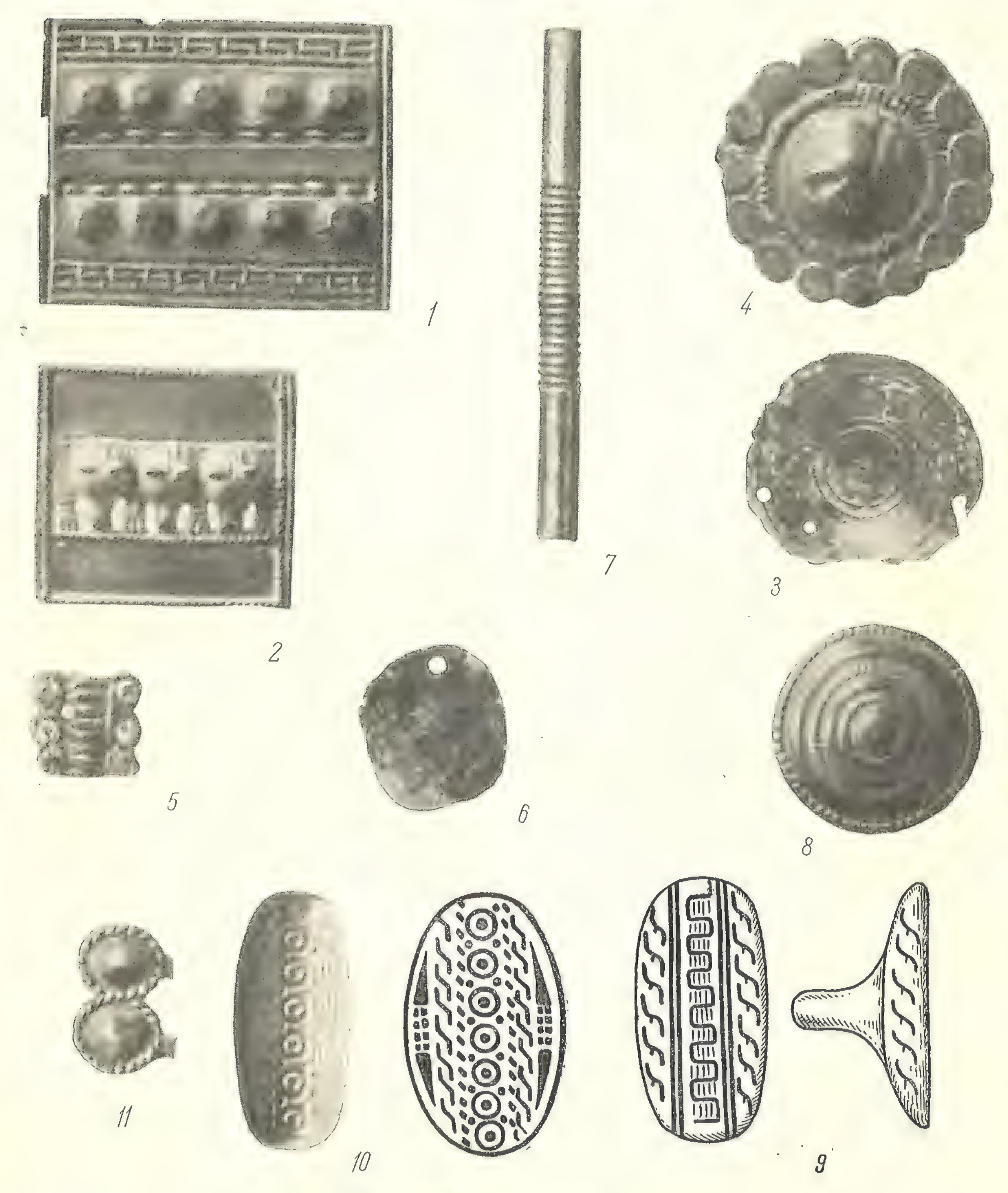


Табл. IV. Бронзовые украшения из Усть-Полуя

1, *2* — литые бляхи; *3* — бляшка с прочерченным орнаментом; *4*, *8* — умбоновидные бляхи; *5* — обломок литого украшения; *6* — бляха неправильно-овальной формы; *7* — литая пронизка; *9* — перстень из Няксимвольского городища; *10* — бронзовый перстень; *11* — украшение в виде спаренных круглых бляшек

именуется и воспринимается обскими уграми шкура медведя.

Бляшки с изображениями медведей известны в довольно большом количестве. Не ручаясь за исчерпывающую полноту, можно указать следующие:

1. Бляха с изображением двух медведей, приобретенная С. И. Руденко у манси в сел. Лопом-Вож на р. Ляпин Березовского района[1].

2. Прямоугольная бляха с изображением двух медведей, происходящая из «Пермской губернии» и хранящаяся в Антропологическом музее МГУ им. М. В. Ломоносова (№ 127—18, табл. III—*6*). В стилистическом отношении изображения почти тождественны усть-полуйским.

3—8. Шесть блях из кургана Архиерейской заимки близ Томска[2]. Бляхи прямоугольные, с изображением трех медведей на каждой.

9—21. Тринадцать бляшек из Гляденовского костища[3]. Все подковообразной формы, небольшого размера. От сибирских они несколько отличаются по стилю, а особенно техникой изготовления. В частности, большинство изображенных на них медведей имеет на темени рубчатый или шнуровидный гребешок, деталь никогда не встречающаяся на зауральских и сибирских изображениях. Техническое своеобразие их, как и многих других гляденовских поделок, заключается в том, что некоторые детали фигурок (шнуровидные окаймления, петельки и гребешки на темени) изготовлены отдельно из проволочек и припаяны или приплавлены. Этот прием, вероятно, упрощающий изготовление моделей и форм, также в Сибири неизвестен.

22. Литая бронзовая бляшка (вернее, застежка), напоминающая по облику гляденовские; найдена близ «дер. Михалевой Гаинской вол. Чердынского уезда»[4].

[1] Этой бляхи мне видеть не довелось. О ней упоминает А. Ф. Теплоухов в примечании к статье Н. Н. Новокрещенных «Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме». «Труды Пермской ученой архивной комиссии», т. XI, Пермь, 1914, стр. 75.

[2] ОАК за 1896 г., стр. 95, рис. 362.

[3] Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме, «Труды Пермской ученой архивной комиссии», т. XI. Пермь, 1914; А. А. Спицын. Гляденовское костище. ЗРАО, XII, 1901, табл. VI и X.

[4] А. А. Спицын. Древности камской чуди. МАР, 26, табл. VI, рис. 3.

23. Бляшка из дер. Плес «Аннинской вол. Чердынского уезда»[1], по форме такая же, как предыдущая.

24—26. Три большие (6×8 см) прямоугольные бляхи из белой, может быть луженой, бронзы (Ф. А. Теплоухов называет одну из них «серебряной» с р. Кын (среднее течение р. Чусовой)[2]. По стилю изображений и характеру обрамлений они резко отличаются от всех описанных выше, хотя идущий от затылка поперечно-рубчатый гребень на одном из изображений делает его близким к гляденовским.

27. Фрагмент удлиненно-прямоугольной бляхи с изображением трех медведей[3]; найдена в дер. Зародята близ г. Молотова (б. Пермский уезд). По манере изображения животных, особенно глаз и удлиненной морды, эта вещь, несомненно, несколько более поздняя.

28. Почти подобная же бляшка, также удлиненно-прямоугольной формы, литая из белой бронзы (табл. III—*8*), найдена на берегу озера Чагыр, расположенного между верховьями рек Салыма (приток Оби) и Кеума (приток Демьянки). На обороте бляхи имеются четыре петельки для прикрепления, которые, как и прилегающие к ним края, сглажены от употребления. Лапы медведей украшены поперечными линиями, подобно тому, как можно видеть на томских, усть-полуйской и ямальской бляхах.

Наконец, следует указать 20 бляшек, близких к гляденовскому типу и найденных вместе с фаларом в Саратовском крае. Хранятся в Гос. Эрмитаже. Однако эта находка стоит особняком и не имеет местных аналогий, почему ее и следует рассматривать как случайный завоз из более восточных областей, возможно из Пермского края.

Для всех перечисленных изображений может быть установлена вполне определенная локализация (не принимая лишь во внимание явно завозной саратовской находки) и довольно надежная относительная хронология.

По отмеченным выше стилистическим особенностям, территория распространения

[1] А. А. Спицын. Древности камской чуди. МАР, 26, табл. XXXI, рис. 17.

[2] А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРАО, VIII, 1906, рис. 378, 380; его же. Древности камской чуди. МАР, 26, табл. XVII, рис. 12.

[3] А. А. Спицын. Древности камской чуди. МАР 26.

изображений медведя с головой, положенной на передние лапы, распадается на два района: 1) Восточный, или Обский, идущий по лесной полосе от Урала до правобережных притоков Оби и совпадающий с территорией распространения эполетообразных застежек с изображением медведя; 2) Западный, занимающий сравнительно неширокую полосу западных предгорий Урала по Верхней Печоре и Средней Каме с ее левобережными притоками, в общих чертах совпадающий с территорией распространения гляденовского варианта пьяноборской культуры.

В хронологическом отношении мы можем выделить среди интересующих нас изображений медведя две группы, оставляя в стороне не перечисленные здесь изображения типа находок из Барсова Городка и близких ему по времени салымских могильников (Кинтусовский, Ленг-Понк), относящихся ко второй половине и к концу I тысячелетия н. э., к которым, видимо, довольно близко примыкают изображения из Зародят и с озера Чагыр.

Первая группа характеризуется реалистичностью изображений при полном отсутствии орнаментальных добавлений, не связанных с основным рисунком. Эта группа соответствует наиболее ранним типам эполетообразных застежек. К ней можно причислить: изображения на застежках ямальской, молотовской (табл. III—*2*), большую часть гляденовских[1], фигурки на прямоугольных бляшках молотовской и усть-полуйской, на застежках айдашинской, ишимской, усть-полуйской и из Архиерейской заимки. Последние можно, пожалуй, в пределах группы считать наиболее поздними.

Ко второй группе прежде всего следует отнести бляхи с р. Кын, характеризующиеся очень своеобразным приемом разделки поверхности ложчатыми гранями, совершенно так же, как на фигурках птиц, оленей, медведей и на других поделках Подчеремского клада[2]. Эта стилистическая особенность, не встречаемая на поделках более раннего времени и неизвестная в изделиях второй половины I тысячелетия до н. э., позволяет увязать кыновские бляхи с временем подчеремского клада, т. е. III—IV вв. н. э. К этой же группе, а хронологически, возможно, и к несколько более позднему времени, судя по значительной обобщенности изображений, относятся фигурки из Михалевой и Плес, с озера Чагыр и из Зародят, причем фигурки из Зародят имеют точечную орнаментацию, известную также по ряду подчеремских вещей.

Возраст первой группы, основываясь на синхронности ее с наиболее ранними типами эполетообразных застежек, может быть определен также III—I вв. до н. э. Однако есть основания полагать, что мотив этот возник еще раньше. Во Втором Покровском кургане И. А. Кастанье были обнаружены две пары золотых головок, которые М. И. Ростовцев называл: первую — львиными, вторую — головками «может быть, кабана»[1]. Львиным головкам М. И. Ростовцев видел аналогии в Чигиринском кургане № 152, в привеске из Аму-Дарьинского клада и особенно в костяных резных львиных головках из погребений Алтая, раскопанных В. В. Радловым.

Однако с этими аналогиями, как и с объяснением Ростовцева изображений из Покровского кургана, согласиться невозможно. Правда, имеется сюжетное сходство с фигуркой[2] из Чигиринского кургана, но стилистически она совершенно отлична; кроме того, на ней изображен, возможно, хищник кошачьей породы. Покровские же бляшки передают зверя с длинной мордой, вне всякого сомнения — медведя, очень близкого по изображению на бляшках из Гляденова, Архиерейской заимки и Айдашинской пещеры. Разница заключается лишь в том, что у большинства медведей с Урала и Зап. Сибири лапы изображены лежащими вдоль морды, тогда как у двух более крупных головок из Покровки лапы положены несколько наискось и обращены когтями к морде. Однако скошенные лапы мы находим и у медведей, изображенных на бляшках из Архиерейской заимки; у боковых изображений на эполетообразной застежке из Айдашинской пещеры они положены перпендикулярно к морде, а на застежках молотовской и

[1] А. А. Спицын. Гляденовское костище. ЗРАО, XII, СПб., 1901, стр. 202, табл. VI, рис. 15 и 25.

[2] В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, II. М.— Л., 1936, табл. I и III, рис. 32.

[1] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл. МАР, 37. П., 1918, стр. 23, табл. VI, рис. 2 и 5.

[2] ИАК, 14, стр. 20, рис. 50.

ямальской расположены в точности, как у покровских.

Нельзя согласиться с другой аналогией, обнаруженной М. И. Ростовцевым среди изображений резных львиных голов в алтайских погребениях[1]. Как видно из сличения фасового и профильного рисунков Радлова, здесь нет и сюжетного сходства. В стилистическом отношении покровские головки также не имеют никаких общих черт ни с алтайскими, ни с чигиринскими.

Устанавливаемая близость изображений из Покровского кургана с уральскими и приобскими заставляет считать, что последние возникли в более раннее время, чем III в. до н. э., т. е. в соответствии с возрастом Второго Покровского кургана — в IV в. Эта близость дает основание предполагать, что у племен, оставивших Покровские курганы, мог существовать культ медведя, схожий с известным по угорской этнографии и фольклору и обусловивший возникновение перечисленных изображений. Медвежий клык, оправленный в золото и приспособленный для ношения в качестве привески, обнаруженный в том же втором кургане, подтверждает высказанное предположение.

Бронзовая литая прямоугольная бляха (табл. IV—*1*)[2]. Размер ее 62×49 мм, толщина 1,5 мм. На оборотной стороне четыре петельки для прикрепления. Орнаментально бляха разбита на три зоны. Средняя зона представляет собою гладкую, незаполненную орнаментом полосу, отделенную от боковых шнуровидными полосками. Боковые зоны украшены рядом бугорков в виде усеченных многогранных пирамидок и лентой, состоящей из меандроидных ≤-образных фигур, или «уточек». Полной аналогии этому предмету нам неизвестно, но вообще прямоугольные бляхи, украшенные бугорками и уплощенными полушариками, встречаются в Зап. Сибири нередко. Две такие пластинки, литые из бронзы, имеющие также по четыре петельки с оборотной стороны и украшенные плоскими полушариками и шнуром, найдены на Ямале (табл. III—*3*, *4*). Мне пришлось их видеть на поясе у ненца Нюмзи Вануйта вместе с описанной выше эполетообразной застежкой.

[1] ЗРАО, VII, 1895, вып. 3—4, табл. XXXI, рис. 9.
[2] МАЭ, № 5455—4810. Усть-Полуй, подъемная.

Совершенно аналогична ямальским и близка усть-полуйским бляха из Ишимского клада[1] и четыре прямоугольные бляхи из тюковского кургана близ Тобольска[2]. Бляхи, близкие по орнаменту к усть-полуйским, имеются и в материале кургана № 15 на Потчевашском мысу. Таковы: бляха, украшенная двумя рядами полушариков, и две, орнаментированные узором уточками[3] — как увидим далее, характерным для памятников усть-полуйского времени. К западу от Урала, насколько мне известно, прямоугольных блях описываемого типа нет. Единственно с чем их можно сопоставить, а быть может даже следует видеть их прообраз, это медные или бронзовые прямоугольной формы бляхи, украшенные бугорками, происходящие из погребений ананьинского времени Котловского могильника[4].

Круглая бронзовая умбоновидная бляшка (табл. IV—*4*)[5], видимо, без следов затертости, не бывшая еще в употреблении. Литье с оборотной стороны грубое и шероховатое. Петелька не совпадает с центром. Бляшка украшена по краю 15 плоскими кружками, отделенными от выпуклой средней части довольно толстым жгутовидным валиком. Умбоновидные бляхи, украшенные полушариками, встречаются в материалах пьяноборской культуры, хотя бы в Ныргындинском II и Пьяноборском могильниках[6]. Однако они являются довольно отдаленной аналогией, отличаясь прежде всего соотношением размеров окаймляющей и центральной частей.

Ближе всего, пожалуй, усть-полуйская умбоновидная бляха стоит к бляхам эполетообразных застежек, от которых отличается лишь тем, что кайма состоит не из полушариков, а из кружочков. Насколько этот момент типологически важен — неясно, почему и вопрос об аналогиях следует пока оставить открытым.

[1] А. Ермолаев. Ишимская коллекция. «Описание коллекций Красноярского музея». Красноярск, 1914, табл. V, рис. 8.
[2] В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш (в настоящем сборнике).
[3] A. Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentale, Helsingfors, 1894, табл. III, рис. 11, 4, 5.
[4] Ф. Д. Нефедов. Журнал раскопок, произведенных летом 1894 г. МАВГР, III, М., 1899, стр. 44, табл. 10, рис. 6—7; табл. 11, рис. 6.
[5] МАЭ, № 5455—1281. Усть-Полуй, квадрат 99.
[6] А. А. Спицын. Древности камской чуди, МАР, 26, табл. X, рис. 6 и 8.

Литая бронзовая умбоновидная бляшка хорошей работы, тщательно отделана (табл. IV—*8*) [1]. На оборотной стороне снабжена петелькой для прикрепления. Украшена тремя рядами шнуровидного узора и восьмиконечной розеткой в центре. Покрыта блестящей темной патиной.

Литая из белой бронзы пронизка в форме трубочки (табл. IV—*7*) [2]. Длина ее 8,7 см, диаметр 0,75 см. В средней части имеет рубчатый пояс, занимающий около трети всей длины. Совершенно тождественная по форме и материалу пронизка известна среди находок в Айдашинской пещере на р. Чулыме, памятнике, по составу своего материала, несомненно, близком Усть-Полую, на котором нам придется дальше остановиться подробнее.

Бронзовый перстень (табл. IV—*10*) [3], повидимому, женский, как можно судить по очень маленькому диаметру. Изготовлен из белой бронзы и, возможно, полужен. Пластинка перстня изогнутая, овальная, длиной 4,25 см. Украшена орнаментом из кружков с точками, шнуром и «уточками». Совершенно подобной же формы и близкие по орнаменту перстни известны среди находок с Потчевашского мыса и из Няксимвольского городища [4] с верховьев Сев. Сосвы (табл. IV— *9*).

Плоская бронзовая литая бляшка, сильно испорченная коррозией (табл. IV—*5*) [5]. В средней части украшена поперечными рубчиками, а по краям — кружками с точками. Возможно, что это фрагмент какого-то предмета или украшения. Ременная накладка с совершенно аналогичным орнаментом имеется среди вещей из кургана близ дер. Тюковой Тобольского района [6]. Эта аналогия и упомянутые выше тюковские прямоугольные бляхи еще более подкрепляют мнение о вероятной синхронности тюковского кургана, датируемого эллинистическим зеркалом, с усть-полуйским городищем.

[1] МАЭ, № 5455—4811. Усть-Полуй, подъемная.
[2] МАЭ, № 5455—4608. Усть-Полуй, квадрат 97.
[3] МАЭ, № 5455—4809. Усть-Полуй, подъемный.
[4] Хранится в Свердловском музее. Привожу по наброску А. В. Збруевой, любезно предоставившей его в мое распоряжение.
[5] МАЭ, № 5455—4488. Усть-Полуй, квадрат 94.
[6] В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш (в настоящем сборнике).

Литое из белой бронзы украшение в виде двух спаренных выпуклых бляшек (табл. IV—*11*) [1]. Бляшки окаймлены шнуровидным валиком, образующим вокруг них «восьмерку». Сбоку имеются два выступа — по всей вероятности, остатки литника. С противоположной от этих приливов стороны видны следы зачистки подобных же выступов. Можно предполагать, что в форме отливалось одновременно по нескольку бляшек. С оборотной стороны сделаны две петельки, отверстия которых, однако, не удались в отливке.

Довольно близкой аналогией этой поделке является парная бляшка из Гляденовского костища [2], отличающаяся тем, что разделена посередине перемычкой около 1,5—2 мм, а окантовка образует не «восьмерку», а два раздельных кольца.

Бронзовая или медная бляшка диаметром около 4,7 см, толщиной до 0,05 см (табл. IV—*3*) [3]. С одной стороны украшена четырьмя прочерченными концентрическими окружностями; по бокам два маленьких отверстия, просверленные с оборотной стороны коническим орудием.

Бронзовая бляшка неправильно-овальной формы (табл. IV—*6*) [4]. Размер 3×3,5 см, толщина до 0,05 см. Обе стороны гладко выскоблены, у одного края просверлено отверстие.

Тонкая (0,75 мм) литая бронзовая бляшка, диаметром около 5 см (табл. V—*1*) [5]. С одной стороны она украшена концентрическими окружностями, частью процарапанными, частью сделанными в отливке.

Литая бронзовая бляшка; диаметр около 3,5 см, толщина около 0,75—1 мм (табл. V—*4*) [6]. С одной стороны она украшена концентрическими окружностями, выполненными литьем. У одного края продолблено отверстие.

Бляшки аналогичные предыдущей (табл. V—*2, 3*).

Небольшая бронзовая бляшка; диаметр 2,3 см, толщина 0,8 мм (табл. V—*5*) [7]. С обеих сторон гладко отполирована; у одного края отверстие.

[1] МАЭ, № 5455—4315. Усть-Полуй, квадрат 91.
[2] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. VIII, рис. 25.
[3] МАЭ, № 5455—2077. Усть-Полуй, квадрат 113.
[4] МАЭ, № 5455—1744. Усть-Полуй, квадрат 104.
[5] МАЭ, № 5455—4684. Усть-Полуй, квадрат 99.
[6] МАЭ, № 5331—1347. Усть-Полуй, квадрат 51.
[7] МАЭ, № 5331—379. Усть-Полуй, квадрат 21.

Такая же бляшка, диаметр 21 мм, толщина 0,5 мм [1] (табл. V—*6*).

Бляшка из белой бронзы подтреугольной формы (табл. V—*7*) [2]. Поверхность гладко заполирована. По краю украшена небольшими выемками. В вершине ее просверлено отверстие.

украшенные концентрическими окружностями, не являются редкостью в памятниках, по времени и культуре близких Усть-Полую. Имеются они в Гляденове [1] и в древностях Кулайки [2]. Нередко на бляшках находим изображения, нацарапанные тонкими линиями (как на трех последних из Усть-Полуя

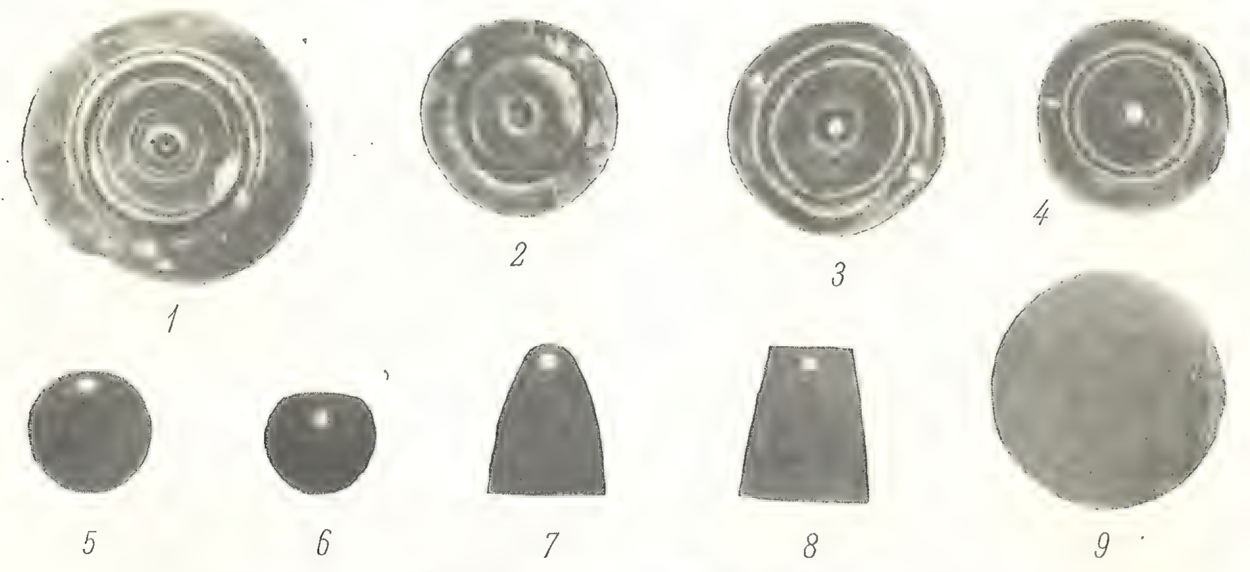


Табл. V. Различные поделки из бронзы
1, 4 — литые бляшки с гравировкой; *2, 3* — литые без гравировки; *5—9* — различные бляшки без орнамента

Бляшка из белой бронзы; диаметр 2,2 см (табл. VI—*3*) [3]. С оборотной стороны приплавлено ушко. На передней стороне очень тонкими линиями нацарапано лицо человека.

Бляшка из белой бронзы; диаметр 4,3 см (табл. V—*9*; VI—*2*). На оборотной стороне две петельки; на лицевой — тонкими линиями изображения трех антропоморфных существ, поверх которых нанесено другое, чуть заметное изображение, напоминающее круг или свернувшегося в кольцо зверя [4].

Серебряная (?) трапециевидной формы бляшка, толщиной около 1,5 мм (табл. V—*8*; VI—*1*) [5]. В верхней части просверлено отверстие. На одной стороне нацарапаны две антропоморфные фигуры в длинных одеждах. Бляшки, подобные приведенным, круглые и иных форм, с петельками на обороте или с отверстиями для прикрепления, иногда

и на гляденовских) [3]. Эти признаки связывают их с большой группой гравированных изображений (встречаемых на бляхах обычно большего размера, чем описанные) на бронзовых зеркалах и привозных, нередко серебряных, блюдах. В гравировках представлены антропоморфные и зооморфные фигуры, в большинстве случаев мифического характера, всегда образующие целые композиции. Вопрос об этих изображениях, их возможной семантике и назначении настолько сложен, а материал так обилен, что рассмотреть его в пределах настоящей темы не представляется возможным. Оставляя его в целом до дальнейших работ, остановимся здесь лишь на основаниях к датировке этих изображений.

Как уже было сказано, гравированные изображения встречаются на а) плоских и плоско-выпуклых бляхах, как правило,

[1] МАЭ, № 5455—3560. Усть-Полуй, квадрат 138.
[2] МАЭ, № 5455—4316. Усть-Полуй, квадрат 91.
[3] МАЭ, № 5455—4682. Усть-Полуй, квадрат 99.
[4] МАЭ, № 5455—3560. Усть-Полуй, квадрат 99.
[5] МАЭ, № 5455—4683. Усть-Полуй, квадрат 99.

[1] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. V, рис. 26; табл. VIII, рис. 3.
[2] И. М. Мягков. Ук. соч., табл. II, рис. 16.
[3] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. V, рис. 3, 5, 18; табл. VIII, рис. 27; табл. IX, рис. 18.

Табл. VI. Фигурные изображения из бронзы

1, 2, 3 — бляшки с гравированными изображениями; *4* — полая фигурка человека; *5* — антропоморфное существо с дополнительной личиной на голове; *6* — изображение зверя; *7* — фантастическое изображение животного; *8* — антропоморфная фигурка; *9* — изображение выдры; *10—13, 15* — фигурки птиц; *14* — изображение хищной птицы над медведем; *16* — поясная застежка, изображающая двух бобров; *17* — бляха с изображением двух грифонов; *1—3* увеличены, остальные около нат. вел.

круглых (Истяцкий клад), бронзовых зеркалах (там же), изредка на эполетообразных застежках (молотовская), б) металлических блюдах восточного изделия, главным образом I тысячелетия н. э., в) на плоских круглых бляхах из листовой латуни с приклепанными петельками, хорошо датируемых X—XIV вв. н. э., и блюдах византийского происхождения. В более позднее время гравированных изображений как будто уже неизвестно. Эти три хронологические группы очень часто различаются между собой в стилистическом и сюжетном отношении.

Самая поздняя и как будто малочисленная группа характеризуется изображениями всадника (тагильское блюдо) и парными изображениями людей (бляха из кургана близ Загородного сада в Тюмени). Фигуры вполне реалистичны, одежда сходна с современной, известной по этнографическим данным.

Средняя по возрасту группа также включает изображения всадника и пляшущих воинов, нередко в окружении мифических существ. В композициях всадник и воины помещаются над чертой, ограничивающей «нижний мир», олицетворяемый изображениями рыб, змей и бобров. Сюжет очень хорошо объясняется некоторыми обрядами, известными по этнографии обских угров, посвященными родовым и в особенности фратриальным предкам; в частности обрядами, связанными с зимним солнцестоянием и весенним равноденствием, происходившими в святилище фратрии Пор.

В ранней группе изображений место антропоморфных всадников и воинов занимают фигуры смешанного полуантропоморфного-полузооморфного облика, в композициях также противостоящие нижнему миру. Часты изображения борьбы небесной солнечной птицы Карса с представителями нижнего мира — змеями и бобрами. Обычны одиночные фигуры различных животных и изображение «свернувшегося зверя», известного по бляхам Ханты-Мансийского музея (табл. XIII—*4*). Содержание изображений ранней группы поддается расшифровке с трудом, на основании фольклорных и этнографических данных. Следует отметить безусловную близость их с наскальными изображениями. Гравировки Усть-Полуя и синхронных ему памятников (Истяцкий клад, Ишимский клад и др.) и отдельных находок (табл. XIII) относятся именно к этой ранней группе.

Объемные изображения из бронзы.

Литое из бронзы изображение совы (табл. VI—*10*)[1]. Фигурка, за исключением клюва птицы, плоская. Длина 5,2 см. Вокруг головы обведен шнуровидный кант, образующий на шее две петельки. Глаза трактованы кольцеобразными канавками, оперение — поперечными штрихами, а маховые перья крыльев и перья хвоста — продольными линиями, что в целом производит впечатление реалистического изображения. На груди — личина, трактованная тремя точками.

Бронзовое изображение совы, несколько напоминающее предыдущее (табл. VI—*11*)[2]. Длина 3,5 см. Голова также обведена шнуровидным кантом. Оперение крыльев и хвоста показано тем же приемом, но более схематично. На груди — личина. С оборотной стороны имеется петелька. На голове следы литника.

Бронзовая фигурка хищной птицы с распростертыми крыльями (табл. VI—*12*)[3]. Длина 3,5 см. Птица изображена в полете, с поджатыми лапами. Оперение крыльев и хвоста трактовано реалистично. По бокам шеи сделаны две петельки. Оборотная сторона совершенно плоская.

Литое из бронзы изображение трехголовой хищной птицы (табл. VI—*13*)[4]. Дополнительные головы находятся на крыльях. Оперение дано рядами полулунных ямок, живо передающих характер расцветки ястреба; в целом создается впечатление очень реалистического изображения, несмотря на мифологичность сюжета. Птица помещена над изображением трех существ, напоминающих выдр, и касается их хвостом и концами крыльев. С оборотной стороны прикреплена петелька.

Трехголовость в птицевидных изображениях изредка встречается в древностях западного склона Урала, как, например, пижемская птица и (но, несомненно, более поздние) из «Соликамского уезда» и «Гаинской волости Чердынского уезда»[5]. Как будто

---

[1] МАЭ, № 5331—526. Усть-Полуй, квадрат 23.
[2] МАЭ, № 5455—3538. Усть-Полуй, квадрат 138.
[3] МАЭ, № 5455—1743. Усть-Полуй, квадрат 104.
[4] МАЭ, № 5455—3538. Усть-Полуй, квадрат 138.
[5] А. А. Спицын. Ук. соч., ЗРАО, VIII, 1906, рис. 262, 265.

то несколько чаще подобный сюжет попадается в Зап. Сибири. Из одного лишь Истяцкого клада известно не менее трех таких изображений: два бронзовых литых (Тобольский музей, № 450 и 452) и одно гравированное на латунной бляхе (№ 444); еще три фигуры находятся в составе Ишимского клада. В стилистическом отношении фигурки из этих кладов отличаются от усть-полуйской меньшей реалистичностью и большей орнаментальностью.

Бронзовое изображение хищной птицы, расположенной над медведем (табл. VI—*14*)[1]. Литье тщательное. Поделка очень тонкая, местами менее 1,5 мм толщины; поэтому отливка с оборотной стороны усилена продольными ребрышками. Против головы птицы — петелька. Как и в предыдущих случаях, изображение птицы просто и реалистично. Маховые перья переданы продольными бороздками. На груди имеется личина, глаза и нос которой обозначены точками, а рот — кружком. На хвосте птицы и на боку медведя изображены по три очень схематичные человеческие фигурки. Так же хорошо и просто передан медведь. Условным является лишь трактовка хребта и шерсти на лапах шнуровидными кантами, что не нарушает, однако, общего впечатления правдивости. Обращает на себя внимание голова, повернутая в фас, при общем профильном положении фигуры. Насколько мне известно, такая поза до сих пор как будто не встречалась в изображениях этого типа.

Изображение хищной птицы (?) (табл. VI—*15*)[2]. Литье плоское и фигурка, по всей вероятности, сделана не по модели, а непосредственной формовкой[3], о чем свидетельствует рельефность линий. Все изображение схематично и неясно. Хорошо различима лишь голова, повернутая в профиль. Оборотная сторона плоская и гладко выскоблена. У нижней части фигурки — следы литника. В центре на туловище птицы — кружок, возможно, что это схематичное изображение личины.

Как можно легко заметить, птицевидные изображения Усть-Полуя, за исключением последнего, весьма реалистичны, хотя и отличаются некоторой сухостью и схематизмом. При этом они почти не имеют орнаментальных деталей, чем отличаются от ишимских, довольно, впрочем, близких по общей конфигурации[1]. Больше всего сходства у усть-полуйских птиц (табл. VI—*10*, *11*, *13*, *14*) с нарымскими (с р. Чижапки)[2] и гляденовскими[3], которых А. В. Шмидт, наряду с птичкой из Екатериновки, относит к древнейшей группе[4].

Несомненную связь можно усмотреть между изображениями усть-полуйскими и древними пермскими, с одной стороны, и некоторыми гляденовскими[5] фигурками птиц с Караульной горы[6] и изображением неизвестного происхождения, находящимся в Свердловском музее[7] — с другой. Их роднит одинаковая постановка крыльев, некоторый схематизм, скупость в разделке деталей и полное отсутствие каких-либо посторонних узоров и орнаментации. При сопоставлении необходимо учесть, что фигурки птиц с Караульной горы выполнены иным техническим приемом, что не могло не сказаться и на их облике. К этому же типу плоского литья следует, видимо, отнести изображение птиц из Екатериновки, тем более, что трактовка перьев, заметных на сохранившемся левом крыле, совершенно идентична наблюдаемой манере изображения перьев у некоторых птиц из находок с Караульной горы[8] и упоминавшейся выше свердловской.

Две из описанных усть-полуйских фигурок представляют композицию из птиц и зверей. Сюжет — хищная птица, клюющая зверя или нападающая на него — известен достаточно широко — от так называемого «скифского звериного стиля» и до камской бронзы ломоватовского времени. Можно допустить, что в Приобье и на Урале этот сюжет возникает не без известного влияния степных культур скифо-сарматского времени.

---

[1] МАЭ, № 5455—4806. Усть-Полуй, подъемное.
[2] МАЭ, № 5455. Усть-Полуй, подъемное.
[3] О способах формовки и моделировки см. ниже.

---

[1] А. Ермолаев. Ук. соч., табл. VI, рис. 3, 6, 8.
[2] И. М. Мягков. Ук. соч., табл. II, рис. 12, 13.
[3] А. А. Спицын. Ук. соч. ЗРАО, XII, табл. IV, рис. 11, 17, 19.
[4] A. V. Schmidt. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens. Artibus Asiae. 1930—1932, № 1.
[5] А. А. Спицын. Гляденовское кладбище..., табл IV, рис. 20.
[6] Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований приуральской чуди. МАВГР, III, М., 1899, табл. I.
[7] A. V. Schmidt. Ук. соч., рис. 6.
[8] Д. Н. Анучин. Ук. соч., табл. 1, рис. 2, 4, в более детальной разработке — рис. 9.

Такое влияние прослеживается и в Усть-Полуе. Однако несомненно, что оно невелико и выразилось не столько в формальной стороне изобразительного искусства племен Приобья, сколько в появлении у них определенного цикла представлений, обусловивших некоторое сюжетное сходство. Вопрос об этих представлениях, в основе космогонических, связанных с культом солнца, орла и небесного всадника, сохранившихся в фольклоре и верованиях обских угров, был вкратце уже затронут мною [1], причем отмечено и их неместное присхождение.

Однако, каковы бы ни были истоки подобных представлений, в условиях быта и религиозных воззрений таежных племен охотников и рыболовов, находившихся, вероятно, на несколько более ранней ступени развития, чем их южные соседи, эти представления получили новое и своеобразное развитие. Сочетаясь с тотемистическими воззрениями племен Приобья, тесно связанными с фратриальной системой общественного быта, эти солярно-космогонические представления послужили основой для возникновения в Приобье сложной и многообразной картины борьбы Солнечной Птицы — Небесного Всадника — тотемного предка одной фратрии — с предком другой фратрии — Медведем или Лосем (последний образ характерен для племен Урала и его западных склонов). В тесном переплетении с этими образами находится представление о борьбе фратриальных и родовых духов предков, в их тотемном — полуантропоморфном, полузооморфном осмыслении — с несущими людям болезнь и смерть духами нижнего мира, которые рисовались в образах преимущественно водяных животных. В произведениях изобразительного искусства эти воззрения, в частности, идея борьбы, отражены по-разному. Лишь изредка, и только в «графике»— изображениях, нацарапанных на металлических дисках и зеркалах и наименее связанных с символической условностью, встречаемся с достаточно реалистическим изображением борьбы птицы — Небесного Карса — с бобром и змееподобным существом (табл. XX—*6*).

Гораздо чаще такое реалистическое изображение заменяется условными формами, видимо, приобретающими канонический характер, как можно судить по их повторяемости и широкому распространению. К числу условных приемов принадлежит и замена изображения борьбы размещением существ одного над другим. Именно эту черту мы и наблюдаем в рассматриваемых усть-полуйских фигурах (табл. VI), отражающих борьбу трехголового Карса с водяными существами в образе выдр, например в рис. *13*, а в рис. *14* — фратриально-космогоническую символику, олицетворяемую орлом и медведем.

Каноничность изображений и композиций, базировавшаяся на большой устойчивости и единообразии религиозных представлений, фольклора и культа племен Приобья, сочетается и с большим единообразием и устойчивостью стиля. Последнее характерно не только для Нижнего Приобья, но и для значительно более обширной территории родственных племен, простирающейся вплоть до Зап. Приуралья, а во времени не только для усть-полуйского периода, но и для известной части I тысячелетия н. э., в течение которого материальная культура и искусство этих районов, сложившиеся еще в усть-полуйское — ранне-гляденовское время, продолжают развиваться почти без какого-либо постороннего воздействия. Этим лишь и следует объяснить то единообразие черт и стилистических особенностей (тем более в птицевидных изображениях), возникновение которых можно наблюдать на костяных скульптурных поделках Усть-Полуя, а дальнейшее существование и развитие — вплоть до литых изображений ломоватовского времени Прикамья.

Приведенные выше соображения пришлось изложить лишь в самой общей и сжатой форме, чтобы не отклоняться слишком далеко от основной темы, но в то же время дать некоторое представление о характере мировоззрения и культов и о специфике исторической обстановки, игравших роль в развитии изобразительного искусства древнего населения Нижнего Приобья. Вернемся теперь к дальнейшему описанию материалов Усть-Полуя.

Литая бронзовая поясная застежка, изображающая двух грифонов (табл. VI—*17*) [1]. Пряжка плоская, толщиной 0,8—

[1] В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. «Труды Института этнографии», т. I, 1947, стр. 121 и след.

[1] МАЭ, № 5545—2147. Усть-Полуй, квадрат 114.

1,5 мм. Лицевая сторона тщательно зашлифована, а оборотная гладко выскоблена. До вторичной обработки толщина отливки была, должно быть, около 2—2,5 мм. Аналогиями этой застежке могут служить: бляшка из Минусинска с изображениями двух львов [1] (аналогия довольно отдаленная) и две бляшки из Уфимского могильника. Одна из последних, происходящая из погребения № 15 [2], имеет совершенно тождественную трактовку голов и передних лап грифонов, но отличается от усть-полуйской изображением задних лап, вывернутых в противоположную передним сторону, подобно как и у фигур львов на минусинской поделке. Другая бляшка, из погребения № 13 [3], как будто до деталей подобна усть-полуйской, при чем и здесь задние лапы грифонов превращены в завитки, играющие роль крючков в усть-полуйской пряжке. Близость между усть-полуйской и уфимской поделками настолько велика, что приходится говорить не столько о влияниях, сколько о непосредственных связях с «уфимцами». Эта же аналогия позволяет датировать усть-полуйскую застежку временем, близким погребению № 13 Уфимского могильника, т. е. IV—III вв. до н. э.

Плоская литая прямоугольная бляха с изображением двух бобров, обращенных друг к другу спинами (табл. VI—*16*) [4]. Как и в других случаях, для изображений бобров характерны широкие хвосты; чешуйчатая кожа их передана решетчатой разделкой. В верхней части бляшки прорезано небольшое отверстие. По глазам и другим деталям изображения, сделанным углубленными линиями, можно судить, что отливка произведена по модели. Оборотная сторона шероховатая и слегка вогнута. Сколько-нибудь близких аналогий за пределами Усть-Полуя пока неизвестно.

Полая фигурка человека, позой и обликом напоминающая каменную бабу (табл. VI—*4*) [5]. Руки опущены и сближены в области таза, где касаются пальцами о-образного изображения, быть может сосуда. Лицо фигурки широкое, с выраженной скуластостью. Глаза несколько раскосые, нос большой, прямой, заметно выступающий. Складка от носа к углам рта резкая. На груди елочкой показаны ребра. По бокам фигурки — следы литейного шва, а на голове, особенно со стороны затылка,— остатки литника, который был надрублен и отломан. В описи указано, что внутри фигурки были заметны «следы деревянной втулки».

Описанная поделка пока как будто уникальна. Единственно, с чем ее можно формально сопоставить, это изображение человека на фоне двух профильных фигур птиц из Ишимской коллекции [1]. Впрочем, сходство это отдаленное и ограничивается лишь столбообразностью фигурки человека. Пропорции головы и туловища, тип лица, положение рук уже отличны, и делать какие-либо заключения по этой аналогии трудно.

Изображение антропоморфизированного фантастического животного с человеческой личиной на груди (табл. VI—*7*) [2]. Животное изображено стоящим на задних ногах. Выполненная рельефом морда, напоминающая морду оленя или горного барана (на рисунке видна в фас), увенчана рогами в виде головок хищных птиц или грифонов с глазами, обозначенными кольцеобразными углублениями. Углубленными же линиями, свидетельствующими об отливке по модели, выполнена личина на груди животного и выделены копыта на передних ногах. Личина в общих чертах антропоморфна, но большая пасть делает ее похожей на морду медведя. Довольно небрежное выполнение поделки и сильная патинированность значительно затрудняют понимание изображения. Сколько-нибудь близкой аналогии среди поделок из бронзы мне неизвестно. Некоторую, хотя и далеко не полную аналогию изображенному существу можно видеть в одной из фигур, выцарапанных на бронзовом зеркале из Ханты-Мансийского округа (табл. XIII—*1*). Однако изображенное там существо почти с уверенностью можно понимать как лося, стоящего на задних

[1] Хранится в ГИМ. См. С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXI, рис. 6. В отличие от усть-полуйской очень массивная.

[2] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. VI, рис. 14.

[3] Там же, табл. XXXII, рис. 5.

[4] МАЭ, № 5455—4685. Усть-Полуй, квадрат 99.

[5] МАЭ, № 5331. Усть-Полуй, квадрат 22.

[1] А. Ермолаев. Ишимская коллекция. «Описание коллекций Красноярского музея». Красноярск, 1914, табл. VI, рис. 1.

[2] МАЭ, № 5331—483. Усть-Полуй, квадрат 17а.

ногах и имеющего небольшую человеческую фигуру на груди.

Изображение антропоморфизированного зверя — возможно медведя, стоящего на задних лапах (табл. VI—*6*) [1]. Морда с широкой пастью и длинным носом. На голове звериные уши. По форме пасти и носа морда почти в точности соответствует личине, изображенной на табл. VI—*5*. Литье плоского типа с формовкой без модели. Поделка грубая, с шероховатой неотделанной поверхностью. На голове следы отломленного литника.

Литое изображение антропоморфного существа с непропорционально большой головой и маленькими конечностями (табл. VI—*5*) [2]. Фигурка увенчана головой животного, напоминающей голову непонятного существа рисунка *6* и, пожалуй, голову лося из упоминавшейся выше гравировки на зеркале из Ханты-Мансийского округа. В фигурке обращает на себя внимание одна подробность — деталировка конечностей сделана не на той стороне, где находится лицо, а на оборотной, т. е. таким образом, что лицо обращено как бы назад. При этом лицевая сторона изображения отформована, по всей видимости, по модели, а конечности — непосредственно в форме, т. е. по приему «плоского литья». С оборотной стороны против лица фигурки имеется небольшой выступ, как бы неудавшаяся петелька.

Антропоморфная фигурка, несколько напоминающая предыдущую, с такой же несоразмерно большой головой и разделкой деталей конечностей на стороне, противоположной лицу (табл. VI—*8*) [3]. Моделировка лица данной фигурки очень тщательная, что редко встречается в антропоморфных изображениях. В этом отношении ее можно сопоставить лишь с приведенной выше полой фигуркой (табл. VI—*4*) и изображениями из потчевашского кургана № 15 и из Гляденова [4]. Следует подчеркнуть, что оба последних изображения также диспропорциональны в отношении размеров головы и туловища. Добавлю, что обе фигурки — потчевашская и гляденовская — в композиционном отношении могут быть сопоставлены с изображением совершенно подобной им антропоморфной фигуры, вырезанной на костяной пластине, найденной также в Усть-Полуе. Следует еще заметить, что реалистически выполненные фигурки дают два четко различных типа лица. Тогда как полая фигурка (VI—*4*) явно монголоидна, лица у изображений усть-полуйского (VI—*8*); потчевашского и гляденовского, определенно европеоидны.

[1] МАЭ, № 5455—3824. Усть-Полуй, квадрат 72.
[2] МАЭ, № 5455—4807. Усть-Полуй, подъемная.
[3] МАЭ, № 5455—3823. Усть-Полуй, квадрат 72.
[4] A. Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentale. Helsingfors, 1894, табл. III, рис. 2; Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костище Пермской губернии на р. Каме. «Труды Пермской ученой архивной комиссии», т. XI. Пермь, 1914; табл. II, рис. 22.

Возвращаясь к анализируемой фигурке, следует отметить полосу из вертикальных рубчиков на голове. Изображает она волосы или головной убор — не ясно, но ее можно сопоставить с аналогичными деталями на ряде антропоморфных изображений, как, например, на головке из Ишимского клада [1] и на многих древовидных идолах. Наибольшее же сходство, если не тождественность, можно указать в фигурке с такой же громадной головой, хранящейся в Свердловском музее, но, к сожалению, неизвестного происхождения. А. Шмидт, на основании стилистических особенностей и техники изготовления, относит ее к «зауральской» группе, совместно с фигурами птиц, найденными на Караульной горе, сапоговскими фигурками и «древовидными идолами» [2].

Литое изображение зверька (выдры) длиной около 3 см (табл. VI—*9*) [3]. Литье «плоского» типа; изображение — небрежное. Поверхность шероховатая, без дальнейшей обработки. На голове следы отломленного литника.

Фрагмент поддона бронзового котла (табл. VII — *1, 2, 3*) [4], с утолщением по краю. Толщина стенок не превышает 1,5—2 мм. Из этого же квадрата имеется фрагмент стенки, видимо, от того же котла. Внутренняя сторона фрагмента довольно гладкая, наружная шероховатая.

Кроме перечисленных предметов, в Усть-Полуе собрано некоторое количество мелких фрагментов различных поделок, в большинстве случаев довольно бесформенных, и

[1] А. Ермолаев. Ук. соч., табл. VI, рис. 7.
[2] A. V. Schmidt. Einige Motive..., стр. 8, рис. 21.
[3] МАЭ, № 5455—3508. Усть-Полуй, квадрат 136.
[4] МАЭ, № 5455. Усть-Полуй, квадрат 138.

одна небольшая чушка из бронзы состава: медь 83,27, олово 10,87, свинец 4,28, железо 0,41 (табл. VII—*4*) [1].

Среди вещей как подъемных, так и найденных при раскопках можно отметить также группу очень интересных поделок,

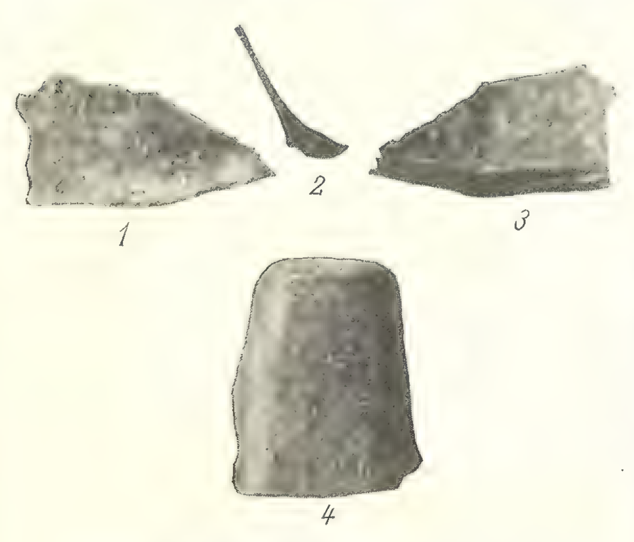


Табл. VII. Фрагмент поддона бронзового котла (*1*—*3*) и бронзовая чушка (*4*)

1 — вид снаружи; *2* — Уменьшено, профиль; *3* — вид изнутри

вырезанных из глинистого сланца и представляющих собой барельефные изображения антропоморфных и зооморфных существ и орнаментальные мотивы. Зачастую на разных сторонах одного кусочка сланца оказываются вырезанными различные сюжеты, как это нередко случается на каменных формах. Подобные предметы встречаются как будто впервые, однако назначение их достаточно ясно. Едва ли можно сомневаться, что они представляют собой модели для изготовления по ним, вероятно, глиняных форм. К сожалению, почти все эти модели сохранились лишь фрагментарно, что сильно затрудняет понимание сюжетов. Из наиболее полно сохранившихся можно привести следующие.

Фрагмент модели, вырезанной из мягкого сланца (табл. VIII—*1* и *1а*) [2]. Изображает человеческую (мужскую) фигуру с широким лицом и коротким широким носом, держащую в правой руке за шиворот животное, напоминающее щенка. Четыре или пять голов подобных же животных окружают плечи и голову человека. Левая рука и нога его отбиты.

Фрагмент модели, изображающей фигуры трех человечков (табл. VIII—*5*). Последние очень схематичны и близко напоминают изображения на хвосте хищной птицы, расположенной над медведем (табл. VI—*14*) [1]. Рядом заметны следы какого-то другого изображения.

Модель, вырезанная на пластинке глинистого сланца, изображающая три столбообразные человеческие фигурки (табл. VIII—*4*). Общими очертаниями, позой и положением рук они напоминают бронзовую фигурку (табл. VI — *4*), однако выполнены довольно схематично.

Аналогичная модель изображает три человеческие фигуры (табл. VIII — *3*). Общими очертаниями они также несколько похожи на упоминавшуюся бронзовую фигурку. Моделировка лиц несравненно тщательнее, чем у предыдущих фигурок; пропорции их совершенно иные. Фигурки имеют большие головы, чем сближаются с изображением человека на птице из ишимской коллекции [2]. На головах изображены уборы или волосы, отчего очертания лба получаются приостренными.

Сланцевая модель, изображающая стоящих в ряд семь человеческих фигурок (табл. VIII—*16*), по позе несколько напоминающих описанную выше полую фигурку (табл. VI—*4*), но выполненные схематичнее. Отыскать этот предмет в коллекции не удалось (воспроизводится по фотографии).

Сланцевая моделька, изображающая стоящую человеческую (мужскую?) фигурку (табл. VIII—*2*) [3]. Работа очень тщательная; черты лица хотя и широкого, но по типу явно европеоидного, вырезаны с большой подробностью. Волосы прямые и длинные, спускаются до плеч. Руки опущены вниз и несколько повернуты наружу. На ногах штрихами показаны колени. Ступни вырезаны довольно детально.

---

[1] МАЭ, № 5455—4813, подъемная.

[2] МАЭ, № 5455—4798/12. Усть-Полуй, квадрат 99

[1] Коллекционные номера и условия местонахождения этого и последующих трех предметов одинаковы с предыдущим.

[2] А. Ермолаев. Ук. соч., табл. VI, рис. 1.

[3] МАЭ, № 5455—4839/19. Усть-Полуй, подъемный.

Фрагмент пластинки из глинистого сланца, с вырезанными на ней моделями. С одной стороны изображение мужского антропоморфного существа, имеющего на плечах две добавочные звериные (медвежьи?) головы (табл. VIII — *8*). Туловище и конечности, столбообразные и массивные, намечены лишь в общих чертах и могут быть сочтены принадлежащими в равной степени как человеку, так и медведю. Сюжет несколько напоминает модель, изображенную на табл. VIII — *1*.

Характерной чертой антропоморфных и антропозооморфных изображений (во всех тех случаях, когда можно разобрать детали) является трехпалость конечностей. Эту деталь легко проследить на нескольких фигурках из Усть-Полуя (табл. VI — *1, 2, 4, 5*; VIII — *1, 2, 8*), на большинстве гляденовских и некоторых подчеремских изображениях. Несомненно, что трехпалость, отмеченная еще в работах Спицына и Городцова, явление не случайное и, видимо, связанное с какими-то религиозными представлениями.

На другой стороне этой же сланцевой пластинки сохранился фрагмент модели отливки прямоугольной бляхи со шнуровидным кантом (табл. VIII — *10*). Фигуры почти полностью скололись, и можно лишь сказать, что на пластинке были изображены какие-то змееобразные существа.

Фрагмент модели, вырезанной на пластинке из глинистого сланца (табл. VIII — *12*). Частично сохранилось изображение зооморфного существа, напоминающего ящерицу или тритона, с длинным туловищем, короткими лапами и гребнем на спине. На боках «тритона» по два ряда точек с полоской между ними.

Фрагментированная модель, вырезанная из пластинки глинистого сланца [1]. На одной стороне изображена птица (табл. VIII — *9*), по позе несколько напоминающая представленную на табл. VI — *10* и почти точно соответствующая фигуре птицы из Истяцкого клада (табл. XXII — *6*). На другой стороне пластинки — два бобра, рядом с которыми заметны контуры третьего, по какой-то причине уничтоженного мастером.

Фрагмент модели, изображающей двух животных (лосей или оленей?), стоящих на задних ногах спиной друг к другу (табл. VIII — *6*). Работа очень тщательная, и изображения реалистичны. По рельефному бортику можно судить, что модель предназначалась для отливки прямоугольной бляшки.

Фрагментированная пластинка сланца с вырезанными на обеих сторонах моделями. Одна из них предназначалась для изготовления прямоугольной бляшки, украшенной вытянутым спиральным меандром очень тщательной работы (табл. VIII — *13*). Другая была лишь начата и то довольно небрежно. Она представляет собой также прямоугольную бляшку, рассеченную желобками на небольшие квадратики (табл. VIII—*15*). Первая модель очень интересна, поскольку спиральный меандр почти не встречается в орнаментике усть-полуйского времени. Известен всего лишь один пример (и то далеко не столь хороший) по узору на костяной пластинке, происходящей также из Усть-Полуя.

Кусок глинистого сланца с вырезанными на всех его сторонах моделями [1]. На одной стороне модель бляшки или подвески, узор которой состоит из трех рассеченных на прямоугольнички лент, оканчивающихся кружками с выпуклыми кантами. Другие концы лент упираются в горизонтальную полосу, состоящую из двойного ряда кружков, с рубчатой полоской между ними (табл. VIII — *11*). Эта часть узора почти точно соответствует узору на фрагменте бронзового украшения (табл. IV — *5*). На оборотной стороне куска сланца намечено изображение птицы (совы?), общим очертанием похожее на изображенное на табл. VIII — *9*. На боковых сторонах имеется изображение бобра и птицы (кедровки?) с головой, повернутой в профиль и держащей в клюве круглый предмет.

Два фрагмента моделей для отливки колец или, может быть, бляшек с кольцеобразными валиками (табл. VIII — *14*).

Описанные модели служат хорошим дополнением к бронзовым фигурным поделкам, найденным в Устье-Полуе, и представляют большой интерес для изучения технологии литейного дела. Такие модели стали впервые известны лишь по находке их в Усть-Полуе, но М. П. Грязнов уже на основании характера орнаментации кельтов

---

[1] МАЭ, № 5455—4798. Усть-Полуй, квадрат 99. Коллекционные номера и условия местонахождения последующих трех предметов те же.

[1] МАЭ, № 5455—4839/19. Усть-Полуй, подъемный

Табл. VIII. Литейные модели из глинистого сланца
1—несколько увеличено, остальные в. н.

пришел к выводу о переходе к литью по моделям, что, по его мнению, приходится на промежуток между VII—III вв. до н. э.[1]; к этому времени относятся минусинские кельты третьей и четвертой групп.

Литье по моделям, изготовлявшимся из мягкого, легко поддающегося обработке материала, открывало широкие возможности для развития фигурного и художественного литья. Возможно, что этим обстоятельством и объясняется появление столь большого количества бронзовых фигурок и поделок с высоким рельефом и сложной деталировкой, которые распространяются в усть-полуйское время, постепенно вытесняя технику «плоского» литья, применявшуюся уже главным образом для культовых и вотивных поделок.

По всей вероятности, формовка с моделей в большинстве случаев производилась в глине. На это, во всяком случае, указывают рельефные неровные линии, получившиеся на крупных отливках от трещин на глиняных формах (фигуры волков из Истяцкого клада). Лишь тогда, когда требовалась массовая отливка, делалась более сложная в изготовлении, но во много раз и более прочная каменная или медная форма. Образец последней, предназначенной для отливки стрел, мы приводили выше. Однако новый технологический прием в Усть-Полуе еще не вытеснил окончательно старого способа. Этим способом (в каменных формах) отлиты катра-вожский кельт и все кельты тобольского типа, не говоря уже о более ранних, о чем можно судить по орнаменту, выполненному тонкими рельефными линиями.

В некоторых случаях можно наблюдать и сочетание обоих способов. Так, описанная выше фигурка «орла на звере» выполнена по модели; вся деталировка сделана углубленными линиями, и только фигурки человечков, изображенные тонкими рельефными штрихами, должны были быть вырезаны дополнительно уже на готовой форме. Комбинированным способом изготовлены и антропоморфные фигурки (табл. VI—*5*, *8*). Находки моделей, литейного брака, медной формы и обломков тиглей не оставляют сомнений в том, что по крайней мере часть металлургических процессов производилась здесь же на городище. Об этом же свидетельствуют стратиграфические данные.

В раскопе II Усть-Полуя, в районе квадратов 20—24 было обнаружено углубление, заполненное культурным слоем с примесью угля, а также зольные линзы, участки пережженной земли и большое количество прокаленных и растрескавшихся от огня камней. Здесь же среди прочих находок обнаружена медная форма для отливки наконечников стрел и медная же «шишка» (т. е. вкладыш для получения полости во втулке), пачка листовой меди и около десятка медных и бронзовых поделок, в большинстве случаев не имевших следов дальнейшего употребления.

В этих же квадратах и в прилегавшей к квадратам 23, 23А яме для выемки песка встречено большое количество фрагментов литейных моделек из глинистого сланца и обломки оплавившихся глиняных тиглей. Аналогичная же картина была вскрыта и в квадратах 94—100, где обнаружена едва ли не основная часть бронзовых поделок, а в одном лишь квадрате 99 — двенадцать литейных моделек. Тигли, как можно судить по фрагментам, были круглые и овальные. Круглые имели плоское дно и невысокие стенки (табл. IX — *1*); овальные были до 4 см глубиной и с уплощенным дном. К сожалению, мы не имеем пока никаких данных о добыче и первичной обработке медной руды. Судя по обилию металла у усть-полуйцев, надо думать, что они добывали медь сами, пользуясь местными рудами. В этом отношении некоторый интерес имеет указание И. В. Малахова, относящееся уже к историческому времени.

«Около реки Медной в Тобольской губернии,— пишет И. В. Малахов,— в местах кочевья дикарей, по свидетельству очевидцев, залегают богатейшие медные руды с значительным залеганием самородного металла; сюда, по мере надобности, являются дикари и извлекают преимущественно самородную медь в местах выхода руду содержащих пород, прибегая иногда к прокаливанию породы в небольших кучах, ради приведения металла в жидкий расплавленный вид и очистки его от горной породы. Формы для отливки идолов... приготовляются самими дикарями из песку и камня»[1].

[1] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. «Сборник Гос. Эрмитажа», 1947, стр. 264, 254.

[1] И. В. Малахов. Посмертные записки (1875—1885). ЗУОЛЕ, 2-я серия, т. XXVII, стр. 20.

Еще менее ясен вопрос о добыче олова. А. А. Иессен, А. В. Шмидт и В. В. Данилевский, изучая данные о содержании олова в древних поделках Сев. Урала и Зауралья, склонны были допускать возможность местной добычи[1]. Однако конкретных указаний на наличие здесь месторождений и тем более на их разработку в прошлом мы не имеем. Скорее следует допустить привоз олова и оловянной бронзы с юга, вероятнее всего из Калба-Нарымского района, в верховьях Иртыша, где разработки меди и олова, согласно данным С. С. Черникова, существовали уже с эпохи бронзы. Однако Черников высказывает сомнение в возможности выплавки в древности чистого олова в сколько-нибудь заметных размерах[1], тогда как в Нижнем Приобье в усть-полуйское время мы обнаруживаем различные и, видимо, не случайные категории сплавов.

Табл. IX. Находки с разных памятников, относящихся к усть-полуйской культуре

1 — глиняный тигель из Усть-Полуя; *2* — бронзовый трехлопастный наконечник стрелы из стоянки Зеленая Горка; *3* — бронзовая личина с поселения Макар-Висынг-Тур; *4* — изображение головы быка; *5* — бронзовая фигурка хищной птицы с городища на Соровом мысу; *6* — конус из Няксимвольского городища; *7*—миниатюрный бронзовый котел с городища Макар-Висынг-Тур (?) Рис. *7*—$^1/_3$, остальные $^2/_3$ н. в.

Во всяком случае, от сплавов почти чисто медных, с незначительной, возможно непред-

[1] А. В. Шмидт, А. А. Иессен. Олово на севере Европейской части СССР. «Изв. ГАИМК», вып. 110, М.—Л., 1935, стр. 215; В. В. Данилевский. Там же, стр. 235.

[1] С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 54.

намеренной, примесью олова, следует отличать бронзу с содержанием 6—10% олова (кельт, рукоятка кинжала) или свинца (миниатюрный клевец) и так называемую «белую бронзу», содержащую олова до 20% (бляшка с изображением медведей, эполетообразная застежка). При этом можно сказать с уверенностью, что белая бронза применялась почти исключительно для украшений и части культовых поделок. Все это приводит нас к выводу, что уже незадолго до рубежа нашей эры в распоряжении древних металлургов появилось олово не только в готовых сплавах, но и в свободном виде. Если принять точку зрения С. С. Черникова и отклонить Калба-Нарымский район, как возможный источник, остается в настоящее время неясным, откуда оно могло поступать. Напрашивается лишь мысль — сопоставить наличие олова в Нижнем Приобье в конце I тысячелетия до н. э. с появлением там в это же время некоторых китайских форм в материальной культуре и орнаментике, о чем я имел возможность уже говорить [1]. Насколько это предположение окажется правильным, покажут дальнейшие исследования. Свинец, который в замену олова встречается в бронзах Усть-Полуя, мог быть, пожалуй, и местного северного происхождения.

* * *

Закончив описание материалов, происходящих из Усть-Полуя, добавим сведения, имеющиеся в нашем распоряжении по памятникам, которые на основании находок, и в первую очередь керамики, следует относить к усть-полуйской культуре. Как предварительно установлено В. И. Мошинской, территория распространения усть-полуйской культуры может быть определена бассейном нижнего течения Оби, примерно от устья Иртыша до Салехарда или немного ниже. К сожалению, с этой огромной, протяжением свыше тысячи километров территории, мы располагаем главным образом лишь разведочными данными. Сколько-нибудь изученных памятников мало, и материал с них незначителен. Тем не менее он представляет большой интерес, показывая полное единообразие с Усть-Полуем.

[1] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, XVI, стр. 78.

СТОЯНКА ЗЕЛЕНАЯ ГОРКА

Самым ближним пунктом, давшим металлические вещи усть-полуйского времени, является мысок Зеленая Горка, расположенный в 1,5 км от городища Усть-Полуй. Здесь нами обнаружена стоянка зеленогорского времени (VII—V вв. до н. э.; культура, предшествующая сложению усть-полуйской), перекрытая остатками поселения конца I — начала II тысячелетия н. э. Между двумя основными слоями обнаружен небольшой участок третьего слоя, сохранившегося непотревоженным при сооружении землянки позднего поселения [1]. В этом слое, имевшем сильно золистый характер, вместе с фрагментами керамики (вторая усть-полуйская группа), из которых был собран сосуд на поддоне, обнаружен бронзовый трехлопастный наконечник стрелы.

Наконечник (табл. IX — *2*) довольно массивный, длиной 4,5 см, со слегка выгнутыми гранями и скрытой втулкой. По форме и размерам он может быть отнесен к ключевскому типу, но несколько отличается от него большей массивностью. Находка эта интересна тем, что наконечник лесостепного или, по крайней мере, южнолесного типа встречен так далеко на севере. По соседству обнаружен еще один металлический, отлитый из белой бронзы предмет в виде круглого брусочка, на одном конце которого намечено изображение головы какого-то животного [2]. Может быть, что он также относится к усть-полуйскому слою, однако, учитывая некоторую стратиграфическую неясность и малую выразительность поделки, следует пока воздержаться от более определенных высказываний.

ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА СЕВЕРНОЙ СОСВЫ

Ряд памятников усть-полуйской культуры известен по бассейну р. Сев. Сосвы. Для нас наибольший интерес представляют следующие из них: 1) городище Сортынья II (верхний его слой), расположенное на мысу высокого левого берега р. Сосвы; 2) поселение на берегу озера Макар-Висынг-Тур, в среднем течении р. Ляпин, километрах в двух от с. Саранпауль; 3) Няксимвольское городище в верховьях Сев. Сосвы; 4) горо-

[1] В. Н. Чернецов. Зеленая Горка близ Салехарда. КСИИМК, XXV, стр. 69.
[2] Там же, рис. 24—*11*.

дище на Соровом мысу в низовье той же реки, близ г. Березова.

Из городища Сортынья II, относящегося по своей керамике ко второму периоду усть-полуйской культуры, поделок из металла нет, но большой интерес представляют обнаруженные там многочисленные тигли со следами плавки меди или бронзы. Тигли довольно крупных размеров — до 10—12 см длиной и глубиной до 3,5—4 см, овальной формы, с носиком на одном из концов. Количество и размеры их, несомненно, свидетельствуют о том, что плавка металла производилась в довольно значительном объеме. Отметим, что в верховьях Сосвы известны и довольно богатые месторождения меди.

На поселении Макар-Висынг-Тур, относящемся, по данным В. И. Мошинской, также ко второму периоду усть-полуйской культуры, кроме фрагментов аналогичных тиглей, найдены следующие предметы.

Бронзовая, слегка вогнутой формы, удлиненная пластинка, изображающая лицо человека. Глаза, брови, рот и складки, идущие от основания носа, переданы широкими, несколько углубленными линиями. Нос прямой, очень длинный, занимает половину лица; моделирован он в виде слабо выступающей грани. Оборотная сторона пластинки несколько сглажена, но повторяет общий рельеф (табл. IX — *3*).

Более или менее схожие изображения человеческого лица известны из памятников Приобья. Среди кулайских находок есть три подобных изображения [1]: два из них с плоско срезанной головой и одно — с заостренной. Две личины с такими же различиями находятся в Ишимской коллекции [2] и одна, очень похожая на кулайские и также плоского литья, обнаружена в нижнем слое Басандайского городища близ Томска [3]. Две личины находились в Ханты-Мансийском музее; одна из них несколько напоминает ишимские, другая — одну из кулайских, но отличается более тщательной моделировкой. Наконец, на городище близ с. Леуши на р. Конде найдена личина удлиненно-овальной формы, относящаяся ко времени не ранее третьего периода Усть-Полуя. Этой несколько более поздней дате соответствует и своеобразный орнаментальный бордюр, не встречающийся на перечисленных выше изображениях. Известны и другие случаи находок почти все без исключения с территории Сев.-Зап. Сибири, которых мы не будем касаться. Обнаруженные вне комплексов, они не могут служить основанием для датировок.

Другой предмет, найденный на городище Макар-Висынг-Тур, представляет собой бронзовое, плоского литья изображение головы лося (?). Поделка, как и все подобного типа, очень грубая и насколько известно, аналогий не имеет (табл. IX — *4*) [1]. По словам жителей с. Саранпауль, на городище при распашке найден также небольшой сосуд «вроде медной лампады». По всей вероятности, речь идет о небольшом котле на поддоне.

В конце 1930-х годов в Тобольский музей поступил миниатюрный бронзовый сосуд на поддоне (табл. IX — *7*). К сожалению, в книге поступлений не указано место находки, но есть все основания полагать в нем находку на городище Макар-Висынг-Тур. Высота котла 7,5 см; диаметр по краю 6 см, по краю поддона — 3 см. Стенки прямые. С одной стороны заметно основание неудавшейся при отливке ручки. Украшен имитацией шнура. Отформован в глине по модели, состоявшей из двух шишек, скрепленных штифтом. При формовке шишки посажены на штифт несколько неправильно. Форма при сушке немного потрескалась.

Из Няксимвольского городища известно бронзовое кольцо, найденное местным краеведом А. Трапезниковым и переданное вместе с другими сборами в Свердловский музей. Кольцо это (табл. IV — *9*), известное мне по зарисовке А. В. Збруевой, имеет несомненное сходство с усть-полуйским и с кольцом с Потчевашского мыса. Оттуда же происходит сланцевая модель для отливки конической бляшки (табл. IX — *6*) и обломок массивной ручки от медного котла.

С городища на Соровом мысу имеется лишь один предмет, относящийся к

---

[1] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. 2, Томск, 1929, табл. II, рис. 18; табл. III, рис. 5, 6.

[2] А. Ермолаев. Ишимская коллекция. «Описание коллекций Красноярского музея». Красноярск, 1914, табл. V, рис. 6; табл. VI, рис. 7.

[3] К. Э. Гриневич. Археологические исследования урочища Басандайка. Сборник Томского ун-та «Басандайка». Томск, 1947, стр. 13, табл. 10, рис. 5.

[1] Сборы А. Ф. Палашенкова. Омский музей, № 1714—2.

усть-полуйскому времени. Это — небольшая бронзовая фигурка хищной птицы (табл. IX — *5*), по позе и выполнению несколько напоминающая усть-полуйскую (табл. VI—*11*). Как и все изображения этого времени, относящиеся к птицам, она сделана реалистично, без каких-либо орнаментальных деталей. Оборотная сторона гладкая, без петелек [1].

В 1930-х годах в Ханты-Мансийский музей (б. Остяко-Вогульский) поступили предметы, происходившие главным образом с рек Казыма и Ляпина. Среди них были две секиры, три миниатюрных клевца и группа бронзовых блях и зеркал с гравированными на них изображениями (табл. XIII, XIV). Одна из секир литая, из светлозолотистой бронзы (табл. X — *1*). Длина 22,5 см, толщина в средней части, где находится прямоугольного сечения втулка, около 2,5 см. Лезвие тонкое, плавно расширяющееся к краю. Обушок длинный, полого литья, украшен на конце головой орла. Секира поражает изяществом и высокой художественностью работы. Другое орудие биметаллическое (табл. X — *2*), по размерам, вероятно, не уступало секире, поскольку длина уцелевшей части — втулки и обушка — достигает 13 см. Лезвие было железное, довольно плоское в сечении. Оно проходило через втулку и закреплялось в обушке, где еще сохранились его следы. Втулка орудия круглая, увенчана головой орла. Головой зверя, сильно стилизованной, украшен и конец обушка. Миниатюрные клевцы отлиты из меди (табл. X—*3*—*5*), причем два из них сделаны довольно небрежно. По раздвоению на обушке (X—*3*) можно судить, что здесь имелось в виду схематически изобразить голову, вероятнее всего, зверя. Зато другой клевец (X—*5*) сделан вполне тщательно и столь же хорошо выполнено изображение зверя на его обушке.

Несмотря на то, что место происхождения этих предметов неизвестно, их с достаточной уверенностью можно отнести по времени к культуре Усть-Полуя. Это подтверждается тем, что найденный в самом Усть-Полуе клевец тождествен по форме и украшениям биметаллическому, а трактовка орлиных голов, украшающих оружие, до деталей совпадает с характером изображений голов, имеющихся в большом количестве в костяной усть-полуйской скульптуре, в чем можно убедиться, взглянув хотя бы на костяной поясной крючок [1]. Отнесение этих вещей к усть-полуйскому времени подтверждается также и наличием миниатюрных клевцов.

Насколько мне известно, ни секира, ни клевец не имеют полных аналогий среди материалов соседних культур. Для голов зверя на обушке клевца можно найти лишь некоторое стилистическое сходство в аналогичных изображениях на поясном крючке из городища Грохань [2] и на бляшке из Котловского могильника [3]. В расположении и характере голов, украшающих клевцы, несомненно, имеется и некоторое сходство с широко известными пинежскими топорами и секирой из Елабуги, что отмечает и А. В. Збруева.

За пределами очерченной территории распространения усть-полуйской культуры известны памятники и отдельные предметы, несомненно, находившиеся в какой-то связи с ней и на которые уже приходилось частично ссылаться при описании материала из Усть-Полуя.

Памятники эти расположены на юго-востоке выше по Оби, в районе Сургуто-Нарымской области по рекам Чулыму и Томи, и по Иртышу от Тобола до устья Тары в Омской области. Обнаружены они и на юго-западе — по течению Тавды и Лозьвы, а также в Приуралье до Гляденова Молотовской области. Только немногие из этих памятников и находок описаны и опубликованы; большинство же мало известно или неизвестно совсем.

МУРЛИНСКИЙ КЛАД

Несколько лет назад недалеко от устья р. Тары (Тарский р-н Омской области) колхозником Башировым были найдены бронзовые предметы, переданные им впоследствии в Тарский музей. Вещи, вымытые из берега р. Мурлинки (Мурлы), обнаружены несколь-

[1] Сборы А. Ф. Палашенкова. Омский музей, № 1715—2.

[1] В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя (в настоящем сборнике), табл. XI — *7*. Коллекция МАЭ, № 5331.

[2] А. В. Збруева. Городище Грохань. КСИИМК, XVI, рис. 21—*1*.

[3] Ф. Д. Нефедов. Журнал раскопок, произведенных летом 1894 г МАВГР, III, М., 1899, стр. 56, рис. 12.

ко ниже дороги из дер. Айткуловой в дер. Киркап, в километре от места впадения Мурлинки в Иртыш, с правого его берега. По сведениям, имеющимся в Омском музее, кинжала, который незадолго до того был похищен из музея, но на планшете, выгоревшем от солнца, сохранился его силует, дающий довольно точное представление о пред-

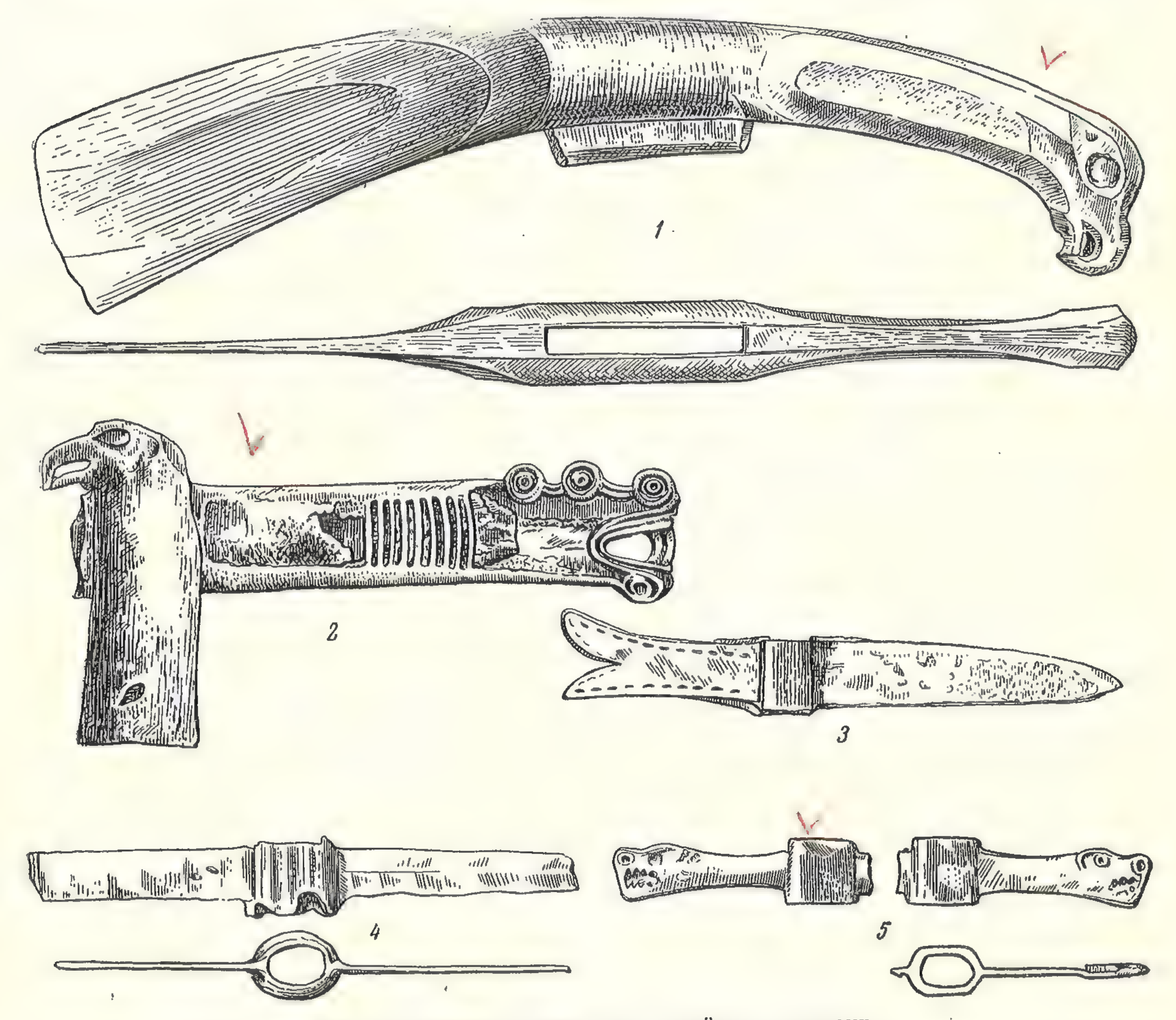


Табл. X. Клевцы и секиры усть-полуйского времени

1 — секира, литая из светлозолотистой бронзы; *2* — секира биметаллическая с железным лезвием; *3—5*—миниатюрные медные клевцы. Ок. $^2/_3$ н. в.

ниже места находки и метрах в трехстах от устья, на Мурлинке расположено городище, никем не обследованное.

Находка, которую мне довелось видеть в 1945 г. в Тарском краеведческом музее, состояла из более чем 30 бронзовых наконечников стрел, нескольких изображений птиц и зверей, небольшой фрагментированной застежки эполетообразного типа и бронзового мете. Как можно судить он был 23,5 см длины и имел навершие в виде овального брусочка и бабочкообразное перекрестье. Клинок, длиной 13 см, довольно круто суживался к острию. В общем мурлинский кинжал можно отнести к типу, имевшему широкое распространение в культурах Сибири и, в частности, в течение всего тагарского времени.

Наконечники стрел из мурлинской находки частью хранятся в Тарском, а частью в Омском музеях. Все виденные мною наконечники — кулайского типа, т. е. литые, трехлопастные, со скрытой втулкой и шипами, выступающими за ее край. Длина их 7—10 см. Характерной чертой являются скосы в передней части лопастей, образованные заточкой, и пояски из трех рельефных линий на втулках (табл. XI — *1—4*). Наличие поясков, не отмечаемых И. Я. Мягковым для Кулайки, сближает наконечники с усть-

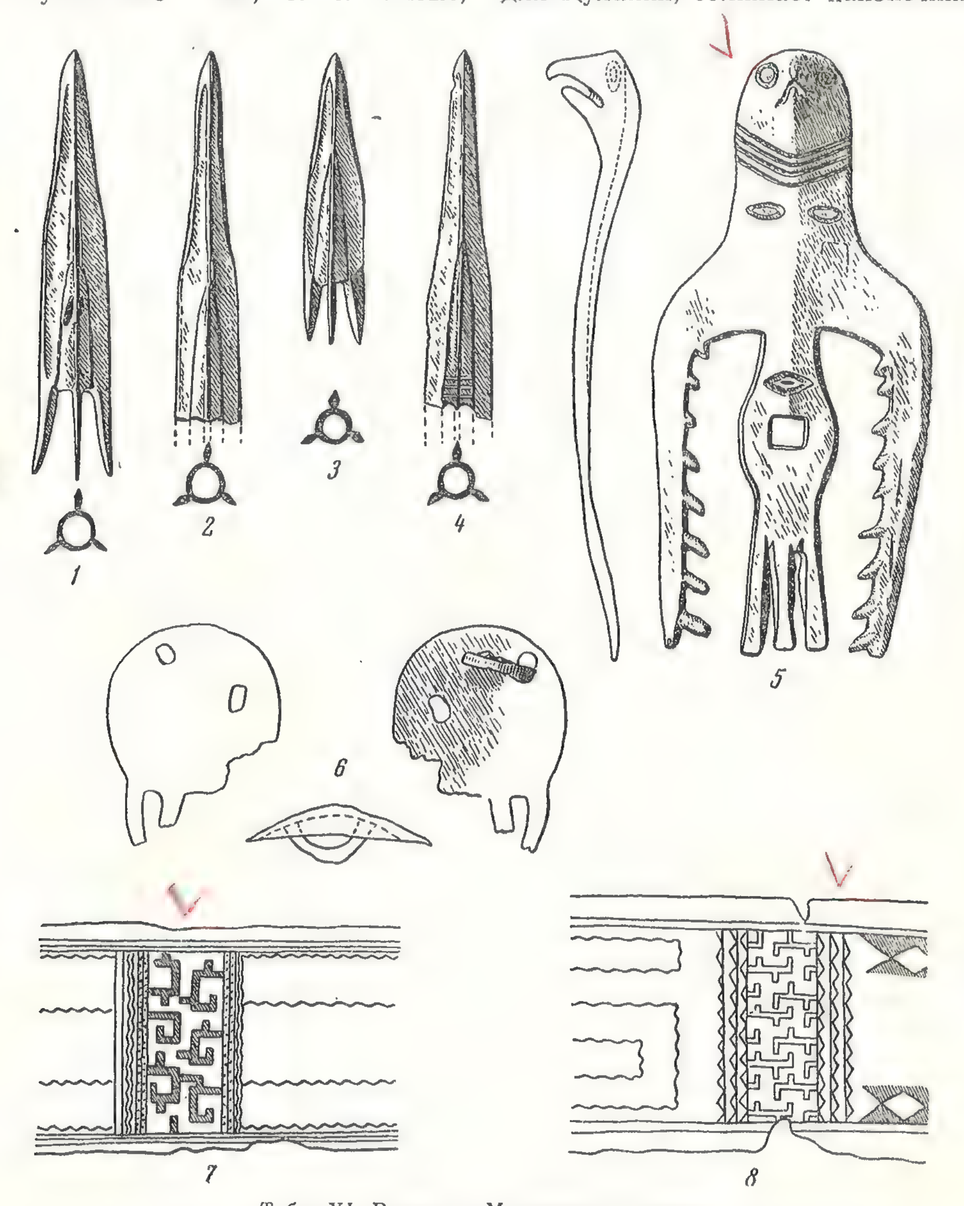


Табл. XI. Вещи из Мурлинского клада

1—4 — бронзовые наконечники стрел; *5* — фигурка птицы; *6* — эполетообразная застежка; *7, 8* — латунные пластинки с орнаментом (поясные накладки?) Ок. $^2/_3$ н. в.

полуйскими. Еще в большей степени связывает мурлинскую находку с Усть-Полуем орнамент, процарапанный на двух тонких латунных пластинках, видимо поясных на-

кладках (табл. XI — *7, 8*), тождественный узорам на костяных поделках из Усть-Полуя [1]. Среди антропоморфных и зооморфных изображений в составе мурлинской нарельефе. Характерным признаком являются узкие, длинные, опущенные вниз крылья, перья на которых трактованы косыми желобками. Туловище длинное, брускообраз-

Табл. XII. Вещи из Мурлинского клада

1, 2, 3 — фигурки птиц плоского литья; *4, 5* — зооморфные изображения; *6* — изображение антропоморфного существа. Ок. $^2/_3$ н. в.

ходки имеются две почти одинаковые фигурки птиц (табл. XII — *2, 3*). Они плоские, за исключением голов, которые исполнены в

[1] В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя (в настоящем сборнике), табл. XVII—*2*.

ное. Хвостовое оперение передано продольными и поперечными полосами. На груди каждой птицы дано изображение человеческой личины с длинным прямым носом. Глаза и рот сделаны в виде кольцеобразных канавок. Подобными же канавками переданы и

прочие детали. На спинке одной из фигурок — петелька. У другой на левом крыле просверлено небольшое отверстие.

По общей форме, очертанию и положению крыльев и по трактовке перьев на них мурлинские фигурки весьма похожи на изображения птиц, найденные на горе Караульной и в некоторых других местах Урала. Особенно близки мурлинским птички, приведенные у Д. Н. Анучина [1]. Однако мурлинские птицы несравненно более тщательно изготовлены, великолепно моделированы, и головы их даны вполне реалистично; фигурки же с Караульной поражают своей схематичностью. У некоторых из них трудно даже различать, в профиль или в фас поставлена голова. Однако это обстоятельство не может служить препятствием для сопоставления, поскольку тщательность и художественность изготовления мурлинских изображений и схематичность уральских определяются, полагаю, не стилистическими особенностями искусства древних уральцев, как думал А. В. Шмидт [2], а целью, с которой изготовлялись те или иные виды поделок. В частности, фигурки с горы Караульной принадлежат к типу «плоского литья», к которому по преимуществу относятся предметы культового и, вероятнее всего, магического значения. В противоположность этому рельефные поделки, такие как мурлинские птички, служили, очевидно, либо в качестве украшений, не лишенных некоторого религиозного смысла, либо если и являлись предметами культового порядка, то с иным назначением, чем изделия плоского литья.

Третья фигурка птицы (табл. XI — *5*), сходная по общим очертаниям, несколько отличается от предыдущих. Голова ее моделирована довольно тщательно и реалистично, но туловище и крылья выполнены очень схематично. Обращают внимание трехраздельность хвоста, обычно не встречающаяся у подобных изображений, и небольшое квадратное отверстие на туловище, служившее, видимо, для насаживания птицы на шест, как это можно наблюдать по этнографическим материалам у многих народностей Сибири и, в частности, у ненцев, селькупов и обских угров.

К первым двум изображениям (табл. XII—*2*, *3*) примыкает поделка, представляющая птицу, охватившую крыльями две человеческие фигуры (табл. XII—*1*). Стилистически птица совершенно не отличается от описанных выше. Однако место туловища у нее занимают человеческие фигурки. Последние несколько схематичнее, чем некоторые из усть-полуйских, и по манере изображения лица (длинный прямой нос) скорее приближаются к фигуркам на бляшках с личинами. Характерно, что на туловищах изображены ребра, показанные косыми штрихами, и внутренние органы, переданные обобщенно в виде ромба, от которого к горлу идет прямая линия. Такое изображение внутренностей не встречено пока в материале Усть-Полуя, за исключением гравированных рисунков (табл. VI—*1*); но оно распространено весьма широко на предметах, близких по времени, как, например, на антропоморфной фигуре с. р. Чая в Нарымском крае [1], изображениях из Ишимского клада и на гравировках того же и особенно более позднего времени [2]. Обычен этот прием и в современном изобразительном искусстве обских угров. Другой своеобразной деталью описываемой фигурки являются двойные полоски на шее, полностью соответствующие таким же полоскам на шеях птиц. Значение их пока не ясно.

Приведенное нами изображение имеет аналогии среди древностей Приобья и отчасти Зап. Приуралья. Композиционно с ним очень сходна пластинка из Нарымского края [3], но фигурки ее даны в совершенно особой, не известной пока по другим поделкам манере, и говорить об их синхронности трудно. Насколько можно судить по стилистическим особенностям, очень близка мурлинской была пластинка из кургана № 14 на Потчевашском мысу [4], которая в свою очередь имеет несомненное сходство с изображениями из Нарымского края (р. Чижапка) [5] и Ишимского клада [6]. Весьма вероятно, что

[1] Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований приуральской чуди. МАВГР, III, М., 1899, стр. 126—127, табл. I, рис. 2, 4, 5; В. Толмачев. Озера Большой и Малый Куяш. «Древности Восточного Урала». ЗУОЛЕ, вып. 1, Екатеринбург, 1912.

[2] A. V. Schmidt. Einige Motive..., стр. 16—17.

[1] И. М. Мягков. Ук. соч., табл. I, рис. 1.

[2] А. А. Спицын. Ук. соч. ЗРАО, VIII, 1906, рис. 7, 9, 11, 14 и др.

[3] Там же, рис. 227.

[4] В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш (в настоящем сборнике).

[5] И. М. Мягков. Ук. соч., табл. II, рис. 10.

[6] А. А. Спицын. Ук. соч. ЗРАО, VIII, 1906. Ср. изображения, приведенные на стр. 113 и 222.

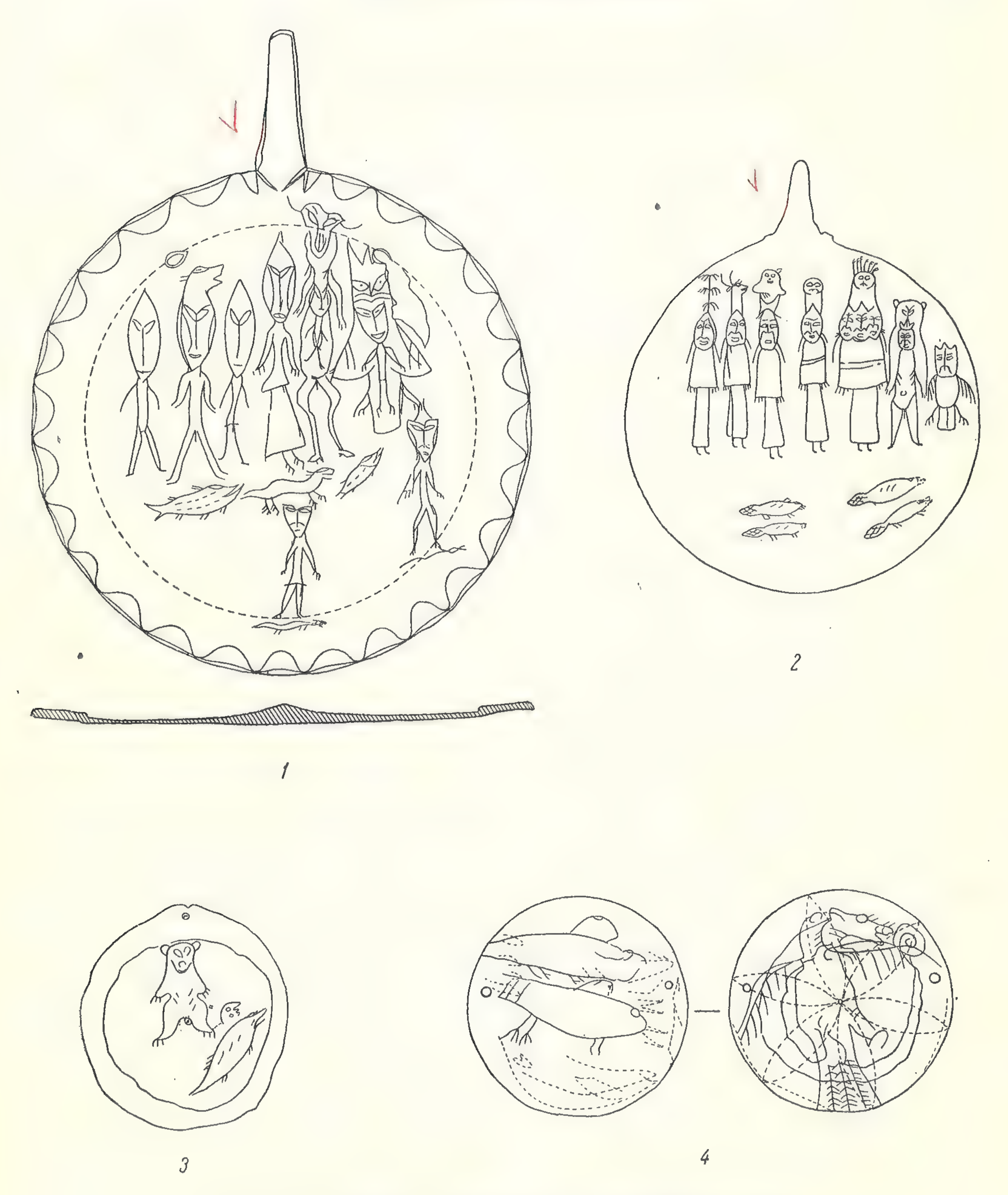


Табл. XIII. Гравировка на зеркалах из Ханты-Мансийского музея

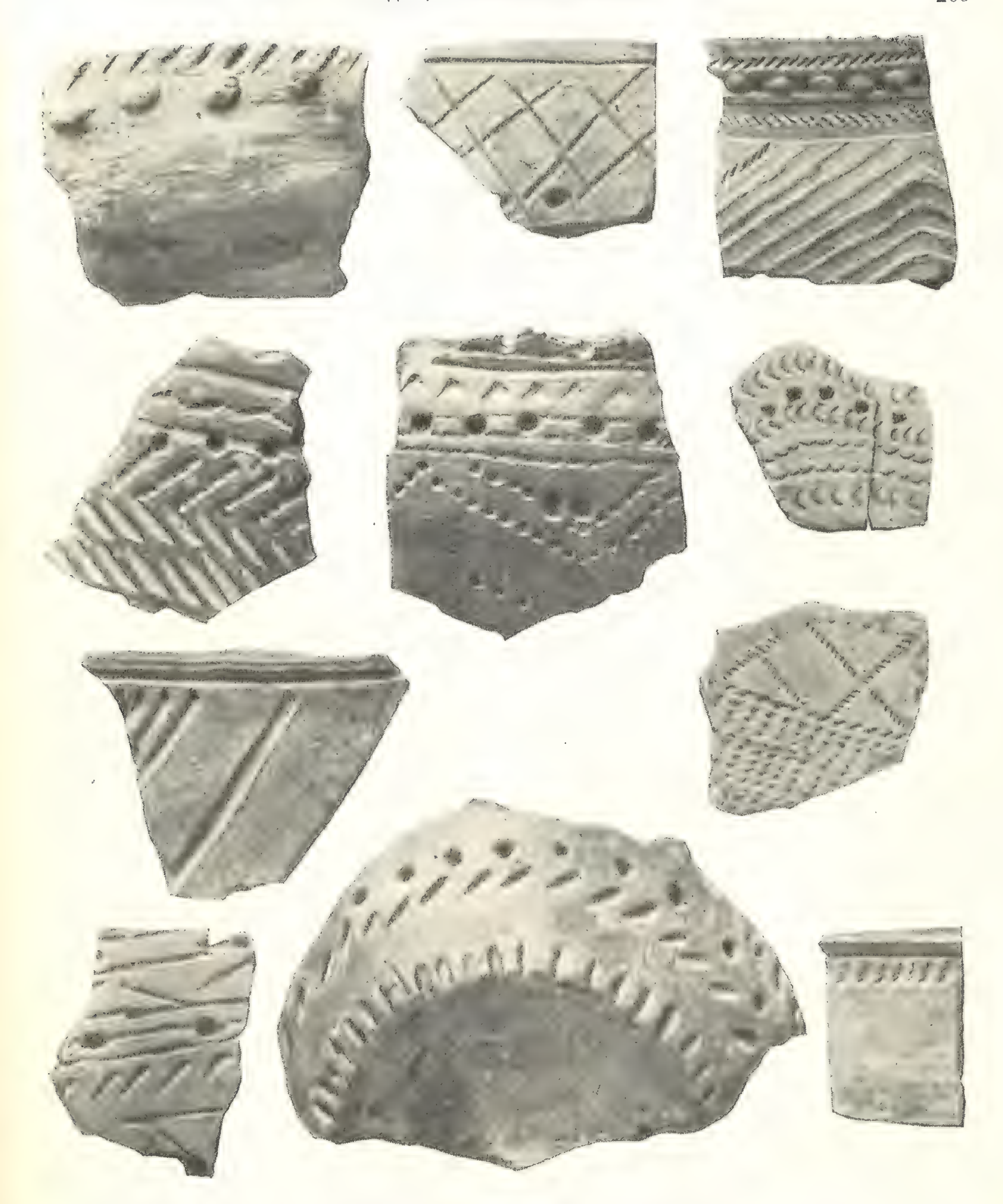


Табл. VIII. Керамика эпохи поздней бронзы из слоя, подстилающего городище Потчеваш

поселения. На первый взгляд кажется странным почти полное отсутствие орудий лова, если не считать небольших гарпунных стрелок, которые могли быть использованы при добыче крупной рыбы. Но если обратиться к этнографическому материалу, то мы увидим, что при массовом лове рыбы применяются главным образом запоры, это и объясняет отсутствие в материале орудий лова, вроде острог, крючков и т. п. Отсутствие грузил связано, вероятно, с тем, что вместо них применялись, как и в современности, просто необработанные камни, завернутые в бересту.

Есть основание полагать, что наряду с рыболовством одну из ведущих отраслей хозяйства представляла охота. Главным орудием ее были, видимо, лук и стрелы. О конструкции лука, к сожалению, ничего нельзя сказать, так как не сохранилось никаких его деталей. Известные наконечники стрел в подавляющем большинстве сделаны из кости (табл. X—*7*—*17*). Они принадлежат к типу черешковых, с пером, имеющим плоскоромбическое, треугольное или подтреугольное сечение. Полагаю, что более детальная их классификация едва ли целесообразна, поскольку форма наконечников в значительной степени случайна и предопределена тем, из какой части трубчатой кости сделан наконечник.

Кроме того, надо полагать, что имеющиеся в коллекциях экземпляры не отражают всей полноты материала. На это указывает полное отсутствие тупых наконечников, которые постоянно встречаются вместе с другими формами, хотя бы в небольшом количестве. Трудно предположить, что в Потчевашском поселении они полностью отсутствуют.

Особо следует отметить лишь наконечник игловидной формы (табл. X—*11*). Эта форма мало известна в археологии Зап. Сибири. Однако наконечник подобной формы, правда, значительно более тщательно выполненный, был найден при раскопках землянки на Ямале, на мысу Тиутей-Сале, относящейся к последним векам до нашей эры [1]. Игловидный наконечник близкой формы имеется также в материале из Оленеостровского (северного) могильника на Кольском полуострове [1]. Близкие как будто известны и в материалах протоэскимосских памятников.

Таким образом, мы видим, что в I тысячелетии до н. э. эта архаическая форма связывается как будто с наконечниками, распространенными на арктическом побережье, и представляет, видимо, пережиточную форму, может быть, восходящую к неолитическим костяным наконечникам шигирского типа.

Следует отметить, что М. С. Знаменским найден на городище и небольшой бронзовый наконечник стрелы, трехлопастный, с выступающей втулкой типа, хорошо известного в степях юга России и Приуралья. Едва ли, однако, он применялся при охоте. Думаю, что больше оснований относить его к боевым.

Наряду с охотой и рыболовством в хозяйстве обитателей Потчевашского поселения известную роль играло и земледелие. При раскопках потчевашских курганов А. И. Дмитриевым-Мамоновым обнаружено большое количество обуглившихся зерен злаков.

По данным анализа, произведенного ученым садоводом Крыловым, при поступлении коллекции Дмитриева-Мамонова в Томский университет, основная масса зерен принадлежит одному из древнейших культурных злаков — ячменю. Зерна овса представлены в гораздо меньшем количестве, так же как и зерна гречихи и рыжика, последние, по мнению Крылова, являлись сорняками в ячменном поле [2].

В материалах поселения есть и группа орудий, связанных с земледелием. Среди них сделанные из оленьего рога довольно массивные мотыги с сильно заполированным рабочим краем (табл. XI). Подобные орудия хорошо известны в памятниках ананьинской культуры; такое же было найдено и на Галкинском городище [3]. Совершенно аналогичной формы мотыга была обнаружена при раскопках поселения Большой лог на р. Оми, в среднем слое, относящемся к

---

[1] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, № 4—5, 1935.

---

[1] А. В. Шмидт. Оленеостровский могильник на Кольском полуострове, табл. III, рис. 1, 2.

[2] В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, т. II. Томск, 1894.

[3] А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА, № 1, 1940, табл. III, рис. 9.

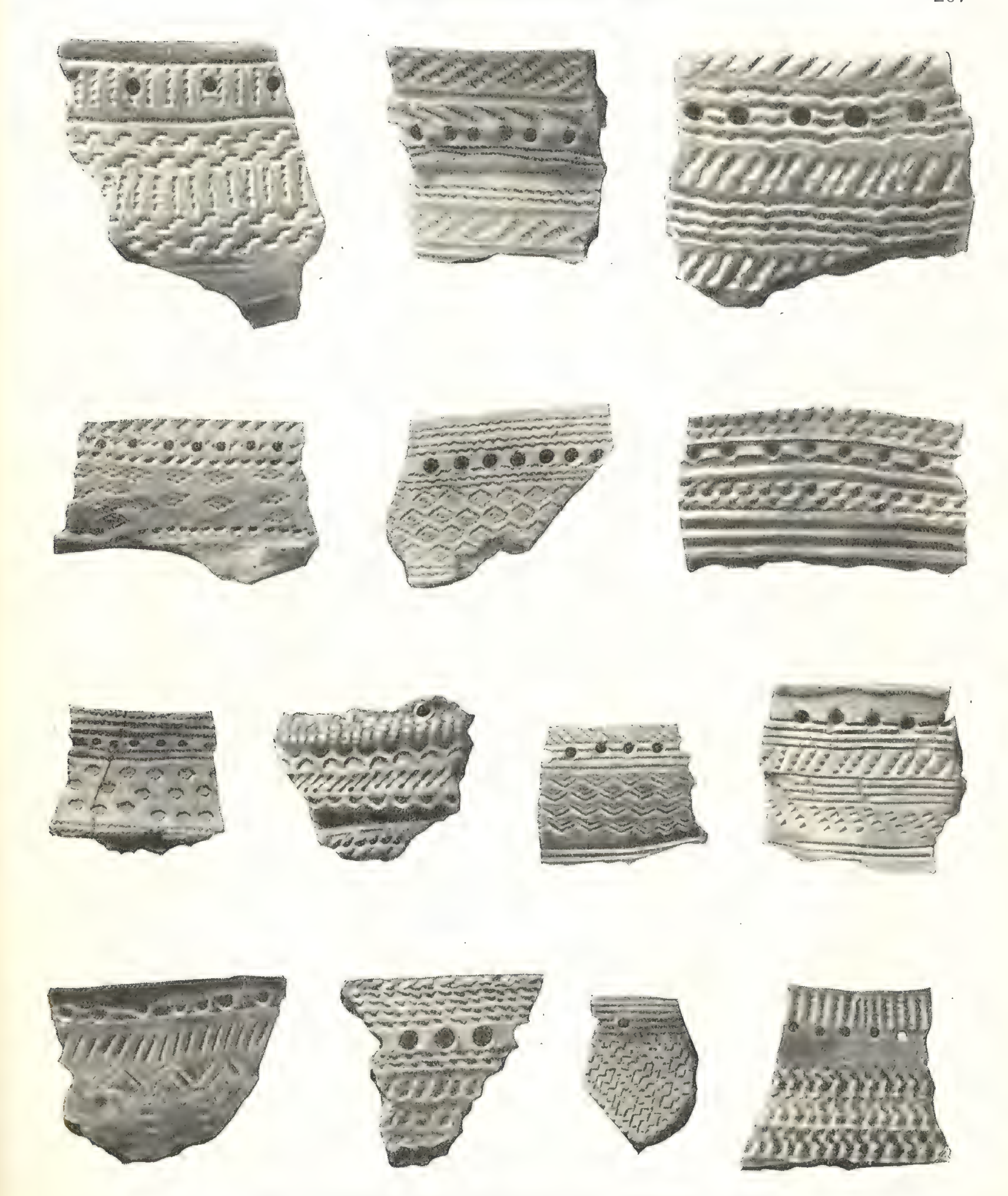


Табл. IX. Керамика из культурного слоя городища Потчеваш

Табл. X. Костяные наконечники стрел и гарпунов

1, 4, 5, 6 — гарпунные наконечники; 2 — центральный зубец остроги; 3, 7—17 — наконечники стрел; нат. вел.

Табл. XI. Мотыги из оленьего рога
ок. 2/3 нат. вел.

сарматскому времени [1]. Существование древнего земледелия у обитателей Потчевашского городища представляет исключительный интерес и в том отношении, что это едва ли не самый северный пункт распространения древнего земледелия в Зап. Сибири, известный пока в науке.

ные скульптурные изображения лошадей (табл. XII—XIII). В коллекциях Знаменского и в сборах С. Н. Мамеева и Г. Лыткина имеются глиняные скульптуры, изображающие лошадь. Некоторые из них довольно схематичны, но в ряде случаев изображения весьма реалистичны. Например, скульптура,

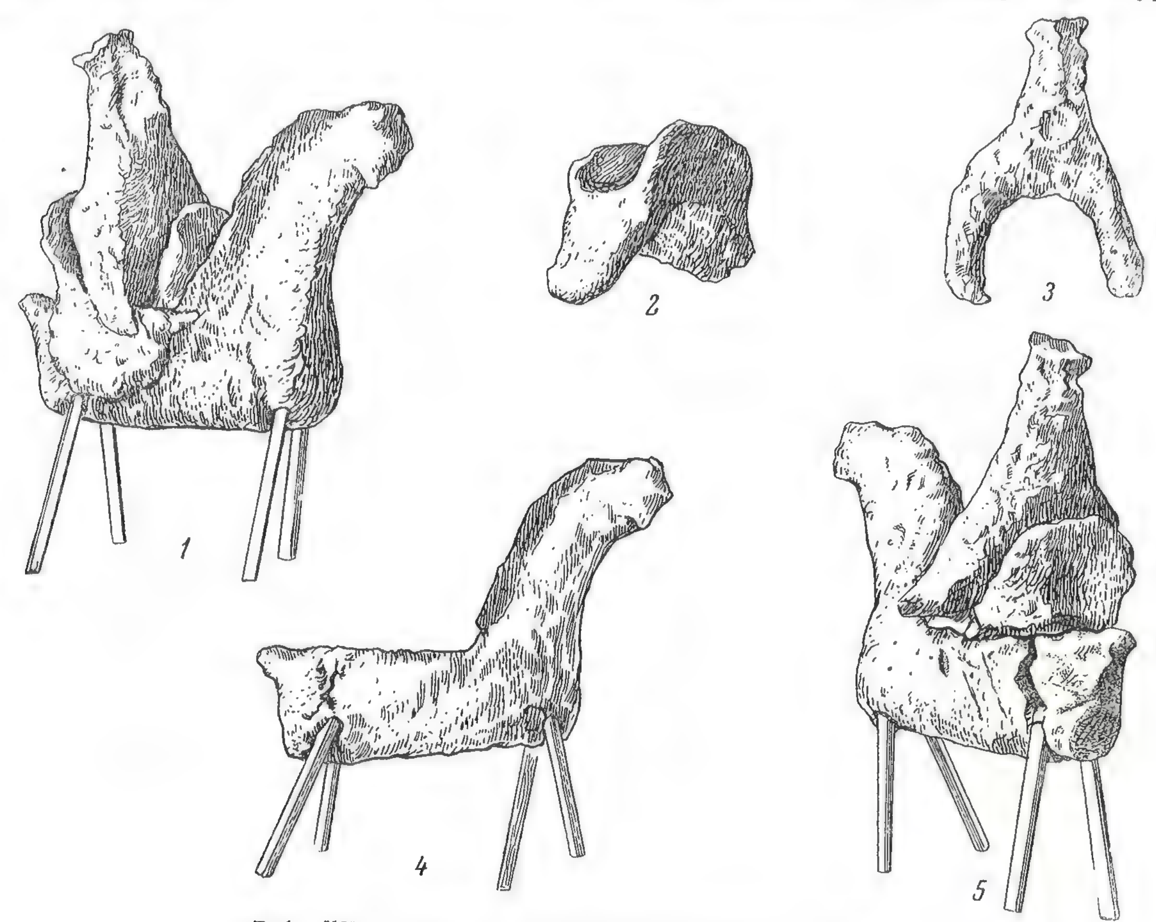


Табл. XII. Разъемная глиняная фигура всадника и лошади

1,5—в собранном виде; *2—4* детали скульптуры; около нат. вел.

В хозяйстве немаловажную роль играло и скотоводство. К сожалению, большой остеологический материал с городища не был своевременно подвергнут исследованию, и мы мало можем сказать о составе стада. Бесспорно, что обитателям Потчевашского поселения было знакомо коневодство. О нем свидетельствуют находки в курганах принадлежностей конской сбруи и многочислен-

найденная Знаменским, очень живо воспроизводит лошадь с зачесанной на правую сторону гривой (табл. XII). Вместе с фигуркой были обнаружены сделанные также из глины седло и всадник (табл. XII—*2, 3*). В. М. Флоринский в своем каталоге, отмечая это сообщение Знаменского, указал, что, видимо, при перевозке скульптура всадника была утеряна и в коллекциях Томского музея не существует. Вслед за Флоринским повторил это и Гейкель. Однако оба они в своих описаниях дают некий

[1] В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Ук соч.

предмет, который описывают как «рога коровы» [1]. Эта же вещь была совершенно по-иному понята А. А. Спицыным, давшим в своей статье правильное изображение всадника на коне [2], весьма схематическое изображение которого было принято Флоринским и Гейкелем за «рога коровы». Лошадь, седло и всадник, насколько позволяют судить технологические особенности — глина и характер обжига,— были, видимо, сделаны одновременно. Значительный интерес представляет глиняная моделька седла.

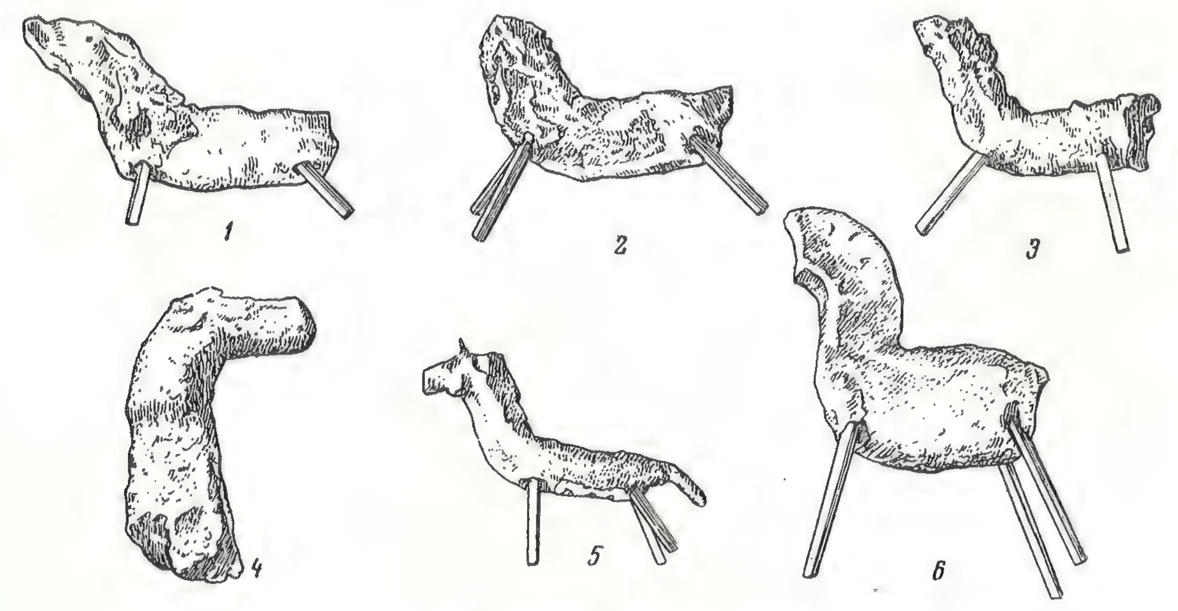


Табл. XIII. Глиняные фигурки лошадей
приблизительно в нат. вел.

В отличие от известных по археологии кочевников Алтая плоских седел, это седло имеет высокую переднюю и заднюю луку. Подобного типа седла с высокими луками известны как будто только в материалах Китая эпохи «Шести династий», где также известны и глиняные изображения седел, что облегчает возможность сравнения [3]. Возможно, к тому же типу принадлежат и седла, изображенные на писаницах в Южной Сибири.

Коллекция с Потчевашского городища содержит предметы, характеризующие быт обитателей. Многочисленные находки тиглей (табл. XIV) позволяют предполагать существование бронзолитейного производства. Тигли представлены двумя формами: 1) небольшими плоскодонными сосудиками чашевидной формы и 2) рюмкообразными тиглями. Последние довольно оригинальны. Во всяком случае, в археологии Урала и Зап. Сибири они как будто пока нигде, кроме Потчевашского поселения, неизвестны.

Обитателям Потчевашского поселения было известно также прядение ниток из конопли, растущей здесь в большом количестве в диком виде. При первоначальной ее обработке применялись, видимо, острия из метакарпальных косточек (табл. XV—*11*), часто встречающиеся в материалах с городища и из курганов Потчевашского могиль-

[1] В. М. Флоринский. Каталог археологического отдела музея при Томском университете. Томск, 1888, стр. 17—18 (№ 483); A. Heikel. Ук. соч., стр. 32.

[2] А. А. Спицын. Зауральские городища. ЗРАО, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 224, рис. 34.

[3] Os. Sirèn. Histoire des arts anciennes de la Chine. III. «La sculpture de l'époque Han à l'époque Ming». Paris et Bruxelles, 1930, табл. A. К сожалению, у нас нет достаточных оснований утверждать, что эти скульптуры относятся к комплексу городища. Возможно, что их следует связывать с более поздними курганами, находившимися на территории Потчевашского городища и также раскопанными М. С. Знаменским.

Табл. XIV. Тигли с городища Потчеваш (приблизительно нат. вел.)

Табл. XV. Утварь с городища Потчеваш

1–7 — пряслица; *8, 9* — рукоятки шилец; *10* — игольник из птичьей кости; *11* — острие из метакарпальной косточки; приблизительно нат. вел.

ника. Такие острия широко распространены и постоянно попадаются при раскопках поселений, принадлежащих к ананьинской культуре; в большом количестве они были встречены на Усть-Полуйском городище. В XIX в. этнографы наблюдали применение таких же косточек остяками при первичной обработке крапивы [1].

Среди находок с Потчевашского поселения много глиняных пряслиц (табл. XV—*1—7*). Все они плоской формы, в огромном большинстве орнаментированы. Наиболее распространен лучевидный узор, чаще всего нанесенный короткой гребенкой. Встречается также и розеттовидный орнамент. Наиболее близкие аналогии находим в напряслах, известных в Прикамье по поселениям и могильникам, принадлежащим к ананьинской культуре, где наряду с глиняными бытуют костяные пряслица, орнаментированные таким же образом, как и потчевашские. Следует, однако, отметить, что последние украшены более примитивно. На ананьинских узор гораздо богаче и сложнее. На них часто можно видеть композиции, выполненные в своеобразном зверином стиле. Однако принцип орнаментации этого рода предметов един, и основные его элементы совпадают. Большой интерес представляет также близость орнаментации потчевашских пряслиц с известными, например, у васюганских остяков. Пряслица последних, в отличие от потчевашских, сделаны из кости, но имеют совершенно такую же плоскую форму и орнаментированы розеттовидным и лучеобразным узором, напоминающим потчевашский [2].

Шитье одежды представлено, к сожалению, небольшим материалом. Как и в Усть-Полуе, до нас не дошли иглы, но сохранились игольники (табл. XV—*10*). В отличие от усть-полуйских квадратных игольников, потчевашские — круглые в сечении и так же, как и усть-полуйские, сделаны из трубчатой птичьей кости. Имеющийся в коллекции экземпляр неорнаментирован. Подобного типа игольники широко распространены на севере Зап. Сибири. При шитье, видимо, применялись также и шильца. От них на Потчевашском поселении, как и в Усть-Полуе, сохранились только рукоятки, совершенно одинаковые с усть-полуйскими по форме (табл. XV—*8*, *9*).

Известную роль в производстве играла и обработка шкур. С ней можно связать костяное орудие клиновидной формы, рабочий край которого снабжен рядом зубчиков (табл. XVI—*7*). Это, видимо, скребок довольно оригинальной формы, не находящий, пожалуй, аналогии среди предметов того же назначения, известных по археологическим и этнографическим материалам Зап. Сибири. Ограниченное количество находок этого типа орудий в материалах Потчевашского поселения,— особенно при сравнении с усть-полуйским материалом,— объясняется, очевидно, тем, что на Иртыше, в районах более южных, едва ли была так широко распространена меховая одежда, как в условиях приполярной зоны Нижнего Приобья.

К сожалению, сохранилось очень мало материалов, по которым можно было бы судить об одежде и украшениях обитателей Потчевашского поселения. Остановимся лишь на глиняных бусах (табл. XVI— *1—4*). Все глиняные бусы крупных размеров. Наряду с бусинами цилиндрической формы попадаются катушковидные и имеющие утолщение в средней части. Все они, за редким исключением, покрыты орнаментом, шашечным или зигзагообразным, составленным из оттисков мелкозубого гребенчатого штампа. Аналогичные бусы нам известны только среди находок на городищах Андреевского озера, принадлежащих к тому же времени и культуре, что и Потчевашское поселение [1]. Шашечный орнамент, встречаемый на глиняных бусах, обнаружен на некоторых сосудах из Усть-Полуя, относящихся к последней группе усть-полуйской керамики. Известен он и в орнаментации деревянных поделок из Южной Сибири [2]. Возможно, что происхождение этого типа орнамента также можно объяснить связями с Китаем ханьской эпохи, подтверждающимися целым рядом материалов, среди которых следует отметить находки на городище бронзовых блях с сердечковыми ложчатыми выемками, широко распространен-

---

[1] Изделия остяков Тобольской губ. «Ежегодник Тобольского музея», 1915.

[2] U. I. Sirelius. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Helsingfors, 1903, стр. 25, рис. 36—38.

[1] Раскопки Западносибирской экспедиции ИИМК 1950 г. (Архив ИИМК АН СССР).

[2] Л. Р. Кызласов. Отчет о раскопках в Минусинском районе в 1950 г. (Архив ИИМК АН СССР).

ных в Сибири в последней трети I тысячелетия до н. э. [1]

Утварь обитателей Потчевашского городища представлена незначительным количеством вещей. К ним следует отнести костяные ножи для чистки рыбы (табл. XVI—*9*), полную аналогию которым мы находим среди усть-полуйских. Аналогичны усть-полуйским по форме и костяные ложки (табл. XVI—*6*). Рукоятки потчевашских ложек украшены очень примитивной скульптурой. Круглая скульптура встречается, правда в небольшом количестве, на костяных поделках из Потчевашского поселения.

Табл. XVI. Утварь и украшения с городища Потчеваш

1—5 — бусы; *6* — костяная ложка; *7* — костяной скребок; *8* — обломок костяного псалия, украшенного скульптурой; *9* — костяной нож для чистки рыбы; *10* — обломок костяной поделки, украшенной круглой скульптурой; рис. *1—8*, *10* — нат. вел; рис. *9* — немного уменьшен

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, стр. 157—160.

Однако, в то время как в Усть-Полуе мы находим великолепные произведения реалистического искусства, в которых чувствуется древняя традиция резьбы по кости, в потчевашских вещах мы видим лишь схематические изображения (табл. XVI — *6*, *8*, *10*).

Хозяйство обитателей городища Потчеваш носило комплексный характер, причем рыболовство играло существенную роль. Меньшее значение имели охота и мотыжное земледелие. Как уже отмечалось выше, одной из характерных черт культуры Потчеваша является достаточно развитое коневодство, однако время его распространения в Среднем Прииртышье и, в частности, в северных частях установить трудно. Вопрос этот остается открытым впредь до исследований более ранних поселений. На основании находки в одном из потчевашских курганов удил с псалиями, имеющими два отверстия, можно полагать, что в IV в. до н. э. коневодство здесь уже существовало. Наличие конской сбруи в погребальном инвентаре указывает на то, что в эту пору населению Тобольского Прииртышья конь был уже хорошо знаком. Большой интерес представляет вопрос, откуда проникает в Среднее Прииртышье коневодство?

В конце I тысячелетия до н. э. в потчевашской и усть-полуйской культурах можно отметить элементы, свидетельствующие о существовании связей с Китаем. Для более позднего времени можно указать на наличие в китайской скульптуре эпохи «Шести династий» глиняных изображений коней со съемными седлами и всадниками, подобных найденным в Прииртышье. Однако при решении вопроса о возникновении коневодства в Прииртышье прежде всего следует принять во внимание археологические и языковые материалы. Как показано выше, аналогии предметам коневодческого инвентаря из Потчеваша и из других мест Среднего Прииртышья известны исключительно среди находок, относящихся к степным культурам скифо-сарматского облика. Коневодческая терминология во всех ныне существующих угорских языках, как указал Б. Мункачи, берет свое начало в иранских языках [1]. Соприкосновение с ираноязычным населением могло происходить лишь на территории южных областей Казахстана. В связи с этим надо предполагать, что и седло, именующееся одинаково как в мансийском, так и венгерском языках, происходит с этой же территории и проникает одновременно со всем коневодческим комплексом. Если даже среди археологических материалов скифского времени с территории Казахстана и Средней Азии и неизвестно пока находок седел такого типа, то есть основания предполагать, что в дальнейшем они будут обнаружены.

Сопоставление материалов из городища и курганов — костяных вещей, пряслиц и главным образом керамики — позволяет говорить о том, что городище и курганный могильник длительное время были синхронны, хотя и не в течение всего периода существования каждого из памятников.

Для установления ранней даты существования Потчевашского городища известные материалы можно получить, анализируя формы и орнаментацию потчевашской керамики. Особенно интересна керамика со шнуровым орнаментом ананьинского типа, который неизвестен на Иртыше в более ранние эпохи, и керамика зеленогорского типа, орнаментированная типичными треугольными композициями, выполненными мелким розеттообразным штампом, вдавленными горизонтальными полосами вокруг шейки сосуда и т. п.; последняя обильно представлена в материале Потчевашского городища. Наличие этих типов керамики позволяет установить нижнюю границу существования городища не позднее середины I тысячелетия до н. э. Верхний предел определяется также главным образом керамикой. Следует отметить наличие на потчевашских сосудах орнаментов, известных по керамике позднего периода существования Усть-Полуя: крупные рамчатые и фигурные штампы, среди которых, однако, ни разу не встречен так называемый «трехчленный штамп», время распространения которого устанавливается не позднее II—III вв. н. э. Это дает основание отнести верхний предел существования Потчевашского городища к рубежу нашей эры — едва ли позднее I в. Можно полагать, что наиболее значительный период существования городища и, видимо, период его расцвета падает на сарматское время. Не противоречит этому и находка на горо-

[1] B. Munkáesi. A magyar lovaselet ösisege. Ethnographie Népelet, 1931; В работе есть резюме на немецком языке.

дище бронзовых прорезных блях, известных по сборам М. С. Знаменского. Подобного типа бляхи С. В. Киселев датирует последними веками до нашей эры [1]. Городище прекратило свое существование раньше курганного могильника. На это указывают обнаруженные на территории городища два кургана, дата которых остается пока неясной, но поскольку один из них довольно хорошо сохранился, можно надеяться, что раскопки позволят разрешить этот вопрос.

Археологические памятники Чувашского мыса не единичны. Тобольский район изобилует курганами, расположенными как по правому коренному берегу Иртыша, вверх от Тобольска, так и по притокам; причем некоторые курганы известны в десятках километров к северу от Тобольска (например, у истоков р. Аремзянки). Однако лишь немногие из тобольских курганов раскопаны более или менее систематически. К числу этих немногих относится Тюковский курган, расположенный в верхнем течении р. Рогалихи, близ дер. Тюковой, в 14 км к западу от Тобольска. Он был раскопан в 1916 г. хранителем Тобольского музея В. Н. Пигнатти. Относительно материалов раскопок сохранились сведения лишь в книге поступлений Тобольского музея, по которой можно судить только о найденных вещах. В кургане сделаны следующие находки. 1. Круглодонный узкогорлый сосуд с высокой шейкой и сильно раздутым туловом. Шейка украшена горизонтальной елочкой. Внешняя поверхность лощеная. Общая высота — 10,5 см; высота шейки 2,5 см, диаметр устья 6,3—5,5 см (табл. XVII—*8*). 2. Круглодонный горшок такой же формы, но с низкой шейкой, украшенной также горизонтальной елочкой. Общая высота — 7,5 см; диаметр устья около 7,0 см (табл. XVII—7). 3. Фрагментированный сосуд подобной же формы, как и предыдущий. Шейка украшена горизонтальной елочкой. На плечи спускаются нарезные треугольники, заполненные вдавлениями неправильной формы (табл. XVII—*6*). 4. Четыре литые бляшки из белой бронзы, на обратной стороне каждой из них прикреплено по четыре ушка (табл. XVII—*3*). Размеры бляшек: 4,0 × 4,5 см. 5. Наременная накладка из белой бронзы, размером 4,0 × 2,2 см (табл. XVII—*4*). 6. Гривна из медной проволоки (табл. XVII—*5*). 7. Серьга, или пронизка, свернутая из бронзовой ленты (табл. XVII—*2*). 8. Бронзовое литое черешковое зеркало с волнистой закраиной. Диаметр — 11,25 см (табл. XVII—*1*) [1].

Особенностью кургана является наличие в инвентаре керамики, характерной для степных и лесостепных районов Зап. Сибири, и бронзовых поделок, известных пока лишь из северной ее части. Керамика из Тюковского кургана находит полные аналогии по форме и орнаментации среди сосудов из Саргатских курганов. Литые бляшки из белой бронзы известны среди находок на Ямале (совершенно аналогичные); близкие имеются в Усть-Полуе и среди вещей Ишимского клада. Интересно зеркало из Тюковского кургана. Подобное ему известно среди находок в Ханты-Мансийском округе. Такие зеркала хорошо известны на юге России, в частности на Кубани, и относятся к эллинистическому времени. Таким образом, дата Тюковского кургана хорошо определяется раннесарматским временем.

Савинский курган находится на левом берегу Иртыша, вернее на берегу Савинской протоки, напротив Тобольска, на высоком месте, незатопляемом даже при максимальных подъемах воды. Курган около 30 м в диаметре и не менее 4 м в высоту. Он неоднократно подвергался хищническим раскопкам. В 80-х годах его копал М. С. Знаменский, оставивший весьма неполные сведения о своих работах. В средней части кургана в настоящее время имеется глубокая яма, к которой с северо-востока подходит траншея. Остатки траншей видны и в юго-западной, западной и восточной полах кургана. Видимо, это следы прежних раскопок. Какие вещи обнаружены в Савинском кургане, установить очень сложно. Данные Гейкеля не внушают доверия. Им ошибочно отнесена к савинским часть материала из курганов с Искера, что вполне четко устанавливается по данным Знаменского, приведенным в газетной статье Ядринцева [2]. Гейкель, который, очевидно, не посе-

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, стр. 157—160.

[1] Инвентарь Тюковского кургана хранится в Тобольском музее.

[2] Н. Ядринцев. Древняя столица Сибирского царства — археологические находки М. С. Знаменского. «Восточное обозрение», 1884, № 22.

тил Савинского кургана и не обследовал окрестностей Тобольска, говорит о вещах, «происходящих из курганов напротив г. Тобольска, на левом берегу р. Иртыша». Таковых курганов, за исключением Савинского, нет. Неизвестно, на каких основаниях Гейкель выделял эту группу вещей. Единственным указанием для определения находок, сделанных в Савинском кургане, может служить альбом Знаменского с прямым указанием на то, что некоторые вещи, рисунки которых он приводит, найдены им в кургане на берегу Савинской протоки. Вещи эти следующие. 1. Бронзовое литое китайское зеркало. Левая сторона его украшена концентрическими кругами и арочным узором. В соответствии с данными R. W. Swallow это зеркало следует относить к позднечинскому времени, т. е. к концу III века до н. э.[1] 2. Рубчатая пронизка из белой бронзы, такого же типа, как и из Усть-Полуя. 3. Обломок богато орнаментированного сосуда, судя по рисунку близкого к тем, которые хорошо представлены в поздних группах керамики Усть-Полуя и Чувашского мыса. 4. Фрагментированная эполетообразная застежка, по классификации А. П. Смирнова и Худякова, принадлежащая к ранним типам.

В Тобольском районе известны и другие поселения и городища интересующего нас времени. К ним относятся городище Нижне-Филатовское на р. Рогалихе[2] и др. Незначительные находки позволяют предположительно отнести их к той же культуре, что и Потчеваш. В 25 км ниже Тобольска, на правом берегу Иртыша, близ дер. Дурыниной местным краеведом Н. Л. Скалозубовым сделаны находки, из которых в Тобольском музее сохранился кельт тобольского типа[3]. Обследование и опрос местного населения, проведенные нами в 1948 г., показали, что здесь, видимо, находилось жертвенное место, возможно такого же типа, как Истяцкое. В течение 20—30-х годов, вследствие изменения русла Иртыша, этот участок берега оказался полностью размытым, и жители дер. Дурыниной собрали большое количество поделок из бронзы, среди которых были десятки плосковыпуклых дисков, различные фигурки и др. Вещи эти, за исключением одного бронзового диска, который нам удалось получить, не сохранились.

Территория распространения культуры, представленной потчевашскими памятниками, не ограничивается Тобольским районом. А. Канисто было доставлено в Национальный музей в Хельсинки небольшое собрание керамики с р. Пелыма. Керамика эта, опубликованная А. М. Тальгреном[1], полностью тождественна потчевашской. Место ее находки не уточнено. Лишь на основании района работ Канисто можно предположить, что материал происходит с одного из многочисленных городищ низовьев р. Пелыма, при впадении его в Тавду. Западнее можно указать на курганы по течению р. Южной Сосвы. В одном из них близ дер. Мишкиной и Сосвинского завода В. Н. Чернецовым в 1925 г. была собрана керамика, относящаяся к тем же типам, как и известная нам по Потчевашам.

Наконец, обширную группу памятников составляют городища и курганы Тюменского района, относительно полно охваченного археологическими разведками. Очень близки по культуре к городищу Потчеваш городища на Андреевском озере близ Тюмени. Особенно интересен в этом отношении Андрюшин Городок. Его керамика вполне сходна с потчевашской, с той лишь разницей, что в Андрюшином Городке в большем количестве представлены сосуды со шнуровым орнаментом типа ананьинских.

Культура эта, которую удобнее всего будет назвать по основному памятнику — потчевашской, отображает быт населения южной, пограничной части иртышской тайги. Территория ее распространения и границы представляются в следующем виде. На севере, где-то в районе устья Иртыша, она граничит с более или менее синхронной ей усть-полуйской и предшествующей ей зеленогорской культурой; на юге — с культурой кочевых и полукочевых обитателей левобережья Иртыша — низовьев Вагая и Ишима и районов Тары и Саргатки. Восточная и западная границы остаются пока неясными, хотя и можно полагать, что восточная проходит не дальше устья р. Тары, а западная — где-то несколько западнее Тюмени,

[1] R. W. Swallow. Ancient chinese bronze mirrors, Peiping, 1937.

[2] Разведки Н. Л. Скалозубова (чертежи и коллекция в Тобольском музее).

[3] Тобольский музей, к. п. 4284, № 68.

[1] A. M. Tallgren. Die russischen und asiatischen archäelogischen Sammlungen in Nationalmuseum Finnlands. ESA, т. III, 1928, стр. 157, рис. 22.

Табл. XVII. Вещи из Тюковского кургана

до территории распространения культуры городищ так называемого «зауральского ананьина».

Географическое положение районов бытования потчевашской культуры и обусловило возникновение тех особенностей хозяйственной жизни, которые отличают данную культуру от соседних. Хозяйство носителей потчевашской культуры, комплексное по своему характеру, в отличие от хозяйства северных соседей, включало земледелие и скотоводство, в частности коневодство, а в отличие от южных — носило оседлый характер и было основано на охоте и рыбной ловле. Находясь в постоянном контакте со степью и принадлежа к периферии распространения лесостепных культур, потчевашская культура являлась тем источником, из которого степные элементы проникали далее на север, к таежным племенам Приобья.

В. Н. Чернецов

УСТЬ-ПОЛУЙСКОЕ ВРЕМЯ В ПРИОБЬЕ

Изучение материалов Усть-Полуя и анализ памятников, в которых были обнаружены вещи, аналогичные усть-полуйским, дает возможность установить, что все они относятся к культуре, единообразной в основных чертах и принадлежащей племенам, единообразным в этническом отношении. Эту культуру мы назвали усть-полуйской.

Попытаемся обобщить полученные данные, уточнить занимаемую усть-полуйскими памятниками территорию и дать краткую характеристику культур, синхронных и родственных усть-полуйской.

Данные, полученные нами в результате изучения бронзы усть-полуйского времени и проведенного В. И. Мошинской анализа керамики и других вещей, характеризующих материальную культуру Усть-Полуя и Потчевашского городища, дают возможность установить хронологические рамки развития усть-полуйской культуры, а с привлечением этнографического фольклорного материала определить этническую принадлежность населения, оставившего памятники этой культуры.

Памятники легко разбиваются на три основные группы: 1) городища и поселки, 2) могильники и 3) жертвенные места.

Уже при первом взгляде на карту можно заметить, что в настоящее время территория усть-полуйской культуры хорошо прослежена от Ангальского мыса, т. е. от того места, где Обь пересекает Полярный Круг, и вверх по Оби до устья Иртыша. К западу от Оби в область усть-полуйской культуры целиком входит бассейн Сев. Сосвы, до ее истоков у снежных вершин Сев. Урала. В каких-то частях в территорию усть-полуйской культуры входят бассейн Лозьвы, вероятнее лишь ее верхнего течения, и, может быть, бассейн Конды. Однако в отношении последней уверенности нет, тем более, что между верховьями Конды и притоками Сев. Сосвы лежат труднопроходимые болота. Территория Конды, пожалуй, в большей степени связана с Иртышом, Тавдой и Пелымом, что четко отражено и в языке современных манси. Кондинские диалекты мансийского языка по ряду признаков теснее увязываются с диалектами пелымским и тавдинским, чем с северными. Весьма возможно, что в дальнейшем здесь придется выделить особую культуру, стоявшую, как можно судить по некоторым признакам, ближе не к усть-полуйской, а к потчевашской, которую удалось наметить лишь в самое последнее время.

Близость потчевашской культуры с усть-полуйской совершенно несомненна. Мы находим в них единый принцип орнаментации, причем единообразен и путь развития орнаментации и отдельные его этапы. Вполне сходны и типы орудий, в первую очередь бронзовых кельтов. Бронзовые наконечники стрел в потчевашской культуре — преимущественно ключевского типа, очень редкого в памятниках усть-полуйской культуры, но характерного для лесостепных районов Зап. Сибири. Интересно отметить, что в памятниках потчевашской культуры почти не обнаруживаются глиняные сосуды на поддонах. Известен лишь один поддон, хранящийся в Тобольском музее; согласно документации, он происходит из старых сборов В. К. Имсена в урочище Сузгун, в 7 км по Иртышу, ниже г. Тобольска. Этому обстоятельству объяснение найти не трудно. Бронзовые котлы, которых в низовьях Оби было, видимо, очень мало, на Среднем Иртыше

распространились более широко, причем и здесь они имели культовое значение. Формы сосудов потчевашской культуры отчетливо увязываются с керамикой эпохи раннего железа, культур, представленных Ивановским городищем, с одной стороны, и зеленогорской, лежащей и в основе усть-полуйской культуры,— с другой. Объяснение сходства и различия усть-полуйской и потчевашской культур следует искать в том, что хотя они и создавались племенами, родственными между собой, но базировались на достаточно отличных формах хозяйства — охоте и рыболовстве на севере, земледелии и скотоводстве и лишь отчасти охоте и рыболовстве — на юге.

Конечно, не вполне единообразным было хозяйство и в пределах территории самой усть-полуйской культуры. О формах хозяйства в низовьях Оби уже говорилось, что же касается районов, расположенных выше по течению, т. е. по южным частям Нижней Оби и ее притоков, где естественные условия несколько другие, то там должны были отличаться и конкретные формы хозяйства. Так, рыболовство, которое всегда могло иметь большое значение на самой Оби, в глубине тайги, по небольшим речкам, куда не достигает массовый ход белой рыбы, оно никак не могло служить основой хозяйства. Бóльшую роль в промысле в таких местах должна была играть охота на лося, а весной и осенью — на дикого оленя при его переходах с мест зимовок в лесу на летовья в открытых пространствах лесотундры и горной тундры. В этой охоте основную роль должно было играть устройство ловчих изгородей со сторожевыми луками, подрезями, петлями, ямами и другими несложными в изготовлении, но очень эффективными и остроумными приспособлениями первобытного охотника. В описания этих приспособлений мы здесь вдаваться не будем, поскольку они известны главным образом по этнографическому материалу.

Можно указать и на некоторые отличия в конструкции жилища. Землянки, которые устраивались также преимущественно на высоких берегах, не имели специфической арктической черты — дренажной канавки, нужды в которой при отсутствии мерзлоты, видимо, не наблюдалось. Довольно часто встречаются селища с достаточно мощным культурным слоем, без всяких следов землянок. Видимо, в отличие от крайнего севера, в более мягких условиях таежной безветренной зимы было возможным устройство наземных жилищ. Существовали, вероятно, и различия в формах некоторых орудий, одежды и др., отражавшие отчасти племенную, а отчасти территориально-хозяйственную специфику (подобно тому как можно было наблюдать в Приобье и в исторические времена), не нарушавшие, однако, общего культурного единства Нижнего Приобья.

С юга, по нижнему течению Иртыша, территория усть-полуйской культуры граничила, как уже говорилось, с областями распространения потчевашской культуры. На западе границей был Урал, по верховьям бассейнов Сев. Сосвы и Лозьвы. С западной стороны к этим местам подходят истоки Печоры и ее притоков — Илыча, Щугора и других, отделенные от рек восточного склона небольшими перевалами и волоками, легко проходимыми в летнее время. Несколько южнее, с хребта, берут начало левобережные притоки Верхней Камы — Вишера, Яйва, Косва и далее на юг — Чусовая.

Северное Приуралье в археологическом отношении изучено еще очень слабо, однако отдельные находки, сделанные в разное время, позволяют составить некоторое представление о характерных чертах культуры Зап. Приуралья в его северной и отчасти средней части. Из этих находок следует отметить вещи, происходящие из кладов с рек Сопleса и Уньи. Клады эти, по всей видимости, являются остатками небольших жертвенных мест и святилищ, подобных известным нам по Приобью и не одновременных по своим комплексам. Среди этих комплексов находим поделки плоского литья, в некоторых случаях не только близкие восточным (т. е. приобским) по типу, но и полностью тождественные. Таково, например, не вполне хорошо переданное у А. А. Спицына изображение фигуры антропоморфизированной лягушки с лучами на голове[1]. Группа таких изображений, именовавшихся сопр-ойка — старик-лягушка и сопр-нэ — старуха-лягушка, в количестве около двух десятков находилась в одном из хантыйских святилищ (изображения хранятся в МАЭ).

Надо учесть, что поделки плоского литья имели узко локальный характер, и каждое

[1] А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРАО, VIII, 1906, стр. 135, рис. 424.

изображение в отдельности не выходило за пределы рода, может быть лишь включая его филиальные части. В пределах же каждого рода в отдельности присущее ему изображение изготовлялось повторно, но всякий раз в новой форме, так что сходство в пределах каждой группы плоского литья определялось лишь родовой традицией. За пределами рода или тотемной группы, охватывавшей ряд филиальных родов, подобное изображение изготовляться не могло. Таким образом, можно быть достаточно уверенным в том, что изображение рогатой лягушки с р. Соплеса было туда завезено с Оби и точнее — с ее притока Салыма. Если же учесть трехрогость и других изображений с Соплеса, то, может быть, даже правильнее будет сказать, что «клад на реке Соплес» был оставлен филиальным родом, некогда выселившимся туда с р. Салыма. Напомним, что в числе предметов соплесского клада имеется и бронзовый наконечник стрелы усть-полуйского типа. На р. Вишере во время разведок, произведенных там археологической экспедицией Молотовского гос. университета, под руководством О. Н. Бадера, близ одной из скал, на которой имеются древние писаницы, обнаружена керамика, весьма близкая к усть-полуйской.

Наконец, следует коснуться и широко известного в археологии Гляденовского костища. Не вдаваясь здесь в рассмотрение вопроса о его культурной принадлежности, ибо такое рассмотрение неминуемо увело бы нас далеко в сторону, отметим лишь, что в числе находок с этого памятника имеются вещи, не только близкие, но и совершенно тождественные с приобскими и, в частности, с усть-полуйскими. Таковы костяной игольник, наконечники стрел и, что особенно важно, часть медной литейной формы, которая по размерам и по типу отливавшихся в ней наконечников совершенно идентична усть-полуйской. Следует вспомнить также встречающиеся в Гляденовском костище изображения головы медведя, несвойственные ни ананьинской, ни пьяноборской культурам Средней и Нижней Камы, но столь типичные для Усть-Полуя и для синхронных и родственных ему культур Зап. Сибири.

Можно полагать, что в полосе Зап. Приуралья, охватывавшей бассейн Верхней Печоры, левобережные притоки Верхней Камы и на юге, возможно, включавшей в себя какую-то часть бассейна Чусовой, существовала культура племен, близко родственных усть-полуйским и потчевашским. Остается пока неясным, входят ли в область этой культуры памятники Среднего Урала и Зауралья (так называемое «зауральское ананьино»), или они должны быть выделены в особую и также близко родственную культуру. Можно надеяться, что этот вопрос удастся разрешить в ближайшие годы.

С востока, по Средней Оби, к территории распространения усть-полуйской культуры примыкают памятники, характеризующиеся находками, описанными И. М. Мягковым [1]. В настоящее время известно, что аналогичные типы вещей встречаются и несколько южнее, а именно по правобережью Иртыша, в Тарском районе и восточнее по Чулыму, вплоть до Ачинска. Не приходится сомневаться в том, что эту территорию мы можем выделить как область еще одной культуры, граничащей с усть-полуйской и потчевашской и очень близкой к каждой из них. Культуру эту мы выделяем под названием «кулайской».

Перечисление культур, родственных усть-полуйской, было бы неполным, если не сказать о культурах Верхней Оби, Среднего Иртыша и Урала к югу от Свердловска. Верхнеобская культура намечается пока еще очень предварительно, в территориальных пределах от р. Томи до верховьев Оби. К этой культуре следует отнести средний слой Басандайского городища, давший, с одной стороны, вещи позднетагарского облика, а может быть и происхождения, а с другой — личину, изображение зверя (скорее всего медведя) плоского литья [2], бронзовую втулку с меандроидным орнаментом [3] и керамику [4] типов, столь хорошо известных преимущественно по потчевашской культуре. Выше по Оби известны вещи из разрушенного могильника около Новосибирска, хронологические рамки которого могут быть определены V—IV вв. до н. э. В верховьях Оби аналогичный материал обнаруживается на городище Чудацкая Гора, в устье р. Кас-

[1] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. II, Томск, 1929.

[2] Сборник «Басандайка». Томск, 1947, табл. X, рис. 6.

[3] Там же, табл. XI, рис. 12.

[4] Там же, табл. XII, рис. 1—3; табл. XVII, рис. 6; табл. XVIII, рис. 6; табл. XIX, рис. 2—3.

малы, где, по данным М. П. Грязнова, был обнаружен ушастый кельт тобольского типа и керамика, близкая по типу басандайской и потчевашской [1]. Недалеко от этого места, на дюнах близ с. Большая Речка М. П. Грязновым исследованы могильник и поселения, по данным которых он выделил культуру, названную им «фоминской».

По среднему течению Иртыша, на территории Омской области, также найдены материалы, аналогичные описанным выше. В первую очередь следует здесь указать на средний слой городища Большой лог, на правом берегу р. Оми, в 6 км от ее устья. Городище обнаружено школьником Владимиром Мороз и обследовано нами в 1949 г. Материалы, полученные из городища и описанные в специальной статье [2], дают известное представление о его культуре. Она характеризовалась оседлым бытом, была основана на комплексном хозяйстве, в состав которого входили скотоводство, охота, земледелие и рыболовство. Как можно судить по находкам костного материала, обитателям его были известны овца, может быть, какой-то крупный рогатый скот и лошадь; последняя имела и культовое значение. О земледелии можно судить по находке железного серпа, согласно данным Б. Н. Гракова, аналогичного известным по Каменскому городищу. Керамика среднего слоя городища по форме сосудов и по их орнаментации чрезвычайно близка к потчевашской.

Керамика, близкая по орнаментации, но относящаяся к несколько более позднему времени, чем средний слой городища Большой лог, и близкая «послеустьполуйской» керамике, обнаружена на левом берегу р. Иртыша, напротив устья Оми.

Из отдельных находок большого внимания заслуживает бронзовая или медная фигурка, обнаруженная осенью 1949 г. на глубине 0,7 м от современной поверхности, в обрыве оврага на правом берегу Иртыша около затона в городе Омске [3]. Фигурка, относящаяся к поделкам плоского литья, представляет собой довольно грубое изображение воина, держащего в левой руке лук и в правой — копье. На голове воина — птица, переданная очень схематично. Изображение это как в целом, так и в отдельных деталях имеет очень много общего с известными и описанными для Приобья. Характерно изображение ребер, показанных выпуклыми линиями совершенно так же, как на некоторых поделках из Истяцкого клада и особенно на антропоморфных фигурках лозьвинского типа, свидетельствующее об отливке в земляной форме. С фигурками Лозьвинского клада омское изображение роднит и наличие птицы на голове. В то же время по общим очертаниям и технологическим особенностям оно очень близко к изображению с Шигирского озера [1], а наличие вооружения, не встречающегося на изображениях из лесной полосы, напоминает фигурки Саповского клада.

Перечисленный материал все же недостаточен для полного представления о среднеиртышской культуре. Единственно о чем можно говорить, это то, что подобно верхнеобской среднеиртышская культура создавалась оседлыми племенами, связанными с речной долиной, в те времена покрытой лесом. Последнее обстоятельство с несомненностью подтверждается составом костных остатков диких животных из среднего слоя Большого лога, где были обнаружены бобер, косуля, лось и благородный олень [2],— животные, не свойственные степному ландшафту. В то же время эти культуры не могут быть отнесены и к лесным, в силу наличия в хозяйстве земледелия и скотоводства с мелким рогатым скотом. Повидимому, культуры верхнеобская и особенно среднеиртышская занимали промежуточное положение между культурами типично лесными, с одной стороны, и лесостепными и степными — с другой. Культура последнего типа хорошо представлена на Среднем Иртыше курганными могильниками типа Коконовки и Саргатки, находящимися в непосредственном соседстве с Большим логом. Керамика из этих курганных погребений сильно отличается от керамики типично потчевашской, составляющей, видимо, основную массу и в памятниках типа Большого лога. Тем не менее керамика этого курганного типа в извест-

[1] Материалы из городища не опубликованы; указанные сведения получены от М. П. Грязнова, за что приносим ему искреннюю благодарность.

[2] В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Городище Большой лог. КСИИМК, XXXVII, стр. 78—87.

[3] Обнаружена учеником 15-й школы А. Арцыбасовым.

[1] А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРАО, VIII, 1906, рис. 453.

[2] Костный материал определен В. И. Цалкиным.

ном проценте обнаружена в Большом логу и встречается в курганных погребениях потчевашской культуры в Тобольском районе.

К лесостепной и отчасти к степной территории Среднего Прииртышья с запада примыкают лесные районы Зауралья и Урала, лежащие к югу от Свердловска. Изучены эти районы пока еще очень слабо. Тем не менее нам известны оттуда некоторые могильники и городища. Могильники, представленные материалами В. В. Гольмстен, хранящимися в ГИМ, могут быть датированы началом I тысячелетия до н. э. Керамика, обнаруженная в погребениях, находит себе аналогии в Замараеве и в Ощепковском могильнике, хорошо датированном кельтом IX—VIII вв. до н. э. К этой же дате могут быть отнесены пластинчатые ножи и небольшие круглые бляшки с центральным ушком. Большой интерес представляют бронзовые наконечники копий двух типов: 1) сейминского с ромбическим стержнем и 2) близко напоминающие луговские и раннеананьинские.

К несколько более позднему времени относятся городища, известные на этой территории. По материалу они вполне тождественны описанным выше культурам лесной полосы Зап. Сибири. В то же время по ряду черт обнаруживается большое сходство с материалом ананьинского Прикамья. Сходство это послужило даже основанием П. А. Дмитриеву рассматривать культуру, представленную этими городищами, как вариант ананьинской, в соответствии с чем называть ее «зауральское ананьино». Против этого в настоящее время выступила А. В. Збруева, совершенно правильно указав, что, несмотря на отмеченную близость, зауральские городища должны быть отнесены к особой культуре, хотя оставившие их племена и были близко родственны ананьинцам.

Чертой, не свойственной ананьину даже в поздних фазах его развития и роднящей культуру южносвердловских уральских городищ с лесными культурами Зап. Сибири, является наличие жертвенных мест с обильными находками на них поделок плоского литья. Таковы находки на горе Караульной, горе Азов, на озере Куяш-Огневском и другие, равно как и наиболее поздний для этой группы памятников — Сапоговский клад. Среди находок поделок плоского литья имеется несколько вещей, типологически соответствующих находкам на соседней, несколько более северной территории. Такова, например, фигурка с горы Азов[1], напоминающая некоторые древовидные идолы и особенно куганакский. Но основная их масса выделяется в особую, четко выраженную группу, заключающую в себе многочисленные и весьма единообразные птицевидные[2] и антропоморфные изображения. Последние, довольно редкие в более ранних комплексах (гора Азов), известны главным образом по Сапоговскому кладу. Следует отметить обстоятельство, на которое как будто никем не обращалось внимания,— это тождественность очертаний птиц, находящихся на плечах у некоторых из фигурок Сапоговского клада, с только что упомянутыми птицевидными изображениями этой группы, что и сближает обе категории поделок. Описанной территорией как будто и ограничивается распространение на юг поделок плоского литья.

* * *

Рассмотрев территорию распространения памятников усть-полуйской культуры и культур, ей синхронных и родственных, становится возможным и установление ее хронологических рамок. Нижняя граница существования усть-полуйской культуры определяется очень надежно формами вещей, хорошо знакомых по соседним и уже изученным культурам — ананьинской и тагарской. В Усть-Полуе к этой группе ранних вещей следует отнести клевцы и секиры как миниатюрные, так и полномерные. Как мы видели выше, и те и другие вполне точно соответствуют формам, характерным для поздних периодов ананьинской и тагарской культур и также могут датироваться не позднее IV в. до н. э. К ранним же вещам в Усть-Полуе следует отнести обломок кельта второй группы, синхронной и близкой ананьинским кельтам, и пряжку с грифонами, имеющую полную аналогию в материале из Уфимского могильника.

В городище Катра-Вож, где не встречено самых ранних типов керамики и которое следует относить к развитой поре усть-

[1] Н. Н. Бортвин. Находка на горе Азов на Урале. КСИИМК, XXV, рис. 44—5.
[2] Там же, рис. 45.

полуйской культуры, тем не менее найдена синяя глазчатая бусина, также относящаяся к IV в. до н. э. В памятниках кулайской культуры ранняя дата хорошо устанавливается наконечниками стрел. Наконечники кулайского и ключевского типов встречены совместно в Конецгорском селище на Каме, относящемся к IV в. до н. э. Этот пример может быть распространен и на Усть-Полуй, если учесть, что в ряде памятников, в том числе и в самой Кулайке, наконечники кулайского и усть-полуйского типов попадаются совместно. Для комплексов Басандайки, Ишимского клада, Айдашинской пещеры и Новосибирского могильника эта же самая дата устанавливается нахождением наконечников стрел перечисленных типов и большим количеством находок тагарских вещей: фигурками аргалов и зеркалами в Басандайке и Новосибирском могильнике, фигурками куланов и пряжками с барсом в Айдашинской пещере и Ишимском кладе.

Высказывались мнения, что тагарские вещи в комплексах так называемых «кладов», являющихся в большинстве случаев остатками древних жертвенных мест, нельзя принимать за датирующий материал, поскольку вещи к моменту попадания их в комплекс могли быть уже «археологическими» и как бы вторично использованными. Эта точка зрения могла бы быть правильной в том случае, если бы мы имели дело с единичными вещами, да к тому же еще при более или менее явном их хронологическом несоответствии. К такой категории находок, вероятно, следует отнести бронзовый топор из Кулайки, украшенный фигурой медведя, выполненной в древнетагарском стиле. Хронологически этот топор или тот оригинал, по которому он сделан, относится к значительно более раннему времени и не может быть принят во внимание при датировке всего комплекса. Однако выше мы видели, что во всех остальных приведенных случаях в комплексах памятников усть-полуйского времени систематически повторяются многие тагарские вещи, притом хронологически более или менее единообразные. Это дает уже полное право для датировки по принципу совместности. Правомерность установленной даты окончательно укрепляется тем фактом, что не только в комплексах усть-полуйского времени мы встречаем вещи тагарской и, быть может, ананьинской культуры, но и наоборот, в памятнике ананьинской культуры — Конецгорском селище — находим наконечник стрелы кулайского типа.

К IV в. до н. э.— периоду формирования усть-полуйской культуры, обусловленному проникновением на север угорских племен,— относится и появление в Нижнем Приобье бронзовых котлов на поддоне, вызвавших подражания в керамике в виде сосудов второй группы [1]. Фрагмент такого медного котла был обнаружен в Усть-Полуе, а целые сосуды — в Тобольске и в некоторых местах Сургуто-Нарымской Оби.

В изобразительном искусстве, вероятно, не далее как к этому же времени следует отнести возникновение сюжета медвежьей головы, лежащей на передних лапах,— типа изображенных на прямоугольной бляхе из Усть-Полуя или на ямальской эполетообразной застежке. Хотя мы и не имеем пока вещей с изображениями этого типа, которые можно было бы отнести к IV в., существование их можно допустить, поскольку аналогичное изображение найдено уже во Втором Покровском кургане.

К этой ранней поре следует отнести птицевидные фигуры с прямой и профильной постановкой головы, прямыми опущенными крыльями и поджатыми лапами, нередко изображаемыми в виде шишечек типа Истяцкого клада. Подобного типа изображения появляются уже в ананьинской культуре [2]; этот же тип вместе с наконечником копья, близкого к позднеананьинскому типу, представлен в находках на горе Караульной, близ Северского поселка [3], на озере Б. Куяш-Огневском [4] и на горе Азов [5], и также вместе с наконечником копья, близкого к позднеананьинскому типу.

Средняя развитая пора усть-полуйского времени хронологически должна быть отнесена к III—II вв. до н. э. Она может быть

---

[1] В. И. Мошинская. Керамика усть-полуйской культуры (в настоящем сборнике).

[2] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, М., 1952.

[3] Д. А. Анучин. К истории искусства и верований у приуральской чуди. МАВГР, III, М., 1899, стр. 127.

[4] В. Я. Толмачев. Древности Восточного Урала. ЗУОЛЕ, VIII, вып. 1. Озера Большой и Малый Куяш. Екатеринбург, 1912.

[5] Н. Н. Бортвин. Находка на горе Азов на Урале. КСИИМК, XXV, стр. 118 и след.

охарактеризована кельтами тобольского типа (IV группа); железными кинжалами с бронзовыми рукоятками и с навершьями типа усть-полуйских, лозьвинских и ишимских; железными кинжалами с прямым перекрестьем и серповидным или прямым навершьем, как, например, с р. Сев. Сосвы (рис. 2), имеющими полную аналогию среди вещей Прохоровских курганов [1]; железными ножами крючкового типа. Характерной чертой для этого времени является пышное развитие орнаментации на оружии и украшениях.

Излюбленными орнаментальными мотивами были узоры меандроидный и ступенчатый, какие мы видим на рукоятках лозьвинских кинжалов, на няксимвольском и усть-полуйском перстнях, поясных и панцырных пластинках из Усть-Полуя и потчевашских курганов, наручном щитке из Айдашинской пещеры, на кайме прорезной пластинки из Истяцкого клада и на многих других вещах. Орнаментация эта живет, видимо, и несколько дольше, чем средняя пора усть-полуйского времени, но совершенно исчезает на бронзовых поделках уже в пределах I—II веков нашей эры.

Ко второму периоду Усть-Полуя следует отнести развитие фигурных поделок из бронзы, с хорошей разработкой рельефа, выполненных по резным из глинистого сланца моделям. Появляется этот прием, видимо, несколько ранее, как можно судить по данным М. П. Грязнова в отношении технологии изготовления минусинских кельтов [2].

На основании находок в поселении Макар-Висынг-Тур, совершенно не дающем поздней усть-полуйской керамики, считаем, что средней поре Усть-Полуя свойственны личины как типа, известного по находке с только что упомянутого памятника и аналогичные ей, сделанные по модели, так и выполненные в технике плоского литья, подобно кулайским, басандайским и др. К этой же группе принадлежат и близкие им по форме и содержанию фигурки с непропорционально большой головой, являющиеся, вероятно, дериватами более ранних древовидных идолов. Сюда же должна быть отнесена и часть поделок плоского и ажурного литья, которые возникают в значительно более раннее время, как можно судить по тем же древовидным идолам, и постепенно исчезают в конце усть-полуйского времени.

К среднему же периоду надо отнести поделки Лозьвинского клада, поскольку они датируются рукоятками кинжалов, а также, возможно, салымские и некоторые другие фигурки. Вообще же в настоящее время проводить детальную хронологическую классификацию поделок плоского литья едва ли возможно. Для этого необходимо располагать несравненно более полным и систематическим материалом. С достаточной уверенностью к периоду III—II вв. можно отнести лишь сапоговские фигурки, дата которых определяется формой изображенных на них кинжалов, имеющих полную аналогию в Прохоровских курганах.

Надо думать, что к III веку следует отнести распространение среди бронзовых поделок изображений медведя с головой, лежащей на передних лапах, которые появляются уже на золотых бляшках Покровского кургана. Отметим, что этот мотив находится, видимо, в какой-то связи с эполетообразными застежками типа ямальской, молотовской, савинской, фоминской, а затем и усть-полуйской. Связь эта выражалась в исключительном предпочтении в то время изображению медведя на поясных застежках и бляшках, что повлекло возникновение одного из названий для медведя — «застежечный зверь», сохранившегося в мансийском языке и до сих пор.

Дата конца существования усть-полуйской культуры устанавливается с бо́льшим трудом, чем начальная. Основная причина этого кроется в недостатке материала, обусловленном, с одной стороны, отсутствием исследованных тонкослойных памятников, относящихся к этому периоду, а с другой — и тем, что в орудиях и оружии хорошо сохраняющаяся бронза и медь в это время заменяется малоустойчивым железом. Из бронзовых поделок в этот период существуют почти исключительно украшения и принадлежности одежды, но путь развития стилей в орнаментации и изобразительном искусстве еще не настолько обстоятельно изучен, чтобы с уверенностью строить на этом детальную датировку.

В материалах Усть-Полуя почти не находим вещей, которые можно было бы с уве-

[1] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, вып. 37, Петр., 1918, табл. IV, рис. 10.

[2] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. «Сборник Гос. Эрмитажа», Л., 1947, стр. 154, 164.

ренностью отнести к последнему периоду, т. е. ко времени более позднему, чем II в. до н. э. В частности, их нет на месте, где обнаружены остатки литейного производства, хотя здесь было много не только глиняных моделек, но и медно-бронзовых вещей, имевших ценность как металл и в любое более позднее время. Создается впечатление, что жизнь городища оборвалась внезапно где-то на границе второго и третьего периодов, т. е. в пределах II—I вв. до н. э. К этому времени, вероятно, следует отнести небольшую золоченую бусину (из квадрата 74, раскопок в Усть-Полуе), часть узких небольших железных ножей, вставлявшихся в костяные рукоятки (распространились они, надо полагать, еще раньше), и, быть может, умбоновидную бляшку. Однако если жизнь Усть-Полуя как поселения и прекратилась, то он продолжал еще некоторое время существовать в виде жертвенного места [1], к которому следует отнести найденную на его площади эполетообразную застежку и скопление известной части керамики третьей группы. Но, видимо, и жертвенное место не просуществовало долгое время, поскольку не только на нем, но и на всей территории городища, несмотря на общее обилие находок, не обнаружено ни одного экземпляра мелких парных золоченых бус, характерных для памятников, а тем более для жертвенных мест первых веков нашей эры, в частности Гляденова, с которым Усть-Полуй имеет много общего вплоть до конца второго периода своего существования.

Не находим материалов для установления поздней даты и в соседних потчевашской и кулайской культурах. Правда, И. Я. Мягков датирует кулайскую культуру «временем около начала н. э., но, вероятно... и позднее» или относит «ко времени Пьяноборского могильника, но не позднее времени Гляденовского костища» (т. е. по приводимым им абсолютным датам — со II в. до н. э. до III в. н. э.) [2]. Однако он выводит эту дату «на основании исключительного употребления бронзовых стрел со втулками, относимых ко времени конца Ананьинского могильника...» [3]; причем принимает совершенно устаревшую теперь абсолютную хронологию А. В. Шмидта: для ананьинской культуры — VII—II вв. до н. э., для Гляденова и Потчеваш — I—III вв. и для пьяноборской культуры — II в. до н. э.— IV в. н. э. [1] Если в эти датировки ввести поправки в соответствии с принятой в настоящее время хронологией, основанной на более полном изучении памятников и культур, а также глубоком знании материала (Ананьино, по А. В. Збруевой,— VIII—III вв. до н. э.; Пьяноборье, по А. П. Смирнову,— III в. до н. э.— V в. н. э.) [2], то хронологические рамки кулайской культуры придется передвинуть вглубь на два века. Полученная дата — IV в. до н. э.— I в. н. э.— полностью совпадает и с той, которая может быть принята и для усть-полуйской культуры в целом.

Больше всего указаний для определения времени конца существования усть-полуйской и родственных ей культур дают материалы могильника и поселения на дюнах Ближние Елбаны, недалеко от дер. Большая Речка в верховьях Оби, объединенные М. П. Грязновым под названием фоминской культуры. Обильный материал из погребений, в большей своей части изданный М. П. Грязновым [3], дает полное представление об очень большой близости фоминской культуры к культурам потчевашской, усть-полуйской и среднеобским. М. П. Грязнов безусловно прав, считая носителей фоминской культуры принадлежащими к массиву раннеугорских племен [4]. Однако датировка его (VII—VIII вв. н. э.), основанная на неправильных предпосылках, полностью ошибочна и ни с какими поправками не может быть принята.

Не отвлекаясь от нашей основной темы разбором ошибок, допущенных М. П. Грязновым, что надлежит сделать в отдельной статье, перейдем к рассмотрению его материала, который достаточно полно говорит сам за себя. Материал могильника и поселения фоминской культуры на Ближних

[1] Пятый раскоп, квадраты: 47, 50, 51, 60, 61, 62, 70.

[2] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. II, стр. 78, 77. Томск, 1929.

[3] Там же, стр. 78.

[1] Там же, стр. 64.

[2] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952; А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, XXV, стр. 32.

[3] М. П. Грязнов. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах. КСИИМК, XXVI; его же. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950.

[4] М. П. Грязнов. КСИИМК, XL; XLVIII.

Елбанах не содержит вещей раннего слоя, известного нам по расмотренным выше культурам. Наиболее ранними являются эполетообразная застежка, очень близкая к савинской, и рубчатые пронизки, известные по Савинскому кургану, Усть-Полую и Айдашинской пещере. Как можно легко видеть, все эти вещи не выходят за пределы второго периода Усть-Полуя. Но наибольший интерес представляют в данном случае железный кельт [1], бронзовые ножны, бронзовая фигурка птицы [2] и бронзовая же подвеска (не опубликована).

Бронзовые ножны, подобные фоминским, не встречались ни в одном из описанных нами комплексов. Однако они хорошо известны по Нижнему Приобью и на Сев. Урале. Почти все они, по ряду данных, могут быть отнесены к послеусть-полуйскому периоду, т. е. ко времени Подчеремского клада. Эпохе последнего соответствует и их орнаментация [3]. Фоминские же ножны орнаментированы меандроидным узором, полностью тождественным узору, имеющемуся на рукоятках кинжалов из Лозьвинского клада и на некоторых других вещах, которые мы выше отнесли ко второму периоду Усть-Полуя. Орнамент этот совершенно неизвестен на вещах подчеремского типа, что заставляет и фоминские ножны отнести к периоду, несколько более раннему, чем время этого клада [4]. Бронзовая привеска и особенно фигурка птицы уже находят себе прямые аналогии среди вещей самого клада [5], хотя фигурка еще более реалистична и не имеет лосиной головы, как позднейшие.

Таким образом, последний период существования могильника фоминской культуры на Ближних Елбанах можно отнести ко времени Подчеремского клада, тогда как начальным его периодом надо будет считать время не позднее конца второго периода Усть-Полуя, что в абсолютных датах выразится с начала II в. до н. э. до конца II или начала III в. н. э. Хотя эта дата пока еще и очень предварительна, поскольку мы имели возможность ознакомиться с материалом могильника только по докладу М. П. Грязнова и его публикации. Все же и эти данные позволяют составить некоторое представление о характере материала последнего периода усть-полуйской культуры и определить его время с I в. до н. э. по II в. н. э.

* * *

Установив хронологические рамки развития усть-полуйской культуры, обратим внимание на некоторые черты, характерные для этого времени.

Материалы памятников дают представление о высоком развитии производительных сил и техники. Находки пряслиц указывают на существование прядения, скорее всего, крапивного волокна; многочисленные скребки разнообразных форм, в некоторых случаях близких к современным хантыйским, свидетельствуют о том, что обработка шкур являлась повседневным занятием усть-полуйских женщин. Высокого совершенства достигла обработка кости, этого и поныне широко распространенного на Севере поделочного материала. По незаконченным вещам и многочисленным рукояткам можно судить, что усть-полуйцы уже располагали железными ножами в достаточном количестве, хотя железо и продолжало оставаться очень ценным. Железные вещи использовались полностью: когда нож стачивался до конца, рукоятка раскалывалась, чтобы извлечь черешок. Деревянных поделок в слое поселения не сохранилось, и лишь массивные, носящие следы употребления костяные клинья указывают на приемы раскалывания древесных стволов.

Одним из повседневных занятий было производство глиняной посуды. Слои городища содержат огромное количество фрагментов сосудов. Не вдаваясь в общую характеристику керамики и керамической орнаментации, следует отметить лишь одну форму, чрезвычайно характерную для поселения усть-полуйской культуры,— это сосуды на высоких полых поддонах. Форма эта, неизвестная в нижнем Приобье ни до, ни после усть-полуйской культуры и являющаяся для нее специфической, на некоторый промежуток времени вытесняет все другие виды глиняных сосудов, но затем также полностью

[1] М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края. Табл. VI, рис. 9.

[2] М. П. Грязнов. Раскопки Алтайской экспедиции. КСИИМК, XXVI, рис. 46.

[3] Ножны эти, как и прочие материалы послеусть-полуйского времени, будут опубликованы во второй части «Древней истории Нижнего Приобья».

[4] Т. е. III—IV вв. н. э. В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, II, М.—Л., 1936, стр. 140—141.

[5] Там же, рис. 1—*1* и табл. II, рис. 2.

исчезает из быта где-то на рубеже нашей эры или в I—II вв. Не приходится сомневаться в том, что форма эта, не происходящая из каких-либо известных нам более ранних местных, копирует бронзовые котлы на поддонах так называемого «скифского» типа, распространенные в Приобье во второй половине I тысячелетия до н. э. Такие котлы обнаружены и в районе Тобольска и на Средней Оби. Известны они были и обитателям Усть-Полуя. Во всяком случае, среди многочисленных медных и бронзовых поделок имеется несколько фрагментов от поддона небольшого бронзового котла. По всей видимости, миниатюрный бронзовый котел обнаружен и на поселении усть-полуйской культуры Макар-Висынг-Тур [1]. Изготовлялись ли подобные котлы на месте в Нижнем Приобье, или они привозились из более южных районов — для нас остается пока неясным, но на Средней Оби, как свидетельствуют анализы находок бронзовых вещей с Кулайки, они, несомненно, отливались [2].

Если у нас и нет уверенности в отношении изготовления в Усть-Полуе бронзовых котлов, то в остальном можно утверждать, что бронзолитейное дело находилось у усть-полуйцев на весьма высоком уровне развития. Надо отметить, что на территории усть-полуйского городища обнаружены землянки — одна стратиграфически и по комплексу, другая лишь по комплексу — с явными следами бронзолитейного производства [3]. Отливались не только орудия, но и художественные изделия. Для последних предварительно изготовлялись модели, вырезавшиеся из мягкого сланца — материала, легко поддающегося обработке и дающего гладкую, непористую поверхность. Формовка, надо полагать, производилась в глине, но подробности процесса производства нам пока неизвестны. Для вещей массового изготовления, каковыми в первую очередь являлись наконечники стрел, делались довольно сложные медные формы. Детали от такой четырехчастной формы обнаружены на городище.

Усть-полуйцы, видимо, не испытывали особого недостатка в металле и не только в меди, которая в самородном виде достаточно широко распространена на Урале, но и в более редких металлах, как свинец и олово. Бронза с очень высоким содержанием свинца и олова, несомненно, изготовлялась преднамеренно, поскольку такие сплавы мы находим лишь в определенных вещах. Можно полагать, что олово шло с юга, из Казахстана, где, согласно исследованиям С. С. Черникова [1], разработка его существовала в древности, начиная с эпохи бронзы.

Железный нож получил достаточно широкое распространение уже в Усть-Полуе. Ножи крючкового типа, форма которых являлась пережиточной от бронзовых [2], составляли явное меньшинство; наиболее распространенными были черешковые с костяной рукояткой. Как можно судить по немногочисленным находкам, наиболее характерными по форме являлись узкие и, следовательно, относительно длинные ножи с довольно толстой спинкой, причем отчетливо наблюдается односторонняя заточка лезвия. Наряду с узкими ножами, встречаем и другие — более широкие и плоские черешковые ножи.

Оба типа хорошо прослеживаются и поныне. Первый из них — современный мужской нож — узкий, иногда расширяющийся к концу, заточен на одну сторону, обычно правую. В некоторых случаях эти ножи бывают настолько узкими, при толстой спинке, что имеют почти трехгранное сечение. Это — š'oχri, у местных русских — «чукрей», исключительно мужской нож, чрезвычайно удобный при работе по дереву и кости. Интересно отметить, что только ножами этой формы закалывают жертвенных оленей и именно такие ножи являются священными у родов, ведущих свое происхождение от š'oχri̯ŋōjkə. Семь братьев стариков š'oχri̯ŋ — «ножевых стариков» [3] — в фольклоре рисуются как семь кузнецов. Их тотемный облик — стрекоза, туловище которой такое же узкое и длинное, как нож š'oχri. В образе š'oχri̯ŋ, видимо, слилось воедино древнее отношение к металлургии, в частности к кузнече-

---

[1] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени (в настоящем сборнике).

[2] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. II, Томск, 1929, стр. 58.

[3] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени (в настоящем сборнике).

[1] С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело на Западном Алтае. Алма-Ата, 1949.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, № 9.

[3] Имя š'oχri̯ŋ является посессивной формой от слова š'oχri — узкий нож.

ству и к кузнецам, и традиционная форма архаического узкого ножа. Таким образом, узкий нож, появляющийся уже в последние века до нашей эры, сохранился и по сей день как форма, освященная традицией и связанная с первыми кузнецами. Распространен в настоящее время и широкий нож — женский, с широким же, закругленным концом, очень удобный для раскройки кожи и меха. Весьма возможно, что именно женскими являются широкие ножи, известные по памятникам I тысячелетия, а их прототипами — крючковый нож усть-полуйского типа.

Вследствие неполной изученности Приобья, мы не имеем достаточных данных для суждения о времени, когда там появляется добыча железа, ибо в ранних памятниках, в том числе и в Усть-Полуе, могла быть и лишь переработка завозного материала. Только в поселениях, относящихся к I тысячелетию, как будто встречаются уже достаточно явные указания на добычу железа. К ним можно отнести обилие окалины и шлаков на городище Ус-Нёл на Сосве, при устье Ялпинг-я, городище Ус-Толт и др.

Как уже видно было из описания поселений усть-полуйской культуры, большая часть из них представляет собой укрепленные городища. Впервые в Нижнем Приобье городища появляются как будто в зеленогорское время, однако полного развития они достигают только в усть-полуйское. Это обстоятельство дает право говорить о происходящих в усть-полуйское время сдвигах в общественном устройстве племен Северного Приобья. К таким сдвигам главным образом следует отнести видимое учащение военных столкновений, обусловленное всей цепью хозяйственного и общественного развития. Военные нападения вызывались теперь уже причинами более разнообразными, чем только характерными для более ранних этапов первобытно-общинного строя — кровной местью и похищением женщин. Лишь этими обстоятельствами может объясняться появление развитых и специализированных форм оружия нападения и защиты, какие мы находим в усть-полуйской культуре.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на всех типах этого оружия, поскольку они уже достаточно описаны в специальных статьях, публикуемых в этом сборнике. Перечислим лишь основные: бронзовые трехлопастные наконечники стрел, никак не обусловленные потребностями охоты, костяные пластинчатые панцыри и шлемы, а также копья, из которых особого интереса заслуживает прекрасно выполненное бронзовое трехлопастное копье (рис. 1), происходящее с территории, смежной и родственной с усть-полуйской, кулайской культуры[1]. Помимо трехлопастной формы, неизвестной за пределами Зап. Сибири, отличительной особенностью этого копья являются изображения на его лопастях различных животных и рыб, стилистически очень близких известным по гравировкам и по уральским наскальным изображениям. Кроме того, на втулке в основании лопастей помещено изображение личины, весьма схожей с бронзовыми личинами, известными для этого времени по Приобью. Эти личины, вероятно, были связаны с идеей почитания предка, которое развивалось под воздействием возвышения роли военачальника и выражалось в обрядах сохранения черепов, по некоторым чертам сближавшихся с формами почитания, известными по ананьинской культуре. Возможность этой связи заставляет видеть в копье вещь отнюдь не рядовую. Но было ли оно принадлежностью военачальника или применялось для каких-то культовых целей, остается пока неизвестным. Для понимания значения этого копья не безинтересно привести сообщение Григория Новицкого о священном, возможно древнем, копье, почитавшемся в Пелыме.

«В чорных юртах, несколько попрыщ от града Пелыма, боготвораху едино копие, к нему же малое некое камение прывязано бысть, еже имеяху за настоящаго идола, древностию от старыйшин своих почитаемое, их же последствуя тме и слепоте прародителей своих ревнуя зело почитаху... Егдо бо в жертву сего скверную прыведется скот каков, обычно же лошадь, тогда жрец единого толико рукою вознесши копие сие легко полагаеть на хребет скота, и аще крепчайшый будеть, паде на колене, и некое невидимою тяжестию томленно бываеть, даже до поту, стеня, досели возстать и исправиться не може, донеле же само копия облегчевается: и жрець е и паки воспрыемлеть...»[2]

---

[1] Хранится в Омском музее.

[2] Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. Издал Л. Майков. СПб., 1884, стр. 82—83.

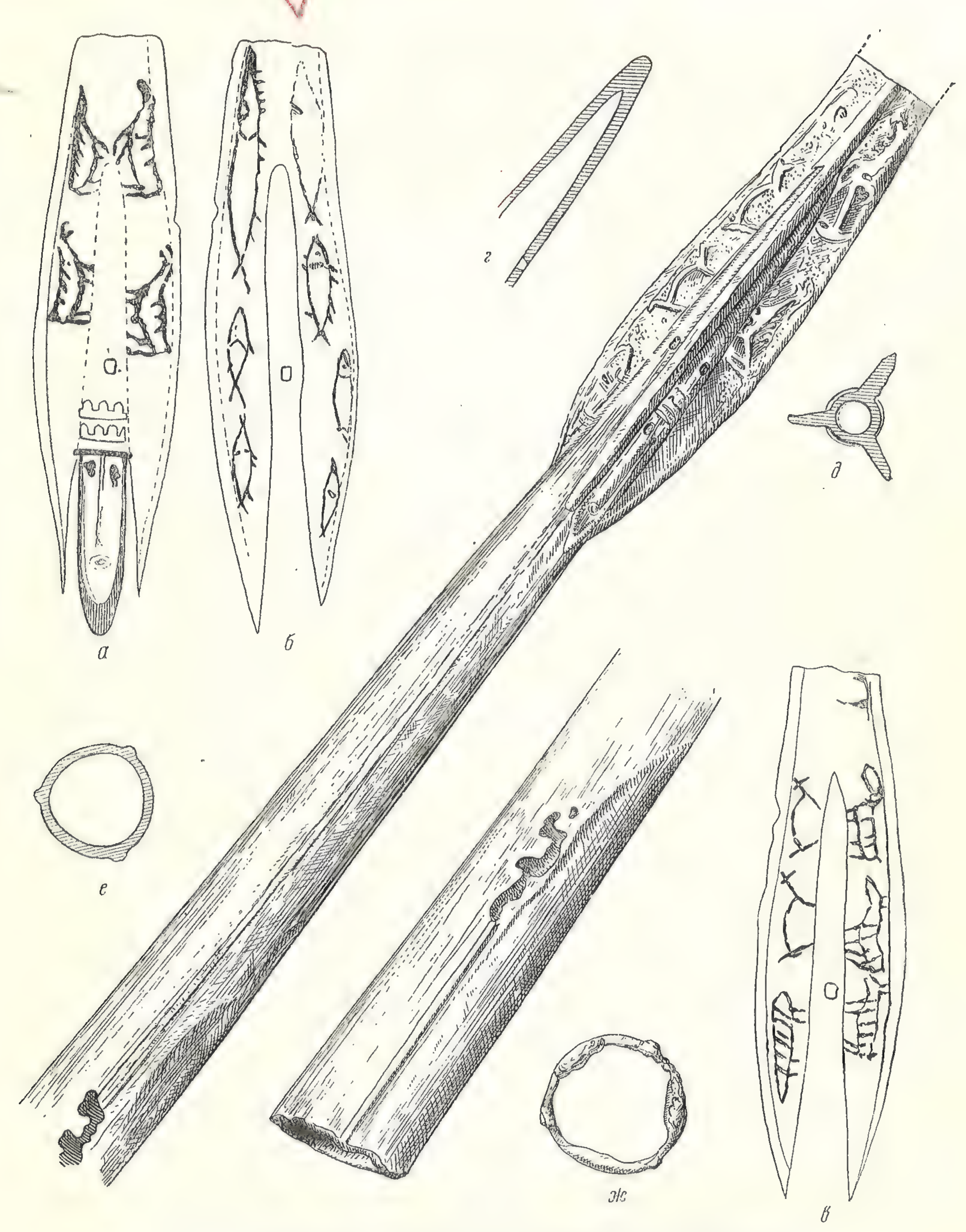


Рис. I. Трехлопастное бронзовое копье с гравировкой (Омский музей)

а, б, в — прорисовка изображений на лопастях; *г, д, е* — сечения через различные части копья; *ж* — край втулки копья; несколько уменьшено

Еще более специфичны в качестве военного оружия клевцы и секиры, известные по миниатюрным и по настоящим боевым, из которых в Северном Приобье найдены биметаллический клевец и бронзовая секира прекрасной работы. В отношении секиры некоторыми исследователями высказывалось мнение, что это вещь культовая или церемониальная, поскольку она очень легка, благодаря полой, а не массивной отливке, имеет очень узкую втулку и отличается чрезмерной грацильностью. Несомненно, эти соображения правильны; однако для боевой секиры с острым режущим лезвием большой вес и не нужен при условии насадки ее на достаточно длинную рукоятку. Возможно, однако, как это предполагается и в отношении знаменитых пинежских «топоров», что такая секира могла служить не столько боевым оружием, сколько применявшимся в торжественных случаях символом достоинства знаменитого воина или военного вождя. Но уже несомненно боевой характер имеют железный меч или, вернее, длинный кинжал «сарматского» типа [1], происходящий с Сев. Сосвы (рис. 2); небольшой железный кинжал [2], обнаруженный близ Салехарда, и, наконец, копья, среди которых нам известны как железные, по курганным погребениям Потчеваш, так и бронзовые.

Наличие роскошного оружия, часть которого, возможно, была обрядово-церемониальной, появление уже в это время изображений воинов с мечами (например, гравированное изображение на нагрудной костяной пластине из Усть-Полуя), пожалуй, еще в большей степени, чем городища, свидетельствуют об усложненности военных отношений и, вероятно, о значительном возвышении роли военачальника. Все же мы располагаем еще слишком недостаточным материалом для суждения о степени развития и характере общества у лесных племен Зап. Сибири в усть-полуйское время. Конечно, более или менее полное сохранение в эту пору матриархальных форм едва ли возможно, но нельзя допустить и сколько-нибудь развитых патриархальных форм. По данным этнографии, мы знаем, что среди лесных племен охотников и рыболовов Зап. Сибири патриархальный род в окончательной форме так и не сложился вплоть до исторического времени. Видимо, при небольших размерах скотоводства для развития патриархальных отношений не находилось достаточно прочной базы. Не вдаваясь в подробности этого вопроса, которому будет уделено особое внимание при рассмотрении исторических процессов, имевших место в I тысячелетии н. э., отметим лишь существование у манси и хантов многих пережитков матриархального характера при наличии патрилинейной филиации.

Рис. 2. Железный меч с р. Сев. Сосвы (хранится в Тюменском музее)

Среди достаточно многочисленных памятников усть-полуйской культуры до сих пор, к сожалению, не удалось обнаружить ни одного могильника. Вследствие этого мы не имеем достаточных данных для выяснения антропологического типа носителей усть-полуйской культуры, что имело бы большое значение для выяснения вопросов его форми-

[1] Хранится в Тюменском музее.
[2] Хранится в Тобольском музее, к. п. № 10859.

рования. Некоторую, хотя, может быть, и слабую, замену этим недостающим данным все же можно найти в многочисленных антропоморфных изображениях, характерных для устьполуйской культуры и представленных двумя видами — объемным и плоскостным. К первому относится бронзовая полая фигурка человека, резные модельки из глинистого сланца, некоторые наиболее реалистичные личины и прекрасное каменное скульптурное изображение головы воина, найденное на р. Туй[1]. Это изображение, хотя и происходит с территории смежной культуры, представляет все же не меньший интерес для выяснения антропологического типа населения Нижнего Приобья. Следует также отметить антропоморфное изображение из Потчевашского кургана № 15 (известное по публикации Гейкеля) [2], очень напоминающее гляденовское, а по общей композиции близкое к изображению, вырезанному на костяной панцырной пластине из Усть-Полуя. Второй тип изображений заключает антропоморфные фигурки, нацарапанные на бронзовых дисках, реже — на костяных пластинках.

Суммируя данные, которые могут быть получены при рассмотрении этих изображений, можно сделать интересный вывод. Изображения, происходящие с территории южного края лесной полосы и тем более из лесостепи [3], дают преимущественно европеоидные черты лица. Встречаются подобные черты и в изображениях усть-полуйского времени, происходящих с территории Сев. Приобья. Таковы личины из Макар-Висынг-Тур, литейная моделька из Усть-Полуя, личины Ханты-Мансийского музея. Но именно на Севере среди них совершенно четко выступает глубоко отличный монголоидный тип. Последний представлен в бронзовой фигурке из Усть-Полуя и в гравировках на бляшках и дисках из Усть-Полуя и Ханты-Мансийского округа. Все это подтверждает наблюдения, сделанные Т. А. Трофимовой, о смешанном типе населения Урала и Зап. Сибири [4]. Резкость отличий европеоидных и монголоидных черт, надо полагать, позволит отнести и к Зап. Сибири высказанное Т. А. Трофимовой мнение в отношении Прикамья ананьинской эпохи о незавершенности для того времени процессов смешения различных по происхождению этнических групп.

Говоря об антропологическом типе носителей усть-полуйской культуры, черты которого отражены в антропоморфных изображениях, небезинтересно хотя бы вкратце коснуться элементов, в какой-то степени позволяющих судить о некоторых особенностях внешнего облика людей усть-полуйского времени. К таким особенностям следует отнести татуировку, совершенно отчетливо изображенную в виде вертикальных полос на личинах из Ханты-Мансийска (рис. 3) и Ишимского клада [1]. Татуировка была широко распространена среди манси и хантов в историческое время и исчезла в Приобье лишь в конце XIX в. Другой специфической чертой внешнего убранства являлось ношение кос не только женщинами, но и мужчинами, как можно судить по потчевашской

Рис. 3. Бронзовая личина с татуировкой из Ханты-Мансийского музея

[1] В. И. Мошинская. Каменная скульптура Приобья. КСИИМК, вып. XLIII.

[2] A. Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentale, табл. III, рис. 2. Helsingfors, 1894.

[3] Двуликий жезл из Крутинского района Омской области.

[4] Т. А. Трофимова. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья. МИА, № 22.

[1] Е. Ермолаев. Ишимский клад. «Описание коллекций Красноярского музея». Красноярск, 1914, табл. 8, рис. 3—6.

фигуре, изображающей бородатого мужчину. Обычай ношения кос, известный в Сибири достаточно широко и появляющийся в Приобье, видимо, в усть-полуйское время, не исчезает и в дальнейшем, что можно видеть по гравировкам I тысячелетия н. э. и по этнографическим материалам. Этот обычай среди манси и хантов в некоторых местах не исчез и поныне. Для суждений об одежде мы имеем слишком мало данных, тем более, что одежда, вероятно, сильно варьировала в зависимости от условий отдельных районов. Следует лишь отметить своеобразный способ ношения ножа или кинжала — деталь, четко отраженную в сапоговских фигурках. Ножны одним концом привязывались к поясу, другим — при помощи ремешка к ноге. Этот своеобразный и в высшей степени удобный способ широко распространен среди охотников Приобья — манси и хантов.

Гравированные изображения дают богатый материал для суждения о религиозных представлениях людей усть-полуйского времени. Оставляя этот вопрос до рассмотрения материалов, относящихся к I тысячелетию н. э., отметим лишь наиболее характерные и специфические черты. Среди гравировок на бляхах и дисках находим фигуры, характеризующиеся своеобразными смешанными антропозооморфными чертами. Встречаются и антропоморфные фигуры с дополнительными звериными и птичьими головами и антропоморфизированные изображения птиц и зверей иногда с добавочными, помещенными на них человеческими личинами. Если сопоставить такие изображения с мифическими образами тотемных предков — полулюдей-полузверей, встречающимися в угорском фольклоре, то мы получим достаточное основание видеть в этих изображениях попытку отобразить в графической форме сложные образы первобытных тотемистических воззрений. Фигуры, нацарапанные на металлических дисках, сгруппированы зачастую в определенных композициях, обусловленных, видимо, какими-то устойчивыми представлениями. В верхней части дисков располагались фигуры, изображающие ряд мужских и женских родовых тотемных предков. В нижней части находим изображения рыб, змей и водяных животных — выдр и бобров, видимо, отображающих «нижний мир». «Верхний» небесный мир представлен в виде солнечной птицы Карса, вступающей в борьбу с существами нижнего мира. Таким образом, в этих композициях обнаруживается та многоплановость вселенной, которая была характерна для космогонических представлений народов Сибири, в том числе и обских угров.

* * *

Вопрос о сложении усть-полуйской культуры нам приходилось затрагивать и ранее. В предварительной форме соображения о происхождении усть-полуйской культуры и роли ее в процессах формирования народов Приобья были изложены в докладе и статье, опубликованной еще в 1940 г.[1] В основных частях высказанная тогда гипотеза вполне подтверждается в настоящее время, когда мы располагаем уже несравненно бо́льшим материалом. Как уже говорилось тогда, характернейшей чертой усть-полуйской культуры является ее двукомпонентность. При описании материала отмечалось, что в усть-полуйской культуре обнаруживаются черты, близкие как к древним, так и к современным культурам северо-востока Азии. При этом сходство наблюдается не только в формах хозяйства, что легко было бы объяснить близостью географических условий и уровнем развития производительных сил, но и в таких чертах и деталях, которые могут явиться лишь следствием этнического общения. К таким деталям, в частности, можно отнести единообразие в конструкции собачьей упряжи, сходство уздечки для оленя-манщика с подобными уздечками у тунгусов и чукотской ездовой уздечкой, сходство в деталях конструкции жилища с некоторыми протоэскимосскими. Поражает близость костяного лезвия для заступа, известного в Усть-Полуе, с распространенными у карибу-эскимосов. Возможно, что здесь же следует упомянуть о близости форм усть-полуйских и протоэскимосских костяных гребней, хотя некоторые из усть-полуйских и отличаются присутствием на них скульптурных украшений, не встречавшихся на гребнях Берингоморья. В Усть-Полуе и в культурах северо-востока Азии существовала также развитая высокохудожественная круглая костяная скульптура, тогда как на территориях соседних с усть-полуйской и родственных ей культур

[1] В. Н. Чернецов. Опыт этногенеза обских югров. КСИИМК, IX, стр. 18—28.

сколько-нибудь близкой по формам костяной скульптуры мы не находим. Нет ее ни в Прикамье, ни в Казахстане, ни по Верхнему Енисею.

Сходство с Югом, являющееся второй характерной чертой усть-полуйской культуры, также прослеживается по ряду черт, упоминавшихся при анализе материалов. Мы уже говорили о распространении по Нижнему Приобью в усть-полуйское время оружия скифо-сарматских форм, характерных для степных и лесостепных культур той эпохи. Однако наличие этих форм, если бы ими только и исчерпывалось сходство с югом, позволило бы говорить лишь о существовании каких-то, может быть, и случайных связей. Гораздо больший интерес представляют бронзовые котлы на поддонах, обусловившие господствующую форму усть-полуйской керамики [1]. Характерной деталью являются также гроздеобразные выступы, часто встречающиеся на ручках бронзовых котлов и нередко украшающие различные бытовые поделки усть-полуйской культуры. В это же время в лесостепи и в тайге начинает проявляться единообразие в орнаментации керамики и различных поделок, обусловленное распространением неизвестных до того на Севере орнаментальных мотивов (например, шнура), типичных для лесостепи. Наконец, с нижнего течения Оби известна одна находка, которая, в известной степени, уже дает указание на характер этих связей. Находкой этой является каменная плитка с рельефным изображением головы барана, обнаруженная в Березовском районе и вполне идентичная плиткам, хорошо известным по древностям лесостепного, Южного и Среднего Зауралья. П. А. Дмитриев считал возможным сблизить эти плитки с каменными столиками на территории савроматского Поволжья и Приуралья и датировать их позднескифским — раннесарматским временем.

На основании изучения каменных столиков, имеющих в свою очередь дальнейшую аналогию в бронзовых жертвенниках с территории Средней Азии, П. А. Дмитриев определял и камни с головами баранов как жертвенные [1]. Являлись ли они в самом деле жертвенниками — вопрос еще недостаточно ясный и требует доисследования, но культовое их значение несомненно. Очевидно также, что культовый предмет,— в данном случае «жертвенная» плитка,— являлся большой ценностью для членов того рода, в культе которого он играл роль. За пределами этого рода никакой меновой ценности подобный предмет иметь не мог. И если такие вещи, как оружие, украшения, металлическая посуда и т. п., попадали по длинным «меновым» цепочкам очень далеко от места изготовления, то «жертвенная» плитка могла оказаться в нижнем течении Оби, на расстоянии свыше полутора тысяч километров от территории их распространения, лишь в результате проникновения на Север непосредственных его владельцев.

Не меньшее значение для оценки характера связи имеет в усть-полуйское время сюжет так называемого «свернувшегося зверя». Сюжет этот очень хорошо известен для степных культур, в частности Южной Сибири, где ранние формы изображений свернувшегося зверя датируются VII—V вв. до н. э. В последующие века сюжет постепенно вырождается, теряет реалистичность, превращается наконец в спиральную розетку, которую можно видеть, например, на ручках позднейших татарских зеркал [2]. Свернувшийся зверь, выгравированный на бляшке из Ханты-Мансийского музея, несмотря на всю примитивность изображения, вполне реалистичен.

Не менее реалистичны и изображения «свернувшихся лосей» на одной из блях Истяцкого клада. Это свидетельствует не о механическом восприятии орнаментального мотива,— каковым, кстати сказать, изображения свернувшихся зверей из Приобья и не являются,— а восприятием сюжета во всей полноте и с присущим ему содержанием. Проникновение в Нижнее Приобье этого сюжета едва ли можно допустить позднее IV в. до н. э., так как на юге в это

---

[1] Лишь формалистическим подходом к материалу можно объяснить точку зрения М. П. Грязнова, предлагающего в качестве прототипа усть-полуйской керамики «серебряные кубки тюркского времени» (КСИИМК, XLVIII, стр. 100, рис. 32—6). Однако, в противоположность котлам скифского типа, такие кубки никем и никогда не встречены в памятниках Нижнего Приобья. Характерный для этих кубков тюркский растительный орнамент совершенно чужд орнаментике усть-полуйского времени, для которой типичен именно шнур.

[1] П. А. Дмитриев. Жертвенные камни Зауралья, КСИИМК, XIX, стр. 12—21.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, стр. 142—144.

время он уже начинает принимать чисто орнаментальный характер. Это еще раз подтверждает высказанную при анализе материала дату сложения усть-полуйской культуры.

Мы здесь суммировали как арктические, так и южные черты, наблюдаемые в культуре Усть-Полуя. При этом характер этих черт таков, что заставляет объяснять их появление не случайным обменом, а прочными этническими связями. С какими же этносами могут связываться оба эти компонента Усть-Полуя? Для разрешения этого вопроса большой интерес представляет исследование Г. Н. Прокофьева, к сожалению, оставшееся незаконченным и сохранившееся лишь в виде краткой статьи [1] и тезисов к докладу, зачитанному им на совещании Комиссии по этногенезу при ОИФ 28 и 29 мая 1940 г.

Исследуя различные языки самоедской группы, Г. Н. Прокофьев пришел к выводу, что «наряду с наличием в лексике ненецкого, нганасанского и энецкого языков мощного пласта слов, восходящего к диалектам, на которых говорили саянские самоеды (маторы, карагасы, тайгинцы, сойоты, койбалы, камасинцы и др.), в лексике названных языков обнаруживается значительное количество слов, не восходящих к диалектам саянских самоедов. Сюда, прежде всего, принадлежат слова, относящиеся к области материального производства в условиях Приполярной зоны... и отражающей... те сдвиги, которые произошли в области материальной культуры самоедских племен в процессе их продвижения на север и столкновения с приполярной культурой аборигенных насельников» [2], которых Г. Н. Прокофьев на основании анализа этнонимов выделяет как несамоедскую по своему происхождению — группу «тян».

На основе языкового анализа ему удалось наметить в общих чертах и языковую принадлежность этнической группы «тян». Оказалось, что названия глухой арктической меховой одежды, меховой обуви, меховых покрышек для чума, наименование моржа, тюленя, белого медведя, лемминга, полярной куропатки и др., имеющиеся в северосамоедских языках, т. е. ненецком, энецком и нганасанском, и отсутствующие в южносамоедских, находят себе параллели и объяснения в эскимосском, чукотском, коряцком и юкагирском языках. Эта отмеченная им на основе изучения лексики общность прослеживается также и в других областях языка: в самоназваниях северосамоедских народностей, конструкции системы числительных второго десятка. Исследования Г. Н. Прокофьева показывают, таким образом, что до появления самоедских племен приполярные области Приобья были населены племенами, по своему языку примыкавшими к палеазиатской группе. Пребывание этих племен прекрасно прослеживаются и на археологическом материале.

Уже с эпохи неолита в материалах Приобья обнаруживаются черты, восходящие к восточносибирским культурам, в частности к неолитическим культурам Ангары и Прибайкалья, обусловленные проникновением на запад восточносибирских таежных монголоидных племен. По всей вероятности, это продвижение шло двумя путями — южным и северным. Южный прослеживается достаточно хорошо: с Ангары на Енисей и далее по Елогую и Кети — по трассе старого Обь-Енисейского канала — в район Средней Оби. Северный путь пока только намечен с Енисея через Туруханск и водораздельные волоки в бассейн Таза и далее на побережье Обской губы и низовьев Оби до района Салехарда. Даже если в этническом составе племен, двигавшихся этими путями, и было какое-то различие, то в антропологическом и культурном отношении они были достаточно близки. Последнее подтверждается формами неолитической керамики и позднее, в усть-полуйское время, совершенной идентичностью ветлюгов собачьей упряжи, о которых речь была выше, в Усть-Полуе, с одной стороны, и в слое потчевашской культуры, подстилающем городище Искер, близ Тобольска,— с другой.

Для I тысячелетия до н. э. в арктических областях Нижнего Приобья известны культуры приморских охотников, обитавших в землянках и по образу жизни, видимо, очень близких «сидячим» чукчам и эскимосам. Наиболее ранним из известных памятников этого типа является дюнная стоянка на берегу Карского моря, близ мыса Тиутей-Сале, давшая керамику, сходную с зеленогорской. Аналогичная керамика обнаружена

---

[1] Г. Н. Прокофьев. СЭ, № 3, 1940.

[2] Г. Н. Прокофьев. Тезисы доклада 28 мая 1940 г. «Материалы Комиссии по этногенезу». ОИФ АН СССР.

также Г. А. Черновым на р. Щучьей и далее на запад, в восточной и северной частях Большеземельской тундры[1]. Для середины и второй половины I тысячелетия до н. э. может быть указано поселение в землянках на Тиутей-Сале, поселение, остатки которого были обнаружены в 1927 г. Кольсом в устье Таза также за Полярным кругом, и один из слоев жертвенного места Хебидя-Педера Большеземельской тундры[2]. Из наиболее поздних памятников арктической приморской культуры можно указать поселения в землянках на мысу Хаэн-Сале, на берегу пролива Малыгина под 73° северной широты, относящиеся уже к XVI—XVII вв. Это показывает, что, несмотря на происходящие в Нижнем Приобье этнические сдвиги как в I тысячелетии до н. э., так и позднее (о чем речь будет ниже), в арктических областях, на сотни километров удаленных от больших речных путей, продолжала сохраняться архаическая арктическая культура. Носителями этой культуры, как можно судить по погребению под полом землянки на Хаэн-Сале, были племена, сохранявшие монголоидный облик. Остатки этих племен были отчасти ассимилированы, отчасти уничтожены ненцами, появившимися в приобских тундрах и на побережье около X в. Именно от них и восприняли ненцы отразившиеся в ненецком языке элементы полярной культуры. Ненецкий фольклор дает богатый материал и для восстановления быта древних приморских охотников.

Глубина изменений, происшедших в культуре населения Нижнего Приобья, выраженная в возникновении усть-полуйской культуры, свидетельствует о том, что эти изменения были обусловлены не только развитием обмена с югом, но также и появлением в таежной Сев.-Зап. Сибири нового этнического элемента, принесшего с собой иные, совершенно не свойственные лесной полосе навыки,— традицию культуры скифо-сарматского облика. С каким же этносом следует связать этих пришельцев? По этнографической карте можно установить, что в настоящее время вся территория бассейна Оби, на восток до Нарымского края, на запад до Уральского хребта, включая по Чусовой и верховьям Уфы и некоторые районы его западного склона, а на юг по бассейну Лозьвы и левобережью Тавды,— населена племенами обских угров манси и хантами. Если же учесть процессы тюркизации и обрусения ряда угорских племен, а на востоке — в районе Томско-Нарымской Оби — их ассимиляцию самоедскими племенами, то территорию, которую занимали угорские племена в историческом прошлом, нужно будет значительно расширить. Для более ранних эпох, как, например, для первого тысячелетия до н. э., эту территорию надо расширить еще более, вплоть до североказахстанских степей и Южного Зауралья, учитывая обитавших там предков барабинцев и мадьяр[1].

Таким образом, можно сказать, что около начала I тысячелетия до н. э. степные и лесостепные территории, лежавшие к югу от тогдашней границы западносибирской тайги, были населены древнеугорскими племенами, переходившими в то время от пастушеского скотоводства к кочевому коневодству. Вся территория лесной полосы и далее на север до арктического побережья представляла область расселения смешанных племен, пришедших сюда еще в неолите с юга и с востока. На крайнем Севере и Северо-востоке в составе их преобладал палеоазиатский элемент, в тайге и на хребте — уральский, в южной части тайги, возможно, уже затронутый ассимилятивным воздействием угров. Поскольку в дальнейшем на всей лесной территории Нижнего Приобья мы застаем уже полностью угорское население, то естественнее всего допустить, что прослеженный нами на археологическом материале перелом, обусловивший возникновение усть-полуйской и родственных ей лесных культур, связан с приходом на Север именно угорских групп. Подкрепим высказанное предположение дополнительным материалом.

В фольклоре хантов и манси, равно как и в названиях родов, фамилий и в топонимике встречаемся с одним именем, которое представляет значительный интерес для выясняемого вопроса. Имя это: по мансийски сипыр (š'ipər), сёпыр, супыр, супра; по хантыйски себар (šebar), сопра, шабер.

---

[1] Г. А. Чернов. Стоянка древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, XXXVI; его же. Археологические находки на реке Щучьей. КСИИМК, XL.

[2] Г. А. Чернов. Стоянка древнего человека... КСИИМК, XXXVI.

[1] Последний вопрос будет специально разобран в дальнейшем.

Б. Мункачи переводит его как «родовое имя» (nemzetség neve), К. Папай сообщает, что ему приходилось слышать в районе Салехарда (Обдорска) выражение «шабер му» — земля Шаберов, а А. Регули, путешествовавший до него в тех местах, указывает на живущих там «шабер маам» — народ Шабер. Можем добавить к этому наименование родов «сопра» — Собрины близ Салехарда, Сёпыр — близ Березова. Известно также имя хантыйского вождя Самар, жившего на месте нынешнего Самарова на Иртыше. Там же на Иртыше был городок, называвшийся хант. Тяпыр уш, манс. Сёпыр-ус. Имя Супра, Сопра, Сёпра очень часто встречается как название селений, речек и урочищ по всему нижнему Обь-Иртышью. Сипыр (сепыр, шапыр, шабыр) выступает как имя прародительницы фратрии мощ, моньть — одной из двух угорских фратрий. Слово «сипыр» выступает и как синоним имени манси — вогул. Так, в хантыйском имеем: себар хул или манси хул, т. е. «себарская рыба или мансийская рыба» (елец). В ряде песен территория, обитаемая манси и хантами, именуется, как Луи вот асирм Сипыр махум унлын ма...— Северного ветра холодного Сипыр народом населенная земля.

Наконец среди тобольских татар, по свидетельству С. К. Патканова, распространено предание о народе сывыр, или сибыр, занимавшем до прихода татар территорию по Среднему и Нижнему Иртышу. Им татары приписывают курганы и городища, которые называют соответственно с этим «савыр-туба» и «савыр-кала» [1]. В эвенкийском фольклоре находим упоминание и описание савыр — земли, расположенной к западу от эвенкийской территории и населенной конным народом.

В исторических источниках, относящихся уже к началу XIII в., встречаются названия «земля — сибур», расположенная за Уралом

Некоторые исследователи — Флоринский, Шафарик, Патканов и другие, занимавшиеся вопросом о народе сипыр (сывыр, савыр — сибыр), приходят к заключению, что савыры населяли среднее и отчасти нижнее течение Иртыша с прилегающими районами. Близость савыров с угроязычными народностями указывается связью этого имени с мадьярской ветвью угров. Так, Константин Багрянородный приводит сообщение, что мадьяры во время своего пребывания в Лебедии носили имя Σαβαρτοι, которое некоторые ученые разъясняют как Σαβαρ τουτέστοι 'ασφλοι [1]. Патканов в упомянутом выше исследовании считает возможным допустить, что сибирские сабары, или саберы, составляли лишь ветвь широко рассеянной угро-финской семьи [2].

Некоторые авторы придерживались мнения о тюркской природе сабиров, связывая их, на основании указания Прокопия и Иорнанда, с гуннами, в соответствии с гунно-тюркской теорией происхождения венгров. Однако эта теория не находит никакого обоснования в венгерском языке, принадлежащем, как общеизвестно, к финно-угорской семье. Особенный интерес для нас представляет исследование Б. Мункачи, где он доказывает общность коневодческой терминологии во всех угорских языках и то, что терминология заимствована не из тюркских языков, как полагали некоторые исследователи, а из иранских или индоиранских. Самое возникновение коневодческого кочевого быта у древних угров Мункачи объясняет их соседством с ираноязычными кочевниками, возможно саками [3]. Отмеченная у венгров и обских угров общность коневодческой терминологии не дает возможности помещать и ту часть древнеугорских племен, которая вошла компонентом при формировании манси и хантов, сколько-нибудь севернее территории западносибирской лесостепи и обязывает нас определить область их расселения, по крайней мере в эпоху возникновения кочевого коневодства (т. е. не позднее первой половины I тысячелетия до н. э.), в непосредственном соседстве с древними предками венгров.

Подробнее на этом вопросе здесь останавливаться не будем, т. к. древней истории южноугорских племен должна быть посвящена особая работа. Укажем лишь, что на основании имеющихся материалов мы пришли к выводу, что древние предки угорских народов, общим именем которых являлись

---

[1] S. Patkanoff. Über das Volk der Sabiren, стр. 258—277. «Kel Sz.», Budapest, 1900, I, вып. IV.

[1] К. Грот. Мадьяры и Моравия с половины IV до X в. СПб., 1881, стр. 217.

[2] S. Patkanoff. Ук. соч.

[3] B. Munkacsi. A magyar lovasélet ösisége. Népélet, 1931.

те или иные варианты имени сипыр — савыр, формируются на базе древних культур Зап. Сибири, Зауралья и частично Казахстана. В начале I тысячелетия до н. э. южная часть савырских племен оказывается под длительным и глубоким воздействием ираноязычных групп, возможно саков. Следы этого воздействия, конечно, не ограничиваются немногими упоминавшимися коневодческими терминами. Как в венгерском, так и в мансийском и хантыйском языках можно найти много слов, отражающих различные области материальной культуры, общественного строя и идеологии. Некоторые слова представляют интерес для характеристики времени и среды, в которых осуществлялись эти связи. Таковы: манас. kēr, хант. karta, karti ‘железо’ || авест. karĕta, пехлеви kārt, новоперсидский kard ‘нож’; манс. käsi, хант. keši, kēže, венг. kés (kēš) ‘нож’ || вакхи (памир) köž ‘нож’; манс. sor, хант. sar венг. sör ‘пиво’ ||; санскрит sūrā ’опьяняющий напиток, пиво’; манс. sāk ‘бусы’ || санскрит saktá ‘подвески’; манс. sorńi, sarən хант. sarńa, венг. arany ‘золото’ || авест. zaranya ‘золото’; манс. ōtər ‘богатырь, существо, обладающее сверхчеловеческой мощью’ || санскрит asura’ ‘сверхчеловеческое существо’ [1].

Приведенные примеры могут быть легко расширены. На основании их мы можем составить представление об обществе, достаточно высоко развитом и уже знакомом с металлургией железа.

По археологическому материалу можно сказать, что эти древние кочевые угорские — савырские племена нашли отражение в культурах, представленных в Среднем Прииртышье курганами типа Саргатских и Коконовских, а в Южном Зауралье — Челябинскими.

Из материалов видно, что в течение I тысячелетия до н. э., по мере развития и усиления кочевых угорских племен, наблюдается и рост их воздействия на оседлые племена прилегающих лесных районов. На востоке и юго-востоке таким районом ассимиляции была лесная долина р. Оби, где уже с середины I тысячелетия до н. э. существовали культуры, представленные такими памятниками, как Новосибирский могильник, городище Басандайка; а для поздних этапов этого периода — поселением и могильником близ Большой Речки и другими памятниками, объединенными М. П. Грязновым в фоминскую культуру. На западе в лесном Зауралье, где связь со степью очень хорошо прослеживается и в эпоху поздней бронзы, возникают культуры типа упомянутого выше так называемого «зауральского ананьино». На севере и северо-востоке территории, в Сев. Барабе, по правобережью Иртыша, приблизительно на территории современного Тарского района, и в Васюганье, вплоть до Сургуто-Нарымской Оби, складывается кулайская культура, представленная в Прииртышье Мурлинским кладом. Западнее и, следовательно, несколько ниже по Иртышу, который являлся тогда резко выраженной границей тайги по его правобережью и лесостепи по левому берегу, в Тобольском и Тюменском районах сформировалась потчевашская культура. Для этногенетических процессов Нижней Оби она представляет особенный интерес, в силу чего мы и остановимся на ней в нескольких словах.

Потчевашская культура основывалась на комплексном хозяйстве, слагавшемся из охоты и рыболовства, земледелия и скотоводства. Она имела оседлый характер, как можно судить по многочисленным городищам. Керамика потчевашской культуры показывает несомненную принадлежность ее к культурам лесным и генетически восходит к керамике зеленогорского типа. В то же время в потчевашской культуре мы находим курганные захоронения, не характерные для лесных охотников, содержащие, наряду с потчевашской, керамику степную саргатского типа. Эта смешанность форм керамики обнаруживается уже в ранних слоях Ивановского городища — памятника, предшествующего сложению потчевашской культуры. Едва ли нужно сомневаться в том, что одно из племен лесных охотников и рыболовов, обитавшее по южному краю леса в этой части Прииртышья, в какой-то период оказалось в тесном соседстве с кочевниками, которыми было в дальнейшем ассимилировано, чем в свою очередь и объясняется сложность форм потчевашской культуры. Именно с этими, специфически потчевашскими формами материальной культуры и искусства, в особенности в части грави-

[1] B. Munkacsi. Verschiedenheiten den arischen Lehnwörter der fin.-mág. Sprachen. «Kel. Sz.», 1903, IV, 3, стр. 374—384; его же, Alanische Sprachdenkmäler im ungarischen Wortschatze. «Kel. Sz.», 1904, V, 4, стр. 304—329.

ровки, и обнаруживается главным образом сходство южного компонента в Усть-Полуе.

Таким образом, потчевашская культура и явилась в конечном итоге исходной при формировании усть-полуйской. Мы не можем сейчас точно установить дату возникновения потчевашской культуры, однако она едва ли восходит далее V в. до н. э. Отсюда следует, что освоение низовьев Оби древними уграми, носителями потчевашской культуры, охватило период, едва ли больший, чем 100—150 лет.

Усть-полуйская культура с ее развитой техникой не могла не оказать глубокого влияния на соседние приморские арктические племена, о чем свидетельствует наличие на стоянках Ямала, Тазовской губы, Явая керамики, по формам и орнаментации близкой с усть-полуйской. Кроме того, в фольклоре ненцев, распространившихся, как можно полагать, в приобских тундрах около X в. н. э., находим многочисленные предания о народе «сирти», который они застали, придя в Приобье. Название этого народа сохранилось в топонимике в виде многочисленных «Сиирти-яга» — река сирти, «Сиирти-мяды» — селище сирти, «Сиирти-надо» — яр сирти и т. д. Александр Шренк указывает на встреченный им параллелизм в названиях «сирти» или «сирти-та» и сибер-та»[1]. В последнем варианте совершенно отчетливо выступает близость с именем «сипыр», о котором выше была речь. По всей вероятности, часть аборигенных арктических племен, быть может тех, территория обитания которых была наиболее близка к Усть-Полую, оказалась также в какой-то степени ассимилированной уграми — савырами, почему и стала впоследствии известна ненцам под общим именем савыров[2].

Заканчивая описание интереснейшей в истории Зап. Сибири усть-полуйской эпохи, остановимся лишь на довольно отчетливо прослеживаемом, но далеко еще не ясном явлении — на связях между культурами Обь-Иртышья, с одной стороны, и Южной Сибирью раннеташтыкского времени и Китаем — с другой. Этого вопроса нам приходилось касаться и ранее, когда мы указывали на близость ушастых кельтов тобольского типа с северокитайскими, относящимися к позднечжоускому и ханьскому времени. Кроме формы кельтов, можно отметить распространенный на них узор, а также и усть-полуйские тамги, представляющие как будто подражание иероглифам и печатям, сходство с которыми усиливается тем, что некоторые тамги окаймлены картушами. Напомним также широкое распространение вытянутого Z-образного меандра, применявшегося в виде самостоятельного орнамента, или бордюра на костяных и бронзовых изделиях. Столь же близок встречающийся на усть-полуйской керамике шашечный узор, известный как в китайской орнаментации эпохи Хань, так и в деревянной резьбе таштыкской культуры. Наконец, укажем на сходство потчевашских прорезных блях с китайскими ханьского времени. Эти параллели могут быть значительно расширены, однако причины, обусловившие появление этих общностей, продолжают оставаться неясными, и выяснение их явится одной из задач дальнейшего изучения савырско-угорских древностей.

---

[1] Al. Gust. Schrenk. Reise nach dem Nord-Osten des Europäischen Russlands. Dorpat, 1848, стр. 430.

[2] Слово «сирти», точнее «сииртя» (А. Шренк — sïirté), нен. s'ihirt'α', следует рассматривать как состоящее из двух отдельных компонентов, в которых первый — s'ihir- является лишь переогласовкой упоминавшегося выше этнонима s'iBir. Во втором компоненте -t'α', конечный гортанный смычный заменил собою ранее бывший здесь 'n', в соответствии с закономерным переходом, наблюдаемом в ненецком языке, как, например: n'enec'a' < n'enec'an (*n'ene-t'an) самоназвание ненцев; n'an- ∽ n'a' «рот» и т. д. (Прокофьев). Исходная форма этого наименования таким образом может быть восстановлена как s'ibir-t'an, где -t'an, как установлено Г. Прокофьевым, есть общее самоназвание аборигенных арктических племен, по всей видимости со значением «люди», аналогичное кетскому d'eŋ, юкагирскому t'in, вошедшее и в целый ряд северо-самоедских самоназваний, как-то ńene-c'an «ненцы», ŋanasan «нганасаны» (таймырские самоеды), ene-c'en «энцы» (енисейские самоеды) и т. д.

И. А. Талицкая

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа является до некоторой степени продолжением работы того же автора «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы», опубликованной в МИА № 27. Территории расположения памятников сливаются (табл. I), так как верховья левых притоков Камы находятся в тех же местах, что и верховья левых притоков Оби, точнее притоков Тобола.

Основой для составления материалов к археологической карте бассейна Камы и Приобья послужил архив М. В. Талицкого, созданный главным образом путем проработки литературы и архивных данных. Но М. В. Талицкий занимался Приобьем лишь попутно. Поэтому собранные им материалы были значительно пополнены сведениями из работ, вышедших во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и в послевоенное время, особенно в результате полевых исследований В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской, которыми, помимо проведения археологических разведок и раскопок, просмотрено огромное количество экспонатов в экспозициях и фондах местных музеев. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская любезно предоставили мне собранные ими данные, за что приношу им глубокую благодарность.

Вышедшие в свет работы К. В. Сальникова, археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей, составленная Е. М. Берс, археологическая карта Нижнего Чулыма В. С. Синяева, карта археологических памятников Томского района Г. В. Трухина (табл. 4—6) расширили наши сведения по археологии Западной Сибири. Большую ценность представляют хранящиеся в архивах материалы исследователей — И. Я. Словцова, М. В. Малахова, Ф. А. Уварова, Д. Н. Анучина и др.

В полевых экспедиционных записях Ф. А. Уварова и Д. Н. Анучина, сделанных ими в 1887 г. на Урале, указываются многие памятники, неизвестные по другим источникам. Использована неизданная статья М. В. Малахова «Об антропологическом исследовании в 1881—1882 гг.», в которой автор приводит выписки из архивов Златоустовских заводов о древних чудских разработках руды, так называемых чудских копях.

Очень ценны материалы к археологической карте Тобольской губернии, составленные И. Я. Словцовым и почти полностью использованные нами.

Работа над археологической картой Нижнего и Среднего Приобья строилась по тому же принципу, что и над картой Прикамья, т. е. особое внимание было обращено на стандартность описания и размещение имеющихся данных в определенном порядке: 1) название и вид памятника, 2) дата памятника, 3) местонахождение, 4) текст, 5) литература по памятнику.

Название памятника давалось по близлежащему населенному пункту или приурочивалось к названию местности, реки, озера и т. д. Если памятник известен в литературе под собственным, не связанным с населенным пунктом наименованием, то оно сохранялось в скобках.

Следующее указание — **вид памятника** (стоянка, городище, могильник и т. д.) — требует некоторой оговорки, так как принятые в современной археологии определения не всегда согласуются с данными используемых источников. Особенно это относится к стоянкам — местам древнего поселения (до появления укрепленных городищ). Неукрепленные поселения, синхронные городищам, принято называть селищами. В некоторых же работах, особенно у Е. М. Берс и С. Г. Боча, очень многие памятники названы стоянками, хотя зачастую говорить о их древности нет никаких оснований. И все же я была принуждена сохранять названия, примененные автором, за исключением тех случаев, когда памятник исследован в более позднее время (как, например, «стоянки» С. Г. Боча, осмотренные В. Н. Чернецовым). Лишь после проверки, детального изучения памятников, установления даты их можно будет говорить, какие из них были собственно стоянками, какие селищами (см. в сводной таблице: 133 недатированные стоянки и 14 селищ).

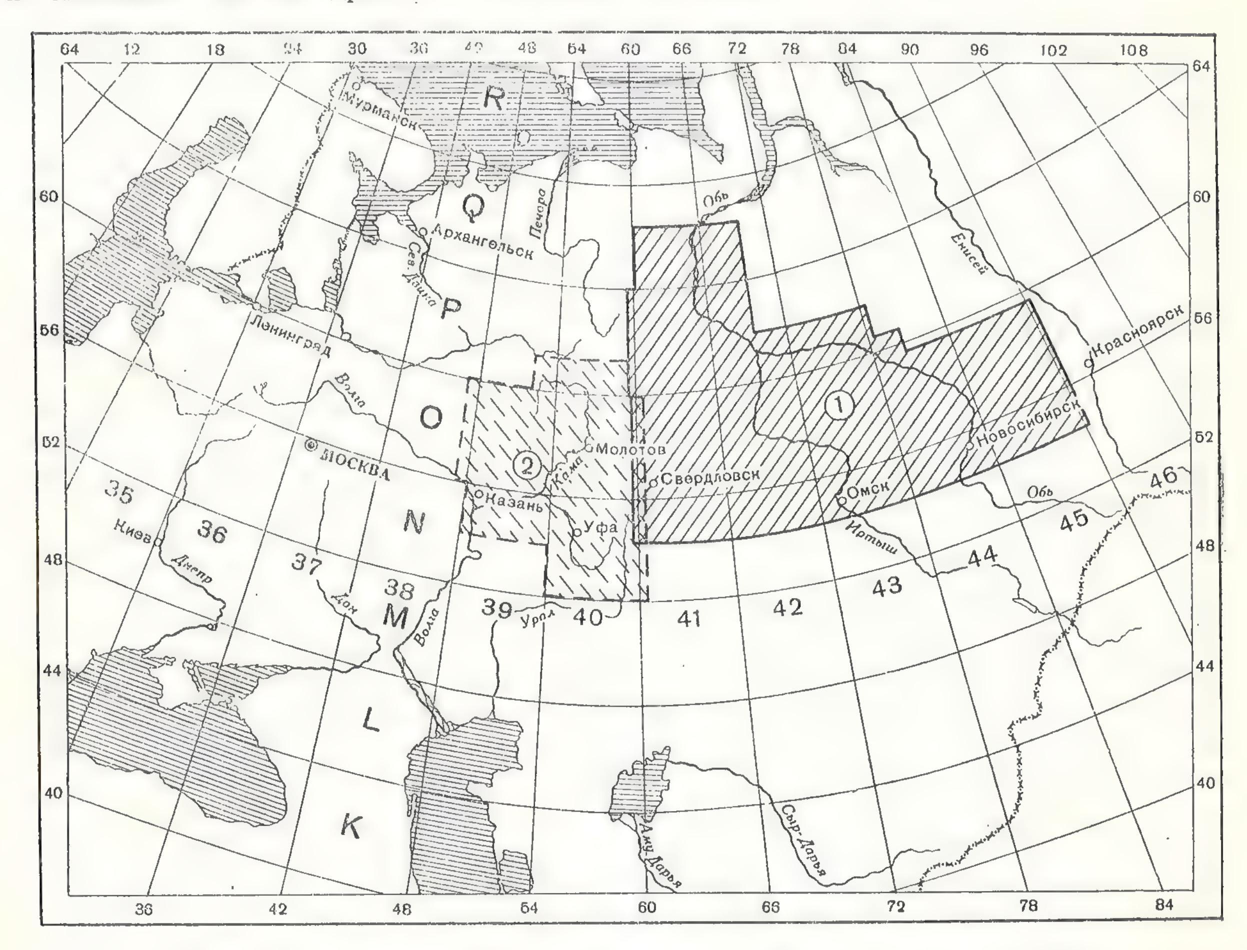


Табл. I. Схема разбивки на листы международной карты в пределах СССР

1 —бассейн Нижней и Средней Оби; *2* —бассейн р. Камы

Дата памятника известна далеко не во всех случаях — из 1055 памятников датирован лишь 151, да и то в огромном большинстве предположительно. Поэтому датировка дается нами очень обобщенно: для древнейшего периода — палеолит, неолит, бронза, для более позднего — I тысячелетие до н. э., I тысячелетие н. э. В тех случаях, когда известна более точная дата, она указывалась. В настоящее время наметились две характерные для Западной Сибири культуры —

усть-полуйская и потчевашская, относимые их исследователями (В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская) к концу I тысячелетия до н. э.— началу I тысячелетия н. э. Обе культуры синхронны, но имеют определенные различия, определенную территорию распространения. Поэтому памятники, относящиеся к ним, выделены в отдельные группы.

Местонахождение памятника дается с соблюдением принципов, установленных и для археологической карты Прикамья, т. е. указан близлежащий населенный пункт, район и область. В тех случаях, когда сведения взяты из архивных документов или литературных источников, относящихся к дореволюционному периоду, для более точной локализации приводится старое и новое административное деление. Далее указываются река или бассейн реки и таблица, на которую нанесен памятник. Местонахождение пункта на таблице определяется соответствующими координатами, обозначенными буквой (широта) и цифрой (долгота). Трапеция, определяемая этими координатами, соответствует $^1/_{144}$ части листа миллионной карты.

За немногими исключениями, отмеченными в каждом отдельном случае, все памятники нанесены на карты (табл. 2—6).

Основной является табл. 3. Но ввиду того, что по техническим причинам она не могла быть дана в целом виде, ее пришлось разделить на четыре части (3а, 3б, 3в, 3г), которые по желанию могут быть соединены, так как эти части являются фактически одной картой. На табл. 3а нанесены памятники 1—29 (Обь), 126—151 (Сев. Сосва); в табл. 3б — 30, 152—153, 157—190 (Иртыш), 245—262 (Конда), 263—385, 387—396 (Тобол), 397—434 (Тавда), 435—530 (Тура), 531—550, 552—685 (Исеть), 715—725 (Ишим); в табл. 3в — 31—40, 42—43 (Обь), 154—156, 191—216, 219—244 (Иртыш), 686—714 (Ишим), 727—766 (Омь); в табл. 3г — 41, 45—125 (Обь).

Ввиду того, что табл. 3, разделенная на части, не дает общего представления о размещении имеющихся памятников, все они, кроме того, нанесены на табл. 2, которая, не давая представления о видах памятника (об этом можно судить по табл. 3 а—г), показывает лишь насыщенность территории археологическими памятниками. В этой же табл. 2 показаны границы разделов, включающих отдельные бассейны рек: Оби с некоторыми притоками, Северной Сосвы, Иртыша, Конды, Тобола, Тавды, Туры, Исети, Ишима, Оми.

На табл. 4 нанесены памятники, расположенные в окрестностях г. Томска (по данным Г. В. Трухина); в табл. 5 — памятники Нижнего Чулыма (по В. С. Синяеву); в табл. 6— памятники г. Свердловска и его окрестностей (по Е. М. Берс).

Последние три таблицы включены, потому что, во-первых, это единственные карты, известные для исследуемого района; во-вторых, данные их не всегда было возможно полностью перенести в сводную табл. 3.

Текст. В описаниях автор старался ответить на вопросы, когда и кем открыт памятник, когда и кем исследован, указать место хранения коллекций, и т. д. Сведения о памятниках, которые хорошо известны в литературе, даны очень кратко. Когда же использовались архивные материалы, сведения приводятся с возможной полнотой. Многие памятники, расположенные близ одного населенного пункта, большей частью даются под одним номером. Этим и объясняется разница в количестве памятников, помещенных в тексте и на карте — табл. 3 — (766) и в сводной таблице распространения памятников по времени и видам (1055).

Литература по памятнику приводится с возможной полнотой.

Нумерация памятников дана сплошная. Направление: от устья рек к истокам их. Порядок — по разделам.

Все памятники сведены в таблицу распределения по времени и видам.

Как видно из приведенной ниже таблицы, огромное количество памятников остается не датированным (904 из 1055). Уже это одно свидетельствует о слабой изученности огромной территории Нижнего и Среднего Приобья. Многие памятники датированы очень условно, но их дата может быть не только уточнена, но и очень сильно изменена при дальнейшем детальном изучении. Вид памятника, особенно селища и стоянки, в большинстве дан предположительно, согласно сведениям исследователей. Курганы — наиболее распространенный вид погребения в Западной Сибири, за редким исключением не раскопаны, а поэтому и дата их не определена.

Автор надеется, что сведения, собранные им в приведенной ниже таблице, соединен-

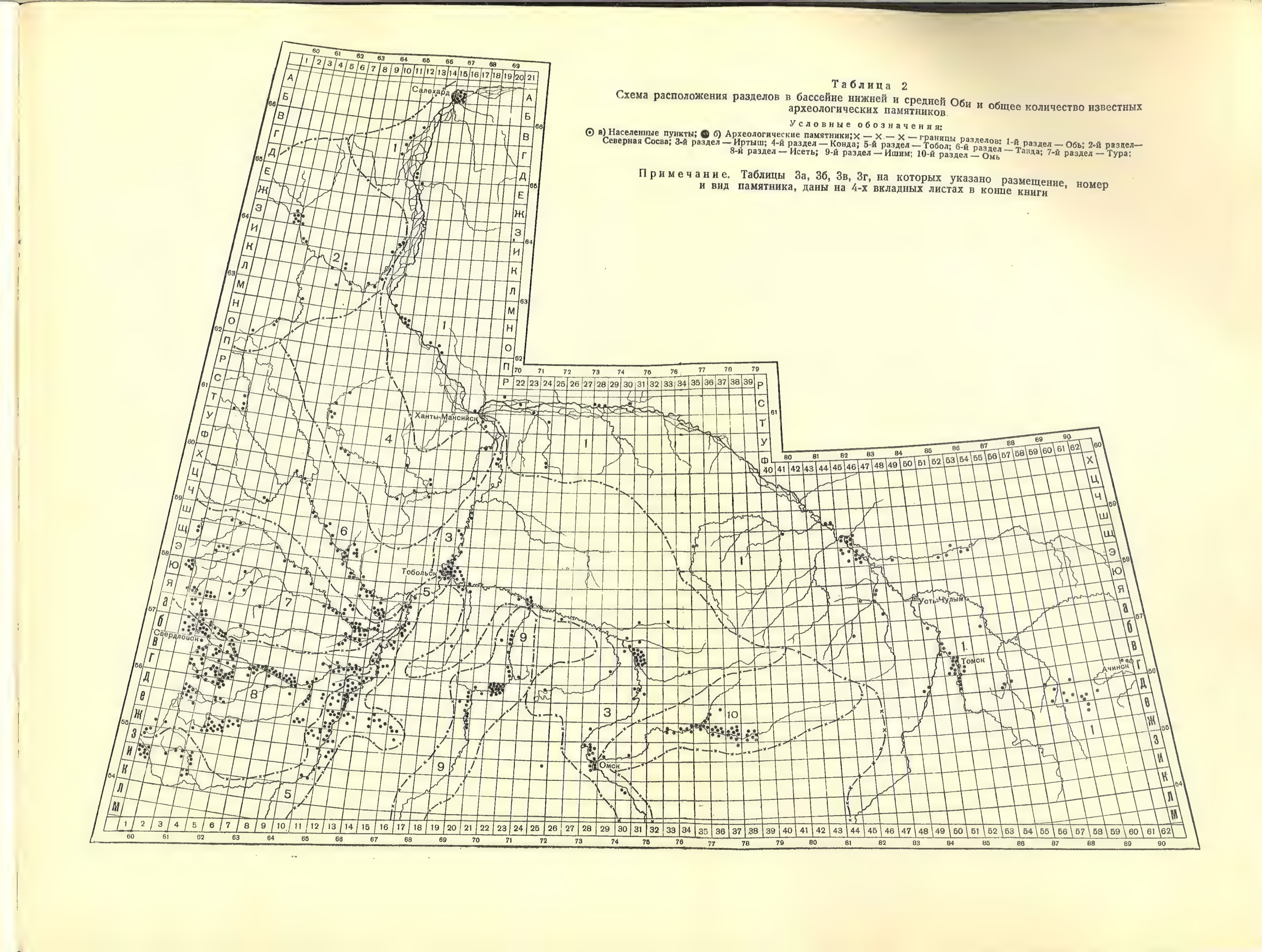


Таблица 2

Схема расположения разделов в бассейне нижней и средней Оби и общее количество известных археологических памятников.

Условные обозначения:

а) Населенные пункты; б) Археологические памятники; × — × — × — границы разделов: 1-й раздел — Обь; 2-й раздел — Северная Сосва; 3-й раздел — Иртыш; 4-й раздел — Конда; 5-й раздел — Тобол; 6-й раздел — Тавда; 7-й раздел — Тура; 8-й раздел — Исеть; 9-й раздел — Ишим; 10-й раздел — Омь

Примечание. Таблицы 3а, 3б, 3в, 3г, на которых указано размещение, номер и вид памятника, даны на 4-х вкладных листах в конце книги

Таблица распределения памятников бассейна р. Нижней и Средней Оби по времени и видам

Вид памятника	Дата памятника									
	Палеолит	Неолит	Эпоха бронзы	I тысячелетие до н. э.	Усть-полуйская культура	Потчевашская культура	I тысячелетие н. э.	XI—XIV вв.	XV—XVIII вв.	Недатированные памятники	Всего
1. Стоянки	1	10	9	3	—	—	1	—	—	133	157
2. Городища	—	—	—	10	5	3	4	2	3	178	205
3. Селища, поселения, стойбища	—	—	6	1	4	—	1	—	—	14	26
4. Могильники и кладбища	—	2	2	2	1	—	5	—	3	14	29
5. Курганные группы	—	—	23	13	—	3	3	—	—	296	338
6. Культовые и жертвенные места и пещеры	—	—	1	2	—	—	—	—	—	15	18
7. Клады	—	—	1	1	—	—	—	1	—	8	11
8. Чудские копи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	24
9. Валы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
10. Писаницы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	13
11. Местонахождения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	28
12. Отдельные находки	—	1	4	17	1	—	2	—	—	177	202
Всего	1	13	46	49	11	6	16	3	6	904	1055

Датированные памятники 151

ными силами исследователей и работников местных музеев и других учреждений будут в ближайшее время уточнены, расширены и дополнены.

Описание памятников в настоящей работе дается по следующим разделам:

Раздел 1. Обь. Памятники, расположенные по р. Оби и ее небольшим притокам. № 1—125.

Раздел 2. Северная Сосва. Памятники, расположенные в бассейне р. Северной Сосвы — левого притока р. Оби. № 126—151.

Раздел 3. Иртыш. Памятники, расположенные по р. Иртышу — левому притоку р. Оби и его небольшим притокам. № 152—244.

Раздел 4. Конда. Памятники, расположенные по р. Конде — левому притоку р. Иртыша. № 245—262.

Раздел 5. Тобол. Памятники, расположенные по р. Тоболу — левому притоку р. Иртыша и его небольшим притокам. № 263—396.

Раздел 6. Тавда. Памятники, расположенные по р. Тавде — левому притоку р. Тобола. № 397—434.

Раздел 7. Тура. Памятники, расположенные по р. Туре — левому притоку р. Тобола. № 435—530.

Раздел 8. Исеть. Памятники, расположенные по р. Исети — левому притоку р. Тобола. № 531—685.

Раздел 9. Ишим. Памятники, расположенные по р. Ишиму — левому притоку р. Иртыша. № 686—726.

Раздел 10. Омь. Памятники, расположенные в бассейне р. Оми — правого притока р. Иртыша. № 727—766.

Раздел 1

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО Р. ОБИ И НЕКОТОРЫМ ЕЕ ПРИТОКАМ

1. Зеленая горка, стоянка. VII—V вв. до н. э. Салехард, город Ямало-Ненецкого нац. округа Тюменской обл., правый берег р. Полуя — правого притока Оби. Табл. 3а; А-15; 66°20′; 66°30′ [1].

На мысу «Зеленая горка», на правом берегу р. Полуя, в 5 км ниже г. Салехарда при археологической разведке, произведенной Мангазейской экспедицией в 1946 г. под руководством В. Н. Чернецова, открыт интенсивно окрашенный культурный слой, принадлежащий стоянке эпохи раннего железа.

А. П. Смирнов, 1948, стр. 113; В. Н. Чернецов, 1949, стр. 67—74.

2. Зеленая горка, селище. X—XII вв. н. э. Рядом со стоянкой (см. № 1) раскопками 1946 г. обнаружено селище с жилищами полуземляночного типа.

А. П. Смирнов, 1948, стр. 113; В. Н. Чернецов, 1949, стр. 70.

3. Зеленая горка, могильник (?). IV в. до н. э. — II в. н. э. При раскопках стоянки Зеленая горка (см. № 1) в 1946 г. обнаружен сосуд на поддоне усть-полуйского типа, принадлежавший, видимо, грунтовому погребению.

А. П. Смирнов, 1948, стр. 113; В. Н. Чернецов, 1949, стр. 67—74.

4. Усть-Полуйское городище. IV в. до н. э.— II в. н. э. Городище расположено на правом высоком берегу р. Полуя в 3,5 км ниже г. Салехарда (см. № 1).

В. С. Адрианов, 1935; 1936, стр. 278; В. Н. Чернецов, 1941, стр. 23 и сл.; 1946_1, стр. 155; 1947_1, стр. 113; 1947_2, стр. 73; А. П. Смирнов, 1948, стр. 113; С. В. Киселев, 1942, стр. 48; В. И. Мошинская, 1953_1, стр. 72 и след.; 1953_2, стр. 107 и след.

---

[1] Географические координаты относятся не к самому памятнику, а лишь обозначают точку, лежащую в юго-западном углу трапеции (А-15), ограниченной 20′ с юга на север (т. е. между 66°20′ и 66°40′ сев. шир.) и 30′ с запада на восток (т. е. между 66°30′ и 67°00′ вост. долготы), в которой находится памятник. Для сокращения сняты обозначения «северная широта» и «восточная долгота». Этот принцип выдержан и во всех последующих случаях.

5. Хар-Сойм, стойбище. III—II вв. до н. э. В 1,5 км ниже г. Салехарда (см. № 1), на обоих берегах ручья Хар-Сойм, впадающего в р. Шайтанку — правый приток р. Полуй, обнаружен тонкий культурный слой, принадлежащий кратковременным стойбищам, относящимся к усть-полуйской культуре.

В. Н. Чернецов, 1946_2; А. П. Смирнов, 1948, стр. 113.

6. Хар-Сойм, могильник. XVIII—XIX вв. На правом берегу ручья Хар-Сойм (см. № 5), в 1,5 км от г. Салехарда находятся хантыйские могильники XVIII—XIX вв. н. э.

В. Н. Чернецов, 1946_2.

7. Салехардская (Шайтанковская) стоянка. VII—V вв. до н. э. Близ г. Салехарда (см. № 1), на левом берегу р. Шайтанки (правый приток р. Полуя) обнаружен тонкий культурный слой, принадлежащий кратковременному стойбищу середины I тысячелетия до н. э.

В. Н. Чернецов, 1946_2.

8. Салехардская стоянка. Эпоха бронзы. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской в 1946 г. открыта и исследована стоянка эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.) близ пристани Салехард (см. № 1).

А. П. Смирнов, 1948, стр. 113; В. И. Мошинская, 1953_3, стр. 188.

9. Салехардское селище. III—II вв. до н. э. Близ пристани Салехард (см. № 1) находится поселение с жилищами земляночного типа, принадлежащее к усть-полуйской культуре.

В. И. Мошинская, 1953_3, стр. 180.

10. Салехардский 1-й могильник. XVIII—XIX вв. В 1946 г. В. Н. Чернецовым обследован хантыйский могильник на правом берегу р. Полуя в г. Салехарде (см. № 1), у Кирпичных сараев. Могильник частично разрушен.

В. Н. Чернецов, 1946_2; А. П. Смирнов, 1948, стр. 113.

11. Салехардский 2-й (Еловый мыс) могильник. XVIII—XIX вв. В 1946 г. В. Н. Чернецовым исследован хантыйский могильник близ г. Салехарда (см. № 1) на Еловом мысу.

В. Н. Чернецов, 1946_2; А. П. Смирнов, 1948, стр. 113.

12. Шурышкарское местонахождение. Шурышкары, поселок Ямало-Ненецкого нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), левый берег р. Малой Оби у устья Шурышкарского сора. Табл. 3а; В-12; 65°40′; 65°00′.

К. Голодников говорит о кургане близ Шурышкаров. И. Я. Словцов, ссылаясь на «Памятную книжку Тобольской губернии», указывает городище и даже дает его размеры: окружность 70 саж. и вышина 5 саж.

К. Голодников, 1879, стр. 17; И. Я. Словцов, 1887, № 184; «Памятная книжка Тобольской губернии», 1884.

13. Войкарский городок. Войкарские зимние юрты Ямало-Ненецкого нац. округа Тюменской обл. (б. Куноватская вол. Березовского у. Тобольской губ.), устье р. Войкара — левого притока р. Горной Оби. Табл. 3а; В-11; 65°40′; 64°30′.

И. Я. Словцов указывает близ юрт «городок, имеющий 90 саж. в окружности и 5 саж. вышины».

И. Я. Словцов, 1887, № 183; «Памятная книжка Тобольской губернии», 1884.

14. Войкарские курганы. По данным К. Д. Носилова, на левом берегу р. Оби, близ юрт Войкары (см. № 13), имеются два «кургана вышиною до 20-ти футов, длиной 100—140 футов, при ширине 35—45 футов».

К. Д. Носилов, 1890, стр. 567.

15. Шухчискарский курган. Шухчискарские юрты Ямало-Ненецкого нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), низовья Оби (точнее неизвестно).

По данным К. Д. Носилова, на берегу озера близ юрт Шухчискар имеется подмываемый «курган», в обвалах которого местные жители находили медные и серебряные вещи (чаши).

К. Д. Носилов, 1890, стр. 567.

16. Сынский клад (?). Ямало-Ненецкий нац. округ Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), р. Сыня (Сынская) — левый приток р. Малой Оби (точнее неизвестно). Табл. 3а; Г-11; 65°20′; 64°30′.

В 1897 г. Археологическая комиссия, при содействии Тобольского музея, приобрела в с. Мужах два серебряные блюда, найденные в бассейне р. Сынской (точнее неизвестно). Первое блюдо имеет форму четырехугольного глубокого подноса; по широкой кайме нанесена арабская надпись, означающая в переводе: «Благодать божия и господство да будет над эмиром праведным, венцом народов и светилом царства, Харезмшахом Абу Ибрахимом, преемником повелителя правоверных, да продлит аллах жизнь его и возвысит власть его!» Из надписи следует, что блюдо относится к XIII в. Посредине рельефом вычеканена бляха, позолоченная. По углам борта вырезаны клейма с изображением птиц. На буквах и на всех гравированных украшениях приметны следы выкрошившейся черни. На одном конце блюда пробиты два отверстия для привешивания.

Вторая находка представляет плоское из плохого серебра блюдце 18 см в диаметре, с изображением едущего всадника, с остроконечным шлемом на голове, в длиннополом кафтане и в кольчуге. Лошадь украшена богатой сбруей. Работа поздняя и грубая, по всей вероятности исполненная с плохого или дурно понятого образца.

ОАК за 1897 г., стр. 76, 187, рис. 185; ОАК за 1898 г., стр. 81, 189, рис. 149; Н. Л. Скалозубов, 1902, стр. 27; «Хроника Тобольского губернского музея», 1902, стр. 45; Я. И. Смирнов, 1909, табл. LXXXII, *150;* LXXXV, *155.*

17. Кушеватское городище. V—IV вв. до н. э. Кушеват, поселок Ямало-Ненецкого нац. округа Тюменской обл. (б. Куноватская вол. Березовского у. Тобольской губ.), правый берег Оби. Табл. 3а; Д-12; 65°00′; 65°00′. Близ поселка находится городище, расположенное на многослойном памятнике более раннего времени. Сборы на городище производил в 1926 г. Д. Н. Редриков. Его отчет и коллекция находок хранятся в МАЭ.

В. Н. Чернецов, 1949, стр. 70.

18. Хара-Патка — стоянка. Эпоха бронзы. I тыс. до н. э. Близ поселка Кушеват (см. № 17) расположена многослойная стоянка, обследованная Д. Н. Редриковым в 1925 г. Коллекция хранится в МАЭ.

В. Н. Чернецов, 1953_1, стр. 65.

19. Куноватский «городок». Куноват, поселок Ямало-Ненецкого нац. округа Тюменской обл. (б. Куноватская вол. Березовского у. Тобольской губ.), устье р. Куновата — правого притока Оби. Табл. 3а; Е-13; 64°40′; 65°30′.

И. Я. Словцов указывает «городок» в 180 верстах от Березова, вниз по Оби, близ с. Куноватского.

И. Я. Словцов, 1887, № 180.

20. Вежакарское городище. X—XII вв. Против юрт Вежакарских, Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), правый берег р. Большой Оби. Табл. 3а; К-13; 63°20′; 65°30′.

В. Н. Чернецовым в 1948 г. обследовано городище на мысу, называемом Минне-лув-Хайтне-лув-Хуринг-ус.

В. Н. Чернецов, 1948.

21. Шеркалинское городище. Шеркалы, поселок Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), правый берег Оби. Табл. 3а; М-12; 62°40′; 65°00′.

В 3 км ниже пос. Шеркалы на мысу, омываемом с юго-запада Обью, а с востока р. Шаш-вош-чар, находится городище, известное как священное место остяков.

«Тобольские губернские ведомости», 1894; И. С. Поляков, 1865; В. Н. Чернецов, 1948.

22. Алешкинское городище. Алешкины юрты Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Оби. Табл. 3а; Н-13; 62°20′; 65°30′.

В 1948 г. В. Н. Чернецовым обследовано городище между юртами Алешкиными и Низямскими.

В. Н. Чернецов, 1948.

23. Низямское 1-е (Вож-Пай) городище. XIV—XV вв. Низямские юрты Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Оби. Табл. 3а; Н-13; 62°20′; 65°30′.

Городище, обследованное в 1948 г. В. Н. Чернецовым, расположено в устье р. Нисан-Иоган (правый приток Оби).

В. Н. Чернецов, 1948.

24. Низямское 2-е городище. III—II вв. до н. э. Городище расположено близ Низямского 1-го (см. № 23). Обследовано В. Н. Чернецовым в 1948 г. Относится к усть-полуйской культуре.

В. Н. Чернецов, 1948.

25. Низямские находки. В устье р. Нисан-Иоган, близ Низямских юрт (см. № 23) на песчаной косе В. Н. Чернецовым в 1948 г. обнаружена керамика эпохи энеолита, бронзы и раннего железа.

В. Н. Чернецов, 1948.

26. Низямское (Русь-хар-Сойм) селище. III—II вв. до н. э. Несколько выше Низямских юрт и р. Нисан-Иоган (см. № 23) у устья ручья Русь-хар-Сойм В. Н. Чернецовым при разведке в 1948 г. обнаружено поселение, относящееся к усть-полуйской культуре.

В. Н. Чернецов, 1948.

27. Мало-Атлымское городище. Малый Атлым, поселок Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Оби. Табл. 3а; О-15; 62°00′; 66°30′.

Городище обследовано Л. А. Кориковым. Керамика и шлаки хранятся в Омском и Тобольском музеях (книга поступлений Тобольского музея, № 3079, 3080).

В. И. Мошинская, 1949.

28. Леушинские находки. Леуши, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Кондинская вол. Березовского у. Тобольской губ.), правый берег Оби. Табл. 3а; О-16; 62°00′; 67°00′.

В обвале берега реки случайно найдены фрагменты керамики, хранящиеся в Тобольском музее (книга поступлений, № 4486).

В. И. Мошинская, 1949.

29. Карымкарские находки. Карымкары, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), правый берег Оби. Табл. 3а; О-16; 62°00′; 67°00′.

Н. Л. Скалозубов указывает на богатство археологическими древностями окрестностей Карымкарских юрт.

Н. Л. Скалозубов, 1902, стр. 27.

30. Белогорский (Уна-Пай) могильник. Белогорье, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), о-в Уна-Пай на Оби, против Белогорья. Табл. 3б; С-19; 61°00′; 68°30′.

В Тобольском музее хранится ряд находок (бусы, пуговицы, стрелы, металлические фигурки животных, человеческие кости и др.) из могильника Уна-Пай (книга поступлений Тобольского музея, № 1505).

Н. Л. Скалозубов указывает на богатство археологическими древностями окрестностей Белогорских юрт.

Н. Л. Скалозубов, 1902, стр. 27; В. И. Мошинская, 1949.

31. Скрипуновские находки. Скрипуново, деревня Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Оби, выше впадения р. Иртыша. Табл. 3в; С-21; 61°00′; 69°30′.

С. К. Паткановым в 1887 г. привезены Археологической комиссии некоторые вещи (изображения рыб, птиц, животных, серьги, браслеты, цепочки, кольца, бубенчики, бляхи и пластинки с изображениями людей и др.), приобретенные у местных жителей. Бо̀льшая часть вещей происходит из небольшой, размытой водой насыпи, называемой «сопка», на берегу Оби, между дер. Скрипуново и юртами Аркиными, километрах в 65 от с. Самарского. Вещи хранятся в ГИМ.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXIV; S. Patkanow, 1897, стр. 107; А. А. Спицын, 1906₂, рис. 336, 343, 357, 358, 366, 372, 373, 400, 415, 419, 420, 421, 479, 490; А. В. Шмидт, 1935, стр. 211.

32. Селияровские находки. Селиярово, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Сургутский у. Тобольской губ.), правый берег Оби. Табл. 3в; С-22; 61°00′; 70°00′.

В Тобольском музее хранится керамика (книга поступлений, № 4171, инв. № 863, 867, 873, 877, 878), найденная случайно близ села.

С. К. Патканов сообщает об археологических памятниках (не указывая, какие именно), расположенных близ села.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXVI; В. И. Мошинская, 1949.

33. Торопковский (Leng-ponk) могильник. Торопкова, поселок Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), устье р. Салыма — левого притока Оби. Табл. 3в; С-23; 61°00′; 70°30′.

В местности Leng-ponk близ устья р. Салыма расположен могильник, о котором упоминают С. К. Патканов и Л. Р. Шульц. Тобольским музеем приобретен оттуда ряд предметов.

С. К. Патканов, 1891; Л. Р. Шульц, 1913, стр. 16.

34. Тимковское (Nurom-vos) городище. Тимковские юрты Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Салыма — левого притока Оби. Табл. 3в; Т-24; 60°40′; 71°00′.

Городище расположено на мысу лесного острова среди болота, километрах в 4 от «вымерших юрт Тимковских». На нем позднее находилось священное место остяков. Городище обследовано экспедицией Тобольского музея в 1911 г.

Б. Н. Городков, 1913, стр. 1—100; Л. Р. Шульц, 1913, стр. 16.

35. Кинтусовское (Ar-jax-vas) городище. Кинтусово, поселение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Салыма — левого притока Оби. Табл. 3в; Ф-24; 60°00′; 71°00′.

Городище находится на восточном берегу оз. Кинтусова, относится к усть-полуйской культуре. Обследовано доктором Янко, а в 1911 г. экспедицией Тобольского музея. Находки хранятся в Тобольском музее (книга поступлений, № 5180—5246).

Б. Н. Городков, 1913, стр. 1—100; Л. Р. Шульц, 1913, стр. 8—11; В. И. Мошинская, 1949.

36. Кинтусовский могильник. VIII—X вв. На территории Кинтусовского городища (см. № 35) расположен могильник, обследованный экспедицией Тобольского музея в 1911 г.

Б. Н. Городков, 1913, стр. 1—100; Л. Р. Шульц, 1913, стр. 8—11.

37. Барсов «городок», городища. Сургут, город Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Оби. Табл. 3в; С-28; 61°00′; 73°00′.

Яр «Барсова гора» расположен на берегу протоки Утонлой, в 11—12 км к западу от г. Сургута. На протяжении 4,5 км тянутся городища, обследованные в 1885 г. шведским ученым Мартином. В 1895 г. Н. Павловым снят схематический план городищ, хранящийся в библиотеке Тобольского музея ($\frac{902.6}{11\text{-}12}$ инв. № 6821). Описание памятников см. в специальной работе Т. Арне.

И. Я. Словцов, 1887, № 185; T. I. Arne, 1935.

38. Барсов «городок», могильник. VIII—XII вв. Могильник расположен в той же местности, где находятся городища (см. № 37). Раскопан в 1885 г. Мартином. Коллекция хранится в Стокгольмском музее. Детальное описание см. в работе Т. Арне.

И. Я. Словцов, 1887, № 185; T. I. Arne, 1935.

39. Сургутские находки. Сургут, город Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Оби. Табл. 3в; С-28; 61°00′; 73°00′.

В Молотовском (Пермском) музее хранится коллекция черепков с городища близ г. Сургута, поступившая от В. Ф. Казакова при основании археологического отдела в 1891 г.

В Тобольском музее имеется бронзовый «скифского» типа котел, найденный близ Сургута и доставленный В. Ф. Казаковым. Оттуда же им доставлен меч сарматского типа.

В. И. Мошинская, 1949.

40. Бардаков «городок». В 50 км к востоку от г. Сургута Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Тром-Югана — правого притока Оби. Табл. 3в; С-30; 61°00′; 74°00′.

О «городке» упоминает И. Я. Словцов.

И. Я. Словцов, 1887, № 177.

41. Чижапские находки. Усть-Чижапка, поселок Нарымского края Томской обл. (б. Парабельская вол. Томской губ., б. Усть-Чижапские юрты), устье р. Чижапки — правого притока р. Васюгана — левого притока Оби. Табл. 3г; Ш-41; 58°40′; 79′30°.

В Томском музее имеется несколько металлических предметов (в том числе: половина тонкой пластинки с изображением стоящего человека, медная ажурная пластинка с изображением двух животных, медная ажурная поделка и др.), найденных близ устья р. Чижапки и переданных в музей Л. Н. Зинченко. Условия находки неизвестны.

И. М. Мягков, 1929, стр. 56.

42. Айполовское (Вачег-юг) местонахождение. Айполово, поселок Нарымского края Томской обл. (б. Васюганская вол. Томской губ.), правый берег р. Васюгана — левого притока Оби. Табл. 3в; Ш-35; 58°40′; 76°30′.

Километрах в двух от устья р. Айпол, на правом берегу р. Васюгана высится несколько скал, носящих название Вачег-юг — городской лес. По местному преданию, здесь был большой укрепленный город.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 199.

43. «Айполовы бугры», находки. Близ поселка Айполово (см. № 42) на левом берегу р. Васюгана, против устья р. Айпол расположены «бугры», в которых находили черепки пестрых глиняных сосудов.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 200.

44. Васюганские находки. Нарымский край Томской обл. (б. Васюганская вол. Томской губ.), р. Васюган — левый приток Оби.

С р. Васюган (точнее неизвестно) имеется медное изображение человека, купленное у местных жителей и хранящееся у Л. Н. Зинченко.

И. М. Мягков, 1929, стр. 57, 64.

45. Пыжынские находки. Пыжыны юрты Нарымского края Томской обл. (б. Нижне-Подгорная вол. Томской губ.), левый берег Оби. Табл. 3г; Ч-44; 59°00′; 81°00′.

Километрах в двух от Пыжыных юрт вглубь материка от берега реки имеется возвышенность Пыжын-эт, похожая на курган, вышиной 17—21 м. Здесь находили изделия из глины. Местные жители связывают эту местность с «чудаками».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 174.

46. Тюхтеревские «курганы». Тюхтеревы юрты Нарымского края Томской обл. (б. Нижне-Подгорная вол. Томской губ.), р. Обь. Табл. 3г; Ч-44; 59°00′; 81°00′.

Тюхтеревские (Чворхол-эт) «курганы» расположены в 13 км ниже Нарыма, близ юрт Тюхтеревых, находящихся в заливе Оби. У местного населения эти курганы известны как жилища «чудаков».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 174—175.

47. Ласкины (Кор-эт) курганы (?). Ласкины юрты Нарымского края Томской обл. (б. Верхне-Подгорная вол. Томской губ.), правый берег Оби. Табл. 3г; Ш-45; 58°40′; 81°30′.

Близ юрт Ласкиных (Кор-эт), расположенных километрах в 25 выше Нарыма, есть небольшие курганы, о которых местные жи-

тели рассказывают, что это могилы их предков, называвшихся «чудью».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 166.

48. Парба-эт, курган. Парба-эт юрты Нарымского края Томской обл. (б. Парабельская вол. Томской губ.), правый берег р. Парбы — правого притока Оби. Табл. 3г; Ш-45; 58°40′; 81°30′.

По словам А. Ф. Плотникова: «В расстоянии одной версты от юрт Парб-эт есть признаки прежних жилищ по рассказам местных жителей — их предков. В 1,5 верстах от селения — курган, длиной около 25 саж. и вышиной 2,5 арш., в котором, по рассказам, также похоронены их предки, павшие в битве с инородцами других племен».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 168.

49. Луговской бугор. Луговская, деревня Нарымского края Томской обл. (б. Парабельская вол. Томской губ.), р. Кеть — правый приток Оби. Табл. 3г; Ш-46; 58°40′; 81°30′.

«В 4-х верстах от деревни, близ нижнего устья р. Кети расположен бугор вышиной около 2 саж., в окружности около 15 саж. Существует предание, что здесь жил какой-то неизвестного племени богатырь».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 238.

50. Черный бугор. Черная, деревня Нарымского края Томской обл. (б. Парабельская вол. Томской губ.), р. Кеть — правый приток Оби. Табл. 3г; Ш-45; 58°40′; 81°30′.

Деревня находится на берегу названного по ее имени оз. Черного, близ устья р. Кети. На месте, где стоит деревня, был бугор, на котором, по преданию, жили три брата-богатыря.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 239.

51. Степановский бугор. Степановка, деревня Нарымского края Томской обл (б. Парабельская вол. Томского у. и губ.), р. Кеть — правый приток Оби. Табл. 3г; Ш-45; 58°40′; 81°30′.

«Бугор расположен в ½ версты от деревни. Вышина его до 3 саж. Длина — до 50 саж. В половодье никогда не заливается».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 239.

52. Городищенский бугор. Городищенская деревня Нарымского края Томской обл. (б. Парабельская вол. Томского у. и губ.), р. Кеть — правый приток Оби. Табл. 3г; Ш-45; 58°40′; 81°30′.

По данным А. Ф. Плотникова, бугор расположен в 4 верстах от деревни; вышина его 1½—2 саж., длина 15 саж. Городищенская находится у протоки Оби «Лука» (близ устья р. Кети.)

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 237, 239.

53. Устиновский курган (?). Устинова, деревня Нарымского края Томской обл. (б. Кетская вол. Томского у. и губ.), р. Кеть — правый приток Оби. Табл. 3г; Щ-48; 58°20′; 83°00′.

Деревня находится на левом берегу Безымянного истока, впадающего в Кеть. Близ деревни на берегу истока расположен продолговатый по форме «курган», высотой 10,5 м.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 271.

54. Ганькины (Варг-эт) «курганы». Ганькины юрты Нарымского края Томской обл. (б. Няньжинская вол. Томского у. и губ.), р. Нибига — левый приток р. Суйги — левого притока р. Кети. Табл. 3г; Щ-51; 58°20′; 84°30′.

В местности Варг-эт близ юрт Ганькиных расположено около 100 «курганов».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 207.

55. Широковы (Юкиангу) бугры. Широкова (Юкиангу), село Нарымского края Томской обл. (б. Кашкинская вол. Томского у. и губ., б. Широковы юрты), левый берег р. Кети — правого притока Оби. Табл. 3г; Щ-52; 58°20′; 85°00′.

Близ селения, в бору,— старые бугры, где, по преданию, жили предки местных жителей. Бугры расположены по двум линиям, между ними «широкий проход сажени в три, как бы для улицы». Тут же впереди стоит большой бугор, в котором, по преданию, жил богатырь, начальник юртового селения.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 208—209.

56. Сегондинский бугор. Сегондины юрты Нарымского края Томской обл. (б. Кашкинская вол. Томского у. и губ.), р. Сегондин — правый приток р. Кети — правого притока Оби. Табл. 3г; Щ-52; 58°20′; 85°00′.

Юрты находятся на боровом острове. Близ них расположен бугор, 32 м в длину.

Он окружен рвом со множеством возвышений.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 208.

57. Карелинские (Чеворса-эта) бугры. Карелины (Чеворса-эта) юрты Нарымского края Томской обл. (б. Кашинская вол. Томского у. и губ.), левый берег р. Кети — правого притока Оби. Табл. 3г; Щ-53; 58°20′; 85°30′.

Около юрт — бугры, растянувшиеся по берегу на 5,5 км.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 208.

58. Мулешкинские (Лакон-Тюсок) бугры. Мулешка, село Нарымского края Томской обл. [б. Кашкинская вол. Томского у. и губ., б. Мулешкины (Лакон-Тюсок) юрты], левый берег р. Кети — правого притока Оби. Табл. 3г; Щ-53; 58°20′; 85°30′.

«В полуверсте от селения находится около 60 бугров, расположенных по берегу в 8 рядов».

А. Ф. Плотников, 1901, 209.

59. Калинакский бугор. Калинак, деревня Нарымского края Томской обл. (б. Парабельская вол. Томского у. и губ.), р. Калинак — левый приток Оби. Табл. 3г; Щ-45; 58°20′; 81°30′.

Близ селения встречаются ямы — остатки жилищ прежних жителей. В 2 км от селения также замечаются следы прежних жилищ, и есть большой бугор, называемый местными жителями «могильником», на месте которого, по преданию, жила «чудь».

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 235.

60. Сагандуковское поселение. Сагандуковы юрты Нарымского края Томской обл. (б. Ларпинская вол. Томского у. и губ.), левый берег старицы р. Оби. Табл. 3г; Щ-45; 58°20′; 81°30′.

А. Ф. Плотников указывает, что Сагандуковы юрты находятся уже на третьем месте. Вначале они были за рекой, в двух местах, на расстоянии двух верст от настоящего селения. Там видны следы бывших землянок.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 160.

61. Сагандуковский могильник. В месте старого расположения Сагандуковых юрт (см. № 60), близ того места, где видны следы старых землянок, по указанию жителей, находятся могилы их предков.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 160.

62. Невальцевский (Невальгунак) могильник (?). Невальцевы (Невальгунак) юрты Нарымского края Томской обл. (б. Парабельская вол. Томского у. и губ.), р. Обь. Табл. 3г; Щ-45; 58°20′; 81°30′.

По данным А. Ф. Плотникова, в 1,5 верстах от селения находится кладбище, где есть два бугра. Один из них 1,5 саж. вышины, 8 саж. ширины и около 25 саж. длины.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 163.

63. Иванкинские курганы. Иванкины юрты Нарымского края Томской обл. (б. Пиковская вол. Томского у. и губ.), правый берег р. Пуррянги — притока Оби. Табл. 3г; Щ-46; 58°20′; 82°00′.

В 2 и 10 км от селения находятся небольшие курганы, о которых местные жители говорят, что одни из них — бывшие жилища предков, а другие — могилы умерших.

В 3 км от Иванкиных юрт заметны следы жилья; по словам местных жителей, это была крепость, окруженная рвами, заметными еще в недавнее время.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 153.

64. Киаровский курган. Киаровы юрты Нарымского края Томской обл. (б. Пиковская вол. Томского у. и губ.), правый берег Оби. Табл. 3г; Щ-46; 58°20′; 82°00′.

А. Ф. Плотников сообщает, что недалеко от Иванкиных юрт (см. № 63) находится курган вышиной в 2 саж. и длиной в 25 саж. Существует предание, что здесь жили предки обитателей юрт Киаровых, убежавшие в другое место, так как здесь киаровцы умирали от укусов змей, водившихся в большом количестве. Много змей на этом месте попадается и в настоящее время.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 153.

65. Тяголовы юрты, местонахождение. Тяголовы юрты Нарымского края Томской обл. (б. Нижне-Тогурская вол. Томского у. и губ.), левый берег Оби. Табл. 3г; Щ-46; 58°20′; 82°00′.

Юрты находились прежде в 2 км от Тяголовых юрт, на берегу р. Оби, в землянках «карамо», которых было до 180. А. Ф. Плотников сообщает, что следы этих землянок в виде ям видны до настоящего времени. Часть ям ежегодно смывается рекой. После половодья находят деньги времен царей Алексея Михайловича, Петра I, Елизаветы и Екатерины II.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 149—150.

66. Иготкинские курганы. Иготкины юрты Нарымского края Томской обл. (б. Нижне-Тогурская вол. Томского у. и губ.), правый берег Оби. Табл. 3г; Щ-46; 58°20′; 82°00′.

Близ юрт находятся два больших кургана.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 150.

67. Конеровское местонахождение. Конеровы юрты Нарымского края Томской обл. (б. Тогурско-Порубежная вол. Томского у. и губ.), левый берег Оби. Табл. 3г; Щ-46; 58°20′; 82°00′.

А. Ф. Плотников указывает, что в 100 саж. от современных юрт Конеровых видны остатки прежнего селения — ямы «карамо». Только по береговой линии их около 80, но многие уже смыты водой. Все старые жилища были расположены близко к берегу.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 147.

68. Конеровский курган. В 2 км от Конеровых юрт (см. № 67) расположен небольшой курган, о времени образования которого местные жители ничего не знают. Ранее в этом кургане, по их словам, находили какие-то предметы из глины, вроде стаканов, рюмок, чашек.

А. Ф. Плотников, 1901, стр. 148.

69. Подгорновская находка. I тысячелетие до н. э. Подгорное, село Нарымского края Томской обл., правый берег р. Чаи — левого притока Оби. Табл. 3г; Ю-47; 57°40′; 82°30′.

Близ села при раскопках целины случайно обнаружены бронзовые вещи, в том числе трехперые наконечники стрел, литые бронзовые украшения в виде летящей птицы, фигурки животных, рыб, а также ажурное бронзовое литье. Всего найдено 54 предмета. Находка приобретена художницей Проскуряковой во время ее поездки в Нарымский край и передана в Томский краевой музей.

М. Б. Шатилов, 1927, стр. 5, 26.

70. Кулайские находки. I тысячелетие до н. э. Гора Кулайка близ с. Подгорного Нарымского края Томской обл. (б. Чаинская вол. Томского у. и губ.), устье р. Иксы — правого притока р. Чаи. Табл. 3г; Ю-47; 57°40′; 82°30′.

Гора Кулайка представляет собой окраину возвышенности лёссового происхождения, подходящей узкой полосой к р. Чае, около впадения в нее р. Иксы (другие названия: Квега, Иега). Гора Кулайка возвышается, примерно, на 30—35 м над уровнем реки. Склоны с двух сторон крутые, с третьей — отвесно обрываются в сторону р. Чаи. Течение рек Иксы и Чаи из года в год размывает гору, и в осыпях обнаруживаются древние предметы.

Первое поступление с горы Кулайки состоит из части клада, найденного при распашке пашни приблизительно в 150 м от обрыва, на возвышенности, являющейся продолжением мыса, где в 1922 г. крестьянин с. Подгорного выпахал «скифский» котел, в котором находились различные бронзовые предметы ажурного литья. Другой «скифский» котел обнаружен недалеко от первого.

Все находки лежали на небольшой глубине. Найденные предметы, особенно серебряные, быстро разошлись по рукам крестьян. Спустя некоторое время Томскому музею удалось получить небольшую часть находок.

В 1928 г. здесь производил раскопки И. М. Мягков. Находки обнаружены лишь около самого обрыва горы Кулайки, на пространстве 6×8 м. Вещи залегали на глубине не свыше 0,5 м. По характеру залегания около самой осыпи можно судить, что главная часть горы, содержащая наибольшее количество древностей, осыпалась. Кроме металлических изделий, найдены фрагменты керамики и кости животных (лося, бурого медведя). Внизу, в ложбинке, найдено бронзовое изображение стоящего на задних лапах медведя. Описывая находки и сравнивая их с другими, И. М. Мягков приходит к выводу, что «древности горы Кулайки можно отнести ко времени II—V вв. н. э.».

И. М. Мягков, 1927, стр. 65—69; 1929, стр. 51 и сл.; С. В. Киселев, 1938, стр. 240; 1949, стр. 133; В. Н. Чернецов, 1941, стр. 23; 1947₁, стр. 113.

71. Нюрсинские находки. Нарымский край Томской обл. [б. Чаинская (?) вол. Томского у. и губ.], р. Нюрса — приток р. Чаи — левого притока Оби. Табл. 3г; Ю-46; 57°40′; 82°00′.

В Томском музее хранятся древние вещи, найденные на р. Нюрсе (точнее неизвестно). Они куплены Л. Н. Зинченко, от которого и поступили в музей. Среди находок: медные — ажурная согнутая пластинка,

изображение головы кабана (полое внутри), изображение (полое) головы хищной птицы.

И. М. Мягков, 1929, стр. 56.

72. Бокчарские находки. Бокчар, деревня Нарымского края Томской обл., правый берег р. Бокчара — правого притока р. Чаи — левого притока Оби. Табл. 3г; а-45; 57°00′; 81°30′.

В Томском краевом музее хранится коллекция предметов древности, поступившая от И. М. Мягкова, проводившего в 1928 г. археологические исследования около дер. Бокчара, в 27 км от с. Подгорного.

И. М. Мягков, 1929, стр. 51.

73. Колыванская находка. Колывань, село Нарымского края Томской обл., р. Чая — левый приток Оби. Табл. 3г; Ю-47; 57°40′; 82°30′.

При распашке поля около села найден «скифский» котел с ручками. По сообщению И. М. Мягкова, котел куплен Л. Н. Зинченко, у которого и хранится.

И. М. Мягков. 1929, стр. 57.

74. Бундюрские находки. Нарымский край Томской обл. (б. Томский у. и губ.), р. Бундюр — приток р. Чаи — левого притока Оби. Табл. 3г; Я-47; 57°20′; 82°30′.

В Томском краевом музее хранятся бронзовые вещи и железное копье, поступившие от Л. Н. Зинченко. Место происхождения древностей — р. Бундюр, в 30 км от с. Подгорного. Условия находки неизвестны.

И. М. Мягков, 1929, стр. 55.

75. Нижне-Чулымские памятники [1]. Между селами Усть-Чулымом и Пышкино-Троицким Томской обл., нижнее течение р. Чулыма — правого притока Оби. Табл. 3г и 5; от 57°05′ до 57°55′ с. ш. и от 83°30′ до 86°15′ в. д.

В 1946—1947 гг. сотрудниками Томского университета и Томского педагогического института произведено обследование р. Нижнего Чулыма, в результате которого обнаружен ряд археологических памятников, в основном поселений и курганов. Сведения о них и карта распространения даны в работе В. С. Синяева.

В. С. Синяев, 1950, стр. 131 и сл.

[1] На табл. 3г № 75, объединяющий несколько разных памятников, нанесен без условных обозначений. Подробнее см. табл. 5.

76. Митрофановская находка. Митрофановка, деревня Томской обл., правый берег р. Кужербака — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; а-53; 57°00′; 85°30′.

Близ деревни случайно, при распашке целины, найден бронзовый котел.

М. Б. Шатилов, 1927, стр. 27.

77. Золотой Китат, курганы. Яя, поселок Кемеровской обл. (б. Томский окр.), р. Золотой Китат — правый приток р. Яи — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; г-54; 56°00′; 86°00′.

При раскопках курганов в устье Золотого Китата получены находки железных и костяных наконечников стрел, бронзовые и серебряные зеркала, пряжки, застежки и другие украшения, на многих нанесены изображения животных. Находки переданы в Эрмитаж и ГИМ.

ОАК за 1891 г., стр. 107.

78. Лысая гора, находки и курганы. Близ пос. Яя (?) Кемеровской обл. (б. Томская губ.), р. Яя — левый приток р. Чулыма — правого притока Оби. Табл. 3г; г-54; 56°00′; 86°00′.

В 1892 г. С. К. Кузнецовым произведены раскопки на Лысой горе, а также двух курганов близ нее (местоположение Лысой горы не установлено, предполагаю, что в окрестностях пос. Яя.— *И. Т.*). При раскопках на Лысой горе собрано много находок. Большинство вещей схоже с Минусинскими, а некоторые аналогичны находкам на Томском могильнике (см. № 107). С. К. Кузнецов высказывает предположение, что Лысая гора являлась жертвенным местом. Яя — быстрая и опасная для пловцов река. У самой Лысой горы расположен весьма опасный речной перебор.

Сведений о результатах раскопок курганов нет.

ОАК за 1892 г., стр. 71—73.

79. Верхне-Чебульские курганы. Верхняя Чебула, деревня Томской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Чебулы — левого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; г-57; 56°00′; 87°30′.

В 1896 г. близ деревни Г. О. Оссовским обследовано два кургана.

ОАК за 1896 г., стр. 100.

80. Колбинские курганы. Колба, деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр.

Томской губ.), небольшой левый приток р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-58; 55°40′; 88°00′.

В 1896 г. Г. О. Оссовским близ деревни обследованы курганы.

ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

81. Тисульские курганы. Тисуль, село Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), небольшой левый приток р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-58; 55°40′; 88°00′.

В 1895—1896 гг. Г. О. Оссовским обследованы и частично раскопаны курганы близ с. Тисульского (Тисуль). В курганах обнаружены грунтовые погребения в ямах глубиной до 2,1 м, в которых находились сложенные в один или несколько ярусов многочисленные костяки, подвергнутые сожжению. Между костяками найдено большое количество вещей.

ОАК за 1895 г., стр. 43; ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

82. Дворниковские курганы. Дворникова, деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-58; 55°40′, 88°00′.

В 1895—1896 гг. Г. О. Оссовским близ деревни обследованы курганы.

ОАК за 1895 г., стр. 44; ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

83. Третьяковские курганы. Третьякова, деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), правый берег р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-58; 55°40′; 88°00′.

В 1896 г. Г. О. Оссовским обследованы курганы в окрестностях деревни.

ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

84. Кайчакские курганы. Кайчак, село Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), р. Кайчак — левый приток р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-59; 55°40′; 88°30′.

Близ села находятся курганы, обследованные в 1895—1896 гг. Г. О. Оссовским.

ОАК за 1895 г., стр. 44; ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

85. Усть-Барандатские курганы. Усть-Барандат, деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), устье р. Барандата — левого притока р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-59; 55°40′; 88°30′.

Близ деревни находятся курганы, обследованные в 1896 г. Г. О. Оссовским.

ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

86. Вознесенковский курган. Вознесенка, деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Барандата — левого притока р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-59; 55°40′; 88°30′.

В 1896 г. Г. О. Оссовским раскопан близ деревни курган, обставленный в основании камнями. В южной половине была большая яма, на дне которой разбросаны кости 10—12 скелетов, полуобгорелых или полусгнивших. На них лежал слой истлевшего дерева, прикрытый пластом белой известковой глины. Собрано свыше ста находок.

ОАК за 1896 г., стр. 99.

87. Больше-Барандатские курганы. Большой Барандат, село Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Барандата — левого притока р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-59; 55°40′; 88°30′.

В 1895—1896 гг. Г. О. Оссовским обследованы и частично раскопаны курганы близ с. Большой Барандат. Самый большой курган дал коллективное погребение (50—60 скелетов). Находки поступили в ГИМ.

ОАК за 1895 г., стр. 43; ОАК за 1896 г., стр. 98.

88. Убиенковские курганы. В 7—8 км на юго-запад от с. Большой Барандат Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), р. Убиенка — левый приток р. Барандата — левого притока р. Серты — правого притока р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-59; 55°40′; 88°30′.

В 1896 г. курганы обследованы Г. О. Оссовским. Вскрыты два из них. В центре курганной окружности оказалась четырехугольная, сложенная из небольших известняковых плит постройка. Разбросанные и незначительные остатки скелетов найдены вдоль стенок и под ними. Находок немного.

ОАК за 1896 г., стр. 98.

89. Алчедатские курганы. Алчедат, село Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-57; 55°40′; 87°30′.

Близ села находятся курганы, обследованные Г. О. Оссовским в 1896 г.

ОАК за 1896 г., стр. 100.

90. Чумайские курганы. Чумай, село Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Кии — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-57; 55°40′; 87°30′.

Г. О. Оссовский указывает на наличие близ села курганов.

ОАК за 1895 г., стр. 44.

91. Новоподзорновские курганы. Новоподзорново, деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), верховья небольшого левого притока р. Урюпа — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; д-60; 55°40′; 89°00′.

Близ деревни находятся курганы, обследованные Г. О. Оссовским в 1896 г.

ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

92. Пичугинские (Обуховские) курганы. Пичугино (Обухово), деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Урюпа — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; е-59; 55°20′; 88°30′.

Близ деревни расположены курганы, обследованные Г. О. Оссовским в 1895—1896 гг.

ОАК за 1895 г., стр. 44; ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

93. Тамбарские курганы. Тамбар, деревня Кемеровской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), верховья р. Урюпа — левого притока р. Чулыма. Табл. 3г; е-59; 55°20′; 88°30′.

Близ деревни расположены курганы, обследованные Г. О. Оссовским в 1896 г.

ОАК за 1896 г., стр. 99—100.

94. Мариинский округ, находки. Кемеровская обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), бассейн р. Чулыма (точнее неизвестно). Табл. 3г; г-58; 55°20′—56°20′ с. ш.; 87°00′—90°00′ в. д.

В 1895—1896 гг. Г. О. Оссовским приобретены железные и бронзовые предметы в селениях: Большой Барандат, Колба, Кайчак, Тисуль, Пичугино, Макарова, Дворникова. Среди вещей бронзовые кельты, серьги, долота, секиры, кинжалы, ножи, пряжки, булавки, удила, железные кинжалы, стремя, наконечники стрел, бронзовая ажурная поделка (пряжка?) с изображением двух головок хищных птиц, бронзовая пластинка со сквозным поперечным отверстием, с шипами снизу и др. Находки переданы в ГИМ.

В 1887 г. в Археологическую комиссию поступили вещи, найденные случайно в Мариинском окр. Томской губ. (точнее неизвестно): бронзовые кинжалы, железные ножи, наконечники копий и стрел и др.

ОАК за 1882—1888 гг., стр. CC; ОАК за 1896 г., стр. 138.

95. Чердатский клад. Чердатское, село Томской обл. (б. Мариинский окр. Томской губ.), левый берег р. Чулыма. Табл. 3г; б-55; 56°40′; 86°30′.

На склоне горы близ с. Чердатского в 1902 г. найден клад серебряных вещей: два кубка на ножках, с растительным орнаментом, две глубокие чашки на поддонах, украшенные поясками из растительного орнамента, три низкие чашки (на дне одной из них помещено крупными санскритскими буквами начало известной буддийской формулы «ем-мани»), обломок зеркала и колечко. Вещи переданы в Эрмитаж.

ОАК за 1902 г., стр. 142.

96. Ишимский «клад», жертвенное место. Ишимка, деревня Ачинского р-на Красноярского края, левый берег р. Чулыма. Табл. 3г; г-62; 56°00′; 90°00′.

Близ деревни обнаружено жертвенное место, находки с которого поступили в Красноярский музей и описаны А. Ермолаевым. По вещам время существования жертвенного места определяется с IV—III вв. до н. э. до VIII—X вв. н. э.

А. Ермолаев, 1914.

97. Айдашинская пещера, жертвенное место. Неподалеку от места нахождения Ишимского «клада» (см. № 96) на берегу р. Чулыма обнаружена пещера, представляющая собой жертвенное место, существовавшее длительное время (III в. до н. э.— IX в. н. э.).

Пещера обследована Проскуряковым. Найдены поделки и изображения из бронзы, наконечники стрел и т. п. В основном находки синхронны Ишимскому кладу.

ОАК за 1897 г., стр. 53.

98. Иштанская стоянка. Иштан, село Томского р-на и обл., левый берег Оби. Табл. 3г; а-50; 57°00′; 84°00′.

И. М. Мягковым произведены раскопки стоянки близ с. Иштана. Находки представлены главным образом керамикой различного времени. Помимо керамики, имеются каменные топоры разнообразных форм, скребки, напрясла, каменные и костяные наконечники стрел, стеклянные бусы и т. д. Вещи поступили в Томский краевой музей.

М. Б. Шатилов, 1927, стр. 5, 26.

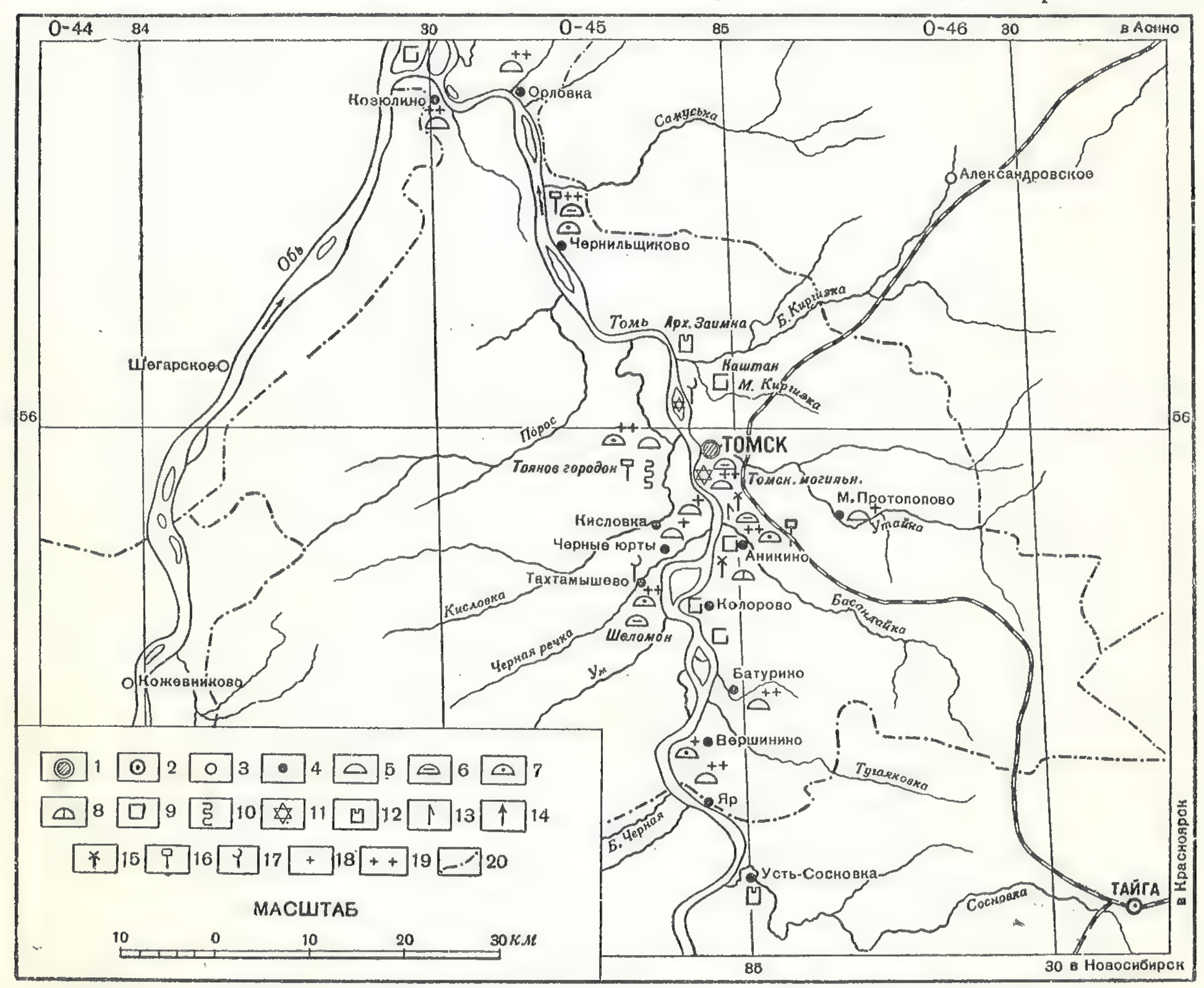


Табл. 4. Археологическая карта Томского района (по Г. В. Трухину; см. сборник «Басандайка», Томск, 1947)

Условные обозначения: 1 — областной центр; 2 — города; 3 — районные центры; 4 — населенные пункты с археологическими объектами; 5 — курган; 6 — курган с трупосожжением; 7 — курганный могильник; 8 — курган с трупоположением; 9 — городище; 10 — вал; 11 — древняя стоянка; 12 — военные сооружения; 13 — палеолит; 14 — неолит; 15 — бронза; 16 — железо; 17 — мусульманский памятник; 18 — количество памятников до 10; 19 — количество памятников от 10 до 100; 20 — границы районов

99. Козюлинское городище. Козюлино, деревня Томского р-на и обл., правый берег р. Томи, при впадении ее в Обь. Табл. 3г; б-50; табл. 4; 56°40′; 84°00′.

На археологической карте, приложенной к работе Г. В. Трухина, близ указанной деревни показано городище.

Г. В. Трухин, 1947₁.

100. Козюлинские курганы. Близ д. Козюлино (см. № 99) находятся курганы.

Г. В. Трухин, 1947₁.

101. Орловские курганы. Орловка, деревня Томского р-на и обл., правый берег р. Томи, близ впадения в нее р. Черной. Табл. 3г; б-51; табл. 4; 56°40′; 84°30′.

В окрестностях указанной деревни находятся курганы.

Г. В. Трухин, 1947₁.

102. Чернильщиковские курганы. Чернильщикова, деревня Томского р-на и обл., устье р. Самуськи — правого притока р. Томи — правого притока Оби. Табл. 3г; б-51; табл. 4; 56°40′; 84°30′.

Курганный могильник, находящийся близ деревни, расположен на древней террасе высокого берега р. Томи, в 37 км к северо-западу от г. Томска, в районе самой деревни. Бо́льшая часть могильника занята огородами. В настоящее время насчитывается около 40 курганов. По рассказам крестьян, их было больше ста. Курганы располагаются двумя группами, узкой полосой у берега р. Томи, на самом возвышенном месте. Форма курганов однотипна. Высота насыпей не больше 1,5 м, диаметр 7—9 м. Большинство овальной формы, но есть конические, сегментообразные и плоские.

В 1889 г. раскопки курганов производил С. К. Кузнецов. Судя по его отчету, обряд погребения связан с трупосожжением. Находки: железные кельты, боевые чеканы, боевые топоры, четырехгранные стрелы, бронзовые кинжалы, напрясла, медные пуговицы, серьги, подвески, перстни, браслеты, голубые бусы, бусы горного стекла и т. д.

В 1944 г. могильник обследован Г. В. Трухиным.

С. К. Кузнецов, 1890, стр. 131; Г. В. Трухин, 1947₁, стр. 189, В. П. Левашева, 1950, стр. 343.

103. Архиерейская заимка, курганы. Архиерейская заимка, местность в 10—12 км к северу от г. Томска Томского р-на и обл., устье р. Большой Киргизки — правого притока р. Томи — правого притока Оби. Табл. 3г; в-51; табл. 4; 56°20′; 84°30′.

В 1886 г. С. К. Кузнецовым открыта группа курганов у Архиерейской заимки. Раскопано 36 курганов. Находки поступили в ГИМ. Могильник датируется китайскими танскими монетами и относится в основной части к VIII в. н. э. Отдельные предметы принадлежат к значительно более раннему времени.

ОАК за 1896 г., стр. 94 и сл.

104. Мало-Киргизское (Городок) городище. Окрестности г. Томска Томского р-на и обл., р. Малая Киргизка — левый приток р. Большой Киргизки — правого притока р. Томи — правого притока Оби. Табл. 3г; в-51; табл. 4; 56°20′; 84°30′.

В 5 км севернее г. Томска на высоком берегу реки расположено городище, раскопанное в 1897 г. С. М. Чугуновым. На городище обнаружены остатки жилищ в виде ям. При раскопках встречены керамика, костяные и каменные предметы. Металлических вещей не найдено. Находки поступили в ГИМ.

ОАК за 1897 г., стр. 51; Г. В. Трухин, 1947₁.

105. Тояново городище. Против г. Томска Томского р-на и обл., левый берег р. Томи — правого притока Оби. Табл. 3г; в-51; табл. 4; 56°20′; 84°30′.

Городище Тоянов городок с прилегающим к нему курганным могильником расположено на довольно высоком мысу. Курганами покрыта юго-восточная часть мыса. Городище сильно разрушено строительными работами. Нижняя часть его размывается, особенно весной, протекающей здесь р. Кисловкой.

В 1889 г. раскопки на городище производил С. К. Кузнецов. Ведущие находки, согласно дневнику, следующие: железные ножи, железные и костяные стрелы, наконечники копий, медные котлы, железные кельты, напоминающие сойотские топорики, костяные дротики, железные крючки, перстни и т. д.

В 1940 г. небольшие раскопки на городище производили Иванов и Н. А. Чернышев со студентами Исторического факультета Томского университета. Отчетных материалов не сохранилось, лишь в газетной заметке студент В. Стиоса пишет: «...городище по находкам можно датировать IX—XI вв. Культурный слой тянется на довольно большом протяжении и имеет 75 см толщины. При раскопках обнаружен настил из бревен, покрытый покровом из бересты, сшитой конским волосом. На этом настиле набросано много костей, попадаются костяные орудия и бусы».

В. П. Левашева при упоминании о городище датирует его вполне определенно XVI в.

С. К. Кузнецов, 1890; В. П. Левашева, 1928₁, стр. 95, 1950, стр. 341 и сл.; В. Стиоса, 1940; Г. В. Трухин, 1947₁.

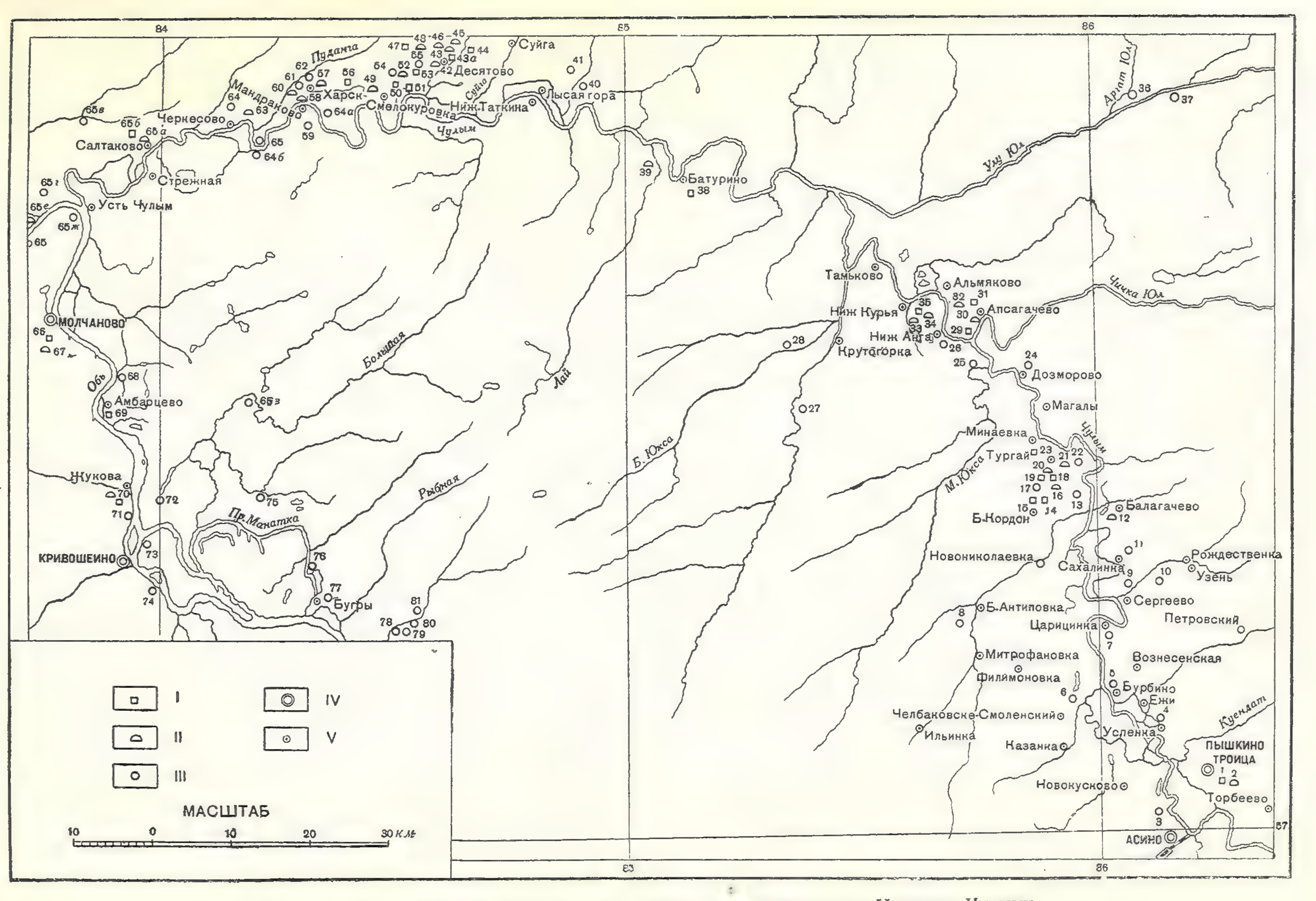


Табл. 5. Схематическая карта археологических памятников по Нижнему Чулыму (по В. С. Синяеву; см. «Советская археология», XIII, Москва — Ленинград, 1950, стр. 333)

Условные обозначения: I — городища; II — курганы; III — памятники, сведения о которых не проверены; IV — районные центры; V — прочие населенные пункты

106. Тояновские курганы. Неподалеку от Тоянова городища (см. № 105. Табл. 3г; в-51; табл. 4) расположен курганный могильник, частично раскопанный в 1889 г. С. К. Кузнецовым, в 1895 г.— С. М. Чугуновым и в 1940 г.— сотрудниками и студентами Томского педагогического института.

С. К. Кузнецов, 1890; С. М. Чугунов, 1897_2, стр. 42; В. Стиоса, 1940; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 191—194.

107. Томский могильник. Неолит, эпоха бронзы, I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Томск (областной), правый берег р. Томи — правого притока Оби. Табл. 3г; в-51; табл. 4: 56°20′; 84°30′.

На окраине г. Томска находится высокий мыс, рассеченный глубоким оврагом на южную и северную части. Разведка А. В. Адрианова в 1887 г. показала, что в овраге встречаются кости человека, бронзовые, каменные вещи и обломки глиняных сосудов. Раскопками на мысах обнаружен богатый могильник, исследованный в 1887 и 1889 гг. А. В. Адриановым и С. К. Кузнецовым. Найденные вещи поступили в ГИМ, в Археологический музей Томского университета и несколько предметов — в Эрмитаж.

Обрабатывая материал раскопок, М. Н. Комарова установила принадлежность погребений к четырем периодам в истории древних племен на р. Томи: неолиту, эпохе бронзы, времени большереченской культуры (VII—VI вв. до н. э.) и I тысячелетию н. э.

ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXXVII — CLXXVIII; ОАК за 1889 г., стр. 83, 112; А. В. Адрианов, 1892, стр. 99—111; С. К. Кузнецов, 1890, стр. 123; М. Б. Шатилов, 1927, стр. 5, 26; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 188—189; С. В. Киселев, 1949; М. Н. Комарова, 1951, стр. 5—50.

108. Томское (Лагерное) городище. Близ Томского могильника (см. № 107) рядом с южным мысом было расположено городище, которое почти все подмыто рекой. Заметны лишь двойной ров и невысокий вал. Небольшая разведка на нем произведена А. В. Адриановым. Обнаружены кости животных, глиняные черепки, кельт (дефектный: левая часть его не удалась в отливке) и др. Находки поступили в ГИМ.

ОАК за 1889 г., стр. 84; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 188; В. Н. Черпецов, 1947_2, стр. 73.

109. Томская стоянка. Палеолит. Близ г. Томска (см. № 107) на правом берегу р. Томи в 1896 г. открыта и исследована Н. Ф. Кащенко временная стоянка охотников верхнепалеолитического времени. На глубине 3,5 м в лёссовидной глине им обнаружен скелет молодого мамонта вместе с остатками кострищ и расщепленным кремнем.

Н. Ф. Кащенко, 1889, стр. 64—76; 1896_1, стр. 31; 1901; N. Kastschenko, 1896_2, стр. 43; С. К. Кузнецов, 1897, стр. 221; Г. П. Сосновский, 1937, стр. 250; П. П. Ефименко, 1941, стр. 281; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 189.

110. Мало-Протопоповские курганы. Малое Протопопово, деревня Томского р-на и обл., правый берег р. Ушайки — правого притока р. Томи. Табл. 3г; в-52; табл. 4; 56°20′; 85°00′.

На археологической карте, приложенной к работе Г. В. Трухина, помечены курганы близ указанной деревни.

Г. В. Трухин, 1947_1.

111. Басандайское (Аникинское) 1-е городище. Аникина, деревня Томского р-на и обл., устье р. Басандайки — правого притока р. Томи. Табл. 3г; в-52; табл. 4; 56°20′; 85°00′.

Городище занимает южный мыс довольно высокого плато. С западной стороны городище размывается р. Томью; с восточной — некогда подмывалось р. Басандайкой, но в настоящее время обрыв задернован. Городище покрыто густым сосновым лесом; с южной стороны защищено двумя земляными валами высотой 1—2 м; с северной — глубоким рвом и валом 6 м высоты, считая со дна рва. Сохранившаяся площадь городища 1200 кв. м. Культурный слой, достигающий местами 2 м, простирается по берегу реки в обе стороны много дальше, чем само городище. До 1944 г. исследований почти не производилось. В 1944—1946 гг. велись работы под руководством К. Э. Гриневича.

«Басандайка», 1947; В. Н. Гриневич, 1947, стр. 125—138; К. Э. Гриневич, 1947_1; 1947_2, стр. 139—148; Е. М. Пеняев, 1947, стр. 117—124; Л. А. Рагозин, 1947, стр. 195—208; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 186; 1947_2, стр. 51—64; А. П. Смирнов, 1948, стр. 113.

112. Басандайское (Аникинское) 2-е городище. На расстоянии 200 м вверх по течению реки от Басандайского 1-го городища (см. № 111) через узкую перемычку заливного плато р. Басандайки расположено

второе городище. Оно возвышается на древней террасе р. Томи, на территории дач Томского политехнического института. Площадь городища равна 4000 кв. м и вся поросла густым сосновым лесом. Экспедицией Томского университета заложено несколько шурфов, давших фрагменты керамики, кремневые сколы и грузила, аналогичные обнаруженным на Басандайском 1-м городище. Рельеф площадки неровный, заметны параллельно идущие углубления, возможно остатки жилищ. С южной стороны много насыпей различной высоты, иногда достигающих 2 м. Все они ориентированы с юга на север. Пробные разрезы насыпей подтвердили их искусственное сооружение.

Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 186—187.

113. Басандайский (Аникинский) курганный могильник. Аникина, деревня Томского р-на и обл., р. Басандайка — правый приток р. Томи. Табл. 3г; в-52; табл. 4; 56°20′; 85°00′.

Могильник расположен на правом берегу р. Томи в 7 км от г. Томска, к северу от устья р. Басандайки. Часть курганов, подмытых рекой, обвалилась. Площадь могильника, покрытая березовым и осиновым лесом, занимает около 1 га. В настоящее время сохранилось 95 курганов.

Небольшие раскопки курганов произвел в 1916—1917 гг. Лейбович. В 1939—1940 гг.— Н. А. Чернышев при участии Г. В. Трухина и студентов Томского педагогического института. В 1944—1946 гг. экспедицией Томского университета под руководством К. Э. Гриневича раскопано 20 курганов. Описанию раскопок и находок посвящен ряд статей в сборнике «Басандайка». Приблизительная дата могильника X—XV вв. н. э.

М. Б. Шатилов, 1927, стр. 26; «Басандайка», 1947; В. Н. Гриневич, 1947, стр. 125—138; К. Э. Гриневич, 1947_1, 1947_2, стр. 139—148; А. П. Дульзон, 1947, стр. 65—116; З. Я. Бояршинова, 1947, стр. 149, 166; А. В. Маракуев, 1947, стр. 167—174; Н. С. Розов, 1947, стр. 175—182; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 187.

114. Кисловские курганы. Кисловка, деревня Томского района и обл., правый берег р. Кисловки — левого притока р. Томи. Табл. 3г; в-51; табл. 4; 56°20′; 84°30′.

На археологической карте, приложенной к работе Г. В. Трухина, помечены курганы близ указанной деревни.

Г. В. Трухин, 1947_1.

115. Черные юрты, курганы. Черные юрты, деревня Томского р-на и обл., левый берег р. Черной — левого притока р. Томи. Табл. 3г; в-51; табл. 4; 56°20′; 84°30′.

На археологической карте, приложенной к работе Г. В. Трухина, помечены курганы близ указанной деревни.

Г. В. Трухин, 1947_1.

116. Тахтамышевский курганный могильник. Тахтамышево, деревня Томского р-на и обл., правый берег р. Черной — левого притока р. Томи. Табл. 3г; в-51, табл. 4; 56°20′; 84°30′.

Могильник находится против большого Зырянского острова. Площадь его покрыта густым хвойным лесом. Могильник подмывается рекой и частью обвалился. К 1946 г. уцелело только два кургана, и те в сильно разрушенном состоянии. Близлежащая местность неоднократно распахивалась. В 1889 г. раскопки нескольких курганов произвел С. К. Кузнецов, указавший в дневнике, что курганные насыпи похожи по конфигурации на курганы Тоянова городка (см. № 106). Большинство насыпей овально-плоской формы и ориентировано с севера на юг. Ведущими находками в раскопках С. К. Кузнецова были дротики, стрелы с ромбовидным острием, средней величины горшки с геометрическим орнаментом, колчаны, ножи, проколки.

На территории могильника в позднее время устроено татарское кладбище, относящееся к XVII в., к моменту прихода русских, но не позднее второй половины этого века.

С. К. Кузнецов, 1890, стр. 148; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 190—191; В. П. Левашева, 1950, стр. 343.

117. Тахтамышевская стоянка. В 1889 г. С. К. Кузнецовым во время его работ на Тахтамышевском могильнике (см. № 116) в береговой осыпи найдены кремневые орудия и отщепы, что́ свидетельствует о существовании здесь древнего поселения.

С. К. Кузнецов, 1890, стр. 148; Г. В. Трухин, 1947_1, стр. 191.

118. Коларовское 1-е (Шеломок) городище. Коларово, село Томского р-на и обл., правый берег р. Томи. Табл. 3г; г-51; табл. 4; 56°20′; 84°30′.

В 18 км выше г. Томска, на древней террасе правого берега протоки р. Томи, над самым обрывом находится хорошо сохранив-

шееся городище Шеломок. Это укрепление возвышается над древним руслом р. Томи. С севера и юга территория его ограничена крутыми оврагами, с востока, со стороны входа, городище защищено глубоким рвом и двумя хорошо сохранившимися серповидными валами.

Городище до сих пор не подвергалось серьезному археологическому исследованию. В 1946 г. Басандайской экспедицией Томского университета произведены небольшие разведочные работы. На площадке отмечено семь глубоких ям, видимо, кладоискательских. В них попадаются остатки костров, угли, кости диких животных, рыб и рыбья чешуя. Осмотр обнажений одной из самых глубоких ям показал, что культурные слои насыщены кремневыми отщепами и разнообразной керамикой. На дне другой ямы, глубиной около 2 м, лежали большие куски камня, напоминающие песты от зернотерок. Площадь городища 6000 кв. м.

Г. В. Трухин, 1947₁, стр. 185—186; А. П. Смирнов, 1948, стр. 113; В. П. Левашева, 1950, стр. 341 и сл.

119. Коларовское 2-е городище. Коларово и Батурино, деревни Томского р-на и обл., правый берег р. Томи. Табл. 3г; г-51; табл. 4; 56°00′; 84°30′.

На археологической карте Томского р-на, приложенной к работе Г. В. Трухина, на половине пути между указанными деревнями, но ближе к Коларовой, помещено городище.

Г. В. Трухин, 1947₁.

120. Батуринские курганы. Батурино, деревня Томского р-на и обл., правый берег р. Томи. Табл. 3г; г-51; табл. 4; 56°00′; 84°30′.

На археологической карте Томского р-на, приложенной к работе Г. В. Трухина, близ указанной деревни помещены курганы.

Г. В. Трухин, 1947₁.

121. Вершининские курганы. Вершинино, деревня Томского р-на и обл., правый берег р. Томи. Табл. 3г; г-51; табл. 4; 56°00′; 84°30′.

На археологической карте Томского р-на помещены курганы близ указанной деревни.

Г. В. Трухин, 1947₁.

122. Ярские курганы. Яр, деревня Томского р-на и обл., правый берег р. Томи. Табл. 3г; г-51; табл. 4; 56°00′; 84°30′.

На археологической карте Томского р-на, приложенной к работе Г. В. Трухина, близ указанной деревни помещены курганы.

Г. В. Трухин, 1947₁.

123. Каштакский (Кучумов) курган. Каштак, селение Томской обл. (б. Уртамская вол. Томского окр.), р. Обь. Табл. 3г; г-49; 56°00′; 83°30′.

В 1891 г. С. К. Кузнецов раскапывал так называемый «Кучумов курган» около сел. Каштак. Курган оказался расхищенным. Находки состояли из обломков керамики, жженых костей, кусочков руды и нескольких мелких бронзовых предметов.

ОАК за 1891 г., стр. 108.

124. Каштановская находка. Каштанова, деревня Томской обл. (б. Уртамская вол. Томского окр.), правый берег Оби. Табл. 3г; г-49; 56°00′; 83°30′.

В 1889 г. Археологическая комиссия получила в дар от А. Круповича медный кельт, найденный при раскопке кургана на правом берегу Оби, близ д. Каштановой. Находка поступила в Томский университет.

ОАК за 1889 г., стр. 89, 126.

125. Вороновские курганы. Воронова, деревня Томской обл. (б. Уртамская вол. Томского у. и губ.), р. Обь. Табл. 3г; г-49; 56°00′; 83°30′.

В 1891 г. С. К. Кузнецов провел обследование курганного могильника близ указанной деревни. Курганы небольшой величины, все расхищены. Пробная раскопка одного из них привела, однако, к открытию остатков бронзовых и серебряных вещей. Кроме него, С. К. Кузнецовым вскрыт 21 курган меньших размеров. Предметы в них оказались главным образом железные и костяные, плохой сохранности. Находки по таблице распределения древностей назначены в Эрмитаж и ГИМ.

ОАК за 1890 г., стр. 122; ОАК за 1891 г., стр. 108, 172.

Раздел 2 (Северная Сосва)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В БАССЕЙНЕ Р. СЕВЕРНОЙ СОСВЫ — ЛЕВОГО ПРИТОКА ОБИ

126. Березовское городище. Березов, город Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., левый берег С. Сосвы. Табл. 3а; И-12; 63°40′; 65°00′.

Километрах в двух к югу от г. Березова видны следы городища.

И. Я. Словцов, 1887, № 181.

127. Березовский район, находки. I тыс. до н. э. и др. Ханты-Мансийский нац. округ Тюменской обл., рр. Обь и С. Сосва (точнее неизвестно).

В Березовском районе (более точные данные отсутствуют) в разное время найдены: бронзовая бляха в виде человеческой головы, бляха из белого сплава или серебра (хранятся в Тобольском музее), секира, клевец, плитка из песчаника с изображением головы барана (в Археологическом музее Томского университета, колл. № 5151), серебряная голова дракона или верблюда.

А. В. Шмидт, 1935, стр. 211; В. Н. Чернецов, 1941, стр. 23; 1947₁, стр. 113.

128. Соровой мыс, поселение. Усть-полуйская культура и др. Березов, город Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., левый берег С. Сосвы. Табл. 3а; И-12; 63°40′; 65°00′.

Местонахождение на Соровом мысу, расположенное несколько южнее г. Березова, осмотрено А. Ф. Палашенковым, С. Г. Бочем и В. Н. Чернецовым. С. Г. Боч считает, что данное место является стоянкой, сильно разрушенной речной эрозией, и материал встречается частью во вторичном залегании на обширном песчаном пляже, окружающем мыс. Ненарушенный культурный слой, мощностью до 1 м, проходит в верхней части обрыва мыса, подмытого со стороны р. Соровой. Для керамики стоянки характерно чрезвычайное разнообразие орнамента. Сильно варьирует толщина стенок сосудов, обжиг и цвет. Наряду с весьма изящным узором встречаются слабо обожженные образцы с примитивной насечкой и фрагменты гладкостенных сосудов. Совместное нахождение керамики различной степени совершенства изготовления не всегда указывает, по мнению С. Г. Боча, на разновременность происхождения сосудов. Оно может зависеть и от большой дифференциации гончарной техники в более молодых стоянках, к которой С. Г. Боч относит и данную. Часть сосудов имеет ножку (поддон). Материалы из сборов С. Г. Боча хранятся в Музее антропологии (Москва). Находки из сборов А. Ф. Палашенкова в 1937 г. поступили в Омский музей.

В. Н. Чернецов считает, что данное местонахождение является поселением усть-полуйского времени.

С. Г. Боч, 1937, № 14; В. Н. Чернецов, 1948.

129. Шайтанский мыс, находки. I тыс. н. э. В 12 км от г. Березова Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., левый берег С. Сосвы. Табл. 3а; И-11; 63°40′; 64°30′.

В Тобольском музее хранятся предметы, найденные случайно на Шайтанском мысу: браслеты и сабля (колл. № 5628—5630, 5632).

В. Н. Чернецов предполагает, что здесь находилось священное место и, возможно, поселение или городище X в. н. э.

В. Н. Чернецов, 1948.

130. Люликарская стоянка. I тыс. н. э. Верхние Люликары, поселок Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег С. Сосвы. Табл. 3а; Л-11; 63°00′; 64°30′.

Местонахождение осмотрено С. Г. Бочем, А. Ф. Палашенковым и В. Н. Чернецовым (в разное время). С. Г. Боч указывает, что стоянка расположена у самого поселка юрты Люликарские на песчаной гряде высотой 7—8 м над уровнем реки. Культурный слой мощностью от 0,2 до 0,5 м обнаружен в северной части поселка, где, благодаря своей темной окраске и цементации, он отчетливо выступает среди светложелтого песка. Найдена только керамика, частью сильно разрушенная. Наиболее крупный черепок указывает, что сосуды значительного диаметра обладали хорошо выраженной шейкой. Орнамент состоял из различных сочетаний волнистых бороздок, ямок и змеевидных мазков. Материал из сборов А. Ф. Палашенкова в

1937 г. находится в Омском музее и относится, по данным В. Н. Чернецова, к началу I тысячелетия н. э.

С. Г. Боч, 1937, № 11; В. Н. Чернецов, 1948.

131. Мало-Сосвинское городище. Против с. Игрим Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Малой Сосвы — правого притока С. Сосвы. Табл. 3а; Л-10; 63°00′; 64°00′.

Городище расположено на высокой 22-метровой террасе. Здесь найдено несколько обломков керамики красновато-желтого цвета, слабо орнаментированных, принадлежащих, повидимому, к круглодонным сосудам.

С. Г. Боч, 1937, № 10.

132. Аньинское (Усть-Аньинское) городище. Анеевы юрты, поселок Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Аньи — левого притока С. Сосвы. Табл. 3а; Л-10; 63°00′; 64°00′.

Городище находится на песчаной террасе левого берега р. Аньи близ ее устья; окружено рвом глубиной до 1,5 м, шириной до 2 м. По внутренней стороне рва идет невысокий плоский вал. Из-за разрушения берега сохранилась лишь восточная часть городища, на которой заметны углубления. Наибольшей мощности (0,5 м) культурный слой достигает на месте вала. Находки состояли из керамики и костей.

С. Г. Боч, 1937, № 8.

133. Тоболдинское (Ус-нёл) городище. Тоболдины юрты Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), устье р. Ялбыньи — правого притока С. Сосвы. Табл. 3а; Л-8; 63°00′; 63°00′.

Городище, называемое Ус-нёл, расположено в устье пересыхающей р. Ялбыньи. В конце XIX в. оно осмотрено Н. Л. Гондатти, а в 1948 г. В. Н. Чернецовым. Находки с городища хранятся в МАЭ.

Н. Л. Гондатти, 1888; В. Н. Чернецов, 1948.

134. Сумес-я, стоянка. Ханты-Мансийский нац. округ Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), устье р. Сумес-я — правого притока р. Ялбыньи — правого притока С. Сосвы. Табл. 3а; Л-7; 63°00′; 62°30′.

Местонахождение обследовано С. Г. Бочем, обнаружившим «чудские ямы» по правому берегу небольшой необследованной р. Ялпынь-я, близ впадения в нее р. Сумес-я. Высокий берег, на котором расположена стоянка, разрушается, и материал частично встречается у подножья берегового уступа. На поверхности обнаружено 5 четырехугольных ям. Из них центральная представляет как бы цепочку из трех ям, соединенных проходами. На стоянке в двух случаях обнаружены сильно сгнившие древесные стволы, зарытые в горизонтальном положении в окружающий яму земляной валик. Обнаружен очаг, представляющий груду обожженных камней. Собранный материал состоит из небольшого количества керамики.

С. Г. Боч, 1937, № 5.

135. Сартыньинские городища. I тыс. до н. э. и др. Сартынья, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Сартыньи — левого притока С. Сосвы. Табл. 3а; К-8; 63°20′; 63°00′.

Между с. Сартынья и устьем реки того же названия находится ряд городищ, обследованных С. Г. Бочем и В. Н. Чернецовым (в разное время). Разведкой В. Н. Чернецова установлено 6 городищ на протяжении 5 км. Из них городище Сартынья 1-е относится к эпохе раннего железа, предшествующей сложению усть-полуйской культуры, и датировать его можно приблизительно серединой I тысячелетия до н. э.

С. Г. Боч, 1937, стр. 151—152, 160; В. Н. Чернецов, 1937, стр. 254; 1941, стр. 19; 1949, стр. 70.

135а. Сартыньинская стоянка. Неолит. Стоянка, относящаяся к позднему неолиту, обнаружена под культурным слоем городища Сартынья 1-е (см. № 135).

В. Н. Чернецов, 1941, стр. 19.

136. Петкашская (Петкаспауль) находка. Неолит. Петкаш, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег С. Сосвы. Табл. 3а; К-7; 63°20′; 62°30′.

В Тобольском музее хранится кремневый наконечник стрелы (записан в книгу поступлений за № 4044), найденный случайно в обрыве реки в местности Петкаспауль, близ указанного селения.

В. И. Мошинская, 1949.

137. Лобмвожский курган. Лобмвож, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Кемпаж — левого притока р. Ляпина (Сыгвы) — левого притока С. Сосвы. Табл. 3а; И-4; 63°40′; 61°00′.

Сведения о разрушенном кургане близ сел. Лобмвож сообщает К. Д. Носилов.

К. Д. Носилов, 1890, стр. 566.

138. Лобмвожское (Tān-wārup-ēkwa) городище. Лобмвож, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Ляпин (Сыгва) — левый приток С. Сосвы. Табл. 3а; И-4; 63°40′; 61°00′.

Близ с. Лобмвож расположено городище, называемое Tān-wārup-ēkwa. Оно осмотрено В. Н. Чернецовым в 1935 г. Собран подъемный материал, состоящий главным образом из керамики.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 254.

139. Мункожский (Мунгесский) курган. Мункож (Мунгес), селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский у. Тобольской губ.), р. Ляпин (Сыгва) — левый приток С. Сосвы. Табл. 3а; З-4; 64°00′; 61°00′.

К. Голодников указывает курган на левом берегу р. Ляпина, близ названного селения.

К. Голодников, 1879, стр. 18.

140. Саранпаульское 1-е (Pajpan-ətər-us) городище. Саранпауль, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Ляпин (Сыгва) — левый приток С. Сосвы. Табл. 3а; З-4; 64°00′; 61°00′.

В 1935 г. В. Н. Чернецовым осмотрено городище, расположенное в поселке Lopm-us, несколько ниже сел. Саранпауля.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 254.

141. Саранпаульский (Jem-dan-jag) могильник. XVIII в. Саранпауль, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Ляпин (Сыгва) — левый приток С. Сосвы. Табл. 3а; З-4; 64°00′; 60°30′.

Близ селения В. Н. Чернецовым в 1935 г. обнаружен могильник в бору Jem-dan-jag. Вскрыто женское погребение, давшее инвентарь, близкий к современному, известному в быту манси. Датируется погребение серединой XVIII в.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 254—255.

142. Чёс-тый-яг, стоянка, Неолит. Саранпауль, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Ляпин (Сыгва) — левый приток С. Сосвы. Табл. 3а; З-3; 64°00′; 60°30′.

В 1935 г. В. Н. Чернецовым обследована и частично раскопана стоянка Чёс-тый-яг, близ сел. Саранпауля. Материал из раскопок хранится в МАЭ.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 254.

143. Саранпаульское 2-е (Mań-ńaslan-tūr) городище. Саранпауль, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Ляпин (Сыгва) — левый приток С. Сосвы. Табл. 3а; З-3; 64°00′; 60°30′.

В 1935 г. В. Н. Чернецовым обследовано городище на берегу озера Mań-ńaslan-tūr, расположенного близ селения.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 254.

144. Саранпаульское 3-е (Макар-Висынг-тур) городище. IV—III вв. до н. э. Саранпауль, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Ляпин (Сыгва) — левый приток С. Сосвы. Табл. 3а; З-3; 64°00′; 60°30′.

В 1935 г. В. Н. Чернецовым обследовано городище, расположенное близ Саранпауля, на берегу оз. Макар-Висынг-тур. Городище, относящееся к усть-полуйской культуре, чрезвычайно богато археологическими материалами, но, к сожалению, сильно распахано.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 254.

145. Саранпаульская крепость. Против сел. Саранпауль Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Ляпин (Сыгва) — левый берег С. Сосвы. Табл. 3а; З-3; 64°00′; 60°30′.

К. Д. Носилов сообщает о крепости, расположенной против сел. Саранпауль, на левом берегу р. Сыгвы (Ляпин) следующее: «Среди болот, на невысоком, но прежде обрывистом берегу в бору стоит четырехугольный (площадью 250 кв. футов, при высоте стен в 24 фута) сруб. На высоте 18 футов стена расширяется на 2 фута с уступом для прохода, на который настлан деревянный из круглых бревен пол. Крыши нет, остались лишь одни боковые отверстия для стрельбы в нижних и верхних стенах. С западной и восточной сторон устроены полукруглые в виде арки двери. Для подъема на верхний этаж или на площадку для боя установлены два бревна со ступеньками. К востоку от главного боевого здания (в нескольких шагах) находятся два низких помещения, тоже с двойным потолком и отверстиями для стрельбы. От северной и южной сторон главной бойницы идет высокая бревенчатая заостренная стена. Она

шла вокруг и двух других зданий, но ныне разрушена. На западной стороне крепости сохранились следы строений, занимающих по берегу до 30 сажен в длину. Несколько лет назад над западными дверями еще видна была надпись года постройки крепости, которая, по словам казаков г. Березова, приезжавших сюда для торговли, показывала, что здание было построено более 300 лет назад. Манси говорят, что крепость устроена ими против набегов «самояди»; другие — что крепость строили русские для защиты манси от самоедов и для сбора ясака с самих манси».

По сообщению В. Н. Чернецова, крепость сожжена в 1927 г. для расчистки покоса.

К. Д. Носилов, 1890, стр. 564 и сл.

146. Щекурьинское (Ляпинское) городище. Щекурья, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Березовский окр. Тобольской губ.), р. Щекурья — правый приток р. Ляпина (Сыгвы) — левого притока С. Сосвы. Табл. 3а; 3-3; 64°00′; 60°30′.

Близ села находится городище, частично раскопанное В. Герасимовым в 1897 г. В Тобольский музей доставлены вещи, найденные при этих раскопках, вместе с описанием городища.

ОАК за 1897 г., стр. 85, 165; Н. Л. Скалозубов, 1901, стр. 27.

147. Хулюм-Сунт, стоянка. Неолит. Хулюм-Сунт, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Хулюм — правого притока С. Сосвы. Табл. 3а; М-5; 62°40′; 61°30′.

Стоянка обследована В. Н. Чернецовым и отнесена им к левшинскому типу.

В. Н. Чернецов, 1941, стр. 19.

148. Няксимвольское городище. II в. до н. э.— II в. н. э. Няксимволь, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Няйса — правого притока С. Сосвы (в ее верховьях). Табл. 3а; Н-3; 62°20′; 60°30′.

В Свердловском и Тобольском музеях хранятся находки с городища, расположенного близ с. Няксимволь, относящегося к усть-полуйской культуре (книга поступлений Тобольского музея, № 6473, 2165, 2166, 2167).

В. И. Мошинская, 1949.

149. Яныпауль 1-е (Lep-tit-ɔjka), жертвенное место. Яныпауль, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., близ устья р. Лэплы — правого притока С. Сосвы. Табл. 3а; Н-3; 62°20′; 60°30′.

В. Н. Чернецовым в 1935 г. обследовано жертвенное место близ пос. Яныпауль, в местности Lep-tit-ɔ̄jka.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 255.

150. Яныпауль 2-е (Jipiy-ɔjka), жертвенное место. В. Н. Чернецовым в 1935 г. обследовано 2-е жертвенное место близ поселка Яныпауль (см. № 149) в местности Jipiy-ɔ̄jka.

В. Н. Чернецов, 1937, стр. 255.

151. Вангыр-нель, городище. Усть-Манья, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., устье р. Кос-я — левого притока С. Сосвы. Табл. 3а; О-2; 62°00′; 60°00′.

К. Голодников упоминает о городище, которое называется Вангыр-нель и расположено несколько выше сел. Усть-Манья.

К. Г. Голодников, 1879, стр. 18.

Раздел 3 (Иртыш)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО Р. ИРТЫШУ — ЛЕВОМУ ПРИТОКУ Р. ОБИ И ЕГО НЕБОЛЬШИМ ПРИТОКАМ

152. Самаровские находки и городище. Эпоха бронзы, усть-полуйская культура и др. Близ г. Ханты-Мансийска Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. с. Самарово Тобольской губ.), устье р. Иртыша. Табл. 3-б; Т-20; 60°40′; 69°00′.

В работах, изданных в середине XIX в., говорится о находке металлического зеркала с арабской надписью эпохи халифата Аббасидов X или XI в. Точное местонахождение находки неизвестно; получена от хантов из с. Самарова. В Тобольском музее хранятся каменные тесла и керамика усть-полуйского типа, случайно найденные в окрестностях с. Самарова; в Омском — железное копье с Самаровского городища.

Савельев, 1852, стр. 122, 164; ЖМНП, 1855, стр. 269; В. П. Левашева, 1950, стр. 341—350.

153. Самаровская волость, находки. Ханты-Мансийский нац. округ Тюменской обл. (см. № 152).

Сведения о находках и памятниках в б. Самаровской вол. встречаются в ряде источников. С. К. Патканов, бывший здесь в 1887—1888 гг., упоминает много старых кладбищ, или «пропащих мысов» (как называют местные жители). Здесь находят бронзовые и серебряные изделия своеобразных форм и рисунков. В. В. Радлов, давая выписки из сочинения Н. Витзена, пишет: «В 1688 году боярин Фед. Алек. Головин — воевода сибирский, путешествуя, прибыл в село Самарское. Несколько выше этого места огромная глыба каменистой земли упала с вышележащих гор в реку, на низовой берег и рассыпалась. Вместе с землей упала могила или деревянный ящик с костями давно умершего человека, с остатками от серебряных запястьев, серебряным ожерельем и серебряным сосудом».

В Тобольском музее хранятся купленные музеем вещи, найденные жителями Самаровской вол.

В. В. Радлов, 1888, Приложение, стр. 1; С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXV; «Отчет Тобольского музея», 1894, стр. XXII.

154. Култайские находки. I тыс. до н. э. Култай, деревня Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., р. Иртыш. Табл. 3в; Ф-21; 60°00′; 69°30′.

Близ деревни, в обвале берега, размываемого Иртышом, случайно найдено медное зеркало с проградированным на нем изображением двух млекопитающих и птицы. Находка приобретена Тобольским музеем от крестьянина дер. Башковой. Записана в книге поступлений за № 4172.

В. И. Мошинская, 1949.

155. Цингалинское городище. Цингалы, деревня Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; Ф-21; 60°00′; 69°30′.

И. С. Поляков сообщает о городище, расположенном близ деревни.

И. С. Поляков, 1865.

156. Романовское городище. Романовское, село Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; Х-21; 59°40′; 69°30′.

Близ села расположено городище.

И. Я. Словцов, 1887, № 176.

157. Демьянская находка. Демьянское, село Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), устье р. Демьянки — правого притока Иртыша. Табл. 3б; Ц-20; 59°20′; 69°00′.

И. С. Поляковым приобретен шлифованный топор, найденный в окрестностях с. Демьянского. Топор сделан из довольно твердой породы зеленого цвета и имеет около 65 мм в длину и 43 мм в ширину, хорошо отточен, с очень тонким лезвием.

И. С. Поляков, 1879, стр. 92.

158. Кошелевское городище. Кошелева, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Уватская вол. Тобольской губ.), правый берег Иртыша. Табл. 3б; Ч-19; 59°00′; 68°30′.

С. К. Патканов, бывший в Западной Сибири в 1887—1888 гг., сообщает, что близ деревни находится городище.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXV.

159. Белкинский «городок». Белкина, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Уватская вол. Тобольской губ.), р. Иртыш. Табл. 3б; Ч-19; 59°00;′ 68°30′.

В 1888 г. С. К. Патканов доставил в Археологическую комиссию сведения о «городке» около дер. Белкиной.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXV.

160. Новое городище. Новое, село Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Уватская вол. Тобольской губ.), р. Иртыш. Табл. 3б; Ш-19; 58°40′; 68°30′.

Близ села расположено городище.

И. Я. Словцов, 1887, № 175.

161. Красноярское местонахождение. Красноярская, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Уватская вол. Тобольской губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3б; Ш-19; 58°40′; 68°30′.

В 1888 г. С. К. Патканов доставил в Археологическую комиссию ряд заметок о памятниках Тобольской губернии. В их числе он упоминает дер. Красноярскую, не указывая, о каком памятнике идет речь.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXV.

162. Нефедовское (Нижне-Филатовское) городище. Потчевашская культура. Нефедово (Нижне-Филатово), деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Бронниковская вол. Тобольской губ.), правый берег Иртыша Табл. 3б; Щ-19; 58°20′; 68°30′.

В Тобольском музее хранится коллекция (см. книгу поступлений Тобольского музея, № 279—284), содержащая керамику, шлаки и кость с Нефедовского городища. Просмотренный материал заставляет В. И. Мошинскую отнести его к потчевашской культуре.

В. И. Мошинская, 1949.

163. Бронниковское городище. Бронниково, село Тобольского окр. Тюменской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3б; Щ-18; 58°20′; 68°00′.

На наличие городища близ села указывает И. Я. Словцов. В Тобольском музее хранится антропоморфное изображение из белой бронзы (?), записанное в книгу поступлений музея за № 2888 и в печатный каталог Тобольского музея за № 17. Указанное изображение найдено на берегу Иртыша близ села, возможно на городище.

И. Я. Словцов, 1887, № 174; В. И. Мошинская, 1949.

164. Дурынинская находка. I тыс. до н. э. Дурынина, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Бронниковская вол. Тобольской губ.), р. Иртыш. Табл. 3б; Щ-18; 58°20′; 68°00′.

В Тобольском музее хранится бронзовый кельт (колл. № 4284), найденный случайно близ деревни на берегу Иртыша (у обрыва берега). Там же найден ряд бронзовых выпукло-вогнутых дисков такого же типа, как в Истяцком «кладе» (см. № 188).

В. И. Мошинская, 1949.

165. Кугаевское городище. Кугаево, село Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3б; Щ-18; 58°20′; 68°00′.

Близ села находится городище.

И. Я. Словцов, 1887, № 173.

166. Тюковский курган. III в. до н. э. Тюкова, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Беркульская вол. Тобольского у. и губ.), р. Иртыш. Табл. 3б; Щ-18; 58°20′; 68°00′.

Близ деревни имеется курган, раскопанный В. Н. Пигнатти. Материал раскопок хранится в Тобольском музее.

В. И. Мошинская, 1949.

167. Алемасовское (Сузгун I) городище. XIII—XIV вв. Алемасовская деревня Тобольского окр. Тюменской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-18; 58°00′; 68°00′.

В 1948 г. В. Н. Чернецовым обследовано остяцкое городище XIII—XIV вв., о котором писал также и И. Я. Словцов.

И. Я. Словцов, 1887, № 170; В. Н. Чернецов, 1948.

168. Алемасовское (Сузгун II) культовое место. Эпоха бронзы. В 1948 г. экспедицией под руководством В. Н. Чернецова произведены раскопки на культовом месте (Сузгун II), близ дер. Алемасовой (см. № 167).

В. Н. Чернецов, 1948.

169. Тобольское 1-е (Чукман) городище. Тобольск, город Тюменской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-18; 58°00′; 68°00′.

В самом Тобольске, в северной его части, там, где воздвигнут памятник Ермаку, находилось городище Чукман, ныне уже совершенно уничтоженное.

И. Я. Словцов, 1887, № 168.

170. Тобольское 2-е (Панинское, Бицик-Кула) городище. В восточной части Тобольска (см. № 169), на Панином бугре находилось городище Бицик-Кула, или Бициктура, в настоящее время совершенно уничтоженное. В Тобольском музее хранятся керамика и железные изделия, найденные здесь Иваницким и переданные им А. И. Дмитриеву-Мамонову. Вещи занесены в книгу поступлений музея за № 787. Н. Л. Скалозубов находил на Панином бугре человеческие кости.

И. Я. Словцов, 1887, № 167; В. В. Радлов, 1894, стр. 116; В. И. Мошинская, 1949.

171. Тобольская (Тырковская) находка. I тыс. до н. э. В восточной части Тобольска (см. № 169), в местности Тырковка в 1894 г. при рытье ямы на глубине 1,77 м найден бронзовый котел скифского типа, поступивший в музей от Тобольской городской управы. Почва, в которой он найден, представляет перегной мусора с болотными остатками, замытый глиной. Разрез показывает на существовавшую ранее на месте находки насыпь в виде плоского холмика высотой 0,36—0,4 м.

«Текущая хроника музея», 1894, стр. LVII; «Тобольские губернские ведомости», 1894, № 24.

172. Чувашский мыс (Потчеваш), городище. Потчевашская культура. На восточной

окраине Тобольска (см. № 169), в местности, называемой Чувашский мыс, или Потчеваш, на правом берегу Иртыша расположено городище, детально обследованное в 1951 г. В. И. Мошинской. Подъемный материал и вещи из прежних раскопок хранятся в Тобольском музее. Более подробно о городище см. в статье В. И. Мошинской в настоящем сборнике.

И. Я. Словцов, 1887, № 149; М. С. Знаменский, 1891; 1901; А. А. Спицын, 1893, стр. 46; 1906, стр. 226; «Отчет о состоянии коллекций Тобольского музея», 1894, стр. XXV; A. Heikel, 1894, стр. 1—49; И. М. Мягков, 1927; стр. 69; П. А. Дмитриев, 1929, стр. 188; В. Н. Чернецов, 1947_1, стр. 114; В. И. Мошинская, 1953_4, стр. 189 и сл.

173. Чувашский мыс (Потчеваш), курганы. IV в. до н. э. — I в. н. э. В Тобольске, в местности, называемой Чувашский мыс, или Потчеваш (см. № 172), находится курганный могильник, частично раскопанный А. И. Дмитриевым-Мамоновым. Им вскрыто 17 курганов. Находки и дневники раскопок хранятся в музее Томского университета.

И. Я. Словцов, 1887, № 150—166; В. М. Флоринский, 1888; А. И. Дмитриев-Мамонов (б. г.); A. Heikel, 1894; И. М. Мягков, 1927, стр. 68; В. Н. Чернецов, 1947_2, стр. 74; В. И. Мошинская, 1953_4, стр. 189 и сл.

174. Савинский курган. Потчевашская культура. Савина, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-18; 58°00′; 68°00′.

В пойме Иртыша имеется курган. Раскопки его производил М. С. Знаменский. Обнаружена эполетообразная застежка ранней формы и керамика потчевашского типа.

И. Я. Словцов, 1887, № 169; М. Г. Худяков, 1917, стр. 24; A. Heikel, 1894; В. И. Мошинская, 1949.

175. Ивановское городище. I тыс. до н. э. Ивановская, деревня Тобольского окр. Тюменской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-19; 58°00′; 68°00′.

В 1948 г. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской обследовано городище близ б. Ивановского монастыря, в 8 км от Тобольска.

В. Н. Чернецов, 1948.

176. Ивановские курганы. I тыс. до н. э. Близ дер. Ивановской (см. № 175) находится курганный могильник из 15 курганов, обследованный и частично раскопанный в 1948 г. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской.

В. Н. Чернецов, 1948.

177. Ивановская находка кельта. VIII—VII вв. до н. э. В Тобольском музее хранится кельт (колл. № 341), найденный близ дер. Ивановской (см. № 175).

В. Н. Чернецов, 1947_2, стр. 68.

178. Саусканское (Ханское) кладбище. Саусканские юрты Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), правый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-19; 58°00′; 68°00′.

На правом берегу Иртыша, против Саусканских юрт, по сообщению И. Я. Словцова, находится древнее, так называемое Ханское кладбище.

И. Я. Словцов, 1887, № 148.

179. Алафейское (Искер, Кучумово) городище. Эпоха бронзы, потчевашская культура и XV в. Алафейская гора, в 16 км к юго-востоку от Тобольска Тюменской обл., р. Сибирка — правый приток Иртыша. Табл. 3б; Э-19; 58°00′; 68°00′.

Городище расположено на Алафейской горе, при впадении Сибирки в Иртыш. Оно обнесено тройным валом и рвом. Городище подвергалось неоднократным, но далеко не систематическим раскопкам. Поступало также много случайных находок. Основная масса вещей с Искера хранится в Тобольском музее. Там же находится альбом краеведа Тобольского края М. С. Знаменского, посвященный истории завоевания Сибири Ермаком. В альбоме приведены карты бывшей столицы Ермака — Искера, ее окрестностей, а также зарисованы многочисленные находки, обнаруженные в разное время при раскопках.

И. Я. Словцов, 1887, № 147; A. Heikel, 1894; «Отчет о состоянии коллекций Тобольского губернского музея», 1893, стр. XXII; 1894, стр. XXV—XXVI; Н. Л. Скалозубов, 1902, стр. 23; В. В. Радлов, 1894, стр. 117; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 230, 246; В. Н. Пигнатти, 1915; В. П. Левашева, 1928_1, стр. 91; 1950, стр. 341 и сл.; «Тобольская правда», 1940.

180. Ярковское (Кучумово укрепление) городище. Яркова, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), р. Иртыш. Табл. 3б; Э-19; 58°00′; 68°30′.

В окрестностях деревни, близ оз. Архиерейского, приблизительно в 10 км от б. Абалакского монастыря, по сведениям М. С. Знаменского, расположено городище, называемое Кучумово укрепление.

И. Я. Словцов, 1887, № 143.

181. Киселевская находка. Киселевка, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), р. Иртыш. Табл. 3б; Э-19; 58°00′; 68°00′.

В окрестностях дер. Киселевки, находящейся близ Тобольска, в обвале, где берут глину, найдена костяная стрела, поступившая в Тобольский музей и внесенная в книгу поступлений музея за № 4171.

В. И. Мошинская, 1949.

182. Бизинский курган. I тыс. до н. э. Бизина, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-18; 58°00′; 68°00′.

Близ деревни находится курган, раскопанный К. А. Шапошниковым и де-Баем. Находки поступили в Тобольский музей (колл. № 1273, 1379, 1369, 1370, 1371).

В. И. Мошинская, 1949.

183. Преображенский курган. Преображенское, село Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), р. Иртыш. Табл. 3б; Э-19; 58°00′; 68°30′.

Близ села находился курган, совершенно снесенный обвалами берега.

И. Я. Словцов, 1887, № 146.

184. Абалакские курганы. Абалак, село Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), правый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-19; 58°00′; 68°30′.

Километрах в пяти от села, по сообщению М. С. Знаменского, есть два кургана, имеющие вид острых конусов.

И. Я. Словцов, 1887, № 144, 145.

185. Старо-Погостское городище. Старый Погост, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Куларовская вол. Тобольского у. и губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3б; Ю-19; 57°40′; 68°30′.

Километрах в двух от деревни находится городище.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXV.

186. Усть-Вагайское (Кысым-Тура) городище. Вагай, с. центр Вагайского р-на Тюменской обл., устье р. Вагая — левого притока Иртыша. Табл. 3б; Ю-19; 57°40′; 68°30′.

Городище расположено на холме близ самого устья р. Вагая, окружено рвами и валом. Главный ров 15 м ширины и до 1,06 м глубины. Вал шириной 4,25 м и вышиной 0,7 м. Площадь городища в поперечнике — около 64 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 172; Г. Ф. Миллер, 1937, стр. 257.

187. Соургачские (Тебендинские) курганы. Соургачи, Тебенда, деревни Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), близ устья р. Вагая — левого притока Иртыша. Табл. 3б; Ю-20; 57°40′; 69°00′.

Между указанными деревнями находится курганная группа в 25—30 курганов.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXVI.

188. Истяцкий «клад». II—I вв. до н. э. Истяцкие юрты Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Вагая — левого притока Иртыша. Табл. 3б; а-20; 57°00′; 69°00′.

В 1886 г. в 10,5 км от Истяцких юрт, при рытье канавы около почтовой дороги найдены предметы древности. Крестьянин, нашедший вещи, углубляя канаву, наткнулся лопатой на медную большую кастрюлю, судя по описанию — скифский котел, возле которой стояли два железных колпака (шлемы), а в них лежали кружки (металлические диски). Кроме этого, возле кастрюли было старое железное копье, которое он бросил. В одном колпаке лежал «ангел» (серебряный барельеф). Находки крестьянин передал подрядчику, которым все вещи, кроме котла, были представлены в Истяцкое волостное правление. В 1888 г. находки поступили в Тобольский музей. В 1894 г. часть вещей, в том числе и серебряный диск с выпуклым изображением Дианы, передана в Эрмитаж.

Местность, где найдены вещи, представляет густой сосновый бор. Грунт чистый, песчаный. Никаких следов курганов или поселения нет.

Н. А. Лыткин, 1890, стр. 13; ОАК за 1894 г., стр. 45, 169; И. М. Мягков, 1927, стр. 68—69; 1929, стр. 76; В. Н. Чернецов, 1947₁, стр. 114.

189. Киргинцевский курган. Киргинцева, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег

р. Вагая — левого притока Иртыша. Табл. 3б; б-19; 56°40′; 68°30′.

Посреди деревни, расположенной в 7,5 км от с. Аромашево, находится курган 3,5 м высотой и 106,7 м в окружности. Среди татар курган этот пользуется почитанием. С ним связывается предание о каком-то «святом ходжи», благодаря чему курган огорожен и тщательно охраняется.

И. Я. Словцов, 1887, № 772.

190. Бегишевские находки. Бегишево, село Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольский у. и губ.), правый берег Иртыша. Табл. 3б; Э-20; 58°00′; 69°00′.

В Тобольском музее хранится керамика, записанная в книгу поступлений музея за № 4105, найденная случайно в логу близ села.

В. И. Мошинская, 1949.

191. Епанчинское городище. Епанчина, деревня Тобольского окр. Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; Ю-23; 57°40′; 70°30′.

Близ деревни Н. Л. Скалозубов указывает городище, находки с которого хранятся в Тобольском музее и записаны в книгу поступлений за № 4223.

Кроме того, в окрестностях деревни имеется могила татарского «святого». Неподалеку от нее случайно найдены керамика и кусок черепа.

В. И Мошинская, 1949.

192. Новоникольское 1-е (Голая Сопка) городище. Новоникольск, село Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ., б. с. Новоникольское), правый берег Иртыша. Табл. 3 в; Ю-24; 57°40′; 71°00′.

Близ села, расположенного на правом берегу Иртыша, километрах в 7—8 ниже устья р. Ишима, имеется возвышенность, называемая Голая сопка, с которой неоднократно поступали различные находки в Тобольский музей и в Археологическую комиссию. В 1913 г. последняя поручила Н. Н. Бортвину произвести обследование. Им обнаружено разрушающееся городище, высотой не менее 85 м. Площадь его, в форме неправильного овала, с одной стороны ограждена рвом и валом. Вал, сложенный из культурного слоя, находится позади рва. Н. Н. Бортвиным произведены раскопки. Вскрыто 364 кв. м. Вдоль и поперек городища проведены траншеи, где обнаружен культурный слой глубиной от 0,7 до 1,75 м. Слой черный, с прослойками золы и массой костей. Вскрыто значительное количество кострищ, расположенных на различных горизонтах по всему плану раскопок и резко отличающихся перекаленной красно-желтой почвой, золой и угольками. В пяти местах на глубине не свыше 0,35 м найдены бесформенные остатки глиняных очагов или печей, «выложенных на каркасе из палок около вершка толщины». На краю городища на небольшой глубине обнаружены остатки деревянного сруба длиной 3,55 м, «состоявшие из трех рядов дерева». Посреди сруба — остатки небольшого огнища. Все сооружение сильно деформировано. В центре площадки встречено 6 круглых ям глубиной от 0,35 до 1,05 м, шириной не менее 1 м, а иногда около 1,5 м. Дно их в ряде случаев котлообразное.

На городище обнаружены вещи, принадлежащие двум культурам: древней, позднейшего местного медного века, и татарской XIV—XV вв. Вторая представлена черепками хорошо выделанной красной посуды, железными наконечниками стрел, обломками тонкой медной посуды, поливными бусами и характерными поделками из кости. Древняя культура представлена большим количеством круглодонной керамики, сделанной из хорошей пластической массы и украшенной нарезным и богатым штампованным орнаментом типов, известных по западносибирским городищам. Преобладающая форма — чашка с широким отверстием.

ОАК за 1907 г., стр. 121, 139; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

193. Новоникольское 2-е городище. В 1913 г. Н. Н. Бортвиным при обследовании городища Голая Сопка (см. № 192) обнаружено второе городище, огражденное такой же системой укреплений: ров шел на площадке, а за ним возвышался вал. Раскопок на этом городище, по всей вероятности татарском, не было произведено.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 177.

194. Новоникольский могильник. X в. н. э. Близ с. Новоникольска (см. № 192) расположен могильник, случайные находки с которого хранятся в Тобольском и Омском музеях. Среди находок содержится большое

количество поделок из белой бронзы, железные наконечники стрел, круглодонные сосуды, орнаментированные крупными рамчатыми штампами, и черепа.

В. И. Мошинская, 1949.

195. Усть-Ишимские находки. Усть-Ишим, село Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), устье р. Ишима — левого притока Иртыша. Табл. 3в; Ю-24; 57°40′; 71°00′.

В 1900 г. крестьянином Усовым доставлено в Археологическую комиссию несколько железных поделок, случайно найденных близ выселка Усть-Ишим. Приблизительная дата их — не ранее XIV в. Находки поступили в ГИМ.

ОАК за 1900 г., стр. 122, 149.

196. Усть-Ишимские (Эбаргульские) курганы. Усть-Ишим, Эбаргуль, селения Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; Ю-24; 57°40′; 71°00′.

На левом берегу Иртыша между указанными селениями расположено много холмиков-курганов.

«Хроника Тобольского музея за 1898 год», 1902, стр. 63.

197. Петровская находка. Петрово, деревня Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; Я-26; 57°20′; 72°00′.

В Тобольском музее хранится обломок костяной стрелы, найденный случайно на берегу Иртыша близ деревни. Записан в книгу поступлений Тобольского музея за № 3818.

В. И. Мошинская, 1949.

198. Бакшеевская находка. Бакшеево, село Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; Я-28; 57°20′; 73°00′.

В Тобольском музее хранится каменный топор, найденный на берегу Иртыша около села. Записан в книгу поступлений музея за № 6242.

В. И. Мошинская, 1949.

199. Имшегальские курганы. I тыс. н. э. Имшегал, деревня Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), р. Шиш — правый приток Иртыша. Табл. 3в; Я-31; 57°20′; 74°30′.

По данным И. Н. Шухова, близ деревни имеются курганы; в одном из них обнаружены поделки из белой бронзы. Среди них особый интерес представляет бляха с изображением всадника. Коллекция хранится в Омском музее.

И. Н. Шухов, 1927.

200. Усть-Куренгинские находки. Неолит. Усть-Куренга, село Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), верховья р. Шиша — правого притока Иртыша. Табл. 3в; Я-33; 57°20′; 75°30′.

В. Н. Чернецов сообщает, что в Тарском музее имеются вещи из окрестностей деревни, найденные крестьянами при хищнических раскопках. Возможно, что здесь расположен могильник неолитического времени.

В. Н. Чернецов, 1948.

201. Тереховский клад. Терехова, деревня Омской обл. (б. Логиновская вол. Тарского окр. Тобольской губ.), левый берег р. Оши — левого притока Иртыша. Табл. 3в; в-29; 56°20′; 73°30′.

В июне 1893 г. близ деревни найден клад серебряных вещей, в состав которого входили: два сосуда в форме гладких полукруглых чаш или ковшей без ручек, весом каждый в 145 г. По краям чаш нанесена резьба штрихами под чернью. Другие два сосуда были в виде ковшей с узорчатой каймой по краям, с рельефными (тиснеными) изображениями неизвестного зверя (похожего на соболя или лисицу) на дне и полыми ручками в виде головы грифа с кольцом в клюве. Сосуды весили по 141 г. В клад входили также два слитка в форме продолговатых неправильно и округло-трехгранных полос, длиной каждая 13,3 см, весом приблизительно 383 г, и 20 золотоордынских монет 1313—1362 гг.

Вещи найдены крестьянкой А. Полынской близ деревни. Спускаясь с горы, Полынская заметила торчавший из земли черепок и вытащила вместе с ним остальные вещи.

В этом же 1893 г. вещи направлены в Археологическую комиссию, а затем переданы частично в Тобольский музей и Эрмитаж.

«Текущая хроника Тобольского музея», 1893, стр. XII—XIII; ОАК за 1893 г., стр. 45, 120.

202. Китерминская (Саимская, Иковская) находка. Китерма, деревня Омской обл. (б. Тюкалинский окр. Тобольской губ.) близ

озер Саима (Салтаима) и Ика, в верховьях р. Оши — левого притока Иртыша. Табл. 3в; г-25; 56°00′; 71°30′.

И. М. Мягков упоминает о металлическом предмете, изображающем человека, найденном близ озер Саима и Ика.

И. М. Мягков, 1927, стр. 66.

203. Уйское городище. Тарский р-н Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), р. Уй — правый приток Иртыша. Табл. 3в; а-30; 57°00′; 74°00′.

Точное местонахождение городища неизвестно. Сведения о нем случайно получены М. В. Малаховым от охотников, которые утверждают, что есть большое городище вблизи р. Уя, верстах в 35 от г. Тары.

И. Я. Словцов, 1887, № 913.

204. Ермаковское городище. Ермакова и Богомелова, деревни Омской обл. (б. Бутаковская вол. Тарского окр. Тобольской губ.), левый берег р. Уя — правого притока Иртыша. Табл. 3в; а-31; 57°00′; 74°30′.

В «Хронике Тобольского музея за 1898 год» записано со слов крестьян, что верстах в шести от поселка Ермаковского на высоком берегу реки находится городище с кирпичными ступеньками к воде. Находят здесь «громадные» черепа.

Вероятно, об этом же памятнике пишется в ИАК, где указывается, что в 40 верстах от г. Тары, между деревнями Ермаковой и Богомеловой, при р. Уй находятся руины старинной крепости. Бывший здесь город, по преданию, разрушен Ермаком. Местные жители утверждают, что на этом месте находят много старинных вещей, но, как ненужные, выбрасывают.

«Хроника Тобольского музея», 1902, стр. 64; ИАК, 1911, стр. 128.

205. Чекрушевские курганы. Чекрушева, деревня Тарского р-на Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), р. Степановка — левый приток Иртыша. Табл. 3в; б-30; 56°40′; 74°00′.

Близ деревни расположена группа из 8—10 курганов, заросших мелким березняком.

И. Я. Словцов, 1887, № 914—923.

206. Краснoозерские курганы. Красноозерка, деревня против г. Тары Омской обл., оз. Красное на правом берегу Иртыша. Табл. 3в; б-30; 56°40′; 74°00′.

В 1945 г. В. Н. Чернецовым при участии директора Омского музея А. Ф. Палашенкова произведено обследование окрестностей г. Тары. В 0,5 км от берега Иртыша, против г. Тары, на северном берегу оз. Красного, среди болотистой поймы протянулась сухая песчаная гряда — остаток надпойменной террасы. По всей гряде разбросаны курганы, частично распаханные и разрушенные огородами и строениями, частично сохранившие свою форму. На протяжении 1,5—2 км их насчитывается около ста. На западном конце гряда образует небольшой, поросший соснами холм, на котором расположена группа в 50 курганов. Большинство их имеет впадину на вершине и, вероятно, разграблено. В. Н. Чернецовым вскрыт один курган, оказавшийся, судя по положению костей, ограбленным тогда, когда на скелете еще сохранялись связки.

В. Н. Чернецов считает, что Красноозерская курганная группа если и не была непосредственно связана с Безымянным городищем (см. № 208), то, видимо, синхронна ему и относится к той же культуре (начало II тысячелетия н. э.).

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 89—91.

207. Красноозерское городище. Близ дер. Красноозерки (см. № 206) на восточном конце гряды, на невысоком мыске, образованном озерами Красным и Ржавцем, находится городище размером 20 × 25 м, защищенное рвом глубиной до 1,5 м. Городище занято современным кладбищем, и о характере поверхности судить невозможно. На одном из склонов мыса вырыта яма. При зачистке ее стенок В. Н. Чернецовым в 1945 г. собрана керамика, которая позволила ему отнести городище ко времени раннего железа.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 90—91.

208. Безымянное 1-е городище. Близ г. Тары Омской обл., ручей Безымянный — правый приток Иртыша. Табл. 3в; б-31; 56°40′; 74°00′.

На левом берегу ручья Безымянного, при выходе его в пойму, на высоком мысу В. Н. Чернецовым в 1945 г. обнаружено городище, состоящее из внутреннего, среднего и внешнего городков, огражденных валами и рвами. Своеобразие укреплений заключается в выступах валов по обе стороны ворот внешнего и среднего колец укреплений,

допускавших фланговый обстрел вдоль рвов. Особенно мощно укреплен внутренний городок. Ров здесь имеет 6 м ширины и 3 м глубины, причем постоянного перехода через него, повидимому, не было. Поверхность городища неровная. В среднем городке различимы квадратные углубления от землянок. Такие же углубления, но менее отчетливые, видны и во внешнем городке.

В. Н. Чернецовым проведены небольшие разведочные раскопки, позволившие отнести городище к началу II тысячелетия н. э.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 86—88.

209. Безымянное 2-е городище. Вблизи Безымянного 1-го городища (см. № 208), по правую сторону ручья расположено другое городище. Оно очень не велико, находок мало, датировка его не ясна.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 88.

210. Безымянное 3-е городище. Городище находится на правом берегу Безымянного ручья, в 0,5 км от Безымянного 2-го городища (см. № 209). Площадка его в форме прямоугольника со скошенным северо-восточным углом; характерной особенностью являются наугольные выступы вала, подобные таким же на 1-м Безымянном городище (см. № 208), что́ позволяет сближать оба памятника. Городище осмотрено в 1945 г. В. Н. Чернецовым. Раскопок не производилось.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 88—89.

211. Сыщиковское поселение. Близ г. Тары Омской обл., устье р. Сыщиковой — правого притока Иртыша. Табл. 3в; б-31; 56°40′; 74°30′.

В 1,5 км от Иртыша, на левом берегу р. Сыщиковой, при выходе ее в пойму Иртыша, В. Н. Чернецовым в 1945 г. обнаружены остатки землянок поселения XVII в. Найдена черная лощеная керамика, сделанная на гончарном круге. Аналогичные находки встречены и на правом берегу речки.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 86.

212. Медовщиковские курганы. Близ г. Тары Омской обл., устье р. Медовщиковой — правого притока Иртыша. Табл. 3в; б-31; 56°40′; 74°30′.

Метров на 200 ниже устья речки и на таком же расстоянии от Иртыша, среди болотистой поймы, заросшей мелким березняком и осинником, расположен сухой песчаный островок, поросший сосновым лесом,— остаток первой надпойменной террасы. На островке находится могильник, содержащий свыше 20 курганов, большей частью разрушенных.

В. Н. Чернецовым в 1945 г. вскрыто два кургана. Один содержал женское погребение на грунте; хорошо сохранившийся костяк лежал на спине, головой на запад; никакого инвентаря при погребении не было, за исключением слабо выпуклой стеклянной бляшки, лежавшей на грудной кости. Другой курган оказался ограбленным, очевидно, еще в древнее время. Вещей не найдено.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 84—85.

213. Медовщиковские находки. На левом берегу р. Медовщиковой (см. № 212), при выходе ее в пойму Иртыша, в стене карьера В. Н. Чернецовым в 1945 г. найден фрагмент сосуда с гребенчатым орнаментом и скребок из кварцита.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 84.

214. Медовщиковское поселение. На левом берегу р. Медовщиковой (см. № 212), на том же мысу, где найдены фрагмент керамики и скребок, В. Н. Чернецовым в 1945 г. обнаружены многочисленные ямы от землянок размерами около 6×6 м, расположенные по краю склона. Выше их встречены неглубокие заплывшие круглые ямы до 3 м в диаметре. В культурном слое землянок и между ними найдены фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге, и железные шлаки.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 84.

215. Екатерининская стоянка Неолит. Екатерининское, село Тарского р-на Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), устье р. Абросимовки — правого притока Иртыша. Табл. 3в; б-31; 56°40′; 74°30′.

Первая надпойменная терраса, в большинстве мест не сохранившаяся, подходит к правому берегу Иртыша на протяжении около 250 м вниз от устья р. Абросимовки. В нижнем конце обнажения под небольшим почвенным слоем залегает пласт мощностью около 30 см, состоящий из темноокрашенного песка с примазками угля, содержащий керамику и в небольшом количестве кости животных и каменные поделки.

В. Н. Чернецов, обследовавший местонахождение в 1945 г., считает, что здесь была

расположена стоянка эпохи позднего неолита. Бо́льшая часть стоянки, повидимому, смыта, а изучение оставшейся площади встретит немалые затруднения из-за расположенных почти у самого берега построек.

В. Н. Чернецов, 1947₃, стр. 82—84.

216. Ананьевское городище. Екатерининское, село Тарского р-на Омской обл., оз. Ананьевское на правом берегу Иртыша. Табл. 3в; б-31; 56°40′; 74°30′.

Городище расположено в 4 км вверх от села, на верхней террасе правого берега Иртыша, на мысу, образуемом р. Ананьевской и весенним разливом оз. Ананьевского, представляющего собой старицу некогда пролегавшего здесь русла Иртыша. Городище осмотрено В. Н. Чернецовым в 1945 г. Собраны фрагменты керамики и кости животных.

В. Н. Чернецов, 1947₃, стр. 84.

217. Тарский округ, находки. Тарский р-н Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), бассейн Иртыша (точнее неизвестно).

В б. Тарском округе неоднократно находили предметы древности. В отчетах Археологической комиссии, в разделе «Случайные находки и поступления», начиная с 1900 г. почти ежегодно публиковались находки из этого округа. В большинстве случаев они приобретались у крестьянина Усова, который далеко не всегда мог указать точное местонахождение их. Бо́льшая часть находок поступила в ГИМ и Тобольский музей.

В 1900 г. доставлены следующие вещи: 1) медная лунница, украшенная зернью и филигранью, искусно вылитая в подражание подобным изделиям из серебра; 2) привеска-птичка пермского типа; 3) медная пронизка-трубочка с привесками, также пермского типа; 4) подвеска в виде сердечка; 5) медный гладкий наконечник пояса; 6) две глиняные бусины, покрытые прекрасной синей поливой; 7) медный пластинчатый «чудской» образок неопределенного времени; 8) медный поломанный «чудской» образок, в виде головы, окруженной двумя змеями (VIII—IX вв.); 9) медные бляшки круглые, выпуклые и в форме креста; 10) костяные наконечники стрел; 11) медный бубенчик.

В 1901 г. поступили: 1) шесть костяных наконечников стрел; 2) медный кельт минусинского типа; 3) два неопределенных каменных орудия; 4) небольшая каменная зернотерка; 5) медная подвеска в виде уточки и пр.

В 1902 г.: 1) медный, украшенный орнаментом кельт с боковыми отверстиями; 2) подвеска в виде гуся, отлитого из латуни; гусь изображен с выпуклой грудью и низко опущенным хвостом; перья представлены рядами углублений; 3) костяной наконечник стрелы; 4) железный наконечник стрелы.

В 1903 г.: 1) большой каменный клин; 2) маленький медный кельт с расширенным острием и широкой втулкой; 3) кусок железной кольчуги; 4) орнаментированный черепок; 5) две орнаментированные плитки с продольными и поперечными желобками; назначение и время изготовления плиток неизвестны.

В 1905 г. поступили: 1) птицеобразный чудской образок довольно грубого позднего литья из желтой меди; с задней стороны приделано ушко для привешивания; 2) медная чудская привеска X в. пермского типа, так называемая, коньковая, без цепочек.

В 1911 г.— чудские изображения (наиболее интересные из них представлены на рис. 128 в ОАК за 1911 г., стр. 89).

В 1912 г. из Тарского округа поступил железный меч, найденный при распашке земли; меч передан в Эрмитаж.

ОАК за 1900 г., стр. 121, 149; за 1901 г., стр. 143, 172; за 1902 г., стр. 142, 173; за 1903 г., стр. 175, 215; за 1905 г., стр. 106, 127; за 1911 г., стр. 89, 108; за 1912 г., стр. 95, 115; В. Н. Чернецов, 1947₂, стр. 71.

218. Тарский, Ишимский и Тюкалинский округа, находки. Тюменская и Омская области (б. Тарский, Ишимский и Тюкалинский окр. Тобольской губ.), бассейн Иртыша (точнее неизвестно).

В 1900 г. в Археологическую комиссию крестьянином Усовым доставлена небольшая коллекция предметов, в состав которой входили: костяной наконечник стрелы, рукоятка кинжала; предметы из меди: кельты, кинжал, ножи, круглые выпуклые бляхи, удила, наконечники стрел, а также глиняные пряслица, черепки глиняных сосудов и пр. Точное местонахождение вещей неизвестно.

Находки переданы в ГИМ.

ОАК за 1900 г., стр. 120, 149.

219. Заливинские курганы. Заливино, деревня Омской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Тары — правого притока Иртыша. Табл. 3в; в-34; 56°20′; 76°00′.

В 5,5 км от дер. Заливино на правом берегу р. Тары расположено 13 курганов. Судя по кладоискательским раскопкам местных жителей, курганы разграблены в древности. Крестьяне находили обломки керамики, кости, каменное копье 6,5 см длиной и небольшую медную лопаточку.

П. В. Степанов, 1886, стр. 17; И. Я. Словцов, 1887, № 925—937.

220. Мурлинские северные курганы. Мурлинские юрты Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), р. Мурлинка — правый приток Иртыша. Табл. 3в; б-31; 56°40′; 74°30′.

С северной стороны Мурлинских юрт, расположенных в районе с. Айткулова, находится группа из 15 курганов, обследованных в 1867 г. тарским купцом Е. И. Малаховым, который нанес курганы на план, отправленный в Общество ЛЕАЭ при Московском университете. Туда же были переданы и находки из курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 893—907.

221. Мурлинские южные курганы. В километре к югу от юрт Мурлинских (см. № 220) находятся 10 курганов, раскопанных в 1867 г. Е. И. Малаховым. Вещи отправлены в Общество ЛЕАЭ при Московском университете.

И. Я. Словцов, 1887, № 883—892.

222. Мурлинская находка. I тыс. до н. э. В окрестностях Мурлинских юрт (см. № 220) найден железный меч сарматского облика, несколько поделок из бронзы плоского литья и бронзовые стрелы. Вещи поступили в Тарский краеведческий музей.

В. И. Мошинская, 1949.

223. Могилянские курганы. Между дер. Могилянской и Мурлинскими юртами (см. № 220) расположены 10 курганов, обследованных и частично раскопанных Е. И. Малаховым. Найденные вещи отправлены в Общество ЛЕАЭ при Московском университете.

И. Я. Словцов, 1887, № 873—882.

224. Такмыкские курганы. Такмыкское, село Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; г-31; 56°00′; 74°30′.

Близ села, между деревнями Решетниковой и Красноярской, находится курганный могильник; в нем более 50 курганов. Часть их раскопана в 1867 г. Е. И. Малаховым. Из раскопок в Общество ЛЕАЭ при Московском университете доставлены пять черепов и собрание вещей. В том числе: остатки кожаного седла, украшенного бронзовыми бляхами, изображающими всадников с соколом в руке; костяные и железные наконечники стрел, удила, стремена, железные пряжки, ножи, серебряные седельные украшения, медные кольца, небольшой лоскут шелковой материи, глиняные горшки различных размеров. У одного скелета, вместе с которым были найдены лошадь и седло с серебряными украшениями, на обеих руках, на всех пальцах, за исключением большого, было надето по медному кольцу. Бо́льшая часть курганов, повидимому, ограблена. Кости лежали в беспорядке, иногда перемешанные с лошадиными костями.

«Антропологическая выставка», 1879, стр. 12; А. П. Богданов, 1879, стр. 263; К. Голодников, 1879, стр. 16; И. Я. Словцов, 1887, № 773—822.

225. Артынские курганы. Артын, село Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), правый берег Иртыша. Табл. 3в; г-31; 56°00′; 74°30′.

Близ села расположены пять курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 907—912.

226. Костинские курганы. Костино, деревня Омской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), верховья небольшого правого притока Иртыша. Табл. 3в; г-31; 56°00′; 74°30′.

Близ деревни встречаются одиночные курганы.

И. Я. Словцов, 1887, № 924.

227. Большерецкие курганы. Большеречье, село Омской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; г-31; 56°00′; 74°30′.

В 3,2 км от села, по дороге в дер. Гущину, находится курганный могильник не менее как из 50 курганов, обследованный и частично раскопанный Е. И. Малаховым. Планы курганов и вещи из раскопок доставлены им в Общество ЛЕАЭ при Московском университете. Обследование производилось в 1867 г.

И. Я. Словцов, 1887, № 822—872.

228. Саргатские курганы. I тыс. до н. э. Саргатское, село Омской обл., левый берег Иртыша. Табл. 3в; е-28; 55°20′; 73°00′.

В 1926—1928 гг. В. П. Левашевой обследованы и частично раскопаны курганы близ села. Материал из раскопок хранится в Омском музее.

В. П. Левашева, 1928₂, стр. 159; 1948, стр. 86—88; П. А. Дмитриев, 1929, стр. 188.

229. Чернолучьинские курганы. Чернолучье, село Бородинского р-на Омской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3в; ж-28; 55°00′; 73°00′.

В 1926 г. В. П. Левашевой раскопано два кургана близ села. Коллекция находок (керамика, кости животных) хранится в Омском музее и занесена в инвентарную книгу под № 239—244.

В. П. Левашева, 1928₂, стр. 158; Ф. В. Мелехин, 1928, стр. 140.

230. Новотроицкие курганы. Новотроицкое, деревня Омской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3в; ж-28; 55°00′; 73°00′.

Разведкой В. П. Левашевой в 1926 г. обследована группа курганов (около 70) близ сел. Новотроицкого, по дороге в с. Чернолучье. Почти все курганы разрыты кладоискателями, а в настоящее время все распаханы.

В. П. Левашева, 1928₂, стр. 160.

231. Надеждинское (Битые Горки) городище. Эпоха бронзы. Надеждино, село Омской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3в; ж-28; 55°00′; 73°00′.

Городище, называемое Битые Горки, расположено близ села. Оно открыто разведкой Омского музея в 1926 г. Исследовано в 1926—1927 гг. В. П. Левашевой. Материал из раскопок хранится в Омском музее и занесен в инвентарную книгу под № 446—464.

В. П. Левашева, 1928₁, стр. 91; 1928₂, стр. 157.

232. Надеждинский (Битые Горки) могильник. I тыс. до н. э. На малом холме Надеждинского городища (см. № 231), в северной его части, обнаружены две могилы на расстоянии 12 м одна от другой. Там же прослежен оригинальный очаг в виде глубокой круглой ямы, сплошь заполненный чередующимися прослойками золы с углем и обожженной глины. Могилы ничем не были отмечены на поверхности. Они имеют форму четырехугольных вытянутых с севера на юг ям с закругленными углами. В обеих могилах оказались срубы прямоугольной формы. В одной из могил было три погребения, в другой — одно. Костяки лежат в вытянутом положении, ориентированы на север. Погребения сопровождались костяным и железным оружием, бронзовыми украшениями, бусами из бронзы, янтаря и пестрого стекла, глиняной посудой, однотипной с черепками культурного слоя.

В. П. Левашева, 1928₂, стр. 157—158.

233. Коконовский курган. IV—III вв. до н. э. Коконовка, деревня Омской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3в; ж-28; 55°00′; 73°00′.

В 1927 г. В. П. Левашевой раскопан курган близ деревни, для проверки характера погребения, разрытого любителями. При раскопках установлена синхронность этих погребений. Находки хранятся в Омском музее и занесены в инвентарную книгу под № 411—426, 427—435.

В. П. Левашева, 1928₂, стр. 159; П. А. Дмитриев, 1929, стр. 187.

234. Николаевские курганы. I тыс. до н. э. Николаевка, деревня Омской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3в; ж-28; 55°00′; 73°00′.

Близ деревни расположена группа курганов, обследованная и частично раскопанная в 1897 г. А. П. Плаховым. В 1926 г. обследование курганов произвела В. П. Левашева.

А. П. Плахов, 1897; В. П. Левашева, 1928₂, стр. 160; Ф. В. Мелехин, 1928, стр. 140.

235. Захламинские курганы. Захламино, деревня Омской обл., правый берег Иртыша. Табл. 3в; ж-28; 55°00′; 73°00′.

В 1926 г. В. П. Левашевой обследована группа курганов, расположенная близ указанной деревни.

В. П. Левашева, 1928₂, стр. 160; Ф. В. Мелехин, 1928, стр. 140.

236. Москаленковская находка. I тыс. до н. э. Москаленки, станция Ольгинского р-на Омской обл., верховья небольшой пересыхающей речки — левого притока Иртыша. Табл. 3в; з-25; 54°40′; 71°30′.

Близ станции случайно найдены бронзовые удила, поступившие в Омский музей и записанные в инвентарную книгу музея под № 24.

В. И. Мошинская, 1949.

237. Омская (Проломная) находка. Эпоха бронзы. Омск (областной), правый берег Иртыша. Табл. 3в; ж-28; 54°40′; 73°00′.

В Омском музее хранится каменный полированный клиновидный топор, найденный случайно в г. Омске на Проломной улице, в восточном ее конце, на огороде. В музей поступил в 1909 г. и зарегистрирован под № 41 (1905).

В. И. Мошинская, 1949.

238. Омские (Юргенсоновские) находки. Эпоха бронзы и I тыс. до н. э. В г. Омске (см. № 237), на территории завода б. Юргенсона случайно найдены бронзовые: удила, накладка для ремня, вислообушный топор. Находки хранятся в Омском музее, колл. № 64, 65 (1706), 66 (1709).

В. И. Мошинская, 1949.

239. Омская (Музейная) находка. В г. Омске (см. № 237) на Музейной улице при постройке дома случайно найден бронзовый нож, поступивший затем в музей.

В. И. Мошинская, 1949.

240. Омские курганы. Против г. Омска, Омской обл., левый берег Иртыша. Табл. 3в; з-28; 54°40′; 73°00′.

Могильник, состоящий из 10 или более курганов, находится несколько выше совхоза, на левом берегу Иртыша. Курганы обследованы В. Н. Чернецовым в 1945 г.

С. В. Киселев, 1946, стр. 259; В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 81.

241. Омское селище. I тыс. до н. э. В 1945 г. при обследовании левого берега Иртыша, против г. Омска (см. № 240) В. Н. Чернецовым обнаружены следы некогда бывшей здесь стоянки или селища, относящегося, как можно судить по немногочисленным фрагментам керамики, ко второй половине I тысячелетия до н. э.

В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 81.

242. Омская стоянка. Эпоха бронзы. Стоянка расположена на левом берегу Иртыша, против г. Омска (см. № 240). Она открыта в 1918 г. доктором С. А. Ковнером. С 1923 г. на ней начались систематические сборы материала, производившиеся главным образом проф. П. Л. Дравертом и отчасти другими сотрудниками Омского музея. Благодаря этим работам в Омском музее накопилось много подъемного материала. В 1927 г. раскопки стоянки производила Е. Н. Липеровская, результаты работы которой остались, однако, неизвестными. Лишь В. П. Левашева, упоминая о них, говорит, что «стоянка дала каменные орудия и осколки, очень разнообразный керамический материал и обломки железных предметов».

В 1945 г. стоянка вновь исследована В. Н. Чернецовым, причем главное внимание обращено на стратиграфию. Судя по материалу и стратиграфии, стоянку можно отнести к эпохе бронзы.

Ф. В. Мелехин, 1928, стр. 141; В. П. Левашева, 1928_2, стр. 160; С. В. Киселев, 1946, стр. 259; В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 79—81.

243. Романтеевские курганы. Романтеево, деревня Ачаирского р-на Омской обл., левый берег Иртыша. Табл. 3в; и-30; 54°20′; 74°00′.

Весной 1927 г. В. П. Левашевой произведены раскопки трех курганов близ указанной деревни, там, где летом 1926 г. крестьянин Романтеев при рытье погреба обнаружил древнее погребение.

В. П. Левашева, 1928_2, стр. 159.

244. Баландинский клад. Эпоха бронзы (X—VIII вв. до н. э.). Баландино, деревня Омской обл. (б. Акмолинская обл.), левый берег Иртыша. Табл. 3в; и-30; 54°20′; 74°00′.

В Омском музее хранится клад бронзовых инструментов, найденный случайно на пашне близ деревни. Доставлен в музей в 1928 г. Ф. С. Бледновым. Записан под № 767—772.

В. И. Мошинская, 1949.

Раздел 4 (Конда)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО Р. КОНДЕ — ЛЕВОМУ ПРИТОКУ ИРТЫША

245. Алешкинские (Кондинский сор) находки. Алешкинские юрты Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Конды. Табл. 3б; У-20; 60°20′; 69°00′.

В Тобольском музее хранится керамика (см. книгу поступлений музея, № 4829), поступившая с городка близ юрт Алешкинских на Алешкином мысу, расположенных на Кондинском сору.

В. И. Мошинская, 1949.

246. Камовское (Карымпоспат урдат вож) местонахождение. Камовы юрты Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Конды. Табл. 3б; У-20; 60°20′; 69°00′.

В 1888 г. С. К. Патканов доставил в археологическую комиссию ряд сведений об археологических памятниках, в том числе о Карымпоспат урдат вож, который находится в 7 верстах от Камовых юрт.

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXV.

247. Болчаровский могильник. Болчары (Болчаровское), село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Конды. Табл. 3б; Х-19; 59°40′; 68°30′.

О могильнике близ села упоминают Л. Р. Шульц, С. К. Патканов и А. В. Шмидт, указывая на находки бронзовых изделий.

В Тобольском музее хранится керамика, поступившая из окрестностей с. Болчаровского и с р. Болчарки (см. книгу поступлений музея, № 4514—4516).

С. К. Патканов, 1891, стр. CCCXV; Л. Р. Шульц, 1924, стр. 195—196: 1926, стр. 25; А. В. Шмидт, 1935, стр. 211.

248. Кимская (Усть-Кимская) стоянка. Чекаткины юрты Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., близ устья протоки Кимы, соединяющей Конду и ее правый приток р. Куму. Табл. 3б; Ц-16; 59°20′; 67°00′.

С. Г. Боч указывает стоянку, расположенную несколько ниже юрт Чекаткиных на правом берегу протоки Кимы.

С. Г. Боч, 1937, № 26.

249. Нахрачинская 1-я (Ях-Турская 1-я) стоянка. Нахрачи, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., озеро (точнее — сор) Ях-Тур на р. Юконде — левом притоке Конды. Табл. 3б; Х-16; 59°40′; 67°00′.

С. Г. Боч указывает стоянку на левом берегу р. Юконды (Яны-Яга), ниже Юкондинского сора Ях-Тур, километрах в 15—20 севернее с. Нахрачи.

С. Г. Боч, 1937, № 27.

250. Нахрачинская 2-я (Ях-Турская 2-я) стоянка. С. Г. Боч указывает стоянку, расположенную на правом берегу р. Юконды (Яны-Яга), выше Юкондинского сора (озеро Ях-Тур), километрах в 30 к северу от с. Нахрачи (см. № 249).

С. Г. Боч, 1937, № 28.

251. Карымское городище. Карым, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег р. Карым-я — левого притока Юконды — левого притока Конды. Табл. 3б; Ф-15; 60°00′; 66°30′.

Близ села находится городище круглой формы.

С. Г. Боч, 1937, № 29.

252. Никольсинская (Никулькинская) стоянка. Никольсинские (Никулькины) юрты Ханты-Мансийского нац. окр. Тюменской обл., левый берег Конды. Табл. 3б; Ц-15; 59°20′; 66°30′.

Несколько выше Никольсинских юрт, на берегу реки расположена стоянка. Не описывая подробно памятника, С. Г. Боч отмечает сходство кондинских и сосвинских стоянок.

С. Г. Боч, 1937, № 25, стр. 156.

253. Пауль-Тоскливая стоянка. Пауль-Тоскливый, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Конды. Табл. 3б; Ц-14; 59°20′; 66°00′.

С. Г. Боч указывает на остатки стоянки, обнаруженной близ селения.

С. Г. Боч, 1937, № 24.

254. Ушьинская стоянка. Ушья, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., левый берег Конды. Табл. 3б; Ф-10; 60°00′; 64°00′.

На левом берегу реки, в 1,5 км выше с. Ушьи расположена стоянка, обследованная С. Г. Бочем.

С. Г. Боч, 1937, № 23.

255. Полушаимское городище. Полушаим, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Конды. Табл. 3б; Ф-10; 60°00′; 64°00′.

Близ села находится круглое городище диаметром 26 м, обнаруженное Д. К. Александровым на мысу среди болота.

С. Г. Боч, 1937, № 21.

256. Шаимская стоянка. Шаим, селение Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., правый берег Конды. Табл. 3б; Ф-10; 60°00′; 64°00′.

Стоянка, обследованная С. Г. Бочем, расположена в самом селе, между сельсоветом и берегом.

С. Г. Боч, 1937, № 20.

257. Окуневская стоянка. Ораутур, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., левый берег р. Окуневой — притока р. Затуманной Қонды (верхнее течение р. Қонды). Табл. 3б; Т-9; 60°40′; 63°30′.

На остатки стоянки, сохранившейся в виде ям, указывает С. Г. Боч, обследовавший ее.

С. Г. Боч, 1937, № 19.

258. Ены-янское городище. В 6 км от с. Ораутур Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., левый берег р. Ены-я — притока р. Затуманной Қонды. Табл. 3б; С-9; 61°00′; 63°30′.

С. Г. Боч указывает на городище, расположенное в 6 км от села, в лесу, на левом берегу р. Ены-я. Городище представляет собою крутую, обрытую рвом горку, диаметром 15 м и высотой 2 м. В шурфе, заложенном на окопанном рвом участке, культурный слой выступает на глубине 0,25 м.

С. Г. Боч, 1937, № 18.

259. Оронтурское (Ораутурское) 1-е городище. I тыс. до н. э. Ораутур, село Ханты-Мансийского нац. округа Тюменской обл., оз. Ораутур на левом берегу р. Затуманной Қонды. Табл. 3б; Т-9; 60°40′; 63°30′.

С. Г. Боч пишет: «По левому берегу протоки, соединяющей озеро Орон-Тур с р. Қондой, развиты песчано-галечные «бора», обладающие холмистой поверхностью. Один из холмов окопан рвом глубиной 1 м, образующим круг диаметром 20 м. Вал насыпан во внутреннюю сторону ото рва. Высота вала до 2 м от дна рва. Культурный слой... обнаружен на глубине 0,25 м внутри круга, образованного валом. Наряду с валунами, слагавшими очаг, из культурного слоя были извлечены сильно истлевшая бронзовая пластинка (деталь поясного украшения), обломок штифта, камень со следами обтачивания и обломки керамики, принадлежащие одному сосуду».

С. Г. Боч, 1937, № 16.

260. Оронтурское (Ораутурское) 2-е городище. Близ Оронтурского 1-го городища (см. № 259) находится другое круглое городище, о котором С. Г. Боч пишет, что оно «расположено против дер. Оронтур, на южном берегу озера того же названия. Благодаря разрушению берега наблюдается продольный разрез городища. Диаметр (от внутренней стороны вала) равен 15 м, дно рва на 1,8 м ниже бровки вала. Культурный слой идет по поверхности окопанной площадки; мощность его 20—30 см; на месте вала он достигает 70—80 см. Культурный слой сложен из песка, окрашенного в красноватый цвет, среди которого лежат многочисленные линзы и прослойки угольков».

С. Г. Боч, 1937, № 17.

261. Оронтурская (Ораутурская) находка. Близ Оронтурского 2-го городища (см. № 260) на пляже оз. Оронтур (Ораутур) найдено медное изображение льва.

Рисунок его дан в работе С. Г. Боча.

С. Г. Боч, 1937, стр. 160, рис. 2.

262. Нюрихская стоянка. Ханты-Мансийский нац. округ Тюменской обл., устье р. Нюрихи — правого притока р. Затуманной Қонды. Табл. 3б; С-10; 61°00′; 64°00′.

С. Г. Боч говорит о кострищах и ямах, расположенных близ устья р. Нюрихи в 350 м к юго-востоку от охотничьей избушки Талыма.

С. Г. Боч, 1937, № 15.

Раздел 5 (Тобол)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО ЛЕВОМУ ПРИТОКУ ИРТЫША — Р. ТОБОЛУ И ЕГО НЕБОЛЬШИМ ПРИТОКАМ

263. Суклемский курган. Суклемские юрты, против с. Шишкина Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), близ устья р. Суклемки — левого притока Тобола. Табл. 3б; Э-18; 58°00′; 68°00′.

Близ юрт расположен курган с конической ямой на вершине.

И. Я. Словцов, 1887, № 142.

264. Кулемесовский курган. Кулемесовская, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тобола, против устья р. Тавды. Табл. 3б; Ю-16; 57°40′; 67°00′.

В самой деревне имеется один сильно попорченный курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 141.

265. Табаринский городок. В 3—4 км к югу от с. Артамонова Тюменской обл., устье р. Иски — левого притока Тобола. Табл. 3б; Я-16; 57°20′; 67°00′.

О Табаринском городке при устье р. Иски упоминает В. В. Радлов.

В. В. Радлов, 1894, Приложения, стр. 116.

266. Картымское городище. Картымские юрты Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), устье р. Картымки — левого притока р. Иски — левого притока Тобола. Табл. 3б; Я-14; 57°20′; 66°00′.

Близ устья р. Картымки находится большое городище (длиной 64 м) с круглым валом.

И. Я. Словцов, 1887.

267. Картымские курганы. Картымские юрты Тюменской обл. (б. Тобольская обл.), оз. Большой Картым, в верховьях р. Картымки — левого притока р. Иски — левого притока Тобола. Табл. 3б; Я-14; 57°20′; 66°00′.

С юго-восточной стороны оз. Картымского, в 2 км от Картымских юрт, близ дороги, по пашням и в ельниках находятся 15 курганов. Кроме того, 9 мелких курганных насыпей встречены по всему течению р. Картымки по направлению к озерам Белош, Барлын и Шавкун.

И. Я. Словцов, 1887.

268. Янтыковское городище. Янтыковские юрты Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Иски — левого притока Тобола. Табл. 3б; Я-14; 57°20′; 66°00′.

По сведениям И. Я. Словцова: «По дороге из Картымских юрт к юртам Янтыковским, по правому берегу р. Иски, в 3-х верстах от нее, близ стеклянного завода Грушевской расположено городище, имеющее 10 саж. в диаметре. Городище сильно испорчено владельцами завода».

И. Я. Словцов, 1887.

269. Аракчинское городище. Тюменская обл., оз. Аракчино, близ р. Иски — левого притока Тобола. Табл. 3б; Я-14; 57°20′; 66°00′.

Близ озера было расположено большое городище, со временем почти совершенно разрушенное.

И. Я. Словцов, 1887.

270—275. Искинские 1-е, 2-е, 3-е, 4-е, 5-е, 6-е городища. Тюменская обл., левый берег р. Иски — левого притока Тобола. Табл. 3б; Я-14; 57°20′; 66°00′.

И. Я. Словцов указывает 6 городищ, расположенных по левому берегу р. Иски, между озерами Байрвен и Искай.

И. Я. Словцов, 1887.

276. Медянское городище. Медянские юрты Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Иски — левого притока Тобола. Табл. 3б; Ю-13; 57°40′; 67°30′.

В верховьях р. Иски, близ Медянских юрт расположено городище с круглым валом.

И. Я. Словцов, 1887.

277. Варваринское (Акцыбар-кала) городище. I тыс. н. э. Варваринские юрты Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Варваринка — правый приток Тобола. Табл. 3б; Я-16; 57°20′; 67°00′.

На берегу р. Варваринки находится городище, известное у местного населения под названием Акцыбар-кала.

И. Я. Словцов, 1887, № 140; A. Heikel, 1894.

278. Карбанский 1-й (Цитырлы) курган. Карбаны, село Тюменской обл. (Тобольская губ., б. Карбанские юрты), правый берег Тобола. Табл. 3б; а-16; 57°00′; 67°00′.

Против впадения р. Туры в р. Тобол, около Карбанских и Тарханских юрт расположены два песчаных холма, на которых находят древние вещи. Один из холмов местные жители называют Цитырлы.

И. Я. Словцов, 1887, № 135.

279. Карбанский 2-й (Ятман) курган. Близ Карбанского 1-го кургана (см. № 278) находится холм, называемый Ятман, на котором также встречены некоторые древности.

И. Я. Словцов, 1887, № 136.

280. Мало-Маранские курганы. Малая Маранка, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Язевка — правый приток Тобола. Табл. 3б; а-16; 57°00′; 67°00′. Близ деревни находятся два больших кургана, испорченные кладоискательскими ямами.

И. Я. Словцов, 1887, № 138, 139.

281. Боровское городище. I тыс. до н. э. Боровская (Боровая), деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Язевка — правый приток Тобола. Табл. 3б; а-16; 57°00′; 67°00′.

По данным И. Я. Словцова, «близ деревни, в бору расположено обширное городище 26 саж. в диаметре, обнесенное валом, вышиною в 1,5 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 137; A. Heikel, 1894.

282. Боровская стоянка. Эпоха бронзы. Близ дер. Боровской (см. № 281) расположены песчаные холмы, сплошь покрытые обломками глиняной посуды. Здесь же находят и другие вещи. Обнаружены бронзовые изображения медведя и бобров, бронзовый топорик, медный кинжал и боевой топор с медной рукояткой и железным острием. Вещи поступили в Томский университет.

И. Я. Словцов, 1887, № 137; A. Heikel, 1894.

283. Боровской (Казан-Карагай) курган. Боровская, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Дранка — правый приток Тобола. Табл. 3б; а-16; 57°00′; 67°00′.

Близ деревни, на берегу р. Дранки находится курган, называемый Казан-Карагай. Высота его 3,5 м, окружность 85 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 694.

284. Боровское (Исса-Кала) городище. Боровская, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Тап — правый приток Тобола. Табл. 3б; а-16; 57°00′; 67°00′.

В полукилометре от деревни, на берегу р. Тапа расположены песчаные холмы, называемые местными жителями Исса-Кала. На них — древнее городище, простирающееся на 425 м по берегу р. Тапа. В обвалах берега обнаружены в песках две прослойки культурного слоя, в которых нередко находили разные вещи. По рассказам местных жителей, здесь найдены серебряные кольца, медные ножи, глиняные игрушки, обломки глиняных сосудов, бусы, серьги, кости рыб, оленя, лося, лошади, черепа лисиц, собак и медведей.

И. Я. Словцов, 1887, № 693.

285. Азбакенский курган. Азбакенские юрты Тюменской обл. (б. Бердюжская вол. Тобольской губ.), р. Бочанка — правый приток Тобола. Табл. 3б; б-15; 56°40′; 66°30′.

По данным И. Я. Словцова, «в 45 верстах, к северо-востоку от г. Ялуторовска, между юртами Азбакен и Асланинскими находится курган высотою 6 арш. и в окружности 90 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 691.

286. Канчинское городище. Канчина, деревня Тюменской обл. (б. Бердюжская вол. Тобольской губ.), р. Бочанка — правый приток Тобола. Табл. 3б; б-15; 56°40′; 66°30′.

И. Я. Словцов отмечал, что «в одной версте от деревни расположено городище, огражденное валом и рвом. Длина и ширина городища — 40 саж.».

Абрамов, 1861; И. Я. Словцов, 1887, № 685.

287. Канчинский курган. Близ дер. Канчиной (см. № 286) находится курган.

К. Голодников, 1879, стр. 15.

288. Бердюгинские курганы. Бердюгина, деревня Тюменской обл. (б. Бердюжская вол. Тобольской губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; б-14; 56°40′; 66°00′.

Близ деревни находятся пять курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 686—690.

289. Криволуцкие находки. Криволуцкая, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; б-14; 56°40′; 66°00′.

Близ деревни расположен песчаный холм, в котором встречены обломки глиняной посуды, кольца «медные и костяные стрелки».

И. Я. Словцов, 1887, № 661.

290. Томиловские курганы. Эпоха бронзы и I тыс. до н. э. Томилова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; б-14; 56°40′; 66°00′.

В 2 км от г. Ялуторовска находится дер. Томилова, окруженная со всех сторон курганами и расположенная на курганном могильнике. И. Я. Словцов пишет, что по его просьбе «Н. И. Палапежинцев нанес эти курганы на план и произвел их измерения. Им было зарегистрировано на площади 15 десятин 44 кургана, но это не более как только треть действительного числа, так как остальные срыты под постройки домов и сглажены дорогами. Несколько проселочных дорог к г. Ялуторовску и к дер. Бердюгиной проходят прямо через этот замечательный могильник».

У А. Гейкеля помещены рисунки вещей, найденных здесь и позволяющих отнести эти

курганы к рубежу нашей эры, а некоторые — к эпохе поздней бронзы.

И. Я. Словцов, 1887, № 617—660; А. Heikel, 1894.

291. Осиповские 1-е курганы. Осипова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Тобол. Табл. 3б; в-14; 56°20′; 66°00′.

В 5,5 км от дер. Романовой, по дороге к г. Ялуторовску, несколько левее дороги расположены два кургана. Один из них лежит близ дер. Осиповой.

И. Я. Словцов, 1887, № 610, 611.

292. Осиповские 2-е курганы. За дер. Осиповой (см. № 291) на протяжении 4 км встречено 5 курганов. Два из них вправо от дороги и три влево.

И. Я. Словцов, 1887, № 612—616.

293. Романовские курганы. Романова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольской губ.), р. Тобол. Табл. 3б; в-14; 56°20′; 66°00′.

В 2 км от деревни близ дороги расположен курган, обнесенный рвом и валом. Близ него находится другой, значительно меньше размером.

И. Я. Словцов, 1887, № 609.

294. Гилевские курганы. Гилевка, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; в-14; 56°20′; 66°00′.

В окрестностях деревни, находящейся километрах в 15—20 южнее г. Ялуторовска, на площади в 22—23 кв. км, И. Я. Словцовым обследованы 23 кургана: 7 — по правую сторону дороги и 16 — по левую. Курганы расположены на некотором расстоянии один от другого, часть из них окружена рвами.

И. Я. Словцов, 1887, № 662—684.

295. Заводоуковское городище. Заводоуковский, поселок Тюменской обл., правый берег р. Ука — правого притока Тобола. Табл. 3б; в-15; 56°20′; 66°30′.

Близ поселка расположено городище.

К. Голодников, 1879, стр. 14.

296. Заводоуковские курганы. Километрах в двух от поселка Заводоуковского (см. № 295) находится холмистая площадь, обнесенная земляным валом не более 1 км в окружности. На огороженной валом площади разбросаны небольшие курганчики в виде могил. Большинство из них совершенно сравнялось с землей. Ясно насчитывается 38 насыпей.

И. Я. Словцов, 1887, № 571—608.

297. Сунгуровские курганы. Сунгурова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; в-14; 56°20′; 66°00′.

Близ деревни находится 6 разрушенных курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 565—570.

298. Тютринские (Песчаные) курганы. Тютрина, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Песчаное на берегу Тобола. Табл. 3б; г-14; 56°00′; 66°00′.

Близ деревни, по дороге к оз. Песчаному, холмистая, усеянная курганами местность. Число их не определено.

И. Я. Словцов, 1887, № 564.

299. Тютринские курганы. Близ дер. Тютриной (см. № 298), около старицы Тобола расположена группа из 20 курганов. Некоторые из них обнесены рвом и валом.

И. Я. Словцов, 1887, № 544—563.

300. Суерские находки. Суерское, село Курганской обл. (б. Ялуторовский у. Тобольской губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; г-14; 56°00′; 66°00′.

Близ села при вспашке поля случайно найдены древние вещи, поступившие в Тобольский музей и записанные в книгу поступлений: за № 5148 — каменный пест и за № 5149 — жертвенный (?) камень.

В. И. Мошинская, 1949.

301. Суерские курганы. Между селами Суерским и Усть-Суерским (Суерки), Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Тобол. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

В 21 км от с. Усть-Суерского, по дороге к Суерскому находится группа небольших курганов, почти совершенно распаханных. Число их неизвестно.

И. Я. Словцов, 1887, № 543.

302. Першинские курганы. Першино, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Тебенека — правого притока р. Нияпа — левого притока Тобола. Табл. 3б; г-12; 56°00′; 65°00′.

Близ села — четыре кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 532—535.

303. Чимеевские курганы. Чимеево, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Нияпа — левого притока Тобола. Табл. 3б; г-12; 56°00′; 65°00′.

В 4 км от с. Чимеево, по дороге в с. Мендерское находятся 5 курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 527—531.

304. Вагинские курганы. Вагина, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

И. Я. Словцов отметил, что «ниже впадения р. Суера (правый приток р. Тобола), на протяжении трех верст по течению Тобола, лежат участки, принадлежащие дер. Вагиной. В этом месте весь левый берег Тобола усеян множеством мелких курганов. Вероятно, это могильник. Ясные очертания имеют 84 мелких кургана в расстоянии друг от друга 3, 5, 7, 10, 15, 32, 50, 175 сажен. Кроме этих курганов, можно насчитать до 40 совершенно разрушенных. На вершинах многих курганов положены кру́гом большие камни, а на некоторых — на каждой из четырех сторон по одному большому камню».

И. Я. Словцов, 1887, № 369—492

305. Вагинские (Степные) курганы. Близ дер. Вагиной (см. № 304), на левом берегу Тобола лежит оз. Степное. Около него, по дороге из дер. Вагиной в дер. Стенюкову, встречено 4 кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 513—516.

306. Усть-Суерские курганы. Усть-Суерское (Суерки) село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола, против впадения в него р. Суера. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

Близ деревни расположено много курганов, замеченных еще П. С. Палласом, который указал, что большинство их разрушено кладоискателями. Эта группа курганов обследована И. Я. Словцовым, отметившим в ней три больших кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 345, 504, 505.

307. Волосниковский курган. Волосникова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

«На пашне деревни расположен курган высотою 4 арш. и в окружности 99 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 344.

308. Кокоринские курганы. Кокорино, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

Близ деревни имеется 18 курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 493—503, 536—542.

309. Мясниковские курганы. Мясникова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

По дороге из дер. Мясниковой (в 13 км от левого берега Тобола) в с. Усть-Суерское находятся два кургана высотой в 1,4 м и в окружности: один 76,8, а другой 106,6 м.

И. Я. Словцов, 1887, 511, 512.

310. Борисовский курган. Усть-Суерское (Суерки), село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Борисово, на берегу Тобола. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

Близ села, на берегу оз. Борисова расположен курган высотой 1,4 м, в окружности 76,8 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 510.

311. Скрибинские курганы. Усть-Суерское, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Скрибинское на берегу Тобола. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

По данным И. Я. Словцова, в трех верстах от с. Усть-Суерского, близ оз. Скрибинского находится курган высотой 3 арш. и в окружности 96 арш. В 200 саж. от него — еще 4 кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 506—509.

312. Слободчиковы курганы. Усть-Суерское, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Слободчиково на правом берегу р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; г-13; 56°00′; 65°30′.

На восточной стороне оз. Слободчикова, близ дороги из дер. Волосниковой в с. Усть-Суерское расположены два кургана в расстоянии 400 м друг от друга.

И. Я. Словцов, 1887, № 367, 368.

313. Шмаковские курганы. Шмаковское, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

По левому берегу р. Суера, в том месте, где река подходит к Тоболу и круто поворачивает на север, близ с. Шмаковского, по

дороге в Усть-Суерское находятся 5 небольших курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 362—366.

314. Новотроицкие курганы. Новотроицкая, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-14; 55°20′; 66°00′.

Близ деревни находятся два кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 360, 361.

315. Арлагульский курган. Арлагуль, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Камышевка — левый приток р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-14; 55°20′; 66°00′.

Близ дер. Арлагуль и озера того же названия расположен курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 359.

316. Выськовский курган. Выськова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Камышевки — левого протока р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-14; 55°20′; 66°00′.

В 2 км от деревни имеется курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 358.

317. Крошинские (Усть-Камышевские) курганы. Крошина, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), устье р. Камышевки — левого притока р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-15; 55°20′; 66°30′. Близ истоков р. Суера и притока его, р. Камышевки, при впадении последнего, на расстоянии 4,25 км от дер. Крошиной находятся 2 кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 356, 357.

318. Проезжие курганы. Между селами Арлагулем и Елошным, Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Проезжее в верховьях р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-15; 55°20′; 66°30′.

Севернее оз. Суерского лежит оз. Проезжее, близ которого, по дороге из с. Арлагуля в с. Елошное, километрах в 10 от последнего расположены 5 курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 351—355.

319. Суерский курган. Суерская, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-15; 55°20′; 63°30′.

На юг от оз. Суерского идет дорога из с. Ельшинского (Елошного) в дер. Суерскую, близ которой расположен курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 350.

320. Кузнецовский (Меньшиковский) курган. Между деревнями Кузнецовой и Меньшиковой, Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-15; 55°20′; 66°30′.

Близ оз. Суерского между указанными деревнями встречен курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 349.

321. Светлый курган. Светлая, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-16; 55°20′; 67°00′.

Близ озер Ермакова и Кислова и дер. Светлой расположен курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 348.

322. Моршихинские находки. Моршиха, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-16; 55°20′; 67°00′.

И. Я. Словцов пишет: «Близ села Моршихинского выпахивают временами доисторические предметы. Игнатьев сообщает в своем описании курганов, что здесь крестьянин Подсохов выпахал древнее железное ратовище».

И. Я. Словцов, 1887, № 347.

323. Хохловатский курган. Хохловатская (Хохловатинская), деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-16; 55°20′; 67°00′.

Около дер. Хохловатинской лежит озеро того же названия, а вблизи его находится курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 347.

324. Макушинский курган. Макушино, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Суера — правого притока Тобола. Табл. 3б; ж-16; 55°00′; 67°00′.

В полукилометре на северо-восток от села есть курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 346.

325. Речкинский курган. Речкино, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

По сведениям И. Я. Словцова, в 3 верстах от села, по дороге в дер. Стенюкову имеется курган высотой 5 арш. и в окружности 168 арш.

И. Я. Словцов, 1887, № 340.

326. Памятные курганы. Памятная, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Тобол. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

«Близ деревни находятся два кургана. Один высотой 4 арш. и в окружности 150 арш., другой — высотой 2 арш. при окружности 126 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 341, 342.

327. Доможировский (Ханский) курган. Доможирова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

И. Я. Словцов отмечает, что в 2 верстах от деревни и влево от дороги расположен очень большой курган, называемый Ханским. Высота его 15 арш., окружность 240 арш.

И. Я. Словцов, 1887, № 333.

328. Куликовские курганы. Куликова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

Близ деревни встречено несколько мелких курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 332.

329. Боровские (Шмаковские) курганы. Между селами Боровским и Шмаково Курганской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

Между указанными селами по обе стороны дороги расположены 4 кургана. И. Я. Словцов указывает, что самый большой из них имеет высоту 9 арш. при окружности 270 арш., а самый маленький — высоту 2 арш. при окружности 60 арш.

И. Я. Словцов, 1887, № 328—331.

330. Пушкаревский курган. Пушкарева, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Гладунка — левый приток Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

Близ деревни — курган высотою 1,4 м и в окружности 53,3 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 327.

331. Скопинские курганы. Скопина, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Гладунка — левый приток Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

Не более как в 1 км от деревни обнаружено 6 курганов. Высота их 1,4 м, окружность 53,3 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 321—326.

332. Шмаковские курганы. Шмакова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Мендерья — левый приток Тобола. Табл. 3б; д-12; 55°40′; 65°00′.

Близ дер. Шмаковой, в 2 км на северо-восток от нее расположены 9 курганов, в расстоянии от 106—523 м один от другого.

И. Я. Словцов, 1887, № 309—317.

333. Мендерский курган. Мендерское, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Мендерья — левый приток Тобола. Табл. 3б; д-12; 55°40′; 65°00′.

В 4 км на северо-запад от села есть курган. Высота его 1,4 м, окружность 151,5 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 308.

334. Мало-Камаганские курганы. Малый Камаган, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Малый Камаган в верховьях р. Мендерьи — левого притока Тобола. Табл. 3б; д-12; 55°40′; 65°00′.

За верховьями р. Мендерьи находится оз. Малый Камаган. Около него расположены 3 кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 318—320.

335. Ачикульские курганы. Ачикуль, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Ачикуль на левом берегу Тобола. Табл. 3б; д-12; 55°40′; 65°00′.

О курганах И. Я. Словцов пишет следующее: «Между слободами Иковской и Меньшиковой, по левому берегу Тобола лежат два озера: Белое с речкой Гологузкой и озеро Ачикуль. Паллас указывает, что вообще на берегах его много курганов. В настоящее время известно, по исследованиям Игнатьева, что эти курганы расположены следующим образом: первый в четырех верстах от дер. Ачикульской; в 120 саж. на восток лежат еще три кургана. Наконец к северо-востоку от Больше-Запойловской деревни, в двух верстах видны еще два кургана. В одной версте на восток от Мало-Запойловской деревни находится еще один курган. Все они имеют приблизительно следующие

размеры: высота около 4 арш., окружность 120 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 299—305.

336. Гарьевой курган. Гарьевая, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Белое на левом берегу Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

На восток от оз. Белого, близ дер. Гарьевой, в 3,5 км от тракта из г. Кургана в г. Ялуторовск расположен курган, окопанный канавой шириной 2,1 м и глубиной 1,4 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 306.

337. Аристовый курган. Аристовая, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Белое на левом берегу Тобола. Табл. 3б; д-13; 55°40′; 65°30′.

В 0,5 км от Гарьевого кургана (см. № 336), близ дер. Аристовой находится курган, окопанный рвом и обнесенный валом. Высота его 3,5 м, окружность 155,7 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 307.

338. Падеринский курган. Падеринское, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Утяк — правый приток Тобола. Табл. 3б; е-13; 55°20′; 65°30′.

В 1 км к югу от села расположен курган, имеющий высоту 2,1 м и окружность 89,5 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 297.

339. Падеринская находка. В окрестностях с. Падеринского (см. № 338) случайно найдена каменная плита, одна сторона которой выделана в виде бараньей головы. Находка поступила в Курганский музей (инвентарный № 331).

П. А. Дмитриев, 1948, стр. 12—21.

340. Камышинский курган. Камышная, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Утяка — правого притока Тобола. Табл. 3б; е-13; 55°20′; 65°30′.

Между деревнями Камышной и Станичной расположен курган, имеющий 2,1 м высоты и 21,3 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 298.

341. Белоусовские курганы. В 10—15 км на запад от с. Падеринского, Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Белоусовское на р. Ике — левом притоке Тобола. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

В 1 км от оз. Белоусовского расположены 2 кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 525, 526.

342. Долговский курган. Долгая, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ик — левый приток Тобола. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

В 530 м от дер. Долгой, на р. Ике, около оз. Белоусовского находится небольшой курган, сложенный из песка, глины и камня.

И. Я. Словцов, 1887, № 524.

343. Мамонов курган. Мамонова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ик — левый приток Тобола. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

В 1 км от деревни расположен курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 523.

344. Барковский курган. Барково, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ик — левый приток Тобола. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

Близ села находится небольшой курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 522.

345. Локтинские курганы. Локтинская, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ик — левый приток Тобола. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

Близ деревни обнаружены три очень маленьких кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 519—521.

346. Иковские находки. Иковская, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Ика — левого притока Тобола. Табл. 3б; е-11; 55°20′; 64°30′.

В Тобольском музее хранится коллекция вещей, собранная Г. Я. Назаровым близ дер. Иковской и состоящая из керамики, осколков кремня, кремневых и бронзовых наконечников стрел. Коллекция записана в книгу поступлений Тобольского музея под № 4056.

В. И. Мошинская, 1949.

347. Курганские находки. Курган (областной), город, левый берег Тобола. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

Близ города, на пашне, недалеко от земляной насыпи найдена каменная плитка, одна сторона которой выделана в виде бараньей головы. Находка поступила в Тобольский музей и записана в книгу поступлений музея за № 285.

В 1907 г. в окрестностях города найдена старинная золотая римская монета с погрудным изображением императора Феодосия.

ИАК, 1907, стр. 23; П. А. Дмитриев, 1948, стр. 12—21.

348. Курганский (Царев большой) курган. Курганская, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Тобол. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

И. Я. Словцов сообщает: «В одной версте от дер. Курганской и в 8 верстах от г. Кургана расположен большой курган, высотой 12 арш. и окружностью 240 арш. Он обнесен валом и рвом длиною по окружности в 170 саж. Известен под названием Царев большой».

И. Я. Словцов, 1887, № 295.

349. Курганский (Царев малый) курган. «Рядом с Царевым большим курганом (см. № 348.— *И. Т.*) находится другой, значительно меньших размеров, имеющий высоту не более 4 арш. Известен под названием Царев малый курган».

И. Я. Словцов, 1887, № 296.

350. Курганские курганы. На юго-запад от дер. Курганской (см. № 348), примерно в 1 км от нее, лежат два высоких кургана, в расстоянии 213 м один от другого.

И. Я. Словцов, 1887, № 292, 293.

351. Хохловатский курган. Курганская, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Хохловатское близ Тобола. Табл. 3б; е-12; 55°20′; 65°00′.

И. Я. Словцов отмечает, что верстах в 8—10 от г. Кургана, близ дер. Курганской, в полуверсте от оз. Хохловатского и в полуверсте от берега Тобола находится курган высотой 9 арш. и окружностью 222 арш.

И. Я. Словцов, 1887, № 294.

352. Песьяные (Песчаные) находки. Песьяная (Песчаная), деревня Курганской обл. (б. Камышевская вол. Курганского окр. Тобольской губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; е-13; 55°20′; 65°30′.

В деревне при рытье колодца в 70-х годах XIX в. найден кремневый нуклеус темнозеленого цвета с темными крапинками. Длина нуклеуса 67 мм, ширина 24 мм. Вместе с ним обнаружены осколки кремня.

В 1 км от деревни на пашне найден наконечник стрелы миндалевидной формы, суживающийся к концу, сделанный из темного кремня. Длина его 65 мм, ширина 19 мм (рисунки находок даны в статье И. С. Полякова).

И. С. Поляков, 1879, стр. 88—90.

353. Ново-за-Тобольская находка. Ново-за-Тобольская, деревня Курганской обл. (б. Менщиковская вол. Курганского скр. Тобольской губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; ж-12; 55°00′; 65°00′.

В 4,5 км от деревни найдено орудие, сделанное из желтоватого кремня. Длина его 78 мм, ширина 27 мм (рисунок дан в статье И. С. Полякова).

И. С. Поляков, 1879, стр. 90—91.

354. Чесноковский (Пименовский) курган. Чеснокова, Пименовка, деревни Курганской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; ж-11; 55°00′; 64°30′.

По дороге из дер. Чесноковой в Пименовку, по левой стороне находится курган (глинистый, а не черноземный), высотой 2,1 м и окружностью 74,6 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 291.

355. Орловский курган. Орлова, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Юргамыш — левый приток Тобола. Табл. 3б; ж-11; 55°00′; 64°30′.

Близ деревни находится курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 290.

356. Шмаковский (Лебезинский) курган. Шмаково, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Юргамыш — левый приток Тобола. Табл. 3б; ж-11; 55°00′; 64°30′.

В 2 км от р. Юргалы (Юргамыша), в окрестностях дер. Шмаково, около высохших Лебезинских озер находится курган 2,8 м высотой и 81 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 289.

357. Голшиевский (Бабий) курган. Голшиево, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Юргамыш — левый приток Тобола. Табл. 3б; ж-11; 55°00′; 64°30′.

И. Я. Словцов пишет: «По правому берегу речки Юргалы, впадающей в Тобол с правой стороны, в семи верстах от села Голшиева, при вытекшем озере, называемом Бабьем, находится так называемый Бабий курган» (вероятно здесь путаница и речь идет о р. Юргамыше — левом притоке р. Тобола, впадающем в него в 25—30 км выше г. Кургана.— *И. Т.*).

И. Я. Словцов, 1887, № 288.

358. Гороховское (Чудаки) городище. III—I вв. до н. э. Горохово, село Юргамышского р-на Курганской обл., левый берег

р. Юргамыша — левого притока Тобола. Табл. 3б; ж-11; 55°00′; 64°30′.

Городище расположено в 2,5 км от села. Местному населению, особенно старшему поколению, оно известно под названием Чудаки, или Городок. Валов защитного характера на городище нет, лишь по обе стороны рва заметен выкид высотой до 0,5 м. Площадь городища равна приблизительно 7000 кв. м. С напольной стороны его окружают «слободы», увеличивающие общую площадь поселения до 20 000 кв. м. Из археологов первым отметил его Р. Г. Игнатьев. Упоминается оно и у А. А. Спицына. В 1937—1939 гг. раскопки на городище производил К. В. Сальников. За три года вскрыто около 1500 кв. м. Открыты и исследованы полностью пять жилищ, расположенных вдоль рва, по кругу, с выходами на центральную площадь.

Находки на городище, не считая костей животных и обломков глиняной посуды, очень редки. Здесь найдены трехгранные бронзовые наконечники стрел, мелкие обломки медной литой посуды, обломок литейной формочки, фрагмент тигелька из талька, костяные шилья и «тупики» из подвздошных костей лошади, пряслица, грузики из талька, видимо от ткацких станков.

А. А. Спицын, 1903; И. А. Кастанье, 1910, стр. 26; В. В. Гольмстен, 1938, стр. 247; К. В. Сальников, 1940₁, стр. 69—71; 1947, стр. 221—238; 1949, стр. 71.

359. Кипельское селище. Эпоха бронзы. Кипель, село Юргамышского р-на Курганской обл., правый берег р. Юргамыша — левого притока Тобола. Табл. 3б; ж-11; 55°00′; 64°30′.

Вверх по течению реки на протяжении полукилометра от села узкой полосой расположено селище, на котором три тысячи лет назад стояли большие полуземлянки.

К. В. Сальников, 1949, стр. 40.

360. Меньщиковские 1-е курганы. Сладкое, станция Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Юргамыша — левого притока Тобола. Табл. 3б; е-10; 55°20′; 64°00′.

И. Я. Словцов пишет: «Близ станции Сладкий Лог, по дороге из слободы Белозерской в слободу Исецкую, находится имение курганских купцов Меньщиковых. В 10 верстах от этого имения, по левую сторону от дороги находятся два кургана (сообщение Меньщиковых)».

На карте станции под таким названием я не нашла. Есть станция Сладкое. Об этом ли месте идет речь, сказать трудно, тем более, что Белозерская и Исетская остаются совершенно в стороне. Белозерская — табл. 3б, д-13; Исетская — табл. 3б, в-12. Есть на карте дер. Меньщикова, расположенная в низовьях р. Юргамыша — табл. 3б, ж-11. Следовательно, местоположение курганов, которое я даю на карте, очень неопределенно.

И. Я. Словцов, 1887, № 334, 335.

361. Меньщиковские 2-е курганы. И. Я. Словцов указывает: «В трех верстах от имения Меньщиковых, не доезжая станции Сладкий Лог (см. № 360— *И. Т.*) по левую сторону дороги три кургана».

И. Я. Словцов, 1887, № 336—338.

362. Сладкологский 1-й курган. Сладкое (Сладкий Лог), станция Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Юргамыша — левого притока Тобола. Табл. 3б; е-10; 55°20′; 64°00′.

И. Я. Словцов пишет: «Около станции Сладкий Лог с правой стороны от дороги находится, по сообщению Меньщикова, очень большой, окопанный рвом курган».

И. Я. Словцов, 1887, № 339.

363. Сладкологский 2-й курган. «В двух верстах от станции Сладкий Лог (см. № 362), по дороге в дер. Стенюкову расположен курган, высотою 13 арш. и окружностью 258 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 343.

364. Утятский курган. Утятское, село Курганской обл. (б. Утятская вол. Курганского у. Тобольской губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; ж-12; 55°00′; 65°00′.

В 4 км на северо-запад от села расположен курган высотой 2,8 м и в окружности 81 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 287.

365. Галаевская находка. Галаева, деревня Курганской обл. (б. Утятская вол. Курганского у. Тобольской губ.), р. Тобол. Табл. 3б; ж-12; 55°00′; 65°00′.

Близ деревни найден наконечник копья из красноватого железистого кремня. Длина 115 мм, наибольшая ширина 49 мм. На конце, служащем для вставки в древко, у края

сделаны выемки (рисунок наконечника дан в работе И. С. Полякова).

И. С. Поляков, 1879, стр. 90.

366. Камышинская находка. Камышное, село Курганской обл. (б. Камышинская вол. Курганского у. Тобольской губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; ж-12; 55°00′; 65°00′.

Близ села найден «молоток» из твердого диорита темного цвета, служивший для отбивания осколков от кремневых ядер. Длина его 80 мм, ширина около 60 мм (рисунок см. в работе И. С. Полякова).

И. С. Поляков, 1879, стр. 89—90.

367. Колесовский курган. Колесова, деревня Курганской обл. (б. Камышевская вол. Курганского у. Тобольской губ.), р. Тобол. Табл. 3б; ж-12; 55°00′; 65°00′.

В Тобольском музее хранятся удила (см. книгу поступлений музея, № 88), найденные в кургане близ дер. Колесовой.

В. И. Мошинская, 1949.

368. Лебяжья находка. Лебяжье, деревня Курганской обл. (б. Камышевская вол. Курганского у. Тобольской губ.), левый берег Тобола. Табл. 3б; з-11; 54°40′; 64°30′.

И. С. Поляков пишет: «Шлифованный топор состоит из довольно твердого камня, напоминающего серпентин или нефрит; цветом он светлозеленый, длина его 114 мм, ширина 65 мм. Топор найден у деревни Лебяжьей Камышевской вол. около 100 лет тому назад».

И. С. Поляков, 1879, стр. 91—92.

369. Давыдовская находка. Давыдовка, село Курганской обл. (б. Черновская вол. Курганского у. Тобольской губ.), верховья р. Черной — правого притока Тобола. Табл. 3б; з-12; 54°40′; 65°00′.

И. С. Поляков пишет: «Каменный пест из довольно твердой беловатой породы, обточен с боков и имеет форму вытянутого усеченного конуса; поверхность, соответствующая основанию его, весьма гладкая и отшлифованная. Длина его около 145 мм, а наибольший диаметр доходит до 68 мм. Пест найден лет 20 назад, около села Давыдовского Черновской вол.».

И. С. Поляков, 1879, стр. 92.

370. Черновская находка. Черновское, село Курганской обл. (б. Курганский окр. Тобольской губ.), р. Черная — правый приток Тобола. Табл. 3б; з-12; 54°40′; 65°00′.

На пашнях близ села обнаружен нуклеус из желтой яшмы длиной 30 мм и шириной 10 мм.

И. С. Поляков, 1879, стр. 88—89.

371. Черновский курган. Черновское, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Черная — правый приток Тобола. Табл. 3б; з-12; 54°40′; 65°00′.

И. Я. Словцов пишет: «По реке Черной, впадающей в Тобол с правой стороны, в 20 верстах от села Гладковского лежит одиночный курган».

И. Я. Словцов, 1887, № 286.

372. Мочаловские находки. Мочалова, деревня Курганской обл. (б. Нижне-Алабужская вол. Курганского окр. Тобольской губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; и-12; 54°20′; 65°00′.

В деревне и ее окрестностях обнаружены следующие вещи: 1) нуклеус кремневый длиной 40 мм, найден при рытье колодца в деревне; 2) каменный пест из крепкого темного диорита и 3) пряслице каменное до 35 мм в диаметре.

И. С. Поляков, 1879, стр. 88—89, 92—93.

373. Верхне-Алабужские находки. Верхне-Алабужское, село Курганской обл. (б. Курганский окр. Тобольской губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; и-11; 54°20′; 64°30′.

Близ села найдены следующие вещи: 1) нуклеус призматической формы из твердого темного кремня, задняя сторона нуклеуса покрыта коркой красноватого цвета; длина его около 115 мм, наибольшая ширина 49 мм (обнаружен П. И. Пузиком в песках около села); 2) пест каменный из твердого мелкозернистого кремня, темного, почти черного цвета; форма приближается к цилиндрической, бока гладкие, нижняя поверхность отшлифована; длина его около 150 мм, наибольший диаметр 63 мм; найден в песках около села.

И. С. Поляков, 1879, стр. 88, 92.

374. Озерные курганы. Озерная, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тобола. Табл. 3б; и-11; 54°20′; 64°30′.

И. Я. Словцов пишет: «Два кургана лежат по правому берегу р. Тобола, там, где река эта составляет границу с Оренбургской губ.» (вероятно близ дер. Озерной.— *И. Т.*).

И. Я. Словцов, 1887, № 284, 285.

* * *

В работе М. В. Малахова «Отчет об антропологических исследованиях на Урале в 1880—1882 гг.», хранившейся в архиве МОИИМК, но во время войны 1941—1945 гг., к сожалению, утерянной, имелись выписки из главного архива Златоустовских горных заводов. Выписки эти касались рудников, расположенных на месте древних «чудских» копей.

Не имея ни работы М. В. Малахова, ни вышеуказанного архива, я не могла проверить правильность выписок. В большинстве случаев не могла уточнить места указанных копей. Тем не менее, сведения о древнейших разработках настолько интересны, что не поместить их в настоящей работе казалось мне недопустимым. В основном разработки расположены по левому притоку Тобола — р. Ую и по небольшим ее притокам, между 54° и 55° с. ш. и 59°30′ и 61°30′ в. д.

Полагая, что эти данные будут интересны, помещаю сведения в той редакции, в которой они у меня имеются, сохраняя их орфографию.

375. Нижне-Увельский чудской городок. Нижне-Увельское, поселок Челябинской обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), левый берег р. Увельки — левого притока р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-4; 54°20′; 61°00′.

«1775 г. № 82 (1) Нижне-Увельской слободы по реке Синарке в том месте влеве против которого на другой стороне речки находится остаток старинного *чудского каменного городка* в бору».

На карте Нижне-Увельская находится не на р. Синарке (Санарке), а на р. Увельке.

М. В. Малахов, 1882, стр. 31.

376. Уиянские (Кичигинские) чудские копи. Кичигино, деревня Челябинской обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), устье р. Кабанки — правого притока р. Увельки — левого притока р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-4; 54°20′; 61°00′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. № 15 (80) Прииск отведен в 1761 году Исетской провинции на земле близ Уиянской крепости козаков расстоянием от оной крепости напр. в 3 версты по речке Увелки по течению оные на левой стороне при устье р. Кабанки расстоянием с версту близ *чутских копей* в горе Тувашкан. Отведен в 1762 году».

М. В. Малахов, 1882, стр. 32.

377. Ячиганские (Кичигинские) чудские копи. Кичигино, деревня Челябинской обл., устье р. Кабанки — правого притока р. Увельки — левого притока р. Уя — левого притока Тобола (см. № 376).

«Лист 74 (6) 1761 г. Сентября в первых числах отведен Его Сиятельству барону Строганову людям Исетской провинции с отведенной Ячиганской казачьей земле по течению р. Увельки на левой стороне против устья р. Кабанья в лесу, прозываемого Тоушкан от Кичигантской казачьей крепости вверх по Увельке например в $1^{1}/_{2}$ верстах от *трех чутских давных копях,* лежащих одна от другой не в далеком расстоянии».

М. В. Малахов, 1882, стр. 30.

378. Пячиганские (Кичигинские) чудские копи. Кичигино, деревня Челябинской обл., левый берег р. Увельки — левого притока р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-4; 54°20′; 61°00′.

«Лист 78 (25) 1777 г. Прииск медный от Пячиганской (Кичигинской) крепости в расстоянии на 11 верст по течению р. Увельки по левой стороне выше устья р. Кабаньей верста в горе лес березовый. От отведенного графу Строганову медного рудника *чудских копей* называется тъвашкайною например 40 сажен в горе ту Сашна кибле ту речку Увелку от Соды и верх горы например с 4 сажен».

М. В. Малахов, 1882, стр. 30.

379. Коелшские (Коелгские) старые копи. Коелга, деревня Челябинской обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), р. Кабанья — правый приток р. Увельки — левого притока р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-3; 54°20′; 60°30′.

«1775 г. (26) По той же из Нижне-Увелькинской слободы дороге до речки Кабаньей, а переехав оную поворотив уже по Коелшской дороге версты две возле зубров в увале от дороги на левой стороне в небольших *старых копях*».

М. В. Малахов, 1882, стр 31.

380. Черная Устья, чудские копи. Челябинская обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), р. Кабанья — правый приток р. Увельки — левого притока р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-3; 54°20′; 60°30′.

«1775 г. (3) По речке Кабаньей на левой стороне оной против впадающей в нее реки Черной Устье например в 250 сажен находятся большие копи *чудские* называются».

М. В. Малахов, 1882, стр. 31.

381. Опятягские чудские копи. Челябинская обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), р. Увелька — левый приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-3; 54°20′; 60°30′.

«1777 г. прииск Опятягской крепости в расстоянии 14 верст вверх по р. Увельке по течению на левой стороне в расстоянии 1 версте в *чутских копях* на ровном месте в лесу березовом».

М. В. Малахов, 1882, стр. 30.

382. Каменная, чудские копи. Между селениями Увельской и Санарской, Челябинской обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), р. Санарка — левый приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; к-4; 54°00′; 61°00′.

«1775 г. № 83 (11) Между Увельской и Санарской казачьей крепости по речке Каменной, впадающей в реку Санару, от устья вверх в 2-х верстах подле *чудского городка старинных копей*».

На р. Санарке есть две деревни: Ниж. Санарка, расположенная близ устья реки (табл. 3б; к-4) и Верхне-Санарский — в верховьях (табл. 3б; к-3). О которой из них идет речь — решить трудно. Увельская находится на р. Увельке (табл. 3б; и-4).

М. В. Малахов, 1882, стр. 31.

383. Санарские 1-е чудские копи. Санарская, деревня Челябинской обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), р. Санарка — левый приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; к-4; 54°00′; 61°00′.

«Лист 76 (17) 3. 1775 г. Санарской крепости казачьей Сладеняя земля, а оттой крепости например в 7 верстах по течению р. Синарской на левой стороне Сретностоящей березовом и сосновом лесу *старых чутских копей*».

М. В. Малахов, 1882, стр. 30.

384. Санарские 2-е чудские копи. Близ дер. Санарской (см. № 383).

«Лист 81 (35) От Санарской крепости в расстоянии 10 верстах по течению на правой стороне от речки в расстоянии 150 саженях в горе в лесу значится мяхняс в *чутских копях* (1778 г.)».

М. В. Малахов, 1882, стр. 30—31.

385. Санарские 3-и чудские копи. Близ дер. Санарской (см. № 383).

«1793 г. № 13 Описание медных рудников. Отвод Лугиным. Лист 8 (44) Найден в 1762 году на земле Санарской крепости казаков расстоянием от оного № 45 в 1 версте наклонном месте в *чутской копи* подле дороги по которой ездят в степную крепость на правой стороне».

М. В. Малахов, 1882, стр. 31.

386. Кизякаевская чудская копь. Кизякаева, деревня Челябинская обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), р. Зябкить — приток р. Уя — левого притока Тобола (точнее неизвестно).

«1760 г. № 4 По речке Зябкить, по течению, по правую сторону которая пала в Уй реку, по течению с правой стороны и от деревни Кизякаевой в 5 саженях, в смятничном лесу. На горе, где оказуется *чутская копь* под горою на полдень небольшое озеро подле самую речку Зябику (?)...».

М. В. Малахов, 1882, стр. 29.

387. Кукушевские чудские копи. Кукушкина, деревня Челябинской обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), верховья р. Увельки — левого притока р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-2; 54°20′; 60°00′.

«...От нынешнего Кукушевского рудника,— пишет Паллас, посетивший его в 1770 г.,— за версту к Ую, на некотором бугре видны различные (*чудские* или *скифские*) *копани* и в оных является медная жила с серебросодержащей рудою, в пядель толщины к утру склоняющегося».

П. С. Паллас, 1786, стр. 150; М. В. Малахов, 1882, стр. 34.

388. Давыдовские чудские копи. Давыдова, деревня Челябинской обл. (б. Барытабынская вол. Троицкого у. Оренбургской губ.), р. Каснакта — приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. Лист 11 (58) Найдено в 1761 г. Исетской провинции на земле башкудской Барытабынской волости деревни Давыдовой расстоянием от оной в 2-х верстах по речке Каснакты по левую сторону расстоянием от нее и от бору, что через реку, называемого Крюс-кычу например с версту близ горы Арата в расстоянии например с версту в небольшой горе *старые чутские копи две,* ямы в лесу лиственном и березовом; отведен 1787 году».

М. В. Малахов, 1882, стр. 31.

389. Тунгатаровские 1-е чудские копи. Тунгатарова, деревня Челябинской обл. (б. Барытабынская вол.), р. Каснакта — приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. (59) Найдено в 1761 году Исетской провинции Барытабынской волости на земле Башкудской подле речки Каснакты по течению оной на левой стороне например в 100 сажен от деревни Тунгатаровой на ЮВВ в $1^1/_2$ верст. в полугоре в редком березовом лесу при коем значит *стара чудская копь*».

М. В. Малахов, 1882, стр. 31.

390. Тунгатаровские 2-е чудские копи. Близ дер. Тунгатаровой (см. № 389).

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. № 12 (63) Найден в 1761 г. Исетской провинции Барытабынской волости земле башкирской в урочищах близ р. Уя, расстоянием от оной например в 4-х верстах по течению Уя по левую сторону пониже башкирской Тунгутаровой деревни, например в 6 верстах при которой имеется *старая чудская копь* (Отведен 1767 г.)».

М. В. Малахов, 1882, стр. 32

391. Яриндыкские чудские копи. Гора Яриндык, Челябинской обл. (б. Барытабынская вол. Троицкого у. Оренбургской губ.), р. Каснакта — приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. № 16 (83) Найден в 1766 году Исетской провинции в Барытабынской волости на земле Башкирской подле р. Каснакты (по течению Каснакты по левую сторону) в горе Каснакты от речки в гору в 50 саж. в лесу лиственном и березовом и у горы называемой Яриндык в расстоянии например в 1 версте при котором есть *чутская копь.* Отведен в 1764 году».

М. В. Малахов, 1882, стр. 32.

392. Каснактинские чудские копи. Гора Каснакта, Челябинской обл. (б. Барытабынская вол. Троицкого у. Оренбургской губ.), р. Каснакта — приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. (183) Найден в 1761 году Исетской провинции в Барытабынской волости при р. Каснакте коя пала в реку Уя, по течению оное на левой стороне против Ярындыка, коя состоит за речкою Каснакты на правой стороне от оной в одной версте ниже устья сошедшихся большой и малой речки Каснакты расстоянием 150 саж., а от речки Каснакты в 50, в при верхе горы Каснакты, по которой горе растет лес березовый и сосновый, при том *чудские старые копи*».

М. В. Малахов, 1882, стр. 32.

393. Кусекоевские копи. Кусекоева, деревня Челябинской обл. (б. Барытабынская вол. Троицкого у. Оренбургской губ.), р. Каснакта — приток р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. (184): Найден в 1761 г. Исетской провинции в Барытабынской волости на земле башкирской, в урочище по р. Каснакты по течению оный р. на левой стороне в 250 саж., а пониже оного рудника по речке Каснакты в одной версте близ башкирской деревни Кусекоевой на скате горы Таскак *в старой четвертой* (?) *копи* (дело № 13. Описание медного рудника 1793 г.)».

М. В. Малахов, 1882, стр. 33.

394. Кизнякеевская (Вознесенская) чудская копь. Кизнякей (Вознесенка), деревня Челябинской обл. (б. Барытабынская вол. Троицкого у. Оренбургской губ.), верховья р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. (86) Кизнякеевский рудник, при котором работа ныне производится, найден в 1760 году Исетской провинции Барытабынской волости на земле Башкирской в урочище состоит в вершине реки Уя подле речки Зенбеки вниз по течению ее по правую

сторону в трех курганах при коих бывала *чудская копь* в лесу сосновом и березовом. Отведен в 1761 году».

М. В. Малахов, 1882, стр. 32.

395. Барытабынские чудские копи. Челябинская обл. (б. Барытабынская вол. Троицкого у. Оренбургской губ.), р. Уй — левый приток Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

«1793 г. № 13. Описание медных рудников. Отвод Лугиным. № 13. (66) Найдено в 1762 г. Исетской провинции Барытабынской волости на земле Башкирской в урочище вниз по течению р. Уя, близ Троицкой дороги противу 4 и 5 верст в одной *чудской копи* семь ям, во втором месте по тому Ую реке вниз, а вверх по большому лесу отведен в 1767 году».

М. В. Малахов, 1882, стр. 32.

396. Уйские чудские копи. Челябинская обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), верховья р. Уя — левого притока Тобола. Табл. 3б; и-1; 54°20′; 59°30′.

К. В. Сальников упоминает о древних рудниках в верховях р. Уя.

К. В. Сальников, 1949, стр. 45.

Раздел 6 (Тавда)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО Р. ТАВДЕ[1] — ЛЕВОМУ ПРИТОКУ ТОБОЛА

(Тобол — левый приток р. Иртыша. Иртыш — левый приток р. Оби)

397. Андрюшинский курган. Андрюшина, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.) правый берег Тавды. Табл. 3б; Ю-13; 57°40′; 65°30′.

Близ деревни, недалеко от дороги находится высокий курган, сильно попорченный кладоискателями.

И. Я. Словцов, 1887; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

398. Андрюшинские курганы. На правом берегу Тавды, в окрестностях дер. Андрюшиной (см. № 397), кроме указанного, находятся еще два кургана.

В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

399. Васьковский курган. Васькова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тавды. Табл. 3б; Ю-13; 57°40′; 65°30′.

Близ деревни и р. Качки — правого притока Тавды лежат три кургана, почти совершенно уничтоженные.

И. Я. Словцов, 1887; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

400. Долгинский курган. Тавдинский р-н Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Долгая — правый приток Тавды. Табл. 3б; Ю-13; 57°40′; 65°30′.

Километрах в 16 от дер. Андрюшиной на р. Долгой расположен курган.

И. Я. Словцов, 1887; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

401. Уральский курган. В 1,6 км от Долгинского кургана (см. № 400), на р. Урал — правом притоке р. Долгой находится курган.

И. Я. Словцов, 1887; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

402. Лобутское городище. Малое Городище, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Лобута — левый приток Тавды. Табл. 3б; Ю-13; 57°40′; 65°30′.

По рассказам охотников, на р. Лобуте (Лабуше), впадающей в Тавду с левой стороны, видна обширная насыпь разрушенного городища.

На карте с левой стороны Тавды имеется деревня М. Городище; возможно, что памятник помещался близ нее.

И. Я. Словцов, 1887; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

403. Янычковское (Чебаркульское) городище. Янычкова и Галкина, деревни Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Янычковское (Чебаркульское) на левом берегу Тавды. Табл. 3б; Э-13; 58°00′; 65°30′.

В р. Карабашку (левый приток Тавды) в ее нижнем течении с левой стороны впадает

[1] Река Тавда образуется при слиянии рек Лозьвы и Сосвы.

небольшой приток, вытекающий из оз. Чебаркуль (Янычковское). В 1,6 км от этого озера, по притоку, лежит городище 42,6 м длины и 32 м ширины. Вал его в плане имеет вид эллипсиса 5,3 м шириной. Городище прекрасно сохранилось. Вал сооружен из чернозема (почва здесь песчаная), очевидно принесенного сюда из окрестностей.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 74.

404. Карабашские городища. Свердловская обл. (б. Тобольская губ.), верховья р. Карабашки — левого притока Тавды. Табл. 3б; Щ-13; 58°20′; 65°30′.

По рассказам охотников-звероловов, в верховьях р. Карабашки находятся городища, отлично сохранившиеся.

И. Я. Словцов, 1887.

405. Индра озеро, находки. Свердловская обл. (б. Тобольская губ.), оз. Индра, между реками Карабашкой и Иксой — левыми притоками Тавды. Табл. 3б; Щ-12; 58°20′; 65°00′.

Километрах в 21—24,5 на восток от дер. Городок, по прямому направлению лежит оз. Индра. Оно имеет 19 км в окружности и около 6,5 км в длину. Со дна его временами достают разные предметы: медные чаши, стрелы, обломки посуды и пр. Три медные чаши, добытые сетями со дна озера, были пожертвованы в церкви сел Кошукского и Табаринского.

И. Я. Словцов, 1887; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

406. Индра озеро, городище. С юго-восточной стороны оз. Индра (см. № 405) находится городище.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 74; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

407. Нюрминское городище. В 1,6 км к югу от оз. Индры (см. № 406) лежит небольшое оз. Нюрма. Близ него расположено городище.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 74; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

408. Тяпкинское городище. В 1,5—2 км к югу от оз. Индры (см. № 406) находится небольшое оз. Тяпка. Близ него есть городище.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 74; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

409—411. Тавдинские (Саранские) 1-е, 2-е, 3-е городища. Тавда, село Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Саранка — правый приток Тавды. Табл. 3б; Э-12; 58°00′; 65°00′.

Близ с. Тавдинского (Тавда) по р. Саранке находятся три городища. Большее из них лежит сразу за сельским выгоном, а два другие — в полукилометре от первого.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 74; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

412. Галкинское городище. Галкина, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тавды. Табл. 3б; Э-11; 58°00′; 64°30′.

Около деревни на высоком крутом береговом яру близ перевоза через Тавду находится городище, разрушенное обвалами; однако следы полукруглого вала сохранились.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 74.

413. Городокское 1-е (Южно-Урайское) городище. Городок, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Урай, близ устья р. Иксы — левого притока Тавды. Табл. 3б; Щ-11; 58°20′; 64°30′.

Оз. Урай, длиной в 1,6 км, соединяется с Тавдой старицей и имеет вид обширной речной бухты. С южной стороны ее находится городище.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231—232.

414. Городокское 2-е (Восточно-Урайское) городище. С восточной стороны оз. Урай, близ дер. Городок (см. № 413), расположено городище.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231—232.

415. Городокское 3-е (Куланьинское) городище. В 2 км от дер. Городок (см. № 413), по р. Куланье — притоку Тавды, обнаружено городище.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231—232.

416. Городокское 4-е (Тяпкинское) городище. Городок, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Тяпка — левый приток р. Иксы — левого притока Тавды. Табл. 3б; Щ-11; 58°20′; 64°30′.

На берегу р. Иксы, при впадении в нее р. Тяпки заметны следы небольшого городища с валом и рвом.

И. Я. Словцов, 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 232.

417. Тальнинское (Пальменское) городище. Пальменское, село Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Тальня — приток р. Иксы — левого притока Тавды. Табл. 3б; Щ-12; 58°20′; 65°00′.

И. Я. Словцов пишет о городище: «На пути к озеру Индра, на берегу р. Иксы, при впадении речки Тальни — небольшой городок с валом и рвом». Вероятно речь идет о речке, на которой стоит с. Пальменское.

И. Я. Словцов, 1887.

418. Табаринское городище. Таборы (Табаринское), село Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тавды. Табл. 3б; Щ-11; 58°20′; 64°30′.

И. Я. Словцов пишет: «В 3-х верстах от села Табаринского, по речке Шиш, в глухом бору, на пространстве не менее 200 саж. видны остатки валов и ям с погребенными в них обломками посуды, стрелками и обожженными костями животных». Те же сведения дает и В. М. Флоринский, говоря о совершенно разрушенном городище с признаками вала и рва.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231.

419. Сотниковское городище. Сотникова, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Тавды. Табл. 3б; Щ-10; 58°20′; 64°00′.

В 3 км от дер. Сотниковой, при впадении в Тавду с правой стороны р. Ахинки, на высоком холме, на его плоской вершине (213 м диаметром), расположен кольцеобразный вал в 100 м диаметром. На площадке 43 углубления в виде овальных ям. Укрепление узким перешейком соединено с рядом других холмов. С востока оно круто спускается к Тавде, на юге — к р. Ахинке, на севере — к болотистой низине. В одном из обвалов обнаружена масса обломков посуды.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231.

420. Волчимьинское городище. Выше дер. Сотниковой Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Волчимья — левый приток Тавды. Табл. 3б; Ш-10; 58°40′; 64°00′.

Городище расположено на р. Волчимье (точнее не указано). Ограждено высоким овальным валом и рвом.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231

421, 422. Чернавские 1-е и 2-е городища. Чернавская, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Черная — левый приток Тавды. Табл. 3б; Ш-10; 58°40′; 64°00′.

Около дер. Чернавской, на левом берегу Тавды, на р. Черной есть два городища. Одно в полукилометре от берега Тавды, совершенно распаханное, а другое в 2 км с сохранившимися признаками валов и рвов.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231.

423, 424. Дворниковские 1-е и 2-е городища. Дворникова, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Пашенная — правый приток Тавды. Табл. 3б; Ч-9; 59°00′; 63°30′.

Близ деревни по р. Пашенной расположены два городища.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231.

425. Зуевское городище. Зуева, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Тавды. Табл. 3б; Ч-8; 59°00′; 63°00′.

Близ деревни находится городище, раскопанное крестьянами.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231.

426. Пелымский курган. Пелым, село Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), устье р. Пелыма — левого притока Тавды. Табл. 3б; Ц-8; 59°20′; 63°00′.

К. Голодников сообщает о кургане, находящемся в самом селе.

К. Голодников, 1879, стр. 15.

427. Пелымское городище. В полукилометре от с. Пелыма (см. № 426) вверх по р. Пелыму, на высоком холме левого берега расположено городище с овальным валом. Часть городища обрушилась в реку. В обрезе видны обширные прослойки сгнившей бересты, остатки костей, «мелкие костяные стрелки» и обломки обожженной глины.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231.

428. Усть-Вагильское городище. Вагильская, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), устье р. Воглы (Вагила) — левого притока Тавды. Табл. 3б: Х-7; 59°40′; 62°30′.

Городище находится при впадении

р. Воглы (Вагила) в Тавду. Оно окружено овальным в плане валом.

И. Я. Словцов, 1887; 1892, стр. 73; В. М. Флоринский, 1894, стр. 231.

429. Ивдельские находки. Ивдель, село Свердловской обл. (б. Верхотурский у. Пермской губ.), р. Ивдель — правый приток р. Лозьвы. Табл. 3б; Т-2; 60°40′; 60°00′.

В 1887 г. во время экспедиции на Урал Д. Н. Анучина, Ф. А. Уварова и др. приобретены некоторые вещи, найденные на сопке Ивделя: «Три идольчика, найденные на вершине горы, «чудские образки» 2—2½ верш. из меди изображение человека, а в другую сторону голова оленя или что-то другое».

Д. Н. Анучин, 1887_1.

430. Шайтанинские пещеры. Близ с. Ивделя (см. № 429) имеются пещеры.

В дневнике Д. Н. Анучина, со слов Н. Л. Гондатти, осмотревшего пещеры на Ивделе, сделана следующая запись: «В двух так наз. «Шайтанинских» (пещерах) у Ивделя — следы жертвоприношений, обожженные кости лошади, коровы и несколько медвежьих черепов. По преданию, здесь было местопребывание вогульского шайтана».

Всего осмотрено 12 пещер. Большинство не велики, и в них незаметно никаких остатков древностей.

Д. Н. Анучин, 1887_1.

431, 432. Ивдельские 1-е и 2-е городища. Выше с. Ивделя Свердловской обл. (б. Верхотурский у. Пермской губ.), р. Ивдель — правый приток р. Лозьвы. Табл. 3б; Т-2; 60°40′; 60°00′.

В дневнике Д. Н. Анучина есть следующие заметки: «Гондатти получил сведение, что в 20-ти и в 40 верстах от Ивделя имеются два городища. Повидимому одно из них им осмотрено... Площадь его поросла лесом, окружена валом и рвом. Ничего не найдено. По одним преданиям здесь жила чудь, по другим — Ермак».

В набросках отчета Д. Н. Анучина по экспедиции на Урал в 1887 г. записано: «...Городища редки. Гондатти встретил только два в 30—40 верстах к северу от Никито-Ивдельского завода, но и то многие считали их русскими, а не чудскими».

Д. Н. Анучин, 1887_1; 1887_2.

433. Сосвенский курган. Сосва, город Свердловской обл. (б. Верхотурский у. Пермской губ.), левый берег р. Сосвы. Табл. 3б; Ч-5; 59°00′; 61°30′.

В 1 км от города расположен курган, испорченный кладоискателями.

Д. Н. Анучин, 1887_1.

434. Сосвенские находки. К. Д. Носилов, говоря о находках близ г. Сосвы (см. № 433), пишет: «По рр. Южной Сосве, Тавде, Ляле мне приходилось встречать и раскапывать городища. В них нередко встречаются кремневые наконечники стрел, но более обломки глиняной посуды, и в двух лишь местностях вблизи *Сосвенского завода* мне пришлось видеть добытые народом обломки ожерелья и чаши с узорами из меди. По этим рекам живут и ныне вогулы».

К. Д. Носилов, 1890, стр. 564.

Раздел 7 (Тура)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО Р. ТУРЕ — ЛЕВОМУ ПРИТОКУ ТОБОЛА

(Тобол — левый приток Иртыша; Иртыш — левый приток Оби)

435. Дуванское городище. Тюмень, город Тюменской обл., проток Дуван, соединяющий р. Пышму (правый приток Туры) и оз. Андреевское. Табл. 3б; а-13; 57°00′; 65°30′.

Километрах в 30 от г. Тюмени, по левому берегу протока Дувана, в густом лесу обнаружено городище.

И. Я. Словцов, 1887, № 128.

436. Андреевские курганы. Тюмень, город Тюменской обл., оз. Андреевское, на правом берегу Туры. Табл. 3б; а-13; 57°00′; 65°30′.

По дороге из Андреевских юрт (на северном берегу оз. Андреевского) к протоку Дувану, слева от дороги находятся 5 маленьких курганных насыпей.

И. Я. Словцов, 1887, № 129—133.

437. Андреевский могильник. На северном берегу оз. Андреевского (см. № 436), в 2 км от юрт Андреевских, близ рыбачьих избушек находится могильник.

И. Я. Словцов пишет: «Пятнадцать лет назад (т. е. примерно в 1870—1875 гг.— *И. Т.*), при выемке земли для избушки, на глубине одной сажени около самого берега найдены человеческие кости, вместе с ними костяные и медные орудия и серебряная чашечка, которая продана рыбаками ювелиру Саламатину».

И. Я. Словцов, 1887, № 134.

438—440. Андреевские 1-е, 2-е, 3-е городища. На южном и западном берегах оз. Андреевского (см. № 436) находится ряд городищ, описанных И. Я. Словцовым.

И. Я. Словцов, 1887, № 123—125; 1884.

441. Андрюшин городок — городище. I тыс. до н. э. Городище, называемое Андрюшин городок, расположено на северном берегу оз. Андреевского (см. № 436). Первые рекогносцировочные работы на нем произведены И. Я. Словцовым. В 1951 г. проведены раскопки Западно-Сибирской экспедицией ИИМК.

И. Я. Словцов, 1887, № 126; 1884; В. Н. Чернецов, 1951.

442. Андреевское (Жилье) городище. I тыс. до н. э. На северном берегу оз. Андреевского (см. № 436) на расстоянии 0,5 км от Андрюшина городка (№ 441) расположено городище такого же типа, как предыдущее, возможно несколько старше его.

И. Я. Словцов, 1884; В. Н. Чернецов, 1951.

443, 444. Андреевские стоянки. Неолит и эпоха бронзы. Вокруг оз. Андреевского (см. № 436) есть ряд стоянок, относящихся к различным периодам, начиная с развитого неолита, и охватывающих различные этапы эпохи бронзы.

И. Я. Словцов, 1884; П. А. Дмитриев, 1938, стр. 93—110; 1951₁, стр. 13 и сл.; 1951₂, стр. 71 и др.; К. В. Сальников, 1951, стр. 47 и др.; В. Н. Чернецов, 1953₁, стр. 25, 37.

445. Мулашинское городище. Мулашинские юрты, Тюменской обл., левый берег р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-13; 56°40′; 65°30′.

О городище пишет И. Я. Словцов: «Ниже Богандинской стоянки по левому берегу р. Пышмы, почти против Мулашинских юрт, обширное городище с валом и глубоким рвом, разрушено, по рассказам местных татар, усердием тюменского купеческого сына П. И. Трусова, который отыскивал здесь клад, скрытый будто бы бывшим сибирским губернатором князем Гагариным». В 1951 г. обследовано сотрудниками Тюменского музея. Обследование показало неоднослойность памятника.

И. Я. Словцов, 1887, № 122; В. Н. Чернецов, 1951.

446. Богандинское городище. I тыс. н. э. Богандинское, поселок Тюменской обл., правый берег р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-13; 56°40′; 65°30′.

На берегу р. Пышмы около поселка находится городище, культурный слой которого содержит обильные находки керамики, костяные поделки и кости животных. Обследовано в 1951 г. сотрудниками Тюменского музея. В результате обследования выяснилась неоднослойность памятника.

И. Я. Словцов, 1887, № 121; В. Н. Чернецов, 1951.

447. Червишевские курганы. Червишево, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-12; 56°40′; 65°00′.

По данным И. Я. Словцова, на левом берегу р. Пышмы, по дороге из поселка Черноречецского к дер. Червишевой, справа от дороги едва заметны три небольших кургана, не более аршина высотой.

И. Я. Словцов, 1887, № 106—108.

448. Успенские курганы. Между дер. Червишевой и с. Заводоуспенским (Успенским) Тюменской обл., левый берег р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; а-12; 57°00′; 65°00′.

По левому берегу р. Пышмы, по дороге из Червишевой на Заводоуспенское были расположены 12 курганов, из которых самый большой — вправо от дороги, продолговатый, высотой 4,2 м и окружностью 106 м. Ныне уничтожены во время дорожностроительных работ.

И. Я. Словцов, 1887, № 109—120; В. Н. Чернецов, 1951.

449—451. Черноречецские 1-е, 2-е, 3-е городища. Черноречецкий поселок, Тюменской обл. (б. Тобольская губ.),

р. Балдинка (Балда) — правый приток р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-12; 56°40′; 65°00′.

По данным И. Я. Словцова, на р. Балдинке, впадающей в Пышму, близ поселка Черноречeнского, на крутых ярах расположены три небольших, обнесенных валами полуразрушенных городища. В одном из них найдены глиняный идол и небольшой горшочек из черной глины, 5 см вышины, с орнаментом выпуклыми шишечками. Оба предмета хранятся в Томском музее (№ 1074, 1075).

И. Я. Словцов, 1887, № 103—105.

452. Кашинское городище. Кашинское, село Свердловской обл. (б. Новопышминская вол. Камышловского у. Пермской губ.), р. Кунара — правый приток р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-6; 56°40′; 62°00′.

Городище расположено на очень высоком и длинном мысу. В тылу два вала со рвом и подковообразный вал, в котором имеется выход. Раскопки городища производил Ф. Ю. Гебауэр, прорезавший оба крыла добавочного вала. Оказалось, что вал состоит из известкового камня, прикрытого культурным слоем; в нем найдены угли, обломки костей домашних животных, черепки и незначительные поделки: глиняное пряслице в виде кружка, несколько костяных наконечников стрел, глиняная бусина, нож; черепки, повидимому, с зубчатым и веревочным орнаментом. В раскопе найдены остатки двух столбов, поставленных на плиты толщиной 16 см. В основании кладки среди костей животных обнаружен небольшой обломок верхней челюстной кости человека.

Ф. Ю. Гебауэр, 1887; А. А. Спицын, 1906, стр. 220; В. М. Флоринский, 1894, стр. 248.

453. Рудянские (Глядены) находки. Рудянское, селение Свердловской обл. (б. Знаменская вол. Камышловского у. Пермской губ.), устье р. Рефта — левого притока р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-5; табл. 6; 56°40′; 61°30′.

При впадении р. Рефта в р. Пышму, в урочище Глядены найдены орудия из камня.

Е. М. Берс, 1951, № 205.

454. Баженовские курганы. Баженово, станция Свердловской обл., р. Баженовка — правый приток р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-4; табл. 6; 56°40′; 61°00′.

У дороги со станции Баженово в с. Логиновское в березовой роще — группа курганов.

Е. М. Берс, 1951, № 204.

455. Мезенские курганы. Мезенское (Мезенка), деревня Свердловской обл. (б. Белоярская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), правый берег р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-4; табл. 6; 56°40′; 61°00′.

В 2 км к юго-востоку от деревни расположена группа курганов.

Е. М. Берс, 1951, № 203.

456. Бутаковская стоянка. Бутакова, деревня Свердловской обл. (б. Белоярская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), правый берег р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-4; табл. 6; 56°40′; 61°00′.

В самой деревне расположена стоянка, открытая и обследованная в 1947 г. Е. М. Берс. Находки хранятся в Свердловском университете.

Е. М. Берс, 1951, № 202.

457. Боярское 1-е городище. Боярская, деревня Свердловской обл. (б. Белоярская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), правый берег р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-4; табл. 6; 56°40′; 61°00′.

На восточной окраине деревни расположено городище, обследованное Е. М. Берс в 1947 г.

Е. М. Берс, 1951, № 201.

458. Боярское 2-е городище. В 6—7 км вверх по р. Пышме от дер. Боярской (см. № 457), на правом берегу реки расположено городище.

Е. М. Берс, 1951, № 200а.

459. Боярская стоянка. Рядом с Боярским 2-м городищем (см. № 458) расположена стоянка.

Е. М. Берс, 1951, № 200а.

460. Становая стоянка. Становая, деревня Свердловской обл. (б. Сарапульская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), устье р. Слюдянки — правого притока р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-4; табл. 6; 56°40′; 61°00′.

В 2 км ниже указанной деревни расположена стоянка. Обследование стоянки произвела Е. М. Берс в 1947 г. Ею обнаружен

культурный слой, содержащий небольшое количество керамики.

Е. М. Берс, 1951, № 199.

461. Усть-Мурзинские находки. Усть-Мурзинский, прииск Свердловской обл. (б. Березовская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Мурзинка — левый приток р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

На прииске в песках найдены медные рыболовные грузила веретенообразной формы.

Е. М. Берс, 1951, № 167.

462. Пышминское городище. Пышминский, завод Свердловской обл. (б. Пышминская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Пышма — правый приток Туры. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

Городище расположено в 2 км от завода. В 1947 г. обследованием Е. М. Берс установлено, что в большей своей части городище разрушено земляными работами.

Е. М. Берс, 1951, № 166.

463. Верх-Пышминские находки. Пышма, поселок Свердловской обл. (б. Мостовская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), верховья р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

В верховьях р. Пышмы неоднократно находили предметы древности. В числе находок: железный перстень, деревянная лыжа, каменный пест, трехгранный наконечник стрелы, орнаментированная керамика и пр.

Е. М. Берс, 1951, № 161—165.

464. Шувакишские находки. Шувакиш, поселок Свердловской обл. (в 9 км к северо-востоку от г. Свердловска), оз. Шувакиш при истоке р. Пышмы — правого притока Туры. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

В окрестностях озера были найдены различные предметы: керамика, каменные, костяные и деревянные орудия и др.

Е. М. Берс, 1951, № 168—170.

465. Созоновские курганы. Созонова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Туры. Табл. 3б; а-14; 57°00′; 66°00′.

Близ деревни на левом берегу Туры, почти против впадения в нее р. Пышмы, находятся два больших кургана. Там же на пашне обнаружен распаханный культурный слой, содержащий керамику эпохи бронзы.

М. Я. Словцов, 1887, № 101, 102.

466. Созоновская стоянка. Эпоха бронзы. Близ Созоновских курганов (см. № 465) на пашне обнаружен распаханный культурный слой, содержащий керамику эпохи бронзы.

В. Н. Чернецов, 1951.

467. Антоновский курган. На правом берегу Туры, несколько выше дер. Созоновой (см. № 465) в 4 км от устья р. Пышмы, с северной стороны оз. Антоновского находится высокий курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 99.

468. Якушевский курган. Примерно в 10 км выше дер. Созоновой (см. № 465) около Якушевских юрт, на левом берегу Туры находится один курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 100.

469, 470. Антипинские 1-е и 2-е городища. Антипина, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Туры. Табл. 3б; а-13; 57°00′; 65°00′.

Около деревни на обрывистом берегу реки есть два городища, запаханные под пашни и почти совершенно уничтоженные.

И. Я. Словцов, 1887, № 96, 97.

471. Мысовская 1-я стоянка. Эпоха бронзы. Мыс, деревня близ г. Тюмени, р. Тура. Табл. 3б; а-13; 57°00′; 65°30′.

Стоянка, частично раскопанная в 1927 г. П. А. Дмитриевым, почти совсем разрушена. Судя по многочисленным находкам керамики, можно полагать, что она относится к эпохе бронзы.

И. Я. Словцов, 1887, № 98; П. А. Дмитриев, 1929, стр. 180, 200; 1951₁, стр. 13 и др.; К. В. Сальников, 1951, стр. 97.

472. Мысовская 2-я стоянка. В 1927 г. П. А. Дмитриев произвел раскопки Мысовской 2-й стоянки, расположенной близ дер. Мыс (см. № 471). П. А. Дмитриев датирует стоянку серединой I тысячелетия до н. э.

П. А. Дмитриев, 1929, стр. 190—203; 1951₁, стр. 13 и др.; «Обзор деятельности Секции археологии..», 1928, стр. 148; С. В. Киселев, 1938, стр. 237.

473. Мысовские курганы. I тысячелетие до н. э. Группа курганов (50—60) расположена

вдоль дороги с. Парфенова — дер. Мыс (см. № 471). Находятся они на территории более древней стоянки (см. № 471, 472).

В 1926—1927 гг. 9 курганов раскопаны П. А. Дмитриевым. В погребениях найдены горшки, в большинстве круглодонные, украшенные резным орнаментом в виде линий, лесенок и арок. Встречена глиняная тарелка с геометрическим орнаментом, пряслица, оселок, крючок от колчана и медные наконечники стрел, трехгранные с внутренней втулкой, особенно распространенные с III в. до н. э.

П. А. Дмитриев, 1929, стр. 180—203; С. В. Киселев, 1938, стр. 237; Г. Кирпищиков, 1940; К. В. Сальников, 1947, стр. 233.

474. Тюменские курганы. Тюмень, город Тюменской обл., правый берег Туры. Табл. 3б; а-13; 57°00′; 65°30′.

В 1,5 км от г. Тюмени вниз по течению Туры находятся три кургана. О них упоминает И. И. Лепехин как о «нарочито высоких». Теперь курганы почти совершенно сгладились. В 1892 г. частично раскопаны И. Я. Словцовым, а в 1893 г.— А. Гейкелем.

И. И. Лепехин, 1821, ч. IV, стр. 3; И. Я. Словцов, 1887, № 93—95; П. А. Дмитриев, 1929, стр. 187.

475. Решетниковское городище. Решетникова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Туры. Табл. 3б; а-12; 57°00′; 65°00′.

О городище И. Я. Словцов пишет следующее: «Близ деревни Решетниковой, в 12 верстах от Тюмени обвалами берега совершенно уничтожено довольно большое городище. В образовавшемся разрезе сохранились обломки «горничной» посуды; иногда попадаются медные и костяные стрелочки».

И. Я. Словцов, 1887, № 92.

476. Молчановское городище. I тыс. н. э. Молчанова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Туры. Табл. 3б; а-12; 57°00′; 65°00′.

И. Я. Словцов пишет: «Проехав две версты от д. Молчановой, на левом берегу Туры находится городище, наполовину разрушенное обвалами берега. Оно имеет вид круглого холма в 20 саж. в диаметре; обнесено глубоким рвом и валом».

И. Я. Словцов, 1887, № 91.

477. Липовское городище. К северо-востоку от д. Молчановой Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Липовское, левый берег Туры. Табл. 3б; Я-12; 57°20′; 65°00′

На водоразделе между реками Турой и Иской находится оз. Липовское. Близ него есть городище, почти совершенно разрушенное.

И. Я. Словцов, 1887.

478. Тарманское городище. Близ оз. Липовского (см. № 477) находится оз. Тарманское. Около него есть городище, почти совершенно разрушенное.

И. Я. Словцов, 1887.

479. Салаирковский 1-й курган. Салаирка, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Туры. Табл. 3б; Я-12; 57°20′, 65°00′.

В огородах деревни есть большой курган, частично срытый под гряды. Здесь выпахано несколько мелких медных стрелок и медный гребешок (хранится в Томском музее).

И. Я. Словцов, 1887, № 89.

480. Салаирковский 2-й курган. На расстоянии 1,6 км от д. Салаирки (см. № 479) на пашнях находится второй курган, высотой около 2,1 м, окружностью 63 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 90.

481. Липчинская стоянка. Эпоха бронзы. Липчинское, село Свердловской обл., устье р. Липки — правого притока Туры. Табл. 3б; Я-11; 57°20′; 64°30′.

Стоянка открыта в 1924 г. П. А. Россомахиным. В 1925 г. ее раскопал П. А. Дмитриев, давший описание стоянки, раскопок и находок.

П. А. Дмитриев, 1928, стр. 61—68; 1929, стр. 198—199; 1951₁, стр 13; «Обзор деятельности Секции археологии...», 1928, стр. 93; К. В. Сальников, 1951, стр. 97.

482. Елкинские курганы. Елкина, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Туры. Табл. 3б; Я-11; 57°20′; 64°30′.

По данным И. Я. Словцова, за дер. Елкиной, на песчано-суглинистом холме, на расстоянии 1,6 км от берега встречено 6 больших курганов. И. И. Лепехин описал 7 курганов, обнесенных рвом. Седьмого кургана и рва И. Я. Словцов не нашел и считал, что

он, видимо, запахан. К. Голодников упоминает о 7 курганах.

И. И. Лепехин, 1821, ч. IV, стр. 43; И. Я. Словцов, 1887, № 75—80; К. Голодников, 1879, стр 14.

483. Усть-Ницинские курганы. Усть-Ница, село Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ница — правый приток Туры. Табл. 3б; Я-11; 57°20′; 64°30′.

По данным И. Я. Словцова, «в 7 верстах от Усть-Ницы справа от дороги — 4 больших кургана, расположенных на расстоянии 70 саж. друг от друга. На некотором расстоянии известны еще 4 кургана».

И. Я. Словцов, 1887, № 67—74.

484. Ницинские курганы. В 13,8 км от с. Усть-Ница (см. № 483), вправо от дороги, вдали по течению р. Ницы видны три очень большие курганные насыпи.

И. Я. Словцов, 1887, № 64—66.

485. Ирбитские писаницы. Ирбит, город Свердловской обл., устье р. Ирбита — правого притока р. Ницы — правого притока Туры. Табл. 3б; Ю-8; 57°40′; 63°00′.

Писаницы, находящиеся на левом берегу р. Ирбита, были обследованы В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

486. Писанские писаницы. Писанское, село Свердловской обл. (б. Ирбитский у. Пермская губ.), р. Ирбит — правый приток р. Ницы — правого притока Туры. Табл. 3б; Я-6; 57°20′; 62°00′.

Близ села находятся писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

487. Исаковские писаницы. Исакова, деревня Свердловской обл. (б. Коптеловская вол., Верхотурский у., Пермская губ.), р. Режь[1] (бассейн Туры). Табл. 3б; Ю-5; 57°40′; 61°30′.

Близ деревни находятся писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

488. Деевские писаницы. Деева, деревня Свердловской обл. (б. Арамашевская вол. Верхотурского у. Пермской губ.), р. Режь (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-5; 57°20′; 61°30′.

[1] Река Режь образует при слиянии с р. Нейвой р. Ницу — правый приток р. Туры. В верховьях р. Режь носит название р. Аять (см. примечание к № 494).

Близ деревни находятся писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

489. Липовские писаницы. Липовское, село Свердловской обл. (б. Липовская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), правый берег р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-4; табл. 6; 57°20′; 61°00′.

В 10 км от села на скалах правого берега р. Режи находятся писаницы, сделанные буровато-красной краской, и высеченные на камнях знаки.

Е. М. Берс, 1951, № 60, 61.

490. Липовское городище. Близ с. Липовского (см. № 489) на берегу р. Режи, западнее писаниц расположено городище.

Е. М. Берс, 1951, № 59.

491. Адуйские находки. Адуйский Камень, гора Свердловской обл. (б. Екатеринбургский у. Пермской губ.). правый берег р. Адуя — правого притока Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; а-3; табл. 6; 57°00′; 60°30′.

В 1,5 км от устья р. Адуя, на правом берегу, найдены медные изображение птицы и антропоморфный идол и другие предметы. Литературу по указанным находкам см. в статье Е. М. Берс.

Е. М. Берс, 1951, № 88.

492. Шайтанская находка. Шайтанское, село Свердловской обл. (б. Черемисская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Шайтанка — левый приток р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-3; табл. 6; 57°20′; 60°30′.

Около села найден медный идол.

Е. М. Берс, 1951, № 49.

493. Колташихинские находки. Колташи, деревня Свердловской обл. (б. Черемисская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Положиха — левый приток р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-3; 57°20′; 60°30′.

Близ деревни найдено несколько стеклянных бусин с глазками.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 214.

494. Корелские находки. Корелы, деревня Свердловской обл. (б. Аятская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Аять[1] — верховья р. Режи (бассейн

[1] Река Аять берет начало из оз. Аятского и течет под этим названием до дер. Карелы; ниже река называется **Режь.**

Туры). Табл. 3б; Я-3; табл. 6; 57°20′; 60°30′.

Близ деревни обнаружены медное долото и глиняная чашка.

Е. М. Берс, 1951, № 46, 47.

495. Аятские находки. Аятское, село Свердловской обл. (б. Аятская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Аять — верховья р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-3; табл. 6; 57°20′; 60°30′.

В селе найдены два медных идола с человеческими головами.

Е. М. Берс, 1951, № 48.

496. Коневское городище. Коневское, село Свердловской обл. (б. Аятская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Большой Сан — приток р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-3; табл. 6; 57°20′; 60°30′.

К югу от деревни расположено городище.

Е. М. Берс, 1951, № 45.

497. Шайдурихинские находки. Шайдуриха, деревня Свердловской обл. (б. Аятская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Аять — верховья р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-3; табл. 6; 57°20′; 60°30′.

Близ деревни найдены: медная подвеска, птицевидный идол, два каменных песта, керамика и др.

Ф. А. Уваров, 1887; Е. М. Берс, 1951, № 51—53, 58.

498. Аятская стоянка. Аятское озеро Свердловской обл., правый берег р. Аяти — верховья р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-3; табл. 6; 57°20′; 60°30′.

На северо-восточном берегу оз. Аятского, в 85 м от правого берега р. Аяти расположена стоянка. Найдены керамика и кремневые орудия.

Е. М. Берс, 1951, № 56.

499. Аятский могильник. Аятское озеро Свердловской обл., истоки р. Аяти — верховья р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-3; табл. 6; 57°20′; 60°30′.

В 1929 г. у оз. Аятского обнаружен могильник. При погребениях найдены: кремневый нож, кремневые отщепы и керамика.

Е. М. Берс, 1951, № 57.

500. Аятское озеро, стоянки, находки. Аятское озеро Свердловской обл., истоки р. Аяти — верховья р. Режи (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-2; табл. 6; 57°20′; 60°00′.

На островах и берегах оз. Аятского обнаружен ряд отдельных находок и расположено 8 разновременных стоянок, подробное описание которых дано в работе Е. М. Берс.

Е. М. Берс, 1951, № 54, 55, 80—87, 91; В. М. Раушенбах, 1952, стр. 56 и пр.

501. Кунарские находки. Кунара, деревня Свердловской обл. (б. Шуралинская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Кунара, впадающая в оз. Аятское. Табл. 3б; Я-2; табл. 6; 57°20′; 60°00′.

Близ деревни найдены каменный наконечник копья и шлифованный топор из зеленого сланца.

Е. М. Берс, 1951, № 16, 37.

502. Ельничное озеро, стоянка, находки. Озеро Ельничное Свердловской обл. (б. Екатеринбургский у. Пермской губ.). Табл. 3б; а-2; табл. 6; 57°00′; 60°30′.

На северо-восточном берегу озера на гранитном кряже расположена стоянка. Среди собранного подъемного материала: керамика, каменные орудия, шлифованный каменный топор, наконечники стрел из кремнистого сланца и др. В окрестностях озера отмечены случайные археологические находки.

Е. М. Берс, 1951, № 89, 90, 92.

503. Алапаевские писаницы. Алапаевск, город Свердловской обл., р. Нейва[1] (бассейн Туры). Табл. 3б; Ю-5; 57°40′; 61°30′.

Несколько выше Алапаевского завода на р. Нейве имеются писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

504. Шигирский торфяник, стоянки, селища, городище, погребение и отдельные находки. Между городами Невьянском, Кировоградом и Верх-Нейвинским, верховья р. Нейвы (бассейн Туры). Табл. 3б; Я-2; табл. 6; 57°20°; 60′00′.

На южном мысу оз. Шигирского при вскрытии торфа в 1880 г. впервые найдены остатки первобытной культуры. М. В. Малахов, производивший обследование в том же году, установил в шурфе, забитом в 32 м от берега, следующее соотношение слоев:

1) торф с древесными остатками березы, кустарника — 60 см;

[1] Река Нейва при слиянии с р. Режью образует р. Ницу — правый приток Туры.

2) плотный рыжеватый торф с хвощами, мелкодревесной растительностью;

3) бурый торф с травянистыми остатками, с галькой. Прибрежное образование — 60 см;

4) крупный золотоносный песок в темной иловатой почве с гранитной галькой. Культурный слой (глубина около 4,25 м);

5) иловатая грязносиневатая почва.

В разное время с торфяника поступало много вещей, среди которых — прекрасно сохранившиеся деревянные изделия, костяные и каменные предметы, керамика.

В 1914 г. раскопки на торфянике производил В. Я. Толмачев. В 1931 г. на стоянке Анин остров произвел раскопки Д. Н. Эдинг.

Коллекции с Шигирского торфяника хранятся в музее УОЛЕ, ГИМ, МАЭ и др.

Е. М. Берс, работавшая над материалом Свердловского музея и в Государственном свердловском архиве, привлекая литературные источники, устанавливает в окрестностях торфяника местонахождение 4 стоянок, 2 селищ, 1 городища, 1 погребения и 31 пункта нахождения отдельных предметов (см. карту в работе Е. М. Берс).

М. В. Малахов, 1882, стр. 11—13; Д. И. Лобанов, 1897; ОАК за 1906 г., стр. 133, 149; ИАК, 1907, стр. 21—22; ОАК за 1941 г., стр. 88, 106; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 173—174; Д. Н. Эдинг, 1937₁, стр. 135; К. В. Сальников, 1949, стр. 22—23; Е. М. Берс, 1951, № 4—44; В. М. Раушенбах, 1952, стр. 56 и др.

505. Верх-Нейвинский, жертвенное место, курганы, находки. Верх-Нейвинский, поселок Свердловской обл. (б. Екатеринбургский у. Пермской губ.), верховья р. Нейвы (бассейн Туры). Табл. 3б; а-2; табл. 6; 57°00′; 60°00′.

На карте, приложенной к работе Е. М. Берс, в окрестностях Верх-Нейвинского поселка указаны: жертвенное место, группа курганов и три пункта нахождения отдельных предметов.

М. В. Малахов, 1882, стр. 9; Е. М. Берс, 1951, № 64—68.

506. Таватуйские стоянки. К югу от Верх-Нейвинского поселка (см. № 505) расположено оз. Таватуй, на берегах и островах которого находится 7 стоянок.

Е. М. Берс, 1951, № 69—75.

507. Ригинские курганы. Ригина, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), р. Черная — правый приток Туры. Табл. 3б; Ю-9; 57°40′; 63°30′.

По данным И. Я. Словцова, «между д. Ригиной и с. Липовским, не доезжая трех верст до последнего, по р. Черной находятся 2 кургана; бо́льший 3 арш. высоты и 69 арш. в окружности; меньший 2 арш. высоты и 45 арш. в окружности».

И. Я. Словцов, 1887, № 62, 63.

508. Хальтюкинские курганы. Хальтюки, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Туры. Табл. 3б; Э-9; 58°00′; 63°30′.

Близ г. Туринска, в 1,6 км от дер. Хальтюки, на берегу р. Глынки сохранились признаки нескольких курганов, скрытых под постройками.

И. Я. Словцов, 1887, № 61.

509. Давыдовский курган. Давыдова, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Туры. Табл. 3б; Э-8; 58°00′; 63°00′.

По сведениям И. Я. Словцова, на левом берегу Туры, «по дороге из д. Давыдовой в с. Усениковское, в 2 верстах от первой и в 7 верстах от последнего, есть очень большой курган конической формы; размеры его: 2 арш. высоты и 75 арш. в окружности».

И. Я. Словцов, 1887, № 60.

510. Жуковский курган. Жукова, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Туры. Табл. 3б; Э-7; 58°00′; 62°30′.

На правом берегу Туры, между деревнями Благовещенской и Жуковой есть один курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 59.

511. Новоселовские курганы. Новоселова, деревня Свердловской обл. (б. Тобольская губ.), близ устья р. Тагила — правого притока Туры. Табл. 3б; Щ-7; 58°20′; 62°30′.

В верхнем течении Туры, на границе б. Тобольской губ. с Пермской, при впадении Тагила в Туру, близ дер. Новоселовой находятся 2 кургана, о которых известно от местного жителя Новоселова.

И. Я. Словцов, 1887, № 57, 58.

512. Кваршинские писаницы. Кваршина, деревня Свердловской обл. (б. Топорковская вол. Верхотурского у. Пермской

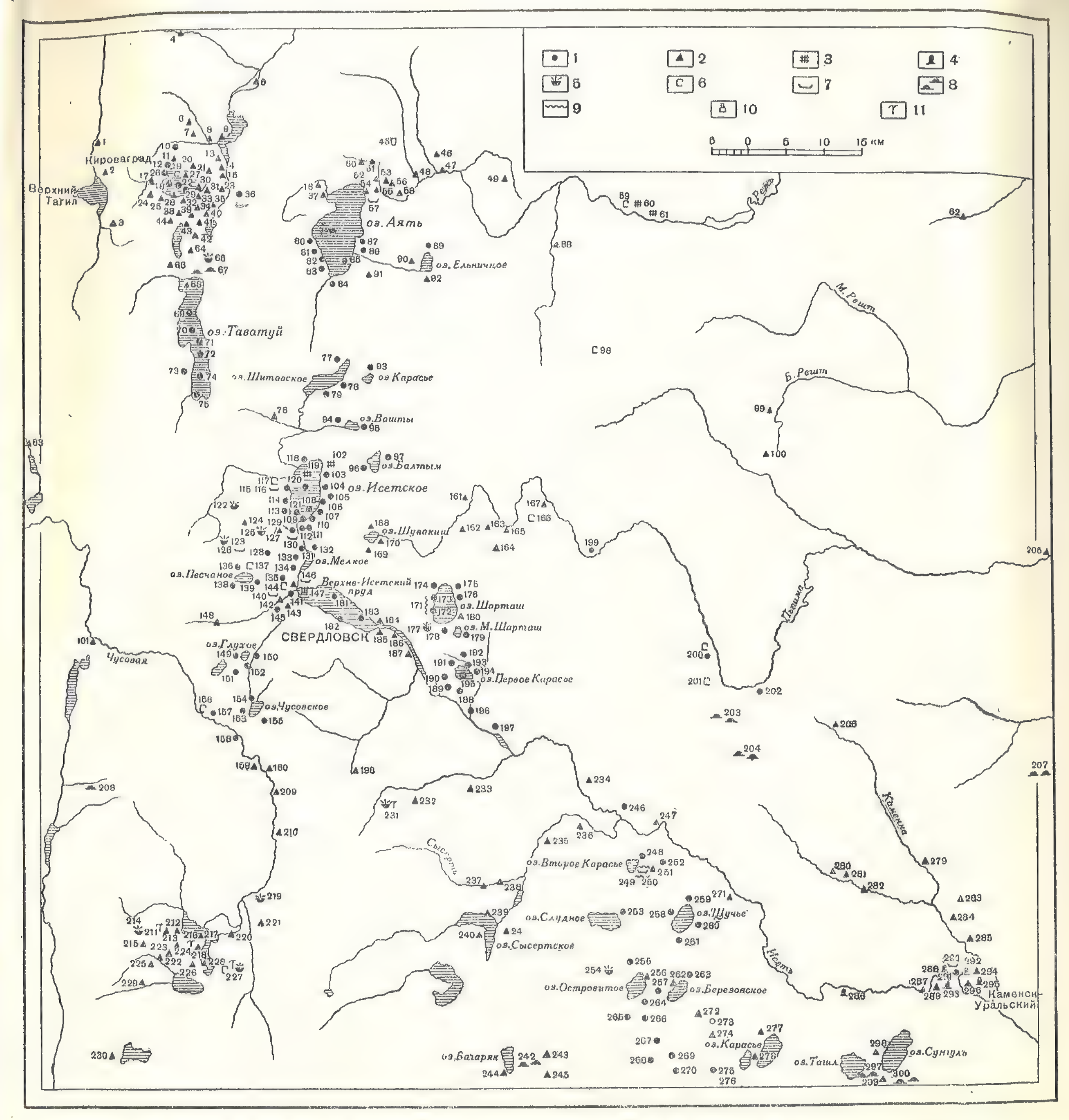


Табл. 6. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей (по Е. М. Берс). См. «Материалы и исследования по археологии СССР», 21. Москва, 1951, стр. 240

Условные обозначения: 1 — стоянки; 2 — находки; 3 — писанец; 4 — пещера; 5 — жертвенное место; 6 — городище; 7 — могильник; 8 — курганы; 9 — вал; 10 — старинное производство; 11 — древние копи.

губ.), р. Тагил — правый приток Туры. Табл. 3б; Э-4; 58°00′; 61°00′.

Близ деревни находятся писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

513. Новожиловские писаницы. Новожилова, деревня Свердловской обл. (б. Топорковская вол. Верхотурского у. Пермской губ.), р. Тагил — правый приток Туры. Табл. 3б; Э-4; 58°00′; 61°00′.

Близ деревни находятся писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

514. Пряничниковские писаницы. Пряничникова, деревня Свердловской обл. (б. Верхне-Салдинская вол. Верхотурского у. Пермской губ.), р. Тагил — правый приток Туры. Табл. 3б; Э-3; 58°00′; 60°30′.

Близ деревни находятся писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

515. Нелидовское городище. Нелиды, деревня близ г. Нижний Тагил Свердловской обл., р. Тагил — правый приток Туры. Табл. 3б; Ю-1; 57°40′; 59°30′.

Городище расположено близ дер. Нелиды. на берегу пруда. Оно обследовано М. В. Малаховым, который пишет: «Здесь мы встречаем следы сильно разрушенного вала, за которым идет ряд ям. Как в последнем, так и по обеим сторонам вала на пространстве от 60 до 500 шагов попадается масса черепков глиняной посуды. Здесь же были найдены два каменных орудия, которых видеть мне не удалось».

М. В. Малахов, 1882, стр. 33.

516. Горбуновский торфяник. Горбунова, деревня близ г. Нижний Тагил Свердловской обл., р. Тагил — правый приток Туры. Табл. 3б; Ю-1; 57°40′; 59°30′.

При разработке торфа на Горбуновском торфянике в 1908 г. обнаружен деревянный помост, сооруженный из бревен толщиной в 9—13 см. Длину помоста определить не удалось, но рабочие говорили, что он тянется больше чем на 42,5 м. Горбуновское болото раньше представляло небольшое озеро, осушенное при начале работ. Верхний пласт болота состоит целиком из торфа. Под ним лежит слой захороненной древесины, а еще ниже вновь торф. Под последним слоем и найден помост. С одного конца помоста обнаружен домик с двускатной крышей. Внутри найден горшок из глины и каменные орудия.

О находке сообщено в УОЛЕ, и торфяник тогда же посетил член общества Клер.

Несмотря на публикацию и доклады, памятник не привлек внимания; только после революции приняты меры к охране его. С 1926 г. велись систематические раскопки, главным образом под руководством Д. Н. Эдинга. Материал находится в МАЭ, в Русском музее, в музеях Свердловска и Нижнего Тагила.

ИАК, 1909, стр. 86; Д. Н. Эдинг, 1929; 1937_1, стр. 133—146; 1937_2; 1940_1; 1940_2, стр. 41—57; 1941, стр. 130—131; С. В. Киселев, 1942, стр. 44; К. В. Сальников, 1949, стр. 22.

517. Горбуновские («Первая береговая», «У стрелки») стоянки. Недалеко от Горбуновского помоста (см. № 516) Уральской экспедицией ГИМ совместно с Тагильским музеем под руководством Д. Н. Эдинга обнаружен культурный слой, принадлежащий древним стоянкам, относящимся к различным периодам, начиная с эпохи позднего неолита и ранней бронзы.

Д. Н. Эдинг, 1940_1, стр. 8 и др.; С. В. Киселев, 1942, стр. 45; В. М. Раушенбах, 1952, стр. 56 и др.

518. Полуденковские 1-я и 2-я стоянки. Неолит, эпоха бронзы. Близ г. Нижнего Тагила Свердловской обл., р. Полуденка — левый приток р. Тагила — правого притока Туры. Табл. 3б; Ю-1; 57°40′; 59°30′.

В 12 км к западу от г. Нижнего Тагила на правом берегу р. Полуденки в 1944 г. О. Н. Бадером открыта и частично раскопана стоянка. Раскопки ее продолжались в 1945 и 1946 гг. Неподалеку, на левом берегу реки, в 1946 г. открыта новая стоянка, относящаяся к тому же типу.

О. Н. Бадер, 1947, стр. 139—147; 1948, стр. 80; 1949; А. П. Смирнов, 1948, стр. 111; В. М. Раушенбах, 1952, стр. 56 и др.

519. Полуденковские (Чудские Бугры) курганы. На месте Полуденковской 1-й стоянки (см. № 518) находилось несколько позднейших курганов, по имени которых все урочище было известно местному населению как Чудские Бугры. Первые раскопки произведены в 1845 г. крепостным тагильских заводчиков Демидовых Д. П. Шориным; вторые — тагильскими краеведами в 1924 г. Отчетные материалы не сохранились; коллекции сохранились далеко не полностью.

Известно, что «внутренность кургана», раскопанного Д. П. Шориным, «была выложена горизонтально сложенными бревнами». Вероятно из погребений происходят позднейшие вещи, находившиеся в Тагильском музее и в настоящее время утраченные: железный нож и перекрестье сабли.

О. Н. Бадер, 1947, стр. 139—140.

520. Медведь-Камень, местонахождение. Близ г. Нижнего Тагила, Свердловской обл., р. Тагил — правый приток Туры. Табл. 3б; Ю-1; 57°40′; 59°30′.

В 1946 г. произведены исчерпывающие раскопки небольшого грота в скале Медведь-Камень над р. Тагилом, где в 1945 г. О. Н. Бадером открыты остатки четвертичной фауны. Грот находится в 12 км на северо-запад от Нижнего Тагила и расположен на высоте 37 м над рекою. Древняя фауна залегала в желтом вязком суглинке между каменистым полом грота и верхним слоем, содержавшим остатки кострищ и плохо сохранившихся железных предметов.

О. Н. Бадер, 1948, стр. 79 и сл.

521. Голый Камень, жертвенное место. Близ г. Нижнего Тагила, Свердловской обл., р. Тагил — правый приток Туры. Табл. 3б; Ю-1; 57°40′; 59°30′.

В 1944 и последующих годах проведены раскопки жертвенного места на скалистой вершине Голого Камня близ г. Нижнего Тагила. Получен большой материал, состоящий из обломков круглодонной керамики раннеананьинского облика, костяных орудий и остатков фауны. Для общего представления о жертвенных местах Зауралья интересен культурный слой, обнаруженный у основания скалы, непосредственно под высшей точкой шихана, господствующей над окрестностями. Здесь, у основания шихана, где, вероятно, главным образом и приносили жертвы, культурные остатки залегают на глубине 1,5 м, перекрытые каменистой осыпью и отчасти суглинками.

О. Н. Бадер, 1947, стр. 146; 1948, стр. 81.

522. Ермаково городище. XVII—XVIII вв. У подножья Медведь-Камня (см. № 520) на р. Тагиле находится Ермаково городище, о котором О. Н. Бадер пишет следующее:

«Своеобразно устройство городища: земля из крепостного рва выброшена не внутрь, а наружу, а по концам рва оставлены на площадку два проезда. Разрез рва показал его значительную первоначальную глубину. Культурные остатки — позднерусские XVII, а, может быть, и XVIII в. Впрочем, когда П. С. Паллас в 1780 г. посетил городище, оно уже представляло археологический памятник, имело современный нам вид и было известно среди населения как Ермаково городище. Возможно, что исследуемое сооружение действительно принадлежит Ермаку, представляя собою остатки укрепленного «стана на р. Тагиле» близ устья р. Баранчи, где Ермак после тяжелого волока из Серебрянки в Баранчу строил новые большие лодки».

Рекогносцировочные раскопки показали мощность и содержательность культурного слоя. Обнаружены остатки глинобитных сооружений, возможно избяных печей. По преданию, Ермак провел под Медведь-Камнем 3 недели, но, вероятно, оставил в городке на р. Тагиле несколько человек, для которых были поставлены избы, существовавшие много лет. Таким образом, О. Н. Бадер полагает, что Ермаково городище некоторое время представляло собой опорный пункт на пути в Сибирь, за перевалом, и было первым русским укрепленным городком в Сибири.

В дневнике Д. Н. Анучина, бывшего на Урале в 1887 г., это городище также упоминается.

П. С. Паллас, 1786; Д. Н. Анучин, 1887; О. Н. Бадер, 1948, стр. 81.

523. Верхне-Тагильские находки. Верхний Тагил, город Свердловской обл., верховья р. Тагила — правого притока Туры. Табл. 3б; Я-1; табл. 6; 57°20′; 59°30′.

В окрестностях города найдено три каменных орудия. Переданы в музей УОЛЕ.

Е. М. Берс, 1951, № 1—3.

524. Буксинское городище. Буксина, деревня Свердловской обл. (б. Красногорская вол. Верхотурского у. Пермской губ.), р. Салда — правый приток Туры. Табл. 3б; Ш-4; 58°40′; 61°00′.

М. В. Малахов, ссылаясь на «Пермские губернские ведомости», пишет: «Чудское городище на правом берегу Прокофьевской Салды, впадающей в Туру ниже деревни Буксиной, против речки Городишной, на утесистой горе находится ров, возвышающийся над рекой на 10 саж. Ров этот имеет около 2-х аршин ширины и простирается

в виде дуги, которой хорда в 40 аршин. Концы рва исчезают в неприступном скате горы, с внутренней же стороны тянется земляной вал в $1^1/_2$ арш. высоты и 3 арш. ширины. Поверхность внутренней площади полукруга... изрыта в позднейшие времена, как сказывают жители Буксиной, кладоискателями, но вместо ожидаемых сокровищ, найдены только уголья».

«Пермские губернские ведомости», 1855, № 28; М. В. Малахов, 1882.

525. Кокшаревские находки. Кокшарева, деревня Свердловской обл. (б. Верхотурский у. Пермской губ.), верховья р. Юрьи — правого притока р. Салды — правого притока Туры. Табл. 3б; Э-3; 58°00′; 60°30′.

В. Н. Шишонко упоминает близ деревни курган, в котором найдены черепки, железный нож, копье и кольцо из халцедона. В списке населенных мест Пермской губ. (Верхотурский у.) также говорится о кургане «со стоянкой обитателей каменного века». Д. Н. Анучин в отчете об экспедиции на Урал в 1887 г. называет эту местность тоже «курган», но в кавычках. Говоря о находках оттуда, отмечает черепки глиняной посуды, жернов, котел и кольцо из халцедона. В черновых рисунках, приложенных к его отчету, имеются наброски кремневых скребков, сланцевого шлифованного ножа, пряслиц и каменных шлифованных наконечников стрел.

М. В. Малахов, 1882, стр. 15; В. Н. Шишонко, 1884, стр. 669; Д. Н. Анучин, 1887_2; «Верхотурский уезд», 1909, стр. 54.

526. Кокшаревская стоянка. Близ дер. Кокшаревой (см. № 525). М. В. Малаховым произведено обследование, о котором он пишет следующее: «...Я пробрался в дер. Кокшареву, около которой в Списке населенных мест Перм. губ. значится городище. В этой глухой малонаселенной местности еле удалось нанять 4-х рабочих, с которыми я и отправился на разведки городища. У крестьян оно известно под названием «жилого бугра»; находится на запад от деревни и расположено на южном берегу болотистого Юринского озера, на прибрежном мысу, возвышающемся футов на 10 над средним уровнем соседней местности. В поперечнике оно равняется 140 футам. Предварительный осмотр показал, что поверхность холма сильно изрыта кладоискателями (старателями), которые в поисках здесь золота пренебрегают каменными изделиями.

Заложив траншею и углубившись на 10 футов, я ознакомился с геологическим строением холма. В основании его чистый намывной песок. Затем около 2 фут.— плотная глина. Выше — культурный слой от 1 до 4 футов высоты. Очистив поверхность холма от гигантских древесных пней, я продолжил траншею на запад и восток. Характер залегания культурного пласта представляет большой интерес. Он залегает карманами до 6 футов длиной и 3 футов шириной. Здесь добыто более 1000 разнообразных отбивных каменных орудий, как то: стрелы, нуклеусы, скребки, шилья, ножи, рубила и пять пудов черепков сосудов с «затейливыми украшениями из слюдистой глины», два больших шлифовальника. Материал: кварц, кремень, сланец и гранит и в одном случае яшма».

А. А. Спицын отмечает, что близ дер. Кокшаревой Нижне-Тагильского округа на возвышенном берегу болота в 1891 г. найдена культурная площадка из золы, угля и черепков круглодонной посуды. Орнамент керамики оригинален: «зубчатый, но исполнен не штампом, а передвижением узкой палочки; зубчики частые, изредка же редкие. Орнамент располагается линиями или струйчато. Есть линии двойные. Видимо это более старый орнамент, но он сохранился и на посуде городищ в виде линий и уголков».

М. В. Малахов, 1882, стр. 15; А. А. Спицын, 1906_1, стр. 220.

527. Юринская стоянка. В 12 км на запад от д. Кокшаревой (см. № 525) находится стоянка, обследованная М. В. Малаховым, который пишет следующее: «Миновав селище каменной эпохи, расположенное на южном побережье Юринского озера, мы направились на запад по длиной веренице слaней, покрывающих болота: это дорога в курени и путь шишкарей. Почти на 12-й версте выехали мы к Каменной речке, к которой подъехали по холму без резких очертаний. Юг его омывается речкой Каменной, и здесь вдоль ее левого берега открыты следы селища каменной эпохи. Берег каменистый возвышается над уровнем реки до 2 саж., хотя и имеет некоторый склон. Тотчас под растительным слоем до 2 вершков залегает рыхлая черноглинистая почва от 13 до 17 вершков, среди которой рассеяны остат-

ки культуры. Ниже — белая песчаная глина. Длина раскопа с ЮЗ на СВ равна 6 саж., ширина 10 арш.

Обходя вдоль холма на запад по окраине болота на расстоянии 200 саж. встречаешь вновь песчаное возвышение холма, протянувшееся на восток до р. Юри, болото на север и запад. Вышина холма здесь до 2 сажен; заметны две ямы, вырытые с восточной стороны, с севера на юг. Толщина наноса 6 четвертей».

М. В. Малахов, 1882, стр. 34.

528. Платинковское городище (?). В 4 км от г. Верхотурья Свердловской обл., р. Платинка — правый приток Туры. Табл. 3б; Ш-3; 58°40′; 60°30′.

А. А. Спицын (Архив ИИМК), ссылаясь на «Казанские известия» 1812 г., пишет: «В 4 верстах от г. Верхотурья с правой его стороны в р. Туру впадает речка Платинка. Подле этой речки на увале в 1809 г. замечен вал, высота его от 1 до 2 арш., простирается с ЮВ на СЗ на 100 саж., потом под тупым углом направляется на СВ на протяжении 100 саж., но здесь заметно только его основание. Внутри вала заметны небольшие груды земли».

Уверенности в том, что мы имеем в данном случае дело с городищем нет.

«Казанские известия», 1812, № 24.

529. Нижнетуринская стоянка. Нижне-Туринский завод, Свердловской обл. (б. Верхотурский у. Пермской губ.), верховья Туры. Табл. 3б; Щ-1; 58°20′; 59°30′.

О. Н. Бадером в 1946 г. детально обследовано местонахождение костей северного оленя в толще второй надпойменной террасы реки Туры у Нижне-Туринского завода. Здесь в 1941 г. в шурфе на глубине 9,2 м найдена метакарпальная кость северного оленя (астрагал). О. Н. Бадеру удалось установить, что на одном уровне с первой находкой встречены древесные угольки; «кость оказалась расщепленной и имеет довольно явные следы искусственной обивки по краю».

О. Н. Бадер, 1948, стр. 79.

530. Выйский курган. Выйский завод, Свердловской обл. (б. Верхотурский у. Пермской губ.), р. Выя — приток Туры. Табл. 3б; Щ-1; 58°20′; 59°30′.

О кургане и находках в нем В. Н. Шишонко пишет следующее: «В 10 верстах на запад от Выйского завода в кургане были откопаны: медный наконечник стрелы, каменное копьецо, глиняный кружок с четырьмя дырочками, оружие из твердого зеленого камня, заостренное с одной стороны и похожее на широкий нож».

В. Н. Шишонко, 1884, стр. 619.

Раздел 8 (Исеть)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО Р. ИСЕТИ — ЛЕВОМУ ПРИТОКУ ТОБОЛА

(Тобол — левый приток р. Иртыша; Иртыш — левый приток р. Оби)

531. Ингалинские курганы. Минино и Ингалинская, деревни Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ингала — правый приток Исети. Табл. 3б; в-13; 56°20′; 65°30′.

В верховьях р. Ингалы, между указанными деревнями, находятся два кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 271, 272.

532. Сингульское городище. Сингульские юрты Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Исети. Табл. 3б; в-13; 56°20′; 65°30′.

В 2 км от Бешкильской слободы, по дороге к Сингульским юртам, на берегу небольшого озера находится разрушенное городище.

И. Я. Словцов, 1887, № 283.

533. Нижне-Бешкильские курганы. Нижне-Бешкильская, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Исети. Табл. 3б; в-13; 56°20′; 65°30′.

На левом берегу Исети, по дороге из слободы Архангельской к слободе Нижне-Бешкильской, не доезжая 2 км до последней, расположены 10 курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 273—282.

534. Красногорское (Змеево) городище. Красногорское, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Исети. Табл. 3б; в-13; 56°20′; 65°30′.

И. Я. Словцов упоминает о городище под названием Змеево, расположенном близ с. Красногорского. Городище почти совершенно тождественно по размерам и форме с Лизуновым (см. № 535).

И. Я. Словцов, 1887, № 242.

535. Красногорское (Лизуново) городище. И. Я. Словцов сообщает о городище, называемом Лизуново, которое находится примерно в 100 саж. от Змеева городища (см. № 534). Длина его 27 саж., ширина 23 саж., окружающий его вал овальной формы; сзади ров глубиной в 2 арш.

И. Я. Словцов, 1887, № 241.

536. Красногорские находки. Эпоха бронзы, I тыс. до н. э. и др. В Тюменском музее хранится камень, одна сторона которого выделана в виде бараньей головы. Он найден близ. с. Красногорского (см. № 534). А. Гейкель приводит данные о месте находки. В 1,5 км от Лизунова городища (см. № 535), расположенного недалеко от с. Красногорского, имеется возвышенное, покрытое холмами место, на расстоянии 320 м от р. Исети. Здесь ветер постоянно обнажал медные и каменные наконечники стрел, орнаментированные фрагменты сосудов и другие самые разновременные вещи: обломок зеркала, железный сошник и др.

И. Я. Словцов, 1887, № 259; 1905, стр. 50; A. Heikel, 1894; П. А. Дмитриев, 1948, стр. 12—21.

537. Лизуновские курганы. Близ Лизунова городища (см. № 535) находится много мелких курганов, почти сравнявшихся с почвой, между ними ясное очертание имеют 11. В 4,25 км от того же городища к югу — 5 больших курганов, а в 6,4 км — еще три.

И. Я. Словцов, 1887, № 243—258.

538. Красногорский курган. Красногорское, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег р. Исети. Табл. 3б; в-13; 56°20′; 65°30′.

На высоком берегу реки, в 1 км от с. Красногорского, встречен большой курган, имеющий 7 м высоты и 65 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 238.

539. Красногорский (Долгий) курган. По данным И. Я. Словцова, «в 130 саж. от Красногорского кургана (см. № 538) находится второй, называемый Долгий, длиной приблизительно 20 саж., шириной около 13 саж., при высоте 11 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 240.

540. Красногорский (Черный) курган. И. Я. Словцов указывает также, что около Красногорского и Долгого курганов (см. № 538, 539) расположен третий курган, «называемый крестьянами Черный, имеющий 10 арш. высоты и 78 арш. в окружности. На вершине его яма глубиной в 3 арш.».

И. Я. Словцов, 1887, № 240

541. Архангельские курганы. Архангельское, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Исети. Табл. 3б; в-13; 56°20′; 65°30′.

Между дер. Верхне-Бешкильской и с. Архангельским разбросано 7 курганов. Самый крупный — близ с. Красногорского на правом берегу Исети. Река в этом месте делает луку, выгибаясь к левому северному берегу. Площадь, занятая здесь разными типами древних сооружений, километра два длиной, ограничена с запада, севера и востока руслом реки, а с юга древним ярусом высокого берега, на котором стоит с. Красногорское.

И. Я. Словцов, 1887, 231—237.

542. Верхне-Бешкильские курганы. Верхне-Бешкильская, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Верхне-Бешкиль — левый приток Исети. Табл. 3б; в-13; 56°20′; 65°30′.

И. Я. Словцов говорит о трех курганах, находящихся около деревни.

И. Я. Словцов, 1887, № 228—230.

543. Ирюмские 1-е курганы. Рафайлово и Исетское, села Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Исети. Табл. 3б; в-12; 56°20′; 65°00′.

По данным И. Я. Словцова, «между указанными селами вблизи Исети разбросано много курганов, отчасти распаханных; 18 из них имеют еще ясные очертания. Между ними один, лежащий на холме близ р. Ирюма, не доезжая 7 верст до Исетского села, самый большой, 5 аршин высоты и 50 аршин в окружности. Кругом него — вал в 1 арш. вышины и ров 2 арш. глубиной».

И. Я. Словцов, 1887, № 203—220.

544. Ирюмские 2-е курганы. К северу от Ирюмских 1-х курганов (см. № 543) лежит еще группа из 7 малых насыпей.

И. Я. Словцов, 1887, № 221—227.

545. Ирюмское (Юрюмское) городище. Исетское, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ирюм (Юрюм) — левый приток Исети. Табл. 3б; в-12; 56°20′; 65°00′.

В. М. Флоринский сообщает, что в 5—7 км от с. Исетского к западу, на р. Орюме (Ирюме), есть высокий красивый береговой мыс, обнесенный земляным валом и рвом, около 215 м в окружности; внутри этого пространства, называемом «Чудским городищем», стоит земляной курган.

Вероятно об этом же городище упоминает и Голодников.

К. Голодников, 1879, стр. 14; В. М. Флоринский, 1894, стр. 234.

546. Рафайловский курган. Рафайлово, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Исети. Табл. 3б; в-12; 56°20′; 65°00′.

К. Голодников указывает курган в 2,5 км от села.

К. Голодников, 1879, стр. 14.

547. Рафайловское 1-е городище. Близ с. Рафайлово (см. № 546) находится городище, имеющее 42,5 м в поперечнике, окруженное валом и рвом. С южной стороны вала к нему идет проход в 3,2 м шириной.

К. Голодников, 1879, стр. 14; И. Я. Словцов, 1887, № 201.

548. Рафайловское 2-е городище. В 425 м от Рафайловского 1-го городища (см. № 547) лежит второе городище — 28 м в поперечнике, также окруженное валом и рвом; справа от него вырыта глубокая яма.

И. Я. Словцов, 1887, № 202.

549. Мостовские курганы. Мостовское, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Мостовка — левый приток Исети. Табл. 3б; в-11; 56°20′; 64°30′.

Большая группа из 13 курганов находится между с. Мостовским и дер. Ключами.

И. Я. Словцов, 1887, № 188—200.

550. Широковский клад. Широково, село Тюменской обл. (б. Шадринский у. Пермской губ.), р. Мостовка — левый приток Исети. Табл. 3б; в-11; 56°20′; 64°30′.

В 1886 г. в Археологическую комиссию доставлены следующие вещи: 1) большой серебряный сосуд в виде ведра, украшенный разным орнаментом; особенно выделяется изображение оленя с какой-то повязкой на шее; 2) серебряная орнаментированная тарелка; 3) серебряная, местами позолоченная, тарелка; 4) серебряная граненая чаша; 5—6) две серебряные гладкие чаши.

О местонахождении вещей сказано, что «все эти предметы найдены в Пермской губернии Шадринском уезде с. Широковском и в Красноуфимском уезде Златоустовской волости, близ дер. Шихаровой».

ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXIII.

551. Кодские курганы. Кодское, село Курганской обл. (б. Тобольская губ.), р. Исеть. Табл. 3б; в-12; 56°20′; 64°30′.

И. Я. Словцов, говоря о курганах, расположенных по Исети, отмечает, что они начинаются от самой границы Тобольской губ., но встречаются единично, и только от с. Кодского располагаются группами.

И. Я. Словцов, 1887.

552. Мурзинское городище. Мурзина, деревня Курганской обл. (б. Мехонская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Исеть. Табл. 3б; г-11; 56°00′; 64°30′.

Сведения о городище дает Т. Успенский, который пишет: «Самые замечательные из них (городищ) находятся на крутых приисетских горах близ Мехонской слободы перед дер. Мурзиной. Вот описание одного из этих укреплений. Довольно высокая гора выдается мысом в обширную долину. Верх горы опоясан довольно широким уступом. На самой верхней площади горы возведен земляной вал с выходами и боковыми бойницами. Все сделано столь прочно, что самое время не могло уничтожить земляного вала, сооруженного из слабого грунта и возвышающегося над поверхностью земли не более как на полтора аршина».

Т. Успенский, 1859, стр. 6.

553. Новоиковский 1-й курган. Новоиковская, деревня Курганской обл. (б. Тобольская губ.), верховья небольшого правого притока Исети. Табл. 3б; д-11; 55°40′; 64°30′.

По данным И. Я. Словцова, «в 60 саж. на СВ от дер. Новоиковская и в 15 саж. направо от проселочной дороги есть курган 3 арш. высоты и 105 арш. в окружности».

И. Я. Словцов, 1887, № 517.

554. Новоиковский 2-й курган. И. Я. Словцов указывает второй курган в 1,5 верстах от д. Новоиковская (см. № 553) и в 1 версте от р. Ика. Курган высотой 3 арш. и в окружности 84 арш. Насыпь суглинисто-песчаная.

И. Я. Словцов, 1887, № 518.

555. Усть-Миасские курганы. Усть-Миасское, село Курганской обл. (б. Шадринский у. Пермской губ.), левый берег р. Миасса — правого притока Исети. Табл. 3б; г-10; 56°00′; 64°00′.

В ГИМ имеется коллекция предметов из курганов близ с. Усть-Миасского из собрания Уварова, сборы В. Шишонко (см. ГИМ, коллекция № 54733).

556. Бакланский могильник. Эпоха бронзы. Бакланское, село Каргопольского р-на Курганской обл. (б. Шадринский у. Пермской губ.), р. Миасс — правый приток Исети. Табл. 3б; д-10; 55°40′; 64°00′.

В 2,15 км от села расположен древний бескурганный могильник. Оползни почвы обнаружили до 35 могил. Одна из них, наиболее сохранившаяся, раскопана. В яме размерами 1,15×0,27 м, расположенной с северо-востока на юго-запад, обнаружены два детских скелета, лежавшие на левом боку, головой на запад. При них оказались: старый сосуд, покрытый тонким орнаментом, обломки медных тонких браслетов, очень выпуклых, и 2 подвесочки из зубов животных. Могила была обставлена досками вдоль северной стороны и покрыта ими сверху.

Могильник исследован в 1913 г. В. П. Бирюковым и в 1914 г. — В. Я. Толмачевым.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 174; В. П. Бирюков, 1926; К. В. Сальников, 1951, стр. 102 и др.

557. Бакланские курганы. Вблизи Бакланского могильника (см. № 556) расположена группа из 14 низких курганов, обследованных В. Я. Толмачевым. Почти все курганы были уже уничтожены. В раскопанной насыпи найден лишь черепок сосуда из глины с тальковой примесью.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

558. Бакланское селище. Близ с. Бакланского (см. № 556) расположено селище, обследованное В. Я. Толмачевым.

К. В. Сальников, 1951, стр. 103 и др.

559. Барсуковская (Татарский Бор) стоянка. Неолит (?). Барсукова, деревня Каргопольского р-на Курганской обл., р. Миасс — правый приток Исети. Табл. 3б; д-10; 55°40′; 64°00′.

Близ деревни, на дюне, называемой Татарский Бор, проводились раскопки, давшие материал, аналогичный Андреевской 2-й стоянке (см. № 443). Находки поступили в ГИМ (коллекция № 50022).

П. А. Дмитриев и К. В. Сальников отмечают неолитический облик стоянки.

П. А. Дмитриев, 1938, стр. 102; 1951_1, стр. 13 и др.; В. Н. Чернецов, 1947_2, стр. 66; К. В. Сальников, 1951, стр. 97 и др.

560. Смолинская стоянка. Неолит. Близ г. Челябинска, оз. Смолино — правый берег р. Миасса — правого притока Исети. Табл. 3б; ж-4; 50°00′; 61°00′.

В 1925 г. С. Н. Дурылиным на юго-западном берегу оз. Смолина открыта мастерская кремневых орудий. Обнаружены в большом числе кремневые ножички, скребки, молотки и огромное количество кремневых отщепов и осколков. Стоянка открыта благодаря обмелению озера.

К. В. Сальников считает, что эта стоянка относится к неолиту и может быть датирована III тысячелетием до н. э.

С. Н. Дурылин, 1927_1, стр. 108, 121; К. В. Сальников, 1951, стр. 96.

561. Челябинские (Алакульские, Исаковские 1-е, 2-е, 3-е, 4-е и 5-е, Першинские, Пивкинские, Синеглазовские, Смолинские 1-е и 2-е, Сосновские 1-е, 2-е и 3-е, Сухомесовские, Федоровские, Черняковские 1-е, 2-е и 3-е, Чуриловские) курганы. Эпоха бронзы. Челябинск, город Челябинской обл., р. Миасс — правый приток Иссти. Табл. 3б; ж-4, ж-5, ж-6.

В окрестностях Челябинска находится несколько групп курганов, обследованных и раскопанных в разное время Н. К. Минко, С. Н. Дурылиным и К. В. Сальниковым. Большинство исследованных курганов относится к разным стадиям андроновской культуры.

Н. К. Минко, 1907, стр. 105; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 192; С. Н. Дурылин, 1927_1,

стр. 105—122; 1927₂, стр. 56—71; К. В. Сальников, 1940₂, стр. 58—68; 1941, стр. 152; 1947, стр. 231—233; 1949, стр. 55, 65, 86; 1951, стр. 110 и др.

562. Кысы-Кульская стоянка. Энеолит. Миасс, город Челябинской обл., оз. Кысы-Куль, верховья р. Миасса — правого притока Исети. Табл. 3б; ж-2; 55°00′; 60°00′.

В 1937 г. К. В. Сальниковым произведены раскопки стоянки на берегу оз. Кысы-Куль, в 10 км к северу от г. Миасса. Вскрыто 244 кв. м. При раскопках найдено много каменных орудий: наконечники стрел, ножи, скребки, топоры, долота и т. п. Обнаружена мастерская каменных орудий. Находки могут быть отнесены к переходной эпохе от неолита к бронзе и датируются К. В. Сальниковым первой половиной II тысячелетия до н. э.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 220—221; В. В. Гольмстен, 1938, стр. 247; К. В. Сальников, 1949, стр. 17—18.

563. Мулдаевские (Мулдашевские) чудские копи. Мулдашево (Мулдаево), деревня Челябинской обл. (б. Уфимская губ.), верховья р. Ужала — левого притока р. Миасса — правого притока Исети. Табл. 3б; з-1; 54°40′; 59°30′.

М. В. Малахов пишет: «Горный инженер Редикорцев сообщил мне, что по восточному склону хребта в Миасской дистанции и далее к югу были встречены остатки древних чудских копей около Мулдашева».

М. В. Малахов, 1882, стр. 16.

564. Мулдаевские (Мулдашевские) находки. В 1887 г. во время экспедиции на Урал Д. Н. Анучина и др. установлено, что в окрестностях дер. Мулдашевой (см. № 563) находили в глине на глубине 3 м древние орудия из красной меди: копья, ножи, кирки, а также изделия из оленьего рога со вставленными кремневыми пластинами.

Д. Н. Анучин, 1887₂.

565. Мулдаевские (Мулдашевские) курганы. Д. Н. Анучин упоминает о курганах близ дер. Мулдашевой (см. № 563), которые копал Р. Г. Игнатьев в 1865 г.

Д. Н. Анучин, 1887₂; «Уфимские губернские ведомости», 1865, № 65.

566. Сыростанские находки. Сыростан, деревня Челябинской обл. (б. Троицкий у. Оренбургской губ.), верховья р. Уржумки — правого притока р. Миасса — правого притока Исети. Табл. 3б; ж-1; 55°00′; 59°30′.

Близ деревни на берегу реки найдены осколки кремня, скребки и глиняные черепки.

Д. Н. Анучин, 1887₂.

567. Липняговская находка. Липнягова, деревня Курганской обл. (б. Усть-Миасская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Исеть. Табл. 3б; г-10; 56°00′; 64°00′.

Близ деревни найден бронзовый котел, снимок с которого помещен в работе К. В. Сальникова.

К. В. Сальников, 1949, стр. 81.

568. Могилевские находки. Могилева, деревня Курганской обл. (б. Кондринская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Исеть. Табл. 3б; г-10; 56°00′; 64°00′.

На дюне близ дер. Могилевой обнаружен ряд вещей, в том числе кольцо, которое В. П. Левашева сравнивает с находкой на Вознесенском городище (см. № 733). Памятник имеет несколько наслоений, верхнее датируется татарскими монетами XVI в.

Ю. П. Аргентовский, 1911, стр. 31; В. П. Левашева, 1928₁, стр. 91; П. А. Дмитриев, 1951₂, стр. 32.

569. Полевское городище. Полевая, деревня Курганской обл. (б. Осиновская вол. Шадринского у. Пермской губ.), правый берег Исети. Табл. 3б; г-9; 56°00′; 63°30′.

Близ деревни на узком мысу расположено городище, укрепленное двумя валами. Длина его до 60 м, ширина 25 м, высота вала 1 м.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 219.

570. Полевские курганы. Близ дер. Полевой (см. № 569), в районе Полевского городища В. Я. Толмачев отмечает группу курганов.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

571. Черемисские курганы. Черемисское, село Курганской обл. (б. Шадринский у. Пермской губ.), левый берег р. Барневы — правого притока Исети. Табл. 3б; г-9; 56°00′; 63°30′.

А. А. Спицын пишет: «У села Черемисинского какой-то вал, а за ним небольшие возвышения, как бы намогильные, и несколько курганов (сведения П. Ф. Первушина)».

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 218.

572. Песчано-Таволжанская находка. Песчано-Таволжанское, село Бату-

ринского р-на Курганской обл., оз. Песчаное, верховья р. Солодянки — правого притока Исети. Табл. 3б; д-9; 55°40′; 63°30′.

В Шадринском музее имеется камень, одна сторона которого выделана в виде головы барана. Находка входила в состав клада каменных предметов, обнаруженных в 1914 г. во время распашки целины в урочище «Кладовое» в окрестности с. Песчано-Таволжанского. Камень доставлен в Шадринский музей в 1928 г. крестьянкой Т. Д. Сараевой. К сожалению, не отмечено, какие еще предметы входили в состав клада.

П. А. Дмитриев, 1948, стр. 16.

573. Брюхановский клад. Брюхановский выселок, Курганской обл. (б. Уксянская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Барнева — правый приток Исети. Табл. 3б; д-8; 55°40′; 63°00′

В 1883—1884 гг. в Археологическую комиссию доставлены вещи, случайно найденные близ выселка: золотые пластинки, повидимому от ножен мечей, рукоятка меча, серебряные пряжки, одна из которых украшена большим сердоликом, серебряные кольца и прочие предметы.

ОАК за 1882—1888 гг., стр. LVI.

574. Бакалдинское 1-е городище. Бакалды, деревня Курганской обл. (б. Барневская вол., Шадринский у. Пермской губ.), р. Исеть. Табл. 3б; г-9; 56°00′; 63°30′.

В 3—5 км. ниже г. Шадринска на Исети находится городище треугольной формы. Длина сторон по 100 м, длина валов 115 и 70 м, высота берега 17 м, высота внутреннего вала 3,5 м, внешнего — всего 1 м.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 219.

575. Бакалдинское 2-е городище. Близ д. Бакалды, рядом с Бакалдинским 1-м городищем (см. № 574) находится второе, небольших размеров, также треугольной формы, огражденное валом и рвом. Длина рва 35 м, высота вала 1,7 м, высота берега 16 м.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 119.

576. Ново-Воробьевская стоянка. Неолит. Ново-Воробьево, деревня Шадринского р-на Курганской обл., р. Исеть. Табл. 3б; г-9; 56°00′; 63°30′.

Близ деревни расположена стоянка, судя по находкам керамики — неолитического облика.

К. В. Сальников, 1951, стр. 97 и др.

577. Шадринские курганы. Шадринск, город Курганской обл., левый берег Исети. Табл. 3б; г-9; 56°00′; 63°30′.

В. Я. Толмачев отмечает три группы курганов в окрестностях города.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

578. Шадринское городище. К западу от г. Шадринска (см. № 577) на левом берегу Исети, покрытом сосновым лесом, расположено городище. В историческом обзоре И. Я. Словцова показано, что в 1662 г., во время заселения Шадринска вычегодскими переселенцами, валы и рвы были «в настоящем виде». В 1912 г. разведки на городище производил студент Петербургского университета Ю. П. Аргентовский. Находки незначительны.

ЖМВнД, 1855; ЖМНП, 1855, стр. 91; ОАК за 1912 г., стр. 98, 105; К. В. Сальников, 1949, стр. 68 и др.

579. Мыльниковское 1-е городище. Мыльникова, деревня Курганской обл. (б. Сухринская вол. Шадринского у. Пермской губ.), левый берег Исети. Табл. 3б; г-9; 56°00′; 63°30′.

Городище находится близ д. Мыльниковой, километрах в 8—9 выше г. Шадринска. Оно окружено двумя параллельными валами и рвами подковообразной формы. Концы валов теряются в обрыве берега. Длина внутреннего вала 98 м, длина внешнего 172 м, длина линии берега 100 м, высота внутреннего вала 2,5 м, высота внешнего 1,1 м, высота берега 16 м. Площадка сильно изрыта ямами.

Расположено городище на левом высоком берегу прежнего русла Исети.

А. Н. Зырянов, 1863, стр. 407; В. М. Флоринский, 1894, стр. 236; А. А. Спицын, 1906₁, стр. 218.

580. Мыльниковское 2-е городище. Рядом с Мыльниковским 1-м городищем (см. № 579) расположено другое, весьма небольших размеров, с валом полукруглой формы. Длина городища 21 м, высота вала 0,6 м, длина вала 36 м. Городище сильно изрыто.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 218—219.

581. Мыльниковские курганы. В районе Мыльниковских городищ (см. № 579) В. Я. Толмачев отмечает значительную группу курганов. Среди шадринских курганов это самая значительная группа.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

582. Барминское селище. Эпоха бронзы. Бармино, село Шадринского р-на Курганской обл., р. Исеть. Табл. 3б; г-9; 56°00′; 63°30′.

Близ села расположено селище, обследованное К. В. Сальниковым.

К. В. Сальников, 1951, стр. 103 и др.

583. Замараевские курганы. Замараевское, село Шадринского р-на Курганской обл., левый берег Исети. Табл. 3б; г-8; 56°00′; 63°00′.

В окрестностях села расположено много курганов. Некоторые из них очень большие, другие (бо́льшая часть) — почти слившиеся с поверхностью земли. В 1866, 1867, 1870 и 1871 гг. раскопки курганов производил А. Н. Зырянов. В 1878 г. несколько курганов раскопал Н. Ю. Зограф, давший подробное описание раскопок и находок. В 1887 г. экспедицией на Урал Д. Н. Анучина, Ф. А. Уварова и др. раскопано 7 курганов. В 1946 г. проведены раскопки К. В. Сальниковым.

Курганы расположены группами: первая находится в 0,5 км к востоку от села, на местности, представляющей обширный полуостров треугольной формы с закругленной вершиной; две стороны этого неправильного треугольника, обращенные к юго-западу и северо-западу, граничат с рукавами небольших озер, остающихся от разлива Исети; третья сторона примыкает к более высоко лежащим полям. Весь треугольник сплошь покрыт остатками множества курганов. Выделялись 7 громадных курганов, из которых два раскопаны А. Н. Зыряновым, один Н. Ю. Зографом и четыре распаханы и засеяны.

Большой курган, раскопанный Н. Ю. Зографом, имел 112 м в окружности и 1,96 м высоты. При раскопке сейчас же под дерном оказались кости лошадей; некоторые из костей были обожжены. При углублении на 26,6 см показалась масса черепков. Некоторые «чрезвычайно резко и оригинально» исчерчены рисунками. Черепкам сопутствовали кости лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, грызунов и медведя (?). На глубине 0,71 м найдены горшок с круглым дном и крошечная глиняная разбитая чашка. На глубине 1,78 м появились человеческие кости, но совершенно истлевшие.

Малые курганы, раскопанные тем же исследователем, очень низки. Их можно было различить только по углублениям в середине; эти углубления находятся чаще всего не над самими захоронениями, а между двумя костяками. Скелетов нередко бывает два, три, даже пять, но обыкновенно только два принадлежат взрослым, остальные — детские. Только в трех случаях Н. Ю. Зограф нашел скелеты в лежачем положении, ориентированными на запад. По большей части кости были перемешаны (череп находился на поясничных позвонках; шейные позвонки и ребра — на 1,06 м восточнее черепа, кости ног смешаны с костями рук и т. д.). Н. Ю. Зограф предполагает, что неправильные кучи костей — остатки захоронений в стоячем положении. Вещей в погребениях найдено немного. Это — железные, бронзовые, серебряные, костяные, каменные изделия:

железные: огнива, стремена, удила, наконечники копий, крюк и неопределенные комки ржавчины;

бронзовые: серьга, кольцо и пуговицы;

медные: перстень, побрякушки с одежды;

костяные: наконечник стрелы и какая-то точеная вещь вроде мундштука от трубки;

каменные: пластинка вместе с кремнем, должно быть огниво, какая-то кремневая призмочка и несколько обделанных кремней;

бусы: большая, пестро раскрашенная, к сожалению, разбитая, стеклянные бусы, очень изящные, вызолоченные внутри, разваливающиеся при прикосновении, а также несколько мелких бусин.

Черепа напоминают монгольские, некоторые очень типичны.

Вероятно в этой же группе курганов произведены раскопки экспедицией 1887 г. В дневнике Ф. А. Уварова об этом записано: «Курганы около с. Замараевского (высота менее 1 арш., окружность 25 арш.).

№ 1. Могила высечена в желтом грунте; направление могилы северо-запад — юго-восток. Длина ее 7 ф. 3 дм., ширина 2 ф. 3 дм., глубина 10 дм. Кости совершенно истлели. Положения костяка определить

нельзя. Черепные кости — в середине могилы. Около костей рук — железный нож. Около ног — кусок железа. Могила обложена деревом и берестой. Снизу под костяком положено также дерево. У северо-восточной стенки могилы — половина железных удил.

№ 2. Размеры кургана такие же, как и № 1. Над грунтом и могилой найдены бронзовая пуговка, кости грызуна. Могила длиной 5 ф. 10 дм., шириной 1 ф. 11 дм.; направление ее подобно направлению № 1. В середине могилы — железный нож с деревянным черенком. Кости истлели. Следов дерева и бересты нет.

№ 3. Размеры кургана, могилы и погребение — как № 1. Кости истлели. Ориентирован костяк был на запад. В восточном углу могилы — обломки железного толстого кольца и ножа.

№ 4. Размеры и погребение подобны размерам и погребению № 1. Оно было ориентировано на запад; ноги направлены на восток. Череп лежал почти в середине могилы; под ним — другие кости (не в сидячем ли положении был костяк?). В западном углу могилы — обломок железного ножа, две стеклянные бусы и кусок железа.

№ 5 подобен № 1. Кости в беспорядке свалены посредине могилы. Вещей нет.

№ 6. Кости истлели. Вещей нет.

№ 7. Погребение подобно погребению № 1. Кости, лежавшие, видимо, в беспорядке, совершенно истлели. Среди находок — кость животного, глиняные черепки с узорами и без них, бронзовое колечко.

Курганы расположены рядом друг с другом. Бóльшая их часть разрыта А. Н. Зыряновым».

Описанная выше группа курганов находится приблизительно в полукилометре от замараевской церкви, около выселка, называемого Бутырками.

К северу от с. Замараевского расположена другая группа курганов. Н. Ю. Зограф дает следующее описание: «На краю гористого берега долины, верстах в 3 от церкви, тянутся параллельно реке 11 гигантов-курганов. Они расположены в два ряда; передний, лежащий по самому склону, состоит из 7, задний — из 4 курганов. Эта местность называется Червотоком; самые курганы лежат позади поля, которое окружено лиственным лесом. Один из этих громадных курганов был мною раскопан; он был гораздо меньше остальных, полураспахан, и все-таки имел 34 саж. в окружности и 3 арш. в высоту. На глубине 2 арш. 12 верш. найдены в двух местах протянувшиеся от запада к востоку, хорошо сохранившиеся толстые доски в два слоя; между слоями досок — развалившиеся в порошок кости, без украшений. Около досок в ногах в обоих случаях найдены костяные стрелы, по форме совсем похожие на наконечники из Ильинского костища. (Ильинское костище находится на р. Обве — притоке р. Камы, близ г. Молотова.— *И. Т.*). В головах в одном случае найдены черепки; в другом — горшок».

Н. Ю. Зограф, 1879₁, стр. 161, 197—199; 1879₂, стр. 182; 1879₃, стр. 13; 1879₄; А. Н. Зырянов, 1883, стр. 74 и сл.; Ф. А. Уваров, 1887; П. А. Дмитриев, 1929, стр. 188; О. Н. Бадер, 1948, стр. 78.

584. Замараевское городище. Близ с. Замараевского (см. № 583) на левом берегу Исети находится городище. Валы и рвы его круглой формы, около 192—277 м в окружности. Городище сильно разрушено.

А. Н. Зырянов, 1863, стр. 407; 1883, стр. 75; В. М. Флоринский, 1894, стр. 236.

585. Замараевское селище. Эпоха бронзы. В 1946 г. К. В. Сальников раскопал близ с. Замараевского (см. № 583) селище.

О. Н. Бадер, 1948, стр. 78; А. П. Смирнов, 1948, стр. 111; К. В. Сальников, 1951, стр. 104 и др.

586. Замараевские находки. Близ с. Замараевского (см. № 583) в 1889 г. найден бронзовый сосуд, поступивший в Екатеринбургский музей.

В ГИМ хранятся 5 таблиц (инвентарный № 44762) с материалом из окрестностей с. Замараевского. Материал разнообразен по времени. Имеются каменное долото, керамика, бронзовые и железные вещи.

ОАК за 1889 г., стр. 92, 120.

587. Максимовские курганы. Максимова, деревня Шадринского р-на Курганской обл. (б. Замараевская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Исеть. Табл. 3б; г-8; 56°00′; 63°00′.

К западу от с. Замараевского, в 6,5 км от церкви, между деревнями Коротковой и Максимовой находится очень интересная, но почти совершенно разрушенная группа курганов, обнесенная большим валом 385 м

в окружности. Внутри этого кольцеобразного вала, а также и вне его, расположены разрушенные курганы, числом до 18. Раскопки Н. Ю. Зографа в 1878 г. восьми из них не дали результатов. Найдены лишь следы железной ржавчины. Лучшие результаты дали раскопки одного из курганов внутри вала. Размеры его достигали до 61 м в окружности при длине 25 м и ширине 12 м. Высота не более 1,2 м. Кости оказались разрушившимися. Найдены: масса глиняных черепков, весьма грубо исчерченных разными рисунками, большая глиняная бусина, покрытая ямками, и кусок какой-то медной вещицы.

А. Н. Зырянов, 1863, стр. 411; Н. Ю. Зограф, 1879_1, стр. 200; 1879_2, стр. 184; А. А. Спицын, 1906_1, стр. 218.

588. Максимовская находка. VI—III вв. до н. э. В Шадринском музее хранится камень с изображением головы барана, найденный Я. И. Фроловым в 1903 г. в урочище Ближняя Ольховка, близ д. Максимовой (см. № 587). Условия, при которых сделана находка, неизвестны.

П. А. Дмитриев в работе, посвященной изучению аналогичных изображений, пишет: «...можно более уверенно отнести камни с головами баранов к кругу скифо-сарматских памятников, характерных для Зауралья, и определить время их бытования эпохой между VI и III вв. до н. э.».

П. А. Дмитриев, 1948, стр. 15, 20.

589. Крутихинские курганы. Крутихинская, деревня Курганской обл. (б. Крутихинская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Исеть. Табл. 3б; г-8; 56°00′; 63°00′.

Вблизи деревни находится группа курганов, имеющих тот же тип, как и Замараевские (см. № 583).

Н. Ю. Зограф, 1879_1, стр. 200.

590. Нижнеярские курганы. Нижнеярская, деревня Курганской обл. (б. Далматовская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Исеть. Табл. 3б; г-8; 56°00′; 63°00′.

Близ деревни находится группа курганов.

Н. Ю. Зограф, 1879_1, стр. 200.

591. Муслюмовское городище. Муслюмова, деревня Кунашакского р-на Челябинской обл. (б. Течено-Башкирская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Теча — правый приток Исети. Табл. 3б; е-5; 55°20′; 61°30′.

При разведках на городище близ д. Муслюмовой, проведенных В. Г. Дружининым, собраны кости и черепки глиняных сосудов типа встреченных на Иртяшском и иных древних городищах края.

ОАК за 1895 г., стр. 39.

592. Муслюмовский клад. Близ дер. Муслюмовой (см. № 591) найден клад золотых и серебряных вещей, состоящий из золотой пластинки, золотого полого цилиндра, украшенного филигранью, серебряных позолоченных пряжек и бляшек и серебряного кольца от удил. Находка передана в Эрмитаж.

Клад обнаружен случайно. Доследование В. Г. Дружинина показало, что вещи найдены сложенными в яме, не более 0,36 куб. м вместимостью и наполненной черноземом. Раскопки, произведенные вокруг ямы в ширину до 8,5 м, не обнаружили здесь никаких других ям или отдельных находок.

ОАК за 1895 г., стр. 39.

593. Муслюмовский курган. В окрестностях дер. Муслюмовой (см. № 591) вблизи находки клада В. Г. Дружинин раскопал невысокий курган, под которым в небольшой грунтовой яме лежал истлевший костяк в скорченном положении.

ОАК за 1895 г., стр. 39.

594. Кишкинский курган. В 10 км от дер. Муслюмовой, Кунашакского р-на Челябинской обл. (б. Шадринский у. Пермской губ.), р. Кишка — приток р. Течи — правого притока Исети. Табл. 3б; е-5; 55°20′; 61°30′.

В 1895 г. В. Г. Дружининым на берегу р. Кишки раскопан курган с насыпью в 1,7 м, прикрывавшей собой очень глубокую (свыше 3,2 м глубины) грунтовую яму, в которой обнаружен скелет в сидячем положении. Вещей не было. Над ямой находились остатки кострища и несколько костей коня и птиц. На погребенной поверхности в разных местах найдены бронзовые, согнутые из толстого дрота удила и две железные псалии; во всех слоях насыпи попадались черепки глиняных сосудов и бронзовые наконечники стрел. Повидимому курган в нижней части был обложен деревянным кругляком и могила первоначально имела вид камеры, прикрытой сверху деревом. На верху кургана находи-

лась довольно значительная овальная впадина, образовавшаяся от оседания насыпи в яму; в западной стороне этой впадины найден обломок человеческого черепа и при нем бронзовый наконечник стрелы.

ОАК за 1895 г., стр. 39.

595. Зюзелкинская находка. Аргаяшский р-н Челябинской обл. (б. Екатеринбургский у. Пермской губ.), р. Зюзелка — правый приток р. Течи — правого притока Исети. Табл. 3б; е-3; 55°20′; 60°30′.

Бронзовый наконечник копья пламевидной формы найден на р. Зюзелке. Находка передана в ГИМ.

ОАК за 1896 г., стр. 128.

596. Индеево, стоянка. Неолит. Далматово, город Далматовского р-на Курганской обл., левый берег Исети. Табл. 3б; г-7; 56°00′; 62°30′.

Близ города на песчаной дюне в пойме Исети расположена стоянка. Обследование К. В. Сальникова показало, что на стоянке расположено до 50 ям глубиной около 1 м и диаметром до 10 м. Найдена керамика неолитического облика.

К. В. Сальников, 1951, стр. 97.

597. Суварышское городище. Далматово, город Далматовского р-на Курганской обл., р. Суварыш — левый приток Исети. Табл. 3б; г-7; 56°00′; 62°30′.

Городище находится в 6,4 км к востоку от Далматова на правой стороне р. Суварыша, здесь же впадающей в Исеть, почти против устья р. Течи. Валы и рвы этого городища имеют вид неправильного шестиугольника.

В. М. Флоринский, 1894, стр. 234.

598. Суварышские курганы. В окрестностях и на площадке Суварышского городища (см. № 597) находятся земляные курганы.

В. М. Флоринский, 1894, стр. 234—235.

599. Боровское городище. Боровское, деревня Курганской обл. (б. Катайская вол. Камышловского у. Пермской губ.), левый берег Исети. Табл. 3б; г-7; 56°00′; 62°30′.

Городище находится несколько выше деревни. При рытье ям всюду находили мощный культурный слой с черепками, костями животных, костяными и каменными вещами, пластинками меди; встречены также остатки досок и бревен.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 219.

600. Улугушская крепость. Улугушская, деревня Курганской обл. (б. Петропавловская вол. Шадринского у. Пермской губ.), озера Улугуш и Червяково, километрах в 30 от правого берега Исети. Табл. 3б; г-6; 56°00′; 62°00′.

А. Н. Зырянов приводит описание крепости, построенной, по преданию, при Пугачевском восстании русскими крестьянами дер. Улугушской для защиты от башкир.

А. Н. Зырянов, 1863, стр. 413.

601—603. Ильинские 1-е, 2-е и 3-е городища. Ильинское, село Курганской обл. (б. Ильинская вол. Камышловского у. Пермской губ.), правый берег Исети. Табл. 3б; г-7; 56°00′; 62°30′.

По Исети у с. Ильинского, на расстоянии до 2 км один от другого, расположены три городища с валами полукруглой формы. В районе городищ — большая площадка, занятая ямами, в которых попадаются угли, глина, смешанная с черноземом, черепки, подобные городищенским. Находки пока не определяют времени существования городищ.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 218.

604. Катайское городище. Катайский р-н Курганской обл. (б. Катайская вол. Камышловского у. Пермской губ.), устье р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-6; 56°00′; 62°00′.

Городище расположено на мысу. Вал один. На площадке две большие ямы, в которых встречаются в изобилии железная руда и шлаки. Встречены черепки сосудов из глины с примесью слюды (?), много костей животных, глиняное грузило. Руда находится не ближе Каменских заводов, в 48 км от с. Катайского. Близ городища по берегу реки попадается масса черепков грубой работы, значительной толщины, из глины без примеси слюды.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 218.

605. Никитинское селище. Неолит. Никитинская, деревня Катайского р-на Курганской обл. (б. Камышловский у. Пермской губ.), устье р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-6; 56°00′; 62°00′.

Близ деревни расположено селище, на котором встречена керамика неолитического облика.

К. В. Сальников, 1951, стр. 97.

606. Казаковские чудские копи. Казакова, деревня Челябинской обл. (б. Камышловский у. Пермской губ.), устье р. Багаряка — левого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-5; 56°00′; 61°30′.

И. И. Лепехин пишет: «В 10 верстах от Колпаковой р. Багаряк соединяется с р. Синарой, при которой поселена деревня, Казакова прозываемая. Хотя деревня сия стоит на угористом месте, однако на горных подолах изрядные и тучные находятся поля. При ней видны следы обитавшего некогда народа. Тут много находилось старинных копей на левом берегу по течению Синары; а в полуверсте от сих копей стоит ровная гора, с которой во все стороны изрядный представляется вид и которая также о бывших чудских рудокопных промыслах свидетельствует, ибо на ней видны впадины, какие при обыкновенных и старинных шурфах применяются. Но для какого металла древние обитатели трудились, заподлинно сказать трудно... Соседственная сим местам копь, в самой поскотине дер. Казаковой находящаяся, уже некоторую надежду к отысканию лучших металлов около сих мест подавала».

И. И. Лепехин, 1821, стр. 210—212.

607. Шаблишские курганы. Зотино, деревня Челябинской обл. (б. Камышловский у. Пермской губ.), оз. Шаблиш, левый берег р. Багаряка — левого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-5; 56°00′; 61°30′.

В. Я. Толмачев отмечает группу курганов у оз. Шаблиш, по р. Багаряку.

А. А. Спицын, 1906_1, стр. 221.

608. Багарякские чудские копи. Багаряк, село Багарякского р-на Челябинской обл. (б. Багарякская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), левый берег р. Багаряка — левого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-4; 56°00′; 61°00′.

М. В. Малахов сообщает, что осмотренные им копи близ с. Багарякского (Багаряка) представляют собой жалкие остатки копаней, которые позднейшими отвалами промытого песку значительно изменены и не сохранили прежних очертаний.

М. В. Малахов, 1882.

609. Щелкунская стоянка. Щелкун, село Свердловской обл. (б. Щелкунская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), оз. Щелкун в верховьях р. Багаряка — левого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-3; 56°00′; 60°30′.

Экспедиция на Урал в 1887 г. под руководством Д. Н. Анучина посетила указанную местность. В дневнике Ф. А. Уварова имеется следующая запись: «Озеро Щелкун и село того же имени. К западу от озера в $^1/_2$ версте от него, на пашне, местами заросшей лесом, древнее поселение; лет 30 назад крестьяне находили много (каменных) и бронзовых орудий. Теперь попадаются лишь исключительно черепки, по большей части гладкие, без узора» (2 черепка поступили в Порецкий музей Уварова).

М. В. Малахов, 1882; Ф. А. Уваров, 1887.

610. Щелкунские находки. На северо-западном берегу оз. Щелкун (см. № 609) на пашне находили прежде разные вещи, равно как и много шлаков и черепков. У крестьян из найденных прежде вещей ничего не сохранилось.

М. В. Малахов говорит о находках остатков сосудов на мысу за оз. Щелкуном и Соковьей горой. Черепки без орнамента; лицевая поверхность не особенно гладка; краевой загиб не рельефен.

М. В. Малахов, 1882; Ф. А. Уваров, 1887.

611. Космаковские (Казаринские) курганы. Космакова (Казарина), деревня Свердловской обл. (б. Щелкунская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), оз. Багаряк в верховьях р. Багаряка — левого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; в-3; табл. 6; 56°20′; 60°30′.

В дневнике Ф. А. Уварова, бывшего в 1887 г. на Урале в экспедиции под руководством Д. Н. Анучина, есть следующая запись: «Озеро Багаряк (в 8 вер. от оз. Щелкун) дер. Космакова (Казарина).

На восточном высоком берегу озера рядом с деревней Космаковой находится древний могильник. На нем около 20 невысоких курганов, которые уже все перекопаны крестьянами, а два из них Малаховым».

В дневнике Д. Н. Анучина приведены сведения о другой группе курганов (со слов Малахова — чудские могилы) в 1,6 км от первых.

Ф. А. Уваров, 1887; Д. Н. Анучин, 1887_1; Е. М. Берс, 1951, № 242—245.

612. Соляной Брод, городище. Усть-Караболка, деревня Челябинской обл. (б. Шадринский у. Пермской губ.), левый берег р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-5; 56°00′; 61°30′.

На левом берегу р. Синары, ниже устья р. Караболки и дер. Усть-Караболки, в урочище Соляной Брод расположено городище. Вал фигурный, длиной 57 м, длина сторон по 24 м; высота вала 1 м, высота берега 12 м. Культурный слой на глубине 0,5 м, с обычными находками.

А. А. Спицын, 1906[1], стр. 217.

613. Скалистое городище. Против городища Соляной Брод (см. № 612) расположено городище, называемое Скалистое. Вал и ров мало заметны. Длина площадки и вала 18 м. Высота берега 15 м. На окружающих пашнях крестьянами найдены: медный нож с медной же ручкой, расширенной в сторону клинка, медный наконечник копья с вырезами, разные поделки из кости, глиняные и каменные пряслица, птицевидный идол и пр.

А. А. Спицын, 1906[1], стр. 217.

614. Усть-Карабольские курганы. Усть-Караболка, деревня Челябинской обл. (б. Шадринский у. Пермской губ.), устье р. Караболки — правого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-5; 56°00′; 61°30′.

В дневнике Ф. А. Уварова за 1887 г. есть следующая запись: «Село Усть-Карабольское при слиянии рек Караболки и Синары. У самого села на земле крестьян находятся три кургана, один побольше. Последний был рыт крестьянином Крымовым, но не до конца. Находились кости и глиняные черепки».

А. А. Спицын, ссылаясь на В. Я. Толмачева, говорит о группе курганов близ деревни (из них раскопано 4).

Ф. А. Уваров, 1887; А. А. Спицын, 1906[1], стр. 221.

615. Серковские курганы. Серково и Мурино, деревни Челябинской обл. (б. Буринская вол. Шадринского у. Пермской губ.), оз. Маян, вправо от р. Караболки — правого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-5; 56°00′; 61°30′.

На западном берегу оз. Маяна между указанными деревнями расположена группа курганов, тянущаяся цепью с севера на юг, числом до 12 (по сведениям Ф. А. Уварова) и «не менее 50 насыпей» (по сведениям В. Я. Толмачева).

Ф. А. Уваров, 1887; А. А. Спицын, 1906[1], стр. 221.

616. Муринские курганы. На восточном берегу оз. Маяна, против Серковских курганов (см. № 615) находятся два кургана.

Ф. А. Уваров, 1887.

617. Чекуровское городище. Чекурова, деревня Челябинской обл. (б. Буринская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Караболка — правый приток р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-5; 56°00′; 61°30′.

Городище расположено близ деревни; длина вала 60 м, высота его 0,5 м, длина сторон 72 и 25 м. На валу и около него ямы по 0,8 м глубиной.

А. А. Спицын, 1906[1], стр. 217.

618. Чекуровские курганы. Близ дер. Чекурова (см. № 617) А. А. Спицын, ссылаясь на В. Я. Толмачева, отмечает группу курганов. Один из них, высотой около 3 м, раскопан.

В 1887 г. во время экспедиции на Урал Д. Н. Анучина, Ф. А. Уварова, Н. Л. Гондатти и др. раскопано 2 кургана, о чем имеется довольно подробная запись в дневнике Ф. А. Уварова, в которой говорится: «Башкирская деревня Чёкарева (в $1^1/_2$ вер. к югу от села Усть-Карабольского). В 1 версте от деревни, на пашне (по направлению к оз. Маяну) 6 курганов; из них три значительно больше других. Башкиры по всем курганам, кроме одного самого большого, пашут.

№ 1 — большой курган, первый от деревни. Высота 12 фут., окружность 386 фут. Раскопка ведена сначала колодцем, затем, на глубине около $1^1/_2$—2 арш. оставлены запасные площади с северной и южной сторон колодца (рис. 1 — *A* и *B*). На глубине около $3^1/_2$ арш. оставлена запасная площадь в восточном углу образовавшейся траншеи. Курган насыпан из чернозема с легкими прослойками глины с мелкими гальками. На глубине 4 фут. в местах *a* и *b* (рис. 1)

встречены признаки золы и истлевшей бересты. В *c* (глубина 4 фута) — угольки. В центре, на глубине 4 фут. 3 дм.,— небольшая кость. В *b* на глубине 7 фут.— истлевшее дерево и кость. На той же глубине в *a* — позвонок животного, птичьи кости и черепные кости грызуна. На глубине 8 фут. 6 дм. по всей траншее — прослойки белой бересты, под которой на глубине 9 фут. слой желтой

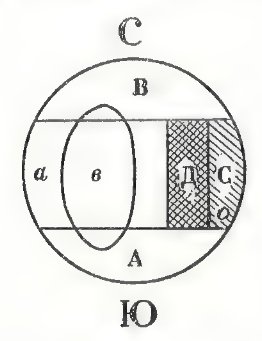


Рис. 1. Чекуровский курган (см. № 618). Схематический план раскопок (по Ф. А. Уварову).

глины с песком толщиной от $2^1/_2$ дм. до 1 фута; под слоем глины прослойка истлевшего дерева. Под глиной опять чернозем. В центре на глубине 11 фут.— несколько крупных звериных костей.

На глубине 13 фут. в самом центре кургана оказалась могила, высеченная в желтом глинистом грунте в виде овальной котловидной ямы, глубиной около 5 фут. На глубине 16 фут. яма с восточной стороны обложена деревянными (сосновыми?) балками, местами обгорелыми. С другой стороны балки прослежены в более слабой степени. На глубине 17—18 фут. найден человеческий остов, рядом с которым (несколько выше) — звериные кости. Человеческие кости в полном беспорядке. Костей рук и одной ноги недостает. Около восточной и юго-западной стенок могилы находилась бо́льшая часть костей. Под ними сохранились норы грызунов. У юго-западной стенки могилы лежал череп, обращенный лицевой частью на запад. У восточной стенки могилы около костей найдено 6 разноцветных граненых бус с медной обделкой, множество мелких стеклянных с позолотой бус, плоские кусочки железа и меди, шесть костяных и несколько бронзовых обломков пластинок. Кости лежали на слое дерева и бересты. Длина могилы от севера к югу 11 фут. 3 дм. Ширина с запада на восток 9 фут. Размеры заложенной траншеи: с запада на восток 17 фут. 10 дм.; с севера на юг 8 фут. 10 дм.

№ 2 — небольшой курган к юго-востоку от № 1 (по той же дороге из Усть-Карабольского в Бурину). Курган распахивается местными башкирами. Заложена траншея шириной с запада на восток 3 арш. В центре на глубине около 1 арш. встречены кости лошади (?), куски дерева и глиняный черепок с узором. На глубине 5 фут. в центре кургана прослежена яма, высеченная в грунте, подобная была в кургане № 1. В могиле, на глубине $3^1/_2$ фут. в юго-восточном углу найдены звериная кость и глиняный черепок грубой работы с примесью слюды».

Ф. А. Уваров, 1887; А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

619. Чекуровские находки. В ГИМ имеется таблица с железными вещами (инвентарный № 44850), поступившая в дар от Московского археологического общества. Вещи найдены близ дер. Чекуровой (см. № 617).

620. Мало-Кызыловские курганы. Мало-Кызылова, деревня Челябинской обл. (б. Буринская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Караболка — правый приток р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; д-5; 55°40′; 61°30′.

А. А. Спицын, ссылаясь на В. Я. Толмачева, говорит о трех группах курганов (по 11—5—10 насыпей) близ деревни.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

621. Больше-Кызыловский клад. Большая Кызылова, деревня Челябинской обл. (б. Буринская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Караболка — правый приток р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; д-5; 55°40′; 61°30′.

В 1905 г. близ деревни на пашне найден клад, поступивший при содействии В. Я. Толмачева в Археологическую комиссию в 1911 г. В состав клада входят: две фигуры пляшущих мужчин с колчанами у левого бока; две мужские фигуры с опущенными руками, длинным мечом, колчаном и кинжалом на правом боку; широкая плоская фигура мужчины, вооруженного мечом и двумя кинжалами; две фигуры мужчин с кинжалом и с птицеобразным существом на

плечах (рисунки находок помещены в ОАК за 1911 г., рис. 122—126). Лица фигур круглые, с выдающимися скулами и подбородками. Оборотная сторона изображений совершенно гладкая. Фигуры вылиты из чистой красной меди очень грубо, и только одна из них подверглась дополнительной обработке. Все изображения или неполны, или поломаны; возможно, что они сохранялись для переливки, как лом. Форма оружия позволяет отнести клад к самому началу нашей эры или к несколько более раннему времени. Находка передана в Эрмитаж.

ОАК за 1911 г., стр. 86 и сл.

622. Кунакбаевские курганы. Кунакбаева, деревня Челябинской обл. (б. Буринская вол. Шадринского у. Пермской губ.), р. Елманчиха — левый приток р. Караболки — правого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; д-5; 55°40′; 61°30′.

А. А. Спицын, ссылаясь на В. Я. Толмачева, отмечает группу курганов близ указанной деревни.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

623. Кунакбаевские находки. В архиве Молотовского (Пермского) музея имеется сведение о том, что учитель С. Я. Кунгурцев нашел двух идолов близ дер. Кунакбаевой (см. № 622).

Архив Молотовского (Пермского) музея.

624. Новое городище. Новая, деревня Челябинской обл. (б. Пермская губ.), правый берег р. Караболки — правого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; д-5; 55°40′; 61°30′.

Городище расположено несколько выше р. Елманчихи — левого притока р. Караболки, близ дер. Новой. Длина городища 65 м, высота вала 0,7 м, высота берега 7 м. На площадке городища видны две ямы и два возвышения.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 217.

625. Сапоговские находки. I тыс. до н. э. Сапогова, деревня Челябинской обл., р. Караболка — правый приток р. Санары — правого притока Исети. Табл. 3б; д-4; 55°40′; 61°00′.

В 1900 г. близ дер. Сапоговой найдены десять отлитых из меди фигурок, изображающих воинов, вооружение которых напоминает сарматское.

В. Н. Чернецов, 1941, стр. 26; К. В. Сальников, 1949, стр. 78.

626. Карабольские курганы. Караболка, деревня Челябинской обл. (б. Карабольская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), верховья р. Караболки — правого притока р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; д-4; 55°40′; 61°00′.

А. А. Спицын указывает, ссылаясь на В. Я. Толмачева, группу курганов близ дер. Русской Караболки.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

627. Огневская находка. Огневское, село Челябинской обл. (б. Екатеринбургский у. Пермской губ.), левый берег р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-5; 56°00′; 61°30′.

В отчете В. Я. Толмачева есть сведение о том, что на Чесноковской пашне, близ с. Ошевского (вероятно, Огневского) найден медный серп, переданный в Екатеринбургский музей.

ОАК за 1913—1915 гг., стр. 175.

628. Чесноковское городище. На правом берегу р. Синары, против Чесноковской мельницы, близ с. Огневского (см. № 627) расположено городище. Ширина его у вала 31 м, длина правой стороны 16 м, левой 23 м, высота вала 1,1 м, высота берега 16 м. На площадке видны четыре ямы глубиной 0,4 м и шириной 1,4 м. В середине вала заметен вход.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 216.

629. Чесноковская стоянка. Недалеко от Чесноковского городища (см. № 628) на низком месте расположена Чесноковская пашня с богатым культурным слоем. Слой обнажен на площади 30×40 м. Здесь, кроме массы черепков глиняной посуды, В. Я. Толмачевым найден медный кельт очень простой формы, несколько каменных изделий, костяной наконечник стрелы, пряслице из головки бедренной кости животного. Основной орнамент керамики — насечка полосками и в елочку; попадается насечка в косой крест, зубчатый орнамент, уголки, кружочки, насечка в угол.

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 216.

630. Чесноковские курганы. В. Я. Толмачев отмечает курганы близ Чесноковского и Каменногорского городищ (см. № 628, 631).

А. А. Спицын, 1906₁, стр. 221.

631. Каменногорское 1-е городище. Близ с. Огневского (см. № 627) на левом берегу р. Синары, недалеко от Чесноковской мельницы расположено городище. Оно обведено валом в виде полукруга длиной 75 м; высота вала 1,4 м. Встречено много обломков глиняной посуды, часто орнаментированной насечкой в косой крест; встречаются и другие виды орнамента, такие же, как на стоянке (см. № 629), а, кроме того, мелкий ямочный и др. Вообще орнамент разнообразен и кажется более ранним, чем на керамике с других близлежащих городищ. Сосуды имеют сильно суженное горло и очень выпуклые плечики; днища не определены, но, возможно, были круглые. На городище встречены фрагменты каменных шлифованных молотков и пряслице.

А. А. Спицын, 1906_1, стр. 217.

632. Каменногорское 2-е городище. Недалеко от Каменногорского 1-го городища (см. № 631) расположено очень небольшое городище. Длина вала 33 м, длина сторон 15 и 14 м, высота вала 0,7 м, высота берега 8 м. Заметны следы рва. В пробном шурфе глубиной около 0,8 м культурного слоя не встречено.

А. А. Спицын, 1906_1, стр. 217.

633. Слободчиково городище. Слободчикова, деревня Челябинской обл. (б. Огневская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), р. Синара — правый приток Исети. Табл. 3б; г-4; 56°00′; 61°00′.

Против деревни на правом берегу р. Синары расположено городище. Длина его 21 м, ширина 19 м, высота валов около 1 м. На левой стороне выступают глыбы известняка.

А. А. Спицын, 1906_1, стр. 216.

634. Пороховские курганы. Пороховая, деревня Челябинской обл. (б. Булзинская вол. Екатеринбургского уезда Пермской губ.), оз. Пороховое на правом берегу р. Синары — правом притоке Исети. Табл. 3б; г-4; 56°00′; 61°00′.

В. Я. Толмачев отмечает несколько курганов близ озера.

А. А. Спицын, 1906_1, стр. 221.

635. Иткульские курганы. Челябинская обл. (б. Екатеринбургский у. Пермской губ.), оз. Иткуль в верховьях р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-3; 56°00′; 60°30′.

В. Я. Толмачев отмечает два кургана на восточном берегу оз. Иткуль.

А. А. Спицын, 1906_1, стр. 221.

636, 637. Иткульские 1-е и 2-е городища. На северном берегу оз. Иткуль (см. № 635) расположены рядом два городища. Они одинакового устройства — в виде полуовала. Одно из них длиной 92 м, шириной 34 м; высота вала 1,4 м, высота берега 15 м. На глубине около 0,3 м встречаются черепки, кости, шлак и небольшие кусочки меди.

Несколько восточнее городищ, в каменоломне, на вершине небольшой горки неоднократно были встречены медные вещи. Так, В. Я. Толмачевым найдены: наконечник стрелы сарматского типа, наконечник копья, две гладкие круглые бляхи с ушком, длинный минусинского типа меч с отверстием на тупом конце. Обнаружены черепки глиняной посуды и осколки кремня.

По берегам озера имеется еще несколько стоянок с такими же находками, как на первом городище.

А. А. Спицын, 1906_1, стр. 215.

638. Аллакские писаницы. Аллак, деревня Челябинской обл. (б. Воскресенская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), оз. Большой Аллак; р. Синара — правый приток Исети. Табл. 3б; д-3; 55°40′; 60°30′.

На берегу озера находятся писаницы, обследованные В. Я. Толмачевым.

ОАК 1913—1915 гг., стр. 175.

639. Воскресенские находки. Воскресенское, село Челябинской обл. (б. Воскресенская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), правый берег р. Синары — правого притока Исети. Табл. 3б; г-3; 56°00′; 60°30′.

В 1905 г. крестьянин с. Воскресенского Кожевников выпахал на пашне около оз. Карагуз 14 древних медных чашек, лежавших в земле в двух стопках по 7 штук, одна подле другой. Эти чашки, вернее блюда, весят каждая свыше 1,4 кг.

В 1902 г. в этой же местности выпаханы небольшие, в виде чайного блюдечка, медные же чашки, также в количестве 14 штук, в двух стопках.

Предполагают, что это утварь живших здесь когда-то татар, бросивших поселения во время набегов Ермака.

Последняя находка медных чаш приобретена от крестьянина Кожевникова музеем УОЛЕ.

ИАК, 1906, стр. 26.

640. Иртяшское 1-е (Островки) городище. I тыс. до н. э. Кыштым, город Челябинской обл., оз. Иртяш — верховья р. Течи — правого притока Исети. Табл. 3б; д-3; 55°40′; 60°30′.

Городище известно очень давно. Впервые на него указал П. С. Паллас. В 1887 г. во время экспедиции на Урал Д. Н. Анучина и др. на городище проведены небольшие раскопки. В дневнике Ф. А. Уварова, участника той же экспедиции, говорится, что это — небольшое городище на островке рядом с южным берегом большого Моськина острова на оз. Иртяше. Вал, направляясь с запада на юго-восток, отделяет южную высокую часть островка. Южная часть городища оканчивается отвесным скалистым обрывом, спускающимся в Иртяш. Работы велись на южной части городища, около самого обрыва в озеро и выше к центру городища. Здесь под слоем дерна и глубже, но не более 0,53 м, в слое черной земли и на самом каменистом грунте острова попадаются в большом количестве черепки глиняной посуды — гладкие и с различными узорами, кости животных (некоторые обожженные), обожженная глина и шлаки. Найден целый небольшой глиняный сосуд с круглым дном, железный нож и до дюжины каменных грузил, по большей части неправильной формы и разбитых.

В 1891—1893 гг. здесь произвел значительные раскопки В. Г. Дружинин. Кругом городища обнаружена каменная булыжная кладка; посредине городища — остаток горна, выложенного слоем обожженной глины. Такие же горны встречены в довольно большом количестве около западной стороны городища; при них попадается много шлака, содержащего до 50% железа.

Из датирующих вещей здесь найдены: скифо-сарматские бронзовые наконечники стрел, медный простой кельт, литейная формочка для стрел, костяные наконечники стрел. Кроме того, собрано много черепков глиняной посуды, костяные поделки, поздние поделки XIII—XIV вв., обломок медного зеркала, серьги со стержнем вниз, медная коническая чудская подвеска и др.

Ф. А. Уваров, 1887; ОАК за 1891 г., стр. 106—107; ОАК за 1893 г., стр. 22; В. М. Флоринский, 1894, стр. 217; В. Н. Чернецов, 1947₂, стр. 71; К. В. Сальников, 1949, стр. 85.

641. Иртяшское 2-е (Белая Галька) городище. Близ Иртяшского 1-го городища (см. № 640), на том же южном берегу оз. Иртяша, на п-ове Белая Галька расположено городище. Правильных раскопок не производилось. Находки: шлаки, глиняные черепки и кости животных.

Ф. А. Уваров, 1887.

642. Иртяшское 3-е (Мокрая Яма, Новая Деревня) городище. На южном берегу оз. Иртяша, близ Иртяшского 1-го городища (см. № 640), у Мокрой Ямы, в урочище Новая Деревня расположено городище, на котором найдены шлаки и глиняные черепки. Правильных раскопок не производилось.

Ф. А. Уваров, 1887.

643. Иртяшское 4-е (Старая Займа) городище. На южном берегу оз. Иртяша, неподалеку от Иртяшского 1-го городища (см. № 640), в местности Старая Займа расположено еще одно городище, на котором также не было правильных раскопок. Находки: шлаки, черепки, кости животных.

Ф. А. Уваров, 1887

644. Иртяшские находки. В ГИМ хранится планшет (инвентарный № 35205), поступивший в дар от Археологической комиссии в 1897 г. Вещи, видимо, из случайных сборов на берегу Иртяшского озера (см. № 640) В. Г. Дружинина в 1892—1893 гг.: скифские стрелы, обломки бронзовых зеркал, маленький втульчатый топор, болгарские серьги и др.

645. Большая Пялляга, городище. Близ оз. Иртяша (см. № 640) расположено оз. Большая Пялляга. На береговом мысу его находится городище, укрепленное валами и рвами в 3,2 м глубины. Площадка городища — 113 м в поперечнике и 247,5 м в длину.

В. М. Флоринский, 1894, стр. 219.

646. Больше-Наногское 1-е городище. Кыштым, город Челябинской обл., оз. Большая Нанога. Табл. 3б; е-3; 55°20′; 60°30′.

Городище расположено в 10,5 км от г. Кыштыма, на острове оз. Большая Нанога, у заимки Карташева, на высоком берегу, вдающемся в озеро. Городище окружено рвом и валом, через которые два въезда: один на восточной стороне, другой — на южной. Крестьяне называют это место «городком». Д. Н. Анучиным в 1887 г. произведены раскопки городища. Найдено много костей животных и птиц, железные шлаки, обожженная глина и черепки глиняной посуды. В 1891—1894 гг. раскопки производил В. Г. Дружинин. Культурный слой на площадке незначителен, около 0,36 м. Открыты остатки нескольких горнов. У подошвы городища встречено много железного шлака.

Под городищем, шагах в 500, близ дороги, в 80-х годах XIX в. при распашке поля найден полый медный зайчик и бронзовое зеркальце, поступившие в ГИМ. Раскопки В. Г. Дружинина на этом месте не дали находок.

Ф. А. Уваров, 1887; ОАК за 1891 г., стр. 106—107, 172, 182; ОАК за 1892 г., стр. 70—71, 154; ОАК за 1894 г., стр. 29, 154; «Указатель выставки при VII Археологическом съезде», 1887, стр. 46; А. А. Спицын, 1906₁, стр. 214; В. П. Левашева, 1928₁, стр. 94; К. В. Сальников, 1949, стр. 85.

647. Больше-Наногское 2-е (Гусева Гора) городище. На острове под названием Гусева Гора, находящемся на оз. Большая Нанога (см. № 646) и отделенном от берега материка только болотом, находится городище, обследованное в 1887 г. экспедицией Д. Н. Анучина. В дневнике Ф. А. Уварова, участника экспедиции, дан схематический план городища (рис. 2) с указанием мест работы и находок. По всей поверхности городища под слоем дерна, в слое черной земли на глубине от 18 до 71 см попадались кости (некоторые обожженные) животных и птиц, обожженная глина, железные и медные шлаки и множество красно- и черноглиняных черепков с узорами и без них. В глиняном тесте иногда встречается большая примесь слюды.

Костяная стрела, каменное грузило и три черепка от сосудов поступили в Порецкий музей Уваровых.

Ф. А. Уваров, 1887.

648. Кыштымская находка кельтов. VII—IV вв. до н. э. Кыштым, город Челябинской обл., р. Кыштымка — течет в оз. Большая Нанога и далее, через пролив, в огромное оз. Иртяш, соединяющееся протоком с оз. Касли, из которого берут начало р. Караболка (приток р. Синары) и р. Синара, впадающая в Исеть. Табл. 3б; д-3; 55°40′; 60°30′.

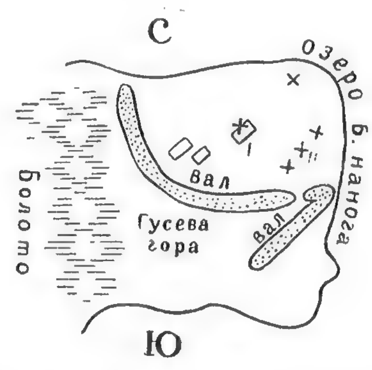


Рис. 2. Схематический план Больше-Наногского (Гусева Гора) городища (см. № 647), по Ф. А. Уварову

крестами обозначены места работ. В x_{I} найдено бронзовое круглое зеркало с рисунками на обратной стороне; в x_{II} найдены костяная стрела, ручка от какого-то орудия и два каменных круглых грузила.

В Свердловском музее хранятся два кельта, найденные близ г. Кыштыма, относящиеся, по определению В. Н. Чернецова, к VII—IV вв. до н. э.

В. Н. Чернецов, 1947₂, стр. 71.

649. Каменск-Уральские местонахождения. Каменск-Уральский, город Свердловской обл., устье р. Каменки — левого притока Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

В окрестностях города расположен ряд археологических памятников, обследованных Е. М. Берс, которая отмечает 4 пещеры и стоянки у д. Броды и 6 различных местонахождений.

Е. М. Берс, 1951, № 287—296.

650. Черемховские находки. Черемхово, село Свердловской обл., левый берег р. Каменки — левого притока Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

Близ села найдены фрагменты керамики, обломок каменного скребка и кремневые отщепы.

Е. М. Берс, 1951, № 285.

651. Клевакинские находки. Клевакинское, село Свердловской обл. (б. Пермская

губ.), левый берег р. Каменки — левого притока Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

Близ села найден бронзовый нож с медной рукояткой и фрагменты керамики.

Е. М. Берс, 1951, № 283, 284.

652. Кочневские находки. Кочневское, село Свердловской обл., р. Кочневка — правый приток р. Каменки — левого притока Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

Близ села найден железный и серебряный кинжалы, бронзовые кельт и лавролистный нож.

Е. М. Берс, 1951, № 280—282.

653. Мосинская находка. Мосина, деревня Свердловской обл., левый берег р. Каменки — левого притока Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

Близ деревни найден медный кельт.

Е. М. Берс, 1951, № 279.

654. Шепелевские находки. Шепелевка, деревня Свердловской обл. (б. Пермская губ.), верховья р. Каменки — левого притока Исети. Табл. 3б; б-5; табл. 6; 56°40′; 61°30′.

Близ деревни найдены каменный пест, обломки керамики и кремневые отщепы.

Е. М. Берс, 1951, № 206.

655. Смолинская пещера. Смолино, село Свердловской обл., в 17 км от г. Каменск-Уральска, на правом берегу Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

На правом берегу реки, в 2 км от села имеется пещера. Находка человеческого скелета в пещере отмечена в статье Е. М. Берс.

Е. М. Берс, 1951, № 286.

656. Рыбниковские курганы. Рыбниковское, село Свердловской обл. (б. Камышловский у. Пермской губ.), озера Сунгуль и Червяное на правой стороне Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

Во время экспедиции Д. Н. Анучина на Урал в 1887 г. обследованы курганы близ села. В дневнике Ф. А. Уварова, участника экспедиции, записано: «Село Рыбниковское, на южном берегу оз. Сунгула, близ Каменска (к юго-западу от него). Около села, на склоне к другому озеру Червяному — 5 невысоких курганов; три из них были разрыты крестьянами, находившими в них какие-то кости. Высота курганов приблизительно $1^1/_2$ арш., окружность основания около 25 саж. Три кургана тянутся от деревни по прямой линии с СЗЗ на ЮВВ. Самый дальний из них от деревни, повидимому, был рыт. На среднем из них (№ 2) сверху видна небольшая выемка». Далее Ф. А. Уваров отмечает, что при раскопках кургана № 2 (см. рис. 3) высотой $1^1/_2$ арш., окружностью

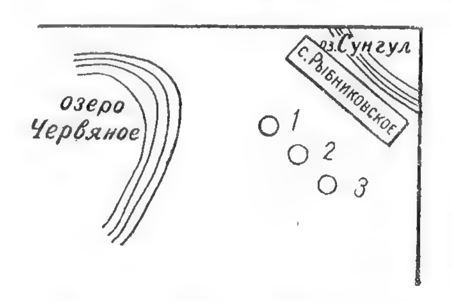


Рис. 3. Схема расположения Рыбниковских курганов (см. № 656), по Ф. А. Уварову

25 саж., траншея проведена по центру кургана с северо-запада на юго-восток. В центре на глубине 1 арш. 6 верш. встречены части человеческого черепа. В черном слое земли до этой глубины попадались гальки и черепки. Могила высечена в желтом глинистом грунте. Направление ее с юго-запада на северо-восток. Форма могилы неправильная. Кости сохранились плохо. Судя по остаткам черепа и костей ног, умерший был захоронен в сидячем положении. Длина могилы 1 арш. 12 верш., ширина от 13 верш. до 2 арш. Глубина самой могилы около 3—4 верш. Никаких вещей не найдено.

В кургане № 1 (размеры его такие же, как и № 2), который с юго-западной стороны разъезжен дорогой, траншея проведена с СЗЗ на ЮВВ. На глубине 1 арш. 7 верш. встречена могила, подобная могиле в кургане № 2. Захоронение оказалось на глубине 1 арш. 14 верш. Несколько выше (на глубине 1 арш. 7—8 верш.) в северном углу могилы найдено два глиняных черепка. Захороненный лежал головой на запад, лицом обращен вниз. Найдены череп и незначительное количество костей, так как они были растащены сурками, нору которых нашли при раскопках.

Е. М. Берс сообщает о находках близ озер Червяного и Сунгуль фрагментов керамики и др.

Ф. А. Уваров, 1887; Е. М. Берс, 1951, № 298—300

657. Тагишские курганы. Свердловская обл., оз. Тагиш, по правобережью р. Исети. Табл. 3б; в-5; табл. 6; 56°20′; 61°30′.

На юго-восточном берегу озера находится несколько курганов.

Е. М. Берс, 1951, № 297.

658. Сосновские стоянки, валы, селище и находки. Сосновское, село Свердловской обл. (б. Маминская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), озера: Второе Карасье, Слудное, Островитое, Щучье, Березовское, Сосновское — на правом берегу Исети. Табл. 3б; в-4; табл. 6; 56°20′; 61°00′.

В окрестностях с. Сосновского по берегам указанных выше озер расположено большое количество археологических памятников. В работе Е. М. Берс приведено 19 стоянок, одно селище, жертвенное место и 7 пунктов местонахождения отдельных предметов. Интересны валы на берегу Второго Карасьего озера. Пробные раскопки одного из них дали могилу, обложенную гранитными плитами.

ОАК за 1898 г., стр. 73; В. Н. Чернецов, 1947_2, стр. 66; Е. М. Берс, 1951, № 248—271, 273—278.

659. Сосновский клад. На пашне близ с. Сосновского (см. № 658) 1888 г. выпахано серебряное сасанидское блюдо, весом 1,4 кг.

Е. М. Берс, 1951, № 272.

660. Колюткинская находка и стойбище. Колюткина и Фомина, деревни Свердловской обл. (б. Пермская губ.), левый берег Исети. Табл. 3б; в-4; табл. 6; 56°20′; 61°00′.

Близ деревни Колюткиной обнаружен железный меч. Выше по Исети, за дер. Фоминой экспедицией ГИМ в 1940 г. открыто временное стойбище.

Е. М. Берс, 1951, № 246, 247.

661. Токаревские находки. Токарева, деревня Свердловской обл. (б. Пермская губ.), правый берег р. Сысерти — правого притока Исети. Табл. 3б; в-3; табл. 6; 56°20′; 60°30′.

Близ деревни находили чаши, сосуды, бронзовые и другие вещи.

Е. М. Берс, 1951, № 297.

662. Черданцевская находка. Черданцева, деревня Свердловской обл. (б. Пермская губ.), правый берег р. Сысерти — правого притока Исети. Табл. 3б; в-3; табл. 6; 56°20′; 60°30′.

Близ деревни найдена медная бляха, поступившая в музей УОЛЕ.

Е. М. Берс, 1951, № 235.

663. Кашинские находки. Кашина, деревня Свердловской обл. (б. Пермская губ.), правый берег р. Сысерти — правого притока Исети. Табл. 3б; в-3; табл. 6; 56°20′; 60°30′.

Близ деревни обнаружены каменный топор из зеленой яшмы, медные: разрубленное кайло, пластинка и остатки от литья каких-то предметов.

Е. М. Берс, 1951, № 237, 238.

664. Сысертские находки. Сысерть, город Свердловской обл., р. Сысерть — правый приток Исети. Табл. 3б; в-3; табл. 6; 56°20′; 60°30′.

В окрестностях города найдены: литая бронзовая круглая бляха, медное копье с втулкой и бронзовый птицевидный идол.

Е. М. Берс, 1951, 239—241.

665. Вьюхинская находка. I тыс. до н. э. Вьюхина, деревня Свердловской обл. (б. Бобровская вол., Екатеринбургский у. Пермской губ.), левый берег Исети. Табл. 3б; в-3; табл. 6; 56°20′; 60°30′.

На окраине деревни найдена апатитовая плита с высеченной на конце ее головой барана. Находка поступила в музей УОЛЕ в 1914 г.

П. А. Дмитриев, 1948, стр. 12—21; Е. М. Берс, 1951, № 234.

666. Седельниковские находки. Большая и Малая Седельниковы, деревни Свердловской обл., р. Арамилька — правый приток Исети. Табл. 3б; в-3; табл. 6; 56°20′; 60°30′.

В 1 км от дер. Б. Седельниковой при раскопке «бугра» обнаружены два толстостенных круглодонных глиняных сосуда и глиняная труба, протяжением до 10 м.

В километре к северу от дер. М. Седельниковой обнаружены бронзовый колокольчик и каменный топор.

В 7 км от дер. Седельниковой Шабры отмечено жертвенное место. Подробнее см. в работе Е. М. Берс.

Е. М. Берс, 1951, № 231—233.

667. Нижне-Исетская стоянка. Нижне-Исетский завод Свердловской обл.,

левый берег Исети. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

Близ завода расположена стоянка, открытая и обследованная В. Я. Толмачевым в 1914 г.

Е. М. Берс, 1951, № 197.

668. Арамильская стоянка (Черный Ключ). Арамильское, село Свердловской обл., левый берег Исети. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

Близ села есть стоянка, на которой найдены два железных ковша со следами плавки в них меди, керамика и кремневые отщепы.

Е. М. Берс, 1951, № 196.

669. Первое Карасье озеро, стоянки. В 15 км к юго-востоку от г. Свердловска (областного), оз. Первое Карасье на левом берегу Исети. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

В окрестностях озера и на его берегах и островах расположено 7 разновременных стоянок и встречены отдельные находки.

Е. М. Берс, 1951, 188—195; В. М. Раушенбах, 1952, стр. 56 и др.

670. Горнощитская находка. Горнощитское (Горный Щит), село Свердловской обл. (б. Пермская губ.), верховья небольшого правого притока Исети. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

В 1904 г. О. Е. Клером найден близ села каменный пест из змеевика.

Е. М. Берс, 1951, № 198.

671. Свердловские стоянки, курган и находки. Свердловск (областной), город, р. Исеть. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

В самом Свердловске обнаружены следы трех стоянок, курган и местонахождение отдельных предметов.

Е. М. Берс, 1951, № 181—187.

672. Шарташские стоянки и другие памятники. В 3—4 км к северо-востоку от г. Свердловска Свердловской обл., озера Большой и Малый Шарташ на левом берегу Исети. Табл. 3б; б-3; табл. 6; 56°40′; 60°30′.

В окрестностях озер расположены 7 стоянок, жертвенное место — Шарташские Каменные Палатки; встречены отдельные археологические находки. По западному берегу озера тянется большой вал до 3 м высоты, в котором находили керамику, каменные орудия и кремневые отщепы.

ИАК, 1914, стр. 121; Е. М. Берс, 1951, № 171—180.

673. Чусовское озеро, стоянки. В 19 км к юго-западу от г. Свердловска Свердловской обл., оз. Чусовское. Табл. 3б; б-2; табл. 6; 56°40′; 60°00′.

На берегу озера расположены три стоянки, открытые в 1881 г. М. В. Малаховым и Н. А. Рыжниковым.

Е. М. Берс, 1951, № 153—155.

674. Глухое озеро, стоянки. В 20 км к западу от г. Свердловска Свердловской обл., оз. Глухое. Табл. 3б; б-2; табл. 6; 56°40′; 60°00′.

На берегах озера расположены 4 стоянки, хищнически раскопанные горнопромышленниками.

Е. М. Берс, 1951, № 149—152.

675. Палкинские стоянки, могильники, городище и отдельные находки. Палкино, деревня Свердловской обл. (б. Верх-Исетская вол. Екатеринбургского у. Пермской губ.), устье р. Решеты — правого притока Исети. Табл. 3б; б-2; табл. 6; 56°40′; 60°00′.

Близ деревни расположены 3 стоянки, 3 могильника, городище, писанец и встречены отдельные находки. Описания и обширная литература даны в работе Е. М. Берс.

Е. М. Берс, 1951, № 135, 140—147; В. М. Раушенбах, 1952, стр. 56 и др.

676. Песчаное озеро, стоянки и городище. В 15 км к западу от дер. Палкиной (см. № 675) на берегу оз. Песчаного О. Е. Клером обследованы три стоянки и городище.

Е. М. Берс, 1951, № 136—139.

677. Мелкое озеро, стоянки. В 15 км к северо-западу от г. Свердловска Свердловской обл., оз. Мелкое близ Исети. Табл. 3б; б-2; табл. 6; 56°40′; 60°00′.

В окрестностях озера расположены две стоянки.

Е. М. Берс, 1951, № 133, 134.

678. Новая I и II, селища. В 18 и 11 км от г. Свердловска Свердловской обл., левый берег Исети. Табл. 3б; б-2; табл. 6; 56°40′; 60°00′.

У подножья небольшой горы в пойме реки расположены два селища, обследованные

Е. М. Берс в 1947 г. и названные ею Новая I и Новая II.

Е. М. Берс, 1951, № 131, 132.

679. Калмацкий Брод, стоянка. Эпоха бронзы. В 14 км к северу от г. Свердловска[1] Свердловской обл., южный берег оз. Исетского, правый берег Исети. Табл. 3б; б-2; табл. 6; 56°40′; 60°00′.

Стоянка, раскопанная П. А. Дмитриевым в 1931—1934 гг., расположена в урочище Калмацкий Брод. Раскопками вскрыта большая землянка.

П. А. Дмитриев, 1934; 1951, стр. 11, 13 и др.; О. Н. Бадер, 1947, стр. 140; Е. М. Берс, 1951, № 129, 130; В. М. Раушенбах, 1952, стр. 56 и др.

680. Калмацкий Брод, могильник. При раскопках стоянки Калмацкий Брод (см. № 679) П. А. Дмитриевым вскрыты два погребения, при которых найдены 3 сосуда бомбовидной формы.

Е. М. Берс, 1951, № 129, 130.

681. Исетское озеро, стоянки, селища, могильники, жертвенные места и другие местонахождения. Северо-западнее г. Свердловска Свердловской обл., оз. Исетское — верховья Исети. Табл. 3б; а-2; табл. 6; 56°40′ и 57°00′ с. ш.; 60°00′ в. д.

По берегам и на островах оз. Исетского расположено большое количество стоянок и других археологических памятников. Е. М. Берс указывает в своей работе 15 стоянок, 1 городище, 2 селища, 2 могильника («Коптяки» 1—20); 3 жертвенных места, писаницы и ряд случайных находок.

Е. М. Берс, 1951, № 102—128.

682. Балтым озеро, стоянки. В 23 км к северу от г. Свердловска Свердловской обл., оз. Балтым в верховьях Исети. Табл. 3б; а-3; табл. 6; 57°00′; 60°30′.

Близ озера расположены две стоянки. В 1883—1884 гг., при раскопках Н. А. Рыжникова найдены керамика и орудия из кремня.

Е. М. Берс, 1951, № 96, 97.

683. Вашты озеро, стоянки. К северу от оз. Балтым (см. № 682) находится оз. Вашты, в окрестностях которого расположены две стоянки.

Е. М. Берс, 1951, № 94, 95.

684. Шитовское озеро, стоянки. В 15 км к северу от оз. Исетского (см. № 681) расположено оз. Шитовское, соединенное с оз. Исетским р. Шитовский Исток. В 1876 г. М. В. Малаховым открыто и обследовано несколько стоянок на берегу этого озера.

Е. М. Берс, 1951, № 77—79.

685. Карасье озеро, стоянка. В 3 км к востоку от оз. Шитовского (см. № 684), на берегу небольшого Карасьего озера расположена стоянка, открытая в 1890 г. Н. А. Рыжниковым.

Е. М. Берс, 1951, № 93.

Раздел 9 (Ишим)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО Р. ИШИМУ — ЛЕВОМУ ПРИТОКУ Р. ИРТЫША

(р. Иртыш — левый приток р. Оби)

686. Басаргульский курган. Басаргуль, деревня Тюменской обл. (б. Каргалинская вол. Тарского окр. Тобольской губ.), левый берег Ишима. Табл. 3в; а-23; 57°00′; 70°30′.

В Тобольском музее хранится каменная форма для отливки, записанная в книгу поступлений за № 389. Форма найдена при вспашке поля близ кургана в окрестностях деревни.

В. И. Мошинская, 1949.

687. Серебрянские находки. Серебрянка, деревня Тюменской обл. (б. Каргалинская вол. Тарского окр. Тобольской губ.), левый берег Ишима. Табл. 3в; а-23; 57°00′; 70°30′.

В 1897 г. в Археологическую комиссию поступили вещи, найденные близ дер. Серебрянки и доставленные крестьянином Усо-

[1] В статье Е. М. Берс в МИА СССР № 21, стр. 213, ошибочно напечатано, что стоянка находится в 1 км от г. Свердловска.

вым: каменные клин и колотушка с выбитым на ней неопределенным знаком, медный наконечник копья, две каменные литейные формочки с матрицами по обе стороны, литое медное изображение птицы с человеческим лицом, черепки глиняной посуды. Находка передана в ГИМ.

ОАК за 1897 г., стр. 76, 186.

688. Аксеновские находки. I тыс. н. э. А к с е н о в а, деревня Тюменской обл. (б. Тарский окр. Тобольской губ.), верховья р. М. Ика — левого притока Ишима. Табл. 3в; а-22; 57°00′; 70°00′.

Близ деревни найдены серебряные и бронзовые браслеты, полые фигурки зверей и другие предметы (хранятся в Тобольском музее, № 4580, 4581).

В. И. М о ш и н с к а я, 1949.

689. Долгушинский курган. Д о л г у ш и н а, деревня Тюменской обл. (б. Каргалинская вол. Тарского окр. Тобольской губ.), р. Ишим. Табл. 3в; а-23; 57°00′; 70°30′.

В окрестностях деревни находится курган. В осыпи его найдены керамика и костяные поделки, поступившие от С. С. Усова в Тобольский музей и записанные в книгу поступлений музея за № 463, 480, 481, 826, 827.

В. И. М о ш и н с к а я, 1949.

690. Каргалинские находки. К а р г а л ы, деревня Тюменской обл. (б. Каргалинская вол. Тарского окр. Тобольской губ.), р. Ишим. Табл. 3в; а-23; 57°00′; 70°30′.

В 1898 г. в Археологическую комиссию С. С. Усовым доставлены найденные в Каргалинской вол. медные предметы: нож, три кельта, наконечник копья, полая фигурка зайца, такая же фигурка в виде конька, пластинка, изображающая фигуру человека, а также круглый камень с отверстием, наконечник из рога, каменная литейная формочка. Находки переданы в ГИМ.

В 1907 г. из той же волости получены: три медные кельта, из которых один вместо ушков имеет выступы, другой гладкий с геометрическим орнаментом; два небольших каменных клина; медный колокольчик с железным язычком, каменный топорик, большой кремневый скребок. Вещи переданы в ГИМ.

ОАК за 1898 г., стр. 81, 189; ОАК за 1907 г., стр. 121, 139.

691. Викуловские находки. В и к у л о в о, деревня Тюменской обл. (б. Викуловская вол. Тарского окр. Тобольской губ.), р. Ишим. Табл. 3в; б-23; 56°40′; 70°30′.

В 1894 г. в Тобольский музей поступили от крестьянина С. С. Усова кельт и медная стрела, найденные на кургане в Викуловской вол.

Н. Л. С к а л о з у б о в, 1896, стр. 27.

692. Яузякские курганы. Ч е л н о к о в о, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Яузяк — левый приток Ишима. Табл. 3в; в-23; 56°20′; 70°30′.

В устье р. Яузяка находятся два кургана, расположенные в километре один от другого. Размеры первого: 2,1 м высоты, 85 м в окружности; второго: 0,7 м высоты, 32 м в окружности.

И. Я. С л о в ц о в, 1887, № 769, 770.

693. Челноковский курган. Ч е л н о к о в о, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Яузяк — левый приток Ишима. Табл. 3в; в-23; 56°20′; 70°30′.

В 3 км от с. Челноково, близ оз. Углучина расположен курган 1,4 м высотой и 64 м в окружности.

И. Я. С л о в ц о в, 1887, № 771.

694. Пановские находки. П а н о в о (П а н о в с к о е), село Тюменской обл. (б. Ишимский окр. Тобольской губ.), левый берег р. Ира — правого притока Ишима. Табл. 3в; в-23; 56°20′; 70°30′.

В Тобольском музее хранятся медные (?) стрелка и пластинка с изображением головы и крылатого животного, найденные на пашне с. Пановского. Вещи записаны в книгу поступлений музея за № 2639, 2642.

В. И. М о ш и н с к а я, 1949

695. Быструхинский (Тельцовский) вал. Б ы с т р у х а и Т е л ь ц о в а, деревни Тюменской обл. (б. Ишимский окр. Тобольской губ.), левый берег Ишима. Табл. 3в; в-23; 56°20′; 70°30′.

Между указанными деревнями по левому берегу Ишима сохранился земляной вал 64 м длины, 3,2 м ширины и 1,2 м высоты.

И. Я. С л о в ц о в, 1887, № 767, 768.

696. Речкуновские курганы. Р е ч к у н о в а, деревня Тюменской обл. (б. Ишимский окр. Тобольской губ.), р. Китерня — левый приток Ишима. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

Между деревнями Кокуем и Речкуновой, среди степи расположены 2 кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 765, 766.

697. Симоновские курганы. Симонова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Китерня — левый приток Ишима. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

В 1,6 км от деревни находятся два кургана почти одинаковой величины: 1,4 м вышины и 42,5 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 763, 764.

698. Шмаковский курган. Шмакова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Китерня — левый приток Ишима. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

В 1,6 км от деревни есть курган 2 м высотой и 57 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 762.

699. Таборские курганы. Таборы и Симонова, деревни Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ишим. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

Севернее с. Абатского между указанными деревнями расположены 3 кургана высотой 0,7 м и в окружности 46 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 760, 761.

700. Бобылевские курганы. Бобылева, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ишим. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00.

В 1,6 км от дер. Бобылевой, близ с. Абатского — 2 кургана высотой 0,7 м и в окружности 46 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 758, 759.

701. Бобылевские находки. В Тобольском музее хранятся каменный пест и обломок каменного предмета (см. книгу поступлений музея, № 3553, 3554), найденные близ дер. Бобылевой (см. № 700) и доставленные в музей крестьянином С. С. Усовым.

В. И. Мошинская, 1949.

702. Королёвский курган. Королёва, деревня близ с. Абатского Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ишим. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

В 3 км от деревни отмечен курган 2 м высотой и 8,5 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 757.

703, 704. Шевыревские (Шевыренские) 1-й и 2-й курганы. Шевырева (Шевырина), деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Ишима. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

В 3 км от деревни — курган 1,4 м высотой и 128 м в окружности. В 8,5 км от той же деревни имеется другой курган тех же размеров, что и первый.

И. Я. Словцов, 1887, № 755, 756.

705. Татарские курганы. Татарская, деревня близ с. Абатского Тюменской обл. (б. Абатская вол. Тобольской губ.), р. Ишим. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

На правом берегу Ишима, южнее с. Абатского, на расстоянии 1,5—3 км от дер. Татарской расположены 3 круглых кургана почти одинаковой величины; 2,8 м высотой и 150 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 752—754.

706. Кокуйский курган. Кокуй, деревня (между селами Абатским и Логиновым) Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ишим. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

И. Я. Словцов пишет: «За деревней Кокуй сохранился отдельный курган, вероятно тот самый, на который указывает Паллас».

И. Я. Словцов, 1887, № 751.

707. Логиновское городище. Логинова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Вавилон — левый приток Ишима. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

И. Я. Словцов дает следующие сведения: «Вся холмистая местность, на которой были расположены эти древние сооружения, лежала близ низменности, в которую впадал Вавилонский Исток, и называлась Бугорное Займище. Обращает внимание земляной вал более 40 саж. длины, оканчивающейся на каждом конце могильным курганом (указания Палласа). Часть вала сохранилась и называется «городищем».

К. Голодников упоминает о городищах близ дер. Логиновой.

К. Голодников, 1879, стр. 8; И. Я. Словцов, 1887, № 747—750.

708. Логиновские курганы. Близ дер. Логиновой (см. № 707) находится много курганов, о которых И. Я. Словцов пишет: «За Тушколобовой по речке Вавилон, и за дер. Кокуй близ Логиновой, по открытой возвышенной степи Паллас указывает на бесчисленное множество больших и малых

курганов, между которыми обращает внимание на земляной вал» (см. № 707).

И. Я. Словцов, 1887, № 732—746.

709. Тушколобовские курганы. Тушколобово, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), левый берег Ишима. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

В окрестностях деревни имеется 7 отдельных курганов.

И. Я. Словцов, 1887, № 723—729.

710. Котельный курган. Между с. Боровским и дер. Тушколобовой (см. № 709), близ оз. Котельного есть один курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 730.

711. Солдатский курган. Между с. Боровским и дер. Тушколобовой (см. № 709) в 212 м от оз. Солдатского находится курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 731.

712. Фирсовский клад. Фирсово, село Тюменской обл. (б. Ишимский окр. Тобольской губ.), левый берег Ишима. Табл. 3в; г-22; 56°00′; 70°00′.

В 1890 г. крестьянин И. Федоров во время распашки земли на небольшом кургане, в 5,3 км от села, задел сохой сверток истлевшей бересты, заключавший в себе 15 золотых весом 641,4 г (1 фунт 54 золотника 35 долей) чеканных поясных бляшек и пряжек, грубо орнаментированных; на одной из них начертана китайская надпись. Разбиравший эту надпись П. С. Попов считает, что «есть некоторое основание к предположению, что пояс относится к Юаньской династии (1260—1368 гг.)». Находка хранится в Эрмитаже.

ОАК за 1890 г., стр. 122, 148; A. Heikel, 1894, стр. 75; А. А. Терновский, 1894, стр. 29; А. И. Иванов, 1902, стр. 166—171; П. С. Попов, 1902, стр. 142.

713. Плешковские курганы. Плешкова, деревня Тюменской обл. (б. Ишимский окр. Тобольской губ.), правый берег Ишима. Табл. 3в; г-21; 56°00′; 69°30′.

В двух км от деревни находятся два кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 709, 710.

714. Карасульские курганы. Близ г. Ишима, Тюменской обл., устье р. Карасуль — левого притока р. Ишима. Табл. 3в; г-21; 56°00′; 69°00′.

П. С. Паллас описывает при впадении р. Карасук (вероятно — р. Карасуль) в Ишим сплошное поле «курганных россыпей», от которых в настоящее время не осталось никаких следов. Впрочем, и Паллас нашел могильник разрушенным. «Здесь,— говорит он,— почти и самый последний курган не остался в целости». Близ курганов в то время видны были следы укрепления, от которого также не осталось ничего.

П. С. Паллас, 1786, кн. 2, стр. 68—69; И. Я. Словцов, 1887, № 712.

715. Быковский курган. Быкова, деревня Тюменской обл. (б. Ишимский окр. Тобольской губ.), левый берег Ишима. Табл. 3б; г-20; 56°00′; 69°00′.

Близ дер. Быковой и оз. Быковского, находящихся в 10,5 км от левого берега Ишима, расположен курган.

И. Я. Словцов, 1887, № 711.

716. Стрехнинские курганы. Стрехнина, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ишим. Табл. 3б; г-20; 56°00′; 69°00′.

Между дер. Стрехниной и с. Боровским в 7 км от Ишима имеется один курган, и два — в полукилометре от дер. Стрехниной; все они раскопаны и распаханы.

И. Я. Словцов, 1887, № 706—708.

717. Нежиновский (Стегондовский) курган. Нежинова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ишим. Табл. 3б; д-20; 55°40′; 69°00′.

В 2 км от деревни и в 1 км от оз. Стегонда есть курган вышиной 0,7 м и окружностью 64 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 505.

718. Клюевский курган. Клюева, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ишим. Табл. 3б; д-20; 55°40′; 69°00′.

В 5 км от оз. Травного, по дороге в дер. Клюеву есть курган 0,7 м вышиной и 51 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 699.

719. Новотравнинские курганы. Новотравное, село Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Травное, левый берег Ишима. Табл. 3б; д-20; 55°40′; 69°00′.

В 21 км от берега Ишима, на берегу оз. Травного есть два кургана; первый вышиной

0,7 м и окружностью 47 м, другой — такой же вышины, а окружностью 8,5 м.

И. Я. Словцов, 1887, № 695, 696.

720. Мало-Кабаньевские курганы. Шагалова, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), оз. Малое Кабанье, влево от р. Ишима. Табл. 3б; д-20; 55°40′; 69°00′.

В 6,5 км от дер. Шагаловой на запад, близ оз. Малого Кабаньего находятся два кургана; один 1,4 м вышины и 38,4 м в окружности, другой 0,7 м вышины и 8,5 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 697, 698.

721. Старо-Ченчерский курган. Старый Ченчер, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), р. Ченчерка — правый приток Ишима. Табл. 3б; д-20; 55°40′; 69°00′.

В 427 м от деревни находится курган 4,2 м вышиной и 320 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 704.

722. Ново-Ченчерский курган. Между деревнями Новый и Старый Ченчер (см. № 721) в 213 м от первой находится курган 1,4 м вышины и 64 м в окружности.

И. Я. Словцов, 1887, № 703.

723. Больше-Ченчерский курган. Большой Ченчер, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), устье р. Ченчерки — правого притока Ишима. Табл. 3б; д-20; 55°40′; 69°00′.

Близ деревни расположено 3 кургана.

И. Я. Словцов, 1887, № 700—702.

724. Боровлянские курганы и укрепления. Боровлянка, деревня Тюменской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Ишима. Табл. 3б; е-20; 55°20′; 69°00′.

И. Я. Словцов пишет: «...Паллас нашел в трех верстах от Боровлянки под пашнями следы двух древних укреплений: первое с четырехугольным плоским валом, а второе в 12 шагах к востоку, из трех земляных изгибов, с курганом в семи шагах. Далее, в 8 шагах к востоку, он видел четырехугольную насыпь в 25 шагов длины, за ней три, один за другим расположенные курганы, заканчивающиеся в 100 шагах от насыпи тремя большими курганами, из которых один имел 90 шагов в окружности. От всех этих сооружений не осталось никаких следов, все они совершенно распаханы».

И. Я. Словцов, 1887, № 713—722.

725. Афонькинский курган. Афонькино, деревня Тюменской обл. (б. Ильинская вол. Ишимского у. Тобольской губ.), правый берег Ишима. Табл. 3б; е-20; 55°20′; 69°00′.

В Тобольском музее хранится костяной предмет неизвестного назначения (см. книгу поступлений музея, № 4186), найденный случайно при рытье межевой ямы на кургане близ деревни.

В. И. Мошинская, 1949.

726. Ишимские находки. Среди случайных находок, поступивших в Археологическую комиссию в 1909—1910 гг., имеется указание на находки с Ишима (более точное местонахождение неизвестно): каменный молоток с широким обухом и каменная терка. Топор представляет изображение головы животного; может быть, он составлял часть какой-либо целой фигуры.

ОАК за 1909—1910 гг., стр. 230, 264.

Раздел 10 (*Омь*)

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В БАССЕЙНЕ Р. ОМИ — ПРАВОГО ПРИТОКА Р. ИРТЫША

(Иртыш — левый приток р. Оби)

727. Большой лог, городище. Эпоха бронзы, I тыс. до н. э., I тыс. н. э. Омск (областной), правый берег р. Оми. Табл. 3в; ж-29; 55°00′; 73°30′.

Городище, обследованное в 1949 г. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, расположено на правом берегу Оми в 10 км от ее устья и в 6 км от г. Омска. Раскопки показали, что памятник существовал долгое время. Нижние его горизонты могут быть отнесены к эпохе поздней бронзы, верхние — к XII—XIV вв.

В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская, 1951, стр. 78—88.

727а. Таволжанковская стоянка. Тавол-жанка, село Омской обл. (б. Тобольская губ.), правый берег Оми. Табл. 3в; ж-30; 55°00′; 74°00′.

В Омском музее хранится коллекция предметов, состоящая из кремня и керамики (инвентарные № 446—479), собранная в 1928 г. В. П. Левашевой при разведке стоянки близ с. Таволжанки Калачинского р-на.

В. И. Мошинская, 1949.

728. Щербаковские курганы. Щербаково, село Новосибирской обл. (б. Томская губ.), левый берег Оми. Табл. 3в; е-33; 55°20′; 75°30′.

Близ села расположено 10 курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 22.

729. Усть-Таркинские курганы. Усть-Тарка, село Новосибирской обл. (б. Томская губ.), правый берег Оми. Табл. 3в; е-33; 55°20′; 75°30′.

Близ села отмечено 4 кургана.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 21.

730. Казачий Мыс, курганы. Казачий Мыс, село Новосибирской обл. (б. Томская губ.), левый берег Оми. Табл. 3в; е-33; 55°20′; 75°30′.

Близ села находятся 12 курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 20.

731. Верхне-Омские курганы. Верхне-Омское, село Новосибирской обл., правый берег Оми. Табл. 3в; е-34; 55°20′; 76°00′.

В окрестностях села расположено 16 курганов.

С. М. Чугунов, 1897_1, стр. 140; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 19.

732. Малининские курганы. Малинино, село Новосибирской обл., правый берег Оми. Табл. 3в; е-34; 55°20′; 76°00′.

Близ села находятся 4 кургана.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 17.

733. Вознесенское городище. Против с. Вознесенского Новосибирской обл. (б. Каинский окр. Томской губ.), левый берег Оми. Табл. 3в; е-34; 55°20′; 76°00′.

В настоящее время городище лежит на левом берегу Оми, но раньше холм, на котором оно расположено, находился на правом берегу, образуя выдававшийся к югу мыс. Омь огибала этот мыс. В 1894 г. городище посетил С. М. Чугунов, который описывает его местонахождение на правом берегу и отмечает опасность размыва. В 1925 г. небольшие раскопки произведены Е. А. Клодтом и А. М. Жихаревым, в 1926 г.— В. П. Левашевой и П. А. Дмитриевым. Находки состоят преимущественно из обломков керамики и костяного инвентаря; встречаются также металлические вещи, каменные точильные бруски, поделки из дерева и бересты, железные шлаки; много костей животных, рыб и птиц. Удалось проследить несколько жилищ-землянок. В одной из них найден запас зерен конопли.

В. П. Левашева в работе, посвященной городищу, считает, что его можно датировать: «около XIV в.».

Находки с городища хранятся в Омском музее.

С. М. Чугунов, 1897_1, стр. 139—140; В. П. Левашева, 1928_1, стр. 87—97; 1950, стр. 341—350; Ф. В. Мелехин, 1928, стр. 140; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 16; С. В. Киселев, 1938, стр. 242; В. Н. Чернецов, 1947_3, стр. 79.

734. Вознесенские курганы. С. М. Чугуновым осмотрена курганная группа, состоящая из 30 курганов, расположенных между селами Вознесенским (см. № 733) и Спасским. Им же указаны еще 35 курганов, находящихся в южной части Вознесенской вол. В «Археологических памятниках Барабы...» упомянуты только 4 кургана близ села.

С. М. Чугунов, 1897_1, стр. 139—140; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 16.

735. Игнатьевские курганы. Игнатьевка, деревня Новосибирской обл., правый берег Оми. Табл. 3в; е-35; 55°20′; 76°30′.

В 1894 г. С. М. Чугуновым обследовано близ деревни 14 курганов. В 1926 г. В. П. Левашевой раскопаны 3 кургана; материал из ее раскопок хранится в Омском музее (инвентарные № 346—353).

В «Археологических памятниках Барабы...» указываются близ деревни Игнатьевки 4 курганные группы (из 3, 8, 10 и 5 курганов).

С. М. Чугунов, 1897_1, стр. 139; В. П. Левашева, 1928_2, стр. 158—159; Ф. В. Мелехин, 1928 стр. 140; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 15.

736. Игнатьевское городище. В сведениях об археологических памятниках Барабы указывается, что близ дер. Игнатьевки (см. № 736) находится городище.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 15.

737. Старо-Тартасские курганы. Старый Тартас, село Новосибирской обл., левый берег Оми, против впадения в нее р. Тартаса. Табл. 3в; е-35; 55°20′; 76°30′.

Близ села расположены 3 кургана, осмотренные и частично раскопанные С. М. Чугуновым.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 14.

738. Усть-Тартасские (Венгеровские) курганы. Венгерово, село Новосибирской обл. (б. Томская губ.), устье р. Тартаса — правого притока Оми. Табл. 3в; е-35; 55°20′; 76°30′.

Обширная курганная группа находится между с. Венгеровым и дер. Турунковой. В 1895 г. С. М. Чугуновым проведено обследование и нанесено на план 117 курганов, из которых 5 имеют более 32 м в диаметре и достигают 2,8—8,4 м в высоту. Один из больших и три малых кургана С. М. Чугуновым раскопаны. В некотором расстоянии от этой группы, по направлению к с. Спасскому, на протяжении 4,25 км находятся еще 5 курганов.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139; ОАК за 1896 г., стр. 100 и сл.

739. Спасские курганы. Венгерово, село Новосибирской обл. (б. с. Спасское Томской губ.), правый берег Оми. Табл. 3в; е-35; 55°20′; 76°30′.

В 1895—1896 гг. С. М. Чугуновым обследованы и частично раскопаны курганы близ с. Спасского. Раскопками установлено, что погребения были грунтовые и все потревожены. Найденные вещи переданы в ГИМ и в Эрмитаж.

С. М. Чугунов, 1897₂, стр. 41, 174; 1898, стр. 219—225, 228.

740. Ключевые курганы. Ключевая, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Тартас — правый приток Оми. Табл. 3в; д-35; 55°40′; 76°30′.

Близ деревни расположено 7 курганов.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139.

741. Красноярские (Мышайловские) курганы. Красноярка, деревня Новосибирской обл. (б. Вознесенская вол. Каинского у., Томской губ.), оз. Мышайлы на левом берегу р. Тартаса — правом притоке Оми. Табл. 3в; д-35; 55°40′; 76°30′.

В 1894 г. Г. О. Оссовским обследованы курганы, расположенные близ оз. Мышайлы, находящегося в 6,4—7,5 км южнее дер. Красноярской.

Курганы расположены на «Мышайловской гривне» и разделены на две неравные части (17 и 5 курганов). Исследованию подвергнуты 7 курганов. Находки поступили в ГИМ.

ОАК за 1894 г., стр. 31; Г. О. Оссовский, 1896, стр. 139—147, 154; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 18.

742. Красноярская стоянка. В 1928 г. В. П. Левашевой обследована стоянка близ дер. Красноярской (см. № 741). Находки, состоящие из керамики и кремня, поступили в Омский музей и записаны в инвентарную книгу под № 741—745.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 18.

743. Мариинские курганы. Мариинка, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), левый берег р. Тартаса — правого притока Оми. Табл. 3в; д-36; 55°40′; 77°00′.

Близ деревни расположено 24 кургана.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139.

744. Преображенские курганы. Преображенка, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), правый берег Оми. Табл. 3в; е-36; 55°20′; 77°00′.

Близ деревни расположено 30 курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 12.

745. Преображенское городище. Близ дер. Преображенки (см. № 744) находится городище.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 12.

746. Преображенская стоянка. Близ дер. Преображенки (см. № 744) обнаружена стоянка.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 12.

747. Старо-Карачинские курганы. Старые Карачи, село Новосибирской обл., левый берег Оми. Табл. 3в; е-36; 55°20′; 77°00′.

Между с. Старые Карачи и станцией Чаны расположено 20 курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 11.

748. Покровские курганы. Покровка, село Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), правый берег р. Ичи — правого притока Оми. Табл. 3в; е-36; 55°20′; 77°00′.

С. М. Чугуновым обследована группа курганов в Покровской вол. в количестве 92. Из них 75 расположены около самого села.

С. М. Чугунов, 1897_1, стр. 139.

749. Осинцовские (Нижне-Осинцовские) курганы. Осинцово, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), левый берег Оми. Табл. 3в; е-36; 55°20′; 77°00′.

В ОАК за 1866 г. есть следующая заметка: «Близ деревни Осинцовской Радлов нашел огромное кладбище, которое простирается в длину версты на две и содержит около 200 бугров разной величины. Он разрыл около 20 маленьких и два больших кургана. В одном из последних, имевшем конусообразный вид, в западной части, на аршин над материком оказались два человеческих скелета с согнутыми ногами; у одного из них по бокам была заметна ржавчина от меди. Кости, совершенно сгнившие, повидимому, были покрыты слоем бересты. В восточной части того же кургана на самом материке лежала куча человеческих и лошадиных костей и между ними костяная стрела. В материке в середине кургана оказалась четырехугольная яма, глубиною в 2½ арш., наполненная рыхлым черноземом и обложенная внизу березовыми бревнами; найдено только на самом дне две кости от руки и два пальца от ноги. Следов железа не встретилось.

В другом большом кургане обнаружено более 20 человеческих скелетов. Вещей не было, но на многих скелетах следы ржавчины.

В некоторых курганах были встречены почти нетронутые скелеты и множество различных предметов: керамика, оружие и пр.».

В сведениях об археологических памятниках Барабы указывается группа курганов (16 насыпей) близ дер. Нижне-Осинцовой.

ОАК за 1866 г., стр. XIX—XX; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 10.

750. Антошкинские курганы. Антошкино, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), правый берег Оми. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

С. М. Чугунов указывает на пути от с. Булатова в дер. Антошкино, на 5-м км, вправо от дороги, два кургана.

С. М. Чугунов, 1897_1, стр. 139.

751. Булатовские курганы. Булатово, село Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), правый берег р. Узаклы — правого притока Оми. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

С. М. Чугуновым обследовано 3 кургана между дер. Ново-Кондаковой и с. Булатовым и 2 кургана близ с. Булатова.

С. М. Чугунов, 1897_1, стр. 139.

752. Тайлаковские курганы. Тайлаково, село Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Омь. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

Близ села находятся 8 курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 9.

753. Погорелковские курганы. Погорелка, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Омь. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

В окрестностях деревни находятся 5 курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 8.

754. Сергиевская (Сергинская) стоянка. Сергиево (Сергино), деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Омь. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

Близ деревни расположена стоянка.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 7.

755. Ново-Кондаковские курганы. Ново-Кондакова, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Омь. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

С. М. Чугуновым обследованы близ деревни 9 курганов.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 6.

756. Верхне-Осинцовские курганы. Верхне-Осинцово, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Омь. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

Близ деревни находятся 3 кургана.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 5.

757. Старо-Кондаковские курганы. Старо-Кондаково, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Омь. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

В окрестностях деревни, в разных местах на пашне отмечено несколько курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 4.

758. Марковские курганы. Марково, деревня Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), р. Омь. Табл. 3в; е-37; 55°20′; 77°30′.

Близ деревни расположены 7 курганов.

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 3.

759. Устьянцевский курган. Устьянцево, село Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), левобережье Оми. Табл. 3в; ж-37; 55°00′; 77°30′.

С. М. Чугуновым обследован курган, находящийся подле села.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139.

760. Абрамовские (Колмаковские) курганы. Эпоха бронзы. Абрамово (Колмакова), деревня Барабинского окр. Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), правый берег Оми. Табл. 3в; е-38; 55°20′; 78°00′.

В 1895 г. С. М. Чугуновым обследовано подле деревни 10 курганов. Затем один из курганов копал Е. М. Бессер-Засецкий. Материалы из его раскопок (костяные и медные поделки, прямоугольное глиняное блюдце, кости человека и животных) поступили в Омский музей и записаны в инвентарную книгу под № 793—800.

В 1927 г. В. П. Левашевой раскопан курган, не давший никакого материала.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139; Ф. В. Мелехин, 1928, стр. 141; В. П. Левашева, 1928₂, стр. 159; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 1.

761. Абрамовское (Колмаковское) городище. Городище расположено на правом берегу Оми, несколько западнее кладбища дер. Абрамовой (см. № 760), которая у местного населения называется Колмакова. Значительная часть площади городища размыта водой. Культурный слой, лежавший непосредственно под дерновым, обнажен и вытоптан скотом. Со всех сторон, кроме обрыва берега, городище окружено рвом и двумя валами. Открыто оно в 1926 г. Е. М. Бессер-Засецким во время разведки. Им же собрано по обрыву несколько костяных черешковых наконечников стрел.

В 1927 г. раскопки на городище производила В. П. Левашева. Ей удалось проследить несколько жилищ-землянок. Культурный слой дал большое количество керамического материала и несколько пряслиц. Находки хранятся в Омском музее (инвентарная книга, № 465—512, 702—719, 834—867).

В. П. Левашева, 1928₂, стр. 158; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 1.

762. Абрамовская стоянка. Близ дер. Абрамовой (см. № 760) расположена стоянка, материал с которой хранится в Омском музее (инвентарная книга, № 600—606).

«Археологические памятники Барабы...», 1934, № 1.

763. Куйбышевские (Каинские, Савкинские) курганы. Куйбышев, город Новосибирской обл. (б. г. Каинск Томской губ.), левый берег Оми. Табл. 3в; е-38; 55°20′; 78°00′.

С. М. Чугуновым обследована группа курганов, расположенных в 4 км от г. Каинска (Куйбышева) на так называемой «Савкиной гриве». Группа состоит из 20 курганов, один из них раскопан С. М. Чугуновым. В центре кургана оказалась грунтовая могила, в которой найдены остатки сожженного трупа, угли, пепел, следы бересты, два целых глиняных горшка с плоским дном и черепки других глиняных сосудов. Находки поступили в ГИМ и Эрмитаж.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139; 1897₂, стр. 41, 174.

764. Каинский курган. С. М. Чугуновым вскрыт курган близ г. Каинска (см. № 763), стоявший отдельно от Савкинской курганной группы.

С. М. Чугунов, 1898, стр. 102.

765. Сарпуловские (Барабушкинские) курганы. Сарпулово, Барабушка, деревни Новосибирской обл. (б. Каинский у. Томской губ.), левый берег Оми. Табл. 3в; е-38; 55°20′; 78°00′.

В 1895 г. С. М. Чугуновым осмотрена группа курганов, состоящая из 22 насыпей, близ дер. Барабушки, и группа из 22 курганов около дер. Сарпуловой.

С. М. Чугунов, 1897₁, стр. 139; «Археологические памятники Барабы...», 1934, № 2.

766. Барабинская (Бугристое) стоянка. Барабинск, город Новосибирской обл., оз. Бугристое на левобережье Оми. Табл. 3в; е-38; 55°20′; 78°00′.

В Омском музее хранится коллекция предметов со стоянки, расположенной на берегу оз. Бугристого близ Барабинска. Коллекция (инвентарные № 807—833) поступила от Е. М. Бессер-Засецкого, производившего сборы в 1926 г., и от В. П. Левашевой из разведок 1927 г.

В. И. Мошинская, 1949.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В собранных нами материалах об археологических памятниках Нижнего и Среднего Приобья приводятся очень ограниченные и отрывочные данные для изучения истории племен, заселявших эту громадную территорию со времени глубокой древности.

Неравномерное распределение археологических памятников (табл. 2) в некоторых случаях может быть объяснено чисто географическими условиями (тундра, болота и т. п.), но основная причина заключается в неисследованности района. Даже в местах наибольшего распространения археологических памятников они зарегистрированы далеко не полностью. Памятники и отдельные находки древностей с территории Западной Сибири, с нижнего и частично среднего течения Оби, известны очень давно. Но планомерные археологические работы начали проводить лишь в советский период. Большинство старых находок известно по случайным поступлениям, без указания точного местонахождения, а отдельные сведения о памятниках приводились часто даже без связи с каким-нибудь населенным пунктом. Поэтому нанесение памятников на карту было очень затруднено, местоположение их дано достаточно условно и требует проверки и детального исследования. Но даже при неполной фиксации данных можно наметить места, где требуются первоочередные исследования и стационарные работы. Много и сделано. Так, в конце XIX в. были проведены обследования С. К. Кузнецовым, А. В. Адриановым и Г. О. Оссовским в окрестностях г. Томска, в бывш. Мариинском округе и т. д. Большое количество вещей поступило в Археологическую комиссию через крестьянина С. С. Усова из Тарского и Ишимского округов. И. Я. Словцовым был подготовлен материал к археологической карте Тобольской губернии, охватывающей сведения о большом количестве курганов и городищ, главным образом по рр. Иртышу, Тоболу с притоками и Ишиму. Большинство памятников И. Я. Словцов обследовал сам, часть сведений им получена из литературных источников, лишь в редких случаях им не проверенных на месте. Работы последних лет, проведенные В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, показали, что сведения И. Я. Словцова составлены исключительно тщательно, и им вполне можно доверять.

Территория бассейна левых притоков Тобола, главным образом верховьев Туры и Исети, как видно из прилагаемой карты (табл. 2), насыщена археологическими памятниками, хотя они помещены на карту далеко не полностью. Так, например, на археологической карте г. Свердловска и его окрестностей, составленной Е. М. Берс, для небольшого района даны сведения о 300 памятниках (табл. 6), которые объединены нами, причем указан лишь населенный пункт или какая-нибудь местность, близ которой сосредоточена группа памятников. Таких пунктов нами выделено около шестидесяти.

О памятниках Нарымского края в неопределенных и непроверенных сведениях А. Ф. Плотникова говорится как о каких-то «буграх», иногда называемых курганами; так же неопределенно упоминаются и отдельные находки. В то же время именно из Нарымского края происходят прекрасные бронзовые вещи ажурного литья, найденные у горы Кулайки и с. Подгорного. Там же найден бронзовый сосуд, напоминающий по фор-

ме скифские, и встречены серебряные предметы (см. работы И. И. Мягкова).

В окрестностях г. Томска (табл. 4) и низовьях р. Чулыма (табл. 5) открыто более 100 памятников. Но и из них многие лишь зарегистрированы и ждут дальнейшего изучения. На всей этой огромной территории известен лишь один памятник палеолитического времени — временная стоянка (см. № 109), расположенная около г. Томска. Здесь найден скелет мамонта, остатки кострищ, кремневые отщепы.

Неолитических местонахождений известно очень мало, и изучены они пока также недостаточно. На р. Сев. Сосве В. Н. Чернецовым обследовано три стоянки (№ 135а, 142, 147), отнесенные исследователем к позднему неолиту. Близ устья р. Туры, в районе Андреевского озера (см. № 443), расположено большое количество памятников, относящихся к различному времени, начиная с развитого неолита. Место исключительно интересное в археологическом отношении и требующее дальнейших работ. При исследовании Горбуновского торфяника (см. № 516) близ Нижнего Тагила среди других памятников известна одна неолитическая стоянка — Стрелка.

Материалы раскопок Шигирского торфяника (см. № 504) и отдельные находки, полученные в связи с промысловой разработкой, свидетельствуют о том, что здесь в течение долгого времени обитало древнее население. Памятники шигирской культуры, названной по имени торфяника, при детальной обработке разделяются на более древние и более поздние. Уже П. А. Дмитриевым были выделены наиболее древние вещи. В настоящее время четко определяются находки, относимые к шигирской культуре эпохи неолита и к шигирской культуре эпохи бронзы.

На реке Исети и ее притоках известен ряд памятников (№ 559, 560, 562, 576, 596, 605), имеющих, по определению К. В. Сальникова, неолитический облик. Особый интерес представляет Смоленская стоянка (№ 560), открытая во время обмеления оз. Смолина. Большое количество кремневых предметов, осколков и отщепов кремня позволяют говорить о том, что стоянка являлась и местом производства орудий.

Близ г. Томска А. В. Адриановым и С. К. Кузнецовым в конце прошлого века проведены раскопки могильника. Детальное изучение этих материалов позволило М. Н. Комаровой выделить погребения, относящиеся к неолитической эпохе.

В верховьях р. Тобола О. Н. Бадером раскопаны две стоянки (см. № 518), относимые им к середине II тысячелетия до н. э. Неолитический облик стоянок несомненен, хотя имеются элементы и более позднего времени.

Эпоха бронзы представлена уже значительно полнее. Отмечено 46 памятников (см. сводную таблицу на стр. 245) — № 8, 17, 107, 152, 168, 179, 231, 237, 238, 242, 244, 282, 290, 359, 443, 481, 518, 536, 556, 559, 561[1], 582, 585, 679, 727, 760.

Памятников, относящихся к эпохе раннего железа, к I тысячелетию до н. э. и к рубежу I тыс. до н. э. и I тыс. н. э., зарегистрировано 66. Часть их должна быть включена в группу локальных вариантов усть-полуйской и потчевашской культур (см. работы В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской в настоящем сборнике).

Мне яснее, чем кому-либо, видны недостатки моей работы. Я сознательно называю ее «Материалы к археологической карте», так как она не отвечает требованиям, предъявляемым к настоящей археологической карте, где о каждом памятнике должны быть даны более полные и более определенные сведения с точным определением местонахождения, с планами, чертежами и иллюстративным материалом найденных вещей. Такие карты могут и должны быть составлены отдельными исследователями для небольших районов так, чтобы сведения могли быть проверены автором работы. Начало уже положено. Карты В. С. Синяева и Г. В. Трухина (табл. 5 и 4) составлены в результате личного обследования почти всех памятников, помещенных на них.

Решаясь выступать с данной работой, надеюсь, что она послужит толчком для составления более подробных и более точных археологических карт для данной и смежных территорий. Помимо общих археологических карт, очень нужны, особенно для Западной Сибири, карты, составленные для различных эпох. Картографирование всех известных памятников определенного времени и детальное изучение материала позволят выделить

[1] Под № 561 отмечено двадцать курганных групп.

локальные варианты археологических культур, совершенно естественные на столь большой территории.

При составлении любых археологических карт крайне необходимо единообразие, стандартизация описаний. Чтение любой археологической карты, всегда являющейся до некоторой степени изданием справочного характера, должно быть по возможности облегчено.

Такие сведения, как номер, название памятника, дата, если она известна, местонахождение, источники и тому подобные выходные данные, всегда должны стоять на определенном месте.

Текст, в зависимости от поставленных задач, от материала, имеющегося в распоряжении автора, можно излагать так, как автор находит нужным. Единообразие в изложении материала облегчит задачу составления общей археологической карты для всего Советского Союза — задачу, поставленную Всесоюзным археологическим совещанием 1945 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов. Курганы и городища в Тюменском, Ялуторовском и Курганском уездах Тобольской губ. «Известия Археологического общества», т. 2. СПб., 1861 (№ 286[1]).

Адрианов А. В. Томский могильник. Извлечения из дневника раскопок. ОАК за 1889 г. СПб., 1892 (№ 107).

Адрианов В. С. Отчет о раскопках 1935 года. Архив ЛОИИМК (№ 4).

Адрианов В. С. Раскопки у Сале-Харда в 1935 году. СА, т. I. М.— Л., 1936 (№ 4).

«Антропологическая выставка», т. 3, вып. 2 (Описание доисторического отдела). М., 1879 (№ 224).

Анучин Д. Н. Дневник экспедиции 1887 года на Урал (Материалы в архиве Музея антропологии в Москве). 1887$_1$ (№ 429, 430, 431, 432, 433, 522, 611).

Анучин Д. Н. Предварительные сведения о памятниках; результаты экспедиции 1887 года на Урал (Материалы в архиве Музея антропологии в Москве). 1887$_2$ (№ 431, 432, 525, 564, 565, 566).

Аргентовский Ю. П. Археологические находки на дюнах близ д. Могилевой Шадринского уезда. ЗУОЛЕ, т. XXXI, вып. 1, Екатеринбург, 1911 (№ 568).

Arne T. I. Barsoff gorodok. Stockholm, 1935 (№ 37, 38).

«Археологические памятники Барабы по течению р. Оми» (Архив ИИМК в Ленинграде, № 253), 1934 (№ 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 741, 742, 744, 745, 746, 747, 749, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 760, 761, 762, 765).

Архив Молотовского (Пермского) музея (№ 623).

Бадер О. Н. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. (Предварительное сообщение). КСИИМК, вып. XVI. 1947 (№ 518, 519, 521, 679).

Бадер О. Н. Археологические исследования на Урале в 1946 г. КСИИМК, вып. XX. 1948 (№ 518, 520, 521, 522, 529, 583, 585).

Бадер О. Н. Новый тип неолитического поселения на Урале. СЭ, № 2. М., 1949 (№ 518).

[1] В этом, как и в последующих случаях, цифры в скобках обозначают номера памятников, о которых есть сведения в данной работе.

«Басандайка». Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. «Труды ТГУ и ТГПИ» (т. 98). Томск, 1947 (№ 111, 113).

Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей. МИА, № 21. М., 1951 (№ 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 489, 490, 491, 492, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 505, 506, 523, 611, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685).

Бирюков В. П. Природа и население Шадринского округа. Шадринск, 1926—1927 (№ 556).

Богданов А. П. Курганные черепа Тарского округа Тобольской губернии. «Антропологическая выставка», т. 2. М., 1879 (№ 224).

Боч С. Г. Стоянки в бассейне Северной Сосвы и Конды. «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода», вып. 5. М., 1937 (№ 128, 130, 131, 132, 134, 135, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262).

Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах. Сборник «Басандайка». Томск, 1947 (№ 113).

«Верхотурский уезд. Список населенных мест Пермской губернии». Пермь, 1909 (№ 525).

Гебауэр Ф. Ю. Заметки о Кашинском чудском городище. ЗУОЛЕ, т. XI, вып. 1. Екатеринбург, 1887 (№ 452).

Heikel A. Antiquités de la Sibérie Occidentale «Memoires de la Sociéte Finno-Ougrienne», VI. Hels., 1894 (№ 172, 173, 174, 179, 277, 281, 282, 290, 536, 712).

Голодников К. [О курганах Тобольской губ.]. Тобольск, 1879 (№ 12, 139, 151, 224, 287, 295, 426, 482, 545, 546, 547, 707).

Гольмстен В. В. Обзор археологических работ в 1937 году. ВДИ, № 3 (4). М., 1938 (№ 358, 562).

Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888 (№ 133).

Городков Б. Н. Поездка на Салым. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. XXI, II отд. Тобольск, 1913 (№ 34, 35, 36).

Гриневич В. Н. Описание басандайской кера-

мики. Сборник «Басандайка». Томск, 1947 (№ 111, 113).

Гриневич К. Э. Археологическое исследование урочища «Басандайка» близ г. Томска. Сборник «Басандайка». Томск, 1947_1 (№ 111, 113).

Гриневич К. Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики. Сборник «Басандайка». Томск, 1947_2 (№ 111, 113).

Дмитриев П. А. Липчинская неометаллическая стоянка. «Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания», вып. II. РАНИОН, М., 1928 (№ 481).

Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы. «Труды Секции археологии Инст. археологии и искусствознания», вып. IV. РАНИОН, М., 1929 (№ 172, 228, 233, 471, 472, 473, 474, 481, 583).

Дмитриев П. А. Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети. Свердловск, 1934 (№ 679).

Дмитриев П. А. Вторая Андреевская стоянка. Сборник статей по археологии СССР. «Труды ГИМ». М.,1938 (№ 443, 444, 559).

Дмитриев П. А. Жертвенные камни Зауралья. КСИИМК, вып. XIX, 1948 (№ 339, 347, 536, 572, 588, 665).

Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. МИА, № 21. М., 1951_1 (№ 443, 444, 471, 472, 481, 559, 679).

Дмитриев П. А. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21. М., 1951_2 (№ 443, 444, 568).

Дмитриев-Мамонов А. И. Курган № 15 на Чувашском мысу близ Тобольска (в архиве библиотеки Тобольского музея, инв. № 30794) (№ 173).

Дульзон А. П. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке. Сборник «Басандайка». Томск, 1947 (№ 113).

Дурылин С. Н. Раскопки под Челябинском. ЗУОЛЕ, т. 40, вып. 2. Свердловск, 1927_1 (№ 560, 561).

Дурылин С. Н. Челябинские курганы. «Сборник материалов по изучению Челябинского округа», кн. 1. Челябинск, 1927_2 (№ 561).

Екатеринбургский уезд. Список населенных мест Пермской губ. Пермь, 1909.

Ермолаев Л. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914 (№ 96).

Ефименко П. П. и Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2. М.—Л., 1941 (№ 109).

ЖМВнД, 1855, ноябрь (№ 578).

ЖМНП, 1855, декабрь, отд. II (№ 152, 578).

Знаменский М. С. Чувашский мыс. Тобольск, 1891 (№ 172).

Знаменский М. С. Исторические окрестности г. Тобольска. Тюмень, 1901 (№ 172).

Зограф Н. Ю. Поездка 1878 года. «Антропологическая выставка», т. 2. М., 1879_1 (№ 583, 587, 589, 590).

Зограф Н. Ю. [О памятниках близ г. Шадринска]. «Антропологическая выставка», т. 3, вып. 1. М., 1879_2 (№ 583, 587).

Зограф Н. Ю. Описание доисторического отдела. «Антропологическая выставка», т. 3, вып. 2. М., 1879_3 (№ 583).

Зограф Н. Ю. [Об исследованиях в Шадринском уезде]. «Известия Общества ЛЕАЭ при Московском университете». М., 1879_4 (№ 583).

Зырянов А. Н. Курганы у села Замараевского Шадринского уезда Пермской губ. ИРАО, т. IV, 1863 (№ 579, 584, 587, 600).

Зырянов А. Н. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губ. и находки в них. ЗУОЛЕ, т. VII, вып. 3. Екатеринбург, 1883 (№ 583, 584).

ИАК. Прибавления: к вып. 18. СПб., 1906 (№ 639); к вып. 22. СПб., 1907 (№ 347, 504); к вып. 32. СПб., 1909 (№ 516); к вып. 42. СПб., 1911 (№ 204); к вып. 52. Пг., 1914 (№ 672).

Иванов А. И. Золотой набор. ИАК, вып. 3. СПб., 1902 (№ 712).

«Казанские известия», 1812, № 24 (По архиву А. А. Спицына в ИИМК) (№ 528).

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», т. XXII. Оренбург, 1910 (№ 358).

Кащенко Н. Ф. К вопросу об одновременности существования человека и мамонта. «Труды X-го археологического съезда в Риге в 1896 году», т. I. М., 1889 (№ 109).

Кащенко Н. Ф. О нахождении остатков мамонта около Томска. ИАН, т. V, № 1, 1896_1 (№ 109).

Kastschenko N. Ein von Menschen verzehrtes Mammut. «Correspondenz-Blatt der deutsch. Ges für Anthrop., Ethnol. und Urgesch.», 1896_2, № 2 (№ 109).

Кащенко Н. Ф. Скелет мамонта со следами употребления в пищу современным ему человеком. «Записки Академии Наук. Серия естественно-историческая», т. IX, № 7, 1901 (№ 109).

Кирпищиков Г. 2000 лет тому назад. Газета «Красное знамя», 1940, 9 мая. Тюмень (№ 473).

Киселев С. В. Советская археология Сибири периода металла. ВДИ, № 1 (2). М.—Л., 1938 (№ 70, 472, 473, 733).

Киселев С. В. 25 лет советской археологии. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.—Л., изд. АН СССР, 1942 (№ 4, 516, 517).

Киселев С. В. Археологические экспедиции ИИМК АН СССР в 1945 г. ВДИ, № 2. М.—Л., 1946 (№ 240, 242).

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9. М., 1949 (№ 4, 70, 107).

Комарова М. Н. Томский могильник. МИА, № 24. М., 1951 (№ 107).

Кузнецов С. К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 г. «Известия Томского университета», т. I. Томск, 1890 (№ 102, 105, 106, 107, 116, 117).

Кузнецов С. К. Находка скелета мамонта и человеческих следов близ Томска в Западной Сибири. Gaea, 1897, № 4 (109).

Левашева В. П. Вознесенское городище Барабинского округа. «Известия Государственного Западно-Сибирского музея», № 1. Омск, 1928₁ (№ 105, 179, 231, 568, 646, 733).

Левашева В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926—1927 г. «Известия Государственного Западно-Сибирского музея», № 1. Омск, 1928₂ (№ 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 242, 243, 735, 760, 761).

Левашева В. П. Два сосуда из курганов Омской области. КСИИМК, вып. XX, 1948 (№ 228).

Левашева В. П. О городищах Сибирского юрта. СА, т. XIII. М.—Л., 1950 (№ 102, 105, 116, 118, 152, 179, 733.

[Лепехин И. И.] Полное собрание ученых путешествий по России, т. III—V. Записки путешествия академика Лепехина, 1821 (№ 474, 482, 606).

Лобанов Д. И. Каталог музея УОЛЕ в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1897 (№ 504).

Лыткин Н. А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск, 1890 (№ 188).

Малахов М. В. Отчет об антропологическом исследовании в Пермской губ. в 1881—1882 гг. (Архив ИИМК) (№ 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 504, 505, 515, 524, 525, 526, 527, 563, 608, 609, 610).

Маракуев А. В. Китайские бронзы из Басандайки. Сборник «Басандайка». Томск, 1947 (№ 113).

Мелехин Ф. В. Пять лет работы музея (Краткий отчет за 1923—1928 гг.). «Известия Государственного Западно-Сибирского музея», № 1. Омск, 1928 (№ 229, 234, 235, 242, 733, 735, 760).

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1937 (№ 186).

Минко Н. К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде. ЗУОЛЕ, т. XXVI. Екатеринбург. 1907 (№ 561).

Мошинская В. И. Записи о памятниках и находках в Западной Сибири по материалам местных музеев (Архив ИИМК) [1]. М., 1949 (№ 27, 28, 30, 32, 35, 39, 136, 148, 154, 162, 163, 164, 166, 170, 174, 181, 182, 190, 191, 194, 197, 198, 222, 236, 237, 238, 239, 244, 245, 300, 346, 367, 686, 688, 689, 694, 701, 725, 727а, 766).

Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. МИА, № 35. М., 1953₁ (№ 4).

Мошинская В. И. Керамика Усть-Полуя. МИА, № 35. М., 1953₂ (№ 4).

Мошинская В. И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. МИА, № 35. М., 1953₃ (№ 8, 9).

Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре). МИА, № 35. М., 1953₄ (№ 172, 173).

[1] Использовано с согласия автора, за что приношу В. И. Мошинской глубокую благодарность.— *И. Т.*

Мягков И. М. Находка на горе Кулайке. «Труды Томского краевого музея», т. I. Томск, 1927 (№ 70, 172, 173, 188, 202).

Мягков И. М. Древности Нарымского края (В собрании Томского краевого музея). «Труды Томского краевого музея», т. II. Томск, 1929 (№ 41, 44, 70, 71, 72, 73, 74, 188).

Носилов К. Д. Исторические памятники племени манси, «Известия Общества ЛЕАЭ при Московском университете», т. XLIX, вып. 5 «Труды Антропологического отд.», т. IX, вып. 3). Протоколы заседаний Антропологического отд. Общества М., 1890 (№ 14, 15, 137, 145, 434).

ОАК за 1866 г. СПб., 1868 (№ 749).

ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891 (№ 94, 107, 550, 573).

ОАК за 1889 г. СПб., 1892 (№ 107, 108, 124, 586).

ОАК за 1890 г. СПб., 1893₁ (№ 125, 712).

ОАК за 1891 г. СПб., 1893₂ (№ 77, 123, 125, 640, 646).

ОАК за 1892 г. СПб., 1894 (№ 78, 646).

ОАК за 1893 г. СПб., 1895 (№ 201, 640).

ОАК за 1894 г. СПб., 1896 (№ 188, 646, 741).

ОАК за 1895 г. СПб., 1897 (№ 81, 82, 84, 87, 90, 92, 591, 592, 593, 594).

ОАК за 1896 г. СПб., 1898 (№ 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 103, 595, 738).

ОАК за 1897 г. СПб., 1900 (№ 16, 97, 104, 146, 687).

ОАК за 1898 г. СПб., 1901 (№ 16, 658, 690).

ОАК за 1900 г. СПб., 1902 (№ 195, 217, 218).

ОАК за 1901 г. СПб., 1903 (№ 217).

ОАК за 1902 г. СПб., 1904 (№ 95, 217).

ОАК за 1903 г. СПб., 1906 (№ 217).

ОАК за 1905 г. СПб., 1907 (№ 217).

ОАК за 1906 г. СПб., 1909 (№ 504).

ОАК за 1907 г. СПб., 1910 (№ 192, 690).

ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913 (№ 560, 726).

ОАК за 1911 г. Пг., 1914 (№ 217, 504, 621).

ОАК за 1912 г. Пг., 1916 (№ 217, 578).

ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918 (№ 179, 192, 193, 485, 486, 487, 488, 493, 503, 504, 512, 513, 514, 556, 557, 627, 638).

«Обзор деятельности Секции археологии Научно-исследовательского института археологии и искусствознания за 1927 г.», «Труды Секции археологии», вып. III. РАНИОН, М., 1928 (№ 472, 481).

Оссовский Г. О. Отчет о раскопках, произведенных в Томской губ. ОАК за 1894 г. СПб., 1896 (№ 741).

«Отчет о состоянии коллекций Тобольского губ. музея в 1892 году». «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. I. Тобольск, 1893 (№ 179).

«Отчет о состоянии коллекций Тобольского губернского музея в 1893 году». «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. II. Тобольск, 1894 (№ 153, 172, 179).

Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786 (№ 387, 522, 714).

«Памятная книжка Тобольской губернии». Тобольск, 1884 (№ 12, 13).

Patkanow S. Die Irtysch-Ostjaken. I. SPb., 1897 (№ 31).

Патканов С. К. Краткий отчет о поездках в Тобольскую губернию с археологическими целями в 1887 и 1888 гг. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891 (№ 31, 32, 33, 153, 158, 159, 161, 185, 187, 246, 247).

Пепяев Е. М. Описание ведущих кремневых орудий с Басандайского городища. Сборник «Басандайка». Томск, 1947 (№ 111).

«Пермские губернские ведомости», 1855, № 28. Пермь (№ 524).

Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище). «Ежегодник Тобольского музея», вып. 25. Тобольск, 1915 (№ 179).

Плахов А. П. Протоколы заседаний Западно-Сибирского отд. Русского географического общества за 1897 г. (№ 234).

Плотников А. Ф. Нарымский край. «Записки Русского географического общества», т. X, вып. 1. СПб., 1901 (№ 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68).

Поляков И. С. Путешествие по Оби. СПб., 1865 (№ 21, 155).

Поляков И. С. Описание каменных орудий Курганского округа Тобольской губернии. «Антропологическая выставка», т. 3. М., 1879 (№ 157, 352, 353, 365, 366, 368, 369, 370, 372, 373).

Попов П. С. К надписи на китайском поясе. ИАК, вып. 4. СПб., 1902 (№ 712).

Рагозин Л. А. Геологический очерк района археологических раскопок на берегу р. Томи в устье речки Басандайки. Сборник «Басандайка». Томск, 1947 (№ 111).

Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 1. МАР, № 3. СПб., 1888 (№ 153).

Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 3. МАР, № 15. СПб., 1894 (№ 170, 179, 265).

Раушенбах В. М. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, (№ 500, 504, 517, 518, 669, 675, 679).

Розов Н. С. Черепа из курганов Басандайки. Сборник «Басандайка». Томск, 1947 (№ 113).

Савельев. [О самаровских находках]. ЖМВД, 1852, № 7 (№ 152).

Сальников К. В. Три года работы на городище Чудаки. КСИИМК, вып. V, 1940_1 (№ 358).

Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской обл. МИА, № 1, М.— Л., 1940_2 (№ 560).

Сальников К. В. Челябинская область, сел. Федоровка. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л., 1941 (№ 561).

Сальников К. В. Городище «Чудаки» Челябинской обл. по раскопкам 1937 г. СА, т. IX. М.—Л., 1947 (№ 358, 473, 561).

Сальников К. В. В глубине веков (Очерки о жизни первобытного населения Урала). Свердловск, 1949 (№ 358, 359, 396, 504, 516, 561, 562, 567, 578, 625, 640, 646).

Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21. М., 1951 (№ 443, 444, 471, 481, 556, 558, 559, 560, 561, 576, 582, 585, 596, 605).

Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. СА, т. XIII. М.— Л., 1950 (№ 75).

Скалозубов Н. Л. Отчет о состоянии коллекций в 1894 г. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. V. Тобольск, 1895—1896 (№ 691).

Скалозубов Н. Л. Отчет консерватора Тобольского губернского музея за 1897—1898 гг. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. XII. Тобольск, 1901—1902 (№ 16, 29, 30, 146, 179).

Словцов И. Я. О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени. «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. VII, вып. 1. Омск, 1884 (?) (№ 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444).

Словцов И. Я. Археологические памятники Тобольской губернии (Архив Музея антропологии в Москве). 1887[1] (№ 12, 13, 19, 37, 38, 40, 126, 156, 160, 163, 165, 167, 169, 170, 172, 173, 174, 178, 179, 180, 183, 184, 186, 189, 203, 205, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 296, 297, 298, 299, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 348, 349, 350, 351, 354, 355, 356, 357, 360, 361, 362, 363, 364, 371, 374, 397, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 427, 428, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 465, 467, 468, 469, 470, 471, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 482, 483, 484, 507, 508, 509, 510, 511, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 547, 548, 549, 551, 553, 554, 692, 693, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724).

Словцов И. Я. В стране кедра и соболя (Очерк Тавдинско-Пелымского края). «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. XIII, вып. 1. Омск, 1892 (№ 403, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415,

---

[1] Точных данных о времени, когда писал И. Я. Словцов, в архиве Музея антропологии не имеется; но, говоря о Большерецких и других курганах, он указывает, что они были раскопаны Е. Н. Малаховым «20 лет назад». Судя по данным Антропологической выставки, Малахов копал в 1867 г. Следовательно, сведения Словцова можно отнести к 1887 г.— *И. Т.*

416, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 427, 428).

Словцов И. Я. Каталог музея тюменского реального училища. Тюмень, 1905 (№ 536).

Смирнов А. П. Археологические исследования в РСФСР в 1946 году. КСИИМК, вып. XXIII, 1948 (№ 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10, 11, 111, 118, 518, 585).

Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909 (№ 16).

Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии. «Труды 2-й Международной конференции АИЧПЕ», вып. V. М.—Л., 1937 (№ 109).

Спицын А. А. Приуральский край. МАВГ, вып 1. М., 1893 (№ 172).

Спицын А. А. Сведения 1873 года о городищах и курганах. ИАК, вып. 5. СПб., 1903 (№ 358).

Спицын А. А. Зауральские древние городища. «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. VIII, вып. 1. СПб., 1906_1 (№ 172, 452, 526, 562, 569, 570, 571, 574, 575, 577, 579, 580, 581, 587, 599, 601, 602, 603, 604, 607, 612, 613, 614, 615, 617, 618, 620, 622, 624, 626, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 646).

Спицын А. А. Шаманские изображения. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. СПб., 1906_2 (№ 31).

Степанов П. В. Путевые записки, веденные во время поездки летом 1885 г. в верховьях рек Тартаса и Тары. «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. VIII. Омск, 1886 (№ 219).

Стиоса В. Ценные находки. Газета «Красное знамя», 1940, 29 мая, Томск (№ 105, 106).

«Текущая хроника музея». «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. I. Тобольск, 1893 (№ 201).

«Текущая хроника музея». «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. II. Тобольск, 1894 (№ 171).

Терновский А. А. Библиография и иконография Тобольского губернского музея. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. II. Тобольск, 1894 (№ 712).

«Тобольская правда» (Газета), 1940, 11 июня, Тобольск (№ 179).

«Тобольские губернские ведомости», 1894, № 24, Тобольск (№ 21, 171).

Трухин Г. В. Археологическая карта Томского района. Сборник «Басандайка». Томск, 1947_1 (№ 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122).

Трухин Г. В. Краткий сводный дневник раскопок городища Басандайка за 1944—46 гг. Сборник «Басандайка». Томск, 1947_2 (№ 111).

Уваров Ф. А. Дневник экспедиции на Урал в 1887 г. (Архив Музея антропологии МГУ в Москве) (№ 497, 583, 609, 610, 611, 614, 615, 616, 618, 640, 641, 642, 643, 646, 647, 656).

«Указатель выставки при VII Археологическом съезде». Ярославль, 1887 (№ 646).

Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда. «Пермский сборник», вып. 1. М., 1859 (№ 552).

«Уфимские губернские ведомости», 1865, № 65, Уфа, (№ 565).

Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, т. I. Томск, 1894 (№ 397, 398, 399, 400, 401, 402, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 416, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 427, 428, 452, 545, 579, 584, 597, 598, 640, 645)

«Хроника Тобольского музея за 1898 год». «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. XIII Тобольск, 1902 (№ 16, 196, 204).

Худяков М. Г. Древности Малмыжского уезда. «Труды Вятской ученой архивной комиссии», вып. I, II. Вятка, 1917 (№ 174).

Чернецов В. Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.). СА, т. III. М.—Л., 1937 (№ 135, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 149, 150).

Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX, 1941 (№ 4, 70, 127, 135, 135а, 147, 625).

Чернецов В. Н. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X века н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1946_1 (№ 4).

Чернецов В. Н. Отчет о работе Мангазейской экспедиции в 1946 году. (Архив ИИМК). М., 1946_2 (№ 5, 6, 7, 10, 11).

Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия», т. I. М.—Л., 1947_1 (№ 4, 70, 127, 172, 188).

Чернецов В. Н. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, вып. XVI, 1947_2 (№ 4, 108, 173, 177, 217, 559, 640, 648, 658).

Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области (Работы Северо-Барабинской экспедиции 1945 г.). КСИИМК, вып. XVII, 1947_3 (№ 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 240, 241, 242, 733).

Чернецов В Н. Отчет о работах экспедиции в 1948 году (Архив ИИМК). М., 1948 (№ 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 128, 129, 130, 133, 167, 168, 175, 176, 200).

Чернецов В. Н. Зеленая горка близ Салехарда. КСИИМК, вып. XXV, 1949 (№ 1, 2, 3, 17, 135).

Чернецов В. Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1951 году (Архив ИИМК) (№ 441, 442, 445, 446, 448, 466).

Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, М., 1953_1 (№ 4, 18, 443, 444).

Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени. МИА, № 35, М., 1953_2 (№ 144, 148, 222).

Чернецов В. Н. и Мошинская В. И. Городище Большой лог. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 (№ 727).

Чугунов С. М. Сведения о курганах в Каинском округе Томской губернии. ОАК за 1895 г. Приложение V. СПб., 1897_1 (№ 731, 733, 734, 735, 737, 738, 740, 743, 748, 750, 751, 755, 759, 760, 763, 765).

Чугунов С. М. О раскопках в Каинском округе Томской губернии. ОАК за 1895 г. СПб., 1897_2 (№ 106, 739, 763).

Чугунов С. М. Отчет о раскопках в 1896 г. в Каинском уезде Томской губернии. ОАК за 1896 г. СПб., 1898 (№ 739, 764).

Шатилов М. Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея. «Труды Томского краевого музея», т. I. Томск, 1927 (№ 69, 76, 98, 107, 113).

Шишонко В. Н. Пермская летопись. IV период. Пермь, 1884 (№ 525, 530).

Шмидт А. В. Олово севера Европейской части СССР. «Археологические работы ГАИМК на новостройках», т. II. Л., 1935 (№ 31, 127, 247).

Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. XXI, II отд. Тобольск, 1913 (№ 33, 34, 35, 36).

Шульц Л. Р. Салымские остяки. «Записки Тюменского общества научного изучения местного края», вып. 1. Тюмень, 1924 (№ 247).

Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района. «Урал», 1926, № 8 (№ 247).

Шухов И. Н. Труды Томского краевого музея, т. I. Томск, 1927 (№ 199).

Эдинг Д. Н. Горбуновский торфяник. «Материалы по изучению Тагильского округа», вып. 3. Тагил, 1929 (№ 516).

Эдинг Д. Н. «Идолы» Горбуновского торфяника. СА, т. IV. М.— Л., 1937_1 (№ 504, 516).

Эдинг Д. Н. О результатах раскопок на Горбуновском торфянике в 1936 году. «Историк-марксист», 1937_2, № 2 (№ 516).

Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. «Труды «ГИМ», вып. X. М., 1940_1 (№ 516, 517).

Эдинг Д. Н. Новые находки на Горбуновском торфянике. МИА, № 1. М.— Л., 1940_2 (№ 516).

Эдинг Д. Н. Свердловская область. Гор. Нижний Тагил. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг.». М.— Л., 1941 (№ 516).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

Название и вид памятника	№ памятника	Название раздела	№ раздела
Абалакские курганы	184	Иртыш	3
Абрамовская стоянка	762	Омь	10
Абрамовские (Колмаковские) курганы	760	Омь	10
Абрамовское (Колмаковское) городище	761	Омь	10
Адуйские находки	491	Тура	7
Азбакенский курган	285	Тобол	5
Айдашинская пещера (жертвенное место)	97	Обь	1
Айполовское (Вачег-юг) местонахождение	42	Обь	1
«Айполовы бугры», находки	43	Обь	1
Ак[illegible]вские находки	688	Ишим	9
Акцыбар-кала (Варваринское) городище	277	Тобол	5
Алакульские (Челябинские) курганы	561	Исеть	8
Алапаевские писаницы	503	Тура	7
Алафейское (Искер, Кучумово) городище	179	Иртыш	3
Алемасовское (Сузгун I) городище	167	Иртыш	3
Алемасовское (Сузгун II) культовое место	168	Иртыш	3
Алешкинские (Кондинский сор) находки	245	Конда	4
Алешкинское городище	22	Обь	1
Аллакские писаницы	638	Исеть	8
Алчедатские курганы	89	Обь	1
Ананьевское городище	216	Иртыш	3
Андреевские курганы	436	Тура	7
Андреевские стоянки	443, 444	Тура	7
Андреевский могильник	437	Тура	7
Андреевское (Жилье) городище	442	Тура	7
Андреевские 1-е, 2-е, 3-е городища	438—440	Тура	7
Андрюшин городок	441	Тура	7
Андрюшинские курганы	398	Тавда	6
Андрюшинский курган	397	Тавда	6
Аникинский (Басандайский) курганный могильник	113	Обь	1
Аникинское (Басандайское) 1-е городище	111	Обь	1
Аникинское (Басандайское) 2-е городище	112	Обь	1
Антипинские 1-е, 2-е городища	469, 470	Тура	7
Антоновский курган	467	Тура	7
Антошкинские курганы	750	Омь	10
Аньинское (Усть-Аньинское) городище	132	С. Сосва	2
Ar-jax-vas (Кинтусовское) городище	35	Обь	1
Аракчинское городище	269	Тобол	5
Арамильская стоянка	6[illegible]8	Исеть	8
Аристовый курган	337	Тобол	5
Арлагульский курган	315	Тобол	5
Артынские курганы	225	Иртыш	3
Архангельские курганы	541	Исеть	8
Архиерейская заимка, курганы	103	Обь	1
Афонькинский курган	725	Ишим	9
Ачикульские курганы	335	Тобол	5
Аятская стоянка	498	Тура	7
Аятские находки	495	Тура	7
Аятский могильник	499	Тура	7
Аятское озеро, стоянки, находки	500	Тура	7
Бабий (Голшиевский) курган	357	Тобол	5
Багарякские чудские копи	608	Исеть	8
Баженовские курганы	457	Тура	7
Бакалдинские 1-е, 2-е городища	574, 575	Исеть	8

Название и вид памятника	№ памятника	Название раздела	№ раздела
Зеленая горка, селище	2	Обь	1
Зеленая горка, стоянка	1	Обь	1
Змеево (Красногорское) городище	534	Исеть	8
Золотой Китат, курганы	77	Обь	1
Зуевское городище	425	Тавда	6
Зюзелкинская находка	595	Исеть	8
Иванкинские курганы	63	Обь	1
Ивановская находка	177	Иртыш	3
Ивановские курганы	176	Иртыш	3
Ивановское городище	175	Иртыш	3
Ивдельские находки	429	Тавда	6
Ивдельские 1-е, 2-е городища	431, 432	Тавда	6
Игнатьевские курганы	735	Омь	10
Игнатьевское городище	736	Омь	10
Иготкинские курганы	66	Обь	1
Jem-dan-jag (Саранпаульский) могильник	141	С. Сосва	2
Jipiy — cjka (Яныпауль 2-е), жертвенное место	150	С. Сосва	2
Иковская (Китерминская, Саимская) находка	202	Иртыш	3
Иковские находки	346	Тобол	5
Ильинские 1-е, 2-е, 3-е городища	601—603	Исеть	8
Имшегальские курганы	199	Иртыш	3
Ингалинские курганы	531	Исеть	8
Индеево, стоянка	596	Исеть	8
Индра-озеро, городище	406	Тавда	6
Индра-озеро, находки	405	Тавда	6
Ирбитские писаницы	485	Тура	7
Иртяшские находки	644	Исеть	8
Иртяшское 1-е (Островки) городище	640	Исеть	8
Иртяшское 2-е (Белая Галька) городище	641	Исеть	8
Иртяшское 3-е (Мокрая Яма, Новая Деревня) городище	642	Исеть	8
Иртяшское 4-е (Старая Займа) городище	643	Исеть	8
Ирюмские 1-е, 2-е курганы	543, 544	Исеть	8
Ирюмское (Юрюмское) городище	545	Исеть	8
Исаковские 1-е, 2-е 3-е, 4-е, 5-е (Челябинские) курганы	561	Исеть	8
Исаковские писаницы	487	Тура	7
Исетское озеро, стоянки, селища, городище и другие местонахождения	681	Исеть	8
Искер (Алафейское, Кучумово) городище	179	Иртыш	3
Искинские 1-е, 2-е, 3-е, 4-е, 5-е, 6-е городища	270—275	Тобол	5
Исса-Кала (Боровское) городище	284	Тобол	5
Истяцкий клад	188	Иртыш	3
Иткульские курганы	635	Исеть	8
Иткульские 1-е, 2-е городища	636, 637	Исеть	8
Ишимские находки	726	Ишим	9
Ишимский «клад», жертвенное место	96	Обь	1
Ишимский, Тарский и Тюкалинский округа, находки	218	Иртыш	3
Иштанская стоянка	98	Обь	1
Казаковские чудские копи	606	Исеть	8
Казан-Карагай (Боровской) курган	283	Тобол	5
Казаринские (Космаковские) курганы	611	Исеть	8
Казачий Мыс, курганы	730	Омь	10
Каинские (Куйбышевские, Савкинские) курганы	763	Омь	10
Каинский курган	764	Омь	10
Кайчакские курганы	84	Обь	1
Калинакский бугор	59	Обь	1
Калмацкий Брод, могильник	680	Исеть	8
Калмацкий Брод, стоянка	679	Исеть	8
Каменная, чудские копи	382	Тобол	5
Каменногорские 1-е, 2-е городища	631, 632	Исеть	8
Каменск-Уральские местонахождения	649	Исеть	8
Камовское (Карымпоспат урдат вож) местонахождение	246	Конда	4
Камышинская находка	366	Тобол	5
Камышинский курган	370	Тобол	5
Канчинский курган	287	Тобол	5
Канчинское городище	286	Тобол	5
Карабашские городища	404	Тавда	6
Карабольские курганы	626	Исеть	8
Карасульские курганы	714	Ишим	9
Карасье озеро, стоянка	685	Исеть	8
Карасье Первое озеро, стоянки	669	Исеть	8
Карбанский 1-й (Цитырлы) курган	278	Тобол	5

Название и вид памятника	№ памятника	Название раздела	№ раздела
Карбанский 2-й (Ятман) курган	279	Тобол	5
Каргалинские находки	690	Ишим	9
Карелинские (Чеворса-эта) бугры	57	Обь	1
Картымские курганы	267	Тобол	5
Картымское городище	266	Тобол	5
Карымкарские находки	29	Обь	1
Карымпоспат урдат вож (Камовское) местонахождение	246	Конда	4
Карымское городище	251	Конда	4
Каспактинские чудские копи	392	Тобол	5
Катайское городище	604	Исеть	8
Кашинские находки	663	Исеть	8
Кашинское городище	452	Тура	7
Каштакский (Кучумов) курган	123	Обь	1
Каштановская находка	124	Обь	1
Кваршинские писаницы	512	Тура	7
Киаровский курган	64	Обь	1
Кизнякеевская (Вознесенская) чудская копь	394	Тобол	5
Кизякаевская чудская копь	386	Тобол	5
Кимская (Усть-Кимская) стоянка	248	Конда	4
Кинтусовский могильник	36	Обь	1
Кинтусовское (Ar-jax-vas) городище	35	Обь	1
Кипельское селище	359	Тобол	5
Киргинцевский курган	189	Иртыш	3
Киселевская находка	181	Иртыш	3
Кисловские курганы	114	Обь	1
Китерминская (Саимская, Иковская) находка	202	Иртыш	3
Кичигинские (Пячиганские) чудские копи	378	Тобол	5
Кичигинские (Уиянские) чудские копи	376	Тобол	5
Кичигинские (Ячиганские) чудские копи	377	Тобол	5
Кишкинский курган	594	Исеть	8
Клевакинские находки	651	Исеть	8
Клюевский курган	718	Ишим	9
Ключевые курганы	7[illegible]0	Омь	10
Кодские курганы	551	Исеть	8
Коелгские (Коелшские) старые копи	379	Тобол	5
Козюлинские курганы	100	Обь	1
Козюлинское городище	99	Обь	1
Кокоповский курган	233	Иртыш	3
Кокоринские курганы	308	Тобол	5
Кокуйский курган	706	Ишим	9
Кокшаревская стоянка	526	Тура	7
Кокшаревские находки	525	Тура	7

Название и вид памятника	№ памятника	Название раздела	№ раздела
Коларовское 1-е (Шеломок) городище	118	Обь	1
Коларовское 2-е городище	119	Обь	1
Колбинские курганы	80	Обь	1
Колесовский курган	367	Тобол	5
Колмаковские (Абрамовские) курганы	760	Омь	10
Колмаковское (Арбамовское) городище	761	Омь	10
Калташихинские находки	493	Тура	7
Колыванская находка	73	Обь	1
Колюткинская находка и стойбище	660	Исеть	8
Кондинский сор (Алешкинские) находки	245	Конда	4
Коневское городище	496	Тура	7
Конеровский курган	68	Обь	1
Конеровское местонахождение	67	Обь	1
Кор-эт (Ласкины) курганы (?)	47	Обь	1
Корелские находки	494	Тура	7
Королёвский курган	702	Ишим	9
Космаковские (Казаринские) курганы	611	Исеть	8
Костинские курганы	226	Иртыш	3
Котельный курган	710	Ишим	9
Кочневские находки	652	Исеть	8
Кошелевское городище	158	Иртыш	3
Красногорские находки	536	Исеть	8
Красногорский курган	538	Исеть	8
Красногорский (Долгий) курган	539	Исеть	8
Красногорский (Черный) курган	540	Исеть	8
Красногорское (Змеево) городище	534	Исеть	8
Красногорское (Лизуново) городище	535	Исеть	8
Красноозерские курганы	206	Иртыш	3
Красноозерское городище	207	Иртыш	3
Красноярская стоянка	742	Омь	10
Красноярские (Мышайловские) курганы	741	Омь	10
Красноярское местонахождение	161	Иртыш	3
Криволуцкие находки	289	Тобол	5
Крошинские (Усть-Камышевские) курганы	317	Тобол	5
Крутихинские курганы	589	Исеть	8
Кугаевское городище	165	Иртыш	3
Кузнецовский (Меньшиковский) курган	320	Тобол	5
Куйбышевские (Каинские, Савкинские) курганы	763	Омь	10
Кукушевские чудские копи	387	Тобол	5

Название и вид памятника	№ памятника	Название раздела	№ раздела
Кулайские находки	70	Обь	1
Куланьинское (Городокское 3-е) городище	415	Тавда	6
Кулемесовский курган	264	Тобол	5
Куликовские курганы	328	Тобол	5
Култайские находки	154	Иртыш	3
Кунакбаевские курганы	622	Исеть	8
Кунакбаевские находки	623	Исеть	8
Кунарские находки	501	Тура	7
Куноватский «городок»	19	Обь	1
Курганские курганы	350	Тобол	5
Курганские находки	347	Тобол	5
Курганский (Царев большой) курган	348	Тобол	5
Курганский (Царев малый) курган	349	Тобол	5
Кусекоевские копи	393	Тобол	5
Кучумов (Каштакский) курган	123	Обь	1
Кучумово (Алафейское, Искер) городище	179	Иртыш	3
Кучумово укрепление (Ярковское) городище	180	Иртыш	3
Кушеватское городище	17	Обь	1
Кысы-Кульская стоянка	562	Исеть	8
Кысым-Тура (Усть-Вагайское) городище	186	Иртыш	3
Кыштымская находка кельтов	648	Исеть	8
Лагерное (Томское) городище	108	Обь	1
Лакоп-Тюсок (Мулешкинские) бугры	58	Обь	1
Ласкины (Кор-эт) курганы (?)	47	Обь	1
Лебезинский (Шмаковский) курган	356	Тобол	5
Лебяжья находка	368	Тобол	5
Lep-tit-ɔ'ka (Яны-пауль 1-е), жертвенное место	149	С. Сосва	2
Leng-ponk (Торопковский) могильник	33	Обь	1
Леушинские находки	28	Обь	1
Лизуново (Красногорское) городище	535	Исеть	8
Лизуновские курганы	537	Исеть	8
Липняговская находка	567	Исеть	8
Липовские писаницы	489	Тура	7
Липовское городище	490	Тура	7
Липовское городище	477	Тура	7
Липчинская стоянка	481	Тура	7
Лобмвожский курган	137	С. Сосва	2
Лобмвожское (Tāп-wārup-ēkwa) городище	138	С. Сосва	2
Лобутское городище	402	Тавда	6
Логиновские курганы	708	Ишим	9
Логиновское городище	707	Ишим	9
Локтинские курганы	345	Тобол	5
Луговской бугор	49	Обь	1
Лысая гора, находки и курганы	78	Обь	1
Люликарская стоянка	130	С. Сосва	2
Ляпинское (Щекурьинское) городище	146	С. Сосва	2
Макар-Висынг-тур (Саранпаульское 3-е) городище	144	С. Сосва	2
Максимовская находка	588	Исеть	8
Максимовские курганы	587	Исеть	8
Макушинский курган	324	Тобол	5
Малининские курганы	732	Омь	10
Мало-Атлымское городище	27	Обь	1
Мало-Кабаньевские курганы	720	Ишим	9
Мало-Камаганские курганы	334	Тобол	5
Мало-Киргизское (Городок) городище	104	Обь	1
Мало-Кызыловские курганы	620	Исеть	8
Мало-Маранские курганы	280	Тобол	5
Мало-Протопоповские курганы	110	Обь	1
Мало-Сосвинское городище	131	С. Сосва	2
Мамонов курган	343	Тобол	5
Mań-ńaslan-tūr (Саранпаульское 2-е) городище	143	С. Сосва	2
Мариинские курганы	743	Омь	10
Мариинский округ, находки	94	Обь	1
Марковские курганы	758	Обь	10
Медведь-Камень, местонахождение	520	Тура	7
Медовщиковские курганы	212	Иртыш	3
Медовщиковские находки	213	Иртыш	3
Медовщиковское поселение	214	Иртыш	3
Медянское городище	276	Тобол	5
Мезенские курганы	455	Тура	7
Мелкое озеро, стоянки	677	Исеть	8
Мендерский курган	333	Тобол	5
Меньшиковский (Кузнецовский) курган	320	Тобол	5
Меньщиковские 1-е, 2-е курганы	360, 361	Тобол	5
Митрофановская находка	76	Обь	1
Могилевские находки	568	Исеть	8
Могилянские курганы	223	Иртыш	3
Мокрая Яма (Иртяшское 3-е, Новая Деревня) городище	642	Исеть	8
Молчановское городище	476	Тура	7

Название и вид памятника	№ памятника	Название раздела	№ раздела
Улугушская крепость . .	600	Исеть	8
Уна-Пай (Белогорский) могильник	30	Обь	1
Уральский курган	401	Тавда	6
«У стрелки» (Горбуновская) стоянка	517	Тура	7
Ус-пёл (Тоболдинское) городище	133	С. Сосва	2
Успенские курганы	448	Тура	7
Устиповский курган (?) .	53	Обь	1
Усть-Аньинское (Аньинское) городище	132	С. Сосва	2
Усть-Барандатские курганы	85	Обь	1
Усть-Вагайское (Кысым-Тура) городище	186	Иртыш	3
Усть-Вагильское городище	428	Тавда	6
Усть-Ишимские (Эбаргульские) курганы . . .	196	Иртыш	3
Усть-Ишимские находки	195	Иртыш	3
Усть-Камышевские (Крошинские) курганы . . .	317	Тобол	5
Усть-Карабольские курганы	614	Исеть	8
Усть-Кимская (Кимская) стоянка	248	Конда	4
Усть-Куренгинские находки	200	Иртыш	3
Усть-Миасские курганы .	555	Исеть	8
Усть-Мурзинские находки	461	Тура	7
Усть-Ницинские курганы	483	Тура	7
Усть-Полуйское городище	4	Обь	1
Усть-Суерские курганы .	306	Тобол	5
Усть-Таркинские курганы	729	Омь	10
Усть-Тартасские (Венгеровские) курганы . . .	738	Омь	10
Устьянцевский курган . .	759	Омь	10
Утятский курган	364	Тобол	5
Ушьинская стоянка . . .	254	Конда	4
Федоровские (Челябинские) курганы	561	Исеть	8
Фирсовский клад	712	Ишим	9
Хальтюкинские курганы	508	Тура	7
Ханский (Доможировский) курган	327	Тобол	5
Ханское (Саусканское) кладбище	178	Иртыш	3
Хара-Патка, стоянка . . .	18	Обь	1
Хар-Сойм, могильник . .	6	Обь	1
Хар-Сойм, стойбище . . .	5	Обь	1
Хохловатский курган . . .	323	Тобол	5
Хохловатский курган . .	351	Тобол	5
Хулюм-Сунт, стоянка . .	147	С. Сосва	2
Царев большой (Курганский) курган	348	Тобол	5
Царев малый (Курганский) курган	349	Тобол	5
Цингалинское городище .	155	Иртыш	3
Цитырлы (Карбанский 1-й) курган	278	Тобол	5
Чебаркульское (Янычковское) городище . . .	403	Тавда	6
Чеворса-эта (Карелинские) бугры	57	Обь	1
Чекрушевские курганы .	205	Иртыш	3
Чекуровские курганы . .	618	Исеть	8
Чекуровские находки . .	619	Исеть	8
Чекуровское городище .	617	Исеть	8
Челноковский курган . .	693	Ишим	9
Челябинские (Алакульские, Исаковские 1-е, 2-е, 3-и, 4-е и 5-е, Першинские, Пивкинские, Синеглазовские, Смолинские 1-е и 2-е, Сосновские 1-е, 2-е и 3-и, Сухомесовские, Федоровские, Черняковские, 1-е, 2-е и 3-и, Чуриловские) курганы	561	Исеть	8
Червишевские курганы .	447	Тура	7
Черданцевская находка .	662	Исеть	8
Чердатский клад	95	Обь	1
Черемисские курганы . .	571	Исеть	8
Черемховские находки .	650	Исеть	8
Чернавские 1-е, 2-е городища	421, 422	Тавда	6
Черная Устья, чудские копи	380	Тобол	5
Чернильщиковские курганы	102	Обь	1
Черновская находка . . .	370	Тобол	5
Черновский курган . . .	371	Тобол	5
Чернолучьинские курганы	229	Иртыш	3
Чернореченское 1-е, 2-е, 3-е городища.	449—451	Тура	7
Черные юрты, курганы .	115	Обь	1
Черный бугор	50	Обь	1
Черный (Красногорский) курган.	540	Исеть	8
Черный ключ (Арамильская) стоянка	668	Исеть	8
Черняковские 1-е, 2-е и 3-и (Челябинские) курганы	561	Исеть	8
Чесноковская стоянка . .	629	Исеть	8
Чесноковские курганы . .	630	Исеть	8
Чесноковский (Пименовский) курган	354	Тобол	5

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АНИИ ГУСМП — Арктический научно-исследовательский институт Главного управления Северного морского пути
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей в Москве
ЖМВнД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАК — Известия археологической комиссии
ИАН — Известия Академии Наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИРАО — Известия Русского археологического общества
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КПИИИМК — Комитет полевых исследований Института истории материальной культуры
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград)
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
О-во ЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии, этнографии при Московском университете
ОИФ — Отделение истории и философии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Российское географическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТГУ — Томский государственный университет
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт
ТПАК — Труды Пермской архивной комиссии
ESA — Evrasia septentrionalis antiqua
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

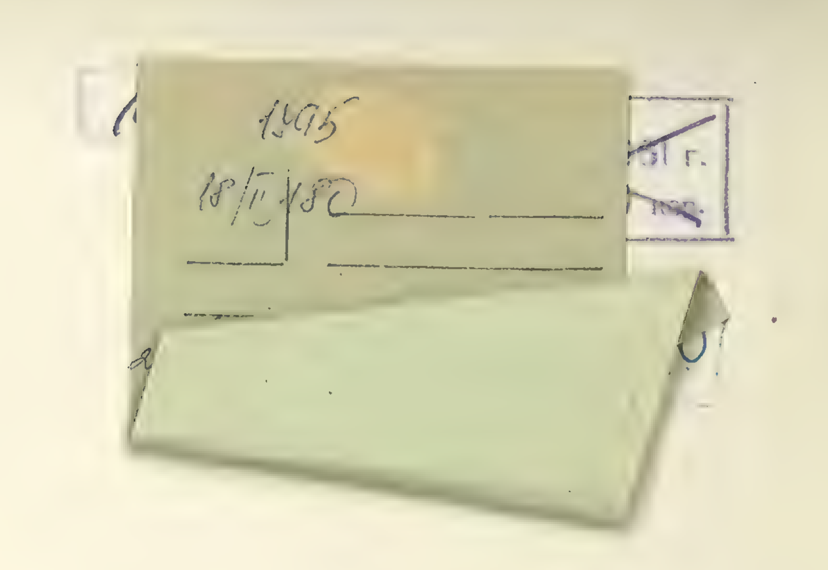
*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

*

РИСО АН СССР № 5158. Т-07699. Издат. № 379
Тип. заказ № 1228. Подп. к печ. 20/XI 1953 г.
Формат бум. $84 \times 108^1/_{16}$ Печ. л. 36,9+8 вкл.
Уч.-издат. 38,7 + 1,5 л. вкл. Тираж 2000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 27 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10



18/II 1980
г.
коп.

Табл. 3 а

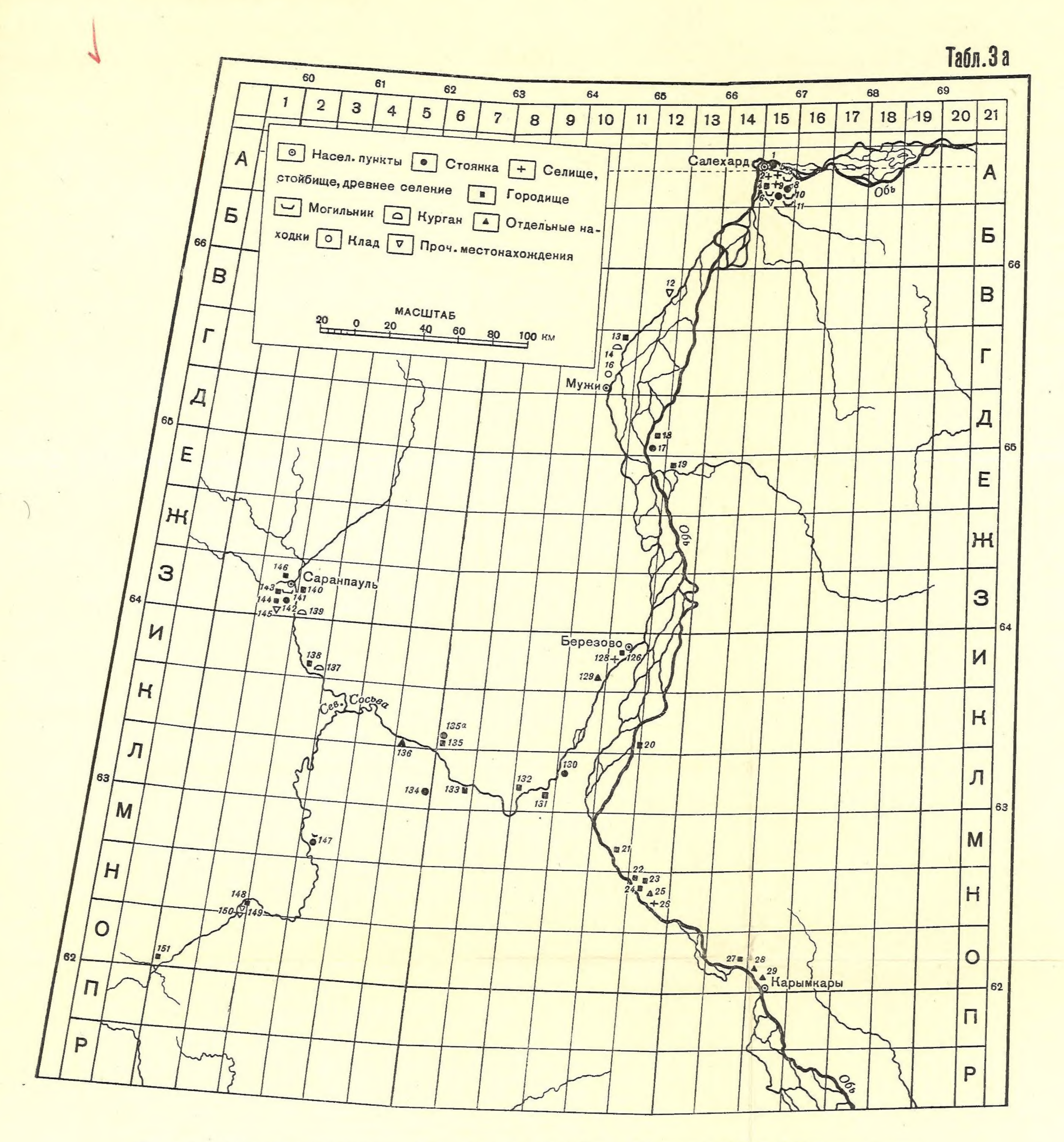


Схема расположения археологических памятников в бассейне р. Оби между 61°20′—67°00′ сев. широты и 59°30′—69°30′ вост. долготы

№ памятников: 1—29 (Обь); 126—151 (Северная Сосва)

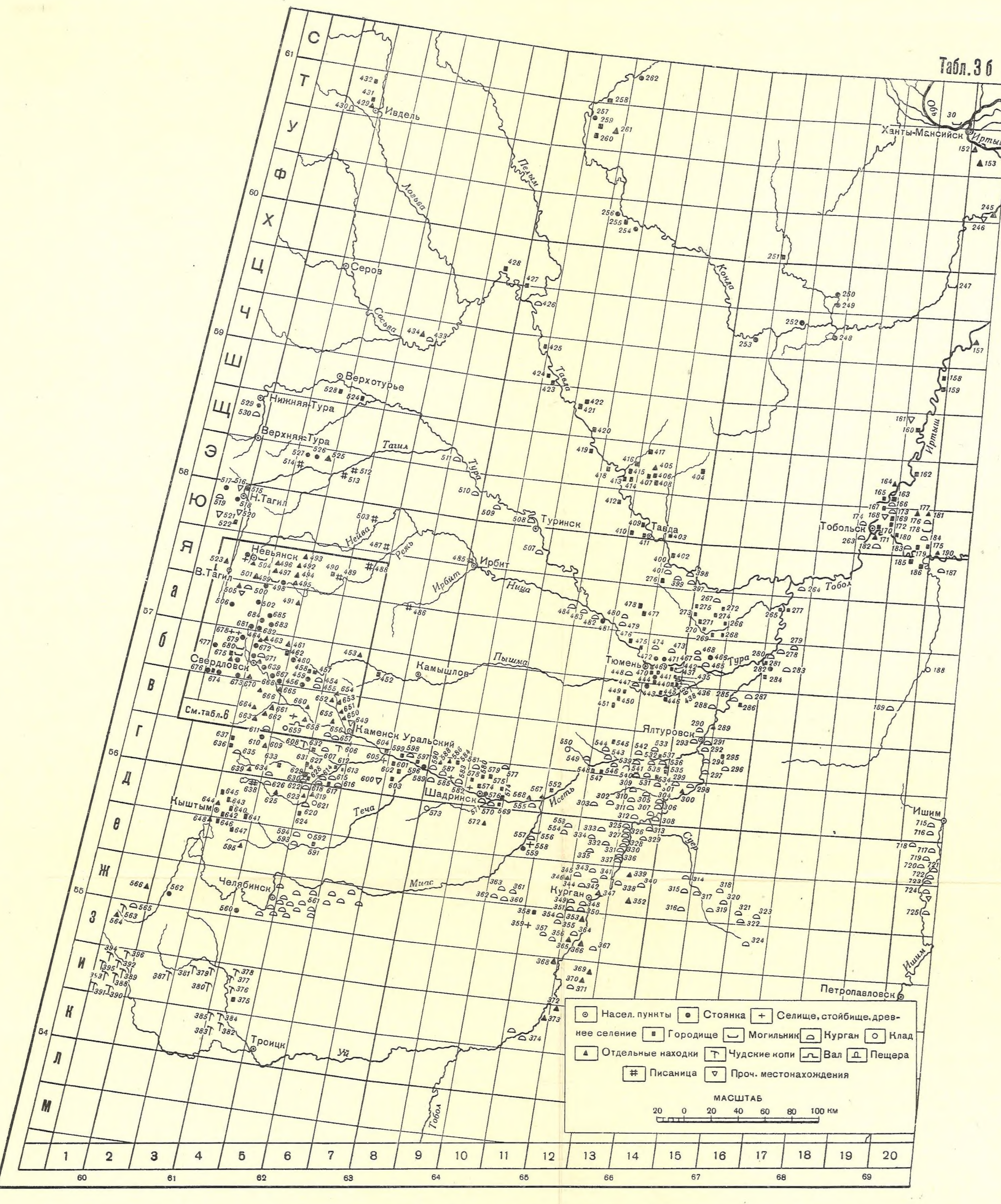


Схема расположения археологических памятников в бассейне р. Оби между 54°00′—61°20′ сев. широты и 59°30′—69°30′ восточной долготы

№ памятников: 30 (Обь); 152—153, 157—190 (Иртыш); 245—262 (Конда); 263—385, 387—396 (Тобол); 397—434 (Тавда); 435—530 (Тура); 531—550, 552—685 (Исеть); 715—725 (Ишим)

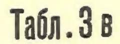


Схема расположения археологических памятников в бассейне р. Оби между 54°00′ — 61°20′ сев. широты и 69°30′—79°00′ вост. долготы

№ памятников 31—40, 42—43 (Обь); 154—156, 191—216, 219—244 (Иртыш); 686—714 (Ишим); 727—766 (Омь)